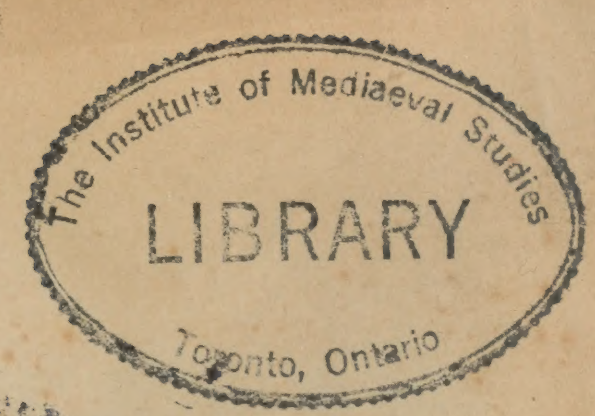

ОПЫТЫ

И

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

ПЕРВЫЙ СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

В. Ключевскаго.

Типографіи:

Московскаго Городского Арнольдо-Третьяковскаго
Училища Глухонѣмыхъ
(листы 1—19 текста)
и
П. П. РЯБУШИНСКАГО.

Настоящее изданіе собранія статей В. О. Ключевскаго разсчитано на три тома. Планъ и названія двухъ первыхъ томовъ были составлены самимъ авторомъ. Въ первый томъ включены «Опыты и изслѣдованія». Во второй войдутъ «Очерки и рѣчи». Остальныя статьи составятъ третій томъ. Уже по отпечатаніи настоящаго тома въ бумагахъ Василія Осиповича были найдены дополнительныя замѣтки, сдѣланныя имъ послѣ того, какъ соотвѣтствующія статьи впервые появились въ печати. Трудъ пересмотра этихъ замѣтокъ, составленіе введенія и примѣчаній къ нимъ принялъ на себя одинъ изъ ближайшихъ учениковъ покойнаго историка.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Хозяйственная дѣятельность Соловецкаго монастыря въ Бѣломорскомъ Краѣ*).

Въ началѣ XV вѣка подвизался въ монастырѣ Кирилла Бѣлозерскаго инокъ Савватій. Суровые подвиги его привлекли къ нему вниманіе и удивленіе игумена и братіи. Боязнь людской славы встревожила подвижника, искавшаго уединенія и безмолвія, и онъ сталъ прислушиваться къ разсказамъ пришельцевъ о далекомъ, пустынномъ островѣ на озерѣ Нево, объ обители на этомъ островѣ, въ которой иноки, „въ неослабномъ житіи", трудятся своими руками и этимъ трудомъ добываютъ себѣ необходимую пищу. Людна и шумна показалась Савватію Бѣлозерская пустыня, и онъ ушелъ на Валаамскій островъ. Но людская слава и тамъ неразлучно сопутствовала его подвигамъ и не давала ему покоя въ новой пустынѣ, а между тѣмъ до него сталъ доходить разсказъ про другой островъ, еще болѣе чудный и пустынный, на морѣ океанѣ, искони не имѣвшій не только мірского, но и иноческаго жилья. Съ силами, испытанными и укрѣпленными многолѣтнимъ подвигомъ въ двухъ обителяхъ, оставилъ онъ Валаамъ и направился къ студеному морю. Прибрежные русскіе поселенцы встрѣтили изумленіемъ и насмѣшками предпріятіе старца, „во всякой убожественной нищетѣ" задумавшаго поселиться на далекомъ безлюдномъ островѣ; но это не смутило его. На пустынной рѣкѣ Выгу, у часовни, онъ нашелъ подобнаго себѣ подвижника пустыни, инока Германа. Перебравшись на

[1]) Московскія Университетскія Извѣстія. 1867—68. № 7.

Соловецкій островъ, они поселились тамъ, выстроивъ себѣ кельи. Шесть лѣтъ прожили они одни на островѣ. Недостатокъ пищи заставилъ Германа отправиться на поморскій берегъ; вслѣдъ за нимъ и Савватій покинулъ островъ и скоро скончался у прежней часовни на Выгу. Память современниковъ не сохранила извѣстія ни о мѣстѣ рожденія и родителяхъ, ни даже о времени постриженія Савватія, и въ самомъ началѣ XVI вѣка жизнеописатель его ничего не могъ узнать объ этомъ отъ людей, между которыми хранились еще свѣжія преданія о первыхъ обитателяхъ Соловецкаго острова. Но пустынные труды Савватія и кельи, поставленныя имъ вмѣстѣ съ Германомъ на Соловецкомъ островѣ, не остались забытыми. Черезъ годъ послѣ его смерти пришелъ въ Поморье другой искатель пустыни, Зосима, гонимый мірскимъ шумомъ; на рѣкѣ Сумѣ нашелъ онъ того же старца Германа и, выслушавъ повѣсть о Савватіи, мужественно пошелъ по проложенному имъ трудному пути.

Монастырь основался. Вмѣстѣ съ нимъ возникъ центръ и двигатель разнообразной дѣятельности въ окружающемъ его Бѣломорскомъ краѣ.

Еще на Валаамѣ Савватію разсказывали, что на Соловецкомъ островѣ, удаленномъ на два дня пути отъ земли, отъ жилыхъ мѣстъ, много озеръ, богатыхъ рыбой, вокругъ этого острова много рыбныхъ ловищъ, которыя, по временамъ, случайно посѣщали одинокіе рыболовы; что этотъ островъ богатъ лѣсами, вершины горъ и долины покрыты высокими соснами, годными для построекъ, и другими деревьями, что въ этихъ лѣсахъ въ изобиліи растутъ различныя ягоды. Разсказчики заключали, что островъ „добръ и благодаренъ къ сожитію человѣчества по всему“ [1]). Кар-

[1]) Житіе Зосимы и Савватія, рукопись Синод. библіотеки, № 91. Главнымъ матеріаломъ настоящаго очерка, кромѣ этого житія, служилъ рукописный сборникъ соловецкихъ грамотъ, который находится въ Соловецкой библіотекѣ, принадлежащей теперь (1866) Казанской духовной академіи, №№ 18, 19 и 20.

тина такого острова могла плѣнить подвижника пустыни и безмолвія; но другіе разсказы услышалъ онъ отъ поселенцевъ, жившихъ по берегу моря „прямо противъ острова“. Ему сказали здѣсь, что тотъ островъ великъ и имѣетъ „всякаго устрою человѣческаго житія“, но много лѣтъ многіе пытались не разъ поселиться тамъ и не могли прожить долго „страха ради морскія нужа“. Уже по основаніи монастыря, когда братія просила игумена у новгородскаго архіепископа, послѣдній въ недоумѣніи говорилъ: „Вашъ монастырь стоитъ такъ далеко отъ людей; кто пойдетъ туда, и какъ церкви тамъ быть, въ сосѣдствѣ съ землею Мурманской и Каянской?“

Въ такой суровой глуши, гдѣ не живало человѣка, „отнелѣже и солнце въ небеси“, по выраженію житія, возникла обитель, и благодаря нравственнымъ силамъ своихъ основателей побѣдила трудности, пугавшія новгородскаго архіепископа и прибрежныхъ русскихъ поселенцевъ. Но возникши вдали отъ людей, она завязывала все болѣе и болѣе тѣсныя связи съ прибрежьемъ, обитатели котораго такъ непривѣтливо встрѣтили начинаніе ея основателей. Завоевавъ у природы брошенный людьми островъ, монастырь показалъ примѣръ и много помогъ въ дѣлѣ подобнаго же завоеванія пустынной страны русскому человѣку, пришедшему на Корельское и Лопское поморье.

Во время основанія монастыря многія изъ тѣхъ чертъ, которыми описывали Савватію Соловецкій островъ, были уже неприложимы къ поморскому берегу, огибающему островъ съ сѣвера, запада и юга. Смѣлыя дружины новгородскихъ купцовъ и промышленниковъ давно знакомы были съ отдаленными сѣверными краями Заволоцкой Чуди и Корелы. Въ житіи Зосимы и Савватія, еще до основанія и по основаніи монастыря, мы не разъ встрѣчаемъ новгородскихъ гостей, которые плавали по Бѣлому морю, добывая рыбу и морского звѣря, или скупая этотъ товаръ у прибрежныхъ жителей. Но за этими временными посѣтителями

Бѣломорскаго края въ населеніи его ясно обозначаются, въ эпоху основанія монастыря, болѣе прочные и постоянные элементы. Изъ этихъ элементовъ на первомъ планѣ стоитъ туземный, который составляли давніе обитатели нынѣшняго Поморскаго, Корельскаго и терскаго прибрежья — корелы. Въ житіи Соловецкихъ чудотворцевъ и въ новгородскихъ грамотахъ XV вѣка они обозначаются именемъ корельскихъ людей, корольскихъ дѣтей. Новгородцы XV вѣка различали въ этомъ финскомъ поморскомъ населеніи пять родовъ корельскихъ дѣтей, въ сосѣдствѣ съ которыми далѣе къ сѣверу и вглубь страны обитала лопь. Эти „корельскія дѣти“ жили разбросанно на всемъ протяженіи Бѣломорскаго прибрежья отъ рѣки Варзуги до рѣки Сумы и далѣе къ востоку и считались собственниками, вотчинниками занятыхъ ими здѣсь земель; встрѣчаемъ въ грамотахъ XV вѣка указанія на земли, „куда ходятъ корельскія дѣти“ или „куда владѣютъ вотчинники корельскія дѣти“. Они считали даже себя ближайшими собственниками еще незанятыхъ земель, какихъ въ XV вѣкѣ много было въ Бѣломорскомъ краѣ. Когда Савватій поселился съ Германомъ на Соловецкомъ островѣ, корелы ближайшаго къ острову прибрежья присвояли себѣ преимущество предъ пришлыми иноками въ правѣ на владѣніе этимъ островомъ. Но рядомъ съ этими туземными элементами поморскаго населенія, во время основанія монастыря выступаетъ другой элементъ, пришлый, обозначаемый именемъ людей насельниковъ которые жили между родами корельскихъ людей такъ же разсѣянно, какъ и послѣдніе. Основаніе обители застало край въ тотъ любопытный моментъ, когда его финское разбросанное населеніе начинало болѣе и болѣе перемѣшиваться съ пришлымъ русскимъ населеніемъ, легко уступая ему мѣсто среди своихъ рѣдкихъ жилищъ, на обширныхъ пустошахъ остававшихся еще незанятыми. Задолго до основанія монастыря началось это движеніе; по прибрежью, преимущественно

въ низовьяхъ многочисленныхъ порожистыхъ рѣкъ, пересѣкающихъ западный берегъ Бѣлаго моря, возникали одинъ за другимъ поселки новгородскихъ промышленниковъ, привлеченныхъ сюда прибыльными рѣчными и морскими промыслами. Между соловецкими грамотами XV вѣка мы имѣемъ нѣсколько грамотъ новгородцевъ на владѣніе пріобрѣтенными ими въ Бѣломорскомъ краѣ землями; эти грамоты, переданныя потомъ въ распоряженіе монастыря вмѣстѣ съ землями, бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на то, какой степени развитія достигла новгородская колонизація въ томъ краѣ къ половинѣ XV вѣка, къ первымъ годамъ существованія монастыря, кто были главные двигатели ея и каковъ былъ составъ русскаго населенія, занимавшаго край. Главными пріобрѣтателями земель въ Поморьѣ видимъ именитыхъ новгородскихъ людей. Встрѣчаемъ указаніе на четыре сельца на Бобровой горѣ, принадлежавшія новгородскому архіепископу. Занимаютъ земли и покупаютъ прежде занятыя другими посадники, бояре и другіе богатые люди Новгорода. Около половины XV вѣка многіе имѣли тамъ отчины; у нѣкоторыхъ были уже отчины и дѣдины. Къ числу самыхъ значительныхъ землевладѣльцевъ Поморья въ послѣдніе годы новгородской вольности принадлежали Борецкіе: знаменитой Марѳѣ Посадницѣ только по рѣкамъ Сумѣ и Выгу принадлежало 19 деревень, которыя въ писцовыхъ книгахъ 1496 г. обозначаются еще именемъ Марѳинскихъ Исаковыхъ. Всѣ эти богатые новгородскіе люди высылали въ Поморье, на занимаемыя ими земли, своихъ рабовъ или вольныхъ поселенцевъ рабочихъ, бобылей, козаковъ: это были первые, по крайней мѣрѣ наиболѣе значительные по количеству, новгородскіе колонисты Бѣломорскаго края. Боярскіе рабы и насельники, при жизни основателей Соловецкаго монастыря, постоянно указываются въ житіи рядомъ съ туземцами, корелами и лопью, какъ второй элементъ поморскаго населенія. Боярскіе рабы пріѣзжали къ острову на рыбныя ловли: они же вмѣстѣ съ

корельскими людьми старались выжить съ острова поселившихся на немъ иноковъ, говоря имъ: „островъ по отечеству наслѣдіе нашихъ бояръ". Наконецъ, кромѣ боярскихъ рабовъ и вольныхъ поселенцевъ, селившихся на чужихъ земляхъ, сквозь неясныя выраженія новгородскихъ грамотъ XV вѣка можно разсмотрѣть и третій разрядъ людей въ составѣ русскаго населенія Бѣломорскаго края: это поселенцы собственники, на себя пріобрѣтавшіе земли въ Поморьѣ и селившіеся на нихъ. Такъ вотчинникъ Маркъ изъ Варзуги далъ монастырю вотчину на рѣкахъ Умбѣ и Варзугѣ, по морскому берегу. Иные компаніями, вдвоемъ, втроемъ, покупали въ Поморьѣ землю и селились на ней [1]).

Земельныя новгородскія владѣнія XV вѣка въ Бѣломорскомъ краѣ, какъ они описываются въ указанныхъ выше грамотахъ, носятъ на себѣ одну любопытную характеристическую черту, живо объясняющую порядокъ и способъ заселенія новгородцами того края. Большая часть новгородскихъ вотчинъ въ Поморьѣ, даже у мелкихъ собственниковъ, не представляла сколько-нибудь округленныхъ земельныхъ владѣній, сосредоточенныхъ въ одной мѣстности, а состояла изъ многихъ раздробленныхъ, мелкихъ участковъ, разсѣянныхъ по прибрежнымъ островамъ, по морскому берегу и по рѣкамъ морскимъ, какъ выражаются грамоты, часто на огромномъ разстояніи другъ отъ друга. У одного владѣльца, напримѣръ, вотчина состояла изъ участковъ у „Золотца (порога на рѣкѣ Выгу), и въ Шуѣ рѣкѣ, и въ Кеми рѣкѣ, и въ Корелѣ между пятью родовъ и по всѣмъ рѣкамъ морскимъ", другіе владѣльцы, три брата, купили два участка, которые были разсѣяны на Поморьѣ по морскимъ рѣкамъ и по лѣшимъ озерамъ, по Кеми, между корелою, куда всѣ пять родовъ владѣютъ; а между тѣмъ за эти участки, такъ неопредѣленно обозначаемые, покупщики заплатили 8 со-

[1]) Сборникъ соловецкихъ грамотъ, 18, грам. № 5.

роковъ бѣлки да рубль серебра — цѣна не очень крупнаго владѣнія сравнительно съ цѣнами другихъ владѣній, встрѣчаемыми въ тѣхъ же грамотахъ. Еще болѣе разбросаны были крупныя владѣнія: встрѣчаемъ отчину и дѣдину, купленную новгородскимъ посадникомъ за полчетверта рубля, которая состояла изъ участковъ „на морѣ. на Выгу, и въ Шуѣ рѣкѣ, и въ Кеми рѣкѣ, и на Кильбостровѣ, и по морскому берегу, и по обѣимъ сторонамъ Понгамы рѣки, и по лѣшимъ озерамъ“, т.-е. тянулась отдѣльными участками на длинномъ пространствѣ нынѣшняго Поморскаго берега и далеко уходила въ Корельскій берегъ. Новгородскій промышленникъ занималъ самъ или своими рабами и вольными крестьянами участокъ у моря на прибрежномъ островѣ, на приморской рѣкѣ или озерѣ и строилъ здѣсь дворъ; при дальнѣйшемъ движеніи онъ переходилъ на другое прибрежное мѣсто, на другую приморскую рѣку, занималъ тамъ другой такой же участокъ, не обращая никакого вниманія на промежуточныя пространства, вдали отъ моря, между впадающими въ него рѣками, ибо они не представляли ему прибыльныхъ промысловъ и угодій. Границы занимаемыхъ такимъ образомъ земель не вездѣ обозначались, ибо не вездѣ встрѣчались съ границами земель другихъ владѣльцевъ. Такой порядокъ занятій земель, такая разбросанность поселеній условливались главнымъ образомъ свойствами Поморскаго края. Глухое, суровое Поморье манило къ себѣ русскаго поселенца преимущественно своими обильными рыбою „лѣшими“ озерами и „морскими“ рѣками, своимъ моремъ, доставлявшимъ промышленнику соль и опаснаго, но прибыльнаго морского звѣря. Въ поземельныхъ описяхъ, какія представляютъ новгородскія грамоты XV вѣка, сохраненныя монастыремъ, даже повторяется однообразный перечень одниxъ и тѣхъ же угодій и промысловъ, разрабатывавшихся на занятыхъ поселенцами земляхъ Поморья. Чрезвычайно рѣдко упоминается въ этихъ описяхъ поморскихъ земель „страдомая“ или „орамая

земля" [1]): скудное земледѣліе по Поморскому берегу, ограничивающееся сѣяніемъ почти одного только ячменя, и нынѣ идетъ немного сѣвернѣе Кеми; дальше не родится уже никакой хлѣбъ. За исключеніемъ этихъ рѣдкихъ указаній на страдомыя земли, во всѣхъ описяхъ повторяются одни и тѣ же угодья и промыслы: земли (нестрадомыя) и воды, рыбныя ловища и тони по морскому берегу, по лѣшимъ озерамъ или морскимъ рѣкамъ, лѣсъ полѣшій или—въ противоположность ему — страдомый, наконецъ пожни; въ нѣкоторыхъ присоединяются ко всему этому еще сала морскія. На этихъ-то прибрежныхъ, рѣчныхъ и морскихъ земляхъ, съ развитіемъ новгородской колонизаціи въ Бѣломорскомъ краѣ, возникали промышленные поселки, или страдомыя деревни, заселявшіяся боярскими рабами или вольными насельниками. Около половины XV вѣка эти поселки еще сохраняли на себѣ свѣжіе слѣды своего недавняго появленія въ пустынномъ краѣ: разбросанные рѣдкими точками на далекихъ другъ отъ друга пунктахъ, они были бѣдны и поселенцами, и хозяйственными постройками. Въ деревнѣ Маѳы Посадницы на рѣкѣ Сумѣ жили только два бобыля. У другого владѣльца на уступленныхъ имъ монастырю земляхъ по рѣкамъ Выгу, Шуѣ, Кеми и другимъ находился всего одинъ дворъ съ хоромами. У одного вотчинника въ Великокурьѣ, при морѣ, былъ въ вотчинѣ городецъ подъ горою и ворище. Среди этихъ разбросанныхъ поселковъ, къ половинѣ XV вѣка, начали уже появляться мѣстные центры, которыми служили „молитвенные храмы“, или часовни, возникавшіе у моря, на рѣкахъ, въ мѣстностяхъ наиболѣе заселенныхъ русскими колонистами. Такъ была часовня на рѣкѣ Выгу, при впаденіи въ нее рѣки Сороки;

---

[1]) Изъ 35 или 36 земельныхъ владѣній, пріобрѣтенныхъ Соловецкимъ монастыремъ до начала XVI вѣка на Поморскомъ, Корельскомъ и Терскомъ берегу, только въ четырехъ указываются страдомыя или орамыя земли и эти владѣнія всѣ были на Поморскомъ берегу. Сборникъ соловецкихъ грамотъ, №№ 2—5.

при ней Савватій нашелъ одиноко-жившаго старца Германа, который, можетъ быть, и поставилъ ее. Среди Сумскихъ деревень Мароы Посадницы, у рѣчной пристани, куда заходили съ моря суда промышленниковъ, также была часовня, у которой жили два поселенца ближней деревни. Къ этимъ часовнямъ изрѣдка заходили странствующіе иноки—священники „посѣщенія ради ту православныхъ христіанъ", по выраженію житія Соловецкихъ чудотворцевъ, — и тогда изъ окрестныхъ деревень приходили сюда русскіе поселенцы по своимъ духовнымъ требамъ. Сюда же заходили и новгородскіе гости, плававшіе по Бѣлому морю, останавливались подлѣ часовни въ шатрахъ, и поклонившись въ часовнѣ святымъ образамъ, оставляли здѣсь какіе-нибудь вклады. [1]) Но о церквахъ въ Поморскихъ поселеніяхъ нѣтъ и намека до основанія монастыря; онѣ стали строится уже монастыремъ, подъ вліяніемъ его просвѣтительныхъ стремленій.

Таковы были элементы населенія, среди котораго и на которое приходилось дѣйствовать монастырю; такова была почва, на которой предстояло ему развить свою широкую хозяйственную дѣятельность. Около половины XV вѣка, русско-христіанская жизнь, занесенная сюда, въ среду финскаго язычества, русскими поселенцами, проявлялась еще очень слабо и робко. Въ непривѣтливомъ Корельскомъ краѣ русскому населенію, которое заходило сюда, по привычной сѣверной дорогѣ, съ топоромъ, косой и мережей, со скудными средствами, нелегко было собрать въ себѣ и вызвать къ дѣятельности столько силъ, чтобы возсоздать на новой, чуждой почвѣ главныя основы жизни, выработавшіяся на родномъ, давно насиженномъ мѣстѣ. Лѣтъ черезъ сто по основаніи Соловецкаго монастыря, когда его значеніе для края выяснилось уже многими результатами, составитель похвальныхъ словъ его основателямъ говорилъ о движеніи русскихъ къ

[1]) Житіе Зосимы и Савватія по указан. рукописи, листъ 284.

Поморью, предшествовавшемъ основанію монастыря: „Много слышалось имъ (финскимъ туземцамъ Поморья) и древле христіанское имя, но не познали они благоразумія христіанскаго; ибо многіе христіане обращались между ними, но только ради *тлѣннаго* и *суетнаго прибытка*, продавая и покупая мертвенные животы, но ни единымъ словомъ не старались какъ бы показать тѣмъ людямъ многоцѣнный бисеръ... Такъ эти христіане приходили къ Лопи праздными въ благовѣстіи, пока не пришелъ къ ней *носитель вѣры*“ [1]). Въ этихъ словахъ есть намекъ на то, чего не доставало, чтобы обезпечить за русско-христіанской жизнью успѣшное развитіе въ сѣверномъ Поморьѣ. Не доставало дѣятеля, который выступилъ бы во имя болѣе высокихъ и многостороннихъ интересовъ, чѣмъ тѣ, съ какими пришли туда промышленные поселенцы, который, ставъ средоточіемъ для края, могъ бы этими интересами сблизить и объединить разсѣянныя силы финскаго и русскаго населенія и привлечь туда новыя. Такова роль, которая предстояла обители, возникшей на островѣ Бѣлаго моря. Въ исторіи этой обители матеріальная дѣятельность ея иноковъ является въ такомъ тѣсномъ соединеніи съ нравственной, что одна вездѣ неразлучно сопутствуетъ другой.

Много тяжелыхъ минутъ пережила обитель въ первое время своего существованія. Возникнувъ на дикомъ островѣ, среди лишеній, она встрѣтила вражду и зависть въ прибрежномъ, и русскомъ, и финскомъ населеніи. Но въ то время какъ своею просвѣтительною дѣятельностью она создавала себѣ нравственный авторитетъ, который могъ бы защитить ее отъ враждебныхъ силъ, она на скудной почвѣ острова приготовлялась къ труду мирнаго завоеванія нетронутыхъ или мало тронутыхъ средствъ Бѣломорскаго края. Уже первые поселенцы острова, старецъ Германъ съ Сав-

---

[1]) Прав. Соб. 1859 г., № 6: „Слово черноризца Зиновія“, стр. 237—238.

ватіемъ, а потомъ съ Зосимой, познакомили почву острова съ земледѣльческимъ орудіемъ: „землю копали мотыками и тѣмъ питались“,—говоритъ о нихъ житіе. Но, можетъ быть, не разъ повторялись съ ними случаи, подобные описанному въ житіи, когда „мало не доставши ему (Зосимѣ) пища, и о семъ поусумнѣся мало помысломъ“. Собравшаяся братія усвоила себѣ занятія основателей обители: такъ началась первая разработка средствъ, какія представляла природа острова. Данная Соловецкому игумену Іонѣ властями Великаго Новгорода грамота (около 1450 г.), укрѣплявшая за монастыремъ право на владѣніе Соловецкими островами, перечисляетъ эти средства: „въ тѣхъ островахъ (пожаловалъ Новгородъ игумена и братію) землею и ловищами и тонями, пожнями и лѣшими озеры, *земля имъ дѣлати* и пожне косити, и лѣшіе озера и тонѣ ловити доброволно“ [1]). Изъ той же грамоты видно, что около Соловецкихъ островов производилась ловля морского звѣря, доставлявшаго сало и кожу. Если въ этой новгородской грамотѣ между угодьями упоминается просто земля, которую монастырь получалъ право воздѣлывать, то въ великокняжеской жалованной монастырю грамотѣ 1479 года на владѣніе тѣми же островами сверхъ простой, необработываемой земли съ прежними угодьями обозначается и новая статья—„страдомая земля“. Но хлѣбъ не родится на Соловецкомъ островѣ, и земля обработывалась только подъ огородные овощи. Житіе Соловецкихъ чудотворцевъ рисуетъ намъ хозяйственныя занятія первыхъ иноковъ, къ нимъ собравшихся: „землю копали и деревья на постройки монастырскія готовили, также множество дровъ рубили, и воду изъ моря черпали и соль варили, и продавали ее купцамъ и брали отъ нихъ всякое орудіе, потребное монастырю. И въ другихъ работахъ трудились и рыбную ловлю творили, и такъ отъ своихъ потовъ и трудовъ кормились“.

[1]) Лѣтоп. Солов., 1815 г., стр. 7 и 8.

Но сила вещей вызывала пустынножителей на болѣе широкое поприще. Съ одной стороны, высокій авторитетъ основателей привлекалъ въ обитель нравственныя силы изъ далекихъ краевъ, и скудныя средства, которыя можно было извлечь изъ острововъ, становились недостаточны для умножавшейся братіи. Съ другой стороны, не всѣ русскіе люди отнеслись къ возникшей среди моря иноческой общинѣ, какъ боярскіе рабы Поморья. Новгородъ, давно двинувшій свои промышленныя дружины въ тотъ край для присоединенія его къ русско-христіанскому міру, чувствовалъ, какое значеніе можетъ имѣть въ этомъ дѣлѣ монастырская община, появившаяся въ краѣ съ интересами и стремленіями, какихъ не могли принести съ собой туда промышленные поселенцы,—и житіе, разсказывая о двухъ путешествіяхъ Зосимы въ Новгородъ, каждый разъ прибавляетъ, что многіе изъ бояръ дали монастырю довольно имѣнія, церковныхъ сосудовъ одеждъ, серебра и жита, и обѣщались во всемъ помогать обители. Подъ вліяніемъ этихъ двухъ причинъ начинается любопытный процессъ сосредоточенія въ рукахъ Соловецкаго братства обширныхъ и многочисленныхъ земельныхъ участковъ въ Бѣломорьѣ, столь важный по своимъ слѣдствіямъ для исторіи этого края. Занятыя земли дарятся, закладываются, продаются монастырю,—а между тѣмъ на нихъ возникаютъ одно за другимъ хозяйственныя заведенія, привлекаются поселенцы, эксплуатація усиливается, и заселенныя земли незамѣтно растутъ, округляясь присоединеніемъ къ нимъ еще нетронутыхъ пустошей.

Первыя и главныя земельныя пріобрѣтенія сдѣланы были монастыремъ на нынѣшнемъ Поморскомъ берегу,—тамъ, гдѣ къ половинѣ XV вѣка съ наибольшей силой развилась новгородская колонизація Бѣломорья. Одними изъ первыхъ и едвали не самыми значительными были вклады Марфы Посадницы: на Поморскомъ берегу она подарила монастырю

нѣсколько страдомыхъ деревень и угодій по рѣкѣ Сумѣ, у часовни и рѣчной пристани. Затѣмъ слѣдовалъ длинный рядъ вкладовъ другихъ новгородскихъ землевладѣльцевъ, даривших монастырю свои участки по рѣкамъ Поморскаго и Корельскаго берега. Между грамотами Соловецкаго монастыря мы имѣемъ до 33 вкладныхъ, которыя почти всѣ относятся еще къ XV вѣку, особенно ко времени 3-го Соловецкаго игумена Іоны; изъ нихъ 28 предоставляли во владѣніе монастыря множество участковъ по рѣкамъ Поморскаго и Корельскаго берега и по прибрежнымъ островамъ. Изъ этихъ участковъ насчитывается до 44 только такихъ, мѣстность которыхъ сколько-нибудь ясно обозначена, именно по рѣкѣ Сумѣ 1, по Вирмѣ 2, по Выгу и Сорокѣ до 16, по Шуѣ 9, одинъ съ дворомъ, избой, двумя хлѣвами и мыльней, по Кеми 9, по Поньгѣ (на Корельскому берегу) 1, по Жеравкѣ 1 (село противъ церкви), на Князь-островѣ 1, на Кузостровѣ 1, на Кильбостровѣ 1 и на Кембостровѣ 1: объ остальныхъ участкахъ говорится только, что они находятся на морѣ или на Лопи, въ Корелѣ, между 5-ю родами Корельскихъ дѣтей. Кромѣ вкладовъ монастырь пріобрѣталъ земли куплей: такъ въ XV вѣкѣ куплены были имъ у порога Золотца на Выгу 2 участка, на Шуѣ 2, на Кеми 2, на Кильбостровѣ 3 и весь Лотошкинъ островъ. Скоро стали распространяться владѣнія монастыря и на далекомъ Терскомъ берегу. Еще въ 1466 году одинъ землевладѣльцевъ далъ монастырю участки по рѣкамъ Умбѣ и Варзугѣ и по морскому берегу. Въ 1470 году Марфа Посадница подарила Зосимѣ свою вотчину между тѣми же рѣками, у Кашкаранскаго ручья и на Кашкаранскомъ Наволокѣ. Кромѣ этихъ двухъ вкладовъ, въ числѣ вышеупомянутыхъ грамотъ Соловецкаго монастыря имѣемъ еще позднѣйшія вкладныя, по которымъ монастырь пріобрѣлъ нѣсколько новыхъ участковъ на Терскомъ берегу, по рѣкамъ Умбѣ и Варзугѣ и на Песьемъ Наволокѣ. Изъ поселенцевъ на Монастырской землѣ по рѣкѣ Варзугѣ къ 1491 году былъ уже образованъ церковный приходъ и поставлена монасты-

ремъ церковь. [1]) Пріобрѣтая вотчины, монастырь ставилъ въ нихъ дворы, куда посылалъ своихъ старцевъ—прикащиковъ для управленія промыслами и угодьями. Такъ въ житіи упоминается монастырскій дворъ при устьѣ Сумы, у пристани, на пріобрѣтенной тамъ монастырской землѣ; другой дворъ былъ въ селеніи на Вирмѣ, также у пристани; здѣсь жилъ монастырскій прикащикъ, *старецъ-ватаманъ*, и хранились, по выраженію житія, „всякія потребы и запасы“, Есть намекъ и на то, что здѣсь рано образовалась волость и содѣйствіемъ монастыря поставлена была церковь, одна изъ первыхъ въ краѣ, при которой жилъ назначавшійся монастыремъ „инокъ-іерей,“ соединявшій съ должностью приходскаго священника обязанность надзора за монастырскимъ дворомъ.

Государи и люди Московскіе также охотно содѣйствовали развитію хозяйственной дѣятельности Соловецкаго монастыря, какъ и люди вольнаго Новгорода. Грамотой великаго князя Ивана III, 1479 года, подтверждавшей за монастыремъ право на владѣніе всей группой Соловецкихъ острововъ, открывается длинный рядъ грамотъ московскихъ государей, которыми они жаловали монастырю новыя земли въ Бѣломорскомъ краѣ. Въ 1539 г. пожаловано было монастырю 13 луковъ [2]) по рѣкамъ Шизни и Выгу и на Сухомъ Наволокѣ (у Сороцкой губы) съ деревнями, въ которыхъ жило 4 или 5 поселенцевъ, со всѣми угодьями, съ рыбными ловлями и соловаренными (црѣнными) оброками. [3]) При этомъ встрѣ-

1) Грамота арх. Геннадія 1491 г. въ Оп. Сол. мон., арх. Досиѳея, ч. 3, стр. 182. Въ концѣ XVI в. монастырь имѣлъ въ волости Варзугѣ 224 лука земли, на которой было 7 дворовъ крестьянскихъ жилыхъ, да 5 мѣстъ дворовыхъ пустыхъ.

2) Лукъ содержалъ въ себѣ 2 обжи, а обжа имѣла 126 саж. длиннику и 32 поперечнику.

3) Съ пріобрѣтеніемъ Шизни у монастыря явилась третья пристань на Поморскомъ берегу, сверхъ пріобрѣтенныхъ прежде въ Сумѣ и и Вирмѣ.

Шуя = 3,6 га

чаемъ любопытное для исторіи колонизаціи края прибавленіе, постоянно повторяющееся въ грамотахъ при пожалованіи пустошей: „и кто у нихъ въ тѣхъ 13 лукахъ учнутъ жити людей и крестьянъ, и намѣстники наши и волостели тѣхъ ихъ людей и крестьянъ не судятъ ни въ чемъ, опричь разбоя и татьбы съ поличнымъ... а вѣдаетъ и судитъ тѣхъ своихъ людей и крестьянъ игуменъ съ братьею“ и проч. [1]).

Между тѣмъ начавшееся до монастыря движеніе колонизаціи продолжалось, и мы встрѣчаемъ указаніе, бросающее свѣтъ на силу и размѣры этого движенія въ началѣ XVI вѣка. Мы видѣли выше, что однимъ изъ первыхъ земельныхъ пріобрѣтеній монастыря въ Поморьѣ были 2 лука при устьѣ р. Сумы, у часовни, гдѣ жили 2 поселенца. По писцовымъ книгамъ 1496 года, на рѣкѣ Сумѣ значилось 19 деревень, принадлежавшихъ Марфѣ Посадницѣ; онѣ составляли волость, имѣвшую уже церковь. Писцовыя книги 1551 года, повторяя означенныя 19 Сумскихъ деревень, прибавляютъ 5 новыхъ съ $6^{1}/_{2}$ луками земли, говоря, что „онѣ стали послѣ письма“ (1496 года). Занятіе земель углублялось и внутрь края: одна изъ этихъ 5 новыхъ деревень „стала починкомъ“ на островѣ Сумозера у деревни, поставленной еще до 1496 года. Всѣ эти Сумскія деревни, старыя и новыя, съ двумя Марфинскими деревнями по рѣкѣ Выгу, всего $78^{1}/_{2}$ луковъ царь пожаловалъ въ 1555 году Соловецкому монастырю, присоединивъ къ нимъ еще 33 варницы въ Сумской волости, по рѣкамъ Сумѣ и Колежмѣ, по приморскимъ наволокамъ и прибрежнымъ островамъ. Но пожалованіе сдѣлано было монастырю не даромъ: казна нашла выгоднымъ уступить эти деревни, приносившія ей около 19 рублей ежегоднаго дохода, и этимъ вознаградить монастырь за отнятіе даннаго прежде права безпошлинной продажи 10.000 пудовъ монастырской соли. [2])

---

[1]) См. грамот. въ 3-й части Оп. Сол. мон. Досифея, № 1.

[2]) Тамъ же № 3.

Не даромъ досталось монастырю и другое пріобрѣтеніе, еще болѣе округлявшее его прежнія, уже значительныя владѣнія по рѣкѣ Выгу. Несмотря на давность и значительность его пріобрѣтеній по этой рѣкѣ, священное для него мѣсто, откуда отплылъ на островъ и гдѣ потомъ похороненъ былъ основатель монастыря, пр. Савватій, у часовни, при впаденіи рѣки Сороки въ Выгъ, оставалось еще внѣ монастырскихъ вотчинъ. Во время пребыванія Савватія на островѣ (1429—1435), вблизи этой часовни были уже христіанскіе поселки, для которыхъ она служила средоточіемъ по церковнымъ дѣламъ. Когда возвратился къ этой часовнѣ съ острова Савватій, сюда пришелъ іеромонахъ Нафанаилъ, служившій приходскимъ священникомъ для обширнаго пространства, на которомъ разбро́саны были русскія селенія, и тогда „отъ насельныхъ тамо,“ по выраженію житія, стекались къ часовнѣ для удовлетворенія своихъ духовныхъ требъ. Похоронивъ при этой часовнѣ Савватія, Нафанаилъ построилъ здѣсь потомъ и церковь,—первую по времени извѣстную намъ церковь въ Поморьѣ. Но несмотря на раннее появленіе здѣсь часовни и церкви, среди приливовъ и отливовъ еще не осѣвшагося прочно пришлаго населенія, заселеніе мѣста шло очень медленно, и по писцовымъ книгамъ 1496 года у церкви, при устьѣ Сороки, была деревня, въ которой жило только двое жильцовъ, а въ началѣ XVI вѣка церковь опустѣла и стояла безъ „пѣнія, попа и *прихода* 40 лѣтъ, и дозирати было ее некому“, какъ говоритъ грамота, до самаго 1551 года. Въ это время царь пожаловалъ опустѣвшую церковь монастырю съ условіемъ „ту церковь строить, попа держать и ругу ему давать“. Но вмѣстѣ съ этимъ надобно было возстановить и церковный приходъ, — и на подмогу монастырю въ этомъ дѣлѣ ему пожалованы были тоня на рѣкѣ Сорокѣ, близь церкви, приносившая казнѣ рубль новгородскій ежегоднаго дохода, и самая деревня Сорока съ лукомъ земли, причемъ казна удерживала за собой право взимать, и съ тони и съ

опустѣвшей деревни оброкъ и обежную дань, освобождая только отъ волостелина и тіунскаго суда *тѣхъ людей и крестьянъ*, которые *въ той деревнѣ учнутъ жити.* [1])

Такъ постепенно округлялъ монастырь свои вотчины въ мѣстностяхъ, гдѣ онъ сталъ давно утверждаться. Вотчины его уже тянулись на обширномъ пространствѣ по прибрежнымъ рѣкамъ отъ Сумы до Кеми и по Терскому берегу; но до половины XVI вѣка нѣтъ извѣстія о томъ, чтобы онѣ шли далѣе рѣки Сумы къ востоку; рѣки Колежма, Нюхта, Унежма и др. до Онеги, кажется, не имѣли еще на своихъ прибрежьяхъ ни одного монастырскаго участка. Но колонизація уже коснулась и этой части Поморья, и въ началѣ XVI вѣка житіе Соловецкихъ чудотворцевъ указываетъ здѣсь волость, составившуюся изъ русскихъ поселеній по рѣкѣ Унежмѣ. Встрѣчаются указанія на значительное развитіе въ приморскихъ окрестностяхъ рѣки Колежмы солеваренія. Съ половины XVI вѣка монастырь и сюда направляетъ свое движеніе: въ 1550 году пожалованы были монастырю на строеніе каменной церкви на Соловецкомъ островѣ Сумскій островокъ съ тремя дворами и двѣ деревни по рѣкѣ Колежмѣ съ 9-ю обжами земли и 8-ю варницами, и опять съ тѣмъ же указаніемъ на задачу, которая предстояла монастырю на этихъ новыхъ его земляхъ: „а кто у нихъ въ тѣхъ деревняхъ и у варницъ и на острову учнутъ жити людей и крестьянъ“ и т. д. [2]) Въ 1555 году къ этимъ колежемскимъ пріобрѣтеніямъ прибавилось еще нѣсколько варницъ на Колежмѣ и на ближнихъ приморскихъ наволокахъ, изъ числа 33-хъ, пожалованныхъ въ этомъ году монастырю на Поморскомъ берегу.

Уцѣлѣвшія грамоты монастыря не даютъ возможности слѣдить за каждымъ приращеніемъ его вотчинъ. Между тѣмъ какъ пріобрѣталъ онъ новыя земли и сообщалъ имъ жизнь и дѣятельность призывомъ „людей и крестьянъ“, прежде пріобрѣтенныя вотчины его росли и распространялись, и этотъ

[1]) Сборн. Сол. грам., №№ 16 и 17.

[2]) Грам. въ 3-й части Оп. Сол. мон. № 4

рость совершается незамѣтно для насъ: мы только встрѣчаемъ указанія на нѣкоторые результаты его. До сихъ поръ мы не имѣли прямого извѣстія о томъ, чтобы монастырскія вотчины по Корельскому берегу шли сѣвернѣе рѣки Поньги: мы знаемъ только, что монастырь рано пріобрѣлъ нѣсколько участковъ по Терскому берегу, по рѣкамъ Умбѣ и Варзугѣ. Но у него были владѣнія и на промежуточномъ береговомъ пространствѣ отъ Поньги до Умбы: грамота 1584 года показываетъ, что здѣсь, кромѣ 10 луковъ на Умбѣ, у монастыря были въ Керети и Порьегубѣ приморскія угодья съ 14 луками земли и 1 лукъ въ Кандалакшѣ. Но вотчины монастыря простирались еще дальше, выходя изъ предѣловъ Бѣломорскаго прибрежья: по той же грамотѣ, у монастыря было 1½ лука земли на далекомъ Мурманскомъ берегу, въ Кольской волости [1]). Но если нельзя точно опредѣлить мѣсто и объемъ всѣхъ земель, пріобрѣтенныхъ монастыремъ до 1584 года, то есть извѣстіе, указывающее на результаты, достигнутые имъ въ заселеніи своихъ вотчинъ. Мы видѣли, что монастырь пріобрѣталъ большею частію пустыя земли, ждавшія рабочихъ рукъ; изъ другой грамоты того же 1584 г. узнаемъ, что къ этому времени у него было жилыхъ, заселенныхъ земель 40 обежъ, и здѣсь же встрѣчаемъ черты того значенія для государства и для благоустройства края, какое сообщалъ монастырь этимъ землямъ: „а вотчины у Соловецкаго монастыря во всѣхъ монастырскихъ деревняхъ *живущаго* только 40 обежъ, и съ нихъ правятъ всякіе государевы сборы, и на ямъ правятъ деньги, а у нихъ въ Сумскомъ острогѣ устроенъ ямъ свой, монастыремъ и монастырскими крестьяны 40 обжами и отъ охотниковъ стоятъ съ подводами безпрестанно и годныя (sic) гоняютъ многія въ Поморье съ Москвы на Мурманское море до устья Колы, а изъ Новгорода въ поморскія волости, да изъ Сумского острога посылаютъ въ посылки и на сторожи на нѣмецкій рубежъ монастырскихъ людей [2]).

[1]) Сборн. Сол. грам., № 43.

[2]) Тамъ же, № 44.

Кромѣ Варзуги, на Терскомъ берегу образовалась во второй половинѣ XVI вѣка другая волость — Умба. Соловецкій монастырь имѣлъ здѣсь соперника въ другомъ знаменитомъ монастырѣ, Кирилло-Бѣлозерскомъ, которому принадлежали здѣсь три четверти волости. Волость составляла два прихода и имѣла двѣ церкви, между которыми распредѣлены были крестьяне, жившіе на земляхъ того и другого монастыря. Соловецкому монастырю принадлежало здѣсь въ 1584 году 10 луковъ земли, которые, съ прибавкой новаго полулука, въ 1585 году составляли четверть волости: съ этихъ $10^1/_2$ луковъ монастырь платилъ оброка въ казну 25 руб., тогда какъ съ $77^1/_2$ луковъ въ Сумской волости, по перечневымъ книгамъ 1551 года, шло въ казну оброка только 7 руб., да волостелина корма 3 руб. 22 алт. Эту огромную разницу въ доходности тѣхъ и другихъ земель для казны можно объяснить только тѣмъ, что находившіяся на Сумскихъ лукахъ деревни, отходя въ 1585 г. къ Соловецкому монастырю, были еще слабо разработаны, не имѣли хозяйственнаго устройства, которое позволяло бы извлекать изъ земли значительныя средства, тогда какъ на 10 умбскихъ лукахъ монастырь успѣлъ уже къ 1585 году развить хорошее хозяйство: среди соляныхъ варницъ, рыбныхъ и звѣриныхъ ловель, лѣсовъ, пожней и *всякихъ угодій* монастырь наставилъ тамъ дворовъ, амбаровъ, лавокъ и мельницъ. Поселенцевъ, впрочемъ, было въ волости немного: въ позднѣйшей грамотѣ 1607 года находимъ любопытное указаніе на ихъ число въ этой сравнительно-доходной для казны волости: на трехъ четвертяхъ Кириллова монастыря было 25 дворовъ, а на Соловецкой четверти жило всего 4 крестьянина [1]).

Между тѣмъ и по Кѣми, среди поселковъ Валдеинскаго рода, одного изъ 5 родовъ Корельскихъ дѣтей, благодаря приливу русскихъ поселенцевъ, около начала XVI в. образовалась волость. Здѣсь, вблизи моря, давно, еще въ XV

[1]) Сборн. Сол. грам., №№ 46 и 120.

вѣкѣ началъ утверждаться Соловецкій монастырь, получая участки вкладомъ отъ русскихъ владѣльцевъ. Въ 1589 году монастырь ставилъ ратныхъ людей съ своего „жеребья“ въ Кеми. Въ слѣдующемъ году этотъ жеребій опредѣляется точнѣе: по грамотѣ этого года, монастырю принадлежала половина Кемской волости, а другая половина состояла изъ угодій и деревень царскихъ оброчныхъ крестьянъ, платившихъ въ казну оброка по 64 руб. 17 алт. съ деньгой въ годъ. Русская колонизація, двигаясь вверхъ по этой рѣкѣ, вглубь страны, сталкивалась съ противоположнымъ, враждебнымъ движеніемъ со стороны Каянскихъ Нѣмцевъ. Если на нижнемъ теченіи рано, въ половинѣ XV вѣка, встрѣчаемъ русскія поселенія, то верхнее и въ концѣ XVI вѣка оставалось недоступнымъ для нихъ, называясь Кемью Нѣмецкою. Нѣмецкіе люди спускались на судахъ рѣками Кемью и Ковдой и разоряли приморскія варницы и деревни русскихъ поселенцевъ. Въ царствованіе Ѳедора Ивановича особенно усилились эти вторженія,—и мы встрѣчаемъ любопытныя указанія, на кого государство возлагало защиту русской промышленности въ этомъ краѣ: среди борьбы съ Бѣломорской природой, Соловецкій монастырь вступаетъ въ борьбу съ этимъ новымъ врагомъ, мѣшавшимъ русскому человѣку мирно утверждаться въ Поморьѣ. Въ 1590 году монастырю поручено было вмѣстѣ съ оброкомъ его половины Кемской волости сбирать и представлять въ казну оброкъ и съ другой половины, на которой жили царскіе оброчные крестьяне. Въ слѣдующемъ году вся Кемская волость отдана была монастырю на любопытныхъ условіяхъ, показывающихъ, какое значеніе пріобрѣтала хозяйственная дѣятельность монастыря въ томъ краѣ. Соловецкій игуменъ съ братіей билъ челомъ царю въ 1591 году и сказалъ, „что у нихъ царское жалованье въ Поморьѣ половина Кемской волости, а другая половина той волости за царемъ, и та Кемская волость къ Соловецкому монастырю ближе всѣхъ волостей за 60 верстъ, и по той Кеми рѣкѣ отъ прихода нѣмецкихъ воинскихъ

людей и зимой и лѣтомъ изъ монастыря у нихъ заставы и сторожа живутъ безпрестанно, и имъ кемскіе крестьяне заставъ и сторожъ никакихъ крѣпостей по Кеми рѣкѣ ставить не дадутъ, и въ томъ между ними смута великая, и нѣмецкіе люди приходятъ войною безвѣстно, и опричь Кеми да Ковды рѣки Каянскимъ Нѣмцамъ иного судового пути нѣтъ, и та Кемская волость отъ нѣмецкихъ людей дважды воевана въ 87 (1579) да въ 98 (1590) году". Царь по этому челобитью пожаловалъ монастырь всею Кемскою волостью и Подужемьемъ (въ 18 верстахъ отъ нынѣшняго города Кеми вверхъ по рѣкѣ) и Пебо-озеромъ и Масло-озеромъ въ вотчину въ прокъ съ крестьянами, дворовыми мѣстами, соляными варницами, съ рыбными и звѣриными ловлями и со всѣми угодьями, на слѣдующихъ условіяхъ: въ той Кемской волости подѣлать монастырю всякія крѣпости и острогъ сдѣлать, и въ немъ людей ратныхъ изъ монастыря устроить и заставы учинить крѣпкія, чтобы въ приходъ нѣмецкихъ людей сидѣть было не страшно, и царскихъ гонцовъ возить изъ Кеми до Керети, а въ казну со всей Кемской волости платить оброка и разныхъ пошлинъ по 134 руб. и 24 алт. съ деньгой ежегодно. Кромѣ всего этого у монастыря взятъ былъ за это пожалованіе пріобрѣтенный имъ въ Новгородѣ дворъ съ каменной палатой и садомъ, приносившимъ по 70 руб. дохода [1]).

На другихъ пунктахъ Поморья не было по крайней мѣрѣ борьбы съ порубежными воинскими нѣмецкими людьми, какая шла на пространствѣ отъ рѣки Сумы до сѣвернаго края нынѣшняго Корельскаго берега, и монастырь могъ свободнѣе углубляться въ пустоши, привлекая въ нихъ съ собою жизнь и рабочія руки. Узнаемъ и причину, заставлявшую монастырь искать и разработывать новыя пустоши: въ 1590 г. онъ жаловался, что главный источникъ его доходовъ, соляныя поморскія варницы, начинали пустѣть, потому что около

---

[1]) Сборн. Сол. грам., № 64. Оп. Сол. мон., ч. 3, грам. №№ 15 и 16.

нихъ лѣса высѣчены и соль варить ужъ нечѣмъ. Вслѣдствіе этого обстоятельства монастырь въ 1590 г. билъ челомъ, чтобы царь пожаловалъ его у моря *пустою* волостью Нюхчею да Унежмою, прибавляя, что въ той волосткѣ церковь стоитъ безъ пѣнія 4-й годъ, а *жильцовъ* въ той волосткѣ *нѣтъ*, и въ царскую казну съ той волостки нейдетъ ничего, и соляныя варничишки въ той волосткѣ стоятъ пусты, а волостка эта съ ихъ *монастырскою вотчиною смежна, а иныхъ волостокъ и деревень межъ тѣми волостками нѣтъ*. Казнѣ было выгодно сдѣлать доходной опустѣвшую, ничего не дававшую ей волость, и царь пожаловалъ Нюхчу и Унежму монастырю въ вотчину, освобождая ее отъ царскихъ податей на два года съ тѣми же любопытными условіями: „въ тѣ имъ льготныя лѣта въ волосткѣ Нюхчѣ да Унежмѣ устроить церковь, и варницы и дворъ поставить, а послѣ льготныхъ лѣтъ давать имъ оброку ежегодно съ тѣхъ волостокъ по 50 руб. на годъ“ [1]). Такъ подвигался монастырь къ Онегѣ и своимъ турчасовскимъ землямъ въ Каргопольскомъ уѣздѣ. На Унежмѣ уже въ началѣ XVI вѣка была волость, упоминаемая въ житіи Соловецкихъ чудотворцевъ; но среди передвиженій русскаго населенія въ Поморьѣ она опустѣла, начавшіеся промыслы были брошены; тутъ и взялъ ее въ свои руки Соловецкій монастырь, чтобы продолжать дѣло, начатое промышленными поселенцами.

Опустѣніе Унежмы въ 80-хъ годахъ XVI столѣтія, можетъ быть, имѣло какую-нибудь связь съ тѣми опустошеніями, которымъ около этого времени подверглись русскія поселенія на Поморскомъ и Корельскомъ берегу Бѣлаго моря со стороны Шведовъ. Со всею силою обрушились эти опустошительныя вторженія на волость Шую Корельскую (по рѣкѣ Шуѣ, почти на половинѣ пути между рѣками Кемью и Выгомъ). Шуйская волость принадлежитъ къ числу самыхъ давнихъ въ Поморьѣ; заселеніе ея Русскими началось еще

[1]) Сборн. Сол. грам., № 61.

до основанія Соловецкаго монастыря. Въ житіи преподобныхъ Зосимы и Савватія встрѣчаемъ разсказъ, показывающій, что во второй половинѣ XV вѣка „на Шуѣ рѣкѣ, на берегу моря", было русское поселеніе, обитатели котораго выѣзжали весной въ море на ловлю морского звѣря, „на добытки весновальники", по выраженію житія, и продавали свою добычу Новгородскимъ купцамъ, которые пріѣзжали къ нимъ за звѣринымъ саломъ и кожей: „то есть добытокъ ихъ", прибавляетъ житіе о Шуянахъ. Въ половинѣ XVI вѣка въ волости была церковь, и въ казну шло съ поселянъ оброка по 29 руб. 29 алтын. и $1^1/2$ деньги въ годъ. Въ концѣ XVI вѣка эту волость со всѣхъ сторонъ окружали вотчины Соловецкаго монастыря, который еще прежде началъ пріобрѣтать участки по рѣкѣ Шуѣ. Въ то время какъ почти всѣ приморскія волости, расположенныя при устьяхъ рѣкъ Поморскаго и Корельскаго берега, вошли уже въ составъ вотчинъ монастыря, Шуя оставалась внѣ ихъ. Но тутъ, можетъ быть, въ одно время съ Кемью, Шуя была разорена „Свейскими Нѣмцами", которые сожгли и ея храмъ, и скоро послѣ этого Шуя отошла къ монастырю, привлеченная тою же естественно образовавшеюся экономическою зависимостью, которая сосредоточила въ рукахъ монастыря и другія волости Поморья. Грамота 1614 года передаетъ намъ любопытную исторію этого присоединенія. Игуменъ Соловецкій съ братіей билъ челомъ царю и сказалъ, „что нынѣ послѣ разоренія въ той волосткѣ Шуѣ жильцы немногіе и тѣ кормятся морскими промыслами, *а иные кормятся у нихъ около Соловецкаго монастыря*, а пашенной земли у нихъ нѣтъ, и нынѣ съ той волостки оброку въ Великомъ Новгородѣ не даютъ потому, что *стала за ихъ* монастырскою вотчиною, *за Сумскимъ острогомъ*, а къ нимъ и въ монастырь и въ Сумскій острогъ ничѣмъ не тянутъ же, и карауловъ не караулятъ, *и стоитъ та волостка за ихъ обереганьемъ*". Царь отдалъ эту волость монастырю въ вотчину съ крестьянами, дворовыми мѣстами, анбарами и луками, съ мельницею, соляными варницами,

рыбными, звѣриными и птичьими ловлями и съ двумя луками на приморскомъ берегу, между Кемью и Керетью, принадлежавшими къ той же волости,—на условіи, какое предложилъ самъ монастырь: платить съ той волости оброкъ, какой платила она до разоренья, т. е. 29 рубл. 29 алтын. и ½ деньги. [1])

Впослѣдствіи округлилась и Керетская вотчина монастыря. До 1635 года въ Керети монастырю принадлежала только четверть волости; въ этомъ году отданы были царемъ и другія три четверти съ крестьянами и со всѣми угодьями. [2]) Такъ всѣ главнѣйшія русскія поселенія въ устьяхъ Поморскихъ рѣкъ Варзуги, Керети, Кеми, Шуи, Выга, Сумы, Колежмы, Нюхчи и Унежмы, въ первой половинѣ XVII вѣка сосредоточились подъ управленіемъ монастыря, энергическому содѣйствію котораго они главнымъ образомъ и обязаны своимъ развитіемъ, а многія и своимъ возникновеніемъ.

Въ концѣ XVI вѣка, въ то время какъ монастырь, утвердившись на Поморьѣ, подвигался къ Онегѣ, встрѣчаемъ первыя ясныя указанія на пріобрѣтенія, выходившія въ этомъ направленіи за предѣлы Выгозерскаго стана и Новгородскаго уѣзда. Изъ грамоты 1585 года узнаемъ, что монастырь имѣлъ уже промыслы и деревни въ уѣздахъ Двинскомъ и Каргопольскомъ. [3]) Но уцѣлѣвшія грамоты Соловецкаго монастыря не говорятъ, какія это были деревни и когда онѣ пріобрѣтены монастыремъ. Подробнѣе опредѣляетъ Каргопольскія земли монастыря грамота 1604 года. Здѣсь монастырская вотчина простиралась по рѣкѣ Онегѣ, въ Турчасовскомъ стану, въ Піяльскомъ Усольѣ, и состояла изъ 2 обежъ тяглой земли и $1^1/_2$ црѣна соляного промысла противъ дворовъ монастырскихъ, на берегу рѣки, съ

---

[1]) Оп. Сол. мон., часть 3, грам., № 27.

[2]) Лѣтоп. Солов., 1815 г., стр. 35.

[3]) Сборникъ Сол. грам., №№ 48 и 49.

лодейною пристанью [1]). Съ начала XVII вѣка замѣтно усиливается стремленіе монастыря расширить свои вотчины пріобрѣтеніями внѣ предѣловъ области, въ которой онъ первоначально сталъ утверждаться: въ грамотахъ рѣже и рѣже встрѣчаются извѣстія о новыхъ его пріобрѣтеніяхъ въ собственномъ Поморьѣ, въ Новгородскомъ уѣздѣ; зато чаще и чаще повторяются извѣстія о ново-занятыхъ имъ земляхъ въ уѣздахъ Каргопольскомъ и Двинскомъ. Можетъ быть, въ этомъ стремленіи не безъ участія оставалась причина, высказанная самимъ монастыремъ: промышленная эксплуатація истощила первыя, легко дававшіяся средства удобныхъ пустошей Поморья и заставляла искать такихъ же пустошей въ другомъ краѣ. Къ старымъ турчасовскимъ вотчинамъ монастыря принадлежали въ началѣ XVII вѣка деревни и рыбныя ловли его по рѣкѣ Онегѣ, въ волостяхъ Городецкой и Владычинской. Эти деревни описываются въ грамотѣ 1618 года, и представляемая ею опись любопытна по указаніямъ на условія и характеръ землевладѣнія въ томъ краѣ. Въ упомянутыхъ волостяхъ монастырь имѣлъ давно купленныя имъ 6 деревень цѣлыхъ, 2 полдеревни и большіе или меньшіе жеребьи въ 4 другихъ деревняхъ, владѣніе которыми онъ раздѣлялъ съ волостными крестьянами. Въ этихъ деревняхъ были сѣнокосы съ соляными промыслами и во всѣхъ „пашни паханыя", хотя въ большей части ихъ земля обозначена худою; только въ нѣкоторыхъ изъ этихъ 12 деревень у монастыря было по одному двору, въ которомъ жилъ и землю пахалъ крестьянинъ половникъ, и только въ одной деревнѣ было ихъ двое; въ другихъ или дворъ стоялъ пустъ, или вовсе не было двора; въ томъ и другомъ случаѣ монастырскіе половники пахали „наѣздомъ"; всѣхъ крестьянъ въ этихъ деревняхъ на монастырской землѣ работало 12 человѣкъ. Количество „пашни паханой" гораздо больше количества земли, дѣйствительно обработывавшейся

[1]) Сборн. Сол. грам., № 108

ся половниками; послѣдняя и обозначается названіемъ „живущей“, или земли „въ живущемъ“; затѣмъ сверхъ сѣнокосовъ вездѣ указывается земля впустѣ, переложная и поросшая лѣсомъ. Опись, представляемая въ грамотѣ, показываетъ любопытное количественное отношеніе между всѣми этими родами земель въ деревняхъ. Въ Ордомскомъ погостѣ полдеревни Федоровой, во дворѣ половникъ Трофимка, на полчети выти пашни паханой, да перелогомъ 14 четей *въ полѣ, а въ дву потому жъ*, земля худа, въ живущемъ полчети выти, да впустѣ выть безъ полчети, сѣна по р. Онегѣ 50 копенъ; деревня Пыкшинская пуста, дворъ пустъ, пашутъ на монастырь наѣздомъ четь выти, пашни паханой 4 чети, да перелогомъ и лѣсомъ поросло 12 четей въ полѣ, а въ дву потому жъ, земля худа, въ живущемъ четь выти, а впустѣ выть безъ чети, сѣна по р. Онегѣ 50 коп.; въ Городецкой волости полдеревни Боклановской мѣсто дворовое пусто, пашетъ наѣздомъ монастырскій половникъ Еоимко, пашни паханой 6 четей съ третникомъ, да перелогомъ и лѣсомъ поросло 4 чети съ третникомъ въ полѣ и проч., земля худа, въ живущемъ четь выти и полполтрети и полполчети выти, а впустѣ полчети и полполтрети выти и т. д. На каждую выть въ живущемъ приходилось въ этихъ деревняхъ по 2 выти съ четью впустѣ. Относительно царской дани и оброка описанныя деревни дѣлились на бѣлыя и черныя: съ первыхъ шло 8 алт. 3 деньги, по 3 алт. 5 ден. съ выти въ живущемъ, со вторыхъ 3 руб. 13 алт., по 2 руб. 2 алт. 5 ден. съ выти въ живущемъ. Описанныя деревни не могли быть особенно доходны для монастыря, и онъ вступаетъ въ сдѣлку съ казной, также характеризующую землевладѣніе въ сѣверномъ краѣ того времени. Въ Турчасовскомъ стану у монастыря сверхъ описанныхъ 12-ти было еще 4 деревни, изъ которыхъ въ одной былъ дворъ, гдѣ жилъ монастырскій старецъ — прикащикъ, въ другой также дворъ „на пріѣздъ старцамъ и слугамъ монастырскимъ,“ въ которомъ жили трое Корелянъ, въ третьей былъ

дворъ съ однимъ поселенцемъ кореляниномъ, въ четвертой жили трое половниковъ. Въ томъ же стану въ 1607 году монастырь купилъ 5-ю деревню съ дворомъ, въ которомъ жилъ половникъ, и двумя пустыми дворами. Въ этихъ 5-ти черныхъ деревняхъ было въ живущемъ 2 выти съ небольшимъ, и царскаго дохода шло съ нихъ 4 руб. 8 алт. 4 ден. Въ 1617 году монастырь предложилъ казнѣ отписать на царя вышеупомянутыя деревни въ волостяхъ Владыченской и Городецкой, вмѣсто нихъ приписать къ монастырю купленныя имъ для соляныхъ промысловъ 2 деревни въ Пурнемѣ и Лямцѣ (на Онежскомъ берегу) съ 2 руб. 5 алт. царскаго дохода, а взамѣнъ отходившихъ при этомъ отъ монастыря бѣлыхъ деревень, имѣвшихъ 2 выти слишкомъ въ живущемъ, обѣлить соотвѣтствующее количество земли въ другихъ монастырскихъ черныхъ деревняхъ. Казна согласилась, и послѣднія 5 деревень были обѣлены, т.-е. вмѣсто 4 руб. 8 алт. 4 ден. царскаго оброка на нихъ положено только 7 алт. 5 ден., и прибавлено условіе: „а крестьянамъ и слугамъ и половникамъ, которые въ тѣхъ деревняхъ учнутъ жити, съ прочими крестьянами не тянутъ“ [1]).

Причина, приводившая монастырь къ такимъ мѣрамъ въ своемъ хозяйствѣ, ясна: въ то время, какъ онъ отказывался отъ своихъ „старыхъ“ деревень, удаленныхъ отъ моря, въ которыхъ почти исключительно разрабатывались пашни и сѣнокосы, но на худой землѣ, онъ покупалъ новыя деревни на землѣ, еще менѣе благопріятной для земледѣлія, но зато по своей близости къ морю болѣе удобныя для соляного промысла, главнаго источника средствъ монастыря. Дѣйствіемъ этой причины объясняется и то, что отказываясь отъ земель внутри Турчасовскаго стана, монастырь старался пріобрѣтать въ томъ же стану окраинныя, приморскія земли, продолжая такимъ образомъ свое движеніе по югозападному берегу Бѣлаго моря, по напра-

---

[1]) Сборн. Сол. грам., №№ 114 и 177.

вленію къ устью Онеги. Мы видѣли, что монастырь остановился здѣсь на волости Унежмѣ. Грамота 1631 года разсказываетъ намъ любопытную исторію пріобрѣтенія имъ и слѣдующей волости по направленію къ Онегѣ, Кушерѣцкой, передавая при этомъ подробности о населеніи этой волости. Соловецкій монастырь встрѣтилъ здѣсь себѣ соперника въ другомъ колонизаторѣ сѣвера, въ монастырѣ Кожеозерскомъ; но экономическое значеніе и средства перваго одержали верхъ. Кожеозерскій монастырь просилъ у царя въ Турчасовскомъ стану волостку Кушерѣцкую *для соляной вари*. По писцовымъ книгамъ 1621 года, въ этой волости написанъ погостъ Успенскій съ церковію, съ 4-мя мѣстами дворовыми на церковной землѣ и съ 4-мя тяглыми деревнями *живущими* да 2-мя *пустыми* да съ 5-ю пустошами, а въ нихъ 5 дворовъ пустыхъ крестьянскихъ, а людей въ нихъ 10 дворовъ пустыхъ да 8 мѣстъ крестьянскихъ, а денежныхъ доходовъ (казенныхъ) съ живущаго 6 руб. 13 алт. Кожеозерскій монастырь взялъ волостку на оброкъ по 8 руб. на годъ. Но вотъ Соловецкій игуменъ съ братіей бьетъ челомъ о той же волосткѣ, сказывая, что она сошлась смежно съ ихъ монастырскимъ унежемскимъ солянымъ промысломъ, который скуденъ дровами и сѣнными покосами, и какъ та волостка отойдетъ къ Кожеозерскому монастырю, имъ соляной промыселъ придется покинуть впустѣ, а Кожеозерскій монастырь просилъ ту волостку, чтобы стѣснитъ ихъ соляной промыселъ, а *крестьяне* Кушерѣцкой волости имъ должны и въ *воинскіе годы прибѣгали къ нимъ въ Сумской острогъ и жили за ихъ монастырской обороною*. Игуменъ съ братіей просилъ отдать имъ волостку, а оброка брать стараго съ новой надачей по 9 руб. Царь отдалъ имъ волостку за оброкъ съ надачей по 9 руб. „опричь новоприбыльныхъ доходовъ послѣ письма писцовыхъ книгъ, стрѣлецкихъ хлѣбныхъ запасовъ и ямскихъ отпусковъ“ [1]).

[1]) Сборн. Сол. грам., № 239.

Наконецъ въ 1635 году предоставлены были во владѣніе монастыря 4 пустоши во Владыченской волости съ сѣнными покосами по рѣкѣ Онегѣ и деревня Исаковская со всѣми угодьями; въ 1650 г. это пожалованіе подтверждено новою грамотой [1]).

Между тѣмъ какъ монастырь подвигался къ Онегѣ, давно уже онъ перенесъ свое движеніе и за эту рѣку, по направленію къ Двинѣ, держась береговъ Онежскаго и Лѣтняго. Уже съ конца XVI вѣка грамоты начинаютъ упоминать о вотчинахъ монастыря въ Двинскомъ уѣздѣ; начало водворенія его тамъ остается неуказаннымъ въ существующихъ монастырскихъ грамотахъ. Съ 1584 года началось вокругъ монастыря строеніе каменной крѣпости, вызванное опасностями его украйнаго положенія, и въ 1585 году между деревнями Паниловымъ и Ступинымъ, въ 30 верстахъ отъ Холмогоръ вверхъ по Двинѣ, у Орлеца, извѣстнаго подвигами и несчастіями удалыхъ новгородскихъ ушкуйниковъ XIV в., монастырь выпросилъ „для монастырскаго церковнаго строенія и городового дѣла“ 4 версты пустого мѣста, „гдѣ камень бѣлый известный ломати и лѣсъ на дрова сѣщи и известь жещи“ [2]).

Монастырь принесъ въ Двинскій край стремленіе, столько разъ обнаруженное имъ въ Поморскомъ краю, на западѣ отъ Онеги, стремленіе вносить свою дѣятельность въ пустоши, отъ эксплуатаціи которыхъ отказались мѣстные поселенцы, и которыя вслѣдствіе этого стали безплодны для казны. Въ концѣ XVI вѣка тамъ у монастыря у моря, на рѣчкѣ Куѣ были соловарни, и отъ той рѣчки по морскому Ницкому берегу подошла къ его соловарнямъ пустая земля верстъ на 5 въ длину. Прежде по тому берегу всякіе люди пріѣзжая кашивали сѣно и рыбу лавливали, а *нынѣ позаросло*, — сказывалъ монастырь въ 1595 году, и въ

1) Сборн. Сол. грам., № 265. Лѣтоп. Солов., стр. 39.

2) Сборн. Сол. грам., № 47.

Двинскихъ писцовыхъ книгахъ кн. В. Звенигородскаго тотъ берегъ не написанъ ни къ которому стану и къ волости не приписанъ, и оброку съ него въ казну нейдетъ ничего, лежитъ въ пустѣ въ порожнихъ земляхъ. По челобитью монастыря ему отданъ былъ этотъ берегъ для рыбной ловли, дровъ и сѣна лошадямъ при соловарняхъ [1]). Для поддержанія того же соляного промысла куплены были въ 1616 году на Онежскомъ берегу двѣ деревни въ волостяхъ Лямцѣ и Пурнемѣ у 4-хъ частныхъ владѣльцевъ, которые и остались въ этихъ деревняхъ въ качествѣ половниковъ. Въ грамотѣ 1618 года перечисляются слѣдующіе монастырскіе промыслы и земли по Лѣтнему берегу: въ Ненекоцкомъ Усольѣ обжа безъ получети, мельница и полуварница, на рѣкѣ Куѣ земли и 2 варницы, 2 тони у Голой Кошки, 4 тони на Куйскомъ берегу, обжа въ Лудскомъ Усольѣ, 2 варницы и мельница на рѣкѣ Лудѣ, земли и мельница на рѣкѣ Кехтѣ и другая мельница въ Кехоцкой волости противъ Красной Горы, варница въ Солокурьѣ, Солоозеро и Слободское озеро и наволокъ Слободской рѣки; со всего этого монастырь платилъ въ казну 18 руб. 26 алт. 4½ ден., не считая здѣсь вышеупомянутой пустоши на Ницкомъ берегу [2]). Въ 1630 г., вынуждаемый недостаткомъ дровъ на своихъ Лудскихъ соловарняхъ, монастырь выпросилъ у царя на оброкъ изъ наддачи рѣчку съ лѣсомъ въ Унской губѣ, обязавшись платить вмѣсто прежнихъ 3 алт. 2 ден. по 30 алт. ежегодно; около того же времени онъ купилъ противъ своего Холмогорскаго двора въ Куреской волости 2 черныя деревни, въ которыхъ къ 1634 году успѣлъ поставить дворъ для старца-прикащика, около двора 10 амбаровъ, сарай и дворъ коровій. Наконецъ въ 1636 г. пожалованъ былъ царемъ монастырю Яренгскій погостъ (на Лѣтнемъ берегу) съ церковію, со всѣмъ строеніемъ и

---

[1]) Сборн. Сол. грам., № 87.

[2]) Тамъ же, №№ 177 и 184.

съ живущими въ погостѣ оброчными бобыльскими и казачьими людьми, съ ихъ дворами и со всѣми угодьями[1]).

Заканчивая обзоръ вотчинъ Соловецкаго монастыря, укажемъ еще на одно его пріобрѣтеніе, относящееся уже ко второй половинѣ XVII вѣка. Выше были поименованы земли монастыря по нижнему теченію Двины. Двина имѣла огромное значеніе въ исторіи Соловецкаго монастыря. Она существенно опредѣлила развитіе и направленіе его хозяйственной дѣятельности; отъ нея же много зависѣло и матеріальное существованіе монастыря. Ея теченіе служило для него тѣмъ путемъ, которымъ онъ связывалъ свою Бѣломорскую, украйную промышленность съ промышленностью внутреннихъ областей государства. По Двинѣ ежегодно ходили монастырскіе насады, возившіе въ Вологду и другіе города десятки тысячъ пудовъ соли изъ монастырскихъ варницъ и возвращавшіеся съ огромными хлѣбными и разными другими запасами, необходимыми для многочисленной братіи монастыря и многочисленныхъ слугъ, работавшихъ на его земляхъ. На этомъ-то пути, далеко отъ моря, въ 1680 году монастырь пріобрѣлъ новое перепутье для своихъ судовъ, Красноборскій погостъ. Пріобрѣтеніе это любопытно тѣмъ, что по поводу его мы узнаемъ исторію возникновенія Красноборскаго погоста (нынѣ,— безъуѣзднаго города Вологодской губерніи), знакомящую насъ съ однимъ моментомъ того долгаго и мало замѣтнаго процесса, который сдѣлалъ изъ пустынь Заволоцкой Чуди обширную русскую область и привлекъ въ нее русское населеніе. При этомъ живо выступаетъ передъ нами и одинъ изъ двигателей этого процесса, крестьянинъ-землевладѣлецъ. На Двинѣ, въ 75 верстахъ отъ Устюга Великаго, на Юрьевѣ наволокѣ, отданъ былъ 1620 году на пустомъ черномъ мѣстѣ дикій лѣсъ, четь выти, крестьянину Рудачку Ожегову на льготу и на распашку, съ обяза-

[1]) Сборн. Сол. грам., №№ 232 и 260. Лѣтоп. Солов., 1815 г. стр. 35.

тельствомъ платить въ казну оброка 16 алт. 3 ден. Около этой пустоши находились 2 деревни, описываемыя со всѣми типическими особенностями сѣверной деревни XVI или XVII вѣка: это были: дер. Драчевская на Двинѣ, а въ ней бобыль, пашни паханой середней земли 14 чет. въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна на пожняхъ 135 копенъ, лѣса „пашеннаго“ 7 десят., а непашеннаго 10 десят., въ живущемъ выть, и дер. Сверчевская на Двинѣ же, а въ ней два двора крестьянскихъ, пашни паханой 12 чет. съ полуосминою, сѣна „вопче“ съ другою деревнею Сверчевскою за Двиною 111 копенъ, лѣса пашеннаго 6 десят., а непашеннаго 10 десят., въ живущемъ выть безъ получети. Эти деревни отданы были тому же Ожегову въ угодье на сѣнные покосы и на дровосѣкъ. Поселившись на этой землѣ, Рудачко Ожеговъ построилъ въ 1627 г. здѣсь, на Красномъ бору, церковь Спаса нерукотвореннаго образа, и церковныя всякія потребы, иконы и сосуды, книги, ризы и колокола купилъ на свои деньги. До 1632 года въ церкви отправлялось богослуженіе, но потомъ, неизвѣстно вслѣдствіе чего, прекратилось, и церковь 9 лѣтъ стояла пустою. Въ 1641 году начались чудеса и исцѣленія многія отъ иконы въ этой церкви, и стали привлекать къ ней жителей изъ окрестныхъ деревень для моленія [1]). Вслѣдствіе этого возобновилось въ церкви богослуженіе, при ней явились старосты изъ выборныхъ мірскихъ людей, 2 попа, дьяконъ и 2 дьячка: изъ приношеній образовалась въ церкви „многая казна“, на которую куплено было всякое церковное строеніе; въ селѣ, при церкви, ежегодно собиралась ярмарка. Между тѣмъ, въ 1643 году Рудачко Ожеговъ уступилъ свою Краснобор-

[1]) Эти подробности о Красноборскомъ погостѣ и Спасской церкви взяты изъ соловецкой грамоты 1680 г. (въ 3-й ч. Оп. Сол. мон., стр. 167—178) и изъ повѣсти о чудотворной Красноборской иконѣ (ркп. Синод. библіотеки № 809, л. 850—889). Въ этой повѣсти составленной около половины XVII в., читаемъ: „На Красномъ бору, въ Устюжскомъ уѣздѣ, надъ Двиною рѣкою, на усть Неменжи рѣки, пониже Прокопія праведнаго, совершенъ и освященъ храмъ

скую вотчину съ церковью брату своему Степану Ожегову, который на церковныя деньги прикупилъ къ церкви нѣсколько тяглыхъ пашенныхъ земель и сѣнныхъ покосовъ на содержаніе церковнаго причта. Степанъ Ожеговъ передалъ эту вотчину съ нѣсколькими другими деревнями четверымъ своимъ сыновьямъ. Между тѣмъ крестьяне окрестныхъ волостей неравнодушно смотрѣли на доходную вотчину, образовавшуюся на дикомъ лѣсу трудами крестьянина Рудачка Ожегова, и задумали отнять ее у наслѣдниковъ. Возникшая по этому дѣлу тяжба повела къ тому, что изъ Москвы велѣно было въ 1678 году описать Красноборскія земли вмѣстѣ съ церковію, и вотъ въ какомъ положеніи нашли устюжскіе писцы погостъ, бывшій дикимъ лѣсомъ при поселеніи тамъ Рудачка, 50 лѣтъ назадъ: въ Юрьевѣ наволокѣ Спасскій Красноборскій погостъ на рѣкѣ Двинѣ, а на погостѣ 8 дворовъ бобыльскихъ, да дворъ Соловецкаго монастыря; въ Пермогорской волости деревня Драчевская на рѣкѣ Двинѣ, а въ ней 2 двора половничьихъ Ивашки Ожегова (одного изъ 4-хъ братьевъ), деревня Сверчевская, а въ ней 2 двора половничьихъ Ивашки же Ожегова. Кромѣ того, тамъ же по Двинѣ еще Рудачко образовалъ на пустошахъ двѣ деревни да починокъ съ покосами. Тяжба волостныхъ крестьянъ не удалась, но братья Ожеговы заняли у Соловецкаго монастыря 300 рублей подъ залогъ своей Красноборской вотчины и, просрочивъ уплату, отступились въ его пользу отъ этой „стариной" своей вотчины на Красномъ бору, со всѣмъ церковнымъ строеніемъ и утварью, а также съ Драчевскою и Сверчевскою деревнями и съ прикупными церковными землями.

во имя Бога и Спаса нашего, въ 135 году, и безъ пѣнія стоялъ со 140 году до 149 году". Въ этомъ послѣднемъ году было первое чудо отъ иконы, и „въ то время бысть съѣздъ великій на Красный боръ ко Всемилостивому Спасу отъ многихъ весей и приходовъ священницы со кресты и со всѣми крылошаны".

Мы прослѣдили шагъ за шагомъ постепенное распространеніе вотчинъ Соловецкаго монастыря въ Бѣломорскомъ краѣ въ продолженіе двухъ столѣтій, насколько позволяютъ это сдѣлать уцѣлѣвшія Соловецкія грамоты и краткія извѣстія Соловецкаго лѣтописца. На скудную почву этихъ вотчинъ, для разработки средствъ, какія онѣ представляли, монастырь привлекалъ поселенцевъ. Какъ опредѣлены были положеніе и отношенія этихъ поселенцевъ къ своему вотчиннику? Двѣ уставныя грамоты игумена Филиппа (1548 и 1565 гг.) указываютъ нѣкоторыя черты того устройства, какое вносилъ монастырь въ свои вотчины: изъ нихъ же узнаемъ и составъ жившаго въ этихъ вотчинахъ населенія. Въ монастырской волости жили монастырскіе старцы, прикащикъ и келарь, которые при помощи доводчика и десятскаго управляли хозяйствомъ волости и судили жившихъ въ ней крестьянъ. Прикащику крестьяне платили съ лука по 4 московск. деньги, келарю по 1, а доводчику по 2: „то имъ поминка съ году на годъ и съ Великимъ днемъ", добавляетъ грамота. Бобыли, „кои живутъ о себѣ дворцами", платили прикащику по 2 деньги, келарю по ½ деньги, доводчику по 2 деньги; тоже и казаки, жившіе въ волостяхъ монастыря. Придетъ въ волость казакъ незнаемый или прежде жившій въ ней, и захочетъ въ волости жить и промышлять, — тотъ человѣкъ, у котораго онъ станетъ жить, долженъ явить его прикащику и доводчику и заплатить за явку 3 деньги первому и 1 второму; а пойдетъ казакъ вонъ изъ волости,—тотъ, у кого онъ жилъ, долженъ отъявить его прикащику и доводчику, ничего не платя за это кромѣ развѣ пошлины, которая осталась неуплаченной за прожитое казакомъ время. Сбѣжитъ казакъ безвѣстно, — прикащику допросить того, у кого онъ жилъ, по крестному цѣлованью ничего не брать за это, если казакъ сбѣжалъ дѣйствительно безвѣстно. Придетъ казакъ въ волость на недѣлю или болѣе, да пойдетъ прочь, явки за него не брать.—Изъ этихъ опредѣленій видно, какой элементъ населенія въ вот-

чинахъ монастыря отличался особенной подвижностью. О бобыляхъ и крестьянахъ нѣтъ въ грамотахъ ни одного такого опредѣленія. — Какіе торговые люди ѣздятъ зимой и лѣтомъ по волостямъ съ виномъ продажнымъ, прикащику тѣхъ людей на подворье не принимать и вина у нихъ не попупать ни прикащику, ни крестьянамъ, ни казакамъ, и своего не курить; за нарушеніе этого взыскивалось на монастырь рубль пени, да на прикащика 20 алтынъ и на доводчика 4 гривны. Какіе крестьяне или казаки станутъ зернью играть, на тѣхъ доправить на монастырь полтину, на прикащика 10 алт., на доводчика 2 гривны, а игроковъ выбить изъ волости вонъ. Изъ другихъ распоряженій грамоты узнаемъ, что не всѣ казаки жили на чужихъ дворахъ у крестьянъ; нѣкоторые имѣли свои дворы, держали лошадей и коровъ. — Особенно любопытны распоряженія о солевареніи въ монастырскихъ вотчинахъ: „во всѣхъ нашихъ деревняхъ, — пишетъ игуменъ, — црѣномъ варить зимой и лѣтомъ 160 ночей, а дровъ къ црѣну сѣчь къ зимней и къ лѣтней вари на годъ 600 саженъ, запасать дровъ на одинъ годъ, а впередъ на другіе годы не запасать; а кто станетъ лишнія ночи варить и лишнія дрова сѣчь, на того полагать пеню, а лишнюю соль и дрова брать на монастырь“ [1]).

Изъ обзора вотчинъ монастыря мы видѣли, что большая часть ихъ доставалась ему пустыми, нетронутыми и не заселенными. Медленно и трудно, среди суровой обстановки, развивалась на нихъ жизнь, вносимая монастыремъ. Между тѣмъ, съ одной стороны, значеніе монастыря привлекало въ него многочисленную братію, содержаніе которой требовало обширныхъ средствъ; съ другой стороны, на монастырѣ лежала обязанность заботиться о нуждахъ своихъ слугъ и крестьянъ, которые не всегда могли найдти имъ удовлетвореніе на скудной почвѣ; наконецъ, стоя на украйнѣ, онъ долженъ былъ энергически защищать себя и

[1]) Оп. Сол. мон., ч. 3, грам. на стр. 184—194

свои вотчины отъ враждебныхъ нападеній съ запада, съ Каянскаго рубежа. Всѣмъ этимъ требованіямъ онъ удовлетворялъ широкимъ развитіемъ хозяйства въ своихъ вотчинахъ. Въ его грамотахъ есть довольно указаній на размѣры его промышленной дѣятельности. Оставляя подробности, ограничимся немногими цифрами. Въ концѣ XVI вѣка (1584—1594) въ монастырѣ было 270 чел. братіи [1]). Въ 1649 году ея было уже 350 чел., да слугъ и работныхъ людей было въ монастырѣ около 600 человѣкъ, не считая здѣсь рабочихъ на соляныхъ варницахъ; въ 1621 году этихъ послѣднихъ было 700 человѣкъ; всѣ они, по выраженію грамоты, пили, ѣли и носили монастырское. Въ 1621 году, въ Соловецкой крѣпости на содержаніи монастыря было 1040 человѣкъ ратныхъ людей, кромѣ бывшихъ въ Сумскомъ острогѣ стрѣльцовъ. Соляной промыселъ былъ главнымъ средствомъ покрытія всѣхъ этихъ расходовъ. Въ грамотахъ монастыря постоянно слышится жалоба, что „монастырь— мѣсто невотчинное, пашенныхъ земель нѣтъ, развѣ что соль продадутъ, тѣмъ и запасъ всякой на монастырь купятъ и тѣмъ питаются". Около половины XVI в. монастырь продавалъ въ Вологдѣ и другихъ городахъ 6000 пуд. соли изъ своихъ варницъ; въ половинѣ XVII вѣка онъ продавалъ ея уже 130,000 пуд., платя за это пошлины 658 руб. Кромѣ того, за крестьянъ, со своихъ вотчинъ, рыбныхъ ловель и другихъ угодій, онъ платилъ въ казну до 4000 руб. оброка и другихъ царскихъ сборовъ. Въ концѣ XVI в. онъ покупалъ ежегодно на вырученныя за соль деньги до 20 пуд. воска, да 8000 четвертей ржи на монастырскій обиходъ братіи, слугъ и крестьянъ, кормившихся отъ монастыря. При этомъ онъ скоплялъ средства, которыми помогалъ государству въ трудныя минуты: въ царствованіе Алексѣя Михайловича, напр., онъ выслалъ въ Москву на жалованье ратнымъ людямъ 41,414 руб. и 200 золотыхъ.

[1]) По извѣстію въ сборн. Солов. библ. XVI в., № 860.

ПСКОВСКІЕ СПОРЫ*).

I.

Русское церковное общество въ XV вѣкѣ.

Предпринимаемый разсказъ имѣетъ предметомъ нѣкоторыя явленія, относящіяся къ исторіи русской мысли. Исторія русской мысли и именно мысли древнерусской навѣрное покажется нѣсколько изысканнымъ выраженіемъ, фразой, не точно передающей свое содержаніе: скажутъ, явленія, которыя подъ нею разумѣются, даютъ матеріалъ только для исторіи русскаго усвоенія чужой мысли, ничего не прибавившаго къ содержанію послѣдней, кромѣ развѣ ошибокъ и искаженій. Но одними новыми вкладами въ умственный капиталъ человѣческой образованности не ограничивается исторія мысли: она есть вмѣстѣ и исторія мышленія, формальнаго развитія народной мысли въ работѣ надъ готовымъ чужимъ матеріаломъ. Въ этомъ отношеніи исторія русской мысли даетъ много для объясненія русскаго народнаго характера, склада народнаго духа. Слѣдовательно, есть научный интересъ и въ исторіи русской мысли. Этотъ интересъ увеличивается своеобразными чертами, обнаружившимися въ развитіи русскаго мышленія. Съ наибольшимъ напряженіемъ и въ продолженіе очень долгаго времени исключительно это мышленіе работало въ области церковныхъ предметовъ. Если въ памятникахъ русской литературы, сюда относящихся, откинемъ чуждый по происхожденію матеріалъ, передъ нами останутся два элемента, характеризующіе дѣя-

---

*) Православное Обозрѣніе, 1872 № 9, 10 и 12.

тельность русскаго ума: это—духовные вопросы, преимущественно занимавшіе его, и пріемы, имъ усвоенные при ихъ разрѣшеніи. Разсмотрѣвъ характеръ этихъ вопросовъ и пріемовъ, найдемъ, что умственная область, къ которой съ особенной любовью обращалась русская мысль въ продолженіе многихъ столѣтій, была церковно-нравственная казуистика. При случаѣ, хотя и по чужимъ образцамъ, древнерусскій книжникъ умѣлъ сказать много хорошаго о значеніи женщины въ христіанствѣ, не дѣлая и намека, что въ ея природѣ находитъ что-либо непримиримое со спасеніемъ. Но онъ въ смущеніи останавливался предъ какой нибудь подробностью, напримѣръ, передъ вопросомъ: „можно ли священнику служить въ одеждѣ, въ которую вшитъ женскій платъ?“ Какъ будто путемъ своихъ общихъ христіанскихъ понятій о женщинѣ задавшій этотъ вопросъ не могъ добраться до отвѣта, ему даннаго: „а развѣ женщина погана?“ Наоборотъ, въ другихъ случаяхъ онъ умѣлъ дѣлать очень смѣлые логическіе шаги и широкія обобщенія. Онъ безъ труда рѣшалъ, почему надо хоронить мертвеца не по закатѣ солнца, а когда оно стоитъ еще высоко: потому что „покойникъ видитъ тогда послѣднее солнце до общаго воскресенія“ *(Вопросы Кирика)*. Подняться до цѣльнаго и стройнаго религіознаго міровоззрѣнія въ духѣ и истинѣ слова Божія древнерусскій человѣкъ не чувствовалъ себя въ силахъ, сколько можно судить по его литературѣ; во внутренній смыслъ вопроса онъ вникалъ съ трудомъ и неохотно; за то какая нибудь внѣшняя подробность этого вопроса, приложеніе его къ тому или другому практическому случаю—это могло приковывать къ себѣ древнерусскій умъ съ неотразимою силой. Вступая въ міръ религіозныхъ понятій, онъ обращался прежде всего къ этимъ отдѣльнымъ случаямъ, мелкимъ казусамъ, и на нихъ способенъ былъ развить удивительную силу напряженія и стойкости; но чтобы твердо уяснить себѣ основныя начала и по нимъ опредѣлить всѣ возможные практическіе случаи, для этого ему не доставало, повидимому, ни умѣнья, ни охоты. Съ нивы русскихъ сердецъ,

вспаханной, по выраженію лѣтописца, св. Владиміромъ и засѣянной Ярославомъ, русская мысль потомъ дергала и молотила каждый колосъ отдѣльно, и потому, можетъ быть, работа ея была такъ медленна и малоплодна, хотя производилась иногда съ большими діалектическими усиліями.

Эта сила діалектическаго напряженія мысли рядомъ съ недостаткомъ внутренняго содержанія въ наивныхъ вопросахъ, къ которымъ она обращалась, одинаково характеризуетъ и древнѣйшія произведенія русскаго мышленія, напримѣръ, вопросы Кирика съ отвѣтами на нихъ, и позднѣйшую умственную дѣятельность раскола, которая и по содержанію и по пріемамъ составляетъ прямое продолженіе древнерусскаго мышленія. Можно утверждать, что обѣ эти черты имѣютъ въ сущности мало общаго съ византійскимъ богословствованіемъ. Послѣднее отличалось наклонностью къ отвлеченію, тонкостію въ діалектическомъ развитіи понятій и умѣньемъ складывать ихъ въ стройную систему. Ничего этого не замѣтно въ древнерусскомъ богословствованіи: въ немъ можно найти даже свойства прямо противоположныя. Однакожъ византійское вліяніе не оставалось здѣсь безучастнымъ. Происхожденія указанныхъ чертъ древнерусской мысли слѣдуетъ, кажется, искать въ отношеніи византійскаго умственнаго запаса, принятаго Россіей, къ умственному уровню, на которомъ она стояла до конца XVII в. Когда непосредственное, эпическое настроеніе мысли встрѣчается съ тонкими религіозно-нравственными опредѣленіями, выработанными черезчуръ отвлеченной мыслью подъ вліяніемъ сложной церковной жизни, можетъ быть, естественнымъ результатомъ такой встрѣчи и является наивная церковно-нравственная казуистика.

Явленія русской жизни XV в., избранныя предметомъ настоящаго разсказа, любопытны тѣмъ, что въ нихъ довольно ясно выступаютъ не только указанныя особенности русской умственной дѣятельности, но и нѣкоторыя условія, ихъ создавшія. Эти явленія довольно извѣстны въ нашей церковной исторіи; но ихъ не любятъ разсматривать со стороны напра-

вленія, какое приняла русская умственная жизнь съ XV вѣка, со стороны побужденій и интересовъ, какіе начали дѣйствовать въ ней и обнаруживаться съ того времени. Притомъ въ изображеніи этихъ явленій допускаются обыкновенно пробѣлы и неточности, исправимыя на основаніи сохранившихся историческихъ памятниковъ.

Въ исторіи русской церкви XV вѣкъ тѣмъ замѣчателенъ, что онъ вмѣстѣ съ внѣшними отношеніями глубоко измѣнилъ внутреннее настроеніе русскаго церковнаго общества, не прибавивъ однакожъ ничего къ прежнему запасу его понятій и знаній. Усиліями московскихъ князей въ продолженіе ста лѣтъ со времени Семена Гордаго глава русской іерархіи сталъ независимо къ патріарху и пересталъ ѣздить въ Царьградъ на поставленіе: Русь въ церковной жизни сдѣлалась самостоятельной помѣстной церковью и перестала считаться епархіей цареградскаго патріарха. Вмѣстѣ съ этимъ внѣшнимъ обособленіемъ постепенно измѣнился ея взглядъ на себя и на свое церковное отношеніе къ Византіи, откуда нѣкогда принесли ей азбуку христіанства. Греческіе іерархи, занимавшіе митрополичью и епископскія каѳедры въ Россіи, никогда не имѣли ни сильнаго вліянія на господствовавшій здѣсь общественный порядокъ, ни большого личнаго авторитета въ глазахъ русской паствы. Флорентійскій соборъ, „трагедія достохвальная съ концемъ злымъ и жалостнымъ", по выраженію кн. Курбскаго, покрылъ тѣнью свѣтъ греческаго православія въ глазахъ русскаго общества. Митрополитъ Іона, оправдывая свое поставленіе въ Москвѣ безъ участія цареградскаго патріарха, писалъ въ своей окружной грамотѣ въ 1448 г., что русскіе князья принимали и благословеніе, и митрополита изъ Царьграда, пока тамъ было православіе. Паденіе Константинополя еще болѣе сгустило эту тѣнь. По своей привычной логикѣ русская мысль поставила это политическое и народное несчастіе въ прямую внутреннюю связь съ измѣной православію, тѣмъ болѣе, что своихъ двухсотлѣтнихъ владыкъ, безбожныхъ агарянъ, уже переставали бояться. „И о томъ, дѣти, подумайте, писалъ въ 1471 г.

митрополитъ Филиппъ зашатавшимся новгородцамъ: царствующій градъ Константинополь непоколебимо стоялъ, пока какъ солнце сіяло въ немъ благочестіе; а какъ покинулъ истину, да соединился съ латиной, такъ и впалъ въ руки поганыхъ.“ Въ тоже время сторонніе люди, пріѣзжіе съ Востока, обращали вниманіе русскаго общества на богатство его собственной церковной жизни. Приступая къ жизнеописанію препод. Сергія Радонежскаго, ученый сербъ Пахомій съ реторическимъ одушевленіемъ спрашиваетъ, не изъ Іерусалима ли, не съ Синая ли засвѣтился этотъ свѣтильникъ, и отвѣчаетъ: нѣтъ, изъ Русской земли, которая недавно вышла на свѣтъ изъ мрака кумирослуженія, но уже озарилась многими свѣтилами, такъ что превзошла издавна пріявшихъ просвѣщеніе. Въ Царьградѣ, говорили русскіе книжники XVI вѣка, вѣра православная испроказилась Махметовой прелестью отъ безбожныхъ турокъ, а здѣсь въ Русской землѣ паче просіяла святыхъ отецъ нашихъ ученіемъ: это сравненіе стало народнымъ вѣрованіемъ, въ которомъ пробудившееся чувство народной силы нашло себѣ самое понятное и гордое выраженіе. Явилась и легенда, чтобы закрѣпить это вѣрованіе въ народномъ воображеніи. Міръ оскудѣлъ свѣтомъ благочестія, старыя звѣзды его, два Рима, померкли, и чудесными путями пошли ихъ святыни искать новаго пріюта въ третьемъ Римѣ, засіявшемъ среди лѣсовъ „россійскаго острова“, гдѣ не бывало стопы апостольской. Во второй половинѣ XV в. начали распространяться въ русскомъ обществѣ разсказы о двухъ святыняхъ, о бѣломъ клобукѣ и чудотворной Тихвинской иконѣ, появленіе которыхъ на Руси легенда связываетъ съ паденіемъ Константинополя. За много лѣтъ до этого, чтобы не сдѣлаться добычею злого обдержанія поганыхъ, обѣ святыни покидаютъ грѣховный царствующій градъ Константина для засвѣтившагося благочестіемъ Россійскаго царства. Сознаніе собственнаго превосходства, выразившееся въ этихъ разсказахъ, возвышалось до сожалѣнія о своемъ падшемъ церковномъ учителѣ: это паденіе вызываетъ въ правовѣрныхъ русскихъ разсказчикахъ теплыя слезы и

молитву, чтобы снова процвѣлъ благочестіемъ этотъ преславный второй Римъ, какъ изсохшій жезлъ Аарона. Такія внѣшнія обстоятельства, какъ политическія несчастія Константинополя и іерархическое обособленіе всероссійской митрополіи, дали русскому обществу случай впервые почувствовать себя взрослымъ въ церковной жизни. Напряженность этого чувства была настолько сильна, что не дала ему остановиться и успокоиться на созерцаніи правъ новаго возраста, но доводила его до неясныхъ помысловъ о новой отвѣтственности. Въ хорошихъ головахъ XV—XVI в. начинала мелькать мысль о необходимости русскому обществу строже взглянуть на себя именно потому, что оно теперь осталось единственнымъ въ мірѣ носителемъ чистаго православія. Съ этой стороны любопытно анализировать наставленія, изложенныя въ посланіи къ великому князю Василію Ивановичу, которое приписывается старцу Филоѳею. Авторъ посланія—инокъ псковскаго Елеазарова или Евфросинова монастыря, въ которомъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ происходилъ описываемый ниже церковный споръ. Филоѳей вполнѣ проникнутъ дѣйствіемъ міровыхъ событій, измѣнившихъ церковное положеніе Россіи. „Внимай тому, благочестивый царь,—пишетъ онъ: два Рима пали, третій—Москва—стоитъ, а четвертому не бывать. Святая соборная церковь этого новаго третьяго Рима въ твоемъ державномъ царствѣ нынѣ по всей поднебесной ярче солнца свѣтится православной христіанской вѣрой. Знай, всѣ православныя христіанскія царства сошлись въ одно твое царство; во всей вселенной одинъ ты христіанскій царь. Твое христіанское царство уже другимъ не достанется: послѣ него чаемъ царства, которому не будетъ конца. Подобаетъ все это держать со страхомъ Божьимъ“. Надобно оставить исключительное упованіе на земныя матеріальныя силы и самимъ подумать объ устроеніи церковныхъ и нравственныхъ недостатковъ русскаго общества, чтобы приблизить его къ начертанному высокому образу единственнаго и послѣдняго истинно христіанскаго царства. Для этой цѣли Филоѳей требуетъ отъ великаго князя выпол-

ненія трехъ задачъ: научить подданныхъ своихъ правильно полагать на себѣ знаменіе честнаго креста, чего многіе изъ нихъ не дѣлаютъ, потомъ не оставлять соборныхъ церквей въ царствѣ безъ епископовъ, не допускать ихъ вдовствовать, и наконецъ искоренить изъ православнаго царства противоестественный грѣхъ, горькій плевелъ, распространившійся между мірянами и даже не одними мірянами. И оправдывая эти совѣты, авторъ посланія снова молитъ князя внимать Господа ради тому, что всѣ христіанскія царства соединились въ одномъ его царствѣ.

Въ появленіи мысли объ оглядкѣ на себя, о пересмотрѣ своихъ внутреннихъ недостатковъ, заключается все, что можно назвать духовнымъ пріобрѣтеніемъ русскаго общества, вынесеннымъ изъ событій XV в. Но это пріобрѣтеніе не было собственно церковнымъ ни по своему первоначальному источнику, ни по своему практическому приложенію. Изъ описанныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ оно заимствовало языкъ и образы, чтобы облечься въ привычную форму факта церковной жизни; но самые питательные элементы своего содержанія оно извлекло изъ политическихъ успѣховъ московской Руси XIV—XV в. и преимущественно времени Ивана III. Государственный ростъ, доставившій русской іерархіи церковную автономію, пробудилъ и въ обществѣ чувство церковной возмужалости. Въ этомъ собственно нѣтъ ничего необычайнаго, ибо различныя сферы народной жизни въ то время далеко не различались строго. Гораздо неожиданнѣе на первый взглядъ практическое дѣйствіе этой перемѣны на духовенство. Въ посланіи представителя его Филоѳея содержится программа, цѣлая система отношеній. Задачи, указываемыя имъ, по существу своему, всѣ принадлежатъ вѣдомству церкви и ни одной изъ нихъ авторъ не довѣряетъ духовенству, требуя и ожидая ихъ разрѣшенія только отъ государственной власти. Филоѳей—мыслящій монахъ: въ своихъ посланіяхъ, очень хорошихъ по содержанію для XVI вѣка, онъ смотритъ гораздо выше и видитъ дальше сотенъ современныхъ ему русскихъ

книжниковъ. Оставаясь въ кругу понятій времени, онъ однакожъ ищетъ разумнаго объясненія событій, питавшихъ суевѣріе въ его современникахъ. „Перемѣны въ судьбахъ царствъ и странъ, пишетъ онъ въ другомъ посланіи, вооружаясь противъ современнаго астрологическаго бреда, не отъ звѣздъ происходятъ эти перемѣны. Подумай, въ какую звѣзду стали христіанскія царства, которыя нынѣ всѣ попраны невѣрными. Греческое царство разорено и не созиждется, потому что греки предали православную свою вѣру въ латинство.“ Однакожъ въ требованіи и ожиданіи, какія Филоѳей развиваетъ въ посланіи къ великому князю, звучитъ самоотреченіе русскаго духовенства. Тотъ самый писатель, который такъ ясно и энергично выразилъ почувствованное русскимъ обществомъ въ XV в. церковное превосходство, молчаливо призналъ недостатокъ внутренняго оправданія этого чувства. Пріобрѣтеніе автономіи русской церковной іерархіей сопровождается косвеннымъ сознаніемъ ея безсилія передъ задачами, выполненіе которыхъ только и могло оправдать ея коренныя права на существованіе. Въ этомъ видимомъ противорѣчіи оказалось лишь дѣйствіе очень послѣдовательнаго общаго закона русской исторической жизни. Извѣстныя условія этой послѣдней искони могущественно задерживали образованіе и развитіе общественныхъ союзовъ, основанныхъ на сознаніи общихъ правъ и интересовъ, мѣшали образованію и развитію корпорацій. Русская церковь со своими уставами и интересами, вынесенными изъ византійской купели, стала прямо противъ этихъ все уравнивавшихъ и все смѣшивавшихъ условій. Глубочайшій научный интересъ исторіи русской церкви состоитъ именно въ борьбѣ этой единственной общественной организаціи, перешедшей въ древнюю Русь изъ образованнаго историческаго міра въ готовомъ стройномъ видѣ, съ подвижной, вѣчно колеблющейся волной русской жизни, которая смывала едва начинавшія обозначаться грани сложнаго общественнаго разчлененія. Въ этой волнѣ потонула не одна подробность церковнаго устройства, не одинъ дорогой образовательный элементъ церковной жиз-

ни. Политическое объединеніе Руси Москвой только усилило это поглощеніе, сдѣлало еще незамѣтнѣе межу, которая отдѣляла духовную область церкви отъ міра, гдѣ дѣйствуютъ государственная сила и внѣшній законъ. Если перемѣны въ церковномъ положеніи и настроеніи Руси XV в. имѣли свой первоначальный источникъ въ ея государственномъ ростѣ, то самый этотъ ростъ для представителей церкви сталъ не только историческимъ фактомъ, который они благословили и подкрѣпили своимъ содѣйствіемъ, но и нравственнымъ правомъ, которому они подчинились и на которое возложили свои лучшія церковныя упованія. Въ 1354 г. патріархъ согласился посвятить въ санъ митрополита св. Алексія, избраннаго на Руси великимъ княземъ московскимъ и прежнимъ русскимъ митрополитомъ, но согласился въ видѣ исключенія, „не обычнаго и не безопаснаго для церкви,“ допущеннаго ради московскаго князя. Черезъ 25 лѣтъ любимецъ и избранникъ другого князя московскаго, архимандритъ Митяй, боясь ѣхать въ Царьградъ на посвященіе, съ помощію покровителя своего уже доказываетъ, что можно вовсе не ѣздить въ Царьградъ, а получить рукоположеніе отъ своихъ русскихъ епископовъ, помимо патріарха. Въ 1447 г. въ соборномъ посланіи русскаго духовенства къ Шемякѣ недавній московскій порядокъ преемства великокняжескаго стола отъ отца къ сыну названъ „земской изъ начала пошлиной,“ исконнымъ народнымъ обычаемъ, а основанныя на старинномъ родовомъ правѣ притязанія отца Шемякина Юрія уподоблены сатанинскому внушенію, грѣху праотца Адама, пожелавшаго сравняться съ божествомъ. Въ 1458 г. русскіе епископы, собравшись въ Москву, постановили впредь признавать законнымъ русскимъ митрополитомъ того, кто будетъ поставленъ въ Москвѣ, у гроба св. Петра митрополита, по избранію Св. Духа, по правиламъ апостоловъ и св. отцевъ и „по повелѣнію господина нашего великаго князя, русскаго самодержца,“ а около того же времени великій князь, столь же мало заботясь объ исторической точности, какъ и духовенство въ посланіи къ Ше-

мякѣ, написалъ князю литовскому: старина наша, которая повелась отъ прародителя нашего св. Владиміра, та, что избраніе и принятіе митрополита всегда было правомъ прародителей нашихъ великихъ князей русскихъ и нашимъ: кто намъ будетъ любъ, тотъ и будетъ митрополитомъ у насъ на всей Руси. Наконецъ одинъ наблюдательный иноземецъ (Герберштейнъ), бывшій въ Москвѣ 5—6 десятилѣтій спустя, занесъ въ свои записки любопытное замѣчаніе: прежде митрополиты и архіепископы избирались здѣсь соборомъ всѣхъ архіепископовъ, епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ; а нынѣшній государь, говорятъ, обыкновенно призываетъ къ себѣ одного изъ извѣстныхъ ему лицъ и самъ избираетъ его по своему усмотрѣнію. Вотъ рядъ послѣдовательныхъ ступеней, которыя прошли обѣ великія силы, церковь и государство, движимыя указаннымъ русско-историческимъ закономъ. Но въ практическомъ сознаніи отдѣльныхъ, даже лучшихъ умовъ времени дѣйствіе общаго историческаго закона обыкновенно отражается въ видѣ свободной теоріи, личнаго взгляда, оправдывая извѣстную философическую притчу о камнѣ, который, падая, находитъ досугъ разсуждать, что онъ совершаетъ это движеніе по собственному желанію, въ силу свободнаго самоопредѣленія. То же самое было со старцемъ Филоѳеемъ и благоразумнымъ большинствомъ русскаго духовенства, ему современнаго, взглядъ котораго онъ выразилъ въ своемъ посланіи къ великому князю. Указываемая здѣсь князю программа церковной дѣятельности является плодомъ личныхъ взглядовъ Филоѳея, подобно тому, какъ личнымъ взглядомъ руководился современникъ его преп. Іосифъ Санинъ, переходя со своимъ монастыремъ изъ новгородской епархіи въ московскую, подъ непосредственное покровительство того же великаго князя. Не замѣчая подъ собой все увлекавшей народной волны, русское духовенство думало, что угадываетъ насущныя потребности времени и предупредительно имъ служитъ, добровольно передавая починъ существенныхъ церковно-правственныхъ отправленій въ руки государственной

власти. Если клерикализмъ полагать въ бдительности, съ какою церковные органы стерегутъ міръ совѣсти вѣрующаго отъ вторженій внѣшнихъ силъ, гражданскаго общества и государства, не имѣющихъ своей прямой задачей спасенія души, то русское духовенство уже тогда желало не быть клерикальнымъ, подобно тому, какъ въ XVII в. русскіе служилые военные люди охотно отказывались отъ репутаціи воинственныхъ, говоря: „дай Богъ великому государю служить, а саблю изъ ноженъ не вынимать“.

Событія XVI в. осуществили программу Филоѳея. Церковная дѣятельность русскаго духовенства этого времени является слабой сравнительно съ усиленнымъ движеніемъ въ другихъ сферахъ, довершившимъ устройство Московскаго государства, и даже въ этой слабой дѣятельности оно рѣдко выступаетъ начинателемъ. Можетъ быть, оно сильнѣе участвовало въ нецерковныхъ дѣлахъ, и навѣрное въ сферѣ чисто-церковной гораздо больше его сдѣлала власть государственная. Списокъ вопросовъ, поставленныхъ на Стоглавомъ соборѣ, былъ составленъ царемъ. Едвали не единственный крупный вопросъ, который возбудило само духовенство и въ которомъ оно обнаружило непривычную энергію и самостоятельность, былъ экономическій—о земельныхъ церковныхъ имуществахъ. Церковная мысль, столь равнодушная къ практическимъ вопросамъ церковной жизни, должна быть принять особенное, своеобразное въ своей односторонности направленіе. Замѣчательные признаки этого направленія встрѣчаемъ уже во второй половинѣ XV и въ началѣ XVI вѣка, въ одно время съ первыми проявленіями описаннаго церковнаго самосознанія. Съ этого именно времени, когда русское церковное общество почувствовало, что оно переросло свой прежній византійскій авторитетъ, раздаются жалобы представителей русской іерархіи на недостатокъ благочинія и упадокъ грамотности въ средѣ духовенства. Безплодная борьба съ безчиніемъ духовенства московской епархіи заставила митрополита Ѳеодосія отказаться отъ каѳедры (въ 1464 г.). Объ отвращеніи

къ грамотности и о полномъ невѣжествѣ людей, ищущихъ званія священно-служителей, горько сѣтуетъ архіепископъ новгородскій Геннадій въ своемъ знаменитомъ посланіи къ митрополиту Симону (около 1500 г.). Тѣже жалобы повторились на Стоглавомъ соборѣ, и притомъ, не смотря на мрачную картину, начертанную Геннадіемъ за полстолѣтіе прежде, соборъ прямо заявилъ, что къ его времени дѣло еще ухудшилось: „учиться негдѣ, а прежде въ Москвѣ, Новгородѣ и по другимъ городамъ много училищъ бывало, писать, пѣть и читать учили и грамотѣ гораздыхъ тогда много было, бывали пѣвцы, чтецы и доброписцы славные по всей землѣ“. Одновременно съ этими явленіями въ различныхъ частяхъ русской митрополіи поднимается рядъ любопытныхъ вопросовъ казуистическаго свойства. Въ 1455 г. возбуждено было церковное дѣло о ростовскомъ архіепископѣ Ѳеодосіи, который разрѣшилъ мірянамъ мясо, а инокамъ молоко и рыбу въ крещенскій сочельникъ, случившійся въ воскресенье. Этотъ самый Ѳеодосій потомъ, въ санѣ митрополита, сдѣлался жертвой своей ревности къ возстановленію благочинія въ средѣ духовенства. Въ 1482 г. едва не разгорѣлось въ большой церковный соблазнъ возбужденное митрополитомъ преслѣдованіе Чудовского архимандрита Геннадія, который точно въ такомъ же случаѣ разрѣшилъ своимъ монахамъ пить богоявленскую воду поѣвши. Еще раньше этотъ Геннадій, впослѣдствіи грозный бичъ новгородскихъ еретиковъ и ревнитель школъ для духовенства, защищалъ вмѣстѣ съ ростовскимъ архіепископомъ мнѣніе великаго князя о хожденіи *посолонь*. Въ 1478 г. при освященіи Успенскаго собора въ Москвѣ митрополитъ ходилъ съ крестами „не по солнечному всходу“: это напугало Ивана III, ждавшаго за это насланія гнѣва Божія, возбудило церковный процессъ, заставило перерыть церковныя книги, вызвало безконечные толки въ обществѣ и до темноты глубокомысленныя умствованія со стороны защитниковъ мнѣнія великаго князя въ преніяхъ съ митрополитомъ; пріостановленный нашествіемъ татаръ, споръ

возобновился въ 1482 г. и едва не кончился полнымъ разрывомъ между главами государства и іерархіи. Филоѳей въ изложенномъ выше посланіи жалуется на неправильность изображенія на себѣ русскими крестнаго знаменія, не указывая, въ чемъ она состояла. Но именно въ это время, въ началѣ XVI в. появляется въ русской письменности и прежде всего въ одномъ словѣ митр. Даніила довольно распространенное уже мнѣніе о двуперстномъ сложеніи креста, новый источникъ церковныхъ споровъ и смущеній. Изъ другого Филоѳеева посланія видно, что въ концѣ XV и началѣ XVI в. вѣрующіе смущались существованіемъ двухъ лѣтосчисленій отъ сотворенія міра и отъ Рождества Христова. Въ 1476 г., по извѣстію лѣтописи, возникло разногласіе между новгородскими „философами" въ пѣніи *Господи помилуй*. Не много раньше въ той же епархіи, въ Псковѣ завязался бурный богословскій споръ о сугубой аллилуіи, продолжавшійся и послѣ безконечными преніями. Остались слѣды ухищренныхъ словопреній, вызванныхъ нѣкоторыми изъ этихъ вопросовъ; другіе заставляютъ тоже предполагать самымъ своимъ содержаніемъ. Есть указаніе на связь умственнаго направленія, вызывавшаго подобные споры, съ развитіемъ въ русскомъ обществѣ описаннаго церковнаго самомнѣнія и гордости своими церковными преданіями. Въ началѣ XVI в. впервые обнаружилось въ русскихъ книжникахъ слѣпое благоговѣніе передъ буквой старой книги. Максимъ Грекъ вызвалъ споры и бурю противъ себя исправленіемъ нелѣпостей въ русскихъ богослужебныхъ книгахъ и между прочимъ уничтоженіемъ слова *истиннаго*, которое нѣкоторые русскіе списки символа вѣры ставили въ членѣ о Духѣ Св. вмѣсто *Господа*. Онъ чужой, пріѣхалъ откуда-то, гдѣ и древняго благочестія уже нѣтъ, правитъ по своему разуму, хулитъ и отвергаетъ всѣ наши святыя книги и тѣмъ оскорбляетъ нашихъ чудотворцевъ, возсіявшихъ отъ начала русской земли, которые по этимъ книгамъ спасались и угодили Богу: такъ думали и говорили малознающіе русскіе ревнители домашняго церковнаго автори-

тета, обиженные пріѣзжимъ знающимъ справщикомъ. Теперь они почувствовали себя въ состояніи и правѣ разсуждать о многомъ, о чемъ прежде молчали или справлялись у учителей, разсуждать по своему, безъ указки, ссылаясь кстати и не кстати на свою родную старину,—и любимымъ предметомъ ихъ разсужденій стали формальныя церковныя тонкости, тѣмъ болѣе, что отъ практическихъ вопросовъ церковной жизни они устранились или были устранены.

Изображенные три факта нашей церковной жизни, обнаружившіеся съ половины XV вѣка: чувство церковной самостоятельности, упадокъ образованія въ духовенствѣ и равнодушіе послѣдняго къ практической церковной самодѣятельности, достаточно объясняютъ происхожденіе четвертаго—умноженія споровъ о формальныхъ или казуистическихъ церковныхъ тонкостяхъ, а всѣми четырьмя фактами довольно полно опредѣляется умственное состояніе русскаго церковнаго общества во второй половинѣ XV в.

II.

Псковское церковное общество въ XV в.

Въ Россіи XV в. было одно мѣстное церковное общество, которое благодаря наивной запутанности своихъ внутреннихъ отношеній и сложности внѣшнихъ вліяній, ясно, можетъ быть, яснѣе какого-либо другого въ то время, отражало на себѣ измѣнившееся настроеніе русской церкви съ его послѣдствіями. Это былъ Псковъ.

Приступая къ разсказу о взятіи Пскова великимъ княземъ московскимъ въ 1510 году, современный псковскій повѣствователь рисуетъ такую картину внѣшнихъ отношеній родного города передъ его паденіемъ: Отъ начала русской земли сей градъ Псковъ не былъ владѣемъ никоимъ княземъ, но жили люди его на своей волѣ. Прежнія удѣльныя княженія взялъ подъ свою власть ратію великій князь московскій не вдругъ, а въ разное время. Городъ же Псковъ твердъ стѣнами и было

въ немъ множество людей, и поэтому московскій князь не пошелъ на нихъ ратью, боясь, чтобъ не отступили они къ Литвѣ: онъ обольщалъ псковичей злымъ лукавствомъ и хранилъ съ ними міръ, и они крестъ цѣловали ему—никуда не отступать отъ великаго князя. Князь великій посылалъ къ нимъ своихъ князей по ихъ желанію, кого просили, того и посылалъ, а иногда посылалъ туда намѣстниковъ по своей, а не по ихъ волѣ, и эти намѣстники насиловали, грабили и разоряли псковичей поклепами и судами неправедными. Жители же Пскова и окрестныхъ городовъ посылали къ великому князю посадниковъ съ жалобами на нихъ. И такъ бывало много разъ.—Здѣсь довольно наглядно изображено, какъ изъ сравнительно богатыхъ средствъ и разностороннихъ внѣшнихъ вліяній Псковъ не создалъ прочнаго внутренняго обезпеченія своей вольности, того, чѣмъ онъ всего болѣе дорожилъ и гордился. Разностороннія вліянія обыкновенно содѣйствуютъ устойчивости стоящей подъ ними исторической среды, если послѣдняя имѣетъ достаточно внутреннихъ общественныхъ силъ. Мутное русское море медленнымъ и тяжелымъ прибоемъ сбивало на своихъ окраинахъ клубы бѣлой, красивой пѣны въ видѣ вольныхъ городскихъ общинъ на сѣверѣ и казацкихъ дружинъ на югѣ. Но эти легкія массы, не отвердѣвшія, осѣдались и исчезали по мѣрѣ того, какъ улегалось внутреннее безпокойное движеніе.

Точно также изъ разностороннихъ церковныхъ вліяній, шедшихъ изъ Новгорода, Москвы, непосредственно съ Востока и отъ стоявшаго на псковскомъ рубежѣ западнаго католицизма, Псковъ не вынесъ ни болѣе богатаго содержанія, ни болѣе правильнаго устройства своей церковной жизни сравнительно съ другими частями русской митрополіи. Псковъ со своими пригородами не составлялъ особой епархіи. Политическое обособленіе отъ Новгорода, признанное послѣднимъ въ половинѣ XIV вѣка, не сняло со Пскова церковной зависимости его отъ новгородскаго владыки. Отношенія вольнаго города къ его епархіальному архіерею опредѣлились въ угоду его

политической автономіи и въ ущербъ правильному и безпрепятственному развитію его церковной жизни. Владыкѣ принадлежали въ Псковѣ церковный судъ, печать, воды, земли и оброки, церковныя и судебныя пошлины. Но эти административныя и судебныя права онъ передавалъ своему намѣстнику или владычнему судьѣ, который его именемъ правилъ духовенствомъ псковской области и завѣдывалъ владычными доходами. Со времени договора Пскова съ Новгородомъ въ 1348 г. стало дѣйствовать постановленіе: отъ владыки быть въ Псковѣ намѣстникомъ „ихъ брату псковитину“, а изъ Новгорода не позывать псковичей ни дворянами, ни подвойскими, ни *софьянами.* Владыка ставилъ въ Псковѣ намѣстника на свой святительскій судъ и на свой подъѣздъ, на всѣ свои пошлины, по выраженію грамоты; священники должны были приходить къ нему на судъ и на всякую расправу, вносить ему владычный подъѣздъ и всякія пошлины и давать кормъ по старинѣ. Самъ владыка даже не всегда могъ лично посѣтить свою псковскую паству. Для этого назначена была „чреда“, извѣстный срокъ, разъ въ каждые три года, какъ думаютъ. Очередное посѣщеніе притомъ могло продолжаться не болѣе одного мѣсяца. Изъ всей новгородской епархіи такія отношенія существовали только въ Псковѣ. Можетъ быть, они не противорѣчили прямо церковнымъ правиламъ, но во всякомъ случаѣ принадлежали къ тѣмъ русскимъ церковнымъ особенностямъ, которыя, выходя изъ условій и побужденій вовсе не церковнаго свойства, постепенно и глубоко измѣнили первоначальную норму церковнаго порядка въ Россіи. Когда владыка пріѣзжалъ въ Псковъ въ свою череду, „на свой подъѣздъ и на старины“, псковское духовенство съ крестами, посадники и бояре со множествомъ народа выходили за городъ встрѣчать его. Большею частію это бывало зимой, въ декабрѣ или январѣ. Городъ давалъ подворья и кормъ владыкѣ съ его свитой, софьянами. Въ этихъ посѣщеніяхъ псковичи болѣе всего дорожили владычнимъ соборованіемъ, торжественнымъ священнодѣйствіемъ владыки въ главномъ городскомъ храмѣ

Св. Троицы. При этомъ читали синодикъ, проклинали злыхъ, зла хотѣвшихъ Новгороду и Пскову, и пѣли вѣчную память благовѣрнымъ князьямъ, упокоившимся въ дому св. Софіи и въ дому Св. Троицы, и другимъ добрымъ людямъ, положившимъ головы свои за домы Божіи и православное христіанство, а живущимъ окрестъ св. Софіи въ Новгородѣ и окрестъ Св. Троицы въ Псковѣ, также благовѣрнымъ князьямъ и всѣмъ православнымъ, пѣли великія многа лѣта. Со своей стороны владыки старались не пропустить очереди главнымъ образомъ ради мѣсячнаго своего суда съ его пошлинами, ради „подъѣзда“, или сбора съ псковскаго духовенства за пріѣздъ, и наконецъ ради хорошаго поминка, которымъ дарилъ его Псковъ, посадники и всѣ концы, при отъѣздѣ провожая его съ великою честію изъ своей земли до рубежа. За неисправный взносъ подъѣзда священнику грозило запрещеніе служить. За то лѣтопись сохранила мало извѣстій о духовныхъ пастырскихъ дѣйствіяхъ владыки въ эти пріѣзды. Это былъ очень рѣдкій, если не исключительный случай, когда архіепископъ Геннадій, посѣтивъ Псковъ по его челобитью въ 1486 г., пришелъ на вѣче, благословилъ народъ и „многа словеса учительна простеръ.“

Такой порядокъ отношеній влекъ за собой цѣлый рядъ слѣдствій, разстроивавшихъ церковную жизнь Пскова. Сами владыки не скрывали, что перечисленные доходы — единственная цѣль ихъ посѣщеній. Они не любили ѣздить въ Псковъ „тако“, чтобы только благословить и поучить „дѣтей своихъ псковичь и поповъ.“ Въ XIV в., въ смутное для псковской паствы время, это случилось раза два, и то по мольбѣ и челобитью самого Пскова, когда злой моръ свирѣпствовалъ въ городѣ. Даже въ очередные пріѣзды владыки очень рѣдко проживали въ Псковѣ весь свой мѣсяцъ, спѣша взять свое и воротиться домой. Разсказывая о пріѣздѣ архіеп. Ѳеофила въ декабрѣ 1476 г., псковскій лѣтописецъ замѣчаетъ: а пробылъ онъ въ Псковѣ весь свой мѣсяцъ, всѣ четыре недѣли; давно ужъ владыки въ свой пріѣздъ не живали такъ въ Псковѣ всего мѣсяца. За то съ денежными требованіями они являлись иногда въ Псковъ

и не въ очередь, а „наровою“, или даже не пріѣзжали сами, а посылали своего протопопа просить съ псковскихъ поповъ подъѣзда. Это было источникомъ смутъ и ссоръ паствы съ пастыремъ. Случилось, что послѣдній, уѣзжая изъ непокорнаго Пскова, предавалъ его проклятію. Въ 1435 г. архіеп. Евѳимій посѣтилъ Псковъ не въ урочный годъ, потребовалъ своего мѣсячнаго суда и подъѣзда съ духовенства, хотѣлъ даже, вопреки псковскому праву, посадить здѣсь новгородца намѣстникомъ изъ своей руки, а отъ соборованія отказывался. Вышелъ споръ и владыка въ гнѣвѣ уѣхалъ. Посадники и бояре воротили его съ дороги, добили ему челомъ, дали судъ, „и попы за его подъѣздъ и оброкъ не стояли“. Но когда онъ съ намѣстникомъ своимъ началъ судить не по псковской пошлинѣ, покинувъ старину, тогда стало по грѣхамъ и по навожденію діавола, произошелъ бой у псковичей, съ софьянами. Владыка уѣхалъ, не взялъ и поминка отъ Пскова, причинивъ попамъ и игуменамъ много протора; не бывало такъ и отъ первыхъ владыкъ, какъ Псковъ сталъ, по грѣхамъ нашимъ,—прибавляетъ псковскій лѣтописецъ. Этотъ источникъ церковныхъ нестроеній пополнялся съ другой стороны. Со времени признанія политической автономіи Пскова уцѣлѣвшая епархіальная зависимость его отъ новгородскаго архіерея сама по себѣ должна была производить неминуемыя церковныя затрудненія для обѣихъ сторонъ. Притомъ политическая автономія не порвала исторической связи обѣихъ городовъ-братьевъ: у нихъ остались общіе политическіе интересы, одинаковые враги, продолжалась общая внѣшняя борьба, въ которой они не всегда дружно поддерживали одинъ другого. Въ разсказѣ псковскаго лѣтописца XV в. о военныхъ неудачахъ Пскова не разъ звучитъ горькая жалоба на новгородское непособіе, на холодность старшаго брата къ несчастіямъ младшаго. Въ 1463 г. новгородцы не сдержали своего обѣщанія, не пособили Пскову ни словомъ, ни дѣломъ въ борьбѣ съ нѣмцами, не приняли его челобитья, хотя псковичи „много челомъ биша.“ Псковъ обратился за помощью къ Ивану III и отнялъ у владыки его

псковскія земли и воды, доходы съ которыхъ обратилъ на кормъ великокняжеской вспомогательной рати, добивался даже особаго для себя епископа. Политическія столкновенія обоихъ городовъ обнаруживали неправильность ихъ церковныхъ отношеній. Владыка былъ слишкомъ тѣсно связанъ съ новгородскимъ гражданствомъ и слишкомъ слабо со псковскимъ, чтобы въ подобныхъ столкновеніяхъ направлять свое обширное гражданское вліяніе безпристрастно или въ пользу второго. Оттого немирье Пскова съ новгородцами обыкновенно превращалось въ ссору его и съ владыкой.

Изъ этихъ двухсторонних затрудненій развились любопытныя черты, характеризующія церковную жизнь Пскова и всей Руси XIV—XV в. Прежде всего Псковъ рядомъ со стремленіемъ къ политической особенности отъ Новгорода добивался и церковной. Въ матеріальномъ и духовномъ отношеніи онъ болѣе многихъ епископскихъ городовъ тогдашней Руси заслуживалъ особаго епископа и притомъ самаго дѣятельнаго и просвѣщеннаго, ибо здѣсь, особенно благодаря близости враждебныхъ народныхъ и церковныхъ вліяній, епископу предстояли трудныя задачи, какихъ не существовало во многихъ другихъ епархіяхъ. Но московскіе митрополиты, и по своимъ собственнымъ и по московскимъ княжескимъ соображеніямъ, опасались портить добрыя отношенія къ новгородскому владыкѣ, главѣ богатой епархіи и представителю богатаго вольнаго города. Потому на попытки, какія дѣлалъ Псковъ въ XIV и XV в., выпросить у митрополита особаго епископа, отвѣчали отказомъ, ссылаясь на то, что не повелось старины быть владыкѣ въ Псковѣ, искони не бывалъ. Между тѣмъ сами митрополиты должны были допускать отношенія, которыя оправдывали эти попытки. Среди церковныхъ смутъ и безпорядковъ, волновавшихъ Псковъ въ концѣ XIV и въ началѣ XV в., почти не замѣтно дѣятельнаго пособія паствѣ со стороны новгородскаго архіепископа. Псковское духовенство со своими вопросами и нуждами обращается непосредственно къ митрополиту, пишетъ ему о появившихся въ городѣ церковныхъ возмути-

теляхъ стригольникахъ, и митрополиты отвѣчаютъ на его вопросы, вмѣшиваются въ подробности церковной жизни Пскова. Митроп. Фотій проситъ псковичей прислать къ нему въ Москву благонадежнаго священника, желая научить его церковнымъ правиламъ, церковному пѣнію и божественнымъ службамъ, какъ будто у Пскова не существовало своего епархіальнаго архіерея. Митроп. Исидоръ хотѣлъ, повидимому, совсѣмъ отдѣлить Псковъ отъ новгородской епархіи, отнявъ въ 1438 г. у владыки судъ и печать, воды, земли и оброки, всю пошлину владычню въ Псковѣ, которую поручилъ своему митрополичьему намѣстнику.

Отсюда же, а не изъ какого-либо лучшаго источника, вытекали и особенности въ отношеніяхъ псковской церкви къ гражданскому обществу. Вниманіе, утомленное сухостью и безплодіемъ церковной жизни въ Московскомъ государствѣ послѣдующаго времени, соблазняется живымъ участіемъ, какое принимало мірское общество вольныхъ городовъ, Новгорода и Пскова, въ своихъ церковныхъ дѣлахъ, и наоборотъ—участіемъ новгородскаго и псковскаго духовенства въ мірскихъ дѣлахъ своихъ городовъ. Псковскіе посадники являются церковными старостами въ соборѣ Св. Троицы. Владыка помогаетъ псковичамъ въ укрѣпленіи ихъ города, даетъ свое серебро на постройку городскихъ стѣнъ. Намѣстникъ владыки ѣдетъ вмѣстѣ съ псковскимъ посадникомъ къ литовскому князю для мирныхъ переговоровъ. Городское вѣче поднимаетъ и обсуждаетъ чисто-церковные вопросы, псковское духовенство непосредственно участвуетъ въ совѣщаніяхъ вѣча, предлагаетъ ему на обсужденіе свои церковныя дѣла. Люди, занятые другими, позднѣйшими церковными идеалами, о которыхъ и не грезилось псковичамъ XV вѣка, готовы видѣть въ этихъ и подобныхъ нарядныхъ чертахъ признаки высшаго и болѣе глубокаго церковнаго развитія обѣихъ вольныхъ общинъ сравнительно съ остальною Русью. Но нѣкоторые ручьи кажутся чисты только потому, что они очень мелки, а не потому, что текутъ очень прозрачной струею. Непривыч-

ка раздѣлять и обособлять различныя сферы жизни одинаково присуща незрѣлымъ наивнымъ обществамъ; но общества, одаренныя сильнымъ самороднымъ общественнымъ чутьемъ, источникомъ будущаго богатаго развитія и всевозможныхъ тонкихъ различеній,—такія общества въ самой этой непривычкѣ умѣютъ находить тѣмъ вѣрнѣйшія средства къ обезпеченію своего жизненнаго интереса и устранять отношенія, ему угрожающія. Напротивъ общества, которыми общественное чувство съ трудомъ, по каплямъ наживается горькими испытаніями, помощью нужды, и падаетъ съ удаленіемъ этого строгаго, искуснаго, но не творческаго учителя, малодушно жертвуютъ самыми дорогими интересами минутному увлеченію или случайному давленію со стороны. Въ этомъ отношеніи Псковъ былъ истымъ русскимъ городомъ, и его церковная жизнь не стала ни глубже, ни правильнѣе отъ вмѣшательства мірского общества, городскихъ властей: она была только тревожнѣе,—хотя, безъ сомнѣнія, и эта неправильность и эти тревоги все же лучше взаимнаго фарисейства, которое характеризуетъ церковную жизнь, гдѣ одни верхи іерархіи боязливо пишутъ законы безучастной и равнодушно-покорной паствѣ. Привычка видѣть въ новгородскомъ архіепископѣ рядомъ съ церковной властью, одинаковой для Пскова и Новгорода, еще чуждую силу вовсе не церковнаго характера, блюстителя свѣтскихъ интересовъ другого вольнаго города, пріучала и псковскую паству не довѣрять и противодѣйствовать владыкѣ не только въ политическихъ, но и въ чисто церковныхъ дѣлахъ. Незаконное требованіе владыки, церковное нововведеніе, всякое прямое или косвенное нарушеніе церковной псковской старины, непріятное псковскому духовенству, становилось вопросомъ псковскаго вѣча и городъ являлся защитникомъ своего клира отъ стороннихъ притязаній. Псковское духовенство со своей стороны не только уступало такому вмѣшательству, но и радушно призывало его въ случаѣ столкновенія съ Софійскимъ домомъ въ Новгородѣ. Не захочется владыкѣ ѣхать самому на свой мѣсяцъ въ Псковъ, но не захочется и потерять подъѣздъ,

пошлетъ онъ своего протопопа просить его съ псковскихъ поповъ, какъ это было въ 1411 году; Псковъ станетъ за свою старину, не велитъ попамъ давать посланцу подъѣзда, шлетъ отвѣтъ въ Новгородъ: „коли, дастъ Богъ, будетъ самъ владыка въ Псковѣ, тогда и подъѣздъ его чистъ, какъ пошло исперва по старинѣ.“ Точно также пріѣздъ архіепископа не въ урочное время (1435 г.) съ намѣреніемъ поставить намѣстникомъ новгородца, а не псковича, поднялъ на защиту мѣстной церковной старины посадниковъ, бояръ и весь городъ; а когда, не удовольствовавшись уступками, владыка позволилъ намѣстнику своему судить не по пошлинѣ, пересужать рѣшенныя дѣла и ряды, сажать въ тюрьму дьяконовъ, чего прежде не бывало, тогда псковичи, стоя за старину, побились съ людьми владыки. Въ 1485 г. архіепископъ Геннадій прислалъ въ Псковъ со своимъ бояриномъ нѣкоего игумена Евѳимія. Этотъ Евѳимій прежде, когда былъ еще міряниномъ, занимая вліятельное мѣсто въ псковскомъ управленіи, замутилъ всѣмъ Псковомъ, надѣлалъ много зла народу, много людей пострадало изъ за него безъ вины, самъ онъ едва успѣлъ бѣжать отъ плахи и спасся постриженіемъ. Теперь Геннадій думалъ сдѣлать его своимъ намѣстникомъ въ Псковѣ и послалъ туда съ порученіемъ переписать церкви и монастыри по всей псковской землѣ. Псковичи заступились за свое духовенство и остановили распоряженіе владыки, хотѣвшаго навязать имъ дурного человѣка. Но вовлекаемое въ церковныя дѣла являвшимися здѣсь непорядками, псковское вѣче вступалось въ такія дѣла, въ которыхъ его участіе могло только колебать установившійся церковный порядокъ. Еще въ концѣ XIV в. митрополитъ Кипріанъ въ посланіи къ псковичамъ жаловался на нихъ, что въ Псковѣ міряне судятъ и наказываютъ своихъ поповъ въ церковныхъ дѣлахъ, помимо святительскаго суда отставляютъ отъ службы молодыхъ поповъ, овдовѣвшихъ и вступившихъ во второй бракъ, вступаются въ церковныя земли и села, купленныя или завѣщанныя по душѣ. Слѣды этого церковнаго самоуправства въ Псковѣ замѣтны и въ XV в. Архіепископъ

новгородскій Іона жаловался митрополиту Өеодосію на Псковъ съ его городскими властями, что тамъ обижаютъ церковь Божію, отнимаютъ земли, воды, оброки и всякія пошлины, издавна принадлежавшія въ псковской области новгородскому Софійскому дому, и ни въ чемъ старины не правятъ своему владыкѣ. Немного времени спустя, въ 1471 г. псковскій лѣтописецъ скорбитъ о такомъ же произвольномъ обращеніи сограждань съ имуществомъ своихъ псковскихъ церквей, даже Троицкаго собора, главной святыни города. Онъ разсказываетъ о крамолѣ, которая направлена была противъ имущества одной приходской церкви и въ которой участвовало псковское вѣче съ посадниками; а нѣкоторые иноки, одѣвшись въ безстудство и злобу, приходили въ міръ и поднимали низшее населеніе города, „препростую чадь," на самый домъ Св. Троицы, оттягивая у него земли и воды и обольщая мірянъ коварными рѣчами: вы только отнимите землю ту и воду, да мнѣ дайте въ монастырь, а грѣха вамъ въ томъ не будетъ никакого. И посадники со всѣмъ городомъ на вѣчѣ отдали льстивымъ монахамъ землю, завѣщанную нѣкогда Троицкому собору однимъ посадникомъ. Если епархіальный архіерей присылалъ въ Псковъ священника и дьяконовъ осмотрѣть, исправны ли антиминсы въ псковскихъ церквахъ, этотъ церковный осмотръ не былъ возможенъ прежде, чѣмъ псковскій великокняжескій намѣстникъ, посадники и весь Псковъ, „много думавше," давали присланнымъ свое согласіе на осмотръ. На пастырское нерадѣніе жившаго далеко епархіальнаго архіерея безъ сомнѣнія падала доля отвѣтственности за соблазнительные поступки молодыхъ овдовѣвшихъ священниковъ, на которые указывалъ псковичамъ Кипріанъ. Но это не давало псковскому вѣчу права изрекать приговоры обо всѣхъ вдовыхъ священнослужителяхъ. Однакожъ псковскій лѣтописецъ разсказываетъ, что въ 1468 г. псковичи самовольно отлучили отъ службы вдовствующихъ поповъ и діяконовъ по всей псковской волости, не спросясь ни у митрополита, ни у своего епархіальнаго владыки. Въ 1494 г. это отлученіе повторилось: псковская

лѣтопись глухо замѣчаетъ, что отставили вдовыхъ поповъ отъ службы,—повидимому, опять безъ соглашенія съ архіепископомъ. Такъ незамѣтно переступали и стирали черту, которая отдѣляла церковную заботливость набожнаго и властнаго мірянина, его законное участіе въ дѣлахъ и интересахъ своей церкви, отъ его церковнаго произвола. А привыкнувъ не останавливаться передъ этой чертой, набожный мірянинъ безъ труда нисходилъ до такого обращенія со своимъ духовенствомъ, какого не допустило бы глубокое религіозное чувство даже и тогда, когда духовенство въ нравственной и умственной жизни дѣйствительно стояло бы ниже своей мірской паствы. Въ одномъ своемъ посланіи къ псковичамъ, по жалобѣ псковскихъ священниковъ, митроп. Фотій горько упрекаетъ посадниковъ и народъ за уничиженіе, которому они подвергаютъ свое духовенство на судѣ: случится священнику искать на комъ или отвѣчать на поклепъ,—его призываютъ на судъ въ полномъ священническомъ облаченіи, выводятъ „на тризнища и на поносъ и на безчестія“ и заставляютъ его клясться своимъ священнымъ саномъ: о такомъ безчиніи я нигдѣ ни читалъ, ни слышалъ, прибавляетъ Фотій [1]). Въ 1495 г. по зову великаго князя псковичи стали сбираться въ походъ на нѣмцевъ, брали съ 10 сохъ по одному конному ратнику, хотѣли взять и съ церковной земли. Духовенство указывало на церковное правило Номоканона, дающее льготу отъ ратныхъ повинностей церковнымъ землямъ. Но посадники позвали духовенство на вѣче, двоихъ священниковъ поставили здѣсь въ однѣхъ рубахахъ и хотѣли кнутомъ избезчестить, и иныхъ всѣхъ поповъ и діаконовъ изсоромотили. Однажды архіепископъ Геннадій посѣтилъ Псковъ, когда у него было немирно съ псковскою паствой. Псковичи запретили Троицкимъ священникамъ служить съ владыкою и просвирнямъ не велѣли просфоръ печь для владыки.

Приведенные факты важны, какъ знаки, которыми псковская лѣтопись отмѣтила путь, пройденный Псквомъ въ опредѣле-

[1]) См. это посланіе, кажется, нигдѣ не напечатанное, въ рукоп. Рум. Муз. XVI в. № 204. л. 438.

ніи отношеній церковной жизни къ гражданской. Въ столкновеніяхъ со своей церковной, но политически удаленной властью псковская церковь искала защиты у силы нецерковной, но близкой, домашней, у вѣча; послѣднее изъ покровительства сдѣлало для себя церковное полномочіе, усвоило властный, рѣшающій голосъ въ дѣлахъ, не подлежавшихъ прямо его вѣдомству; изъ этихъ столь перепутавшихся отношеній вышло паденіе церковнаго авторитета въ Псковѣ, стѣсненіе необходимаго для духовенства общественнаго простора, ослабленіе его энергіи въ духовной дѣятельности.

Если теперь сравнить описанныя явленія на небольшой областной сценѣ Пскова съ тѣмъ, что въ тоже время происходило въ Москвѣ, на большой сценѣ всероссійской митрополіи, и при этомъ вспомнить, какъ опредѣлялись отношенія церковнаго общества къ гражданскому въ центрѣ новгородской епархіи, часть которой составлялъ Псковъ,—въ этихъ трехъ различныхъ историческихъ кругахъ представится сходство, способное остановить на себѣ вниманіе. Вездѣ мѣстное церковное общество безъ внутренней устойчивости становится между далекой церковной властью и близкой мірской силой. Тяготясь притязаніями первой, оно отвертывается отъ нея, но при этомъ берется за протянутую руку второй и становится ея послушнымъ орудіемъ. Слѣдствія вездѣ одинаковы: паденіе церковнаго авторитета и ослабленіе дѣятельной церковной жизни. Такъ было впрочемъ не въ одной церковной сферѣ. Слѣдя съ XIV в. за движеніями въ постепенно растущемъ средоточіи древнерусской жизни, наблюдатель часто готовъ воскликнуть: нѣтъ, не можетъ быть, чтобы такъ было вездѣ! гдѣ-нибудь въ областной дали или въ соціальномъ низу бьетъ болѣе свѣжая жизнь. А заглянетъ онъ внимательно въ эту даль или въ этотъ низъ, и увидитъ тѣже движенія и тѣже мутныя струи, которыми такъ утомилъ его глаза центральный водоемъ. И нѣтъ тутъ ничего удивительнаго: послѣдній наполняется первыми.

III.

Споръ съ владыкой.

Въ половинѣ XV в. у Пскова завязался съ владыкой споръ, въ которомъ довольно ясно обозначились повороты указаннаго пути и обнаружились элементы смуты и неправильности въ церковной жизни города. Споръ этотъ касался больше церковно-практическихъ отношеній псковскаго общества, чѣмъ его церковныхъ понятій; но развитіе тѣхъ и другихъ шло параллельными путями и уклоненія въ движеніи первыхъ довольно точно соотвѣтствовали извилинамъ въ ходѣ послѣднихъ.

Частная жизнь псковичей не была свободна отъ тѣхъ церковныхъ безпорядковъ, которые такъ распространены были въ другихъ частяхъ древней Руси. Особенно трудно было церкви провести свое вліяніе въ семейную жизнь и дать здѣсь правильное и глубокое дѣйствіе своимъ постановленіямъ о бракѣ. Съ этой стороны семейныя отношенія въ Псковѣ отличались такими же крайностями, то-есть такимъ же произволомъ и непониманіемъ церковнаго ученія, какъ и въ остальной Руси: здѣсь рядомъ дѣйствовали и легкомысленная распущенность и трусливое преувеличеніе воздержанія. Многіе произвольно разводились съ женами: иной, отославъ отъ себя первую и вторую жену, бралъ третью, потомъ четвертую, и священники вѣнчали его. Митрополитъ Фотій, упрекая псковичей за эти безпорядки, говорилъ, что между ними много даже пятероженцевъ и многоженцевъ. Люди, вступившіе во второй или третій бракъ при жизни первыхъ женъ, оставались старостами при псковскихъ церквахъ. Были монахи, которые своевольно слагали съ себя иноческія обязанности и одежду, и уходили въ міръ, даже женились. Съ другой стороны многія жены постригались въ иночество тайно отъ мужей, безъ взаимнаго уговора. Этому не мѣшали ни признаваемая церковью и обществомъ широкая власть мужа надъ женой, ни проповѣдуемый древнерусскимъ духовенствомъ взглядъ на тре-

тій бракъ какъ на законопреступленіе. Псковское духовенство не только допускало такое нарушеніе церковныхъ опредѣленій въ свѣтскомъ обществѣ, но еще поощряло его собственнымъ примѣромъ. Біографъ преп. Ефросина псковскаго напрасно забываетъ предѣлы своего негодованія въ разсказѣ объ одномъ псковскомъ священникѣ XV в., который, овдовѣвъ и сложивъ съ себя священство, „распопившись,“ женился во второй и потомъ въ третій разъ и однакожъ нисколько не ослабилъ этимъ вліянія и уваженія, какимъ онъ пользовался прежде среди духовнаго и мірского общества въ городѣ. Частная жизнь бѣлаго псковскаго духовенства представляла явленія, которыя гораздо рѣзче противорѣчили церковнымъ понятіямъ древней Руси. Мы видѣли въ посланіи митрополита Кипріана къ псковичамъ указаніе на нѣкоторыхъ молодыхъ священниковъ въ Псковѣ, которые, овдовѣвъ и женившись въ другой разъ, продолжали священствовать. Посланіе Фотія показываетъ, что это явленіе повторялось и послѣ Кипріана. Онъ же говоритъ о вдовомъ псковскомъ діяконѣ, женившемся на женѣ разстриги-схимника, о вдовцѣ-попѣ, взявшемъ за себя вдову-попадью [1]. Кромѣ этихъ явныхъ нарушеній чина церковнаго въ псковскомъ духовенствѣ не было недостатка въ тѣхъ тайныхъ безчиніяхъ, которыя были распространены между вдовыми священнослужителями и въ остальной Руси и вызвали соборное постановленіе 1503 года о вдовыхъ священникахъ и діаконахъ. Потому ли, что въ Псковѣ эти безпорядки достигли большей степени развитія сравнительно съ остальною Русью или потому, что бо́льшая общественная свобода, при одинаковомъ равнодушіи къ собственнымъ нравственнымъ недостаткамъ, дѣлала псковской міръ болѣе притязательнымъ къ своему духовенству, только псковичи задолго до этого соборнаго постановленія не разъ обнаруживали особенную горячность въ вопросѣ о предосудительномъ поведеніи вдовствующаго духовенства. Выше было замѣчено, что даже митропо-

[1] См. указанное въ предыдущей главѣ посланіе Фотія въ Псковъ.

литъ Кипріанъ принужденъ былъ сдерживать ихъ нравственную ревность въ этомъ отношеніи, доказывая, что не ихъ дѣло судить духовенство въ церковныхъ проступкахъ. Невнимательность высшей епархіальной власти къ церковнымъ нуждамъ псковской паствы еще болѣе развязывала руки для такого непризваннаго усердія. Замѣчательно, что указанные церковные безпорядки въ Псковѣ возбуждаютъ заботливую дѣятельность верховныхъ пастырей русской церкви, митрополитовъ Кипріана и Фотія: они пишутъ туда длинный рядъ посланій, учатъ, разъясняютъ, обличаютъ; помогали ли имъ въ этомъ случаѣ такими же духовными мѣрами новгородскіе владыки, — для утвердительнаго отвѣта на такой вопросъ не достаетъ данныхъ. За то споръ 1468—69 г. даетъ прямыя указанія на то, что развитіе нестроеній въ жизни псковскаго духовенства облегчалось въ значительной степени неправильнымъ отношеніемъ владыки къ псковской паствѣ.

Соблазнительныя явленія, происходившія отъ преждевременнаго вдовства священнослужителей, давно заботили высшую русскую іерархію мыслію, что дѣлать со вдовцами. Русское общество XV вѣка, которое несмотря на свои немолодые годы не вышло еще изъ нравственнаго и умственнаго дѣтства и, несмотря на это дѣтство, хорошо было уже знакомо съ пороками очень зрѣлаго возраста, создало изъ этого по видимому несложнаго затрудненія серіозный и тяжелый церковный вопросъ. Въ XVI в. митрополитъ Петръ дозволилъ вдовымъ священникамъ только подъ условіемъ постриженія въ монашество продолжать священнослуженіе и притомъ лишь въ монастыряхъ, но не въ мірскихъ церквахъ. Едва ли это распоряженіе строго выполнялось. Въ XV в. митрополитъ Фотій возобновилъ его. Въ упомянутомъ посланіи къ псковичамъ, изложивъ обнаружившіеся въ тамошнемъ духовенствѣ безпорядки, онъ даетъ правило, чтобы вдовые священники и діаконы шли въ монастыри и тамъ по испытаніи и покаяніи священнодѣйствовали, а въ мірскихъ церквахъ отнюдь не служили бы: какъ только, прибавляетъ онъ, пришелъ я на Русь,

я положилъ таковое запрещеніе и заповѣдь на вдовствующихъ священниковъ, по всей своей святѣйшей митрополіи, согласно преданію св. отцовъ. Мѣра эта похожа на лѣченіе пальца отнятіемъ руки по самое плечо: она въ одно и тоже время свидѣтельствуетъ и о смѣлой простотѣ тогдашней нравственной медицины и о нравственной ненадежности врачуемаго организма. Распоряженіе Фотія имѣло не лучшій успѣхъ. Но псковичи снова вмѣшались въ церковную дисциплину и возобновили вопросъ о вдовцахъ.

Съ половины XV в. отношенія Пскова къ Новгороду и владыкѣ становились еще натянутѣе прежняго. Смутно было и въ самомъ псковскомъ обществѣ; внутреннія церковныя замѣшательства тѣмъ сильнѣе давали чувствовать недостатокъ заботливой пастырской власти. Покинутые старшей братіей въ борьбѣ съ нѣмцами, псковичи въ 1463 г. поссорились и съ архіепископомъ и пытались выпросить себѣ въ Москвѣ особаго архіерея. Едва уладилась эта двухлѣтняя распря, псковскую волость посѣтилъ опустошительный двухлѣтній моръ. Черезъ годъ послѣ мора, въ іюлѣ 1468 года, лишь только успѣли сжать рожь, пошли проливные дожди, продолжавшіеся безъ перерыва до конца октября: сдѣлалось половодіе точно весною, луга затопило, много неубраннаго хлѣба сгнило на поляхъ, многіе не успѣли посѣять озимое: въ будущемъ году грозила дороговизна. Въ эту тревожную осень псковское духовенство всѣхъ пяти соборовъ, бѣлое и черное, пришло на вѣче и, благословивъ великокняжескаго намѣстника, посадниковъ и весь городъ, сказало:

— Видите, чада, и сами, какую милость посылаетъ намъ Господь съ небесъ, наказуетъ насъ за наши грѣхи, ожидая нашего исправленія. Теперь, по правиламъ св. апостоловъ и св. отцовъ, хотимъ мы, все священство, между собою укрѣпиться обязательствомъ, какъ бы намъ, священникамъ, устроить свое управленіе и жить по Номоканону. А вы, дѣти, будьте намъ въ этомъ поборниками, потому что здѣсь, въ этой землѣ, надъ нами нѣтъ правителя, а самимъ намъ той крѣпости

удержать между собою не можно въ какихъ ни есть церковныхъ дѣлахъ; да въ иныя дѣла наши и вы вступаетесь міромъ, вопреки правиламъ св. апостоловъ и св. отцовъ: такъ мы и на васъ хотимъ такую же духовную крѣпость положить.

— То вѣдаете вы, все Божіе священство, отвѣчало вѣче, а мы вамъ поборники на всякое доброе дѣло.

Духовенство всѣхъ соборовъ написало грамоту изъ Номоканона о своихъ священническихъ крѣпостяхъ и церковныхъ дѣлахъ и положило ее на храненіе въ вѣчевой ларь. Для надзора за исполненіемъ изложенныхъ въ ней постановленій здѣсь же на вѣчѣ „передъ всѣмъ Псковомъ“ духовенство избрало въ правители двоихъ приходскихъ священниковъ города.

Впрочемъ участіе вѣча въ дѣлѣ было гораздо сильнѣе пассивнаго согласія, которымъ оно отвѣчало на предложеніе духовенства. Изъ приводимаго разсказа псковской лѣтописи нельзя усмотрѣть, что собственно написано было въ крѣпостной грамотѣ, составленной на вѣчѣ. Очевидно только, что вопросъ о вдовыхъ священникахъ и діаконахъ нашелъ въ ней мѣсто и былъ рѣшенъ отрицательно, какъ прежде рѣшали его митрополиты Петръ и Фотій. Другая мѣстная лѣтопись отмѣтила 1468 годъ краткимъ извѣстіемъ о событіи, совершившемся повидимому немного раньше описаннаго совѣщанія духовенства съ городомъ: „того же лѣта псковичи отставили отъ службы вдовствующихъ поповъ и діаконовъ по всей псковской волости, не сославшись и не спросившись ни съ митрополитомъ, ни съ архіепископомъ; и архіепископъ Іона хотѣлъ за это положить на псковичей неблагословеніе, но митрополитъ Θеодосій возбранилъ ему это.“ Здѣсь совершенно неожиданно имя митрополита Θеодосія, который за 4 года передъ тѣмъ покинулъ каѳедру и вмѣсто котораго тогда занималъ ее митрополитъ Филиппъ. Едвали однако имя Θеодосія явилось въ извѣстіи псковскаго лѣтописца по ошибкѣ. Управляя митрополіей, Θеодосій настойчиво вооружился противъ распущенности москов-

скаго духовенства, особенно вдовствующаго, и пытался возстановить во всей строгости забытое правило Петра и Фотія о вдовцахъ. Безплодная борьба заставила его отказаться отъ пастырской дѣятельности[1]). Но вѣроятно и въ монастырской келліи, куда онъ удалился, онъ сохранилъ долю прежняго нравственнаго вліянія, которымъ и сдержалъ гнѣвъ новгородскаго архіерея на псковичей, когда послѣдніе обратили мѣру Ѳеодосія противъ своего вдовствующаго духовенства. Высказанныя сейчасъ догадки подтверждаются еще тѣмъ, что въ дальнѣйшемъ развитіи происшедшаго столкновенія владыки съ Псковомъ вопросъ о вдовыхъ священнослужителяхъ выступаетъ на первый планъ, и тогдашній митрополитъ Филиппъ становится на сторону Іоны, а не Пскова. Нельзя не замѣтить, что выписанное выше извѣстіе лѣтописи представляетъ отлученіе вдовцовъ отъ службы дѣломъ всего Пскова, т.-е. вѣча, не одного духовенства. Отсюда можно заключить, что это новое вмѣшательство псковскаго міра въ церковныя дѣла именно и вызвало торжественное появленіе псковскаго духовенства на вѣчѣ и между прочимъ его жалобу, что Псковъ вступается міромъ въ духовныя дѣла не по правиламъ. Чтобы обезпечить крѣпостной грамотѣ поддержку со стороны всего города, духовенство занесло въ нее и постановленіе о вдовцахъ: допускало ли оно здѣсь невольную уступку своей паствѣ, или само согласно было съ ея желаніемъ удалить вдовцовъ отъ священнослуженія, рѣшить трудно. Возстановляя въ такомъ видѣ связь отрывочныхъ извѣстій, легко видѣть, что крѣпостная грамота имѣла двоякую цѣль: одной стороной, какъ новая попытка установить церковное самоуправленіе Пскова, она была направлена противъ новгородскаго архіерея, а съ другой стороны ограждала свободу дѣйствій мѣстнаго духовенства отъ произвольныхъ посягательствъ на нее городскихъ властей.

[1]) Оставивъ митрополію въ 1464 году, Ѳеодосій жилъ въ Чудовомъ, потомъ въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ и умеръ здѣсь въ 1475 году.

Не дѣлая полнаго разрыва псковской паствы съ ея епархіальнымъ архіереемъ, новая попытка Пскова однакожъ грозила самымъ существеннымъ правамъ послѣдняго, стѣсняла еще болѣе, если не уничтожила совершенно, его вліяніе на церковный судъ и управленіе въ Псковѣ, ставя рядомъ съ полузависимымъ намѣстникомъ владыки другіе, совершенно независимые отъ него, выборные органы церковнаго суда и управленія. Опираясь и на Номоканонъ и на содѣйствіе мѣстнаго вѣча, крѣпостная грамота подвергала опасности очень чувствительные матеріальные интересы Софійскаго дома, державшіеся на обычаѣ или усердіи паствы къ духовному пастырю; въ тоже время, открыто заявивъ на вѣчѣ, какъ признанный фактъ, безсиліе или нежеланіе новгородскаго владыки установить правильный церковный порядокъ въ Псковѣ, здѣшнее духовенство разрушало съ практической стороны его пастырскій авторитетъ, на мѣсто котораго ставило какое-то самодѣльное церковное уложеніе съ самодѣльными блюстителями, не получившими надлежащаго благословенія. Каноническая сторона вопроса остается въ полумракѣ: всѣ заинтересованныя стороны заботились о ней всего менѣе и слишкомъ перепутали ее своею небрежностью, непониманіемъ или практическими сдѣлками и интересами нецерковнаго свойства. Въ январѣ слѣдующаго (1469) года архіепископъ Іона пріѣхалъ въ Псковъ. Онъ пріѣхалъ съ миромъ и принятъ былъ радушно, по старому: все священство съ крестами и посадники съ народомъ вышли къ нему навстрѣчу за городъ. Владыка благословилъ гражданъ, потомъ соборовалъ у Троицы съ обычными церемоніями. Послѣ того Іона призвалъ къ себѣ на подворье псковскихъ посадниковъ и все духовенство и сталъ допытываться у нихъ про крѣпостную грамоту.

— Кто это сдѣлалъ такъ безъ моего вѣдома? спрашивалъ онъ: я самъ хочу судить здѣсь, а вы бы ту грамоту вынули да подрали.

Духовенство и вѣче не хотѣли возобновлять недавнюю распрю съ владыкой. Года за три передъ тѣмъ они написали мирную грамоту и цѣловали ему крестъ всѣмъ Псковомъ. Те-

перь они рѣшились уговориться съ нимъ мирно, уладить дѣло „пословно.“ Все Божіе священство, посадники и весь Псковъ, „огадавъ“, дали такой отвѣтъ о грамотѣ:

— Самъ, господине, вѣдаешь, что пробудешь у насъ не долго, а въ короткое время дѣлъ нашихъ нельзя тебѣ управить, потому что въ послѣднее время у насъ въ церквахъ Божіихъ стала смута большая, между священниками въ церковныхъ дѣлахъ безпорядки такіе, что и пересказать тебѣ всего не можемъ: знаютъ то сами, кто творитъ всѣ эти безстыдства. Вотъ объ этомъ священство и грамоту выписало изъ Номоканона и въ ларь положило по вашему же слову, какъ ты, господине, и братія твоя, прежніе владыки, пріѣзжали прежде въ домъ св. Троицы, вы сами велѣли и благословили священство всѣхъ соборовъ съ вашимъ намѣстникомъ, а нашимъ псковитиномъ, всякія священническія дѣла править по Номоканону.

— Я, дѣти, доложу объ этомъ митрополиту Филиппу,—сказалъ владыка,—и что онъ мнѣ прикажетъ, сообщу вамъ. Вижу и самъ изъ словъ вашихъ, что дѣло это большое, между христіанами соблазнъ, въ церквахъ Божіихъ мятежъ, а иновѣрнымъ радость, что мы живемъ въ такой слабости, и укоры отъ нихъ за нашу безпечность.

Пробывъ всего двѣ недѣли, владыка побралъ съ поповъ свой подъѣздъ и уѣхалъ; псковичи проводили гостя до рубежа, много чествивъ и даривъ его. Ни съ той, ни съ другой стороны не было рѣчи о правѣ: обѣ стороны какъ будто чувствовали, что у нихъ затрясется почва подъ ногами при этой рѣчи. Потому онѣ ссылаются только на факты, говорятъ другъ другу не то, что законно, а то, что прилично въ вѣжливой бесѣдѣ, которую рѣшили кончить безъ ссоры. Между тѣмъ каждая сторона думала про себя свое, особенно владыка. Онъ перенесъ дѣло на судъ въ Москву. Но посла туда пошлетъ онъ одинъ, а въ Москвѣ также болѣе всего любили фактъ, и съ какой стороны являлся туда челобитчикъ съ этимъ фактомъ въ рукахъ, та находила здѣсь поддержку. Притомъ владыка могъ ссылаться на старину, а Москва въ чужомъ дѣлѣ

любила стоять за нее: въ капиталѣ русской цивилизаціи старина, понятіе менѣе трудное для разумѣнія, съ успѣхомъ замѣняла тогда право, какъ кунья морда съ металлическимъ гвоздикомъ, при скудости чистаго металла, съ успѣхомъ ходила въ экономическомъ оборотѣ вмѣсто денежной цѣнности куньяго мѣха.

Ровно черезъ годъ по написаніи крѣпостной грамоты, въ октябрѣ 1469 года, въ Псковъ пріѣхали послы изъ Москвы отъ великаго князя и митрополита съ грамотой послѣдняго и съ посломъ отъ владыки. Въ грамотѣ своей митрополитъ писалъ, что онъ шлетъ всему Пскову свое благословеніе и богомоленіе, по челобитью владыки Іоны, и вмѣстѣ съ княземъ великимъ приказываетъ псковскому духовенству и всему Пскову положить священническое управленіе на богомольца ихъ архіепископа, потому что тѣмъ дѣломъ искони дано управлять святителю, и объ этомъ самъ владыка шлетъ къ нимъ теперь же своего человѣка. Этотъ человѣкъ сказалъ Пскову отъ имени владыки: васъ, все священство и весь Псковъ, дѣтей своихъ, благословляю: если тѣ святительскія дѣла на меня положите, увидите сами, что я лучше васъ поддержу духовную крѣпость въ священствѣ и во всякомъ церковномъ управленіи. Псковъ со своимъ священствомъ согласился, положилъ на своего богомольца архіепископа все церковное управленіе, довѣрилъ ему надзоръ за исполненіемъ правилъ Номоканона о священникахъ, а свою крѣпостную грамоту, вынувъ изъ ларя, порвалъ и съ этими рѣшеніями отправилъ посадника въ Новгородъ къ владыкѣ и въ Москву къ великому князю. Не успѣлъ посолъ вернуться изъ Москвы, какъ Іона прислалъ въ Псковъ съ призывомъ: „вдовые священники и діаконы ѣхали бы ко мнѣ въ Великій Новгородъ на управленіе.“ Трудно рѣшить, подходилъ ли этотъ исключительный случай подъ условіе договора 1348 года: отъ владыки судить псковичей ихъ брату псковичу, а изъ Новгорода ихъ не позывать ни дворянами, ни подвойскими, ни софьянами. Повидимому, подходилъ, потому что касался дѣла изъ разряда такихъ, въ которыхъ

владыки привыкли переносить свою пастырскую власть на посредниковъ, напримѣръ на своего псковскаго намѣстника, о которомъ говоритъ договоръ. Однакожъ сопротивленія владычнему зову не было: Псковъ радъ былъ рѣшить дѣло о вдовцахъ, и послѣдніе поѣхали въ Новгородъ охотно. Здѣсь владыка началъ брать съ нихъ мзду, съ кого по рублю, съ кого по рублю съ полтиной, и безъ всякаго испытанія разрѣшалъ имъ пѣть по прежнему, давая имъ на то благословенныя грамоты за своею печатью, не по правиламъ, какъ самъ обѣщался всему Пскову по Номоканону править о всякомъ церковномъ дѣлѣ и о священникахъ вдовствующихъ,—прибавляетъ въ заключеніе псковской лѣтописецъ, сильно недовольный такимъ исходомъ шумнаго и хлопотливаго дѣла.

IV.

Споръ съ латинами.

Что особенно ясно сказалось въ описанномъ спорѣ псковскаго духовенства съ владыкой,—это взаимное недовѣріе обѣихъ сторонъ и ихъ равнодушіе къ праву, къ точному на немъ основанному опредѣленію взаимныхъ отношеній. Потомъ нельзя не замѣтить, что псковское предпріятіе пало такъ легко отъ недостатка внутреннихъ средствъ у мѣстнаго духовенства, независимой церковной опоры, способной поддержать начатую попытку мѣстнаго церковнаго самоуправленія. Само духовенство въ приводимой у лѣтописца вѣчевой рѣчи какъ будто невольно призналось въ этомъ недостаткѣ. Затѣянное имъ дѣло направлено было одной стороной противъ неправильнаго вмѣшательства псковскаго міра, вѣча въ дѣла духовенства, и однакожъ единственнымъ оплотомъ задуманной „духовной крѣпости,“ единственнымъ поборникомъ ея призванъ тотъ же міръ: „а намъ о себѣ тоя крѣпости удержати немочно попромежи себе“, говорили священники на вѣчѣ. Слѣдовательно судьба дѣла предоставлена была случайностямъ вѣчевого настроенія и

отношеніи вѣча къ Новгороду. Побуждаемое равнодушіемъ и недѣятельностію пастырской власти владыки, духовенство попыталось само установить нѣкоторый порядокъ въ своихъ церковныхъ дѣлахъ, наиболѣе смущавшихъ умы; но этотъ порядокъ сталъ разлагаться прежде, чѣмъ коснулась его съ такой успѣшной осторожностью рука владыки. Скупой на подробности, объясняющія внутреннюю сторону событій, лѣтописецъ однако отмѣтилъ черту, прямо указывающую на это. Едва успѣло духовенство выбрать изъ среды своей блюстителей за исполненіемъ крѣпостной грамоты, какъ по грѣхамъ встали клеветники на одного изъ нихъ, попа Андрея Козу, и онъ сбѣжалъ въ Новгородъ жить *къ владыкѣ*.

Но предпріятіе вызвано было убѣжденіемъ паствы въ безсиліи или въ бездѣйствіи пастыря,—мотивомъ, который бывалъ творцомъ великихъ дѣлъ, хотя не въ Псковѣ и не въ древней Россіи. Въ мысли, отсюда вытекавшей, о необходимости призвать мѣстныя церковныя силы къ дѣйствію тамъ, гдѣ сказывалось это безсиліе,—въ этой мысли надобно искать одинъ изъ источниковъ другого явленія, не шумнаго и повидимому не тревожившаго владыку, но довольно замѣтнаго въ дѣятельности псковскаго духовенства. Въ XV в. это послѣднее, въ каждомъ важномъ дѣлѣ, касавшемся всей псковской церкви, является соединеннымъ въ нѣсколько обществъ или своего рода корпорацій, *соборовъ*. Митрополиты въ посланіяхъ своихъ обращаются къ псковскому духовенству всѣхъ соборовъ. Въ моровыя повѣтрія посадники и весь Псковъ, погадавши и сдумавши со своими отцами духовными, со всѣми соборами, ставили міромъ новую церковь, въ которой при освященіи служило литургію духовенство всѣхъ соборовъ. Всѣми соборами духовенство являлось на псковскомъ вѣчѣ.

Ни происхожденіе, ни значеніе этихъ соборовъ не указываются съ достаточной ясностью въ извѣстныхъ памятникахъ псковской исторіи. Трудно рѣшить, въ какой мѣрѣ эти церковные союзы вызваны или внушены были стремленіемъ городского населенія обособиться въ мѣст-

ныя общества по концамъ или улицамъ. Во всякомъ случаѣ объясненіе, только отсюда заимствованное, было бы слишкомъ поверхностно. Притомъ соборы не соотвѣтствовали псковскимъ концамъ ни числомъ и никакими другими замѣтными отношеніями. Каждый соборъ имѣлъ средоточіе около одной или нѣсколькихъ церквей въ городѣ, именемъ которыхъ онъ назывался. До 1357 г. Псковъ имѣлъ всего одинъ соборъ Троицкій, сосредоточенный около главнаго городского храма св. Троицы. Въ этомъ году образовался другой соборъ при храмѣ св. Софіи. Въ посланіи къ псковскому духовенству, писанномъ около 1395 года, митрополитъ Кипріанъ обращается еще къ попамъ только двухъ соборовъ, Троицкаго и Софійскаго. Въ первой половинѣ XV в. (съ 1417 г.) становится извѣстенъ третій соборъ, Никольскій, при церкви чудотворца Николая. Во второй половинѣ къ прежнимъ тремъ соборамъ прибавилось три новыхъ: въ 1453 г. Спасскій при церквахъ Спаса на Торгу и мученика Димитрія въ Довмонтовой стѣнѣ; въ 1462 г. пятый при трехъ церквахъ Похвалы св. Богородицы, Покрова и св. Духа за Довмонтовой стѣной; первая изъ нихъ была главной, по имени которой назывался соборъ; въ 1471 г. возникъ шестой соборъ при церкви Входа въ Іерусалимъ. Въ первой половинѣ XVI в. появился еще седьмой соборъ, на что указываютъ нѣкоторые списки псковской лѣтописи. Впрочемъ среди этихъ соборовъ Троицкій продолжалъ сохранять первенство, какъ старшій по времени и важнѣйшій по церковному значенію для города, и назывался „передниимъ большимъ“ соборомъ: Троицкій причтъ пользовался привилегіями, какихъ не имѣло духовенство остальныхъ соборовъ. Въ составъ соборовъ входило духовенство не одного только города Пскова, но и его пригородовъ, а также сельскихъ приходовъ и монастырей. Объ этомъ можно заключить по составу шестого собора, въ который вошли 102 священника и іеромонаха, а въ 1402 г. причтъ главной соборной церкви Троицкой состоялъ всего изъ двухъ священниковъ, одного дьякона и одного дьяка. Но еще яснѣе указываетъ на такое

составъ соборовъ одно извѣстіе псковской лѣтописи XVI вѣка: въ 1544 г. произошло раздвоеніе въ псковскомъ духовенствѣ, сельскіе и пригородскіе попы „откололись“ отъ городскихъ, „отъ всѣхъ седми соборовъ“, и владыка далъ отколовшимся особаго старосту.

Новый соборъ открывался съ вѣдома и согласія вѣча или городскихъ властей. Мѣстная лѣтопись сообщаетъ нѣкоторыя подробности объ учрежденіи четвертаго собора. Нѣсколько поповъ *невкупныхъ*, не принадлежавшихъ къ прежнимъ тремъ соборамъ, согласились и обратились къ намѣстнику великаго князя, къ степенному и старымъ посадникамъ съ челобитьемъ, быть бы въ Псковѣ четвертому собору. Въ началѣ 1453 г. архіепископъ пріѣхалъ въ Псковъ на свой подъѣздъ и на старины. Намѣстникъ и посадники со свой стороны били челомъ отцу господину владыкѣ Евѳимію: „благослови, господине, четвертому собо́ру быть въ Псковѣ“. И владыка благословилъ поповъ невкупныхъ держать четвертый соборъ, совершать вседневную службу. Подобнымъ же образомъ повидимому учреждены были второй и пятый соборы, судя по краткимъ извѣстіямъ лѣтописи. Участія митрополита при этомъ не замѣтно. Нѣсколько иначе учрежденъ былъ шестой соборъ. Въ 1471 г. священники невкупные били челомъ Пскову, чтобы попечаловался, похлопоталъ у великаго князя и митрополита о новомъ соборѣ. Посадники вмѣстѣ съ челобитьемъ отъ всей псковской земли представили митрополиту грамоты, въ которыхъ священноиноки, священники и діаконы всѣхъ старыхъ соборовъ просили митрополита благословить ихъ на устроеніе шестого собора въ Псковѣ, при церкви Входа въ Іерусалимъ, приводя въ объясненіе просьбы, что для того собора у нихъ набралось уже 102 служителя церковныхъ, священноиноковъ и священниковъ. Митрополитъ отвѣчалъ на челобитье Пскова грамотой (22 сентября 1471 г.) посадникамъ и прочимъ классамъ псковскаго населенія, благословляя ихъ и соизволяя на устроеніе новаго собора. Непосредственное отношеніе Пскова къ митрополиту въ этомъ дѣлѣ помимо

епархіальнаго архіерея объясняется случайнымъ обстоятельствомъ: въ то время не было архіепископа въ Новгородѣ; избранный еще въ концѣ 1470 г., Өеофилъ до декабря слѣдующаго года не могъ получить посвященія отъ митрополита, вслѣдствіе тогдашнихъ политическихъ событій.

Средоточіями новыхъ соборовъ становились городскія церкви, изъ которыхъ нѣкоторыя были построены недавно, такъ что количество соборныхъ храмовъ въ Псковѣ увеличивалось вмѣстѣ съ умноженіемъ приходскихъ церквей въ городѣ. Такъ псковскіе купцы въ 1357 г. поставили деревянную церковь во имя св. Софіи, а священники устроили при ней второй соборъ. Церковь Спаса, ставшая въ 1453 г. средоточіемъ четвертаго собора, построена была въ 1435 г. Въ 1442 г. во время мора псковичи поставили деревянную церковь Похвалы Богородицы; въ 1466 г. вмѣсто деревянной явилась каменная; за 4 года передъ тѣмъ храмъ этотъ сдѣлался пятымъ соборомъ въ Псковѣ. Можетъ быть, подобнымъ же путемъ развивались и самые соборы, по мѣрѣ размноженія и церковно-административнаго сближенія приходскихъ причтовъ и монастырскихъ братствъ въ псковской области. Но довольно трудно разглядѣть основанія, на которыхъ слагалось соборное общество, и его внутреннюю организацію, Благословенная грамота митрополита Филиппа на открытіе шестого собора описываетъ лишь внѣшнюю его сторону: священники, вступившіе въ соборъ, должны держать свою соборную церковь честно, со святымъ пѣніемъ и чтеніемъ, по тому же уставу, какъ держатъ божественныя правила въ прежнихъ пяти соборахъ, а пѣть должны по недѣлямъ; соборъ учреждается для вседневной службы: который священникъ не будетъ беречь церковнаго пѣнія и чтенія и не будетъ пристоять къ церкви Божіей, тотъ приметъ вину и казнь церковную, по правиламъ св. апостоловъ и св. отцовъ, вмѣстѣ съ неблагословеніемъ отъ митрополита. Есть однако нѣсколько слѣдовъ церковно-административнаго и судебнаго значенія соборовъ. Во главѣ духовенства, составлявшаго тотъ или другой соборъ, стояли ста-

росты *соборскіе*. Ихъ надобно отличать отъ простыхъ церковныхъ старостъ, которыми въ Троицкомъ соборѣ бывали посадники и другіе знатные міряне. Архіепископы обращались къ соборскимъ старостамъ въ грамотахъ, писанныхъ къ одному духовенству и по дѣламъ чисто-церковнымъ, въ которыхъ они не обращались ни къ кому изъ мірянъ; перечисляя различные классы псковскаго населенія, владыки ставили старостъ соборскихъ не среди посадниковъ, бояръ, купцовъ, а причисляли ихъ къ „сослужебникамъ своего смиренія" вмѣстѣ съ игуменами и священноиноками [1]). Одною изъ административныхъ обязанностей соборныхъ властей была раскладка и исправный сборъ подъѣзда и кормовъ въ пользу архіепископа съ духовенства, принадлежавшаго къ собору; за это отвѣчали старосты и священники собора. Напоминая объ уплатѣ недоимокъ и угрожая запрещеніемъ священнодѣйствовать не заплатившимъ подъѣзда, архіеп. Өеофилъ прибавляетъ въ грамотѣ своей: „и то, старосты соборскіе и священницы соборскіе, положено на вашихъ душахъ". Городское духовенство съ соборскими старостами, очевидно, имѣло въ соборной администраціи, по крайней мѣрѣ въ раскладкѣ и сборѣ владычнихъ кормовъ, преобладающее значеніе надъ сельскимъ и пригороднымъ одного съ ними собора. Въ 1544 году, когда пріѣхалъ въ Псковъ владыка Өеодосій, въ здѣшнемъ духовенствѣ произошло большое смятеніе: сельскіе и пригородные игумены, попы и діаконы возбудили передъ владыкой тяжбу противъ городского духовенства всѣхъ соборовъ за то, что городскіе попы взяли съ нихъ корма для архіепископа больше, чѣмъ съ самихъ себя; обиженные отдѣлились отъ городскихъ однособорянъ и владыка благословилъ ихъ, далъ имъ особаго старосту, одного изъ городскихъ же приходскихъ священниковъ. При такой обязанности соборскіе старосты имѣли непосредственное отношеніе къ владычнему намѣстнику. Тоже замѣтно въ судебной и пастырской дѣятельности соборовъ. Въ 1469 г. псковское духовенство и посадники напомнили владыкѣ

[1]) См. наприм. Акт. Ист. I, NN 31 и 284.

Іонѣ, что онъ и его предшественники благословляли и велѣли всѣмъ псковскимъ соборамъ со своимъ намѣстникомъ и ихъ братомъ псковитиномъ всякія священническія дѣла править по Номоканону. Слѣдовательно, въ организаціи псковскихъ соборовъ замѣтны нѣкоторыя черты, сходныя съ церковнымъ устройствомъ сосѣдней полоцкой епархіи XV—XVI в. Тамъ главная соборная церковь въ городѣ Полоцкѣ была средоточіемъ церковнаго управленія для города и его округа. Протопопъ соборной церкви, бывшій вмѣстѣ и намѣстникомъ епископа, имѣлъ надзоръ надъ всѣми церквами и монастырями какъ городскими, такъ и уѣздными; со своимъ клиромъ онъ составлялъ низшую инстанцію церковнаго суда въ уѣздѣ и вмѣстѣ съ городскими властями наблюдалъ за имуществомъ церквей въ городѣ [1]). Часть этихъ отправленій принадлежала, очевидно, и псковскимъ соборамъ, хотя они не соотвѣтствовали церковно-уѣздному дѣленію полоцкой земли на протопопіи и едвали соотвѣтствовали дѣленію города Пскова на концы, а его области на пригороды съ ихъ уѣздами.

Изъ приведенныхъ замѣчаній можно сдѣлать нѣсколько соображеній о происхожденіи и значеніи псковскихъ соборовъ. Новые соборы появляются съ половины XIV вѣка, съ того времени, когда Псковъ добился политической независимости и вмѣстѣ съ ней нѣкоторой доли автономіи церковной. Съ особенной силой соборы размножаются во второй половинѣ XV вѣка, когда особенно разстроились отношенія псковской паствы къ владыкѣ и въ первой усилилось стремленіе отдѣлиться совершенно отъ послѣдняго. Соборы присвояли себѣ часть тѣхъ церковно-правительственныхъ полномочій, которыми облеченъ былъ псковскій намѣстникъ владыки. Слѣдовательно соборы вызваны были тѣмъ же стремленіемъ Пскова, плодомъ котораго былъ владычній намѣстникъ-псковичъ, стремленіемъ обезпечить свою церковную самостоятельность и мѣст-

[1]) „Полоцкая православная церковь". *П. Д. Бѣляева*. въ *Правосл. Обозр.* 1870 г. № 1 стр. 114 и слѣд.

ными церковными средствами восполнить недостатокъ энергіи владычней пастырской руки, не всегда достававшей до Пскова или равнодушно опускавшейся по полученіи съ него пошлинъ и подъѣзда.

Эти церковныя формы, сложившіяся въ Псковѣ подъ вліяніемъ скрытаго или явнаго противодѣйстія епархіальному архіерею, надобно сопоставить съ тѣми внутренними духовными средствами, которыя церковное общество Пскова имѣло или развило среди этой борьбы. Съ этой стороны неожиданны черты, встрѣчающіяся въ посланіяхъ митрополитовъ Кипріана и Фотія къ псковичамъ. Въ концѣ XIV в. у псковскаго духовенства не было хорошаго списка церковнаго правила, не было и другихъ необходимыхъ церковныхъ книгъ. Кипріанъ велѣлъ списать и послалъ въ Псковъ уставъ службы Іоанна Златоуста и Василія Великаго, также и самую службу и чинъ освященія въ первый день августа, синодикъ цареградскій правый, чинъ поминовенія православныхъ царей и великихъ князей, чинъ крещенія и вѣнчанія; о другихъ книгахъ, въ которыхъ нуждалось псковское духовенство, митрополитъ замѣчаетъ, что онѣ переписываются и будутъ пересланы въ Псковъ. Тутъ же Кипріанъ учитъ псковскихъ священниковъ, какъ надобно причащать народъ. Митрополитъ Фотій называетъ псковскихъ священниковъ искусными въ божественномъ писаніи; но изъ другого его посланія въ Псковъ видно, что здѣшнее духовенство было незнакомо съ самыми простыми, элементарными церковными правилами и священники обращались къ митрополиту съ просьбою вразумить ихъ и наставить. Тотъ же митрополитъ въ позднѣйшихъ посланіяхъ своихъ упрекаетъ псковскихъ священниковъ во множествѣ церковныхъ безпорядковъ, указываетъ между ними нѣкоторыхъ, которые живутъ не въ славу Божію и не въ честь своему знанію, а на людской соблазнъ, къ церквамъ Божіимъ не радѣютъ и людей, приходящихъ въ храмы Божіи, только соблазняютъ своимъ небреженіемъ, не умѣютъ правильно совершать таинства; митрополитъ проситъ прислать къ нему толковаго священника,

чтобы научить его церковнымъ правиламъ, церковному пѣнію и служенію, обѣщаетъ прислать въ Псковъ недостающихъ тамъ церковныхъ книгъ. Одинъ священникъ пріобщилъ человѣка, не бывшаго его духовнымъ сыномъ и уже исповѣданнаго и пріобщеннаго его духовникомъ. Мелкія соблазнительныя распри возникали между бѣлымъ и чернымъ духовенствомъ. Приходскіе священники жаловались Фотію на игуменовъ, которые имѣютъ въ міру между замужними женщинами дочерей духовныхъ, или, постригши передъ смертію міянина, не позволяютъ уже бѣлому священнику вмѣстѣ съ собою ни провожать, ни отпѣвать, ни поминать того человѣка по смерти. Всѣ эти явленія помогали развитію церковныхъ и нравственныхъ безпорядковъ въ средѣ мірянъ. Выше было указано, какъ нѣкоторые члены псковскаго духовенства собственнымъ примѣромъ увлекали паству къ нарушенію церковныхъ правилъ о бракѣ. Митрополиты упрекаютъ псковскихъ игуменовъ, священниковъ и простыхъ монаховъ въ неприличномъ занятіи торговлей и ростовщичествомъ, а мірянъ въ сквернословіи, суевѣріяхъ, въ языческихъ обычаяхъ: басни слушаютъ, лихихъ бабъ принимаютъ, зеліями и ворожбами занимаются, великимъ постомъ устрояютъ бои и позорища безчинныя. Въ 1411 г. въ Псковѣ торжественно сожгли 12 вѣщихъ женокъ за колдовство. Фотій въ одномъ посланіи упоминаетъ о какомъ-то мірянинѣ въ Псковѣ, самовольно присвоившемъ себѣ санъ священника и совершавшемъ таинство крещенія [1]). Эти явленія происходили въ то самое время, когда церковное общество Пскова смущаемо было проповѣдью стригольниковъ. Можно утверждать, что однимъ изъ источниковъ стригольничьей секты была вражда низшаго псковскаго духовенства къ высшей іерархіи за ея церковные поборы; но несомнѣнно, что главную пищу это раскольническое броженіе находило себѣ въ описанныхъ церковныхъ и нравственныхъ безпорядкахъ самого низшаго духовенства, а первымъ и главнымъ слѣдстві-

---

[1]) См. посланіе Фотія въ сб. Рум. Муз. № 204, л. 420—426.

емъ своимъ имѣло подрывъ довѣрія ко всей іерархіи вообще, возстановляло „народъ на священники."

Съ такими внутренними средствами псковская церковь стояла на стражѣ русскаго православія противъ столь близкаго къ псковскимъ предѣламъ латинства. Вѣковая борьба Пскова съ ливонскимъ рыцарствомъ была борьбою не только за родную землю, но и за вѣру, и съ обѣихъ сторонъ принимала иногда видъ религіозной мести. Въ 1460 г. псковичи, прося у великаго князя помощи, жаловались, что пріобижены отъ поганыхъ нѣмцевъ и водою и землею и головами, и церкви Божіи пожжены погаными на миру и на крестномъ цѣлованіи. За годъ передъ тѣмъ служившій тогда Пскову князь съ посадниками и другими псковичами поѣхалъ на пограничную обидную землю, предметъ давняго спора съ нѣмцами, которую Псковъ считалъ собственностію своей городской святыни, Троицкаго собора. Пріѣхавъ, псковичи покосили здѣсь сѣно и стали ловить рыбу по старинѣ,—поставили тамъ церковь во имя архистратига Михаила, а попавшуюся въ руки Чудь повѣсили. Но скоро поганая Латына, не вѣруя въ крестное цѣлованіе, на то обидное мѣсто врасплохъ напала, на землю св. Троицы, сожгла церковь и съ нею 9 головъ псковичей. Вслѣдъ за удалявшимися врагами погнались псковичи съ княземъ и посадниками и, вторгнувшись во вражескую землю, также пожгли много людей обоего пола: месть мстили за тѣ неповинныя головы, прибавляетъ лѣтопись. Почти въ то же время нѣмцы напали на псковскую землю со стороны р. Наровы. Псковичи отплатили и за это: зимой вошли въ нѣмецкую землю, надѣлали много „шкоты", повоевали на 70 верстъ, много пожгли и пограбили, выжгли большую нѣмецкую божницу, снявъ съ нея крестъ и 4 колокола, и поймали нѣмецкаго попа: а эту месть мстили псковичи за повоеванное на р. Наровѣ.

Эта борьба изощряла о камень политической и народной ненависти тѣ церковныя различія, которыя отдѣляли латинство отъ православія. Псковское духовенство спрашивало мит-

рополита Фотія, какъ поступать съ хлѣбомъ, виномъ и другими припасами, привозимыми изъ нѣмецкой земли; митрополитъ отвѣчалъ, что ихъ можно употреблять, впрочемъ не иначе, какъ очистивъ предварительно молитвой чрезъ священника. Опасность увеличилась въ XV вѣкѣ, когда литовско-кіевская половина всероссійской митрополіи отдѣлилась отъ московской и потомъ подчинилась вліянію латинствующей греческой іерархіи, принявшей церковную унію. Уже въ 1416 г., указывая псковичамъ на церковный мятежъ близъ ихъ границы, произведенный избраніемъ особаго кіевскаго митрополита литовскими епископами, Фотій убѣждалъ Псковъ хранить свои православные обычаи, избѣгая „и слышати тѣхъ неправедныхъ предѣлъ, отметающихся Божія закона и святыхъ правилъ".

Однако, какъ ни сильна была вражда, она не уберегала отъ дѣйствія враждебной церковной силы. Рѣзкость выраженій въ посланіи Фотія указываетъ только на степень опасности, грозившей изъ-за этихъ неправедныхъ предѣловъ, а не на возможность разорвать всѣ сношенія съ ними, перерѣзать всѣ пути вліянія оттуда. Вслѣдъ за политическимъ соединеніемъ Литвы съ Польшей, въ началѣ XV в. римскій престолъ праздновалъ свои первыя побѣды въ литовско-русскомъ княжествѣ. Въ дальнѣйшихъ предначертаніяхъ папы ставили на очереди ближайшія земли Московской Руси, Новгородъ и Псковъ: вмѣстѣ съ званіемъ папскихъ намѣстниковъ въ этихъ городахъ Римъ слалъ Ягеллу и Витовту благословеніе и повелѣніе всѣми мѣрами подготовлять и тамъ торжество латинства. Рѣшительно заявлено было и намѣреніе отдѣлить православныя епархіи въ Литвѣ отъ московской митрополіи. Но въ 1426 г., когда были еще живы перекрестившіеся изъ православія вооруженные намѣстники папы, и Ягелло, и Витовтъ, новгородскій архіепископъ Евѳимій въ посланіи къ псковичамъ пишетъ о людяхъ, которые ѣздили изъ Пскова въ литовскую землю ставиться въ попы или дьяконы и потомъ возвращались въ свою епархію: владыка предписываетъ псковскому

духовенству прежде допущенія такихъ пришельцевъ къ священнодѣйствію осматривать у нихъ ставленныя и отпускныя грамоты и требовать, чтобы каждый изъ нихъ нашелъ себѣ отца духовнаго, который, исповѣдавъ его, поручился бы за него передъ псковскимъ духовенствомъ; кто не представитъ ни грамоты, ни поруки, того принимать запрещалось. Владыка не довѣряетъ этимъ ставленникамъ изъ Литвы и однакожъ не возбраняетъ ихъ появленія на будущее время. Есть слѣды соприкосновенія съ латинствомъ болѣе глубокіе. Уже въ происхожденіи стригольничьихъ мнѣній подозрѣваютъ вліянія, навѣянныя съ католическаго Запада. Еще неожиданнѣе то, что въ церковной практикѣ псковскаго духовенства указываются черты, заимствованныя съ той же стороны. Фотій со смущеніемъ и прискорбіемъ пишетъ, что тамошніе священники при крещеніи обливаютъ младенцевъ водой по латинскому обычаю и въ мѵропомазаніи употребляютъ латинское, а не цареградское мѵро. Небрежность мѣстнаго духовенства и безпорядочность церковныхъ отношеній облегчали подобныя незамѣтныя вторженія латинства въ псковскую православную жизнь: на первую указываетъ въ такомъ смыслѣ самъ Фотій; вторая открывается изъ совокупности явленій церковной жизни въ то время.

Боролись не однимъ мечемъ: съ половины XV в. вооруженная борьба не разъ смѣнялась богословскимъ преніемъ. Неистощимой и возбуждающей приправой этой полемики стала флорентійская церковная унія. Два противоположныя чувства, связанныя съ соборомъ во Флоренціи, производили особенно раздражающее дѣйствіе на русскихъ богословскихъ борцовъ. Видя твердость, съ какою великій князь московскій отвергнулъ всякое соглашеніе съ Римомъ во имя древняго благочестія, и сравнивая съ ней малодушную уступчивость, съ какою царь и патріархъ Константинополя жертвовали чистотой православія на богопротивномъ осьмомъ соборѣ, русское сердце XV в. наполнялось непривычнымъ безпредѣльнымъ восторгомъ. „Какъ богонасажденный рай мысленнаго Востока, пра-

веднаго солнца Христа, или какъ Богомъ воздѣланный виноградъ, цвѣтущій въ поднебесной, сіяя благочестіемъ, веселится Богомъ просвѣщенная земля Русская о державѣ владѣющаго ею великаго кн. Василія Васильевича, боговѣнчаннаго царя всея Руси, хвалясь мудростію обличенія его, богоразумно обличившаго и прогнавшаго врага церкви, сѣятеля плевелъ злочестія, тьмокровнаго Исидора и другого такого же развратника вѣры, ученика его Григорія, отъ Рима пришедшаго, латиномъ поборника; величается св. Божія церковь своими пастырями и учителями". Такъ начинаетъ русскій грамотей въ 1461 г. свое полемическое повѣствованіе о флорентійскомъ соборѣ; въ томъ же тонѣ онъ и заканчиваетъ свой разсказъ: „нынѣ, богопросвѣщенная земля Русская, тебѣ подобаетъ съ православнымъ народомъ радоваться, одѣвшись свѣтомъ благочестія, имѣя покровомъ многосвѣтлую благодать Господню, наполнившись Божіими храмами, подобно звѣздамъ небеснымъ сіяющими подъ державою богоизбраннаго богошественника правому пути богоуставнаго закона и богомудраго изыскателя св. правилъ"[1]). Однимъ нарушалось это торжественное и самодовольное настроеніе мыслей: столько ударовъ пало на православный Востокъ, а еретическій Западъ стоялъ невредимо и католики кололи этимъ глаза православному міру. „Подумай Господа ради, писалъ позже извѣстный Филоѳей псковскому дьяку, въ какую звѣзду стали христіанскія царства, которыя нынѣ всѣ попраны невѣрными. Греческое царство разорено и не созиждается, потому что греки предали православную свою вѣру латинству. И не дивись, избранникъ Божій, что латины говорятъ: наше царство Ромейское недвижимо стоитъ; если бы мы неправо вѣровали, не поддерживалъ бы насъ Господь. Не подобаетъ намъ слушать ихъ прельщенія, прямые они еретики, своевольно отпали отъ православной вѣры, болѣе же всего ради опрѣсночнаго служенія". Остается замѣтный пробѣлъ въ этой нравственно-исторической діалектикѣ псковскаго инока.

---

[1]) См. это сказаніе въ сб. Рум. Муз. № 204, л. 315—349.

Сохранились отрывочные отголоски полемики, завязывавшейся во второй половинѣ XV в. съ православной стороны въ Псковѣ, съ католической въ старомъ русскомъ городѣ Ярослава Юрьевѣ (Деритѣ). Эти пренія служили продолженіемъ давней церковно-народной борьбы Пскова съ ливонскими католиками и иногда также сопровождались жертвами взаимнаго раздраженія. Такимъ образомъ явились мученики и матеріалы для мѣстной церковной эпопеи. Псковъ имѣлъ давнюю и тѣсную связь съ Юрьевомъ. Здѣсь въ Русскомъ концѣ былъ православный приходъ при церкви св. Николая и великомученика Георгія, построенной псковичами. Въ 1471 г. при этой церкви служили два священника Исидоръ и Іоаннъ. Первый часто состязался съ невѣрными нѣмцами о вѣрѣ, убѣждая ихъ отступить отъ латинства и опрѣсночнаго служенія и принять крещеніе: этимъ онъ не разъ подвигалъ на гнѣвъ безбожныхъ юрьевскихъ латинъ. Въ томъ году возобновилась борьба Ливоніи съ Псковомъ: безбожная Латина разсвирѣпѣла на христіанъ, какъ разсказываетъ псковскій повѣствователь объ Исидорѣ (въ XVI в.), умыслила воздвигнуть брань на богоспасаемый градъ Псковъ и на всѣ церкви Христовы, на мѣстѣ ихъ поставить свои храмы и ввести опрѣсночное служеніе. Незадолго передъ тѣмъ получили безумные латины подтвержденіе своимъ проклятымъ ересямъ отъ папы Евгенія, антихристова предтечи, на осьмомъ соборѣ, и захотѣли совратить людей Божіихъ въ свою вѣру, къ своему опрѣсночному служенію. Вошелъ тогда бѣсъ въ одного юрьевскаго старѣйшину, въ нѣмца Юрія Трясоголова: возсталъ онъ на Исидора и его прихожанъ и нажаловался бискупу, капланамъ, старѣйшинамъ и всѣмъ католикамъ города: „Русскій попъ съ своими христіанами, которые въ нашемъ городѣ живутъ, хулятъ нашу чистую латинскую вѣру и опрѣсночное служеніе, называютъ насъ безвѣрниками и развращаютъ обычаи нашей вѣры“. Разсерженные бискупъ и старѣйшины положили выждать большей вины со стороны православныхъ. Видя, что латины задумали ласками и угрозами „соединять“ обитателей Русскаго

конца къ своей вѣрѣ, товарищъ Исидора Іоаннъ удалился въ Псковъ. 6 января Исидоръ съ прихожанами вышелъ на рѣку Омовжу освящать воду; посланцы бискупа схватили ихъ всѣхъ и съ поруганіемъ представили на судъ въ ратушу. На допросѣ бискупъ сталъ принуждать православныхъ къ церковному соединенію съ католиками и къ принятію опрѣсночнаго служенія.

— Не бывать тому, беззаконный бискупъ, другъ сатаны и поборникъ бѣсовъ, сынъ погибели и врагъ истины, отвѣчалъ Исидоръ: не бывать тому, чтобы мы отреклись отъ Христа Бога нашего и отъ христіанской вѣры. Мучь насъ, какъ хочешь. Еще скажемъ тебѣ, безумный бискупъ, и вамъ всѣмъ, беззаконные латины, молимъ васъ: пощадите свои души Господа ради: вѣдь и вы, окаянные, тоже Божіе созданіе, отступите отъ проклятаго опрѣсночнаго служенія. О богомерзкая ваша прелесть! Получили вы подтвержденіе своей вѣры отъ злоименитаго папы Евгенія и отъ другихъ учителей злочестивой вашей вѣры, которые бороды и усы свои подстригаютъ. Такъ и вы, окаянные поступаете и пойдете въ муку вѣчную съ бѣсами, къ отцу своему сатанѣ въ подземныя мѣста, въ мгляную землю, гдѣ нѣтъ свѣта и жизни.

Исидора съ прихожанами посадили въ тюрьму. Бискупъ велѣлъ быть въ Юрьевѣ торжественному съѣзду „всѣхъ держателей градскихъ“ юрьевскаго округа. Когда узники стали передъ этимъ собраніемъ въ ратушѣ, бискупъ началъ ласково говорить имъ о вѣрѣ:

— „Теперь лишь послушайтесь меня и судей нашего города, повинитесь передъ этимъ множествомъ нѣмцевъ, сошедшихся на ваше позорище со всѣхъ городовъ моей области: примите нашу честную вѣру и опрѣсночное служеніе. Наша вѣра одна съ вашей. Не губите себя, будьте нашей присной братіей; захотите,—и вы будете держать свою вѣру, мы вамъ не возбраняемъ. Только теперь повинитесь предо мною и этимъ собраніемъ“.

Православные сурово отвѣчали на эти льстивыя рѣчи и повторили то, же, что сказали на первомъ допросѣ. По рѣшенію

судилища ихъ всѣхъ въ числѣ 72 человѣкъ побросали подъ ледъ въ Омовжу, тамъ, гдѣ за два дня передъ тѣмъ Исидоръ совершалъ водоосвященіе.

Болѣе мирный исходъ имѣло преніе, бывшее нѣсколько лѣтъ спустя въ Псковѣ (около 1491 г.). Латинскіе монахи, „сѣрые черницы" изъ Юрьева прислали къ псковскому дьяку Филиппу Петрову грамоту объ осьмомъ соборѣ, которую онъ явилъ псковскому намѣстнику и посадникамъ. Потомъ сѣрые чернецы сами явились въ Псковъ и начали толковать о вѣрѣ, были у священниковъ, но идти въ Новгородъ къ владыкѣ отказались. Псковскіе священники много потязали ихъ отъ Писанія; при этомъ спорѣ присутствовалъ и дьякъ Филиппъ, описавшій его въ отпискѣ къ архіепископу Геннадію.

—„Папа нашъ, говорили католики, съ вашими архіереями соединили вѣру на осьмомъ соборѣ; и мы и вы христіане и вѣруемъ въ Сына Божія".

Но говорить древнерусскимъ людямъ о примиреніи съ католицизмомъ безъ уничтоженія обрядовъ послѣдняго, считавшихся на Руси самыми ненавистными его особенностями, безъ уничтоженія поста въ субботу и служенія на опрѣснокахъ, значило предполагать въ православной Руси способность примириться съ богопротивнымъ жидовствомъ, т. е. въ глаза смѣяться надъ нею.

— Не у всѣхъ вѣра права, отвѣчали псковскіе священники. Если вы вѣруете въ Сына Божія, то зачѣмъ послѣдуете богоубійцамъ жидамъ, поститесь въ субботу и служите на опрѣснокахъ и этимъ богопротивно жидовствуете?

Меньше тревожили, по крайней мѣрѣ рѣже затрогивались въ русской полемической литературѣ того времени чисто догматическія особенности католицизма. Одна изъ нихъ была задѣта въ описываемомъ спорѣ.

— Еще вы говорите, продолжали псковскіе священники: „и въ Духа Святаго животворящаго, отъ Отца и Сына исходящаго", и этимъ беззаконно два духа вводите, въ два начала сходите, въ пропасть духоборца Македонія ниспадаете. Много

и другого дѣлается у васъ противъ божественныхъ правилъ и соборовъ.

Осьмой соборъ былъ, разумѣется, главнымъ и наиболѣе раздражающимъ пунктомъ спора.

— А что вы говорите намъ объ осьмомъ сонмищѣ,—возражали священники,—о скверномъ соборѣ латинскомъ во Флоренціи, намъ это хорошо извѣстно: то окаянное соборище было на нашей памяти и кардиналъ Исидоръ едва утекъ отъ нашего государя великаго князя и бѣдственно скончалъ въ Римѣ животъ свой. Мы о томъ соборѣ не хотимъ и слышать, отринутъ онъ Богомъ и четырьмя патріархами; будемъ держать семь соборовъ вселенскихъ и помѣстные, ибо въ тѣхъ благоволилъ Богъ, какъ сказано: *Премудрость созда себѣ храмъ и утверди столповъ седмь*, что значитъ семь соборовъ св. отцевъ и семь вѣковъ, доводящихъ до будущаго вѣка, по Іоанну Богослову.

Много и другого отмолвили отъ Писанія Господни священники тѣмъ студнымъ латинамъ, прибавляетъ дьякъ, оканчивая свой краткій разсказъ о преніи.

V.

Богословскій споръ.

Общественный ли бытъ Пскова, благодаря своимъ болѣе тонкимъ формамъ, живѣе отражалъ на себѣ внутреннія движенія, или уже все русское общество въ XV вѣкѣ пережило такія сильныя государственныя и нравственныя потрясенія, которыя прорывались и сквозь толстую оболочку, покрывавшую внутреннее содержаніе русской жизни, и прорывались замѣтнѣе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ эта оболочка меньше ихъ сдерживала,—только въ Псковѣ рядомъ съ препирательствами, вызванными запутанностію внутренней церковной администраціи и столкновеніями съ внѣшними врагами православія, сильнѣе чѣмъ гдѣ-либо въ тогдашней Россіи проявилась церковная полемика отвлеченнаго свойства, вызванная вопросами изъ об-

ласти богословія или того, что тогда принимали за богословіе. И къ этимъ вопросамъ теологической метафизики прилагалась та же логика, какую можно замѣтить въ полемикѣ псковичей съ владыкой и латинами, та же наклонность дѣлать изъ формы содержаніе, при неохотѣ прикрывать дорогое содержаніе формой, способной защитить его отъ дѣйствія губительныхъ историческихъ вѣтровъ.

Въ началѣ XV в. изъ подгороднаго псковскаго монастыря на Снѣтной Горѣ вышелъ инокъ Евфросинъ, чтобы углубиться въ необитаемую пустыню и тамъ, „аще будетъ Господеви годѣ", основать свой монастырекъ. Тогда въ русскихъ монастыряхъ дѣйствовало еще съ полной силой это пустынное движеніе, обнаружившееся съ половины XIV вѣка по причинамъ, которыя недостаточно уяснены и уясненіе которыхъ, можетъ быть, еще болѣе вскрыло бы и безъ того замѣтную силу, съ какою чисто матеріальныя общественныя условія древней Руси дѣйствовали подъ аскетическими формами на характеръ, направленіе и судьбу русскаго монашества. Выселенія изъ старыхъ монастырей въ лѣсъ для основанія новыхъ, въ одиночку или товариществами, совершались тогда по всѣмъ угламъ сѣверовосточной Руси, и русскіе святцы сохранили намъ имена лишь незначительной части этихъ первыхъ усердныхъ вырубателей старорусскихъ лѣсовъ въ такихъ мѣстахъ, куда дотолѣ не отваживался проникнуть даже топоръ русскаго непосѣднаго крестьянина. Поселившись верстахъ въ 25 отъ Пскова, въ пустынѣ на р. Толвѣ, Евфросинъ собралъ около себя братство любителей пустыни и основалъ обитель съ храмомъ во имя Трехъ Святителей. Онъ родился въ псковскомъ краѣ и выросъ въ понятіяхъ и отношеніяхъ вольной области, если только эти понятія и отношенія могли положить на человѣка отпечатокъ, замѣтно отличавшій его отъ людей другихъ краевъ тогдашней сѣверной Руси. Впрочемъ Евфросиновъ біографъ XVI вѣка, слишкомъ знакомый съ литературной техникой житій, умѣлъ заткать личность своего святого густою сѣтью привычныхъ образовъ, моральныхъ изреченій, библейскихъ текстовъ и ал-

легорическихъ видѣній. Новый монастырь возникъ, какъ возникали почти всѣ монастыри въ тогдашнихъ лѣсахъ сѣверной Руси. Къ одинокой хижинѣ, поставленной отшельникомъ въ лѣсу, стали собираться другіе монахи, подобно Евфросину уходившіе изъ старыхъ монастырей искать новаго мѣста для подвиговъ уединенія; за монахами стала являться и „простая чадь пользы ради", ища назидательнаго поученія и примѣра. Когда собралась братія, святой построилъ для нея церковь, началъ рубить лѣсъ вокругъ обители и пахать землю, „нивы страдати", чтобы тѣмъ кормиться. Но потомъ явились христолюбцы, начавшіе вѣру держать къ новой обители, приносили милостыню и села давали на ея устроеніе, въ наслѣдіе вѣчныхъ благъ. Монастырь Евфросина рано завязалъ тѣсныя связи съ городомъ Псковомъ. Въ числѣ первыхъ иноковъ его былъ одинъ зажиточный псковичъ съ четырьмя сыновьями. Въ числѣ первыхъ христолюбцевъ, поддерживавшихъ монастырь своими приношеніями, былъ одинъ псковскій посадникъ. Эти связи установили или поддерживали близость между монастыремъ и городомъ и въ духовныхъ интересахъ церковной жизни.

Біографъ Евфросина указываетъ въ немъ одну черту, выходящую изъ ряда обычныхъ явленій, сопровождавшихъ русское пустынножительство того времени. Рано появилась у Евфросина одна богословская забота, давно тревожилъ его тяжелый отвлеченный вопросъ о пресвятой аллилуіи, о томъ, двоить ли ее или троить въ церковномъ пѣніи. Онъ повидимому не раздѣлялъ теологической осторожности большинства современныхъ ему русскихъ подвижниковъ, объ одномъ изъ которыхъ ученикъ-жизнеописатель замѣчаетъ, что онъ „въ догматехъ велико опасеніе и ревность имяше, аще и мало кто кромѣ божественнаго писанія начинаше глаголати, не точію слышати не хотяше, но и отъ обители изгоняше". Вопросъ объ аллилуіи по самому существу своему заставлялъ Евфросина искать его разрѣшенія въ источникахъ церковнаго вѣдѣнія, лежавшихъ „кромѣ божественнаго писанія". Прежде всего преподобный обратился къ мѣстнымъ церковнымъ авто-

ритетамъ, много вопрошалъ о немъ у старѣйшаго церковнаго люда, „отъ церковныя чади старѣйшихъ мене“, по словамъ самого Евфросина, записаннымъ въ его житіи. Но никто изъ церковной чади Пскова не могъ протолковать ему ту великую вещь божественнаго любомудрія: сами они тогда волновались этимъ вопросомъ, полагая великій расколъ и разногласіе посреди Христовой Церкви; одни двоили пресв. аллилуію, другіе троили. Устроивъ уже свою обитель, Евфросинъ рѣшился искать вразумленія у церковнаго авторитета болѣе отдаленнаго, но и болѣе надежнаго. „Братія,— говорилъ онъ, созвавъ иноковъ своего монастыря,—помышляю итти къ Царствующему Граду, потому что отъ юности много труда и подвизанія положилъ и безмѣрною печалію сѣтовалъ о пресвятой аллилуіи; иду къ святѣйшему патріарху въ Царьградъ, гдѣ возсіяла православная вѣра, и узнаю тамъ истину о божественной аллилуіи: если тамъ двоится, то и я буду двоить, а если тамъ троится, то и я буду троить“. Евфросинъ простился съ братіей и отправился въ далекое догматическое странствіе. Прибывъ въ Царьградъ, онъ вошелъ въ соборную церковь во время службы, послѣ которой патріархъ Іосифъ пригласилъ его къ себѣ въ келью. Здѣсь была у нихъ долгая бесѣда о тайнѣ аллилуіи. Патріархъ благословилъ русскаго странника и повелѣлъ ему двоить святую аллилуію. Послѣ того Евфросинъ прислушивался къ пѣнію въ соборной церкви, обошелъ святыя мѣста и монастыри въ области Царьграда, навѣстилъ и пустынныхъ молчальниковъ: вездѣ онъ находилъ подтвержденіе патріаршаго приказа о пѣніи аллилуіи. Прощаясь съ Іосифомъ передъ отходомъ въ обратный путь на родину, Евфросинъ получилъ отъ него икону Богородицы въ знакъ благословенія и писаніе о божественной тайнѣ пресвятой аллилуіи. Владыка напутствовалъ его словами: „миръ ти, чадо, пустынное воспитаніе! иди съ миромъ и спаси душу свою, и Богъ буди съ тобою и наше благословеніе, и падутъ соперники подъ ногами твоими, приразившись какъ волны морскія къ твердому камню: камень не сокрушится, а волны разобьются“. Во-

ротившись въ свой монастырь и передавъ братіи вмѣстѣ съ иконой патріарха и его писаніе объ аллилуіи, Евфросинъ ввелъ въ чинъ церковнаго пѣнія для своей обители сугубую аллилуію „по преданію вселенскаго патріарха". Этотъ чинъ не былъ простымъ обрядомъ въ мнѣніи Евфросина, но выражалъ догматическую мысль, „еже славословити едиными усты божество же купно и человѣчество единаго Бога славяще въ животворящей аллилуіи".

Такъ разсказываетъ Евфросиново житіе. Этотъ разсказъ издавна служилъ камнемъ преткновенія для церковно-исторической критики. Набрасывая сомнѣніе на всѣ его подробности, особенно находили подозрительными три черты. Невѣроятнымъ считали, чтобы въ псковскомъ духовенствѣ уже во время юности Евфросина, т. е. въ самомъ началѣ XV в. существовало разномысліе по вопросу о пѣніи аллилуіи, чтобы нѣкоторые и тогда сугубили ее. Потомъ находили много страннаго и невѣроятнаго въ повѣствованіи о путешествіи Евфросина въ Царьградъ, во времени, къ которому житіе относитъ это путешествіе. Наконецъ рѣшительно отвергали, какъ невозможность и клевету на греческую церковь XV в., извѣстіе житія, что Евфросинъ нашелъ обычай двоенія аллилуіи въ цареградскихъ церквахъ и монастыряхъ, что самъ патріархъ далъ русскому страннику подтвержденіе этого обычая. Источникъ всѣхъ этихъ невѣроятныхъ или совершенно невозможныхъ извѣстій видѣли въ отдаленности житія, написаннаго въ половинѣ XVI вѣка, отъ времени описываемыхъ имъ событій и въ произволѣ авторской фантазіи біографа. Основаніемъ критики или ея исходнымъ пунктомъ служила собственно мысль о невозможности того, чтобы пустынножитель XV в., причисленный русскою церковію къ лику святыхъ, былъ приверженцемъ церковнаго обычая, ставшаго потомъ, черезъ 200 лѣтъ, одною изъ особенностей русскаго раскола.

Можетъ быть, не одушевляясь этимъ практическимъ побужденіемъ, критика не была бы такъ строга къ произведенію Евфросинова біографа, пресвитера Василія, который по лите-

ратурному характеру своему принадлежалъ къ числу самыхъ обыкновенныхъ мастеровъ житій въ XVI в. и очень мало отличался литературной изобрѣтательностію. Большую часть своего повѣствованія онъ заимствовалъ изъ стараго сказанія о Евфросинѣ, ограничивъ свое литературное участіе въ этомъ заимствованіи незначительными стилистическими поправками, сокращеніями, да болѣе правильнымъ расположеніемъ отдѣльныхъ разсказовъ, безпорядочно разсѣянныхъ въ повѣсти его предшественника. Дошедшая до насъ въ рѣдкомъ спискѣ повѣсть о Евфросинѣ содержитъ въ себѣ не мало указаній на то, что она не передѣлка труда пресвитера Василія, а именно то писаніе „нѣкоего прежняго списателя“, изъ котораго полными руками черпалъ этотъ позднѣйшій біографъ и о которомъ онъ отозвался нелестно, сказавъ, что оно написано „нѣкако и смутно, ово здѣ, ово инде“ [1]). Почеркъ списка этой повѣсти относится къ началу XVI в., а Василій писалъ житіе Евфросина въ 1547 г.; авторъ является въ ней инокомъ Евфросинова монастыря, а Василій писалъ это житіе, по его словамъ въ другомъ сочиненіи, „мнѣ еще въ мірѣ сущу и бѣлыя ризы носящу“, и никогда не былъ инокомъ той обители; авторъ повѣсти говоритъ о своихъ сношеніяхъ съ игуменомъ Евфросинова монастыря Памфиломъ, котораго не зналъ и уже не за-

---

[1]) Эта повѣсть извѣстна намъ по рукописи Ундольскаго въ моск. Рум. муз. № 306. Ея происхожденіе, составъ и отношеніе къ житію Евфросина, составленному Василіемъ, разсмотрѣны авторомъ настоящей статьи въ изслѣдованіи „*Древнерусскія житія святыхъ какъ историческій источникъ*“, стр. 252—257. Здѣсь приводятся нѣкоторыя объяснительныя или дополнительныя замѣчанія. Старая повѣсть сопровождается 4-мя чудесами: въ сочиненіи Василія 5-ое чудо совершилось съ Купріаномъ, о которомъ онъ упоминаетъ въ предисловіи, какъ о своемъ современникѣ и объ одномъ изъ иноковъ, просившихъ его написать житіе Евфросина. Старая повѣсть написана при иг. Памфилѣ и архіеп. Геннадіи. Въ предисловіи Василій упоминаетъ объ инокѣ Маркеллѣ, постриженникѣ Памфиловомъ, который въ 1547 г. былъ уже старцемъ, иночествовавшимъ 50 лѣтъ. Значитъ въ послѣдніе годы XV в. Памфилъ былъ уже игуменомъ. Къ 1505 г. относится его извѣстное посланіе въ Псковъ. Такимъ образомъ старая повѣсть написана въ концѣ XV или въ самомъ началѣ XVI в., не позже 1504 г.

сталъ въ живыхъ Василій: составъ повѣсти вполнѣ соотвѣтствуетъ отзыву о ней Василія; рядъ посмертныхъ чудесъ Евфросина прерывается въ повѣсти на 4-мъ чудѣ, а въ трудѣ Василія продолженъ 15-ю новыми позднѣйшими чудесами; повѣсть, обращаясь къ христолюбивому граду Пскову, называетъ его еще „землею свободной“, а Василій, писавшій послѣ катастрофы 1510 года, нашелъ уже политически-приличнымъ пропустить эти слова въ своемъ переложеніи, хотя и въ его время не существовало цензуры, слишкомъ чуткой къ политическому приличію.

Такимъ образомъ не одинъ Василій виноватъ въ томъ, что онъ разсказываетъ объ аллилуіи и о хожденіи Евфросина въ Царьградъ за правдой объ ней: онъ составилъ свой разсказъ по извѣстіямъ, какія нашелъ у своего предшественника, а обвинять въ произволѣ необузданной фантазіи, въ вымыслахъ повѣствователя, писавшаго лѣтъ 20 спустя по смерти святого и въ его монастырѣ, гдѣ въ то время находилось еще столько живыхъ обличителей, современниковъ Евфросина,— обвинять его нѣсколько труднѣе, чѣмъ пресвитера Василія, писавшаго спустя 66 лѣтъ послѣ кончины Евфросина.

Хронологическія сомнѣнія критики въ разсказѣ о путешествіи Евфросина въ Царьградъ успокоены издателями житія, написаннаго Василіемъ [1]). Самый фактъ путешествія, какъ и его цѣль, едвали можетъ тревожить ученую подозрительность. Евфросинъ ходилъ къ патріарху раньше Флорентійскаго собора, до 1437 года, „въ добрую пору, въ самый благодатный цвѣтъ и во время прекрасныя тишины нерушимыя вѣры во Христа, еще бо не обладанъ бысть тогда богохранимый Константинъ-градъ отъ поганыхъ бесерменъ“, какъ писалъ Евфросинъ въ посланіи къ новгородскому архіепископу Евѳимію; біографъ со своей стороны замѣчаетъ, что это было „за долго лѣтъ“ до взятія Царьграда. Въ то время византійскій и сла-

[1]) Памятн. стар. русск. литер. гг. Пыпина и Костомарова, вып. VI, стр. 118.

вянскій православный югъ сохранялъ еще большую долю своего церковнаго авторитета въ глазахъ русскихъ; до нечестиваго сонмища въ Италіи тамъ еще видѣли прекрасную тишину нерушимой вѣры. Продолжались еще довольно тѣсныя взаимныя связи, оживляемыя обоюдосторонними странствованіями съ набожной или практической цѣлью. Если основатель псковскаго монастыря ходилъ въ Царьградъ, чтобы разрѣшить свое недоумѣніе объ аллилуіи, то ученикомъ его и инокомъ его монастыря на Толвѣ былъ преп. Савва (впослѣдствіи основавшій Крыпецкій монастырь въ 15 верстахъ отъ Евфросинова), о которомъ псковское преданіе, занесенное въ его житіе и уже раздѣлившееся въ XVI вѣкѣ, помнило, что онъ пришлецъ изъ чужой страны, но выводило его то изъ Сербской земли, то со Святой Горы [1]). Это по крайней мѣрѣ значитъ то, что такія явленія считались возможными въ XV в. Напрасно было бы останавливаться на нѣкоторыхъ мелкихъ чертахъ въ разсказѣ Василія о пребываніи Евфросина въ Царьградѣ, которыя могутъ показаться подозрительными. Этотъ разсказъ составленъ по неполнымъ признаніямъ, какія сдѣланы самимъ Евфросиномъ въ посланіи къ Евѳимію или вырвались у него изъ устъ во время спора и со словъ свидѣтелей полемики записаны первымъ повѣствователемъ. Тогда ни противники, ни сторонники Евфросина, очевидно, не сомнѣвались въ его путешествіи. Но неточности, можетъ быть, допущенныя здѣсь позднѣйшимъ біографомъ, не измѣняютъ сущности факта.

Остаются два тревожные для критики вопроса, тѣсно связанные взаимно: 1) вѣроятно ли, чтобы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ псковской области существовалъ церковный обычай сугубить аллилуію уже въ началѣ XV вѣка? 2) вѣроятно ли, чтобы этотъ обычай находилъ поддержку гдѣ-нибудь на Востокѣ, въ византійской церкви? Евфросинъ не вынесъ этого обычая изъ Константинополя, а искалъ тамъ только его оправ-

---

[1]) См. указанное выше изслѣдованіе о житіяхъ, стр. 259.

данія. Споря съ посланцами Іова, онъ говорилъ: „когда еще былъ я юнъ и не былъ монахомъ, я много труда положилъ, много думалъ и молился о тайнѣ аллилуіи“. Въ посланіи къ архіеп. Евѳимію онъ пишетъ: „у меня отъ юности обычай двоить божественную аллилуію, а не троить“. Начиная разсказъ о спорѣ Евфросина съ Іовомъ, біографы увѣряютъ, что „утвердился одинъ обычай у всѣхъ псковичей по мірскимъ и по монастырскимъ церквамъ троить аллилуію“ и что только въ Евфросиновомъ монастырѣ отступали отъ этого обычая. Біографы не только не преувеличивали дѣйствительности въ извѣстіи о двоеніи аллилуіи, но даже стѣсняли ея размѣры. Находимъ достаточно указаній на то, что въ концѣ XIV и въ началѣ XV в. не только въ псковской области, но и въ другихъ частяхъ новгородской епархіи по мѣстамъ употреблялась сугубая аллилуія и этотъ обычай является въ связи съ примѣрами, приходившими съ византійскаго или славянскаго юга. Не заходя далеко въ глубь старины, ограничимся указаніями памятниковъ, относящихся къ обозначенному времени, къ XIV—XV в., выражая при этомъ предположеніе, что ближайшее знакомство съ письменностію древней Руси значительно увеличитъ извѣстное намъ количество этихъ указаній.

Въ одномъ спискѣ Златоуста, входившемъ въ составъ новгородской Софійской библіотеки и относящемся къ XIV—XV вѣку, помѣщена статья о „пѣтьи меѳимона“ съ прямымъ указаніемъ, что во время составленія ея многіе двоили аллилуію [1]). Извѣстна рукопись, содержащая въ себѣ псалтирь слѣдованную Кипріанова письма (т.-е. митрополита Кипріана, умершаго въ 1406 г.): здѣсь въ чинѣ вечерни и утрени нѣсколько разъ указано пѣть: „аллилуіа, аллилуіа, слава Тебѣ, Боже—трижды [2]). Эта псалтирь Кипріанова письма имѣла зна-

[1]) Рукоп. Софійск. библ. теперь въ Петерб. дух. акад. № 1264, л. 15 об. Эта статья или „уставъ“ выписанъ въ указанномъ выше изслѣдованіи о житіяхъ, стр. 256, примѣч. 2. Здѣсь прямо сказано: „Иже мнози поютъ подвоицю аллилугіа, а не втрегубна, на грѣхъ себѣ поютъ“.

[2]) Рукоп. Моск. дух. акад. № 142. Мѣста съ сугубой аллилуіей см. на л. 146 об., л. 155 и об.

ченіе образца, съ нея списывали, перенося въ списки и сугубую аллилуію. Между рукописями той же библіотеки находимъ псалтирь съ возслѣдованіемъ, „Капріановъ переводъ“, письма XV—XVI вѣка, гдѣ въ послѣдованіи вечерни и утрени аллилуія обозначена совершенно такъ же, какъ въ слѣдованной псалтири Капріанова письма [1]). Въ одной частной рукописной библіотекѣ хранится ветхая псалтирь, пергаменная рукопись, писанная не позже XVI вѣка и сильно попорченная временемъ: здѣсь послѣ псалма CXXXIV явственно читается замѣтка киноварью: „аллилуіа сугуби“. По нѣкоторымъ особенностямъ языка и транскрипціи въ этой рукописи можно съ большою вѣроятностію утверждать, что она не русскаго, а южно-славянскаго и именно сербскаго происхожденія [2]). Извѣстно далѣе, что началѣ XV вѣка псковское духовенство, обращаясь съ различными церковными недоумѣніями къ митрополиту Фотію, спрашивало его и о томъ, какъ пѣть аллилуію, и Фотій, отвѣчая ему въ 1419 году, указывалъ именно троить этотъ церковный припѣвъ: это заставило преосв. Макарія сдѣлать очень естественное предположеніе, что нѣкоторые въ Псковѣ уже тогда пѣли или хотѣли пѣть аллилуію не такъ, какъ научаетъ въ посланіи митроп. Фотій, т.-е. не трижды, а вѣроятно дважды [3]). Во второй половинѣ XV вѣка псковичи, оставшіеся вѣрными троенію аллилуіи, винили по обычаѣ двоить ее именно грековъ, указывали на нихъ, какъ на соблазнителей, распространившихъ этотъ нечестивый обычай. Сохранилось посланіе неизвѣстнаго по имени псковскаго Троицкаго соборянина къ игумену Аѳанасію, стороннику Евфросина и сугубой аллилуіи [4]). Здѣсь читаемъ: „Аще ли по Еллинохъ дващи глаго-

[1]) Рукоп. Московск. дух. акад. № 152, л. 143 об. и 152.

[2]) Эта любопытная рукопись принадлежитъ Е. В. Барсову, писана уставомъ. Приведенное замѣчаніе объ аллилуіи см. на л. 85. Къ числу особенностей письма въ этой рукописи относится употребленіе буквы ь вмѣсто ъ: *возлюбиль еси, языкь льстивь, отъ врагь моихь, вьнми. Богь*, и т. п.

[3]) Ист. Русск. Раскола, *преосв. Макарія*, стр. 5.

[4]) См. это посланіе въ синод. спискѣ Макар. Четьихъ-Миней, мѣс. августь, л. 809. и въ синод. рукоп. № 466, л. 260. О немъ будетъ еще рѣчь ниже.

тыи стихове и ихъ творецъ въ вселеньстей и апостольстей церкви именоватися?... Но и нынѣ вѣди, отче, яко отъ Греческыя земли развратился еси... Уже мерзость и запустѣніе, реченное пророкомъ Даніиломъ, на мѣстѣ святѣмъ стоитъ, сирѣчь на соборней и апостольстей церкви Констянтина-града... Уже бо прочіи погибоша, глаголавшеи двократы (аллилуію); и мы да не такоже погыбнемъ". Энергичность этихъ выраженій свидѣтельствуетъ о силѣ распространеннаго тогда въ псковскомъ духовенствѣ мнѣнія, что двоеніе аллилуіи опиралось на византійскій авторитетъ. Авторъ посланія не отвергаетъ этого основанія двоителей: онъ указываетъ только на ненадежность самого авторитета. Наконецъ одинъ грекъ, извѣстный современникъ новгородскаго архіепископа Геннадія Димитрій оставилъ намъ свидѣтельство, которое подтверждаетъ всѣ вышеизложенныя и одно достаточно объясняетъ разсказъ Евфросинова біографа о хожденіи преподобнаго въ Царьградъ. Въ 1493 г. онъ писалъ Геннадію изъ Рима: „Велѣлъ ты мнѣ, господинъ, отписать къ тебѣ о трегубномъ аллилуіа. Высмотрѣлъ я въ книгахъ; но, господинъ, того и здѣсь въ книгахъ не показано, какъ говорить, трегубно или сугубно. Но помнится мнѣ, что и *у насъ* о томъ споръ бывалъ между великими людьми, и они рѣшили, что все равно, потому что трегубное аллилуіа, а четвертое *Слава Тебѣ Боже* являетъ тріипостасное единосущное Божество, а сугубое аллилуіа являетъ въ двухъ естествахъ единое Божество (надлежало бы сказать, замѣчаетъ преосв. Макарій: въ двухъ естествахъ единое лицо Христа-Бога). Потому какъ ни молвитъ человѣкъ тою мыслію, такъ и добро". На этомъ основаніи Геннадій безразлично допускалъ и двоеніе и троеніе аллилуіи, хотя какъ за той такъ и за другой формой признавалъ догматическій смыслъ, подобно греческимъ „великимъ людямъ".

Изложенныя свидѣтельства письменности XIV и XV вв. достаточно объясняютъ, какимъ образомъ могъ Евфросинъ съ юности усвоить себѣ обычай двоить аллилуію и какъ потомъ могъ онъ найти подтвержденіе этого обычая на югѣ, въ гре-

ческой церкви. Неизвѣстно, когда закралась сугубая аллилуія въ предѣлы новгородской епархіи; но очевидно она уже употреблялась здѣсь по мѣстамъ и вызывала порицаніе со стороны приверженцевъ троенія, несомнѣнно преобладавшаго. Въ XV и въ началѣ XVI в. не замѣтно слѣдовъ полемики по этому вопросу въ Москвѣ. Но есть указаніе на то, что сугубая аллилуія была извѣстна и здѣсь за много лѣтъ до Стоглаваго собора. Современникъ, описывавшій кончину великаго князя Василія Ивановича, повидимому близкій къ двору москвичъ, пишетъ, что князь, томясь предсмертными муками, пѣлъ сугубую аллилуію. „А противу недѣли тоя нощи, коли причастися Пречистыхъ Таинъ, и утишися мало и начатъ аки во сновидѣніи пѣти: аллилуіа, аллилуіа, слава Тебѣ Боже“. Потомъ, высказавъ желаніе постричься въ присутствіи митр. Даніила, великій князь сказалъ ему: тако ли ми, господине митрополитъ, лежати? И начатъ креститися и говорити: аллилуіа, аллилуіа, слава Тебѣ Боже“ [1]). Трудно рѣшить, откуда проникъ сюда этотъ обычай, изъ новгородской ли епархіи или изъ книгъ, подобныхъ указаннымъ выше псалтирямъ. Но въ XV в. и двоившіе и троившіе аллилуію одинаково, хотя и съ различными чувствами, указывали на византійскій югъ, какъ на источникъ двоенія или авторитетъ, оправдывающій своимъ примѣромъ этотъ обычай.

Такимъ образомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго въ главныхъ обстоятельствахъ, которыми біографъ окружаетъ происхожденіе спора, завязавшагося между Евфросиномъ и троившими аллилуію. Разсматривая этотъ споръ вообще, какъ фактъ изъ умственной русской жизни XV вѣка, также трудно найти въ немъ что-нибудь несогласное съ характеромъ эпохи или общества. Вторая половина XV в. была именно временемъ казуистическихъ вопросовъ въ исторіи нашей духовной жизни, и мы пытались указать причины этого явленія въ настроеніи русскаго церковнаго общества того времени. Но въ этихъ во-

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. VI. 271 и 274.

просахъ, поднявшихся въ XV вѣкѣ, отразилось лишь давно сложившееся и удивительно долго жившее направленіе русскаго мышленія. Древняя Русь такъ же хорошо была знакома съ игрой въ богословскіе термины, какъ новѣйшая съ игрой въ термины естествознанія; но если она не оставила рѣзкаго выраженія своей боязни передъ богословской мыслью, то потому только, что нечего было бояться. Отвергать этотъ двойной фактъ прошлаго значитъ совершенно не знать русской современности. Нельзя отвергать направленія, путемъ преемственной передачи оставившаго столько живыхъ, цѣльныхъ, нетронутыхъ временемъ представителей не только въ средѣ раскола, но и въ томъ кругу нашего богословствующаго міра, который почему-то усвояетъ себѣ особенное призваніе въ борьбѣ съ расколомъ, но, ощущая больше развязности въ своемъ языкѣ, чѣмъ въ перѣ, предпочитаетъ воинствовать не литературной полемикой, а устнымъ обличеніемъ, открывающимъ широкій просторъ для практическихъ аргументовъ и въ то же время позволяющимъ забыть обязанность логической послѣдовательности. Это—прямое наслѣдіе нашего прошлаго XV вѣка, когда мышленіе, воспитанное на эпическихъ образахъ и мелкихъ житейскихъ казусахъ, отъ сказки, загадки и пословицы перешло съ тѣми же пріемами къ трактатамъ о глубочайшихъ истинахъ христіанства. Потому-то и есть такъ много сходнаго между тѣми и другими, между этими народными загадками и пословицами съ одной стороны и этими книжными трактатами съ другой. Изъ множества образчиковъ, наглядно указывающихъ на перенесеніе однихъ и тѣхъ же формъ мысли съ одного содержанія на другое,—образчиковъ, изобильно разсѣянныхъ по древне-русскимъ рукописямъ, приведемъ нѣсколько далеко не самыхъ выразительныхъ.

„*Вопросъ.* Иже всю вселенную сотворивый и пядію измѣривый небо, а дланію землю, той же единою дланію покрытъ бысть.

—„*Отвѣтъ.* Іоаннъ возложи на Христа руку во Іердани.

„*Вопросъ.* Пріиде богатый къ нищему, много имѣя, и единаго не имѣяше, и дасть ему нищій.

—„*Отвѣтъ.* Христосъ пріиде ко Іоанну, не имѣяше крещенія.

„*Вопросъ.* Древянъ ключъ, водянъ замокъ, заецъ убѣже, а пловецъ погыбе.

—„*Отвѣтъ.* Моисей удари жезломъ море и пройде, а Фараонъ потопе.

„*Вопросъ.* Который пророкъ дланію седмь небесъ покры?

—„*Отвѣтъ.* Еда Предтеча Господа крести и на него руку положи во Іердани, то есть седмь небесъ покры.

„*Вопросъ.* Что есть: живый мертваго боится, а мертвый кричаще и на гласъ его вси людіе течаху, да спасутся?

—„*Отвѣтъ.* Живый есть пономарь, а мертвый есть клепало церковное."

Есть одна неясная черта въ разсказѣ обоихъ біографовъ Евфросина о спорѣ, имъ вызванномъ. Этотъ споръ произошелъ, когда въ Псковѣ было пять соборовъ. Пятый соборъ утвержденъ на псковскомъ вѣчѣ въ 1462 г. Но біографы помѣстили въ своемъ разсказѣ написанное вслѣдствіе спора посланіе Евфросина къ новгородскому архіепископу Евѳимію и отвѣтъ послѣдняго Евфросину. Владыка Евѳимій II умеръ въ 1458 г. Оба письма такъ просты и естественны, что не располагаютъ изслѣдователя сомнѣваться въ ихъ подлинности. Притомъ наша полемическая церковная литература, вообще не дружелюбная къ исторической критикѣ и довѣрчивая, всегда была такъ скептична и строга къ разсказу позднѣйшаго Евфросинова біографа, такъ много въ немъ отвергала, что критическая осторожность безпристрастнаго изслѣдованія располагаетъ больше къ довѣрчивости, чѣмъ къ сомнѣнію. Наконецъ, первый повѣствователь дѣлаетъ искреннюю повидимому характеристику владыки Евѳимія, которую за эту искренность пресвитеръ Василій почелъ нужнымъ опустить въ своемъ изложеніи. „Архіепископъ Евѳимій былъ святъ жизнію и имѣлъ препростой обычай въ книжной премудрости, вмѣстѣ съ тѣмъ и къ законо-

му разсужденію неглубокій искусъ учительства имѣлъ, и потому ничего не управилъ и не разсудилъ святому объ аллилуіи, но только отписалъ къ нему въ такихъ словахъ." Все это не позволяетъ остановиться на предположеніи, что составитель подложныхъ писемъ, мало знакомый съ временемъ жизни послѣднихъ новгородскихъ владыкъ, по ошибкѣ поставилъ въ своемъ неблаговидномъ литературномъ издѣліи имя Евѳимія вмѣсто преемника его Іоны, столь памятнаго въ новгородской епархіи и скончавшагося лѣтъ за 30 до составленія повѣсти древняго біографа. Болѣе вѣроятной представляется ошибка въ числѣ псковскихъ соборовъ, при которыхъ происходилъ споръ: можетъ быть, авторъ древней повѣсти помѣстилъ въ разсказѣ пять соборовъ, когда ихъ было еще всего четыре; можетъ быть, пятый соборъ началъ слагаться при построенной въ 1442 г. церкви Похвалы Богородицы и начиналъ уже дѣйствовать, какъ церковная корпорація, прежде чѣмъ псковское вѣче по просьбѣ составившихъ его „невкупныхъ поповъ" формально признало его существованіе. Эти соображенія заставляютъ отнести споръ къ послѣднимъ 1450-мъ годамъ (къ 1457 или 1458 г.).

Когда Евфросинъ, воротясь изъ Константинополя, установилъ въ своей обители обычай двоить аллилуію, жилъ въ Псковѣ священникъ Іовъ, извѣстный всему городу своимъ смысленнымъ разумомъ и умѣньемъ толковать всякое писаніе, ветхое и новое, искусствомъ много говорить отъ писанія и изъяснять силу княжную. Псковичи, духовные и міряне, привыкли спрашивать у него объясненія всякаго неяснаго мѣста въ писаніи, справляться у него о церковномъ устроеніи, о вопросахъ церковнаго чина и права, и „въ сласть" слушали его ученія. За это всѣ въ городѣ почитали его, звали дострочнымъ философомъ и столпомъ церковнымъ. Повидимому, это былъ тотъ самый священникъ Іовъ, котораго около 1427 г. духовенство трехъ псковскихъ соборовъ посылало къ митрополиту Фотію съ жалобой на безпорядки въ церковной жизни Пскова [1]).

[1]) Рукоп. Рум. Муз. № 204, л. 438. Ср. Акт. Ист. I, № 34.

способности и общій почетъ внушили гордость и самомнѣніе ученому священнику, не давъ ему искусства владѣть собою. Біографы Евфросина повѣствують, что овдовѣвъ Іовъ распопился и женился въ другой, потомъ, послѣ второго вдовства, въ третій разъ, и однакоже не потерялъ своей чести и славы среди псковичей „вины ради распопныя.“ Этотъ разсказъ достаточно объясняется митрополичьими посланіями въ Псковъ, откуда видно, что въ то время овдовѣвшіе священники въ Псковѣ не только женились вторично, но иногда и послѣ этого продолжали священствовать. Поступокъ Іова былъ довольно обычнымъ явленіемъ и потому могъ сохранить за нимъ по крайней мѣрѣ долю прежняго авторитета въ мнѣніи горожанъ. При этомъ, конечно, мы предполагаемъ, что разсказъ біографовъ точно передаетъ хронологическое отношеніе событій, что Іовъ распопился до спора, а не послѣ: въ послѣднемъ случаѣ еще менѣе остается невѣроятнаго въ этомъ разсказѣ. Іовъ не сложилъ вмѣстѣ съ званіемъ своей учительной кичливости и притязательности: онъ продолжалъ однихъ учить, другихъ осуждать, однимъ предписывать законы, другимъ указывать заповѣди, священникамъ уставлялъ чинъ церковной службы, былъ законодавцемъ и для иноковъ, учительствовалъ не только въ городѣ, но и въ его окрестностяхъ, наблюдалъ за чиномъ служенія и образомъ жизни отдаленныхъ монастырей. Услышалъ онъ, что на Толвѣ живетъ какой-то старецъ, который въ монастырѣ своемъ двоитъ аллилуію, наперекоръ обычаю большинства псковскихъ церквей и монастырей. Не стерпѣлъ этого своеволія досрочный философъ. Откуда взялъ старецъ этотъ обычай и гдѣ научился ему, спрашивалъ Іовъ въ негодованіи: или тотъ пустынникъ разумѣетъ лучше великихъ соборовъ нашихъ, отъ которыхъ вся псковская страна ученіемъ просвѣщается? Онъ принялся со многими укоризнами наговаривать на Евфросина священникамъ и всему причту городскихъ соборовъ.

— Господа священники и христолюбивые люди! Есть старецъ, на р. Толвѣ живущій, по имени Евфросинъ. Всѣ мы счи-

тали его человѣкомъ Божіимъ за его премногую добродѣтель, за воздержаніе и постные труды, за строгое исправленіе монастырскаго чина по скитскому уставу; а онъ, какъ одинъ изъ безумныхъ, въ суету животъ живетъ, всуе всѣ труды его, какъ мерзость неугодная Богу, потому что установилъ онъ въ монастырѣ своемъ обычай двоить пресвятую аллилуію, разрушая этимъ правило церковное и обычай, котораго мы согласно держимся „по уставу письменному." Подобаетъ намъ теперь воедино собраться и съ испытаніемъ допросить того черноризца въ его монастырѣ, откуда взялъ онъ такую вещь и кто научилъ его двоить св. аллилуію.

Несмотря на свой острый разумъ, Іовъ скоро дошелъ до послѣдняго аргумента, которымъ къ сожалѣнію такъ легко и часто кончается церковная полемика: онъ сталъ называть Евфросина еретикомъ за двоеніе аллилуіи. Впрочемъ первыя рѣчи Іова не встрѣтили большаго сочувствія въ духовенствѣ и мірянахъ Пскова: здѣсь такъ привыкли чтить пустынника за его подвиги, что наговоры Іова не вызвали большинства ни на одно „тяжкое слово" противъ Евфросина, Только немногіе изъ духовенства и народа пристали къ псковскому „столпу". Въ числѣ ихъ находился бывшій діаконъ Филиппъ, подобно Іову сложившій съ себя духовное званіе вслѣдствіе вторичной женитьбы, также очень ученый въ писаніи ветхомъ и новомъ, съ развязнымъ языкомъ и скорымъ словомъ, съ пространнымъ умомъ и быстрымъ помысломъ, премудрый „дохторъ" на книжную силу и изящный, многорѣчивый философъ. Высказано было предположеніе, что этотъ бывшій діаконъ— тотъ самый псковской діакъ Филиппъ Петровъ, который въ посланіи къ архіепископу Геннадію описалъ преніе католическихъ монаховъ съ псковскими священниками [1]). Если эта догадка справедлива, то она объясняетъ близость разстригъ Іова и Филиппа къ духовенству псковскихъ соборовъ, о которой говорятъ біографы Евфросина. Оба защитника тройной

[1]) Архіеп. *Филарета*. Обзоръ русск. дух. лит. I, стр. 161.

аллилуіи начали ковать обличеніе на толвскаго подвижника. Присоединивъ въ помощники къ Филиппу одного священника, также мудраго философа, и вооруживъ ихъ наставленіями своего „высокаго разума", Іовъ послалъ обоихъ „непреоборимыхъ витій, умѣтелей книжной глубины", въ монастырь къ Евфросину, чтобы обличить и опровергнуть его самочинный обычай. Но они не были вполнѣ увѣрены въ возможности побѣдить Евфросина своимъ витійствомъ; они знали, что и пустынникъ силенъ книгами и хорошо вѣдалъ многую глубину божественнаго писанія, сокровенныя тайны довѣдомыхъ и недовѣдомыхъ вещей. Поэтому Іовъ написалъ отъ имени Троицкаго собора, къ которому вѣроятно принадлежалъ прежде, обличительное посланіе: въ случаѣ, если полемическія силы посланныхъ витій ослабѣютъ въ борьбѣ съ такимъ опаснымъ противникомъ, они должны были вручить ему это посланіе, какъ послѣднее и неотразимое орудіе противъ него.

Прибывъ въ монастырь и вкусивъ отъ монастырской трапезы, философы сѣли въ кельи Евфросина на долгую бесѣду.

— Зачѣмъ навѣстили вы грѣшнаго человѣка, во всякой слабости и неисправленіи передъ Богомъ присно живущаго? спросилъ ихъ Евфросинъ.

У гостей не скоро развязался языкъ. Они смотрѣли въ разныя стороны, переглядывались между собою. Постническое лицо Святого смущало ихъ, сокрушало ихъ мысль; отъ взглядовъ его таяло какъ снѣгъ буйство ихъ сердца. Они уже подумывали о посланіи Іова. Потомъ, пріободрившись, одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Позволь намъ невѣждамъ, отче святый, вопросить тебя объ одномъ словѣ, которое имѣемъ мы къ тебѣ отъ Іова Столпа и отъ другихъ церковныхъ чадъ. Многіе люди восколебались, тяжкое слово говорятъ на твое преподобіе за преложеніе великой церковной вещи, святой аллилуіи. Мы пришли теперь наставить твой разумъ и щадимъ сѣдины твоей старости, чтобы въ конецъ не возстали на тебя всѣ наши церковные соборы и съ ними все народное множество города Пскова.

Смотри, какъ бы безъ лѣпоты не скончать тебѣ своей старости; оставь, отче, свое начинаніе, говоримъ тебѣ прямо.

— Говорите, братіе, обличайте прямо грѣхи мои, отвѣчалъ Евфросинъ. Я знаю и самъ, что много грѣховъ ношу отъ юности моей и донынѣ во злѣ пребываю, доживаю старость свою нелѣпо предъ Богомъ и людьми. Такъ обнажайте, братіе, словами вашими любимое терніе, неисчетные грѣхи мои.

— Ты, отче, колеблешь церкви Божіи, мутишь благодатный законъ среди нихъ, а мы какъ отъ лютой бури погружаемся въ волнахъ отъ твоего разногласія. Всѣ церкви Божіи по всей землѣ нашей троятъ по уставу пресв. аллилуію: такъ подобаетъ всякому христіанину; а ты не такъ, ты самочиніемъ дерзнулъ переложить на свой обычай вѣдомую всѣмъ великую церковную вещь. Скажи, откуда взялъ ты это, у кого научился говорить дважды пресв. аллилуію?

— Я, отцы мои, много грѣховъ стяжалъ передъ Богомъ съ крещенія моего и доселѣ, сказалъ Евфросинъ попрежнему тихо и кротко. Но молю васъ Господа ради, отпустите мнѣ мои тяжкія беззаконія. А что спрашиваете вы меня о пресвятой аллилуіи, то я желалъ бы сперва отъ васъ слышать силу слова о ней. Вы конечно уже знаете и хорошо испытали глубинную тайну аллилуіи: такъ покажите мнѣ словомъ устъ вашихъ искомую глубину, откровеніе премудрости Божіей, чтобы уразумѣлъ я мудрованіе вашихъ словъ и ясно узналъ, о чемъ вы меня пытаете. Будетъ добро ваше свидѣтельство о Богѣ, и я приму наставленіе отъ васъ; не будетъ добро, и я не вразумлюсь отъ вашей бесѣды. Сказано: *съ преподобнымъ преподобенъ будеши и со строптивымъ развратишися.*

— Мы, отче, не убавляемъ божества отъ единосущной Троицы и не умаляемъ Христа, единосущнаго Отцу Слова и присннаго Пресвятому Духу, но еще величіемъ исполняемъ Божество, почитаемъ Христа въ Троицѣ единаго Бога и совершеннаго въ божествѣ и человѣчествѣ; ставимъ прямо передъ тобою праведнаго послуха и свидѣтеля, могущаго обличить твое нечестіе, — самую ту пресв. аллилуію, которую мы всѣ

трижды воспѣваемъ, прославляя Христа въ Троицѣ единаго Бога. Троицу почитаемъ, утроя пресв. аллилуію: аллилуія Отцу, аллилуія Сыну, аллилуія Святому Духу; и потомъ единаго Бога изображаемъ, когда послѣ каждой утроенной аллилуіи поемъ: *Слава Тебѣ, Боже.* Гдѣ утроена аллилуія, тамъ купно Отецъ и Сынъ и Святый Духъ, единосущная Троица, Богъ совершенъ, купно же Слово Божіе плоть бысть, какъ человѣкъ совершенный и такъ совершенно славимъ Его, исполняя все, и божество, и человѣчество. Вотъ почему троимъ мы пресв. аллилуію, соединяя славою нераздѣлимаго и неразлучнаго Отца и Сына и Святаго Духа, плотью Слова Бога Христа, Сына Божія. Ты же, отче, не такъ держишь, какъ мы и вмѣстѣ съ нами весь христоименитый народъ псковичей: ты одинъ двоеніемъ аллилуіи не исполняешь божества; тѣмъ ты и умаляешь Христа, убавляешь славу Его отъ божества и человѣчества, Напоминаемъ тебѣ это, вразумляя тебя. Мы не знаемъ, откуда навыкъ ты неправедно двоить единый троичный свѣтъ тресв. аллилуіи, но знаемъ, что ты явно нечествуешь Бога и всуе животъ живешь, безъ ума провождая свои годы, и всѣ труды твои, какъ мерзость, неугодны предъ Богомъ.

Евфросина больнѣе всего тронуло обвиненіе его въ томъ, что своимъ двоеніемъ аллилуіи онъ убавляетъ славу Божію, умаляетъ Христа и дѣлаетъ труды свои неугодными предъ Богомъ. Распаливъ сердце свое пламенемъ ревности по Богѣ, онъ поднялъ брошенное ему тяжкое слово и простеръ словесныя крылья къ высотѣ боговѣдѣнія.

— Братія мои возлюбленные! Никто не можетъ сдѣлать волосъ бѣлымъ или чернымъ или одинъ локоть прибавить къ своему росту; паутина не выдержитъ прикосновенія къ огню и свѣтъ не смѣшается съ тьмою: тѣмъ болѣе божество, живой и разумный пламень и огнь Вседержителя.

Изобразивъ въ возвышенныхъ чертахъ величіе и всемогущество Божіе, Евфросинъ привелъ собесѣдниковъ своихъ къ мысли, что никто не можетъ ни прибавить чего-либо къ ве-

личію и славѣ Бога, ни убавить троичной славы Христа. Онъ указалъ на тщетныя попытки въ этомъ отношеніи еретиковъ, отвергавшихъ воплощеніе Божества или доказывавшихъ тлѣнность естества Христова. Проклятіе и исчезновеніе подобно дыму было слѣдствіемъ этихъ безумныхъ усилій такими средствами увеличить или умалить славу единосущной Троицы.

— Поймите сказанное мною, врачи мои, продолжалъ Евфросинъ, и вразумитесь, что не слѣдовало вамъ говорить такой неподобной вещи; мы-де прибавляемъ славы къ божеству, а ты умаляешь ее. Говорю вамъ: ни мнѣ умалить ее, ни вамъ умножить, но какова она есть, такъ и будетъ: Богъ Слово безъ истлѣнія съ Плотію Христосъ, *и въ томъ животъ бѣ, и животъ бѣ свѣтъ человѣкомъ, и свѣтъ во тмѣ свѣтится, и тма его не объятъ.*

Евфросинъ разсказалъ собесѣдникамъ, откуда онъ заимствовалъ обычай двоенія аллилуіи, какъ въ юности, еще до иночества, тревожило его недоумѣніе объ этомъ предметѣ, какъ напрасно искалъ онъ разъясненія дѣла у псковскаго духовенства, какъ ходилъ въ Царьградъ и тамъ нашелъ полное разрѣшеніе мучившаго его вопроса.

— Какъ держитъ великая церковь Константинаграда, прибавилъ Евфросинъ, такъ держу и я и до исхода души своей тщусь совершить, удвояя божественную аллилуію. А вы откуда взяли троить ее?

—„Издревле, смотря другъ на друга, такъ всѣ и навыкли троить св. аллилуію, ибо такъ и подобаетъ, потому что Богъ въ Троицѣ прославляется. Гдѣ троится аллилуія, тамъ есть совершенная Троица, Отецъ, Сынъ и Святый Духъ, неразлучное божество и сила живоначальнаго Слова Отча Христа Бога нашего.

— Вы, братія, сказали тяжкое слово, будто я самочинно двою аллилуію и этимъ убавляю божество и не исполняю единосущной Троицы. Теперь вы знаете, что я взялъ это у вселенской церкви цареградской и что напротивъ вы сами самочинно, своимъ произволомъ уставили троить аллилуію.

Спрошу васъ еще объ одномъ. Вы пришли вразумить меня и исправить мое нечестіе, узнавъ, что я заблудился во тьмѣ невѣдѣнія: такъ молю васъ, выведите меня на путь свѣта и скажите мнѣ силу, откройте утаенную глубину пресвятой аллилуіи, покажите, какая премудрость лежитъ въ ней и какой образъ таинственно запечатлѣнъ въ ней.

Но противники молчали: глубина витійства ихъ изсякнула. Они обратились къ послѣднему оружію, подали Евфросину написанное съ хулами и укоризнами посланіе Іова Столпа, Евфросинъ взялъ листъ и прочиталъ.

— Не доброе благоуміе принесли вы мнѣ, но скорѣе тельчіе вѣщаніе: трудъ этотъ будетъ въ неправду и въ погибель отъ Бога вашему учителю Іову Столпу.

— „Помолчи, старче, возразилъ Филиппъ, не поноси укоризнами нашего учителя: онъ у насъ въ городѣ высокій славный витія, церковный столпъ и благочестія подражатель.

— Нѣтъ, отнынѣ онъ не столпъ благочестія, а столпъ, смрада исполненный. Онъ оставилъ свѣтъ божественнаго служенія, самъ отторгнулся отъ церкви Христовой и возлюбилъ тьму больше свѣта, взялъ три жены, мудрствуя постыдное. Не будетъ онъ уже зваться простымъ столпомъ, а прозову его столпомъ мотыльнымъ. Много смущалъ онъ меня и безъ мѣры оскорблялъ тяжкими словами, еретикомъ называлъ за двоеніе аллилуіи. Кого мнѣ лучше слушать, вселенской ли церкви или васъ невѣгласовъ, свински мудрствующихъ о божественномъ, которые учите меня и не умѣете ничего сами о себѣ управить. Много вопрошалъ я васъ о тайнѣ и сокровенной силѣ аллилуіи и ни одного слова свѣтлаго не услышалъ отъ васъ. Напрасно вы трудились: идите обратно съ своимъ дѣломъ, потому что нездраво ученіе ваше и слова ваши къ вамъ возвратятся. А мнѣ подобаетъ держаться здраваго ученія, принятаго отъ вселенской церкви, отъ которой на всѣ страны разлился свѣтъ благодати. Этотъ свѣтъ освѣщаетъ мнѣ правую стезю благочестія и поэтому я проразумѣваю тайну божественнаго хотѣнія, истинный путь пресв. аллилуіи. Вы же

идите съ миромъ домой и пекитесь о домочадцахъ своихъ, мудрствуя о тлѣнномъ. Не вамъ мудрить о такой тайнѣ. Вещь эта не изложена св. отцами въ ясныхъ писаніяхъ и пророки не раскрыли ея тайны; даже въ Царьградѣ не нашелъ я „достовѣрнаго сказателя", совершеннаго истолкователя; только указали мнѣ тамъ двоить пресв. аллилуію.

По мнѣнію Евфросиновыхъ біографовъ, посланцы Іова возвратились не только безъ успѣха, но и совершенно разбитые, хотя изъ сдѣланнаго въ житіи изложенія спора не видно, какое толкованіе сугубой аллилуіи противопоставилъ Евфросинъ объясненію, данному его противниками. Послѣдніе донесли Іову о своемъ пораженіи, прибавивъ, что пустынникъ не только ихъ поноситъ и укоряетъ, но и его самого называетъ столпомъ мотыльнымъ, исполненнымъ всякаго смрада и гніенія грѣховнаго.

Іовъ заскрежеталъ зубами, получивъ черезъ посланныхъ своихъ это жестокое прозвище. „Теперь, авва, я уже знаю подлинно, что ты еретикъ",—могъ онъ выговорить въ раздраженіи. Началъ онъ ходить по городу, наговаривая встрѣчному и поперечному, что Евфросинъ злой еретикъ и врагъ Божій; съ такими рѣчами носился онъ по торгамъ, по собраніямъ, даже бывалъ на вечернихъ пирахъ, говорилъ и на вѣчѣ.

— Господа псковичи, Божій народъ! посмотрите на того старца, что живетъ на Толвѣ. Вы зовете его свѣтильникомъ, сіяющимъ въ нашей странѣ; и мы его считали святымъ мужемъ, исполненнымъ благочестія, но теперь мы истинно удостовѣрились, что этотъ старецъ еретикъ. Всѣ мы исполняемъ божество, утроя св. аллилуію; а онъ одинъ не дѣлаетъ этого, но самовольно двоитъ аллилуію и тѣмъ умаляетъ божество. Но вы сами знаете, Божій народъ, какое благочестіе лучше, прибавлять ли славы божеству или убавлять ее.

На этотъ разъ рѣчи Іова имѣли гораздо болѣе дѣйствія. Народъ повѣрилъ его словамъ, будто Евфросинъ убавляетъ славу божества, и сталъ считать старца еретикомъ. Перемѣна послѣдовала такъ же быстро, какъ прежде повидимому быстро

утвердилось въ Псковѣ высокое мнѣніе о подвижничествѣ преподобнаго на Толвѣ. Монастырь и иноки Евфросина стали подвергаться оскорбленіямъ. Неудобно стало инокамъ съ Толвы показываться въ городѣ: на нихъ сыпали укоризнами и жестокими словами, никто не хотѣлъ спросить ихъ, зачѣмъ пришли въ городъ, никто не спѣшилъ пригласить къ себѣ и гостепріимно угостить пришельцевъ, но подобно разсерженнымъ осамъ всѣ нападали на нихъ, говоря: это монахи того еретика, что двоитъ аллилуію. Идучи или ѣдучи мимо монастыря Евфросинова, псковичи говорили; вотъ тутъ авва еретикъ живетъ, не слѣдуетъ намъ и церкви его кланяться, потому что онъ двоитъ аллилуію,—и путники не скидали шапокъ передъ монастырскимъ храмомъ Трехъ Святителей вселенскихъ.

VI.

Литературная полемика.

Споръ не возобновлялся въ прежней формѣ. Главный двигатель его Іовъ вовсе не выступалъ въ немъ непосредственнымъ участникомъ, скрывался за другими, подстрекая и направляя ихъ. Это лишило насъ возможности наблюдать въ открытомъ дѣйствіи силу его „ума остраго на божественное писаніе“, по выраженію враждебныхъ ему біографовъ Евфросина. Вообще образъ Іова является въ тѣни именно отъ того, что эти біографы говорятъ о немъ слишкомъ много: ихъ пылкая рѣчь, исполненная желчи и раздраженія, больше дымитъ, чѣмъ освѣщаетъ: въ потокѣ многословнаго порицанія, проведеннаго по всѣмъ тропамъ и фигурамъ риторики, они часто забываютъ указать самыя существенныя обстоятельства дѣла. Туманъ, въ которомъ они поставили Іова въ своей повѣсти, сообщаетъ его фигурѣ грандіозныя очертанія, какъ это часто дѣлаетъ полумракъ съ самыми обыкновенными предметами. Въ добавокъ біографы, поглощенные своимъ чувствомъ и забывая о впечатлѣніи, какое должна произвести ихъ повѣсть, придали Іову

въ разсказѣ о его смерти трагическій интересъ и этимъ еще болѣе закупили сочувствіе читателя въ его пользу. Предсказаніе Евфросина жестоко исполнилось на немъ. Онъ пережилъ своего толвскаго противника. Услышавъ о блаженной о мирной кончинѣ Евфросина (1481 г.), онъ не утерпѣлъ и сказалъ: „старецъ тотъ всю жизнь прожилъ въ ереси и прогнѣвалъ Господа: дивлюсь, какъ это онъ получилъ такой преподобный конецъ, будто праведникъ предъ Богомъ." Смерть Евфросина не затворила устъ философа, продолжавшихъ изрекать хулы и поношенія на покойнаго двоителя аллилуіи. Но скоро постигъ его неисцѣльный недугъ и онъ началъ болѣть „не человѣчески;" все тѣло его превратилось въ одинъ струпъ, по разсказу біографовъ Евфросина, покрылось червями и никто не могъ приблизиться къ нему, чтобы позаботиться о его язвахъ, источавшихъ „многъ мотылъ." Видя бѣду, Іовъ постригся. Но буйный умомъ и строптивый сердцемъ, онъ не смирился и въ монашеской мантіи и на смертномъ одрѣ, не покаялся въ томъ, что̀ заставилъ вытерпѣть Евфросина. Два года продолжались его страданія и „тако нелѣпо умре": при погребеніи братія едва могла отдать ему послѣднее цѣлованіе, „ноздри своя заемлющи". Поссорившись за величіе Богочеловѣка, соперники отошли на судъ Его не примиренные и обвиняя другъ друга въ томъ, что не по уставу прославляется это величіе.

Но теологическія страсти не улеглись вмѣстѣ со споромъ въ кельи Евфросина: онѣ перешли на новую арену, въ область литературной полемики. Ее началъ тотъ же Іовъ: къ сожалѣнію, остается неизвѣстнымъ его посланіе отъ имени соборнаго псковскаго духовенства: старый повѣствователь не помѣстилъ въ своемъ разсказѣ этой „эпистоліи", хотя посланцы Іова передали ее Евфросину и онъ прочиталъ ее, назвавъ „телчіимъ вѣщаніемъ". Можетъ быть, отвѣтомъ на соборную эпистолію Іова было посланіе Евфросина Троицкому псковскому собору, хотя въ немъ нѣтъ прямыхъ указаній на такое происхожденіе. Посланіе это сохранилось какъ приложеніе къ

древней повѣсти о спорѣ по поводу аллилуіи. Сомнѣваться въ его подлинности можно еще менѣе, чѣмъ въ подлинности переписки Евфросина съ владыкой Евѳиміемъ. Здѣсь даже очень мало говорится объ аллилуіи: это рядъ не вполнѣ ясныхъ богословскихъ размышленій и упрековъ, вызванныхъ дошедшими до Евфросина слухами о порицаніи, какому онъ подвергается въ Псковѣ. Въ всякомъ случаѣ это первый памятникъ литературной полемики по вопросу объ аллилуіи.

„Господамъ нашимъ, священникамъ собора Св. Троицы и прочимъ, всему священническому чину, грѣшный въ инокахъ метаніе творю, прося о Христѣ вашей молитвы и благословенія. Слышу отъ многихъ, что вы много потязаете меня, больше же всѣхъ васъ мотыльный столпъ Іевко; но не на меня нападаетъ онъ, а скорѣе на святую и апостольскую церковь за то, что вотъ-де дважды говорятъ аллилуію, а не трижды, какъ дѣлаетъ самъ и другіе. Но большое сомнѣніе во мнѣ о томъ, васъ ли послушаться, а соборную церковь оставить и проклятіе на себя принять отъ всѣхъ семи святыхъ соборовъ, или послушаться преданія святыхъ, которые изъ начала православной вѣры такъ предали. Совѣсть обличаетъ, многія писанія свидѣтельствуютъ, что подобаетъ мнѣ больше по святой и соборной апостольской церкви поборать и союза съ ней держаться: въ нее я вѣровалъ и крестился: такъ мнѣ подобаетъ вѣровать по Давиду, который *изволи приметатися въ дому Бога моего паче, неже жити ми въ селѣхъ грѣшничихъ*. Напомню вамъ кое-что и отъ свидѣтельствъ: вопервыхъ, Духъ Святый устами Давидовыми рекъ: *Богъ Отецъ нашъ прежде вѣкъ содѣя спасеніе посредѣ земля*. Гдѣ же это, какъ не въ Іерусалимѣ? Тамъ заповѣдалъ Господь благословеніе и животъ до вѣка, тамъ Аврааму обѣщалъ Богъ и сѣмени его до вѣка, тамъ Авраамъ принесъ Богу въ жертву сына своего Исаака на томъ мѣстѣ, гдѣ предстояло Христу распяться. Оттуда пророками проповѣдано было о воплощеніи Христовомъ, тамъ изволилъ самъ Господь родиться отъ Пречистой дѣвы Маріи, тамъ избралъ Онъ 12 апостоловъ, по сказанному отъ Господа:

идѣже трупіе, ту соберутся орли. Трупомъ Господь назвалъ себя, а орлами пророковъ и апостоловъ, отъ которыхъ *изыде во вся земля вѣщаніе ихъ и въ концы вселенныя глаголы ихъ.* Объ нихъ Павелъ говорилъ, что по отшествіи моемъ проникнутъ къ вамъ волки тяжкіе, не щадящіе стада Христова, и изъ среды насъ самихъ выйдутъ люди, говорящіе развращенное, чтобы отторгать отъ него учениковъ вслѣдъ за собою... И потомъ святые отцы, прозрѣвъ, что придутъ еретики исказить вѣру святую, во многія времена собирались Духомъ Святымъ въ разныхъ мѣстахъ и было семь вселенскихъ соборовъ св. отцевъ, и они утвердили православную вѣру и положили такъ: *Вѣрую во единаго Бога* и прочее. О томъ самъ Господь сказалъ Своими святыми устами: *на семъ камени созижду церковь Мою и врата адова не одолѣютъ ей*, т. е. еретическое ученіе не вредитъ православной вѣрѣ. И еще сказалъ Господь: *не мните, яко пріидохъ разорити законъ или пророки, но исполнити; имѣяй заповѣди Моя и соблюдаяй сіи, той есть любяй Мя, а любяй Мя возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ, и Азъ возлюблю его и явлюся ему Самъ...* И Павелъ сказалъ: *сего ради оставитъ человѣкъ отца и матерь и прилѣпится женѣ своей и будешъ оба въ плоть едину; тайна сія велика есть, азъ же глаголю во Христа и церковь.* Соборный же и апостольской именуется церковь, потому что есть въ ней четыре патріарха по образу четырехъ евангелистовъ, которые содержатъ единство святой церкви, православную вѣру."

Въ томъ же направленіи Евфросинъ продолжаетъ свои размышленія о церкви и о тѣхъ, которые отъ нея отдѣляются. Мы представили начало посланія съ пропускомъ нѣкоторыхъ текстовъ, чтобы по этому образчику можно было составить понятіе о пріемахъ богословскаго изложенія того вѣка. Общія размышленія авторъ прилагаетъ потомъ къ случаю, вызвавшему письмо.

„Вы же, Господни священники, имѣя очи, не видите, уши имѣя, не слышите, потому что омрачены они сребролюбіемъ

и пьянствомъ и прочими житейскими печалями и гнѣвомъ. Тѣлесныя очи и уши у васъ есть у всѣхъ, но духовныхъ нѣтъ совсѣмъ, о которыхъ Господь сказалъ: *имѣяй уши слышати да слышитъ*. Особенно же ты, столпъ погибельный Іовка, свинія окаянная, тьма омраченная, законопреступникъ, отметникъ Христовъ, не восхотѣлъ благословенія Господня, но удалился отъ него, облекся въ проклятіе, какъ въ ризу, и самъ ввергся въ погибельный ровъ и прочихъ неразумныхъ увлекаешь за собой; *обратится болѣзнь его на главу его и на верхъ его неправда снидетъ*. Какъ можешь ты, скверныя уста имѣя, отверзать ихъ и свой богохульный языкъ изострять на святую церковь Божію, подобясь первымъ еретикамъ, Македонію и прочимъ духоборцамъ? Но древній поборникъ церкви Христовой Давидъ къ таковымъ сказалъ: *нѣмы да будутъ уста льстиваго, глаголющіи на праведнаго беззаконіе гордынею уничтоженіемъ*... Если же ты думаешь, окаянный, не по достоинству-де пишетъ противъ меня таковое, то я приведу еще больше свидѣтельствъ противъ тебя для твоего раскаянія, чтобы не изострялъ ты своего языка на церковь Божію. Григорій Богословъ сказалъ: первый бракъ законъ, второй прощеніе, третій законопреступленіе, свинское житіе. Это сказалъ онъ о простыхъ людяхъ, а не о священникахъ. Послушай же, что̀ въ Евангеліи: бѣсы молили Спаса войти имъ въ свиней, и Онъ повелѣлъ имъ, свиньи же всѣ устремились съ берега въ море. Такъ всѣ живущіе свински—бѣсы входятъ въ нихъ и повергаютъ ихъ, словно въ море, въ отчаяніе погибели. Послушай же, что сказалъ Богъ: не давайте псамъ святого и не кидайте бисера передъ свиньями, чтобы не попрали они его ногами своими. И это невѣрные; а вѣрные и живущіе житіемъ сквернымъ и смраднымъ не свиньи ли? Все это сказано о простыхъ, а объ васъ Діонисій Ареопагитъ говоритъ: достоитъ быть священнику Господню"...

На этомъ прерывается въ рукописи посланіе, очевидно не дописанное. Полемики съ враждебнымъ соборнымъ духовенствомъ было однакожь недостаточно. Евфросинъ не могъ пе-

реносить равнодушно, что передавали ему монахи его о тяжкихъ словахъ, выговариваемыхъ проѣзжими мимо ихъ монастыря. Началъ святой разсуждать про себя: назови они меня блудникомъ, татемъ, разбойникомъ или убійцей,—я перенесъ бы это съ радостью и веселіемъ; но они зовутъ меня еретикомъ; не могу стерпѣть прозванія врага Христова, и законъ повелѣваетъ всякому православному христіанину отрицаться отъ такого прокаженнаго имени. Онъ беретъ чернила и хартію и пишетъ посланіе къ епархіальному архіерею своему Евѳимію.

„Обижаемый, я молю тебя: помоги мнѣ Господа ради своею верховною властію. Поноситъ меня здѣсь нѣкій Іовъ, прозываемый Столпомъ,—еретикомъ и врагомъ Божіимъ обзываетъ меня, и не только самъ ругается надо мною, но и городской народъ привлекъ въ единомысліе съ собою—крамольники, Бога не боящіеся! Говорятъ, онъ-де умаляетъ славу у Божества, а мы-де прилагаемъ славы къ Божеству. Точно мѣрой измѣряютъ неизмѣримое Божество и неразлучное единство, нелѣпо чтутъ имя единосущной Троицы, убавляя и прибавляя, раздѣляя и слагая нераздѣлимаго и неизмѣннаго Бога нашего Іисуса Христа, равное Слово Отцу и Св. Духу въ божествѣ и человѣчествѣ, и такимъ образомъ отъ невѣдѣнія, безъ ума установился у нихъ обычай нелѣпо троить пресв. аллилуію. А у меня обычай съ юности двоить божественную аллилуію, а не троить, какъ они дѣлаютъ, и за это говорятъ на меня нечестивое слово, будто я своимъ двоеніемъ убавляю славу у Троицы, и зовутъ меня еретикомъ, про себя же думаютъ, что очень пріятны они Богу, исполняя славою Троицу посредствомъ своего троенія. Но я не самъ измыслилъ двоеніе аллилуіи, а отъ вселенской церкви научился такъ говорить ее; затѣмъ и ходилъ я въ Царьградъ въ добрую пору. Теперь въ прискорбіи я молю тебя: разсуди прю нашу междоусобную, наставь меня на путь истины, укажи, что свѣтъ и что тьма, что лучше для меня, повиноваться ли вселенской церкви или послушаться Іова Столпа, крамольника моего, троеженца. И

суди насъ верховною твоею властію, запрети ему, Господа ради, называть меня еретикомъ за двоеніе аллилуіи: я не еретикъ, хоть и грѣшный человѣкъ, но христіанинъ и рабъ Христовъ, не могу носить богомерзкой той ризы, тяжкаго еретическаго имени. Утиши мятежъ своей расправой и сними печаль съ унылой души моей."

Но владыка не разсудилъ при междоусобной. Когда игуменъ Евфросинова монастыря Игнатій принесъ ему въ Новгородъ посланіе своего учителя, Евѳимій велѣлъ книгчему прочитать его передъ собою. Имѣя неглубокій искусъ въ учительствѣ, по выраженію древняго повѣствователя, архіепископъ ограничился тѣмъ, что отвѣтилъ Евфросину письмомъ, въ которомъ писалъ между прочимъ:

„Ты повелѣваешь нашей власти судить твое преподобство съ тѣмъ твоимъ противникомъ. Вѣдай, отче, что я немощенъ уставить мѣру такому дѣлу и не дерзну открыть Богомъ запечатлѣнное сокровище, ибо всѣ тайны Божіи въ Богѣ, и я не умѣю приставить къ такой вещи ключъ моего разумѣнія. Но ты и безъ меня своими очами видѣлъ и ушами слышалъ отъ цареградскаго патріарха и отъ всего клироса вселенской церкви уразумѣлъ мѣру той вещи. Если ты оттуда взялъ обычаи двоить аллилуію, то не спрашивай меня объ этомъ: развѣ я выше патріарха вселенскаго? Держи свой обычай до конца, двоя божественную аллилуію во славу св. Троицы, и не зазирай моей грубости, что я ничего не открылъ тебѣ о вещи и не управилъ полезнаго твоей святынѣ".

Отвѣтъ владыки опечалилъ Евфросина еще болѣе. По свидѣтельству біографовъ, преподобный съ прискорбіемъ увидѣлъ, что пастырь не завязалъ устъ Іова браздою эпитиміи, не отрѣзалъ остроты суровости его строгостію смиренія, даже не проронилъ ни одного жесткаго слова, чтобы сдержать его бѣснованіе.

Но полемика не ограничилась главными противниками и не кончилась съ ихъ жизнію. Споръ волновалъ все псковское общество. Первый повѣствователь о немъ яркими чертами ри-

суетъ эту богословскую смуту, продолжавшуюся и при немъ. Самая повѣсть, имъ написанная, вызвана была еще громкими отзвуками догматической борьбы. „Призываю на помощь къ себѣ угодника Евфросина,—пишетъ онъ въ предисловіи,—да возмогу откровеніемъ сего преподобнаго отца открыть свѣтъ вѣдѣнія церкви Божіей, великую тайну прес. аллилуіи. Нынѣ великій плевелъ укоренился и волчецъ нечестія цвѣтетъ посреди соборной апостольской церкви, весьма большой прахъ отъ невѣдѣнія засорилъ церковное око и великій расколъ произошелъ въ церкви Божіей: одни дважды поютъ пресв. пѣснь божественной аллилуіи, другіе трижды. Тяжкою бурей на два чина расторглись въ спорѣ: двоящіе св. аллилуію укоряютъ троящихъ, а троящіе съ такой же укоризной молвятъ на двоящихъ. Чинъ троегласниковъ въ невѣдѣніи нечествуетъ Христа; чинъ двоегласниковъ свободенъ отъ нечестія предъ Богомъ, но какъ пресвѣтлое солнце простираетъ въ лучахъ свое непорочное сіяніе и сугубо освѣщаетъ свѣтлость дневнаго свѣта, такъ и двоящіе свѣтятся передъ троящами, точно день передъ ночью или солнце передъ мѣсяцемъ“.

Полемическая переписка шла между сторонниками Евфросина и Іова въ псковской области. Изъ нея сохранился одинъ любопытный памятникъ. Это—посланіе неизвѣстнаго автора троегласника, къ какому-то иноку, ктитору общежительной лавры св. Николы Аѳанасію, стороннику Евфросина. Посланіе намекаетъ на споръ Евфросина съ Іовомъ, какъ на недавнее событіе, въ такомъ же тонѣ говоритъ и о взятіи Константинополя и въ концѣ, ссылаясь на извѣстное посланіе Фотія къ псковскому духовенству объ аллилуіи, говоритъ: „подобало тебѣ, отче, послушать митрополита кіевскаго и московскаго Фотія, который писалъ къ *намъ* въ домъ св. Троицы въ Псковъ“. Очевидно, авторъ посланія псковичъ и, можетъ быть, принадлежавшій къ причту Троицкаго собора. Это нѣсколько поддерживаетъ догадку архіеп. Филарета, что авторъ посланія тотъ бывшій діаконъ Филиппъ, „премудрый дохторъ“, который приходилъ отъ Іова и Троицкихъ соборянъ состя-

зался съ Евфросиномъ [1]). Если дѣйствительно его перу принадлежитъ посланіе, то послѣднее получаетъ двойной интересъ, вознаграждающій за потерю „эпистоліи“ Іова. Достаточно впрочемъ привести нѣкоторыя мѣста изъ этого довольно пространнаго письма, чтобы составить о немъ понятіе: изысканная діалектика въ толкованіи тройной аллилуіи здѣсь та же, какую видѣли мы въ спорѣ посланцовъ Іова съ Евфросиномъ; нѣтъ только жесткихъ выраженій, какими испещренъ споръ въ разсказѣ біографовъ.

„Я не рѣшался, честной отецъ, сказать что либо твоей святынѣ своими нечистыми устами или посмотрѣть на твое ангельское лице моими скверными очами, имѣя житіе безчестное окаянными дѣлами; но рѣшаюсь поговорить съ твоей святыней этимъ малымъ писаніемъ. Но прошу тебя, Господа ради, общежительный верхъ, не упрекай меня, дерзнувшаго на это. Ты писалъ священникамъ въ соборы, потомъ и до мірянъ дошло твое посланіе, и многіе подивились твоей рѣшимости, потому что дерзнулъ ты смѣло написать и послать о томъ и о другомъ, именно о св. Троицѣ, т. е. объ аллилуіи, и объ Іовѣ. Что до послѣдняго, то знаю, отецъ, знаю, ты и ко мнѣ о томъ писалъ и посылалъ. Но вѣдаетъ Богъ и твоя святая душа, гдѣ ты нашелъ и прочиталъ въ писаніи, чтобы звать мотыльнымъ или Іудою христіанскій родъ, хотя и грѣшный. Знаю, отецъ, знаю, что мотыломъ прозывался одинъ Константикъ Копронимъ еретикъ, который окалялъ ту самую купель, въ которой былъ крещенъ, за то и прозванъ былъ мотыльнымъ. Онъ на св. иконы лютый гнѣвъ держалъ, разбивалъ образа и мучилъ святыхъ: онъ и есть мотыльный, а не другой кто. Если ты назвалъ Іова Іудой, то знаемъ, отче, и настоящаго Іуду, который продалъ Сына Божія жидамъ за 30 сребренниковъ. Перестану говорить объ этомъ: пусть знаетъ то любовь твоя, отче, если ты дерзнулъ на это противъ насъ. Еще сказалъ ты, что отъ Сіона исшелъ законъ и слово Господне отъ Іерусалима. Знаю, отче, знаю, что исшелъ и къ

[1]) Арх. *Филарета*, Обз. русск. дух. лит. 1, стр. 161.

намъ пришелъ, но не нынѣ, а при апостолахъ и ихъ настольникахъ, святыхъ патріархахъ. А нынѣ не антихристъ ли вышелъ изъ Іерусалима съ своимъ пагубнымъ ученіемъ? Много говорить о томъ. Еще говоришь ты: который пророкъ вышелъ отъ Пскова? Отвѣчаемъ тебѣ: не во всю ли землю *изыде вѣщаніе ихъ*, т. е. апостоловъ, *и въ концы вселенныя глаголы ихъ?* Іоиль говоритъ тебѣ: *излію на всяку плоть отъ Духа Моего.* Но ты говоришь: кому подобаетъ вѣровать, не вселенскимъ ли патріархамъ? И мы говоримъ: вѣруемъ, отче, и мы, но вѣруемъ, какъ семь вселенскихъ соборовъ и помѣстные по проповѣданію и ученію апостоловъ утвердили и намъ предали вѣровать во св. Троицу, т. е.: *Вѣрую во единаго Бога Отца* и прочее. А не такъ мы вѣруемъ, какъ еллинскіе отроки, которые сошли во многобожіе. Еллинами и греческое царство зовется,—да и въ правду: на этихъ лѣтахъ они при крестѣ Христовомъ къ погибели своей свернулись съ истины и приняли печать антихристову на челѣ и на десницѣ; ибо печать антихристова есть не иное что, какъ не полагать десницы на челѣ, не знаменовать честнаго и животворящаго креста Христова,—вотъ что печать антихристова по Богослову Іоанну.—Апостолъ говоритъ: въ *послѣдняя дни отступятъ нѣцыи отъ вѣры никимъ же нудими* о пресв. Троицѣ, т. е. объ аллилуіи; совратились съ истины и впали во многобожіе. Кто говоритъ аллилуія Отцу, аллилуія Сыну, *Слава Тебѣ Боже* Св. Духу, тотъ видитъ девять боговъ: не расколъ ли это и раздоръ Божества, не впалъ ли тотъ въ многобожіе? О премудрые Еллины, сирѣчь Греки! какъ же дерзнули вы раздѣлить на 9 боговъ тріипостасную Троицу единаго Бога. И мы вѣруемъ по апостольскому проповѣданію и ученію св. отцевъ, какъ изначала предали намъ вѣровать во единаго Бога, а не въ 6 или 9 боговъ.—Не такой ли обычай держитъ соборная вселенская церковь: на день св. Георгія писаны стихи киръ Ѳеофаномъ и на концѣ перваго стиха писана троекратно аллилуія: первая Отцу, вторая Сыну, третья Св. Духу, а въ четвертыхъ, соединяя св. Троицу во еди-

наго Бога, за *Слава Тебѣ Боже* говорится: *Христу Жизнодавцу*, а во второмъ стихѣ говорится троекратно аллилуія Отцу и Сыну и Св. Духу, а за *Слава Тебѣ Боже* говорится: *Христу воскресшу:* и въ третьемъ стихѣ также троекратная аллилуія, а за *Слава Тебѣ Боже* говорится: *Христу Благодателю*. Трижды возгласивъ аллилуію Отцу и Сыну и Св. Духу, тріипостасному Божеству, четвертое *Слава Тебѣ Боже* воздаемъ единому Богу. Не говорится: *Слава вамъ, бози*, но единому *Боже*. Если же согласно Еллинамъ дважды говорить аллилуію, а третье *Слава Тебѣ Боже*, то какъ могутъ тѣ стихи съ творцемъ ихъ во вселенской церкви именоваться, когда Θеофанъ говоритъ аллилуію троекратно и четвертое за *Слава Тебѣ Боже* поетъ Христу воскресшу, а Греки возглашаютъ аллилуію двоекратно и третіе *Слава Тебѣ Боже?* Кому слѣдуетъ больше вѣрить, тому ли творцу стиховъ, которому лице сожгли мѣдной керемидой и который потерпѣлъ исповѣднически много бѣдъ за Христову церковь, или Еллинамъ, которые не приводятъ ни одного свидѣтеля изъ св. апостоловъ и отцевъ.—Не обольщайся, отче, двоекратно поя аллилуію: не истинно это. Другіе уже погибли, говорившіе двоекратно: какъ бы не погибнуть и намъ.—Не подобаетъ намъ принимать новое ученіе. Вижу, отче что ты отъ Греческой земли развратился. Близко уже время; мерзость и запустѣніе, реченное пророкомъ Даніиломъ, стоитъ на мѣстѣ святомъ, т. е. въ соборной и апостольской церкви Константина-града. Знай, отъ чего развратилось и римское царство,—не отъ нововводныхъ ли ученій проклятыхъ папъ и ихъ архіепископовъ и священниковъ и треокаянныхъ иноковъ? Отъ папы Христофора и окаяннаго Формоза, отъ ихъ новаго ученія отторгнулись римляне отъ православной вѣры и до нынѣ лытаютъ въ заблужденіяхъ".

Еслибы во главѣ посланія не стояло имя Аθанасія, можно было бы подумать, что оно писано Евфросину въ отвѣтъ на изложенное письмо его къ священникамъ Троицкаго собора: такъ мысли Евфросина сходны съ аргументами Аθанасія, на-

сколько послѣдніе указаны въ посланіи сторонника троенія.

Споръ не смолкъ и въ началѣ XVI в., сопровождаясь обычными увлеченіями: такъ толкованіе аллилуіи, сдѣланное Димитріемъ Грекомъ въ приведенномъ выше посланіи къ Геннадію, переписывалось уже съ заглавіемъ: „О трегубной аллилуіа—отъ книги Θеодора Эдесскаго [1]). При дальнѣйшемъ развитіи спора одна сторона даже увеличила запасъ своихъ полемическихъ аргументовъ. Если въ XV в. въ распространеніи обычая двоенія троегласники винили развратившихся грековъ, то въ XVI в. двоегласники упрекали троителей въ подраженія латинамъ. Въ одномъ сборникѣ находимъ апокрифическое сочиненіе, осѣненное авторитетомъ имени Максима Грека, подъ заглавіемъ: „Сказаніе Максима Грека, словцо къ смѣющимъ трищи глаголати аллилуіа чрезъ преданія церковнаго, а четвертое *Слава Тебѣ Боже*“. Любопытно особенно то, что этотъ сборникъ принадлежалъ Іосифову волоколамскому монастырю и писанъ игуменомъ (съ 1573 г.) его Евθиміемъ Турковымъ въ 1562—1563 г. [2]). Нѣкоторыя мѣста изъ этого „словца“ хорошо завершаютъ описанную полемику XV в.

„Много существуетъ разныхъ церковныхъ преданій: одно изъ нихъ есть древнее преданіе, это—дважды говорить аллилуіа и потомъ припѣвать *Слава Тебѣ Боже*; и такому церковному обычаю первый наученъ былъ самими безплотными ангельскими силами блаженный Игнатій Богоносный, когда онѣ явились ему, конечно, по Божію строенію, воспѣвая божественные псалмы, на лики раздѣленные. Какъ же нынѣ смѣютъ нѣкоторые переиначивать это ангелами преданное староцерковное преданіе, трижды говоря аллилуіа и четвертое *Слава Тебѣ, Боже*!—Что вы отвѣтите на это? Скажите, что Божія церковь въ ветхомъ Римѣ такъ держитъ и возглашаетъ? Если такъ, то вы явно признаете себя причастниками Латинской части, а не преданнаго апостолами неблазненнаго богоразумія. Разсудите сами, полезно ли и спасительно ли

[1]) Волокол. сб. въ моск. дух. акад. № 514, л. 499.

[2]) Тамъ же л. 501.

вамъ пѣть св. Троицу съ зловѣрными Латинами, а не съ благовѣрно проповѣдующими слово евангельской истины четырьмя православными патріархами. Но въ такомъ случаѣ, добрые мои, пора уже вамъ принять и прочіе церковные папины обычаи, во всю четыредесятницу до самой великой субботы молчать и не пѣть аллилуіа, потому что молчитъ папа, и не на квасной просфорѣ, а на опрѣснокахъ совершать священнную тайную службу, какъ и онъ совершаетъ, и проскомисанія не считать нужнымъ, какъ не считаетъ и онъ, и теплоты не вливать въ священный потиръ, но трижды вдыхать въ потиръ какъ и онъ. А минеи, октоихи, каноны, стихиры, тропари и кондаки, всегодное украшеніе и духовное наслажденіе св. апостольской церкви, все это бросьте и считайте ненужнымъ, потому что и папа въ этомъ не нуждается".

Въ такіе темные уголки холодной діалектики пряталась русская мысль, волей или неволей покинувъ просторное, согрѣваемое солнцемъ жизни поприще насущныхъ нравственныхъ потребностей.

РУССКІЙ РУБЛЬ XVI—XVIII в.[1])

въ его отношеніи къ нынѣшнему.

Опытъ опредѣленія мѣновой стоимости стариннаго рубля по хлѣбнымъ цѣнамъ (матеріалы для исторіи цѣнъ).

I.

Предлагаемая статья есть не болѣе, какъ рискованная попытка не рѣшить, а только поставить одинъ вопросъ, касающійся историографической техники. Въ источникахъ нашей исторіи сохранилось довольно много извѣстій, рисующихъ экономическую жизнь русскаго общества въ минувшіе вѣка. Къ сожалѣнію, лучшихъ изъ этихъ извѣстій, именно тѣхъ, въ которыхъ точно обозначены старыя русскія цѣны предметовъ, мы не умѣемъ прочитать, какъ слѣдуетъ. Напримѣръ, въ извѣстіи, что такой-то русскій землевладѣлецъ XVI вѣка бралъ съ своихъ крестьянъ оброка по 3 рубля съ выти, скрывается указаніе на стоимость земли, труда, капитала, на условія поземельной аренды, настроеніе рынка и на многое другое, что мы желали бы знать о русскомъ обществѣ того времени; только мы не понимаемъ ни того, что такое выть въ данномъ случаѣ, ни того, что значилъ рубль на рынкѣ во всѣхъ случаяхъ, о которыхъ намъ говорятъ извѣстія XVI в. Подобныя извѣстія—историографическія загадки, шифрованное письмо, ключъ къ которому потерянъ. Пока не будетъ найденъ этотъ ключъ, значительный запасъ такихъ

[1]) Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Росс., 1884, I.

извѣстiи, сохранившійся въ источникахъ, остается заманчивымъ, но недоступнымъ, т.-е. безполезнымъ для науки матеріаломъ. Поискать не самого ключа, а пути, которымъ можно найти его,—вотъ задача предлагаемаго небольшаго метрологическаго опыта.

Вопросъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ поставленъ уже 30 лѣтъ тому назадъ въ сочиненіи М. Заблоцкаго *О цѣнностяхъ въ древней Руси*. Но эта постановка сообщила задачѣ излишнюю сложность и трудность. Чтобы понять древнія цѣны, ихъ надобно перевести на языкъ цѣнъ нашего времени, т.-е. опредѣлить мѣновое отношеніе старинныхъ денежныхъ единицъ къ нынѣшнимъ. Для этого нужно, по мнѣнію Заблоцкаго, произвести послѣдовательно три вычисленія. Во первыхъ, надобно опредѣлить вѣсовое отношеніе древнихъ металлическихъ денежныхъ единицъ къ нынѣшнимъ, напримѣръ, узнать, насколько московская серебряная деньга XVI в. тяжелѣе или легче нашей копѣйки серебра. Во-вторыхъ, такъ какъ номинальная цѣна монеты обыкновенно бываетъ выше дѣйствительной стоимости заключающагося въ ней чистаго драгоцѣннаго металла, чѣмъ покрываются издержки лигатуры и самаго производства монеты, то при сравненіи древней монетной единицы съ нынѣшней надобно вычислить эту разницу въ той и другой, чтобы такимъ образомъ опредѣлить взаимное отношеніе обѣихъ единицъ по вѣсу чистаго драгоцѣннаго металла, изъ котораго онѣ сдѣланы. Наконецъ, такъ какъ стоимость монетныхъ драгоцѣнныхъ металловъ, серебра и золота, измѣнчива, то высчитавъ вѣсъ и пробу старой и нынѣшней монеты, остается опредѣлить, насколько теперь вздорожалъ или подешевѣлъ самый металлъ, употребляющійся на монету, сравнительно съ тѣмъ, что онъ стоилъ въ прежнее время. Это относительная стоимость монетнаго металла опредѣляется на основаніи рыночнаго отношенія его, какъ товара, къ другимъ товарамъ и именно къ предметамъ первой необходимости, а также и къ труду, необходимому для ихъ производства.

Таковы три операціи, которыя М. Заблоцкій считалъ необходимыми для приблизительно точнаго перевода древнихъ цѣнъ на современныя. Двѣ первыя операціи, чисто нумизматическія, основаны на изученіи разновременныхъ монетныхъ системъ; послѣдняя не касается нумизматики, а относится къ другимъ частямъ метрологіи, требуетъ изученія системы мѣръ и вѣсовъ. Нельзя ли упростить этотъ сложный процессъ, сокративъ одни вычисленія и совсѣмъ отбросивъ другія? Чтобы наглядно показать, какія возможны здѣсь сокращенія, возьмемъ такой примѣръ. Кильбургеръ, живя въ Москвѣ въ 1674 году вмѣстѣ со шведскими послами, къ свитѣ которыхъ онъ принадлежалъ, покупалъ здѣсь чай по 30 коп. фунтъ [1]). Вычислимъ по способу Заблоцкаго, что стоилъ фунтъ чаю въ Москвѣ 200 лѣтъ назадъ на наши деньги. Серебряная копѣйка въ царствованіе Алексѣя Михайловича, по изслѣдованію Заблоцкаго, вѣсила 10 долей. Въ нынѣшней серебряной копѣйкѣ (банковой монеты) $4^4/_5$ доли. Значитъ, копѣйка царя Алексѣя по вѣсу равнялась $2^1/_{12}$ нашимъ серебрянымъ копѣйкамъ. Теперь надобно высчитать разницу пробы въ обѣихъ копѣйкахъ, опредѣлить ихъ отношеніе по вѣсу чистаго серебра безъ лигатуры. Но уже самъ Заблоцкій, опредѣляя отношеніе старинной монеты къ нынѣшней, не пользуется этимъ вычисленіемъ, на необходимости котораго онъ настаиваетъ, излагая программу своего изслѣдованія. Въ его книгѣ находимъ сравнительную таблицу старинныхъ серебряныхъ денегъ и нынѣшнихъ серебряныхъ копѣекъ по вѣсу съ лигатурой, но не находимъ таблицы, въ которой было бы показано ихъ взаимное отношеніе по вѣсу чистаго серебра. Причиной этого пробѣла былъ недостатокъ точныхъ свѣдѣній о степени чистоты древнерусской серебряной монеты. Заблоцкій ограничивается только недостаточно доказаннымъ общимъ заключеніемъ, что проба нашихъ денегъ отъ Ивана Грознаго до

[1]). Кратк. извѣстіе о русской торговлѣ, *Кильбургера*, перев. *Языкова*, стр. 66. Дворц. Разр. III, 915.

Петра Великаго „могла разниться отъ 80 до 90 золотниковъ" и что, говоря вообще, древнерусская монета была не ниже пробы нынѣшней нашей серебряной монеты, опредѣленной $83\frac{1}{3}$ золотника [1]). Но это проба банковой монеты, рядомъ съ которой у насъ ходитъ еще серебряная размѣнная монета съ значительно низшей пробой, а цѣны нашего внутренняго рынка выражаются этой послѣдней монетой, а не банковой. Слѣдовательно переводъ древнихъ цѣнъ на нынѣшнія усложняется еще новымъ нумизматическимъ вычисленіемъ: принявъ заключеніе Заблоцкаго о пробѣ древнерусской монеты, надобно еще банковыя серебряныя копѣйки переложить на размѣнныя, чтобы получить точное отношеніе древнихъ цѣнъ къ нынѣшнимъ. Не заботясь о совершенной точности, положимъ, что копѣйка царя Алексѣя равняется приблизительно 3,7 копѣйкамъ нынѣшней размѣнной монеты [2]). Опредѣливъ относительную степень чистоты металла въ древнихъ и нынѣшнихъ копѣйкахъ, остается сдѣлать послѣднюю операцію, съ помощью хлѣбныхъ цѣнъ узнать стоимость серебра, какъ товара, въ XVII в. и теперь. Ограничимся для этого цѣною ржи. Тотъ же Кильбургеръ пишетъ, что когда онъ жилъ въ Москвѣ, четверть ржи продавали здѣсь по 70—60 коп. Въ 1882 г. средняя цѣна четверти ржи въ Московской губерніи была 8 р. 40 коп. Умноживъ среднюю цѣну у Кильбургера 65 коп. на 3,7 и отбросивъ дробь, найдемъ, что эти 65 десятидольныхъ копѣекъ 85 пробы по количеству чистаго серебра равняются приблизительно 240 нынѣшнимъ копѣйкамъ 48 пробы. Итакъ въ 1674 г. за четверть ржи платили столько чистаго серебра, сколько его въ 240 нынѣшнихъ размѣнныхъ серебряныхъ копѣйкахъ, а въ 1882 г. столько, сколько его въ 840 та-

[1]) О цѣнностяхъ въ др. Руси, стр. 36, 93 и 98.

[2]) У *Прозоровскаго* проба московскихъ денегъ XVII в. опредѣлена приблизительно въ $85\frac{1}{6}$. Зап. Имп. Археол. Общ. т. XII, стр. 705. На этомъ основано выведенное нами отношеніе копѣйки царя Алексѣя къ нынѣшней размѣнной серебряной копѣйкѣ 48 пробы.

кихъ же копѣйкахъ. Значитъ, серебро въ 1674 г. было въ 3½ раза дороже, чѣмъ въ 1882 г. Поэтому копѣйка 1674 г., по количеству чистаго серебра равняющаяся нынѣшнимъ ходячимъ 3,7 коп., по сравнительной стоимости серебра равняется 3,7×3,5=12,9 нынѣшнимъ.

Теперь, отбросивъ всѣ эти нумизматическія вычисленія, сложныя и трудныя, даже не всегда удающіяся по свойству сохранившагося матеріала, ограничимся однимъ простѣйшимъ метрологическимъ разсчетомъ: раздѣливъ цѣну четверти ржи въ 1882 г. 840 коп. на 65 коп., ея цѣну въ 1674 г., получимъ ту же цифру 12,9, опредѣляющую рыночное отношеніе копѣйки 1674 г. къ нынѣшней. Помноживъ на эту цифру цѣну фунта чаю въ Москвѣ въ 1674 г. 30 коп., найдемъ, что она равнялась нашимъ 3 р. 87 коп., т.-е. была значительно выше нынѣшней цѣны этого товара, если только Кильбургеръ покупалъ въ Москвѣ простой черный чай, а не какой-либо изъ высшихъ сортовъ. Легко замѣтить, что при точномъ вычисленіи этотъ упрощенный пріемъ всегда приведетъ къ тому же результату, какой получается посредствомъ сложныхъ операцій по способу Заблоцкаго, потому что всѣ разницы въ вѣсѣ и пробѣ монеты, въ стоимости монетнаго металла и проч. сводятся къ одной, всѣ выражаются въ различіи хлѣбныхъ цѣнъ. Точнѣе говоря, измѣненіе хлѣбныхъ цѣнъ происходитъ не отъ того, что измѣняется полезность хлѣба, всегда одинаковая, а отъ перемѣнъ въ вѣсѣ и пробы монеты, какъ и въ стоимости монетнаго металла, т.-е. отъ измѣненія качества мѣновыхъ знаковъ, посредствомъ которыхъ оцѣнивается на рынкѣ полезность хлѣба. Значитъ, пользуясь изложеннымъ пріемомъ при сравненіи старыхъ цѣнъ съ нынѣшними, мы вмѣсто того, чтобы послѣдовательно вычислять частныя отношенія, основанныя на измѣненіи вѣса и пробы монеты, какъ и стоимости металла, прямо вычисляемъ окончательное общее отношеніе, въ которое эти частныя отношенія входятъ, какъ производители въ свое произведеніе.

Разумѣется, выведенное только для примѣра отношеніе копѣйки царя Алексѣя къ нынѣшней не имѣетъ надлежащей точности. Такой точности нельзя достигнуть помощію единичнаго извѣстія о цѣнѣ хлѣба только въ Москвѣ 1674 г. и притомъ о цѣнѣ одной ржи. Для этого необходимы болѣе сложныя основанія: только эти основанія—не нумизматическія. Это не значитъ, что нумизматика совсѣмъ не нужна для историческаго изученія цѣнъ. Она можетъ понадобиться, но не для опредѣленія самаго отношенія старыхъ денежныхъ единицъ къ нынѣшнимъ, выводимаго на основаніи хлѣбныхъ цѣнъ, а только для историческаго объясненія колебаній, какимъ подвергалось это отношеніе. Если, напримѣръ, въ короткое время хлѣбъ сталъ вдвое дороже, мы должны прежде всего узнать, не измѣнилась ли денежная единица, которой выражалась новая цѣна хлѣба. Если окажется, что въ то же время вошла въ обращеніе монета съ прежнимъ названіемъ, но вдвое легче вѣсомъ или съ пониженной вдвое пробой, то мы признаемъ вздорожаніе мнимымъ. Если же на монетномъ дворѣ все осталось попрежнему, надобно будетъ искать причинъ явленія на рынкѣ. Но было ли вздорожаніе мнимое или дѣйствительное, произошла ли нумизматическая перемѣна въ денежной единицѣ, или нѣтъ, отношеніе этой единицы къ нынѣшней, опредѣляемое хлѣбными цѣнами, стало иное, именно показатель отношенія уменьшился вдвое.

II.

Изложенный упрощенный способъ тѣмъ удобнѣе, что и безъ того остается много затрудненій, которыя необходимо одолѣть при опредѣленіи рыночнаго отношенія старинныхъ денежныхъ единицъ къ нынѣшнимъ. Самое важное изъ этихъ затрудненій заключается въ разнообразіи и измѣнчивости древнихъ хлѣбныхъ мѣръ.

Наиболѣе употребительныя хлѣбныя мѣры въ Московской Руси XVI—XVII в. были: *бочка, кадь* или *оковъ, зобница,*

коробья, *рогожа*, *мѣхъ* или *мѣшокъ*, *мѣра*, *четверикъ*, наконецъ *четверть*. Четверть была четвертая часть бочки, кади или окова. Псковская зобница XV и XVI в. дѣлилась такъ же на 4 четверти, слѣдовательно соотвѣтствовала бочкѣ или кади. Новгородская коробья была половина бочки или кади. Въ одномъ актѣ начала XVI в. 554 рогозины или рогожи ржи приравнены 800 бочкамъ „въ бѣлозерскую мѣру"; слѣдовательно рогожа ржи содержала въ себѣ около $1^1/_2$ бочки (1,44). Мѣхъ или мѣшокъ—трудно опредѣлимая и вѣроятно измѣнчивая мѣра; ниже будутъ приведены нѣкоторыя указанія на вмѣстимость, какую имѣлъ мѣхъ въ иныхъ мѣстахъ древней Руси. По *Торговой книгѣ* XVI—XVII в. *мѣра* равнялась четверику; но въ Двинской землѣ мѣрой называлась половина четверти, т.-е. осмина. Четверикъ получилъ свое названіе отъ того, что онъ составлялъ четвертую часть осмины, почему акты и называютъ и его иногда „четверикомъ осминнымъ„ [1]). Такимъ образомъ всѣ хлѣбныя мѣры Московской Руси могутъ быть сведены къ наиболѣе употребительной изъ нихъ, къ четверти, какъ части къ цѣлому или наоборотъ.

При возможности возстановить отношеніе четверти къ другимъ хлѣбнымъ мѣрамъ сравнительное изученіе старинныхъ и позднѣйшихъ цѣнъ не представляло бы никакой трудности, еслибы сама четверть была въ древней Руси мѣрой однообразной и устойчивой. Къ сожалѣнію для метролога, она была неодинакова въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ древней Руси. Теперь едва ли гдѣ уцѣлѣли самыя орудія хлѣбной мѣры (посуда), употреблявшіяся въ древней Руси, напримѣръ клейменыя казенныя осмины, четверики и т. п. Поэтому, чтобы хотя приблизительно опредѣлить вмѣстимость какой-либо старинной хлѣбной мѣры, надобно знать вѣсъ входившаго въ нее хлѣба. Но въ древней Руси не любили

[1]). Акт. Юрид. стр. 445. Записки отд. русск. и слав. археол. Имп. Археол. Общ. I, 3, стр. 115 и 89. *Крестинина*, О сельск. стар. домостроительствѣ Двинскаго народа, стр. 38.

опредѣлять количество хлѣба вѣсомъ и переводить мѣры сыпучихъ веществъ на мѣры вѣса. Остается собирать косвенныя указанія, часто даже ловить очень неясные намеки, которые позволяютъ догадываться о томъ, что такое была четверть въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ древней Руси. Въ этомъ состоитъ самое большое затрудненіе, мѣшающее изученію старинныхъ хлѣбныхъ цѣнъ; въ этомъ же заключается и источникъ пробѣловъ, неточностей и ошибокъ, которыхъ трудно избѣжать въ изученіи какъ этихъ цѣнъ, такъ и самыхъ хлѣбныхъ мѣръ древней Руси. Начнемъ съ извѣстій о четверти во второй половинѣ XVII в.

Упомянутый выше Кильбургеръ замѣчаетъ, что четверть самая большая мѣра въ Московіи [1]). Слѣдовательно въ его время болѣе крупныя мѣры, бочки, рогожи и другія, были уже малоупотребительны. Кильбургеръ знаетъ четверть четырехъ величинъ: московскую, новгородскую, псковскую и печорскую. Новгородская четверть заключала въ себѣ двѣ стокгольмскія тонны. По *Метрологіи* Петрушевскаго шведская тонна хлѣбная равняется 5,59 нашимъ четверикамъ съ надбавкой хлѣба въ зернѣ по 8 каннъ на тонну. Такъ какъ канна есть $^{1}/_{56}$ тонны, то шведская тонна зерноваго хлѣба содержитъ въ себѣ 6,38 четвериковъ [2]). Значитъ, новгородская четверть временъ Кильбургера равнялась 12,76 нынѣшнимъ четверикамъ. Три московскія четверти по Кильбургеру равнялись друмъ новгородскимъ, т.-е. въ московской четверти было 8,5 нынѣшнихъ четвериковъ. Выходитъ, что московская четверть въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича была на полчетверика больше нынѣшней. Происхож-

---

[1]) Кратк. изв. о русск. торговлѣ въ 1674 г., стр. 139.

[2]) *Петрушевскаго*, Метрологія, 1831 г., стр. 223. Въ Dictionnaire du commerce (Paris, 1839. T. II, p. 1765) выведено нѣсколько иное отношеніе шведской тонны къ русской четверти: именно тонна опредѣлена въ 6,77 четвериковъ. Мы принимаемъ отношеніе, выведенное по Петрушевскому, потому что оно поддерживается указаніями русскихъ источниковъ XVII в.

деніе этого излишка нѣсколько объясняется вычисленіемъ вѣса старинной четверти. Полагая четверикъ ржи въ $1^1/_8$ пуда или 45 фунтовъ согласно съ нормальнымъ вѣсомъ, какой имѣетъ этотъ хлѣбъ при хорошомъ урожаѣ, найдемъ, что въ старинной четверти ржи было 382,5 фунта. Но извѣстно, что фунтъ XVII и первой половины XVIII в. у насъ было больше нынѣшняго, равнялся 112 нынѣшнимъ золотникамъ, какъ разъяснилъ это г. Прозоровскій при помощи *Ариѳметики* Леонтія Магницкаго 1703 года. Такой же фунтъ употреблялся въ Москвѣ, какъ вѣсовая единица, и въ XVI в., что видно изъ записки посѣтившаго Московію въ 1565 г. итальянца Барберини, который, говоря о московскомъ вѣсѣ, замѣчаетъ, что въ унціи 6 московскихъ золотниковъ [1]). Такъ какъ нынѣшній фунтъ составляетъ $^6/_7$ стараго московскаго фунта, то переложивъ 382, 5 фунта на старый вѣсъ, получимъ для московской четверти временъ Кильбургера 8 пудовъ 6 фунт. тогдашняго московскаго вѣса. Въ Ариѳметикѣ Магницкаго есть задача, которая даетъ основаніе догадываться, что онъ считалъ мѣру или четверикъ ржи въ 1 пудъ вѣсомъ (л. 106 об.). Отсюда слѣдуетъ, что московская четверть, какую зналъ Кильбургеръ, заключала въ себѣ 8 пуд. ржи нормальнаго вѣса, иногда немного больше или меньше, смотря по качеству урожая. Такая вмѣстимость четверти подтверждается наказомъ 1696 г. нерчинскимъ воеводамъ, которымъ предписывается хлѣбъ съ казенныхъ пашенъ „въ приходъ принимать и въ расходъ давать и писать четвертями въ московскую четверть, а не пудами", также хлѣбное жалованье служилымъ людямъ, которое „пишутъ въ прежнюю четвероpудную четверть", выдавать новой московской четвертью, „расчитая вполы" противъ прежней четверти, „а не противъ вѣса" [2]). Хлѣбные оклады служилымъ людямъ опредѣлены были из-

---

[1]) Монета и вѣсъ въ Россіи. Зап. Имп. Археол. Общ. т. XII, 416. *Барберини* въ Сынѣ Отечества 1842 г., № 7, стр. 48.

[2]) Полн. Собр. Зак. III. № 1542, стр. 238.

вѣстнымъ количествомъ прежнихъ четверопудныхъ четвертей. Теперь велѣно было выдавать хлѣбное жалованье новой московской четвертью, т.-е. разсчитывать оклады на новую единицу вдвое больше прежней по вмѣстимости и по вѣсу. Но такъ какъ зерно родилось неодинаковаго вѣса, то для устраненія недоразумѣній и произвола въ разсчетѣ предписывалось при переложеніи окладовъ съ прежней мѣры на новую принимать во вниманіе не вѣсъ, а только вмѣстимость, „расчитая вполы", т.-е. дѣля на 2, хотя бы переложенный такимъ образомъ окладъ по вѣсу зерна не равнялся прежнему. Значитъ, въ новой московской казенной четверти предполагалось ровно 8 пудовъ зерна (ржи) нормальнаго вѣса. Объясненіемъ такого распоряженія можетъ служить сохранившаяся въ бумагахъ Сибирскаго приказа воеводская смѣта хлѣба, не доданнаго въ окладное жалованье разнымъ служилымъ людямъ и ружникамъ города Якутска за 1654—1691 года: обозначивъ, сколько пудовъ и четвертей разнаго хлѣба не додано, смѣта продолжаетъ: „а въ новую великихъ государей *осьмипудную* четверть на всѣ прошлые вышеписанные годы хлѣба будетъ дать" столько-то [1]). Все это приводитъ къ тому заключенію, что московская казенная четверть конца XVII в. отличалась отъ нынѣшней торговой не объемомъ своимъ, а только вѣсомъ зерна, какой тогда считался нормальнымъ. Нынѣ четверть содержитъ въ себѣ около 9 пуд. ржи нормальнаго вѣса: это средній вѣсъ ржи, которая въ разныхъ мѣстахъ Россіи родится качествомъ отъ 8 пуд. 22 ф. до 9 п. 16 ф. на четверть. По отношенію стараго московскаго фунта къ нынѣшному (какъ 7 къ 6) 8 пудовъ четверти XVII в. равнялись нынѣшнимъ $9^1/_3$ пуд. Это вѣсъ нынѣшней очень тяжеловѣсной ржи. Поэтому можно думать, что въ московской Россіи XVII в. считалась нормальною рожь такой доброты, какая нынѣ значительно выше нормы. Если это соображеніе имѣетъ нѣкоторое осно-

[1]) Дѣла неполныхъ производствъ въ Моск. Арх. Мин. Юстиціи, ялва № 1.

ваніе, то вѣсъ тогдашней московской четверти даетъ намъ не лишенное интереса косвенное указаніе на производительность русской почвы 200 лѣтъ назадъ.

Если московская четверть временъ Кильбургера по вмѣстимости равнялась нынѣшней, то новгородская содержала въ себѣ $1^1/_2$ нынѣшнихъ, а по вѣсу ржи заключала въ себѣ 12 старыхъ московскихъ пудовъ или 14 нынѣшнихъ. Кильбургеръ не опредѣляетъ точно отношенія псковской и печорской четверти къ новгородской, замѣчая только, что первая немного болѣе послѣдней, а вторая немного болѣе первой.

Въ наказѣ нерчинскимъ воеводамъ 1696 г. и въ смѣтѣ якутскаго воеводы 1691 г. четверопудная четверть названа „прежней" а осмипудная казенная „новой". Отъ псковскаго лѣтописца узнаемъ, что дѣйствительно въ началѣ XVII в. была въ ходу четверть вдвое или почти вдвое меньше той, какая употреблялась позднѣе. Описывая голодъ и дороговизну 1602 г., онъ замѣчаетъ: „а четверть была старая невелика, противъ нынѣшней вдвое менши, полумѣра". Говоря о дороговизнѣ хлѣба въ Псковѣ въ 1612 г., онъ опять прибавляетъ: „а четвертина мала была, мало болше осмака" [1]). Послѣдовательный разсказъ этой лѣтописи прерывается на извѣстіи о смерти царя Михаила въ 1645 году: слѣдовательно замѣчаніе объ отношеніи „старой" четверти къ „нынѣшней" могло принадлежать человѣку, жившему около половины XVII в. и позднѣе и знавшему удвоенную четверть второй половины этого вѣка. Изъ сочиненія о Московскомъ государствѣ англійскаго посла Флетчера, бывшаго въ Москвѣ въ 1588 и 1589 гг. узнаемъ, что такая половинная четверть употреблялась здѣсь и во второй половинѣ XVII в. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ вообще, что четверть содержитъ въ себѣ три англійскихъ бушеля или нѣсколько менѣе; въ другомъ мѣстѣ читаемъ, что именно четверть пшеницы рав-

---

[1]) Полн. Собр. Рос. Лѣт. IV, 321 и 330.

нается *почти* тремъ англійскимъ бушелямъ [1]). Возьмемъ возможно старое отдѣленіе бушеля, какое имѣется у насъ подъ руками. Въ одномъ нѣмецкомъ энциклопедическомъ словарѣ начала XVIII вѣка англійскій бушель сыпучихъ веществъ приравненъ 64 фунтамъ [2]). Согласно съ Флетчеромъ, который считаетъ на четверть пшеницы три бушеля безъ малаго, мы убавимъ у трехъ бушелей или 192 фунт. примѣрно 6 фунт. Во времена Флетчера на Руси сѣяли только яровую пшеницу. По урожаю 1882 г. среднiй вѣсъ четверти этого хлѣба около 9 п. 12 ф. Раздѣливъ эти 372 фунта на 186, найдемъ, что четверть пшеницы временъ Флетчера была ровно вдвое меньше нынѣшней. Къ тому же выводу приходимъ и другимъ путемъ. Превративъ 186 нынѣшнихъ фунтовъ въ старые русскіе фунты, получимъ $159^3/_7$: недостаетъ только $^4/_7$ фунта до 4 пудовъ, т.-е. до той четверопудной „прежней“ четверти, о которой говоритъ наказъ нерчинскимъ воеводамъ.

Итакъ во второй половинѣ XVI и въ первой половинѣ XVII в. ходячей хлѣбной мѣрой въ московской Руси была четверть въ 4 старыхъ пуда или $4^2/_3$ нынѣшнихъ. Находимъ косвенное указаніе на то, что и прежняя новгородская четверть была вдвое или почти вдвое меньше той, какую зналъ Кильбургеръ. Изъ наказа нерчинскимъ воеводамъ видно, что и по введеніи новой казенной четверти по мѣстамъ продолжали пользоваться старыми мѣстными четвертями. Грамота чердынскому воеводѣ 1681 г., говоря о томъ, сколько четвертей ржи и ржаной муки платили посадскіе люди и крестьяне сѣверныхъ поморскихъ уѣздовъ на содержаніе сибирскихъ служилыхъ людей, прибавляетъ, что они платили столько четвертей „въ прежній вѣсъ муки ржаной по 5 пудъ съ четью, а рожь по 6 пудъ съ четью жь четверть и съ

[1]) *Флетчеръ*, гл. 12 и 3.

[2]) *Hübners* Curieuses und reales Natur-Kunst-Berg-Gewerck und Handlungs-Lexicon. Leipzig, 1755. S. 820. Первое изданіе вышло въ 1712 г.

мѣхами" [1]). Поморскіе уѣзды принадлежали нѣкогда къ Новгородской области или по крайней мѣрѣ имѣли съ нею тѣсныя торговыя связи; четверть ржи въ 6 пудъ 10 фунт. съ мѣшкомъ можно поэтому считать старой новгородской четвертью, которая принята была за ходячую хлѣбную мѣру на всемъ поморскомъ сѣверѣ. Излишкомъ 10 фунт. съ мѣшкомъ объясняется замѣчаніе псковскаго лѣтописца о прежней четверти, что она „мала была, *мало больши* осмака", т.-е осмины второй половины XVII в.

Трудно рѣшить вопросъ, рѣшеніе котораго необходимо для исторіи хлѣбныхъ цѣнъ XVII вѣка: когда введена была новая удвоенная четверть? По крайней мѣрѣ мы не встрѣтили прямыхъ извѣстій объ этомъ. Остается довольствоваться косвенными указаніями. Въ дѣлахъ Сибирскаго приказа сохранилась смѣта хлѣбныхъ запасовъ, собранныхъ съ казенныхъ пашенъ Томскаго уѣзда въ 1642 г. Озимой ржи было сжато 331 сотница (копна во 100 сноповъ) и 30 сноповъ; изъ этого было намолочено 690 четвертей [2]). Значитъ, сотная копна дала 2 четверти съ очень мелкой дробью. Изъ хозяйственныхъ книгъ по вотчинѣ извѣстнаго боярина Б. И. Морозова узнаемъ, что въ 1659—1661 г. въ его арзамасскихъ и курмышскихъ деревняхъ изъ сотницы ржи умолачивали не больше четверти зерна, чаще гораздо менѣе, иногда только по осминѣ. Тоже и съ овсомъ: изъ 328 сотныхъ копенъ и 15 сноповъ томскаго казеннаго овса въ 1642 г. намолотили $796^1/_2$ четвертей, почти по $2^1/_2$ четверти изъ копны, а въ вотчинѣ Морозова копна овса давала четверть зерна, иногда нѣсколько болѣе, иногда немного менѣе [3]). Такимъ образомъ

---

[1]) Акты Ист. V, № 76.

[2]) Дѣла неполныхъ производствъ въ Моск. Арх. Мин. Юст., вязка 1.

[3]) „Книги посѣвныя, ужинныя и умолотныя" во Временникѣ Общ. Ист. и Др. Росс. кн. VII, отд. 2. Къ этому надобно еще прибавить, что въ вотчинѣ Морозова употреблялась „боярская дворовая" четверть, которая была нѣсколько меньше „таможенной", т.-е. казенной: по одному указанію посѣвныхъ книгъ этой вотчины можно разсчитать, что дворовая четверть равнялась 6, 9 четверикамъ таможенной.

въ 1642 г. копна того и другого хлѣба давала вдвое больше четвертей зерна, чѣмъ въ 1659—1661. Какъ ни различны могли быть копны по качеству колоса или зерна, такая значительная и однообразная разница заставляетъ догадываться, что она происходила не отъ измѣнчивости умолота, а отъ неодинаковой хлѣбной мѣры: въ 1642 г. копна давала вдвое больше четвертей зерна, потому что четверть тогда была вдвое меньше, чѣмъ въ 1659 году. Нѣкоторымъ подтвержденіемъ этой догадки можетъ служить указаніе одной духовной 1548 г., изъ которой видно, что въ XVI в. въ московскихъ областяхъ изъ копны овса получалось умолоту по 3 четверти московскихъ, т.-е. немного больше, чѣмъ изъ сотницы томскаго казеннаго овса въ 1642 г. [1]). Менѣе вѣроятно предположеніе, что разница въ умолотѣ копны томской и арзамасско-курмышской происходила отъ различной вязки сноповъ: сколько можно судить по сохранившимся извѣстіямъ объ отношеніи густоты посѣва къ ужину, въ древнерусскомъ земледѣліи на всемъ пространствѣ московской Руси принятъ былъ довольно однообразный нормальный снопъ.

Меньше, чѣмъ можно было бы ожидать, даетъ для разрѣшенія изслѣдуемаго вопроса извѣстная указная книга „о хлѣбномъ и калачномъ вѣсу“ 1623—1631 г. [2]). Это рядъ актовъ, касающихся полицейскаго надзора за торговлей печенымъ хлѣбомъ въ Москвѣ. Отъ времени до времени особо назначенная для „хлѣбнаго дѣла“ коммиссія устанавливала таксу, съ которой обязаны были соображаться московскіе хлѣбники и калачники. Эта коммиссія составлялась изъ дворянина съ

[1]) Акты Юр. № 420. Сопоставляя цифры умолота копны въ ариөметическихъ задачахъ *Счетной Мудрости*, изданной въ 1879 г. Обществомъ Любителей Древнерусской Письменности, легко замѣтить, что онѣ произвольны.

[2]) Временникъ Общ. Ист. и Древн. Росс., кн. VI, отд. 2. Текстъ памятника не совсѣмъ исправенъ: есть погрѣшности въ вычисленіяхъ.

нѣсколькими выборными присяжными или „цѣловальниками“ отъ посадскаго торгово-промышленнаго населенія столицы. Коммиссія дѣлала „опытъ“, покупала въ мучномъ ряду по четверти муки пшеничной и ржаной, изъ которой хлѣбники подъ ея наблюденіемъ выпекали калачи и хлѣбы ситные и рѣшетные, потомъ высчитывала издержки производства, причисляя къ нимъ содержаніе лавки, также „тягло и промыслъ“, и разсчитывая все это на каждую четверть муки. Эти издержки производства, „харчъ“, какъ тогда говорили, прикладывали къ торговой цѣнѣ муки и сумму разверстывали на вѣсъ выпеченнаго хлѣба. Тогда на московскомъ хлѣбномъ рынкѣ продавались хлѣбы и калачи алтынные, грошовые, двуденежные и денежные; слѣдовательно отъ колебаній цѣны муки измѣнялся вѣсъ печеныхъ хлѣбовъ и калачей. Смѣтивъ стоимость четверти муки съ харчомъ и свѣсивъ выпеченный изъ нея хлѣбъ, коммиссія высчитывала, какого вѣса должны быть хлѣбы и калачи алтынные и другіе. На основаніи этого опыта составлялась „роспись“ или вѣсовая такса, показывавшая, сколько должны вѣсить каждый хлѣбъ и калачъ алтынный или другой при той или другой цѣнѣ четверти муки. Вотъ для примѣра начало росписи ржаныхъ рѣшетныхъ хлѣбовъ, составленной на основаніи опыта коммиссіей Немира Кирѣевскаго въ 1626 г.

„На рѣшетные хлѣбы купятъ муки ржаные четь по 6 алт. по 4 деньги, да харчу на ту четь положено на хлѣбъ: провозу до двора и изъ двора въ рядъ 6 д., подквасья на 3 д., дровъ на 8 д., выдачи на лавку 10 д., на тягло и на промыслъ 9 д., на свѣчи и на помело деньга, и всего харчу положено 7 алт. съ деньгою; и обоего мука куплею съ харчомъ въ хлѣбахъ станетъ 12 алт. 5 денегъ; и выпечи изъ тое муки хлѣбовъ алтынныхъ 11, да 2 хлѣба грошовыхъ, хлѣбъ двуденежный, хлѣбъ денежный; вѣсу въ алтынномъ хлѣбѣ 23 гривенки (фунта) съ четью, въ грошовомъ 15 гривенокъ съ полугривенкою, въ двуденежномъ 8 гривенокъ безъ чети, въ денежномъ 4 гривенки безъ полчети“.

Въ росписи приведено 26 разныхъ цѣнъ четверти ржаной муки и высчитано количество рѣшетнаго хлѣба, какое должно быть выпечено изъ каждаго сорта. Роспись этихъ цѣнъ составлена по извѣстной системѣ: каждая слѣдующая цѣна алтыномъ выше предыдущей. Вѣсъ четверти муки не указанъ прямо; но его можно опредѣлить по количеству выпекаемаго изъ нея хлѣба, исключивъ пропекъ. Для этого переложимъ роспись въ ниже слѣдующую таблицу, обозначая въ первой графѣ цѣны четверти ржаной муки въ деньгахъ (полукопѣйкахъ), во второй количество выпекаемаго изъ нея рѣшетнаго хлѣба (безъ дробей), а въ третьей цѣны (въ сотыхъ доляхъ деньги) фунта печенаго хлѣба, какія выходятъ по росписи при различныхъ цѣнахъ муки:

40	298	0,25 ден.
46	314	0,26.
52	329	0,26.
58	344	0,27.
64	357	0,28.
70	370	0,28.
76	381	0,29.
82	391	0,30.
88	400	0,31.
94	409	0,32.
100	422	0,32.
106	428	0,33.
112	434	0,34.
118	438	0,35.
124	441	0,36.
130	443	0,38.
136	$444^{19}/_{24}$	0,39.
142	$444^{23}/_{24}$	0,40.
148	439	0,42.
150	423	0,43.
160	435	0,45.

166	431	0,47.
172	426	0,47.
178	421	0,51.
184	414	0,53.
190	406	0,55.

Эта таблица возбуждаетъ много недоумѣній, разрѣшить которыя, можетъ быть, сумѣетъ только знатокъ-пекарь. Однообразная прогрессія, по которой увеличиваются цифры первой графы за исключеніемъ двухъ, заставляетъ видѣть въ нихъ не справочныя, а примѣрныя, математическія цѣны: рыночныя цѣны едвали могутъ расти съ такою правильностью. Такъ какъ вмѣстѣ съ поднятіемъ цѣнъ увеличивается и количество выпекаемаго изъ четверти хлѣба до цѣны 142 ден. включительно, то въ основаніи таблицы цѣнъ до обозначеннаго предѣла предполагаются, очевидно, разные сорта муки на одномъ и на томъ же рынкѣ въ данную минуту, а не колебанія курса мучныхъ цѣнъ на разныхъ рынкахъ или въ разное время. Все это пока понятно; надобно только спросить знатоковъ хлѣбнаго дѣла, возможно ли было найти на старинномъ московскомъ рынкѣ заразъ 18 разноцѣнныхъ сортовъ ржаной муки. Но что такое концы обоихъ первыхъ столбцовъ, гдѣ цѣны муки возвышаются по мѣрѣ уменьшенія припека, т. е. по мѣрѣ паденія доброты муки? Это и не повторительная таблица пересчитанныхъ выше сортовъ муки при другомъ, высшемъ курсѣ хлѣбныхъ цѣнъ, и не дальнѣйшій перечень новыхъ, высшихъ сортовъ муки при прежнемъ уровнѣ цѣнъ: въ первомъ случаѣ слѣдовало ожидать во второй графѣ послѣ числа $444^{23}/_{24}$ повторенія прежнихъ цифръ выпеченнаго хлѣба, а во второмъ—дальнѣйшаго возвышенія этихъ цифръ. Вмѣсто того находимъ въ послѣднихъ 8 рядахъ таблицы какое-то соединеніе прогрессивно дорожающихъ цѣнъ муки съ прогрессивно падающей ея добротой. Трудно угадать, какую практическую цѣль по отношенію къ хлѣбному рынку имѣла эта математическая выкладка. Благодаря такому

построенію таблицы въ ней не за что ухватиться, чтобы точно опредѣлить, какой припекъ предполагается въ ней отъ разныхъ сортовъ муки. Остается довольствоваться догадками. Возьмемъ низшій сортъ муки, изъ четверти котораго Кирѣевскій выпекъ 298 фунтовъ хлѣба. Меньше 15 фунт. на пудъ припека, кажется, не бываетъ; да и при такомъ припекѣ едвали какой пекарь согласится работать. Предположивъ такой припекъ, найдемъ, что четверть ржаной муки цѣной въ 40 денегъ по таблицѣ вѣсила 5 пудовъ 16 фунтовъ. Но къ этому надобно прибавить, что въ 1631 г. одинъ изъ преемниковъ Кирѣевскаго Львовъ производилъ новый опытъ и изъ одинаковыхъ по цѣнѣ сортовъ ржаной и пшеничной муки получилъ меньше печенаго хлѣба, чѣмъ его предшественникъ. Объясняя это, Львовъ, производившій опытъ лѣтомъ, замѣчаетъ въ своей запискѣ, что Кирѣевскій дѣлалъ опытъ зимой, а зимой четверть муки вѣситъ больше, „потому что мука въ закромѣ вызябаетъ и въ мѣрѣ садится, а нынѣ привозятъ съ мельницъ горячую муку, и въ мѣрѣ мука ставится стромка“, т.-е. не такъ плотно укладывается, какъ зимой мука, давно привезенная съ мельницы и улежавшаяся. Вслѣдствіе этого вышла значительная разница въ результатахъ обоихъ 'опытовъ: Кирѣевскій получилъ 434 фунт. ржанаго хлѣба изъ четверти муки цѣной въ 112 денегъ, изъ которой по опыту Львова можно было получить только 375 фунт. Уменьшивъ по этой пропорціи цифру 298, найдемъ, что изъ четверти муки цѣной въ 40 денегъ Львовъ получилъ бы только 257 фунт. Съ припекомъ въ 15 ф. на пудъ ржаной муки, не успѣвшей плотно улежаться, окажется въ четверти только 4 пуда 26 ф. Но такъ какъ припека по всей вѣроятности было больше 15 фунтовъ, то указная книга о хлѣбномъ и калачномъ вѣсу даетъ нѣкоторую поддержку выводу, извлеченному изъ сопоставленія хлѣбной томской смѣты 1642 г. съ хозяйственными книгами морозовской вотчины: въ 1626—1531 г. въ Москвѣ продавали муку четвертью, которая равнялась осминѣ второй половины XVII вѣка или

согласно со свидѣтельствомъ псковскаго лѣтописца была немного больше этой осмины.

Не смотря на шаткость изложенныхъ основаній можно, кажется, съ нѣкоторой вѣроятностью признать, что замѣна старой четырехпудовой четверти новой осмипудовою произошла въ промежутокъ 1642—1659 годовъ, т.-е. около половины XVII в.

Эта четырехпудовая четверть, какъ мы видѣли, употреблялась въ Москвѣ и въ XVI в. Но есть указанія, возбуждающія недоумѣніе о четверти, какая была въ ходу въ Новгородской землѣ во второй половинѣ этого вѣка. Въ таможенной грамотѣ 1563 г., данной таможеннымъ цѣловальникамъ города Орѣшка и его уѣзда, и потомъ въ откупной грамотѣ 1587 г. о сборѣ отданныхъ на откупъ таможенныхъ пошлинъ въ Великомъ Новгородѣ читаемъ одинаковое постановленіе: „продавати и купити хлѣбъ всякой въ новую мѣру и пятно (клеймо) на мѣрахъ держати, а старыхъ мѣръ не держати и хлѣбъ въ старую мѣру не продавати и не купити“.[1]) Изъ недоумѣнія, возбуждаемаго вопросомъ объ отношеніи этой новой мѣры къ старой, можно выйти двумя догадками. Прежде всего возникаетъ предположеніе, не хотѣло ли московское правительство, завершая политическое и административное объединеніе государства, водворить на всемъ его пространствѣ единство мѣръ и вѣсовъ, вытѣснивъ мѣстныя метрическія единицы московскими. Въ такомъ случаѣ подъ новой мѣрой въ приведенныхъ таможенныхъ уставахъ надобно разумѣть московскую четверть, а подъ старой мѣстную новгородскую. Но этому мѣшаетъ одно обстоятельство: новгородская четверть, вмѣстимостью превосходившая московскую въ $1^1/_2$ раза, не исчезла съ рынка и послѣ указанныхъ таможенныхъ грамотъ. Приблизительно до половины XVII вѣка, когда дѣйствовала московская четырехпудовая четверть, новгородскій хлѣбный рынокъ пользовался шестипудовой четвертью, которую признавало и московское правительство.

[1]) Акты Арх. Эксп. I, № 335. Доп. къ Акт. Ист. I, № 116.

Когда московская казенная четверть изъ четырехпудовой превратилась въ осмипудовую, тогда и новгородская удвоилась. Значитъ, и послѣ выраженнаго въ грамотѣ 1563 г. и повтореннаго грамотой 1587 г. рѣшительнаго запрещенія держать на новгородскомъ рынкѣ старую мѣру, мѣстная новгородская четверть не только не была вытѣснена казенной московской, но и при измѣненіи обѣихъ сохранилось ихъ прежнее метрическое отношеніе другъ къ другу. Притомъ нѣсколько странно, что въ обоихъ приведенныхъ актахъ московское правительство, вводя въ Новгородѣ свою *старую* московскую мѣру, называетъ ее *новой* мѣрой, а не просто московской, какъ оно обыкновенно выражается въ другихъ таможенныхъ грамотахъ, когда говоритъ о своей казенной четверти. Гораздо надежнѣе другое предположеніе: новая мѣра—та же старая новгородская мѣра; только теперь посуда этой мѣры, провѣренная и заклейменная, была введена правительствомъ съ запрещеніемъ употреблять прежнюю посуду, которая дѣлалась безъ надлежащаго надзора и контроля и могла подвергаться фальсификаціи съ корыстной цѣлью, въ ущербъ покупателю хлѣба или казенной таможнѣ, собиравшей помѣрную пошлину съ продаваемаго хлѣба по количеству четвертей. Въ таможенной грамотѣ 1563 г. есть намекъ, какъ будто оправдывающій такое предположеніе: она грозитъ штрафомъ тому, „кто учнетъ пудъ свой держати и товаръ вѣсити, или въ мѣру въ свою учнетъ хлѣбъ продавати, не въ пятенную мѣру". Рѣчь какъ будто идетъ не о различной вмѣстимости, а о мѣрѣ клейменой и неклейменой, т.-е. провѣренной и не провѣренной. Еще прямѣе указываетъ на то же одна заемная 1588 года: три крестьянина Новгородской земли заняли у ключника Вяжицкаго монастыря коробью овса „въ новую мѣру". [1]) Коробья—новгородская мѣра, равнявшаяся двумъ новгородскимъ четвертямъ. На оборотѣ заемной отмѣчено, что одинъ изъ трехъ должниковъ „свою

[1]) Акт. Юрид. № 251.

треть овса заплатилъ, *осмину съ третникомъ"*; значитъ, коробья овса, занятая всѣми троими, содержала въ себѣ 4 осмины „въ новую мѣру", т. е. тѣ же двѣ новгородскія четверти, потому что московскихъ осминъ въ новгородской коробьѣ было 6, а не 4. Но всего болѣе подтверждается второе предположеніе сравненіемъ приведенныхъ таможенныхъ грамотъ съ другими, въ которыхъ помѣрная пошлина разсчитана прямо на московскую четверть.[1]) Здѣсь также запрещается продавать хлѣбъ „не въ пятенную мѣру". При этомъ здѣсь установляются такія таможенныя нормы: съ четырехъ московскихъ четвертей всякаго хлѣба помѣрной пошлины 1 деньга; кто продастъ 4 четверти, не явивъ помѣрщикамъ, съ того 1 рубль штрафа; кто продастъ безъ явки меньше 4 четвертей, но не меньше двухъ, или меньше двухъ четвертей, но не меньше осмины, съ того взять штрафъ „по разсчету, какъ емлютъ протаможье съ 4 четвертей"; меньше осмины позволялось продать безъ явки и безпошлинно. Тѣ же нормы встрѣчаемъ въ таможенныхъ грамотахъ орѣховской 1563 г. и новгородской 1587 г.; только здѣсь цифры другія. По орѣховской грамотѣ пошлины съ $1^1/_3$ четверти „новой мѣры" назначается 1 четверетца. т. е. четверть новгородской деньги; такъ какъ послѣдняя была вдвое больше деньги московской, то четверетца равнялась московской полуденьгѣ: дѣйствительно въ новгородской грамотѣ съ $1^1/_3$ четверти хлѣба положено пошлины полденьги. Такъ какъ въ другихъ таможенныхъ грамотахъ 1 деньга пошлины положена на 4 четверти московскихъ, то $1^1/_3$ четверть новгородской и орѣховской грамоты соотвѣтствуетъ 2 четвертямъ московскимъ. Въ такой же пропорціи измѣнены и другія цифры: 4 московскія четверти сотвѣтствуютъ $2^2/_3$ четвертямъ, осмина замѣнена третью четверти. Если треть новгородско-орѣховской четверти равнялась половинѣ чет-

[1]) Таковы, напримѣръ, бѣлозерская таможенная 1551 г., весьегонская 1563 г., села Еремѣйцева Ярославскаго уѣзда 1588 г., Чарондская 1592 г. А. Археогр. Эксп. I, №№ 230, 263, 342 и 356.

верти московской, то первая четверть равнялась $1^1/_2$ второй: это и есть то самое отношеніе, какое существовало между новгородской и московской четвертью въ XVII в. Очевидно, въ новгородской и орѣховской таможенныхъ грамотахъ тарифныя нормы по московскому счету переложены на метрическую систему Новгорода Великаго. Такъ какъ въ Москвѣ не было никакой нужды вводить въ Новгородѣ новую мѣру, отличную отъ московской, то она хотѣла въ интересѣ таможеннаго сбора только упрочить своимъ клеймомъ старую мѣстную мѣру, оградивъ ее отъ порчи, какой обыкновенно подвергаются торговыя мѣры и вѣсы при отсутствіи надзора и провѣрки. Можетъ быть, при этомъ была установлена и новая ходячая единица мѣры взамѣнъ прежней, что собственно и разумѣли грамоты новгородская и орѣховская подъ „новой“ и „старой“ мѣрой: напримѣръ, прежде самая крупная мѣрная посуда, которой продавали хлѣбъ на тамошнихъ рынкахъ, могла быть въ осмину, а теперь для болѣе удобнаго расчисленія тарифа была введена клейменая посуда въ четверть.

Остается сдѣлать нѣсколько замѣчанія о *мѣхѣ* или *мѣшкѣ*. Повидимому онъ служилъ больше тарой, чѣмъ мѣрой: мѣшками не столько мѣрили, сколько продавали или ссыпали хлѣбъ. Поэтому мѣшки могли быть очень разнообразны по объему. Впрочемъ есть нѣкоторыя указанія, какъ будто намекающія на однообразную вмѣстимость наиболѣе ходячаго мѣшка. Псковской лѣтописецъ говоритъ о дешевизнѣ предметовъ первой необходимости въ 1467 году: зобница ржи стоила 18 денегъ, овса 8 денегъ, пудъ соли 3 деньги. Въ 1499 г. онъ жалуется на дороговизну: четвертка ржи стоила 9 денегъ, овса 4 деньги; значитъ, зобница ржи стоила 36 д., овса 16 д., ровно вдвое дороже 1467 г. Можно предположить, что то же было и съ солью, а соли мѣхъ покупали въ 1499 г. по 35 ден. и меньше: значитъ, мѣхъ соли вѣсилъ 5—6 пуд. [1]) Это само по себѣ шаткое сопоставленіе находитъ

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, 231 и 271.

неожиданную поддержку въ упомянутой выше смѣтѣ казенныхъ хлѣбныхь запасовъ по Томскому разряду 1642 г. Въ смѣтѣ обозначено муки ржаной 91 мѣхъ: по мѣрѣ казенной томской осмины оказалось въ этихъ мѣшкахъ муки $125^1/_8$ четверти, т. е. по 1,37 четверти въ мѣшкѣ. При тогдашней четырехпудовой четверти мѣшокъ муки ржаной вѣсилъ около $5^1/_2$ тогдашнихъ или около $6^1/_2$ нынѣшнихъ пудовъ.

III.

Теперь обратимся къ изученію хлѣбныхъ цѣнъ. Напередъ изложимъ пріемы этого изученія.

Въ изданныхъ памятникахъ XVI и XVII в. можно набрать значительный запасъ хлѣбныхъ цѣнъ Но немногія изъ нихъ годятся въ дѣло. Большею частію то больныя цѣны, или голодныя, или, если можно такъ выразиться, слишкомъ сытыя, дешевыя. Онѣ потому и были отмѣчены въ свое время, что стояли выше или ниже нормальнаго уровня. Въ древней Руси этотъ уровень былъ чрезвычайно шатокъ. Причиной этого была патологія древнерусскаго рынка. Онъ былъ удивительно пугливъ; малѣйшее затрудненіе производило на немъ панику. Въ урожайные годы замѣшательство въ подвозѣ поднимало цѣны втрое, вчетверо и болѣе. Разъ въ Псковѣ (въ 1467 г.) вдругъ вздорожалъ хмѣль, когда хлѣбъ былъ дешевъ: зобницу хмѣля продавали по 120 денегъ. Но въ немъ не было недостатка, а только отчего-то временно пріостановился его подвозъ. Скоро его навезли вдоволь и цѣна его также быстро упала до 15 ден. за зобницу, т. е. стала дешевле въ 8 разъ. Можно представить себѣ, какія колебанія производилъ неурожай. Въ голодные 1601—1603 годы цѣна ржи поднималась въ 80 и даже въ 120 разъ выше нормальнаго уровня (съ 5 денегъ за четверть до 2 и до 3 рублей). Всѣмъ этимъ затрудняется выборъ здоровыхъ, нормальныхъ цѣнъ. Въ характерѣ древнерусскаго хлѣбнаго рынка замѣчаемъ и другую особенность, повидимому про-

тивоположную первой. Она состояла въ томъ, что при мимолетныхъ болѣзненныхъ колебаніяхъ цѣнъ отъ испуга этотъ рынокъ упорно держался прежнихъ цѣнъ, какъ скоро приходилъ въ нормальное настроеніе. Эту особенность можно формулировать такъ: *хлѣбныя цѣны часто колебались, но медленно измѣнялись.* Безъ сомнѣнія главной причиной такой устойчивости нормальныхъ цѣнъ было то, что при множествѣ частныхъ, скоропреходящихъ затрудненій, часто пугавшихъ хлѣбный рынокъ, туго измѣнялись коренныя условія, вліявшія на сельское хозяйство. Благодаря этому, при изученіи движенія цѣнъ сами собой обозначаются продолжительные періоды, въ теченіе которыхъ здоровыя хлѣбныя цѣны держались приблизительно на одинаковомъ уровнѣ. Сопоставляя старинныя цѣны съ нынѣшними, надобно брать эти крупные періоды, а не отдѣльные моменты, выражающіеся въ отдѣльныхъ, случайно попавшихся изслѣдователю цѣнахъ того или другого года. Отсюда вытекаетъ вторая задача — опредѣлить этотъ уровень, т.-е. уловить основныя цѣны, въ которыхъ выражалось дѣйствіе коренныхъ, устойчивыхъ условій хлѣбнаго рынка въ извѣстный періодъ. Разрѣшеніе этой задачи затрудняется разнообразіемъ, какимъ, не смотря на эту устойчивость, отличаются даже повидимому нормальныя цѣны, отмѣченныя въ памятникахъ одного и того же періода. Это разнообразіе объясняется различіемъ временъ года, къ которымъ относятся дошедшія до насъ цѣны, качествомъ или сортомъ хлѣба и тому подобными условіями, колеблющими нормальныя цѣны. Изъ всѣхъ такихъ условій на далекомъ хронологическомъ разстояніи изслѣдователь можетъ уловить только одно географическое, выражающееся въ измѣненіи цѣнъ по мѣстностямъ, которое обусловливалось неодинаковымъ отношеніемъ спроса и предложенія на разныхъ рынкахъ. На пространствѣ вѣковъ это отношеніе значительно измѣнилось вслѣдствіе перемѣнъ, происшедшихъ въ путяхъ сообщенія, въ географическомъ размѣщеніи земледѣльческаго труда, во

всемъ складѣ народнаго хозяйства. Во многихъ южныхъ черноземныхъ краяхъ Россіи, которые теперь служатъ главными поставщиками центральныхъ хлѣбныхъ рынковъ, въ XVI в. еще не было хлѣбопашества или оно только что заводилось. Между тѣмъ тамъ уже водворялось неземледѣльческое населеніе, которое должно было получать часть необходимаго ему хлѣба со стороны, иногда издалека. Разумѣется, отношеніе хлѣбныхъ цѣнъ въ этихъ мѣстностяхъ къ цѣнамъ центральныхъ руководящихъ рынковъ тогда было далеко не то, какое существуетъ теперь. Что дѣлать съ такими мѣстными цѣнами? Чтобы яснѣе понять значеніе этого вопроса, возьмемъ такой примѣрный случай. Положимъ, четверть ржи теперь стоитъ въ Ельцѣ 7 р., а въ Москвѣ 8 р. Въ концѣ XVI в. экономическое состояніе Елецкаго края было таково, что нынѣшняя четверть ржи могла тамъ стоить 25 денегъ въ то время, когда въ Москвѣ ее покупали по 20 денегъ. Цѣль сопоставленія цѣнъ разныхъ мѣстностей состоитъ въ опредѣленіи общаго уровня цѣнъ, существовавшаго въ извѣстное время, чтобы по этому уровню узнать отношеніе старинной денежной единицы къ нынѣшней. Сравнивъ московскія цѣны, найдемъ, что копѣйка конца XVI в. стоила въ 80 разъ дороже нынѣшней, а по елецкимъ цѣнамъ выходитъ, что она равнялась только 56 нынѣшнимъ. Такая разница произошла, какъ легко замѣтить, отъ того, что отношеніе московскихъ цѣнъ къ елецкимъ теперь не то, какое существовало въ XVI вѣкѣ, а обратное: теперь первыя выше вторыхъ, а тогда были ниже. Получивъ два отношенія копѣйки XVI в. къ нынѣшней, столь далекія другъ отъ друга, какъ 80 и 56, надобно взять среднія цѣны, чтобы вывести среднее отношеніе. Средняя цѣна, выведенная изъ цѣнъ московской и елецкой, въ XVI в. выйдетъ выше первой, а теперь она ниже. Но дѣйствительная средняя, опредѣляющая нормальный уровень цѣнъ, въ XVI в., какъ и теперь, была ближе къ московской, чѣмъ къ елецкой, которая въ XVI в. принадлежала къ числу вы-

сокихъ, а теперь принадлежитъ къ числу низкихъ. Слѣдовательно, чѣмъ больше введемъ мы въ разсчетъ цѣнъ подобныхъ елецкимъ, тѣмъ получаемыя нами среднія все болѣе будутъ удаляться отъ нормальнаго уровня, приближаясь однѣ къ высшему предѣлу, другія къ низшему. Опредѣляя помощію такихъ среднихъ рыночное отношеніе старинной денежной единицы къ нынѣшней, мы очевидно беремъ величины несоизмѣримыя, сравниваемъ высокія цѣны XVI в. съ нынѣшними низкими. Поэтому цѣны, какія держались на нѣкоторыхъ мѣстныхъ рынкахъ древней Руси, находившихся въ исключительномъ положеніи, и которыя стояли къ цѣнамъ московскаго рынка въ отношеніи обратномъ ихъ нынѣшнему отношенію, должны быть причислены къ больнымъ, ненормальнымъ, и подобно голоднымъ не могутъ быть вводимы въ разсчетъ.

Основаніемъ при опредѣленіи отношенія старинныхъ цѣнъ къ нынѣшнимъ послужитъ намъ таблица хлѣбныхъ цѣнъ 1882 г., помѣщенная въ изданіи Департамента земледѣлія и сельской промышленности: *1882 годъ въ сельскохозяйственномъ отношеніи* (общій обзоръ года). Въ этой таблицѣ сведены среднія цѣны хлѣба, выведенныя по губерніямъ на основаніи полученныхъ отъ сельскихъ хозяевъ свѣдѣній о томъ, почемъ продавали они полевыя произведенія на мѣстѣ въ августѣ, сентябрѣ и октябрѣ 1882 г. (стр. 40—52). Въ сельскохозяйственномъ отношеніи этотъ годъ отличался особенностями, которыя представляютъ нѣкоторыя удобства изучающему исторію русскихъ хлѣбныхъ цѣнъ. Въ нечерноземной полосѣ, которая составляла большую часть территоріи Московскаго государства XVI и XVII в., урожай ржи былъ вообще хорошій, въ сѣверныхъ, восточныхъ и юго-восточныхъ губерніяхъ черноземной полосы средній или даже нѣсколько ниже средняго; тоже было съ ячменемъ и гречихой; урожай яровой пшеницы и овса былъ большею частью средній, мѣстами, преимущественно также въ нечерноземной полосѣ, въ центральныхъ промышленныхъ гу-

берніяхъ, даже выше средняго. Такимъ образомъ по урожаю главныхъ хлѣбовъ, наполнявшихъ древнерусскій хлѣбный рынокъ, 1882 годъ возстановилъ приблизительно то состояніе, въ какомъ находилось земледѣльческое производство въ старой московской Руси: вообще не выходя изъ предѣловъ нормальнаго, урожай этого года далъ лучшій сборъ на нечерноземной, нежели на черноземной почвѣ. Въ Московскомъ государствѣ XVI и XVII в. нечерноземная почва точно также давала больше хлѣба, нежели черноземная, гдѣ успѣхамъ земледѣлія мѣшали рѣдкость населенія и неблагопріятныя внѣшнія обстоятельства. Климатическія условія сдѣлали въ 1882 г. то же, что два-три вѣка назадъ дѣлали условія историческія. Другая особенность заключалась въ уровнѣ хлѣбныхъ цѣнъ этого года. По замѣчанію названнаго выше изданія, хлѣбная товговля отличалась въ 1882 г. неустойчивостью и пониженіемъ цѣнъ, особенно съ августа. Хлѣбныя цѣны этого года стояли на 10—30% ниже цѣнъ 1881 г. Главною причиной такого упадка цѣнъ была слабость заграничнаго спроса на русскій хлѣбъ. Въ Венгріи, Германіи, Франціи, Англіи былъ хорошій урожай; къ тому же Америка поставила на европейскіе рынки громадное количество своего хлѣба по очень дешевой цѣнѣ. Вліяніе заграничнаго спроса на уровень русскихъ хлѣбныхъ цѣнъ есть условіе русскаго хлѣбнаго рынка, котораго не знала старая московская Русь. Тогда хлѣбъ не былъ важною статьей русскаго вывоза, и цѣны его опредѣлялись исключительно качествомъ урожая. Значитъ, и по характеру хлѣбныхъ цѣнъ 1882 годъ напоминаетъ древнюю Русь: въ этотъ годъ слабо дѣйствовало условіе, поднимающее цѣны на хлѣбъ, которое на древнерусскомъ хлѣбномъ рынкѣ совсѣмъ не дѣйствовало или оказывало малозамѣтное дѣйствіе. Вслѣдствіе этого при опредѣленіи отношенія хлѣбныхъ цѣнъ этого года къ стариннымъ знаменатели отношенія выйдутъ нѣсколько меньше тѣхъ, какіе получились бы на основаніи болѣе высокихъ цѣнъ другого года: сравнивая, напримѣръ,

старинную цѣну ржи съ цѣной 1882 г., мы найдемъ, что послѣдняя въ 80 разъ выше первой, тогда какъ цѣна 1881 г. выше той же старинной разъ въ 85. Это представляетъ то удобство, что и въ отношеніи старинной денежной единицы къ нынѣшней, выведенномъ помощію сравненія хлѣбныхъ цѣнъ, труднѣе будетъ подозрѣвать преувеличеніе дороговизны старинныхъ денегъ сравнительно съ нынѣшними: получивъ, напримѣръ, изъ сопоставленія хлѣбныхъ цѣнъ выводъ, что рубль извѣстнаго времени стоилъ на рынкѣ 80 нынѣшнихъ, мы можемъ съ нѣкоторою увѣренностью думать, что на самомъ дѣлѣ онъ стоилъ скорѣе дороже, чѣмъ дешевле этого. Эта увѣренность усиливается еще двумя вводимыми въ нашъ разсчетъ условіями, благодаря которымъ также понижается знаменатель отношенія старыхъ хлѣбныхъ цѣнъ къ нынѣшнимъ: дѣля нынѣшнюю цѣну на древнюю для опредѣленія этого отношенія, мы беремъ такія цифры нынѣшней цѣны, которыя нѣсколько меньше надлежащихъ, и такія цифры древней цѣны, которыя выше надлежащихъ, т.-е. дѣлимъ наименьшее дѣлимое на наибольшаго дѣлителя, уменьшая частное съ обѣихъ сторонъ. Нынѣшнія среднія цѣны хлѣба въ упомянутой таблицѣ выведены изъ данныхъ, показывающихъ почемъ продавали хлѣбъ на мѣстѣ сами производители, а большая часть старыхъ цѣнъ, вошедшихъ въ наши вычисленія, показываетъ, почемъ покупали хлѣбъ на рынкѣ потребители. Значитъ, мы сравниваемъ величины не вполнѣ соизмѣримыя, беремъ такія нынѣшнія цѣны, въ составъ которыхъ не входятъ ни плата за провозъ, ни барышъ скупщика-торговца, ни внутренняя таможенная пошлина, которой была обременена древнерусская хлѣбная торговля и отъ которой свободенъ хлѣбъ на нынѣшнемъ рынкѣ: словомъ, мы уменьшаемъ отношеніе старинныхъ хлѣбныхъ цѣнъ къ нынѣшнимъ на всю сумму накладныхъ расходовъ, которые поднимаютъ цѣну хлѣба на пути отъ производителя къ потребителю. Съ другой стороны, высчитывая отношеніе старыхъ хлѣбныхъ цѣнъ къ нынѣшнимъ, мы будемъ при-

равнивать московскую четверть съ половины XVII в. къ нынѣшней, а четверть болѣе ранняго времени къ половинѣ нынѣшней четверти. Но это не вполнѣ точно: старая московская осмипудовая четверть ржи по отношенію стараго московскаго пуда къ современному вѣсила нѣсколько больше нынѣшней; если въ нынѣшней нормальной четверти ржи считать 9 пуд. 5 фунт., то старая московская осмипудовая вѣсила около 9 пуд. 13 фунт. нынѣшнихъ. Соотвѣтственный этому перевѣсъ передъ нынѣшней осминой имѣла и четырехпудовая московская четверть XVI и первой половины XVII в. Такимъ образомъ для полученія точнаго отношенія старинныхъ хлѣбныхъ цѣнъ къ нынѣщнимъ слѣдовало бы нѣсколько возвышать послѣднія или уменьшать первыя; не дѣлая этого, мы опять уменьшаемъ частное, получаемое отъ дѣленія послѣднихъ на первыя.

Однако изъ всего этого не слѣдуетъ заключать, что мы намѣренно сравниваемъ несоизмѣримыя величины, чтобы получить завѣдомо неточный выводъ. Несоизмѣримость эта только кажущаяся. Чтобы видѣть это, надобно ближе войти въ сущность нашей задачи. Эта задача состоитъ въ оцѣнкѣ мѣновой стоимости стариннаго рубля сравнительно съ нынѣшнимъ, или, говоря проще, въ опредѣленіи того, во сколько разъ большее количество хозяйственныхъ благъ можно было пріобрѣсти на старинный рубль сравнительно съ нынѣшнимъ. Вполнѣ точная оцѣнка должна быть основана на всей совокупности хозяйственныхъ благъ, пріобрѣтаемыхъ за деньги. При невозможности взять въ разсчетъ всю ихъ совокупность, мы ограничиваемся цѣнами хлѣба, какъ предмета, вѣрнѣе другихъ выражающаго мѣновое значеніе денежной единицы. Но хлѣбъ по своей стоимости не всегда имѣетъ одинаковое отношеніе къ суммѣ остальныхъ предметовъ, необходимыхъ человѣку и пріобрѣтаемыхъ за деньги. Значительный заграничный спросъ на русскій хлѣбъ теперь держитъ хлѣбныя цѣны въ Россіи на уровнѣ выше того, на какомъ онѣ стояли сравнительно съ другими предметами первой необхо-

димости въ XVI и XVII вв., когда этого условія не существовало. Слѣдовательно въ общей суммѣ необходимыхъ потребностей русскаго человѣка хлѣбъ теперь составляетъ болѣе цѣнную статью, чѣмъ какую онъ составлялъ два-три вѣка назадъ. Опредѣляя по однимъ хлѣбнымъ цѣнамъ сравнительное мѣновое значеніе стариннаго и нынѣшняго рубля, мы оцѣнимъ первый выше, а второй ниже того, какъ оцѣнили бы его, взявъ въ разсчетъ всю совокупность необходимыхъ потребностей. Чтобы нагляднѣе выразить то, о чемъ идетъ рѣчь, воспользуемся такой примѣрной схемой: если древнерусскому человѣку стоило 1 рубль такое же количество предметовъ, удовлетворящихъ этимъ потребностямъ, какое намъ обходится въ 20 рублей, и если при этомъ на хлѣбъ онъ издержалъ 10 коп., десятую долю всѣхъ своихъ расходовъ, то теперь за такое же количество хлѣба надобно заплатить $2\frac{1}{2}$ рубля, не десятую, а осмую часть всѣхъ расходовъ, и не въ 20, а въ 25 разъ дороже того, что стоила эта статья древнерусскому человѣку. Соотвѣтственно этому и старинный московскій рубль по хлѣбнымъ цѣнамъ будетъ равняться 25 нынѣшнимъ, а по стоимости всѣхъ необходимыхъ предметовъ только 20. Чтобы устранить эту разницу и возстановить болѣе точное отношеніе, надобно нѣсколько возвысить старыя цѣны или уменьшить нынѣшнія: это именно и дѣлаютъ изложенныя условія, введенныя въ наши вычисленія. Къ этому слѣдуетъ прибавить еще одно обстоятельство. Въ древней Руси процентъ населенія, занимавшагося хлѣбопашествомъ, былъ гораздо выше нынѣшняго. Численный перевѣсъ сельскаго населенія надъ городскимъ въ настоящее время слабѣе прежняго; притомъ въ древней Руси значительная часть и городского населенія занималась хлѣбопашествомъ. Все это при отсутствіи или слабости вывоза хлѣба заграницу уменьшало оборотъ хлѣбной торговли, т. е. количество потребителей, покупавшихъ хлѣбъ. Пользуясь опять примѣрной схемой, можно предположить, что если въ древнее время у насъ изъ 20 человѣкъ занимались

хлѣбопашествомъ 19, то теперь имъ занимается только 17; притомъ первые 19 пахали на 20 потребителей, а послѣдніе 17 пашутъ на 22, т. е. на 20 внутреннихъ потребителей и на 2 иностранцевъ, получающихъ хлѣбъ изъ Россіи. Въ первомъ случаѣ оборотъ хлѣбной торговли выразится цифрой 1, во второмъ цифрой 5. Благодаря такому ограниченному числу потребителей, покупавшихъ хлѣбъ, большая часть продажнаго хлѣба переходила отъ производителя-продавца къ потребителю-покупателю на мѣстѣ, не уходя на далекіе рынки, а внутренняя таможенная пошлина побуждала того и другого избѣгать и ближайшихъ оффиціально признанныхъ рынковъ. Можетъ быть, бóльшее количество продажнаго хлѣба тогда шло въ оборотъ, минуя рынокъ, гдѣ была таможня; поэтому, древнерусскія торговыя цѣны не вполнѣ точно выражаютъ дѣйствительную стоимость хлѣба, которая была нѣсколько ниже ихъ, да и торговыя цѣны не вполнѣ соотвѣтствуютъ цѣнамъ нынѣшнихъ главныхъ рынковъ, потому что хлѣбъ, поступая на тогдашній рынокъ потребленія изъ ближайшикъ къ нему мѣстъ производства, былъ свободенъ отъ доброй доли накладныхъ расходовъ, которые теперь нарастаютъ на его цѣнѣ вслѣдствіе передвиженія его на далекія разстоянія и неизбѣжнаго при этомъ размноженія посредниковъ, которые становятся между производителемъ и потребителемъ. Если бы у насъ былъ обильный запасъ извѣстій о хлѣбныхъ цѣнахъ какъ на крупныхъ, такъ и на мелкихъ древнерусскихъ рынкахъ, изъ этого запаса можно было бы выбрать цѣны, соотвѣтствующія тѣмъ, какія держатся на главныхъ русскихъ рынкахъ нашего времени. Но въ древнерусскихъ памятникахъ находимъ немного такихъ извѣстій и очень значительная, если не большая часть ихъ идетъ съ рынковъ далеко не главныхъ или даже даетъ не торговыя, не потребительскія цѣны, а такія, по которымъ покупали хлѣбъ изъ первыхъ рукъ, прямо отъ производителя. Вообще древнерусскія хлѣбныя цѣны, которыми можетъ располагать изслѣдователь, ближе къ производитель-

скимъ, чѣмъ къ потребительскимъ. Поэтому и сравнивать ихъ слѣдуетъ съ низшими изъ нынѣшнихъ цѣнъ; въ противномъ случаѣ мы будемъ сравнивать низшія старинныя цѣны съ высшими современными, получая при каждомъ сравненіи такое частное отъ дѣленія послѣднихъ на первыя, которое больше знаменателя дѣйствительнаго отношенія старыхъ цѣнъ къ нынѣшнимъ.

Итакъ вводя въ разсчетъ такія условія, которыя уменьшаютъ этого знаменателя, мы этимъ только уравновѣшиваемъ рядъ другихъ условій, производящихъ обратное дѣйствіе, исправляемъ неточность, происходящую отъ измѣнившагося значенія хлѣбныхъ цѣнъ. Руководясь изложенными соображеніями, мы будемъ высчитывать по хлѣбнымъ цѣнамъ рыночное отношеніе стариннаго рубля къ нынѣшнему.

IV.

Отъ послѣдняго года XV вѣка дошелъ до насъ рядъ данныхъ, которыя могутъ послужить точкой отправленія при изученіи хлѣбныхъ цѣнъ въ XVI вѣкѣ. Въ извѣстной окладной книгѣ Вотьской пятины 1500 г. хлѣбный оброкъ, какой платили въ казну оброчные крестьяне, сидѣвшіе на казенной государевой землѣ, иногда замѣняется денежнымъ [1]. Узнаемъ, что коробья ржи стоила 10 тогдашнихъ новгородскихъ денегъ, пшеницы 14 д., ячменя 7 д., овса 5 д. Такъ какъ мы занимаемся не мѣстнымъ новгородскимъ, а московскимъ рублемъ, который потомъ сталъ общерусскимъ, то приведенное извѣстіе новгородскаго памятника надобно переложить на московскія метрическія единицы. Тогдашніе рубли новгородскій и московскій были счетныя денежныя единицы различной величины; по количеству серебра новгородская деньга была вдвое больше московской, а новгородскій рубль

[1] Временникъ Общ. Ист. и Др. Рос. кн. XI, отд. II, стр. 2, 3, 10 и 116; кн. XII, отд. II, стр. 36. Новгор. писц. книги, изд. Археогр. Комм., т. 3, ст. 5 и др.

слишкомъ вдвое больше московскаго: въ первомъ считалось 216 новгородскихъ денегъ или 432 московскихъ, а во второмъ 200 московскихъ или 100 новгородскихъ денегъ. Со времени указа 1536 г., нѣсколько понизившаго вѣсъ новгородскихъ денегъ или новгородокъ, повелѣвшаго выдѣлывать ихъ изъ полуфунта серебра 300 вмѣсто прежнихъ 260, новгородки по новому „знамени" или штемпелю, на нихъ появившемуся (великій князь на конѣ съ копьемъ въ рукѣ), стали зваться еще „деньгами копѣйными" или *копѣйками*, а за вдвое меньшей по вѣсу московской деньгой осталось названіе *московки* или *деньги* въ собственномъ смыслѣ. Поэтому съ нынѣшней копѣйкой, сотой долей нашего рубля, мы будемъ сопоставлять одну новгородку или двѣ деньги московки, которыя въ концѣ XV в. составляли также сотую часть тогдашняго *московскаго* рубля. Новгородская коробья содержала въ себѣ двѣ новгородскія четверти, а новгородская четверть равнялась $1^1/_2$ московскихъ. Принявши въ разсчетъ эту разницу въ хлѣбной мѣрѣ, найдемъ, что третья часть коробьи, равная московской четверти, стоила—ржи $3^1/_3$ новгородки, пшеницы $4^2/_3$, ячменя $2^1/_3$, овса $1^2/_3$. Принимая московскую четверть того времени за половину нынѣшней, эти цѣны надобно еще удвоить. Перелагая хлѣбный оброкъ на деньги, казна, вѣроятно, соображалась съ мѣстными цѣнами хлѣба, разумѣется, не обижая и себя. Можно думать, что ея оцѣнка приближалась къ торговой цѣнѣ хлѣба на главномъ рынкѣ края, въ Новгородѣ, если не совпадала съ ней: этимъ можно объяснить и то, что казна нашла возможнымъ назначить одинаковыя цѣны оброчнаго хлѣба для всѣхъ уѣздовъ Вотьской пятины, описанныхъ въ книгѣ 1500 г. Это предположеніе оправдывается и лѣтописными извѣстіями о хлѣбныхъ цѣнахъ. Разсказывая о поставленіи архіепископа Макарія на новгородскую каѳедру въ 1526 г., мѣстный лѣтописецъ замѣчаетъ, что при этомъ владыкѣ Господь послалъ его епархіи времена тихія и прохладныя и „обиліе веліе": коробью ячменя покупали по 7 новгоро-

докъ, т. е. по той же цѣнѣ, какая назначена въ писцовой книгѣ 1500 г. Съ другой стороны, въ Псковѣ въ 1485 г., за 15 лѣтъ до составленія этой книги, при хорошемъ, хотя не повсемѣстномъ урожаѣ ярового покупали четверть ячменя по 5 псковскихъ денегъ, $1^1/_2$ деньгами дороже казенной оброчной таксы 1500 г., а зобницу (двѣ коробьи) овса по 10 и по 12 денегъ, т.-е. ровно по той же цѣнѣ, какая назначена въ книгѣ 1500 г. или съ прибавкой 1 деньги на коробью [1]. Уѣзды Вотьской пятины, описанные въ окладной книгѣ 1500 г. (Новгородскій, Копорскій, Ямскій, Ладожскій, Орѣховскій и Корельскій), захватываютъ уголъ нынѣшней Новгородской губерніи, большую часть Петербургской и значительную часть Выборгской губерніи. Въ изданіи департамента земледѣлія и сельскаго хозяйства 1882 г. нѣтъ цѣнъ Выборгской губерніи. По Петербургской губерніи въ изданіи не показаны цѣны яровой пшеницы; при томъ остальныя цѣны довольно близки къ новгородскимъ: однѣ, какъ цѣны ржи, немного ниже ихъ, а другія, какъ цѣны овса, немного выше. Потому мы введемъ въ разсчетъ только среднія цѣны Новгородской губерніи. Удвоивъ выведенныя выше по книгѣ 1500 г. цѣны хлѣба въ уѣздахъ Вотьской пятины, получимъ слѣдующій рядъ отношеній, въ которыхъ послѣдующіе члены означаютъ выраженныя въ новгородкахъ старинныя вотьскія цѣны количества хлѣба, приблизительно равняющагося нынѣшней торговой четверти, предыдущіе члены—выраженныя въ копѣйкахъ среднія цѣны этой четверти въ Новгородской губерніи 1882 г., а знаменатели отношеній показываютъ, во сколько разъ по сравненію тѣхъ и другихъ цѣнъ московскій рубль конца XV в. стоилъ на рынкѣ дороже нынѣшняго:

---

[1]) Полн. Собр. Р. Лѣт. III, 148; V, 44. Псковская деньга была равна новгородкѣ, а псковская четверть вѣроятно и въ XV в., какъ въ XVII, была немного больше новгородской.

Рожь	900 : $6^2/_3$	=	135.
Пшеница	1200 : $9^1/_3$	=	128.
Ячмень	635 : $4^2/_3$	=	136.
Овесъ	390 : $3^1/_3$	=	117.

Средній знаменатель 129. Мы не впадемъ въ неточность, если, приближая этого знаменателя къ знаменателю ржи, какъ главнаго хлѣба, положимъ, что *московскій рубль конца XV в. по хлѣбнымъ цѣнамъ Вотьской пятины равнялся 130 нынѣшнимъ.*

Цѣны XVI в. гораздо болѣе затрудняютъ изслѣдованіе. Извѣстія этого вѣка даютъ два ряда цѣнъ, дешевыхъ и дорогихъ, хотя и не голодныхъ. Первыя почти не измѣняются въ продолженіе всего столѣтія; но онѣ страдаютъ географической неопредѣленностью, не пріурочены къ мѣсту. Изъ записокъ Герберштейна узнаемъ, что въ 1520-хъ годахъ вообще въ Московіи, когда она не страдала отъ неурожая, принятая тамъ мѣра хлѣба продавалась по 4, 5 и 6 денегъ. По сравненію съ другими извѣстіями видно, что Герберштейнъ разумѣлъ подъ этой мѣрой московскую четверть и именно четверть ржи. Одинъ хронографъ, говоря о голодѣ, начавшемся въ Московской землѣ въ 1601 г., замѣчаетъ, что до этого голода покупали бочку или оковъ ржи по 3 алтына и по гривнѣ, т. е. по $4^1/_2$ или по 5 денегъ четверть: это даже немного дешевле казенной оцѣнки ржи сто лѣтъ назадъ, по книгѣ Вотьской пятины 1500 г. Флетчеръ, бывшій въ Москвѣ въ 1588 и 1589 г., говоря объ изобиліи и дешевизнѣ хлѣба въ Московіи, прибавляетъ, что пшеница продается иногда по 2 алтына четверть: если перевести московскую мѣру на новгородскую, то найдемъ, что новгородская коробья пшеницы, стоившая по книгѣ 1500 г. 14 новгородскихъ денегъ, по цѣнѣ Флетчера стоила бы 18 новгородскихъ [1]). Въ извѣстіяхъ XVI в. не находимъ дешевыхъ цѣнъ овса и ячменя; но

---

[1]) *Герберштейнъ* въ переводѣ *Анонимова,* стр. 121. *Андр. Попова,* Изборникъ, стр. 219. *Флетчеръ,* гл. 3.

ихъ можно приблизительно возстановить по тому отношенію, какое существовало въ древней Руси между стоимостью разныхъ видовъ зерноваго хлѣба: четверть овса цѣнилась обыкновенно вдвое дешевле четверти ржи, а четверть ржи принимали за $1^1/_4$ четверти или за 10 четвериковъ ячменя. Принявъ для московской четверти ржи въ XVI в. цѣну 5 московокъ, получимъ для четверти овса $2^1/_2$ московки, а для четверти ячменя 4. Чтобы получить стоимость нынѣшней четверти, эти цѣны надобно удвоить, т. е. московки принять за копѣйки. Но эти цѣны не пріурочены къ опредѣленной мѣстности, являются въ источникахъ съ характеромъ обычныхъ, ходячихъ по всей Московіи, по крайней мѣрѣ въ центральныхъ ея областяхъ. Чтобы найти соотвѣтствующія имъ нынѣшнія цѣны, надобно вывести среднюю изъ среднихъ цѣнъ каждаго хлѣба въ нынѣшнихъ центральныхъ губерніяхъ Великороссіи, т. е. Московской и смежныхъ съ нею [1]). Получимъ такой рядъ отношеній, составивъ послѣдующіе члены изъ дешевыхъ цѣнъ XVI в., выраженныхъ въ копѣйкахъ, а предыдущіе изъ среднихъ цѣнъ каждаго хлѣба по центральнымъ губерніямъ Великороссіи:

Рожь	785 : 5	= 157.
Овесъ	307 : $2^1/_2$	= 123.
Ячмень	502 : 4	= 125.
Пшеница	1057 : 12	= 88.

Средній знаменатель отношеній 123. Очевидно, пониженіе этого знаменателя въ XVI в. сравнительно съ XV в. произошло отъ того, что теперь средній въ центральныхъ,

[1]) Только для яровой пшеницы (озимой въ Московской землѣ XVI в. не сѣяли) мы взяли среднія цѣны въ губерніяхъ Московской (12 р. четверть), Тульской и болѣе отдаленныхъ Нижегородской, Костромской, Новгородской, Тамбовской и Ярославской, потому что въ изданіи департамента среднія цѣны этого хлѣба по губерніямъ ближайшимъ къ Московской не выведены по недостатку данныхъ.

„низовыхъ“ областяхъ государства пшеница стоила дороже, чѣмъ въ Новгородской землѣ конца XV в.: безъ этого теперь средній знаменатель вышелъ бы больше того, какой выведенъ по книгѣ Вотьской пятины 1500 г. Итакъ *по дешевымъ цѣнамъ хлѣба московскій рубль XVI в. во 123 раза дороже нынѣшняго.*

Можно однако замѣтить, что цѣны, сообщаемыя Герберштейномъ, Флетчеромъ и русскимъ хронографомъ, держались на рынкѣ только въ особенно благопріятные годы и часто смѣнялись болѣе высокими. Правда, незначительное возвышеніе ихъ уже считалось дороговизной: тотъ же хронографъ, который сообщаетъ, что въ концѣ XVI в. покупали бочку ржи по 3 алтына и по гривнѣ, прибавляетъ: „а коли дорого, ино и по 5 алтынъ“. Значитъ, 5 денегъ за четверть ржи не были цѣной дешевой изъ дешевыхъ, если $7^1/_2$ денегъ за четверть считались уже цѣной дорогой. Замѣчательно, что всѣ дошедшія до насъ хлѣбныя цѣны XVI в., которыя можно пріурочить къ какой-нибудь мѣстности, къ опредѣленному рынку, выше дешевыхъ цѣнъ Герберштейна, Флетчера и хронографа. Извѣстная Торговая Книга, изданная Сахаровымъ, по многимъ признакамъ отмѣчаетъ цѣны, господствовавшія въ городѣ Москвѣ въ концѣ XVI в. Отсюда узнаемъ, что при покупкѣ большими партіями въ столицѣ продавали пшеницу по 13 алт. 2 деньги бочку, т. е. по 20 денегъ четверть, а гречневую крупу по 6 алтынъ 4 деньги бочку или по 10 денегъ четверть [1]). Если эти цѣны сравнить съ московскими 1882 г., получится знаменатель отношенія значительно меньше того, какой выведенъ выше изъ срав-

---

[1]) Записки отдѣл. русск. и слав. археологіи Имп. Археол. Общ., т. I, отд. III, стр. 134. По словамъ Маржерета, въ 1601 г., когда насталъ голодъ, *мѣра хлѣба* поднялась съ 15 су до 3 рублей; по хронографу именно четверть ржи тогда стали продавать по 3 руб. и выше. Маржеретъ считалъ 4 су въ алтынѣ: слѣдовательно 1 су равнялся $1^1/_2$ деньги, а 15 су $22^1/_2$ деньгамъ московкамъ. Мы относимъ эту цѣну къ московскому рынку. Сказ. современ. о Дим. Самозванцѣ, *Устрялова,* III, 50 и 74.

нія дешевыхъ цѣнъ XVI в. [1]). Другія извѣстія сообщаютъ еще болѣе высокія цѣны. Герберштейнъ говоритъ, что въ годъ его поѣздки въ Московію (второй въ 1526 г.) въ Вологодской землѣ была такая дороговизна, что четверть ржи продавалась по 14 денегъ. Изъ одного духовнаго завѣщанія начала XVI в. узнаемъ, что въ Бѣлозерскомъ краю бочка ржи „въ бѣлозерскую мѣру“ цѣнилась по 50 денегъ т. е. четверть стоила тѣ же 14 денегъ, о которыхъ говоритъ Герберштейнъ, а бѣлозерская мѣра, сколько можно судить о томъ по бѣлозерской таможенной грамотѣ 1551 года, была та же московская или очень близкая къ ней мѣра. Въ 1549 г. крестьяне поморской Шунгской волости (нынѣ Олонецкой губ. Повѣнецкаго уѣзда) заняли полторы коробьи ржи съ условіемъ платить ростъ „на четыре пятое зерно“, т. е. 25%; по истеченіи срока займа они обязались или возвратить занятой хлѣбъ съ такимъ ростомъ, или заплатить за хлѣбъ деньгами по полтинѣ московской за коробью. Въ составъ этой полтины или 100 денегъ, разумѣется, входилъ и ростъ; сдѣлавъ учетъ по 25%, найдемъ, что коробья ржи при заключеніи займа была оцѣнена въ 80 денегъ: треть коробьи, т. е. московская казенная четверть ржи по этой оцѣнкѣ стоила $26^2/_3$ ден., почти вдвое дороже дорогой цѣны Герберштейна и слишкомъ втрое дороже дорогой цѣны хронографа. Въ приходо-расходной книгѣ Корниліева Комельскаго монастыря 1576—1578 г. находимъ нѣсколько любопытныхъ указаній на хлѣбныя цѣны и ихъ колебанія въ вологодскомъ краю. Въ сентябрѣ 1576 г. куплена была четверть пшеницы за 4 алтына, а въ ноябрѣ 1577 г. за четверть пшеницы и четверть ржи монастырь заплатилъ 10

[1]) Нынѣшняя четверть пшеницы по цѣнѣ Торговой Книги стоила 20 коп. Средняя московская цѣна ея въ 1882 г. была 12 р. Отсюда отношеніе 1200 : 20=60. Нынѣшняя четверть гречневой крупы по Торговой Книгѣ стоила 10 коп. Въ четверти гречневой крупы (велегорки и продѣльной) считается 8 пуд. Пудъ этой крупы въ Москвѣ стоилъ въ 1882 г. около 135 коп. Отсюда отношеніе 1080 : 10=108.

алтынъ; но такъ какъ въ октябрѣ того же года монастырь купилъ 3 четверти ржи за 10 алтынъ (по 20 д. четверть), то предполагая, что цѣна ржи не измѣнилась впродолженіе мѣсяца, найдемъ, что четверть пшеницы стоила 40 денегъ, почти вдвое дороже, чѣмъ годъ назадъ. Въ апрѣлѣ 1578 г. монастырь съ одного своего должника взыскалъ 25 алт. 3 деньги за 5 четвертей ржи и за 2 четверти овса; въ мартѣ самъ монастырь купилъ 9 четвертей овса за 20 алтынъ, по $13^1/_3$ ден. четверть; при такой цѣнѣ овса монастырь засчиталъ своему должнику четверть ржи приблизительно въ 25 денегъ, немного дороже, чѣмъ самъ покупалъ рожь въ октябрѣ 1577 года [1]. Значеніе этихъ вологодскихъ цѣнъ нѣсколько уясняется сопоставленіемъ ихъ съ псковскими 1560 г. По сельско-хозяйственнымъ условіямъ Псковской край былъ довольно похожъ на Вологодскій. Въ 1560 г. въ Псковѣ покупали рожь по 16 денегъ (псковскихъ) четверть, овесъ по 12, ячмень по 20 ден., а пшеницу по 33 деньги или 11 алтынъ [2]. Переложивъ псковскія деньги и мѣры на московскія, получимъ цѣны очень близкія къ вологодскимъ, какъ это видно изъ слѣдующей таблицы, въ первомъ столбцѣ которой обозначены вологодскія цѣны московской четверти, а во второмъ псковскія, выраженныя также московками.

Рожь	20—25	$21^1/_3$.
Овесъ	$13^1/_3$.	16.
Пшеница	24—40	44.
Ячмень	— —	$26^2/_3$.

Мы считаемъ здѣсь псковскую четверть въ полторы московскихъ; но псковскія цѣны еще болѣе приблизились бы къ вологодскимъ, если бы мы вполнѣ точно разсчитали отношеніе псковской четверти къ московской: первая была больше послѣдней слишкомъ въ $1^1/_2$ раза. Псковской лѣтописецъ,

---

[1]) Акты Юр. №№ 415 и 239. Рукоп. Археогр. Комм. № 100, л. 7, 33, 29 и 37.

[2]) Полн. Собр. Лѣт. IV, 312.

записавшій мѣстныя цѣны 1560 г., называетъ ихъ дорогими и объясняетъ причину дороговизны: въ то лѣто яровые хлѣба не уродились, а въ XVI в. яровыми хлѣбами были всѣ кромѣ ржи. Въ таблицѣ эта причина отразилась какъ на отношеніи псковскихъ цѣнъ къ вологодскимъ, такъ и на отношеніи псковскихъ цѣнъ яровыхъ хлѣбовъ къ цѣнѣ ржи. Псковскія цѣны овса и пшеницы выше вологодскихъ, тогда какъ псковская цѣна ржи приближалась къ низшей изъ двухъ вологодскихъ. Овесъ, который обыкновенно стоилъ вдвое дешевле ржи, въ Псковѣ продавался дешевле только на четверть цѣны ржи; ячмень, который, какъ мы видѣли выше, обыкновенно на 25% былъ дешевле ржи, теперь стоилъ въ Псковѣ на 25% дороже ея. Значитъ, неурожай сильно поднялъ въ Псковѣ только цѣны яровыхъ хлѣбовъ, а цѣны ржи остались на нормальномъ уровнѣ или стали немного выше его, т. е. 20 московокъ за московскую четверть можно считать не дешевой, но довольно обычной цѣной ржи въ сѣверной заволжской полосѣ центральной Великороссіи XVI в., какъ и на ея сѣверозападной новгородско-псковской окраинѣ. Это заключеніе нѣсколько поможетъ намъ разобраться въ хаосѣ дешевыхъ и дорогихъ цѣнъ XVI в. Оно подтверждается и другимъ извѣстіемъ псковской лѣтописи.[1]) Въ 1543 г. въ Псковѣ былъ дорогъ всякій хлѣбъ, не одинъ яровой; но ячмень продавали по той же цѣнѣ, какъ въ 1560 г., по 20 псковскихъ денегъ мѣстную четверть, а овесъ даже дешевле, по 10 денегъ; за то рожь продавали по 25—30 денегъ мѣстную или по 33—40 московокъ московскую четверть. Сравнительно съ этими цифрами цѣна 1560 г. (21 московка) можетъ быть названа довольно умѣренной. Но и псковскія цѣны обоихъ этихъ лѣтъ далеко не достигали высшаго предѣла дороговизны, какая иногда бывала въ Московскомъ государствѣ. По словамъ Флетчера, пріѣхавшаго въ Московію въ 1588 г., тогда была здѣсь такая дороговизна, что четверть ржи и пшеницы покупали по 13 алтынъ. Въ Бѣ-

[1]) П. С. Лѣт. IV, 305.

лозерскомъ краю уже въ 1587 г. четверть ржи стоила 84 деньги, а четверть овса 56 денегъ: это вчетверо дороже дешевыхъ вологодскихъ цѣнъ 1577 и 1578 гг. На сѣверѣ эта дороговизна продолжалась и въ 1589 году: въ Новгородской землѣ покупали рожь по 20 алтынъ мѣстную четверть, т. е. по 80 денегъ московскую четверть. [1]) Но разсказывая объ этой дороговизнѣ, лѣтописецъ уже прямо говоритъ, что это былъ голодъ.

Изученіе хлѣбныхъ цѣнъ XVI в. вполнѣ подтверждаетъ отмѣченную выше особенность древнерусскаго хлѣбнаго рынка. Въ продолженіе столѣтія не замѣтно постепеннаго роста хлѣбныхъ цѣнъ; за то видимъ повторявшіяся отъ времени до времени сильныя ихъ колебанія. Предѣлы этихъ колебаній обозначаются цѣнами ржи, которая въ Бѣлозерскомъ краю въ 1587 г. стоила 84 деньги четверть, а въ самомъ концѣ вѣка въ Москвѣ ее продавали, по свидѣтельству хронографа, по 4—5 денегъ, т. е. въ 18 разъ дешевле. При такихъ колебаніяхъ, изучая отношеніе денежной единицы XVI в. къ нынѣшней по цѣнамъ хлѣба, очевидно, нельзя получить надежнаго вывода на основаніи однихъ дешевыхъ цѣнъ. Когда мы изъ записокъ Герберштейна и изъ русскаго хронографа узнаемъ, что четверть ржи и въ началѣ, и въ концѣ вѣка продавали по 4—6 денегъ, отсюда при другихъ извѣстіяхъ о другихъ цѣнахъ мы должны заключить, что такъ бывало часто, но далеко не было такъ всегда: значительно болѣе высокія цѣны были не мимолетнымъ и рѣдкимъ затрудненіемъ хлѣбнаго рынка, а довольно обычнымъ явленіемъ. Чтобы получить болѣе точный выводъ, надобно взять такое сочетаніе дешевыхъ и дорогихъ цѣнъ, которое выражало бы собою не одни счастливые или одни несчастные моменты древнерусскаго сельскаго хозяйства, а среднюю величину, выведенную изъ сложности тѣхъ и другихъ цѣнъ. Для этого мы возьмемъ разсмотрѣнныя выше дорогія цѣны разныхъ мѣстностей, сопоставимъ ихъ со средними цѣнами

[1]) Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Росс. 1883 г. кн. II. П. С. Лѣт. IV, 321.

1882 г. по тѣмъ губерніямъ, къ которымъ эти мѣстности принадлежатъ нынѣ, выведемъ средняго знаменателя, который будетъ показывать отношеніе московскаго рубля XVI в. къ нынѣшнему по дорогимъ хлѣбнымъ цѣнамъ XVI в., наконецъ, сопоставивъ этого знаменателя съ выведеннымъ выше по дешевымъ цѣнамъ того же вѣка, возьмемъ ихъ среднюю величину, которая, какъ намъ кажется, точнѣе выразитъ отношеніе московскаго рубля XVI в. къ нынѣшнему. Повторяя при этомъ выше указанные пріемы, мы присоединимъ къ нимъ еще нѣкоторыя соображенія. По дешевымъ цѣнамъ, какъ мы сказали выше, не замѣтно постепеннаго вздорожанія хлѣба впродолженіе XVI вѣка: низкія цѣны конца этого столѣтія, отмѣченныя хронографомъ, не выше низкихъ цѣнъ, записанныхъ Герберштейномъ въ началѣ того же вѣка. Но высокія цѣны второй половины вѣка вообще значительно выше высокихъ цѣнъ первой половины: такъ, напримѣръ, Герберштейнъ въ описаніи центральной Московской области замѣчаетъ, что въ неурожайномъ 1525 году за стоившее прежде (разумѣется, четверть ржи) 3 деньги здѣсь платили 20 и даже 30 денегъ, а отъ Флетчера узнаемъ, что въ 1588 г. рожь и пшеницу продавали въ Московіи по 78 ден. четверть. Трудно сказать, есть ли это случайность, объясняющаяся скудостью дошедшихъ до насъ извѣстій, или въ самомъ дѣлѣ хлѣбныя цѣны второй половины вѣка поднимались до высоты, какой онѣ не достигали въ первую. Бо́льшая вѣроятность послѣдняго предположенія заставляетъ принять эту разницу въ разсчетъ. Поэтому всѣ отношенія, какія можно вывести изъ сравненія дорогихъ цѣнъ XVI в. съ нынѣшними, мы сведемъ въ двѣ таблицы, изъ которыхъ одна основана на цѣнахъ первой половины, другая на цѣнахъ второй половины вѣка. [1])

---

[1]) Акты Юр. №№ 415 и 239. П. С. Лѣт. IV, 305; III, 150. Мы не вводимъ въ разсчетъ цѣнъ не локализованныхъ, не пріуроченныхъ къ извѣстной мѣстности, каковы отмѣченныя въ текстѣ дорогія цѣны хронографа и Флетчера, а гдѣ встрѣчаемъ нѣсколько цѣнъ одного и того же хлѣба, тамъ беремъ высшую.

Москва 1520-хъ гг.	Рожь	840 : 30		=28.
Вологда 1520-хъ гг.	Рожь	900 : 14		=64.
Бѣлоозеро нач. XVI в.	Рожь	900 : 14		=64.
Псковъ 1543 г.	Рожь	725 : 40		=18.
	Овесъ	380 : 13 1/3		=28.
	Ячмень	565 : 26 2/3		=21.
Новгородъ 1544 г.	Рожь	900 : 13 1/3		=67.
Шунга 1549 г.	Рожь	1350 : 26 2/3		=51.

Средній знаменатель отношеній' 43. Сопоставивъ его съ выведеннымъ выше знаменателемъ 123, найдемъ, что по сложности среднихъ знаменателей отношеній дешевыхъ цѣнъ XVI в. и дорогихъ цѣнъ первой его половины къ цѣнамъ 1882 г. *московскій рубль первой половины XVI в. равняется 83 нынѣшнимъ.*

Подобнымъ образомъ составимъ отношенія дорогихъ цѣнъ второй половины вѣка къ нынѣшнимъ. Принявъ дешевыя цѣны за низшій предѣлъ, до котораго падала стоимость хлѣба въ XVI в., мы можемъ ввести въ разсчетъ, какъ высшій ея предѣлъ, и такія дорогія цѣны, которыя современники считали уже голодными или близкими къ голоднымъ[1]).

[1]) Къ указаннымъ въ текстѣ цѣнамъ второй половины вѣка мы прибавляемъ архангельскую указную цѣну четверти ржи и четверти овса вмѣстѣ (1596 г.). Такими парами четвертей ржи и овса, носившими названіе *юфтей хлѣба,* казна выдавала хлѣбное жалованье служилымъ людямъ и хлѣбную ругу духовенству. Когда хлѣбное жалованье замѣнялось денежнымъ, юфть хлѣба перекладывали на деньги по указной цѣнѣ, примѣняясь къ цѣнамъ мѣстнаго рынка; въ книгахъ о выдачѣ жалованья, напримѣръ, писалось въ XVII вѣкѣ: „за хлѣбъ жалованье деньгами по указной цѣнѣ за четь ржи по 8 алт. 2 деньги, за четь овса по 6 а. 4 д., и обоего за юфть хлѣба по 15 алт.“. По грамотѣ 1596 г. о ругѣ Архангельскому монастырю положено было выдавать 49 денегъ за четверть ржи и четверть овса, разумѣется, за четверть казенную московскую. Отношеніе цѣны овса къ цѣнѣ ржи въ юфти измѣнялось, хотя нормальнымъ считалось отношеніе первой ко второй, какъ 1 къ 2. Потому мы сопоставляемъ цѣну юфти съ суммой

Псковъ 1560 г.	Рожь	725 : 21 1/3 = 34.
	Овесъ	380 : 16 = 24.
	Ячмень	565 : 26 2/3 = 21.
	Пшеница	1200 : 44 = 27.
Вологда 1577 и 1578 гг.	Рожь	900 : 25 = 36.
	Овесъ	355 : 13 1/3 = 28.
	Пшеница	1240 : 40 = 31.
Бѣлоозеро 1587 г.	Рожь	900 : 84 = 11.
	Овесъ	390 : 56 = 7.
Новгородъ 1589 г.	Рожь	900 : 80 = 11.
Архангельскъ 1596 г.	Рожь и овесъ	1750 : 49 = 36.
Москва конца XVI в.	Рожь	840 : 22 1/2 = 37.

Средній знаменатель 25. Повторивъ прежній способъ дѣйствія, найдемъ, что *московскій рубль второй половины XVI в. въ 74 раза дороже нынѣшняго.*

Легко замѣтить, что эти выводы получены довольно искусственнымъ, такъ сказать, механическимъ способомъ, который не даетъ никакого ручательства въ томъ, что выведенные посредствомъ него знаменатели показываютъ дѣйствительное среднее отношеніе хлѣбныхъ цѣнъ XVI в. къ нынѣшнимъ. Но болѣе надежные выводы едва ли и можно получить изъ такихъ случайныхъ и неполныхъ данныхъ, какія можно собрать въ памятникахъ XVI вѣка: для этого надобно было

нынѣшнихъ цѣнъ ржи и овса. *Крестинина,* Ист. опытъ о сельскомъ домостроительствѣ Двинск. народа, стр. 41. Хлѣбныхъ цѣнъ Торговой Книги мы не вводимъ въ таблицу по многимъ причинамъ: нельзя сказать навѣрное, относятся ли онѣ къ XVI в., или къ началу XVII; это оптовыя цѣны, а не розничныя, каковы другія цѣны въ таблицѣ; неизвѣстно, какую бочку разумѣетъ книга, обыкновенную ли хлѣбную въ 16 тогдашнихъ пудовъ ржи, или напримѣръ упоминаемую въ книгѣ селедовку, которая была гораздо меньше; въ первомъ случаѣ цѣны Торговой Книги ближе къ дешевымъ, чѣмъ къ дорогимъ. Опускаемъ также по этой послѣдней причинѣ и цѣну овса (6 ден. четверть), отмѣченную въ одномъ актѣ Данилова переяславскаго монастыря 1566 г. *Г. Калачова,* Арх. ист. и практ. свѣд. 1860—1861 г. кн. IV.

бы знать, насколько устойчиво держались на тогдашнихъ рынкахъ дешевыя цѣны, какъ часто смѣнялись онѣ дорогими и т. п. По крайней мѣрѣ въ своемъ разсчетѣ мы приняли всѣ предосторожности противъ преувеличенія стоимости рубля XVI в. сравнительно съ нынѣшнимъ, изъ дорогихъ цѣнъ брали самыя высокія, отбрасывая цѣны, приближавшіяся къ дешевымъ, такъ что выведенные нами за обѣ половины XVI в. знаменатели можно считать наименьшими, какіе можно вывести изъ извѣстныхъ цѣнъ XVI в., а такіе знаменатели представляютъ меньше опасности, чѣмъ преувеличенные: руководствуясь такими знаменателями, изслѣдователь экономическаго быта того вѣка надѣлаетъ меньше ошибокъ. Трудно придумать средство провѣрить, что полученные нами выводы если и не выражаютъ вполнѣ точно цѣнности рубля XVI в. сравнительно съ нынѣшнимъ, то и не преувеличиваютъ ея. Цѣны другихъ предметовъ потребленія не могутъ служить такой повѣркой, потому что значеніе самихъ этихъ цѣнъ опредѣляется цѣнами хлѣба. Всѣ эти предметы можно раздѣлить на два разряда, рѣзко различавшіеся между собою по сравнительной стоимости, какую онѣ имѣли въ XVI вѣкѣ: къ одному разряду можно отнести предметы привозные, къ другому туземные. Выше было уже замѣчено, что въ суммѣ потребностей человѣка, которымъ удовлетворяетъ рынокъ, хлѣбъ составлялъ въ древней Руси болѣе дешевую статью, чѣмъ какую составляетъ онъ теперь. Но если всѣ другіе предметы кромѣ хлѣба обходились древнерусскому потребителю дороже, чѣмъ обходятся они намъ, то особенно дорого стоили ему предметы привозные, что объясняется условіями внѣшней торговли Россіи въ тѣ вѣка. Въ слѣдующей таблицѣ показаны выраженныя въ копѣйкахъ и пудахъ отношенія нынѣшнихъ цѣнъ нѣкоторыхъ изъ этихъ привозныхъ предметовъ къ цѣнамъ второй половины XVI и начала XVII в., заимствованнымъ изъ записки Барберини и частію изъ Торговой Книги; въ этой таблицѣ мы сопоставили высшія нынѣшнія московскія цѣны съ низшими тогдашними москов-

скими же цѣнами, чтобы получить знаменателей отношеній выше среднихъ и такимъ образомъ нагляднѣе показать, какъ далеко не достигаютъ и эти преувеличенные знаменатели до выведеннаго нами общаго знаменателя отношеній хлѣбныхъ цѣнъ.[1])

Перецъ (черный)	1200 : 411	=2,9.
Сахаръ головной	850 : 343	=2,4.
Гвоздика	3000 : 2000	=1,5.
Мускатные орѣхи	8000 : 1028	=7,7.
Имбирь	1400 : 411	=3,4.
Черносливъ	1100 : 43	=25,5.
Изюмъ	1100 : 34	=32,3.
Бумага хлопчатая	1400 : 103	=13,6.
„ писчая (стопа)	1200 : 40	=30,5.

Сами по себѣ эти отношенія ничего не значатъ или значатъ противное тому, что должны значить. Если, напримѣръ, стопу писчей бумаги въ концѣ XVI в. въ Москвѣ покупали по 4 гривны, а мы покупаемъ по 13 р., отсюда вовсе не слѣдуетъ заключать, что съ тѣхъ поръ бумага вздорожала въ $30^1/_2$ раза: этого не могло случиться, потому что въ XVI в. бумагу привозили въ Московію голландцы, съ большими издержками и рискомъ совершая поѣздки къ восточнымъ балтійскимъ и даже бѣломорскимъ берегамъ, а теперь товаръ этотъ въ огромномъ количествѣ выдѣлывается въ Россіи. Дѣйствительный экономическій смыслъ этимъ отношеніямъ сообщаютъ цѣны хлѣба. Если стопа бумаги, которая стоитъ теперь 13 рублей, въ концѣ XVI в. продавалась по 40 ко-

[1]) *Барберини* въ Сынѣ Отечества 1842 г., № 7, стр. 46. Изъ Торговой Книги мы брали только такія цѣны, которыя ниже цѣнъ Барберини или которыхъ нѣтъ у послѣдняго. При сравненіи мы пользовались думскими вѣдомостями справочныхъ московскихъ цѣнъ 1882 г. Разумѣется, древнерусскій пудъ мы переводили на нынѣшній, уменьшая его цѣны въ $1^1/_6$ раза, такъ какъ онъ былъ въ $1^1/_6$ раза больше нынѣшняго, т.-е. относился къ послѣднему, какъ 7 къ 6.

пѣекъ, а на копѣйку тогда можно было купить хлѣба въ 74 раза больше, чѣмъ теперь,—значитъ, бумага теперь стала въ 2,2 раза дешевле, чѣмъ была въ то время. Эти отношенія мы намѣренно составили изъ низшихъ цѣнъ XVI в. и высшихъ нынѣшнихъ, чтобы получить наибольшихъ знаменателей, какихъ получить можно: разумѣется, дѣля 74 на этихъ знаменателей, мы получимъ наименьшія частныя, показывающія, во сколько разъ подешевѣлъ тотъ или другой привозный товаръ съ конца XVI в. Такъ узнаемъ, что сахаръ сталъ дешевле не менѣе какъ въ 30 разъ, гвоздика не менѣе 49 разъ. Если по отмѣченнымъ въ таблицѣ предметамъ можно судить о тогдашней стоимости вообще всѣхъ колоніальныхъ и мануфактурныхъ товаровъ сравнительно съ ихъ нынѣшними цѣнами, то окажется, что эти товары, большею частью предметы роскоши, съ тѣхъ поръ *подешевѣли въ $5^1/_2$ разъ.*

Туземные предметы по своей сравнительной стоимости гораздо ближе подходили къ хлѣбу, какъ это видно изъ слѣдующей сравнительной таблицы московскихъ цѣнъ 1882 г. и цѣнъ второй половины XVI в., заимствованныхъ изъ записки Барберини 1565 г., изъ статейнаго списка посольства Флетчера 1588-9 г. и частію изъ Торговой Книги.[1])

Курица	65 :	$1^1/_2$ к.=43.
Утка живая	80 :	3=27.
Масло коровье (фунтъ). .	35 :	$^3/_7$=82.
Солонина (фунтъ).	13 :	$^5/_8$=21.

[1]) Для Флетчера со свитой, возвращавшихся изъ Москвы сѣвернымъ путемъ на Вологду и Холмогоры, приставу велѣно было въ дорогѣ покупать припасы „по тамошней цѣнѣ, по прямой по указной цѣнѣ“; въ статейномъ спискѣ помѣщена и роспись этихъ цѣнъ. По сравненію съ цѣнами Барберини и приходо-расходной книги Корниліева монастыря видно, что эти указныя дорожныя цѣны были значительно выше вологодскихъ цѣнъ 1578 г. и близки къ московскимъ. Времен. Общ. Ист. и Др. Р. кн. VIII. Цѣны огурцовъ и капусты также не московскія, а вологодскія, заимствованы изъ приходо-расходной книги Корниліева монастыря.

Яицъ сотня	250 :	5=50.
Кочней капусты сотня . .	500 :	12=42.
Огурцовъ сотня	14 :	$^4/_5$=17.
Масло сѣменное (пудъ) .	650 :	20=32.
Воскъ (пудъ)	2900 :	103=28.
Медъ (пудъ).	2000 :	41=49.
Ленъ (пудъ).	1000 :	70=14.
Сало говяжье п.	640 :	$24^1/_2$=28.
Овчина	250 :	6=42.

Среднiй знаменатель 37. Итакъ *домашняя птица, мясо, продукты пчеловодства и огородничества, какъ и другiе туземные предметы продовольствiя и домашняго хозяйства кромѣ хлѣба съ конца XVI в. подешевѣли ровно вдвое*, если о сравнительной цѣнности всего этого можно судить по указаннымъ въ таблицѣ статьямъ.

Еще ближе къ хлѣбнымъ цѣнамъ сравнительная стоимость скота въ XVI в. Впрочемъ для изученiя этой статьи хозяйства мы имѣемъ очень скудныя данныя, извлеченныя изъ приходо-расходной книги Комельскаго монастыря и Уставной книги Разбойнаго приказа[1]). Найденныя здѣсь цифры мы сопоставляемъ со средними цѣнами на скотъ въ изданiи департамента земледѣлiя и сельской промышленности 1882 г., гдѣ показаны особо цѣны скота осенью и весной. Въ приходо-расходной книгѣ помѣчено, въ какомъ мѣсяцѣ и по какой цѣнѣ продана лошадь или корова. Мы сопоставляемъ весеннiя цѣны департамента съ весенними и лѣтними цѣнами приходо-расходной книги, а осеннiя цѣны перваго съ осен-

---

[1]) Акты Ист. III, стр. 300: здѣсь помѣщена установленная указомъ царя Федора Ивановича такса, по которой удовлетворялись иски о пограбленныхъ разбойниками животахъ. Извѣстiе Курбскаго, что въ лагерь подъ Казанью по взятiи Арскаго города коровъ продавали по 10 ден., а большихъ воловъ по 10 аспръ (бѣлокъ), т. е. по 20 денегъ, разумѣется, не можетъ быть принято въ разсчетъ, какъ исключительный случай. Сказ. кн. *Курбскаго*, изд. 2, стр. 27.

ними и зимними цѣнами второй. При этомъ надобно замѣтить, что въ изданіи департамента выведены среднія цѣны только рабочихъ лошадей, а въ приходо-расходной книгѣ обозначены цѣны и рабочихъ, и болѣе дорогихъ выѣздныхъ: слѣдовательно среднія цѣны лошадей, выведенныя по этой книгѣ, выше среднихъ въ изданіи департамента, а потому и средній знаменатель отношенія, выведенный изъ сравненія тѣхъ и другихъ, выйдетъ скорѣе ниже, чѣмъ выше дѣйствительнаго. Такса Разбойнаго приказа выше цѣнъ приходо-расходной книги и повидимому соображена съ курсомъ болѣе дорогихъ рынковъ: мы сопоставляемъ ее со средними годовыми цѣнами скота по Московской губерніи въ 1882 г. Получаемъ такой рядъ отношеній, въ которыхъ предыдущими членами служатъ цѣны 1882 г. (въ копѣйкахъ), а послѣдующими цѣны XVI в.

Вологда.	Лошадь	весной и лѣтомъ	5000 : 88=57.
		осенью и зимой	4000 : 60=67.
	Корова	весной	3200 : 67=48.
Москва.	Лошадь	осенью	4500 : 138=33.
Указныя цѣны.		Лошадь рабочая	5250 : 150=35.
		Корова	4500 : 100=45.
		Быкъ	4500 : 100=45.
		Овца	400 : 10=40.

Средній знаменатель 46, т. е. *скотъ подешевѣлъ съ конца XVI в. только въ 1,6 раза.*

Наконецъ, всего любопытнѣе было бы опредѣлить сравнительную стоимость труда. Но удовлетворительному рѣшенію этого вопроса кромѣ скудости данныхъ мѣшаетъ еще трудность найти соизмѣримыя величины, т. е. такія древнія и нынѣшнія цѣны, которыя означали бы стоимость одинаковаго труда и при одинаковыхъ условіяхъ. Въ изданіи департамента приведены поденныя цѣны на трудъ сельскихъ рабочихъ во время производства яроваго посѣва, сѣнокоса

и уборки хлѣбовъ. Данныхъ о стоимости такого труда мы не находимъ въ памятникахъ XVI в. Но въ приходо-расходной книгѣ Корниліева монастыря есть довольно много указаній на то, что̀ платилъ монастырь разнымъ наемнымъ мастеровымъ и чернорабочимъ. Всѣ эти цѣны годовыя, а не поденныя. Всѣ рабочіе служили монастырю на его харчахъ; притомъ одни работали въ своей „одежѣ и обуткѣ", другіе получали то и другое отъ монастыря; сообразно съ этимъ измѣнялась и наемная плата деньгами. При такихъ разнообразныхъ условіяхъ сравненіе древнихъ и нынѣшнихъ цѣнъ на трудъ становится очень рискованнымъ. Чтобы получить возможно безопасный выводъ, сдѣлаемъ такой разсчетъ. Цѣны на сельскій трудъ въ 1882 г. вообще были умѣренныя. Мастеровой трудъ цѣнится выше работы простого поденщика; но сельскій рабочій весной и лѣтомъ далеко не самый дешевый поденщикъ. Погодная наемная плата, разумѣется, относительно ниже поденной; положимъ, что она вдвое ниже послѣдней, то-есть считая въ году 300 рабочихъ дней, положимъ, что сельскій поденщикъ въ 150 дней весенней и лѣтней рабочей поры выработаетъ столько же, сколько получилъ бы онъ, нанявшись на цѣлый годъ. Поэтому средній по Вологодской губерніи заработокъ сельскаго пѣшаго рабочаго за 150 дней на хозяйскихъ харчахъ мы сопоставимъ съ годовой платой тѣхъ мастеровъ и рабочихъ Корниліева монастыря въ 1576—1577 г., о которыхъ въ приходо-расходной книгѣ прямо замѣчено, что они получали плату не только „за рубахи и рукавицы и ногавицы и за всю обутку", но и „за шубу и за сермягу, за все платье", то-есть работали во всей своей одеждѣ, тогда какъ другіе, имѣя свои рубахи и обутку, получали шубу и сермягу отъ монастыря и за то пользовались меньшей денежной платой. Такимъ образомъ мы по возможности уравновѣсимъ различныя условія древняго и нынѣшняго найма и вмѣстѣ съ тѣмъ приблизимъ цифры старинныхъ цѣнъ на трудъ къ цифрамъ нынѣшнихъ, иначе говоря, уменьшивъ разстояніе между этими

цифрами, получимъ такія отношенія между тѣми и другими цѣнами, знаменателей которыхъ трудно будетъ заподозрить въ преувеличеніи, что̀ намъ и нужно всего болѣе. Пѣшій рабочій въ Вологодской губерніи получалъ въ 1882 г. среднимъ числомъ по 45 коп. за день работы въ страдную пору на хозяйскихъ харчахъ, что составитъ 67 р. 50 коп. за 150 рабочихъ дней. Комельскій монастырь платилъ сапожному мастеру при его платьѣ 90 к. въ годъ, плотнику 110 к.; слѣдовательно въ 1576—7 г. первый получалъ въ 75, а второй въ 61 разъ меньше сельскаго рабочаго 1882 г. Швецу монастырь платилъ 105 к. въ годъ, а другому мастеровому, ремесло котораго не обозначено, даже только 45 коп.; слѣдовательно первый получалъ въ 64, а второй въ 150 разъ меньше нынѣшняго сельскаго поденщика. Чернорабочіе получали почти столько же, сколько мастера, потому что обязаны были „всякое дѣло дѣлати черное по вся дни“, иногда даже по воскресеньямъ. Средняя плата имъ при своемъ платьѣ была 110 коп., въ 61 разъ меньше заработка нынѣшняго сельскаго работника. Но Герберштейнъ говоритъ, что въ городѣ Москвѣ обычная плата за работу простому поденщику была $1^1/_2$ деньги, въ 94 раза меньше, чѣмъ сколько получалъ чернорабочій поденщикъ въ Москвѣ въ 1882 г. (60—80 коп.). Такія цифры заставляютъ думать, что *трудъ теперь нисколько не дешевле, чѣмъ онъ былъ въ XVI вѣкѣ, напротивъ сталъ повидимому даже нѣсколько дороже.*

Нельзя не замѣтить нѣкоторой послѣдовательности въ выведенномъ при помощи хлѣбныхъ цѣнъ отношеніи древней стоимости разныхъ предметовъ потребленія къ нынѣшней. Предметы привозные, удовлетворявшіе преимущественно потребностямъ роскоши, теперь подешевѣли больше, чѣмъ предметы туземнаго производства, а изъ этихъ послѣднихъ скотъ подешевѣлъ меньше другихъ предметовъ; наконецъ трудъ не подешевѣлъ вовсе, можетъ быть, даже вздорожалъ. Когда мы утверждаемъ, что даже предметы туземные кромѣ хлѣба теперь стали дешевле, чѣмъ были въ XVI в., это значитъ,

что они подешевѣли сравнительно съ хлѣбомъ, т.-е. хлѣбъ вздорожалъ больше остальныхъ предметовъ хозяйства, или, говоря точнѣе, *въ общемъ подъемѣ цѣнъ съ XVI в. до нашего времени стоимость хлѣба поднялась гораздо выше, чѣмъ стоимость другихъ предметовъ потребленія*, такъ что рыночное отношеніе перваго къ послѣднимъ теперь далеко не то, какое существовало триста лѣтъ назадъ. Эту именно перемѣну и хотѣли мы обозначить, когда, соображая общія условія сельскаго хозяйства въ древней и современной Россіи, сказали, что въ суммѣ хозяйственныхъ потребностей хлѣбъ для насъ составляетъ болѣе цѣнную статью, чѣмъ какою былъ онъ для древнерусскаго человѣка: выводъ, основанный на этихъ общихъ условіяхъ, вполнѣ подтверждается результатами, къ какимъ привело изученіе исторіи цѣнъ.

При болѣе подробномъ и внимательномъ изученіи цѣнъ XVI в. можно безъ сомнѣнія точнѣе опредѣлить, насколько измѣнилась сравнительно съ цѣнами хлѣба стоимость другихъ предметовъ потребленія. Мы коснулись этого мимоходомъ только для того, чтобы нагляднѣе показать, что цѣны этихъ предметовъ не могутъ служить повѣркой выведеннаго по хлѣбнымъ цѣнамъ отношенія древняго рубля къ нынѣшнему: напротивъ, хозяйственное значеніе цѣнъ самихъ этихъ предметовъ за извѣстное время становится понятно только при условіи, если напередъ опредѣлено по хлѣбнымъ цѣнамъ отношеніе тогдашняго рубля къ нынѣшнему. Повѣрка выводовъ должна быть основана на разборѣ возможныхъ ошибокъ въ способѣ, какимъ они получены. Главное побужденіе, заставляющее сомнѣваться въ точности этихъ выводовъ, заключается въ томъ, что мы недостаточно знаемъ свойство хлѣбныхъ цѣнъ XVI в., на которыхъ они основаны. Изъ хронографа узнаемъ, что до 1601 г. въ Московской землѣ покупали четверть ржи по $4^1/_2$ и по 5 денегъ, а въ дороговизну по $7^1/_2$ д. Но что значатъ эти низкія цѣны? Изложенные выше выводы построены на томъ предположеніи,

что такія цѣны равномѣрно чередовались на центральныхъ рынкахъ съ болѣе высокими, т.-е. что въ каждое двухлѣтіе круглымъ счетомъ одинъ годъ господствовали низкія цѣны, а другой высокія. Но этому извѣстію можно придавать и другое значеніе: по поводу страшнаго вздорожанія хлѣба хронографъ для усиленія контраста могъ припомнить самыя дешевыя цѣны, какія бывали иногда, хотя и не часто. Недаромъ цѣны, находимыя во всѣхъ другихъ извѣстіяхъ второй половины XVI в., не такія общія, а пріуроченныя къ извѣстной мѣстности, выше цѣнъ хронографа вчетверо, впятеро и больше. Другіе памятники, къ которымъ мы обращаемся для повѣрки своихъ выводовъ, внушаютъ даже мысль, что чѣмъ болѣе наберемъ мы въ уцѣлѣвшихъ источникахъ XVI в. извѣстій о мѣстныхъ цѣнахъ хлѣба, тѣмъ болѣе увеличимъ только списокъ дорогихъ, а не дешевыхъ цѣнъ. Съ этой стороны заслуживаютъ вниманія два памятника, расходная книга Болдина Дорогобужскаго монастыря и вкладная книга Кандалашскаго монастыря Кемскаго уѣзда Архангельской губ. [1]). Въ 1586 г. Болдинъ монастырь заплатилъ своимъ крестьянамъ по 36 денегъ за четверть ржи: это очень дорогая цѣна, въ 7 разъ дороже дешевой цѣны хронографа. Во вкладной книгѣ Кандалашскаго монастыря находимъ рядъ хлѣбныхъ цѣнъ за 1584—1600 г. Нѣкоторыми изъ нихъ нельзя воспользоваться: въ книгѣ, напримѣръ, записано 8 бочекъ съ 1 мѣрой ржи и ячменя цѣной въ 5 рублей, но не обозначено, сколько ржи и сколько ячменя. Чтобы воспользоваться другими цѣнами, надобно предварительно объ-

---

[1]) Истор. Библіотека, изд. Археогр. Комм., т. 2, стр. 311. Вкладная Кандалашскаго монастыря, любопытная во многихъ отношеніяхъ рукопись, принадлежитъ Е. В. Барсову. Запись вкладовъ здѣсь начинается съ 1563 г. и прерывается на 1687 г. Вклады дѣлались деньгами, церковной утварью, платьемъ, хлѣбомъ, рыбой, рыболовными судами и снастями, домашней рухлядью, скотомъ, работой на монастырь и проч.; въ числѣ вкладовъ является даже охотничья собака, оцѣненная въ полтину, что равнялось половинѣ обычной цѣны коровы.

яснить своеобразную метрику поморскаго сѣвера, которой держится книга. Она считаетъ новгородками и деньгами, разумѣя подъ послѣдними московки, но рубль принимаетъ только московскій въ 100 новгородокъ или 200 московокъ. Хлѣбъ измѣряется въ ней *мѣрами и бочками*. Въ 1655 г. положены были въ монастырь двѣ мѣры съ четверикомъ ржи за $22^{1}/_{2}$ алтына: очевидно, мѣра оцѣнена была въ 10 алтынъ, а четверикъ въ $2^{1}/_{2}$, т.-е. въ мѣрѣ считалось 4 четверика: слѣдовательно мѣра была половина сѣверной, т.-е. новгородской черверти. Въ 1594 г. положены были въ монастырь 4 бочки ржи за 3 р. 12 алт., по 7 алтынъ мѣра, т.-е. въ бочкѣ считалось 4 мѣры: это малая бочка, равнявшаяся новгородской коробьѣ. По цѣнѣ монастырскихъ вкладовъ мѣра ржи стоила въ 1584 г. 30 денегъ, въ 1585 г. 30 д., въ 1593 г. 50 и 150 д., въ 1594 г. 42 и 50 д., въ 1599 г. 40 д., въ 1600 г. 26 д. Переложивъ сѣверныя мѣры на тогдашнія московскія четверти, считая 6 московскихъ четвериковъ въ мѣрѣ, найдемъ, что московская четверть ржи по оцѣнкѣ Кандалашскаго монастыря стоила въ 1584 г. 40 д., въ 1585 г. 40 д., въ 1593 г. $66^{2}/_{3}$ и 200 д., въ 1594 г. 56 и $66^{2}/_{3}$ д., въ 1599 г. $53^{1}/_{3}$ д., въ 1600 г. $34^{2}/_{3}$ д. Если даже откинемъ непомѣрно высокую, близкую къ голодной цѣну 200 д., то получимъ изъ остальныхъ среднюю 51 д. за московскую четверть. Сопоставивъ эту среднюю и смоленскую цѣну 1586 г. со средними по Архангельской и Смоленской губерніи 1882 г. (1150 и 790 к.), получимъ отношенія, знаменателя которыхъ даже немного ниже того, какой выведенъ выше по дорогимъ цѣнамъ второй половины XVI в. (именно получимъ 23 и 22). Правда, цѣны обѣихъ монастырскихъ книгъ нельзя считать нормальными. Обѣ книги принадлежатъ двумъ далеко не самымъ хлѣбороднымъ окраинамъ тогдашняго Московскаго государства. Цѣны, по которымъ Болдинъ монастырь покупалъ въ 1585—6 г. не только хлѣбъ, но и другіе товары какъ въ Москвѣ, такъ и на мѣстѣ, значительно выше обычныхъ московскихъ цѣнъ того

времени: значитъ, болдинская книга отмѣтила цѣны и дорогаго края, и дорогого времени. О бѣломорскомъ побережьи нечего и говорить: тамъ на окраинѣ земледѣльческой полосы, всегда господствовала сравнительная дороговизна. Вообще подозрѣніе, что выведенное выше отношеніе рубля второй половины XVI в. къ нынѣшнему, какъ 74 къ 1, преувеличено, значительно ослабляется географіей дорогихъ хлѣбныхъ цѣнъ XVI в. Если мѣстныя цѣны, дошедшія отъ этого вѣка, какъ нарочно почти всѣ много выше дешевыхъ общихъ, отмѣченныхъ Герберштейномъ, Флетчеромъ и хронографомъ, то при этомъ не слѣдуетъ забывать, что эти мѣстныя цѣны какъ нарочно идутъ изъ такихъ малохлѣбныхъ или окрайныхъ областей, какъ Смоленская, Псковская, Новгородская, Бѣлозерская, Вологодская, Архангельская, и не дошло ни одного достаточно полнаго и яснаго извѣстія изъ мѣстностей болѣе центральныхъ или хлѣбныхъ, тянувшихъ къ Твери, Владиміру, Нижнему, Рязани, Тулѣ, а дешевыя цены у иностранцевъ и въ хронографѣ прежде всего и могли быть взяты съ этихъ центральныхъ и обильныхъ хлѣбомъ рынковъ. Не смотря на все это, для провѣрки своихъ выводовъ предположимъ въ этихъ цѣнахъ не обычный, нормальный уровень, а только счастливыя явленія, такіе же отдѣльные, одиночные случаи, какими были дорогія цѣны, и въ такомъ значеніи поставимъ ихъ въ одинъ рядъ съ послѣдними; при этомъ мы будемъ выводить среднія изъ дорогихъ и дешевыхъ, когда тѣ и другія относятся къ одной и той же мѣстности, а изъ такихъ же параллельныхъ дорогихъ будемъ брать низшія, которыя можно принять за среднія между дешевыми и самыми дорогими [1]). Изъ этихъ умѣренно-дорогихъ мѣстныхъ цѣнъ и изъ среднихъ общихъ составимъ

---

[1]) Дешевая цѣна ржи въ Московскомъ краю у Герберштейна 3 деньги четверть, дорогая 20 и 30: возьмемъ среднюю 14. Для Московіи вообще дешевыя цѣны у него 4, 5 и 6 ден.: беремъ среднюю 5. Для Московіи второй половины вѣка въ хронографѣ дешевыя цѣны $4^1/2$ и 5 д. четверть, дорогая $7^1/2$; средняя 6.

отношенія, сопоставляя первыя съ мѣстными средними цѣнами 1882 г., а вторыя съ общими средними, выведенными изъ мѣстныхъ по центральнымъ губерніямъ Великороссіи, какъ уже дѣлали выше. Средніе знаменатели этихъ отношеній, составленныхъ съ очевидной натяжкой данныхъ въ сторону ихъ пониженія, выйдутъ, разумѣется, ниже выведенныхъ нами за обѣ половины вѣка цифръ 83 и 74; ихъ можно будетъ принять за крайніе низшіе предѣлы отношенія рубля первой и второй половины XVI вѣка къ нынѣшнему. Цѣны первой половины явятся въ такихъ отношеніяхъ:

Великороссія. . . .	Рожь	785 : 5	=	157.
Москва	Рожь	840 : 14	=	60.
Новгородъ	Рожь	900 : 13⅓	=	67.
	Ячмень	635 : 4⅔	=	136.
Бѣлоозеро	Рожь	900 : 14	=	64.
Псковъ	Рожь	725 : 33⅓	=	22.
	Овесъ	380 : 13⅓	=	28.
Шунга	Рожь	1350 : 26⅔	=	51.
		Средній знаменатель		73.

Легко замѣтить, что это пониженіе знаменателя произошло отъ псковскихъ цѣнъ, которыя очевидно много выше умѣренно-дорогихъ: если бы ихъ не было, средній знаменатель вышелъ бы не только не ниже, но даже выше 83, именно 89.

Выше мы замѣтили, что 20 и 21 деньга за московскую четверть были хотя не дешевой, но довольно умѣренной цѣной ржи для Вологодскаго и Псковскаго края во второй половинѣ XVI вѣка; такими же цѣнами можно признать 30—35 ден. для Бѣломорья; для Москвы мы принимаемъ по показанію Маржерета 22 д. Соображая съ этими умѣренно-дорогими мѣстными цѣнами ржи выборъ цѣнъ другихъ хлѣбовъ, составимъ такой рядъ отношеній за вторую половину XVI вѣка:

Великороссія. . . .	Рожь	785	:	6	=	131.
	Пшен.	1057	:	12	=	88.
Москва	Рожь	840	:	22	=	38.
Переяславль	Овесъ	330	:	6	=	55.
Псковъ	Рожь	725	:	21	=	35.
Вологда.	Рожь	900	:	20	=	45.
	Пшен.	1240	:	24	=	52.
Архангельскъ.	Рожь и овесъ	1750	:	49	=	36.

Средній знаменатель 60.

Псковская цѣна опять оказалась сравнительно выше другихъ: безъ нея средній знаменатель поднялся бы до 64. Это объясняется прежде всего тѣмъ, что псковскія цѣны взяты изъ лѣтописи, которая обыкновенно отмѣчала только особенно высокія цѣны, поднимавшіяся выше умѣренно-дорогихъ. Итакъ первая повѣрка приводитъ къ тому, что знаменатель 83, выведенный для рубля первой половины XVI в., повидимому нисколько не преувеличенъ, а знаменатель рубля второй половины 74 можетъ быть пониженъ до 64 или до 60.

Возможенъ и другой способъ повѣрки. Опредѣляя отношеніе дешевыхъ и высшихъ дорогихъ цѣнъ XVI в. къ нынѣшнимъ, мы сопоставляли тѣ и другія со средними цѣнами 1882 г. Но, можетъ быть, это неправильно: можетъ быть, лучше было бы сопоставлять древнія дешевыя и дорогія цѣны раздѣльно съ дешевыми и дорогими новѣйшими, составляющими низшіе и высшіе предѣлы колебаній, изъ которыхъ выведены среднія въ изданіи департамента. Правда, и здѣсь мы сдѣлаемъ явную натяжку съ намѣреніемъ понизить знаменателя отношенія древняго рубля къ нынѣшнему. Колебанія цѣнъ въ предѣлахъ одного урожайнаго года, происходящія отъ качества хлѣба, отъ условій мѣста и времени года, далеко не тоже, что колебанія на протяженіи многихъ лѣтъ, зависящія отъ измѣнчивости урожая: послѣднія, разу-

мѣется, несравненно сильнѣе первыхъ; самая дорогая изъ цѣнъ урожайнаго года еще не составляетъ дороговизны. Значитъ, сопоставляя наиболѣе дорогія цѣны XVI в. съ высшими 1882 г., мы собственно будемъ сравнивать высшія изъ дорогихъ древнихъ цѣнъ съ высшими изъ дешевыхъ новѣйшихъ: полученные знаменатели отношеній выйдутъ много ниже тѣхъ, какіе получились бы при сравненіи соизмѣримыхъ цѣнъ. Для ослабленія этой натяжки мы только выбросимъ изъ числа дорогихъ цѣнъ тѣ, которыя названы въ источникахъ голодными или приближались къ нимъ. Помѣщенная выше (стр. 29) схематическая таблица дешевыхъ цѣнъ XVI в. преобразится въ слѣдующую, въ которой предыдущими членами отношеній будутъ среднія изъ низшихъ цѣнъ по центральнымъ губерніямъ Великороссіи 1882 г.

Рожь	613 :	5	=	123.
Овесъ	225 :	$2^1/_2$	=	90.
Ячмень	364 :	4	=	91.
Пшен.	875 :	12	=	73.

Средній знаменатель 94.

Сопоставивъ высшія изъ дорогихъ цѣнъ XVI в. съ высшими 1882 г., получимъ два такихъ ряда отношеній, изъ коихъ первый относится къ первой половинѣ XVI в., а второй ко второй половинѣ.

Псковъ	Рожь	920 : 40 = 23	920 : 21 =44.
	Овесъ	450 : $13^1/_3$= 34	450 : 16 =28.
	Ячмень	750 : $26^2/_3$= 28	750 : $26^2/_3$=28.
	Пшен.	— — —	1440 : 44 =33.
Вологда	Рожь	1050 : 14 = 75	1050 : 25 =42.
	Овесъ	— — —	420 : $13^1/_3$=31.
	Пшен.	— — —	1500 : 40 =37.
Новгородъ . .	Рожь	1350 : $13^1/_3$=101	— — —

Бѣлоозеро . .	Рожь	1350 : 14	= 96	—	—	—
Шунга	Рожь	2000 : 26$^2/_3$	= 75	—	—	—
Арханг.	Рожь и овесъ	—	—	—	2050 : 49	=42.
Кандалакша .	Рожь	—	—	—	1450 : 51	=28.
Дорогобужъ. .	Рожь	—	—	—	900 : 36	=25.
Москва	Рожь	—	—	—	1000 : 22	=45.
	Средніе знаменатели		62.			35.

Соединяя средняго знаменателя первой таблицы съ тѣмъ и другимъ среднимъ знаменателемъ второй, найдемъ, что рубль первой половины XVI в. относится къ нынѣшнему, какъ 78 къ 1, а рубль второй половины какъ 64 къ 1. Значитъ, вторая повѣрка еще болѣе первой сблизила крайніе низшіе предѣлы этого отношенія съ выведенными прежде цифрами 83 и 74. Обѣ изложенныя повѣрки позволяютъ свести изслѣдованіе о рублѣ XVI в. по хлѣбнымъ цѣнамъ къ тому окончательному заключенію, что *въ первую половину вѣка онъ равнялся 73—83 нынѣшнимъ, а во вторую 60—74 нынѣшнимъ.*

Одна черта хозяйственнаго быта древней Руси побуждаетъ къ возможному пониженію цифры, указывающей, во сколько разъ древній русскій рубль стоилъ дороже нынѣшняго. Предметъ потребленія, по своему значенію въ хозяйственномъ обиходѣ больше другихъ приближающійся къ хлѣбу, какъ одна изъ насущныхъ потребностей, соль была чрезвычайно дорога въ древней Руси, что зависѣло отъ условій ея добыванія въ тѣ вѣка и отъ тяжелой пошлины, на ней тяготѣвшей. По кормовой книгѣ Кириллова Бѣлозерскаго монастыря [1]) и по приходо-расходной книгѣ Корниліева Комельскаго монастыря соль въ Бѣлозерскомъ краю въ 1570-хъ годахъ стоила 8 и 10 ден. пудъ, въ Вологодскомъ 18 и 20 ден., а изъ статейнаго списка посольства Флетчера узна-

---

[1]) Записки отд. русск. и слав. арх. Имп. Арх. Общ. I, отд. III, стр. 83 и 84.

емъ, что въ 1580-хъ годахъ ее продавали въ Москвѣ по 20 и по 34 деньги, въ Казани по 18 ден. пудъ. Если изъ такихъ данныхъ позволительно выводить среднюю цѣну, то такою средней даже безъ слишкомъ высокой московской цѣны 34 д. выйдетъ 16 ден. или 8 коп. за тогдашній или почти 7 коп. за нынѣшній пудъ. Такъ какъ даже при крайнемъ низшемъ предѣлѣ отношенія рубля того времени къ нынѣшнему, какъ 60 къ 1, эти 7 коп. (безъ $^{2}/_{7}$) равняются 403 нынѣшнимъ, то при нынѣшней средней цѣнѣ соли 40 коп. за пудъ этотъ предметъ во второй половинѣ XVI в. былъ дороже нынѣшняго по крайней мѣрѣ въ 10 разъ.

V.

Для изученія хлѣбныхъ цѣнъ XVII в. мы располагаемъ болѣе обильнымъ запасомъ данныхъ и притомъ болѣе удобныхъ для изученія. Они даютъ возможность чаще пользоваться средними цѣнами, чѣмъ это можно было при изученіи данныхъ XVI в. Когда одно извѣстіе говоритъ о дорогой цѣнѣ ржи въ Поонежьѣ 1549 г., а другое отмѣчаетъ еще болѣе дорогую дорогобужскую цѣну 37 лѣтъ спустя, то выводить среднюю изъ такихъ данныхъ значило бы играть средними. Въ XVI в. по нѣкоторымъ мѣстностямъ можно собрать погодныя извѣстія о цѣнахъ за нѣсколько лѣтъ, прослѣдить ихъ колебанія и вывести изъ нихъ такія среднія, которыя даютъ болѣе точное понятіе объ уровнѣ цѣнъ, чѣмъ одиночныя, случайныя данныя, какія находимъ въ извѣстіяхъ XVI в.

Смутное время, начавшееся голодомъ 1601—3 г., продолжавшееся самозванщиной и кончившееся великой „разрухой" государства, произвело крутой переломъ въ курсѣ хлѣбныхъ цѣнъ: въ это время онѣ стали на уровнѣ, до котораго рѣдко поднимались прежде, и потомъ остались на немъ надолго. Народонаселеніе центральныхъ областей страшно порѣдѣло отъ внѣшнихъ войнъ и внутреннихъ усобицъ,

а еще больше, можетъ быть, отъ побѣговъ на болѣе безопасныя сѣверныя и восточныя окраины. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи бѣдствія Смутнаго времени только послужили новымъ толчкомъ, поддержавшимъ и усилившимъ отливъ населенія изъ центра къ окраинамъ, начавшійся во второй половинѣ XVI в. Среди уцѣлѣвшаго сельскаго населенія замѣтно въ первое царствованіе новой династіи чрезвычайное развитіе бобыльства, маломочнаго безземельнаго или малоземельнаго крестьянства, которое, потерявъ земледѣльческій инвентарь вслѣдствіе разореній, принуждено было совсѣмъ бросить пашню или брать ничтожные участки. Все это уменьшило число и силу производителей, поставлявшихъ хлѣбъ на центральные рынки.

Подъемъ цѣнъ начался въ 1601 г., съ первыми признаками трехлѣтняго неурожая, и дошелъ въ Москвѣ съ 20 ден. до 3 рублей за четверть ржи. Но и по минованіи этого голода цѣна хлѣба при содѣйствіи политическихъ бѣдствій иногда поднималась до 7 и даже до 9 *тогдашнихъ* рублей за четверть ржи, какъ было при царѣ Василіи Шуйскомъ: это въ 360 разъ дороже дешевой цѣны, по которой продавали рожь до Смутнаго времени, по свидѣтельству хронографа. Такія бѣдственныя цѣны, разумѣется, не могутъ быть приняты въ разсчетъ при изученіи нормальныхъ цѣнъ. Но и тѣ цѣны Смутнаго времени 1601—1612 г., которыя можно назвать нормальными, большею частію выше самыхъ высокихъ цѣнъ XVI в., намъ извѣстныхъ. Вообще онѣ держатся около 100 денегъ за московскую четверть ржи и часто поднимаются выше. Изъ одного акта узнаемъ, что въ 1601 г., при самомъ началѣ голоднаго трехлѣтія, прасолы въ Сольвычегодскѣ, скупивъ хлѣбъ, продавали рожь по 200 денегъ за четверть, овесъ по 120, ячмень по 160 ден. Московское правительство, чтобы помѣшать спекуляціи, установило указныя цѣны, предписавъ продавать рожь по 100 ден. четверть, овесъ по 50, ячмень по 80 денегъ, т. е. понизило цѣны вдвое: эту пониженную таксу и можно счи-

тать нормальнымъ уровнемъ хлѣбныхъ цѣнъ на сѣверѣ тогдашней Великороссіи. Дешевыя цѣны, какія бывали тамъ въ Смутное время, узнаемъ изъ акта продажи съ публичнаго торга имущества, оставшагося послѣ убитаго въ Новгородѣ народомъ за измѣну М. Татищева въ 1608 г. Приказные, руководившіе аукціономъ, разумѣется, цѣнили вещи невысоко и продавали нѣкоторыя изъ нихъ съ наддачей. Рожь они оцѣнили по 60 ден. за четверть „въ таможенную мѣру", т. е. по 40 д. за московскую четверть, овесъ по 30 ден. за новгородскую или по 20 ден. за московскую четверть. Ту же цѣну ржи встрѣчаемъ въ кормовой книгѣ Кириллова Бѣлозерскаго монастыря, въ которой записано, что въ началѣ XVII в. въ монастырѣ на поминъ души была принята рожь по 40 ден. за четверть. Эти извѣстія нѣсколько объясняются вкладной книгой Кандалашскаго монастыря, которой мы уже выше пользовались. Здѣсь отмѣчены цѣны ржи почти за каждый годъ съ 1604 по 1611: и здѣсь 1608 годъ самый дешевый, когда рожь стоила тѣ же 40 ден. за московскую четверть, какъ цѣнили ее приказные на новгородскомъ аукціонѣ.[1]) При такой цѣнѣ на крайнемъ сѣверѣ хлѣбъ могъ продаваться и дешевле во многихъ центральныхъ мѣстахъ, хотя политическія смуты отзывались на нихъ больнѣе, чѣмъ на дальнемъ сѣверѣ. Съ другой стороны, псковская лѣтопись указываетъ и высшую изъ нормальныхъ, неголодныхъ цѣнъ Смутнаго времени: говоря, что въ 1612 г. рожь продавали во Псковѣ по 180 денегъ (псковскихъ)

---

[1]) Выписываемъ цѣны ржи изъ этой книги съ переводомъ сѣверныхъ *мѣръ* на московскія четверти:

1604 г.	106 и 75 ден.
1605 „	61.
1607 „	66.
1608 „	40.
1610 „	88.
1611 „	48.

Средняя цѣна ржи за эти годы 69 ден.

мѣстную четверть, т. е. по 240 московокъ за четверть казенную московскую, она считаетъ такую цѣну дороговизной.

Сопоставляя встрѣченныя въ извѣстіяхъ Смутнаго времени нормальныя цѣны 1601—1612 г., низкія и высокія, со средними цѣнами 1882 г., получимъ такой рядъ отношеній.[1])

Сольвычегодскъ 1601 г.	Рожь	900 : 100 = 9.
	Овесъ	355 : 50 = 7.
	Ячмень	700 : 80 = 9.
Холмогоры 1602 г.	Рожь	1150 : 120 = 10.
	Овесъ	600 : 52 = 12.
	Ячмень	960 : 78 = 12.
„ 1609 г.	Рожь	1150 : 48 = 24.
Кандалашка 1604—11 г.	Рожь	1150 : 69 = 17.
Козельскъ 1603—4 г.	Рожь	800 : 100 = 8.
Арзамасъ 1603—4 г.	Рожь	760 : 190 = 4.
Новгородъ 1608 г.	Рожь	900 : 40 = 22.
	Овесъ	390 : 20 = 19.
	Пшеница	1200 : 100 = 12.
Вологда 1611 г.	Рожь	900 : 80 = 11.
	Овесъ	355 : 50 = 7.
Псковъ 1612 г.	Рожь	725 : 240 = 3.
	Среднiй знаменатель	12.

Итакъ *въ Смутное время рубль по цѣнамъ хлѣба равнялся 12 нынѣшнимъ*, т. е. хлѣбъ въ началѣ XVII в. сталъ въ *пять разъ* дороже, чѣмъ былъ во второй половинѣ XVI в. Если эти выводы заслуживаютъ какого-нибудь довѣрія, то они довольно выразительно обозначаютъ силу народно-

[1]) Сборн. кн. *Хилкова*, № 62. *Крестинина*, Опытъ о сельск. домостроительствѣ, стр. 42—44. Акты, относ. до юр. быта др. Россіи, II, стр. 277. Ист. Библ. II, стр. 82. Времен. Общ. Ист. и Др. Росс. VIII, смѣсь, 20. Акты Юр. № 216, XII. П. Собр. Р. Лѣт. IV, 330. Корм. книга Кирил. монастыря въ Запискахъ отд. русск. и слав. археол. Имп. Арх. Общ. I, отд. III, стр. 57.

хозяйственнаго потрясенія, испытаннаго Московской землей въ Смутное время.

Можетъ быть, отношеніе рубля Смутнаго времени, къ нынѣшнему, какъ 12 къ 1, вышло нѣсколько ниже надлежащаго вслѣдствіе того, что въ случайныхъ извѣстіяхъ, изъ которыхъ оно выведено, преобладаютъ болѣе высокія цѣны хлѣба сравнительно съ тѣми, какія господствовали на рынкахъ того времени. Если хлѣбъ въ началѣ XVII в. вздорожалъ впятеро противъ прежняго, то не замѣтно столь же значительнаго возвышенія цѣнъ на другіе предметы: въ Дорогобужскомъ уѣздѣ въ 1603—4 г. медъ и другіе товары продавались немного дороже, чѣмъ 17 лѣтъ назадъ, скотъ не дороже, чѣмъ въ Вологодскомъ уѣздѣ въ 1577 г., и дешевле указной таксы Разбойнаго приказа, установленной при царѣ Ѳедорѣ.[1]) Можно думать однако, что если знаменателя отношенія 12 и слѣдуетъ поднять, то немного, на единицу и едвали больше: по крайней мѣрѣ изъ полевыхъ растеній, не принятыхъ въ разсчетъ при его выведеніи, пенька въ Дорогобужскомъ краю 1603—4 г. стоила 20 и 26 денегъ, въ 20 разъ дешевле средней цѣны ея въ Смоленской губерніи 1882 г., а $1^1/_2$ пуда льну и $^1/_2$ п. конопли, данные Кандалашскому монастырю за 1 рубль 32 коп. въ 1607 г., по цѣнамъ Олонецкой губерніи 1882 г. стоили около 12 р., только въ 10 разъ дороже, а цѣны льна и пеньки въ Архангельской губерніи (не обозначенныя въ изданіи департамента) ниже олонецкихъ, судя по цѣнамъ другихъ произведеній земледѣлія.

Извѣстія за время царствованія Михаила также даютъ возможность уловить высшія и низшія цѣны, въ предѣлахъ которыхъ совершались колебанія на хлѣбномъ рынкѣ. Пользуясь или вынуждаемая этими колебаніями, казна позволяла себѣ своего рода игру на курсѣ хлѣба, взимала хлѣбные налоги, напримѣръ *посопный хлѣбъ*, *стрѣлецкій хлѣбъ*,

[1]) Акты, отн. до юр. быта, II, 264. Ср. Торговую Книгу и выписки изъ таможенныхъ вѣдомостей у Карамзина X, прим. 426.

иногда натурой, а въ иныхъ случаяхъ деньгами, смотря по тому, какъ ей было прибыльнѣе, точно также производила и свои платежи служилымъ людямъ. Въ 1617 г. хлѣбъ въ Новгородѣ былъ очень дорогъ: рожь продавали по 266 ден. за московскую четверть (по 2 рубля за новгородскую), овесъ по 146 ден., ячмень по 200 ден. Въ это же время въ заонежскихъ погостахъ Новгородскаго уѣзда цѣны на хлѣбъ стояли втрое ниже, именно рожь стоила 80 ден. четверть, овесъ 40 ден., ячмень 66 д. Казна нашла болѣе выгоднымъ произвести на тотъ годъ сборы съ Заонежья (нынѣ Олонецкой губ.) натурой и дала соотвѣтственное тому предписаніе новгородской администраціи.[1]) Поэтому, когда казна замѣняла хлѣбные сборы денежными, отсюда довольно вѣрно можно заключать, что цѣны, по которымъ натуральные платежи казнѣ перекладывались на деньги, были довольно высоки, напротивъ, цѣны, по которымъ она переводила свои хлѣбныя дачи служилымъ людямъ на деньги, можно считать довольно дешевыми. Если 80 д. за четверть ржи были умѣренной или дешевой цѣной для Заонежья въ 1617 г., такими же цѣнами для Москвы были въ 1620-хъ годахъ 50 д. за четверть ржи и 40 д. за четверть овса или 90 ден. за юфть хлѣба, какъ платила казна жалованье справщикамъ и мастерамъ московскаго Печатнаго двора (типографіи). По приходо-расходнымъ книгамъ этого двора[2]) за 1620—1629 гг. видно, что это были цѣны очень умѣренныя, потому что самъ Печатный дворъ для переплета книгъ покупалъ тогда въ московскихъ лавкахъ ржаную муку отъ 96 до 256 ден. четверть, а пшеничную отъ 128 до 240 ден. Печатный дворъ покупалъ мелкими мѣрами, четвериками, переплачивая, разумѣется, лишнее противъ покупной цѣны цѣлой четверти; притомъ это была мука сѣяная высокихъ сортовъ. Поэтому можно думать, что средняя цѣна ржаной муки по приходо-расход-

---

[1]) Истор. Библіотека, изд. Археогр. Комм., II, 346.

[2]) Въ книгохранилищѣ московской синодальной типографіи, №№ 1—7.

нымъ книгамъ Печатнаго двора 157 ден. за четверть соотвѣтствовала средней цѣнѣ 112 ден., какую находимъ въ „Книгѣ о хлѣбномъ и калачномъ вѣсу“ за 1631 г.[1]) При такихъ московскихъ цѣнахъ можетъ показаться невѣроятно дешевой цѣна, по какой казна принимала деньги за посопный хлѣбъ съ Ровдогорской волости близъ Холмогоръ въ 1626 году: въ этомъ малохлѣбномъ краю ей платили за казенную четверть ржи по 50 и по 54 ден. въ то время, когда въ Москвѣ она сама находила выгоднымъ платить взамѣнъ хлѣбнаго жалованья по 50 ден. за четверть ржи. Вкладная Кандалашскаго монастыря и здѣсь даетъ объяснительную справку. Въ ней отмѣчены вкладныя цѣны ржи съ 1613 по 1629 г. Цѣны эти съ 40 ден. за московскую четверть поднимались до 106 денегъ; средняя цѣна за эти годы 78 ден., на 9 ден. выше средней за Смутное время. Въ 1626 г. отмѣчена цѣна ржи по 106 ден. за четверть; но уже въ слѣдующемъ году даже въ томъ безхлѣбномъ краю она падала до 40 ден., заставляя предполагать какъ въ Москвѣ, такъ и въ Холмогорахъ цѣны еще ниже, оставшіяся неотмѣченными въ извѣстныхъ намъ источникахъ. Этими мѣстными колебаніями объясняется, какимъ образомъ казенная пріемная, т. е. довольно высокая цѣна хлѣба въ Холмогорскомъ округѣ 1626 г. могла стоять на одной высотѣ съ казенной отдаточной, т. е. довольно дешевой цѣной въ Москвѣ того же года. Соображая все это, надобно признать новгородскія цѣны 1617 г. исключительными, почти голодными, и вывести изъ разсчета. Другія соображенія заставляютъ считать такими же исключительными сибирскія цѣны хлѣба. Въ то время тамъ едва заводилось хлѣбопашество вокругъ немногихъ новопостроенныхъ русскихъ городовъ и большая часть хлѣба для продовольствія поселенцевъ доставлялась изъ Европейской Россіи. Въ 1622 г. четверть пшеницы цѣнилась въ Тюмени 264 деньги, а четверть ячменя 132 д., вдвое и

[1]) Временникъ Общ. Ист. и Др. Рос. IV, 58.

втрое дороже стоимости этихъ хлѣбовъ въ Холмогорскомъ округѣ 1632—1634 г., а въ 1882 г. хлѣбныя цѣны по Тобольской губерніи были болѣе чѣмъ втрое ниже цѣнъ по Архангельской.[1]) Согласно съ однимъ изъ высказанныхъ выше правилъ, принятыхъ въ руководство при настоящемъ изслѣдованіи, мѣстности со столь измѣнившимися хлѣбными рынками не могутъ быть вводимы въ разсчетъ. Не смотря на эти исключенія, оцѣнка тогдашняго рубля сравнительно съ нынѣшнимъ по свойству ея основаній навѣрное выйдетъ ниже надлежащей. Этими основаніями служатъ данныя центральнаго московскаго и сѣверныхъ рынковъ, а на этихъ рынкахъ господствовали дорогія цѣны; говоря точнѣе, хлѣбныя цѣны тогда стояли на нихъ гораздо выше сравнительно съ другими центральными и особенно юговосточными рынками, чѣмъ стоятъ теперь: напримѣръ, цѣны московскія или новгородскія въ XVII в. были вдвое или втрое дороже казанскихъ, а нынѣ только раза въ $1^1/_2$ и даже меньше; эта любопытная экономическая разница замѣтна въ исторіи хлѣбныхъ цѣнъ до половины XVIII в. Правда, за время царя Михаила извѣстны хлѣбныя цѣны еще двухъ центральныхъ рынковъ сверхъ московскаго, но и тѣ какъ нарочно казенныя пріемныя, т.-е. выше нормальныхъ. Въ 1624 г. позволено было съ тяглыхъ людей Каширскаго уѣзда взять за стрѣлецкій хлѣбъ, если они пожелаютъ, деньгами, по 140 ден. за четверть ржи и четверть овса (юфть): это въ $1^1/_2$ раза дороже того, что тогда сама казна платила въ Москвѣ за юфть хлѣба. Въ 1633 г. съ вотчины суздальскаго собора взято за тотъ же стрѣлецкій хлѣбъ 160 ден. за юфть.[2]) Казна въ такихъ случаяхъ назначала высшія цѣны, какія можно было назначить; для возстановленія равновѣсія отношеній и мы въ правѣ сопоставить эти цѣны не со средними, а съ вы-

---

[1]) Истор. Библіотека, изд. Археогр. Комм., VIII, 648. *Крестинина* указ. сочиненіе, стр. 42.

[2]) А. Ист. III, 207. А. Юр. 234, XVII. Здѣсь разумѣется торговая московская четверть.

этими же цѣнами 1882 г. На основаніи изложенныхъ замѣчаній изъ хлѣбныхъ цѣнъ Михаилова времени можно составить такой рядъ отношеній. [1])

Москва 1620—31 г. Рожь	840	50	17.
Овесъ	350	40	9.
Мука ржаная	1200	112	11.
„ пшеничнаа	2100	150	14.
Ржан. печен. хлѣб. фунтъ	3	$^1/_6$	18.
Холмогоры 1626—36 г. Рожь . . .	1150	80	14.
Ячмень . .	960	68	14.
Кандалакша 1613—29 г. Рожь . .	1150	78	15.
Заонежье 1617 г. Рожь	1350	80	17.
Овесъ	635	40	16.
Кашира 1624 г. Рожь и овесъ . .	1200	140	9.
Суздаль 1633 г. „ „ „ . .	1595	160	10.
Средній знаменатель			14.

Кромѣ географіи цѣнъ еще одно обстоятельство можно считать вѣроятной причиной того, что этотъ знаменатель вышелъ ниже надлежащаго. Въ своихъ источникахъ мы не нашли хлѣбныхъ цѣнъ за послѣднія 9 лѣтъ царствованія Михаила (1638—1645), а онѣ въ это время, кажется, шли внизъ, такъ что, введя ихъ въ разсчетъ, мы получили бы средняго знаменателя нѣсколько выше 14. Значеніе обоихъ этихъ условій наглядно объяснится таблицей хлѣбныхъ цѣнъ за вторую половину XVII в.

Изученіе этихъ цѣнъ встрѣчаетъ одно метрическое затрудненіе. Въ это время вошла въ употребленіе новая хлѣбная мѣра вдвое больше прежней; но неизвѣстно точно, когда именно была она введена на рынкахъ, и притомъ рядомъ съ новой мѣрой по мѣстамъ употреблялась и старая, такъ что изслѣдователь часто можетъ недоумѣвать, къ которой

[1]) См. предыдущія примѣчанія.

изъ нихъ относится извѣстная хлѣбная цѣна. Можно только съ нѣкоторой вѣроятностью объяснить, почему такъ незамѣтно повидимому произошла на рынкѣ столь важная метрическая перемѣна. Новая четверть въ 8 тогдашнихъ пудовъ ржи не была совершенной новостью въ системѣ мѣръ сыпучихъ веществъ. Уже въ первой половинѣ вѣка существовали двѣ казенныя четверти: одна была торговая, которою и казна выдавала хлѣбное жалованье служилымъ людямъ и которая потому называлась *отдаточной*; но въ свои магазины казна принимала хлѣбъ, вѣроятно для упрощенія счета, четвертью вдвое большей, которая потому носила названіе *пріимочной*. [1]) Эта двойная четверть постепенно и вошла въ употребленіе на рынкѣ. Выше мы привели извѣстія объ этой четверти. Въ хлѣбныхъ цѣнахъ второй половины XVII в. также можно найти нѣкоторыя указанія на время, когда произошла эта перемѣна: по нимъ можно догадываться, что новая четверть была принята на хлѣбномъ рынкѣ уже съ первыхъ лѣтъ второй половины вѣка, если не раньше. Рижскій купецъ де-Родесъ, отмѣчая въ своей запискѣ 1653 г. хлѣбныя цѣны, господствовавшія въ разныхъ областяхъ Московіи, говоритъ, что въ центральной Московской области четверть хлѣба (ржи) стоитъ 1 рубль. Это очевидно, цѣна новой двойной четверти: если бы де-Родесъ разумѣлъ старую, мы имѣли бы въ его сообщеній цѣну хлѣба, небывалую въ Москвѣ даже въ голодные годы второй половины вѣка, хотя Родесъ передаетъ обычныя, нормальныя цѣны: даже спустя слишкомъ сто лѣтъ новая двойная четверть ржи стоила въ Москвѣ только 130 коп., на 70 коп. дешевле цѣны Родеса. Можно догадываться, что уже въ 1651 г. новая мѣра была принята на московскомъ хлѣбномъ рынкѣ. Въ извѣстной расходной книгѣ митроп. Никона записаны расходы его съ декабря 1651 по августъ 1652 г. во время поѣздки его изъ Новгорода въ Москву, пребыванія его въ столицѣ и путешествія

---

[1]) Истор. Библіотека, II, 347.

въ Соловецкій монастырь за мощами св. митрополита Филиппа и обратно. [1]) Въ этомъ любопытномъ памятникѣ находимъ такія московскія цѣны хлѣба, которыя могли относиться только къ новой двойной четверти: овесъ покупали по 30 коп. четверть, пшеницу по 128 коп., горохъ по 80, 96 и 120 коп. Желябужскій, перечисляя московскія цѣны хлѣба въ 1698 г., когда былъ „недородъ великъ", разумѣлъ новую двойную четверть: цѣна овса у него 45—48 коп., пшеницы 170 и 150 коп., гороха 150 и 120 коп. [2]) Значитъ, еслибы расходная книга разумѣла старую малую четверть, оказалось бы, что въ урожайный 1652 годъ хлѣбъ въ Москвѣ стоилъ гораздо дороже, чѣмъ въ неурожайный 1698 г.

Повидимому всю вторую половину XVII в. можно принять за одинъ періодъ въ исторіи хлѣбныхъ цѣнъ, къ которому, можетъ быть, пришлось бы присоединить и два послѣднія десятилѣтія первой половины, еслибы извѣстны были въ достаточной степени хлѣбныя цѣны за это время. До начала реформъ Петра или, лучше сказать, до начала Сѣверной войны нормальный уровень хлѣбныхъ цѣнъ, кажется, оставался одинъ и тотъ же, хотя хлѣбный рынокъ по временамъ испытывалъ тяжелые кризисы. Въ 1660 г. свѣдущіе люди изъ тяглыхъ торговыхъ классовъ, призванные для совѣщанія съ боярами объ экономическомъ положеніи государства, въ числѣ причинъ наступившей дороговизны указывали на эпидемію 1654 г., заявивъ при этомъ, что до морового повѣтрія, опустошившаго села и деревни, хлѣбъ былъ недорогъ [3]). Начавшаяся въ томъ же году продолжительная война также содѣйствовала поднятію хлѣбныхъ цѣнъ. Въ 1652 г. для Никона покупали ржаную муку въ Москвѣ по 54 и по 58 коп. четверть, а въ 1654 г. подрядчикамъ, которые бы взялись доставить ржаную муку въ русскій лагерь, осаждавшій тогда Смоленскъ, указано было давать по 120, 135 и

[1]) Временникъ Общ. Ист. и Др. Р. кн. XIII, матеріалы.

[2]) По изд. Сахарова стр. 59.

[3]) П. С. Зак. I, № 286.

по 150 коп. за четверть [1]). Но всего болѣе подѣйствовали на курсъ цѣнъ вызванныя войной финансовыя операціи правительства, особенно съ мѣдными деньгами, выпущенными въ 1656 г. съ номинальной стоимостью серебряныхъ. Неудача этой кредитной операціи произвела на рынкѣ страшный безпорядокъ, который однакожь не составляетъ важнаго затрудненія при изученіи цѣнъ. Мѣдныя деньги нѣсколько лѣтъ ходили наравнѣ съ серебряными, а потомъ быстро стали падать въ цѣнѣ, такъ что разсчеты на мѣдныя деньги довольно легко отличить отъ разсчетовъ на серебро. Притомъ сохранились двѣ таблицы лажа на мѣдныя деньги, изъ коихъ одна представляетъ постепенное паденіе ихъ курса въ Москвѣ, а другая въ Новгородѣ. Съ помощью этихъ таблицъ можно для многихъ мѣстностей переложить *мѣдныя* цѣны на *серебряныя*. По цѣнѣ дровъ въ одномъ актѣ узнаемъ, что въ 1663 г. въ Старой Русѣ рубль серебряный равнялся 9 р. 75 коп. мѣдью [2]). По оффиціальной таблицѣ въ Новгородѣ съ 1 сентября 1662 г. по 15 іюля 1663 г. серебряный рубль равнялся 10 мѣднымъ. По этому извѣстію можно думать, что курсъ мѣдныхъ денегъ въ Новгородѣ и Старой Русѣ былъ приблизительно одинаковъ и потому старорусскія мѣдныя цѣны можно переводить на серебряныя по новгородской таблицѣ. Гораздо болѣе затрудняется изученіе цѣнъ тѣмъ страннымъ явленіемъ, что вмѣстѣ съ возвышеніемъ цѣнъ при разсчетахъ на мѣдныя деньги вслѣдствіе упадка ихъ курса поднимались цѣны хлѣба и на серебро. Въ декабрѣ 1661 г. когда въ Москвѣ серебряный рубль стоилъ 4 мѣдныхъ, правительство, желая сдержать усиленіе дороговизны въ Смоленскѣ, нашло возможнымъ предписать, чтобы четверть ржи продавалась тамъ по 3 руб., а четверть овса по $1^1/_2$ р., считая повидимому на мѣдныя деньги. По московскому курсу 3 рубля мѣдью равнялись

---

1) Тамъ же, № 132.

2) Истор. Библіотека, т. V, 717.

75 коп серебр., а $1^1/_2$ рубля $37^1/_2$ копѣйкамъ: это не дешевыя, но сравнительно умѣренныя цѣны ржи и овса. Въ Вологдѣ въ сентябрѣ 1661 г. четверть ржи при незначительномъ еще лажѣ на мѣдныя деньги стоила 120 коп.; въ концѣ того же года и въ слѣдующемъ она продавалась уже по 6, потомъ по 16 мѣдныхъ рублей, но въ то же время и на серебро стоила она 2 и потомъ даже 4 рубля: это непомѣрно высокая, почти голодная цѣна. То же явленіе замѣтно и въ предѣлахъ Новгородской земли. Въ 1659 г. лѣтомъ, когда въ Новгородѣ лажъ мѣдныхъ денегъ былъ не болѣе 5 коп. на рубль, Воскресенскій Новоіерусалимскій монастырь бралъ съ своихъ крестьянъ въ Старорусскомъ уѣздѣ за оброчный хлѣбъ по 4 рубля за четверть ржи и по 160 коп. за четверть овса: на серебро рожь стоила по новгородскому курсу 380 коп., а овесъ около 152 к. Въ началѣ 1661 г., когда въ Новгородѣ серебряный рубль стоилъ 140 коп. мѣдью, въ старорусскихъ селахъ того же монастыря четверть ржи стоила уже 8 руб. мѣдью, т.-е. около 570 коп. серебромъ, а овесъ 240 коп. мѣдью или около 170 коп. серебромъ; между тѣмъ въ 1657 г., когда мѣдныя деньги еще ходили въ одной цѣнѣ съ серебряными, Иверскій монастырь, только предчувствуя дороговизну, закупилъ въ Боровичахъ большую партію хлѣба, заплативъ за четверть ржи по 1 рублю, слишкомъ впятеро дешевле цѣны 1661 г., а за четверть овса по полтинѣ [1]). Котошихинъ замѣчаетъ, что вслѣдствіе выпуска мѣдныхъ денегъ „въ государствѣ серебряными деньгами учала быть скудость, а на мѣдныя было все дорого“. Изложенныя данныя показываютъ, что все становилось дорого не только на мѣдныя, но и на серебряныя деньги, т.-е. кризисъ финансовый усложнился еще экономическимъ, происходившимъ, можетъ быть, отъ неурожаевъ или отъ пос-

[1]) П. С. Зак. I, № 317. *Г. Брикнера*, Мѣдныя деньги въ Россіи etc., стр. 35—43. Ист. Библіотека, т. V, стр. 254 и 358: въ обоихъ актахъ разумѣется новая, т.-е. двойная новгородская четверть.

лѣдствій того же финансоваго кризиса. Если мы введемъ въ разсчетъ ненормальныя цѣны, которыми обнаружился этотъ двойной переломъ, мы дадимъ рѣшительный перевѣсъ дорогимъ цѣнамъ и получимъ тѣмъ болѣе неточный выводъ, что этотъ кризисъ былъ непродолжительной бурей, налетѣвшей на русскій рынокъ, напряженное дѣйствіе которой длилось года три, во многихъ мѣстахъ гораздо меньше. По крайней мѣрѣ не замѣтно продолжительнаго дѣйствія неудачной операціи на курсъ хлѣбныхъ цѣнъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ изъятія мѣдныхъ денегъ изъ обращенія (въ 1663 г.) мы не только видимъ прежнія цѣны, державшіяся до кризиса, но даже встрѣчаемъ случай такой дешевизны, о какой не говоритъ ни одно извѣстіе первой половины вѣка: Матвѣевъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что въ 1687 г. рожь продавали въ Москвѣ по 12 коп., а овесъ по 7 коп. четверть, т.-е. болѣе чѣмъ вчетверо дешевле цѣнъ 1652 г. по расходной книгѣ Никона [1]). Въ этомъ отношеніи любопытно составить сравнительную табличку цѣнъ по областямъ въ запискѣ Родеса 1653 г. съ цѣнами послѣ 1663 г. Торговый агентъ пишетъ, что въ центральной Московской области четверть хлѣба (ржи) стоитъ 1 рубль, въ Казанской, Нижегородской и близъ лежащихъ отъ 12 до 25 коп., въ Ярославской, Ростовской и Вологодской отъ 36 до 50 коп. [2]). Взаимное отношеніе областныхъ цѣнъ, обозначенное цифрами Родеса, не оправдывается данными второй половины вѣка: не видно, напримѣръ, чтобы казанскія и нижегородскія цѣны были въ 4—8 разъ ниже московскихъ. Причина этого въ томъ, что у Родеса слишкомъ высока московская цѣна: можетъ быть, въ 1653 г. четверть ржи въ Москвѣ доходила до рубля; но обыкновенно она стоила значительно дешевле. За то въ Казанской землѣ въ самомъ концѣ вѣка встрѣчаемъ цѣны, соотвѣтствующія какъ низшему, такъ и высшему

[1]) Зап. *Матвѣева*, по изд. Сахарова, стр. 51.

[2]) Магазинъ землевѣд. и путешествій, изд. *Фролова*, V, 239.

предѣлу стоимости ржи по таблицѣ Родеса: въ наказѣ казанскому воеводѣ 1697 г. юфть хлѣба оцѣнена была въ 20 коп., изъ которыхъ 12—15 коп. по обычному отношенію цѣны ржи къ цѣнѣ овса надобно отчислить на четверть ржи, а въ 1696 г. Троицкій Сергіевъ монастырь, постановивъ взыскать хлѣбный оброкъ со свіяжскихъ вотчинъ деньгами, назначилъ за четверть ржи именно 25 коп. [1]). Въ числѣ нижегородскихъ цѣнъ 1670—1680-хъ гг. также встрѣчаемъ 25 коп. за четверть ржи, хотя другія извѣстныя намъ цѣны значительно выше. По расходной книгѣ Никона цѣна ржи въ Вологдѣ за годъ до Родеса (40 коп.) соотвѣтствуетъ его показанію. Намъ извѣстны ярославскія и вологодскія цѣны послѣ 1663 года; но если и тогда, какъ теперь, тверскія цѣны занимаютъ середину между тѣми и другими, то показаніе Родеса оправдывается хозяйственной запиской кашинскаго землевладѣльца Еремѣева (1680—1690 гг.), который цѣнилъ рожь въ своемъ имѣніи по 40 коп. четверть [2]). Все это приводитъ къ тому заключенію, что средній уровень хлѣбныхъ цѣнъ во всю вторую половину XVII в. оставался одинаковъ и что возвышеніе цѣнъ, на которое жаловались въ Москвѣ послѣ мороваго повѣтрія 1654 г., было временнымъ затрудненіемъ, созданнымъ въ значительной степени искусственно, не столько народно-хозяйственными, сколько политическими причинами. Руководствуясь изложенными соображеніями, сопоставимъ среднія хлѣбныя цѣны 1882 г. со средними и одиночными цѣнами второй половины XVII в., выражая, какъ и выше, въ копѣйкахъ тогдашнюю и современную стоимость нынѣшней четверти хлѣба [3]).

---

[1]) П. С. Зак. III, № 1579. Рукоп. Тр.-Серг. Лавры № 577.

[2]) Временникъ Общ. Ист. и Др. Росс. кн. XX, смѣсь, 28.

[3]) Среднія цѣны московскія и нижегородскія выведены изъ такихъ данныхъ. Въ 1651—52 г. въ Москвѣ и подъ Москвой по расходной книгѣ Никона покупали четверть овса по 30 коп., пшеницы по 128 к., гороха по 80, 96 и 120 к., муки ржаной по 52, 54 и 58 к.,

Москва 1651—1698 гг.	Рожь.	840 : 72=12.
	Овесъ	350 : 33=11.
	Пшеница . . .	1500 : 144=10.
	Мука ржаная.	1200 : 95=13.
	„ пшенич.	2100 : 105=20.
	Пшено.	1400 : 162= 9.
	Крупа гречн. .	1100 : 119= 9.
	Горохъ	1200 : 116=10.
	Семя конопл.	1000 : 60=17.
	Ленъ (пудъ) .	700 : 60=12.
	Пенька	375 : 21=18.
Смоленскъ 1661 г.	Рожь.	790 : 75=11.
	Овесъ	300 : 37= 8.
Новгородъ Вел. 1657 г. .	Рожь.	900 : 66=14.

пшеничной по 90, 105 и 120 к., крупы гречневой по 68 к. въ Вологдѣ рожь по 40, пщеницу по 100 и 80 к. У Родеса московская цѣна ржи 1 р. Подрядная цѣна ржаной муки по указу 1654 г., разсчитанная болѣе всего на цѣны московскаго рынка, 120, 135 и 150 к. четверть. У Гордона цѣны 1666 и слѣдующихъ годовъ: четверть ржи 50 и 54 к., овса 50 к. *Г. Брикнера*, Гордонъ, 116 и 181. У Кильбургера (стр. 71, 186 и 55) рожь въ 1674 г. 60 и 70 к. четверть, овесъ 32, пшено 160, крупа гречн. 120, пенька 20, 25 и 30 к. тогдашній пудъ, ленъ 70 к. пудъ (въ таблицѣ цѣны переложены на нынѣшній пудъ). Въ 1687 г. по Матвѣеву рожь въ Москвѣ 12 к. четверть, овесъ 7 к., а въ 1698 по Желябужскому рожь 130 к., овесъ 45 и 48, пщеница 170 и 150, пшено 150 и 180, горохъ 120 и 150, крупа гречн. 170, сѣмя конопл. 60 к. четверть. Въ арзамасскихъ селахъ Б. Морозова въ 1670—71 г. продавали рожь по 60, 54, 45, 40 и 31 к. четверть, овесъ по 30, 25, 24, 18 и 15 к., пшеницу по 50 к., ячмень по 17 коп. Времен. Общ. Ист. и Др. VI, смѣсь. На арзамасскихъ, нижегородскихъ и алатырскихъ казенныхъ будныхъ станахъ (поташныхъ заводахъ) въ 1681 г. покупали рожь по $31^1/_2$ и 25 к. четверть, овесъ по 12, 18 и 20 к. Книги смѣтныя будныхъ становъ, рукопись, принадлежащая автору.—Цѣны прочихъ мѣстностей въ таблицѣ одиночныя; см. о нихъ въ предыдущихъ примѣчаніяхъ; объ олонецкихъ въ Ист. Библ. VIII, 944, объ устьсысольскихъ въ Акт. до юр. быта II, 330. Вологодскія цѣны 1661—1663 г. не введены въ разсчетъ, какъ ненормальныя.

	Овесъ	390 :	33=12.
Кандалакша 1650—65 г.	Рожь	1150 :	75=15.
Вологда 1652 г.	Рожь	909 :	40=22.
	Пшеница. . . .	1240 :	90=14.
Устьсысольскъ 1684 г.. .	Рожь	900 :	60=15.
Нижній 1670—81 г. . . .	Рожь	760 :	37=21.
	Овесъ	270 :	19=14.
	Ячмень.	450 :	17=26.
	Пшеница . . .	960 :	50=19.
Олонецъ 1674—76 г. . .	Рожь	1350 :	50=27.
	Овесъ	635 :	26=25.
Кашинъ 1680—90-хъ гг.	Рожь	865 :	40=22.
	Овесъ	335 :	25=13.
	Ячмень.	625 :	30=21.
	Пшеница . . .	1175 :	60=20.
Свіяжскъ 1596 г.	Рожь	540 :	25=22.
	Овесъ	275 :	15=18.
	Ячмень.	400 :	20=20.
	Пшеница . . .	800 :	50=16.
Казань 1697 г.	Рожь и овесъ.	815 :	20=41.
	Средній знаменатель.		17.

Итакъ *рубль второй половины XVII в. равняется 17 нынѣшнимъ.*

Неровность частныхъ знаменателей въ таблицѣ объясняется разнохарактерностью введенныхъ въ нее хлѣбныхъ цѣнъ XVII в. Однѣ изъ этихъ цѣнъ среднія, другія одиночныя; притомъ нѣкоторыя изъ среднихъ выведены изъ сложности дорогихъ и дешевыхъ, другія только изъ дорогихъ; наконецъ и изъ одиночныхъ цѣнъ однѣ очень дорогія, другія очень дешевыя. Важнымъ условіемъ этой неровности является и географія цѣнъ XVII в. Легко замѣтить, что частные знаменатели возвышаются, хотя безъ строгой постепенности, по направленію съ сѣвера и сѣверо-запада къ югу и

юго-востоку: знаменатели вологодскіе выше бѣломорскаго, кашинскіе выше вологодскихъ, нижегородскіе выше кашинскихъ, казанско-свіяжскіе выше нижегородскихъ, московскіе выше смоленскихъ. Это объясняется прежде всего бо̀льшимъ непостоянствомъ сѣверныхъ хлѣбныхъ рынковъ сравнительно съ южными: нормальныя цѣны тамъ чаще уступали мѣсто дорогимъ вслѣдствіе болѣе частыхъ неурожаевъ, и потому въ извѣстіяхъ, идущихъ съ тѣхъ рынковъ, мы встрѣчаемъ больше дорогихъ цѣнъ, чѣмъ нормальныхъ. Притомъ, какъ уже было замѣчено, сѣверныя цѣны хлѣба прежде превышали южныя гораздо больше, чѣмъ теперь. Эта географическая неполнота хлѣбныхъ цѣнъ за время царя Михаила и заставляетъ подозрѣвать, что выведенная изъ нихъ оцѣнка рыночной стоимости рубля того времени сравнительно съ нынѣшнимъ ниже надлежащей: если изъ предыдущей таблицы исключить цѣны кашинскія, нижегородскія и казанско-свіяжскія, которыхъ нѣтъ въ таблицѣ цѣнъ Михаилова времени, то средній знаменатель уменьшится до $14^1/_2$, т. е. выйдетъ немного больше знаменателя, выведеннаго изъ цѣнъ Михаилова времени.

Несмотря на возможную неточность выводовъ вслѣдствіе неполноты и случайности данныхъ, можно, кажется, съ нѣкоторой вѣроятностью такъ обозначить перемѣны въ рыночной стоимости рубля, совершившіяся впродолженіе XVII вѣка: сравнительно со второй половиной XVI в. въ Смутное время хлѣбъ вздорожалъ въ 5 разъ, въ царствованіе Михаила сталъ немного дешевле, именно былъ почти въ $4^1/_2$ раза дороже, чѣмъ во второй половинѣ XVI в., а во второй половинѣ XVII в. подешевѣлъ еще болѣе, такъ что сталъ только въ $3^1/_2$ раза дороже сравнительно со второй половиной XVI вѣка; иначе говоря, во столько же разъ подешевѣлъ рубль въ эти три періода XVII в. Такое значительное паденіе рыночной стоимости рубля въ XVII в. измѣнило прежнее отношеніе стоимости другихъ хозяйственныхъ предметовъ къ нынѣшнимъ ихъ цѣнамъ. Въ памятникахъ XVII в.

можно собрать очень обильный матеріалъ для исторіи цѣнъ самыхъ разнообразныхъ статей хозяйства, несравненно болѣе обильный, чѣмъ для исторіи хлѣбныхъ цѣнъ; чтобы исчерпать его, понадобилось бы особое изслѣдованіе. Ограничимся немногими замѣчаніями. Другіе предметы хозяйства въ XVII в. вздорожали далеко не въ одинаковой степени съ хлѣбомъ. Такъ указомъ 1620 г. такса скота для Разбойнаго приказа возвышена была только вдвое противъ указныхъ цѣнъ, установленныхъ при царѣ Өедорѣ Ивановичѣ [1]). У Кильбургера находимъ относящіяся къ 1674 году московскія цѣны домашней птицы, дичи, мяса, продуктовъ пчеловодства, огородничества и т. п. [2]). Цѣны эти большею частью сходны съ тѣми, какія находимъ въ расходной книгѣ Никона и у Олеарія, Лизека, Штрауса и Корба. Не приводя здѣсь самой таблицы отношеній этихъ цѣнъ къ нынѣшнимъ, отмѣтимъ только ея итогъ: цѣны Кильбургера относятся къ нынѣшнимъ приблизительно какъ 1 къ 20. Выше мы видѣли, что по даннымъ второй половины XVI в. цѣны тѣхъ же предметовъ относятся къ нынѣшнимъ какъ 1 къ 37, т. е. почти вдвое ниже цѣнъ Кильбургера. Принимая рубль второй половины XVI в. за 60—74 нынѣшнихъ, найдемъ, что тогда означенные предметы хозяйства были $1^1/_2$ или въ 2 раза дороже, чѣмъ теперь; такъ какъ рубль второй половины XVII в. по хлѣбнымъ цѣнамъ равняется только 17 нынѣшнимъ, то цѣны тѣхъ же предметовъ, которые въ XVI в. стоили въ $1^1/_2$—2 раза дороже, чѣмъ теперь, въ XVII в. стали почти въ $1^1/_5$ раза дешевле нынѣшнихъ. Соотвѣтственно этому должно было измѣниться отношеніе цѣнъ и другихъ предметовъ внутренняго производства, какъ и цѣнъ труда къ нынѣшнимъ. Выше былъ указанъ переломъ въ исторіи цѣнъ, состоявшій въ томъ, что въ общемъ подъемѣ цѣнъ съ XVI в. до нашего времени стоимость хлѣба

---

[1]) Акты Ист. III, стр. 301.

[2]) По переводу Языкова стр. 60, 71, 115 и др.

поднялась гораздо выше, чѣмъ стоимость другихъ предметовъ потребленія. Теперь можно точнѣе обозначить хронологію этого перелома: онъ начался именно чрезвычайнымъ вздорожаніемъ хлѣба въ началѣ XVII в.

VI.

Обращаемся къ изученію хлѣбныхъ цѣнъ первой половины XVIII вѣка, далѣе которой не простирается нашъ опытъ.

Къ сожалѣнію, за три первыя десятилѣтія этого вѣка мы не могли собрать достаточно полныхъ и надежныхъ данныхъ, такъ что это время остается для насъ пробѣломъ въ исторіи хлѣбныхъ цѣнъ. Въ задачахъ извѣстной Ариѳметики Магницкаго, изданной въ Москвѣ въ 1703 г., есть нѣсколько хлѣбныхъ цѣнъ; но по свойству источника трудно сказать, насколько эти данныя согласны съ дѣйствительными цѣнами московскаго рынка того времени. Впрочемъ цѣны Магницкаго по сравненію съ другими данными очень похожи на дѣйствительныя и именно нормальныя московскія цѣны хлѣба. Рожь у него стоитъ 96, 84, 60 и 46 коп. четверть; средняя цѣна 71, почти одинаковая со средней московской цѣной ржи за вторую половину XVII в. Въ 1701 г. былъ изданъ указъ, неоднократно повторенный впослѣдствіи, который запрещалъ вывозить хлѣбъ за границу, если въ Московской области цѣна его поднималась выше рубля (за четверть ржи). По книгамъ о хлѣбномъ и калачномъ вѣсу въ 1631 г. тогдашній фунтъ печенаго ржаного хлѣба въ Москвѣ стоилъ $^1/_5$ коп.; въ одной задачѣ Магницкаго хлѣбъ въ $3^1/_3$ фунта оцѣненъ въ 1 копѣйку, т. е. фунтъ въ $^3/_{10}$ коп., въ $1^1/_2$ раза дороже 1631 г., что очень вѣроятно [1]). Желя-

---

[1]) Эти $^3/_{10}$ коп. за тогдашній фунтъ соотвѣтствуютъ почти $^1/_4$ коп. за нынѣшній. Ариѳметика *Магницкаго*, 83, 85, 106 и др. П. С. Зак. IV, № 1872.

бужскій разказываетъ, что въ 1704 г. четверть ржи покупали по 150 и 180 копѣекъ; но тогда былъ „голодъ великій по деревнямъ“ вслѣдствіе неурожая озимаго. Если позволительно изъ такихъ скудныхъ данныхъ заключать что-либо, то можно думать, что хлѣбныя цѣны мало измѣнились въ первыя 15 лѣтъ царствованія Петра Великаго. Имѣя въ виду послѣдніе годы этого царствованія, Фокеродтъ говоритъ, что 12 четвериковъ муки (ржаной) стоили внутри страны не болѣе 150 коп., т. е. не больше 1 рубля четверть, а это предполагаетъ цѣну ржи очень близкую къ цѣнамъ Магницкаго. Съ другой стороны, въ 1724 г. было указано при заборѣ полками провіанта и въ другое время платить за четверть ржаной муки не болѣе 150 коп., крупы не болѣе 200, овса не болѣе 50, за пудъ сѣна 3 коп. Судя по даннымъ Магницкаго и Желябужскаго, такія цѣны и въ первые годы XVIII в. были высокими, но далеко не голодными. Всѣ эти данныя относятся преимущественно къ центральному московскому рынку. О другихъ мѣстностяхъ капитанъ Перри, жившій въ Россіи съ 1698 по 1715 годъ, пишетъ, что во многихъ мѣстахъ по Волгѣ между Шексной и Казанью четверикъ ржи продается обыкновенно по 6—7 пенсовъ (копѣекъ), пшеницы по 9 пенсовъ и прочій хлѣбъ соотвѣтственно этому, т.-е. четверть ржи по 48—56 коп., пшеницы по 72 коп. Рядомъ съ этими цѣнами встрѣчаемъ и болѣе высокія. По одной дорожной расходной книгѣ 1719 г. овесъ покупали въ Москвѣ по 55 и 64 коп. четверть, въ Твери по 80, въ Новгородѣ по 120—180, въ Петербургѣ по 165—185, муку ржаную въ Петербургѣ по 290 и по 300 коп., что предполагаетъ цѣну ржи около 2 руб. четверть. Значитъ, на рынкахъ того времени бывали цѣны дороже высшихъ указныхъ 1724 г. Въ дѣлахъ адмиралтейской провіантской канцеляріи сохранились двѣ вѣдомости о хлѣбныхъ цѣнахъ въ Козловѣ за іюнь и октябрь 1724 года: цѣна ржи здѣсь 60—84 коп. четверть, пшеницы 106—200 к., почти вдвое дороже цѣнъ

средняго Поволжья у Перри [1]). Все это заставляетъ предполагать значительное повышеніе цѣнъ въ послѣдніе годы царствованія Петра. Изъ разсмотрѣнныхъ цѣнъ составимъ сравнительную таблицу, выводя среднія изъ параллельныхъ цѣнъ и сопоставивъ цѣны Перри со средними цѣнами 1882 г. по губерніямъ Ярославской, Костромской, Нижегородской и Казанской.

Москва.	Рожь	840 : 71=12.
	Овесъ	350 : 56= 6.
	Ячмень	450 : 67= 7.
	Мука ржаная	1200 : 100=12.
	Печен. ржан. хлѣб. ф.	3 : $^1/_4$=12.
	Пенька (пудъ)	375 : 30=12.
Поволжье.	Рожь	735 : 52=14.
	Пшеница	1000 : 72=14.
Тверь.	Овесъ	335 : 80= 4.
Новгородъ.	„	390 : 145= 3.
Петербургъ.	„	450 : 175= 3.
Козловъ.	Рожь	650 : 74= 9.
	Овесъ	235 : 43= 5.
	Пшеница	900 : 149= 6.
	Сѣмя конопл.	850 : 80=11.
	Средній знаменатель	9.

Этотъ знаменатель, выведенный изъ столь скудныхъ данныхъ, можетъ имѣть лишь то значеніе, что показываетъ, въ какомъ направленіи стали измѣняться хлѣбныя цѣны съ начала XVIII в. Въ предыдущее столѣтіе послѣ Смутнаго времени, страшно ихъ поднявшаго, онѣ все падали; теперь онѣ опять пошли вверхъ. Этотъ поворотъ объясняется разными причинами, нумизматическими и экономическими.

[1]) *Желябужск.* 96. *Фокеродтъ* въ Чтен. Общ. Ист. и Др. 1874 г. кн. 2, стр. 114. П. С. Зак. VII, № 4533. *Перри*. Состояніе Россіи, 158 и сл. Въ Моск. Рум. муз. изъ собр. рукоп. Бѣляева № № 120 и 122.

Новая монета, выпущенная Петромъ, была достоинствомъ ниже прежней. Огромное количество народнаго труда было отвлечено отъ земледѣлія въ армію, на фабрики и заводы, къ разнымъ казеннымъ работамъ. Выведенный знаменатель можетъ послужить связующимъ звеномъ между хлѣбными цѣнами второй половины XVII и 1730—1750 годовъ. Для изученія цѣнъ этихъ двухъ десятилѣтій мы имѣемъ значительную коллекцію рапортовъ, какіе присылались въ Камеръ-коллегію и Ревизіонъ-коллегію изъ провинціальныхъ и уѣздныхъ канцелярій или городовыхъ ратушъ[1]). Коллекція эта отличается довольно случайнымъ, безпорядочно разнообразнымъ составомъ: изъ нѣкоторыхъ городовъ встрѣчаемъ сплошной рядъ ежемѣсячныхъ отчетовъ за одинъ или нѣсколько лѣтъ: за то изъ другихъ нѣтъ ни одного отчета; притомъ находимъ отчеты о текущихъ цѣнахъ въ нѣсколькихъ городахъ за какой-либо одинъ годъ, но разныхъ мѣсяцевъ, или за одни и тѣ же мѣсяцы, но разныхъ лѣтъ, наконецъ отчеты разныхъ лѣтъ и разныхъ мѣсяцевъ, такъ что трудно сдѣлать такой подборъ вѣдомостей, который далъ бы понятіе объ уровнѣ одновременныхъ цѣнъ хлѣба въ разныхъ мѣстностяхъ или объ ихъ колебаніяхъ на однихъ и тѣхъ же рынкахъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Приноровляя тогдашнее областное дѣленіе къ нынѣшнему, встрѣчаемъ также большое разнообразіе: по однимъ губерніямъ въ коллекціи есть свѣдѣнія о цѣнахъ въ губернскомъ городѣ съ однимъ или нѣсколькими уѣздными, по другимъ только въ одномъ или нѣсколькихъ уѣздныхъ, наконецъ по нѣкоторымъ есть прейскуранты только губернскаго города безъ уѣздныхъ. Изъ 1730-хъ годовъ только за одинъ 1737-й можно подобрать значительное количество вѣдомостей изъ разныхъ городовъ, преимущественно за осенніе мѣсяцы; вмѣстѣ съ тѣмъ сохранились вѣдомости г. Тамбова за всѣ мѣсяцы 1732—1736 г. и за нѣсколько мѣсяцевъ 1737 г. Сколько

[1]) Въ Моск. Румянц. музеѣ изъ собр. рукоп. И. Д. Бѣляева № 121.

можно судить о тогдашнемъ курсѣ хлѣбныхъ цѣнъ по даннымъ одного этого рынка, цѣны 1737 г. были довольно близки къ среднимъ цѣнамъ за все десятилѣтіе 1731—1740 годовъ: по тамбовскимъ вѣдомостямъ 1732—1737 г. не замѣтно послѣдовательнаго роста цѣнъ; до 1737 г. хлѣбъ въ Тамбовѣ бывалъ и значительно дороже, и дешевле, чѣмъ въ этомъ году. Цѣны 1740-хъ годовъ вообще нѣсколько выше цѣнъ предыдущаго десятилѣтія. Сохранившіяся въ коллекціи вѣдомости 1740-хъ гг. сообщаютъ спорадическія данныя разныхъ лѣтъ, мѣсяцевъ и мѣстностей, не позволяющія составить изъ нихъ ничего цѣльнаго и послѣдовательнаго. На такомъ составѣ коллекціи построенъ нашъ разсчетъ. Отношеніе рубля 1730-хъ годовъ къ нынѣшнему мы опредѣляемъ по вѣдомостямъ 1737 года, выводя среднія цѣны, гдѣ для этого есть матеріалъ, или довольствуясь одиночными и сопоставляя тѣ и другія со средними цѣнами 1882 г. по тѣмъ губерніямъ, въ составъ которыхъ нынѣ входятъ означенные въ вѣдомостяхъ города. Точно такъ же поступили мы и съ цѣнами 1740-хъ годовъ, соединивъ въ одну таблицу данныя изъ вѣдомостей разныхъ лѣтъ и городовъ и не обращая вниманія на то, къ какому мѣсяцу относится та или другая вѣдомость. Среднія цѣны годовыя мы выводили изъ относящихся къ одному и тому же году мѣсячныхъ вѣдомостей одного или нѣсколькихъ городовъ извѣстной губерніи по нынѣшнему областному дѣленію Россіи, среднія за нѣсколько лѣтъ изъ среднихъ годовыхъ; если вѣдомости разныхъ городовъ одной губерніи относятся къ разнымъ годамъ, мы не выводили по нимъ среднихъ цѣнъ по губерніи за эти годы, а сопоставляли цѣны каждаго города со средними 1882 г. отдѣльно. По вѣдомостямъ 1737 г. можно составить такую таблицу.

Псковъ.	Рожь. . . .	725 : 102 = 7.
	Овесъ . . .	380 : 64 = 6.
	Ячмень . .	565 : 70 = 8.
	Гречиха . .	500 : 71 = 7.

Смоленскъ.	Рожь. . . .	790 :	78=10.
	Овесъ . . .	300 :	44= 7.
	Ячмень . .	545 :	60= 9.
Тамбовъ	Рожь. . . .	650 :	50=13.
	Овесъ . . .	235 :	33= 7.
	Ячмень . .	475 :	40=12.
	Пшеница. .	800 :	132= 6.
Пенза	Рожь. . . .	670 :	43=16.
	Овесъ . . .	250 :	30= 8.
	Пшеница. .	900 :	118= 8.
Елецъ	Рожь. . . .	725 :	40=18.
	Овесъ . . .	275 :	32= 9.
	Ячмень . .	620 .	28=22.
	Пшеница. .	1095 :	120= 9.
	Гречиха . .	580 :	30=19.
Курскъ	Рожь	725 :	61=12.
	Овесъ . . .	270 :	52= 5.
	Пшеница. .	1125 :	135= 8.
	Гречиха . .	540 :	59= 9.
	Ячмень . .	500 :	47=11.
Чугуевъ	Овесъ . . .	270 :	55= 5.
	Ячмень . .	550 :	56=10.
	Гречиха . .	550 :	53=10.
Вятка	Рожь. . . .	700 :	61=11.
	Овесъ . . .	275 :	27=10.
	Ячмень . .	580 :	32=18.
Пермь	Рожь. . . .	512 :	120= 4.
	Овесъ . . .	238 :	52= 5.
	Ячмень . .	320 :	95= 4.
	Пшеница. .	685 :	210= 3.

Среднiй знаменатель. . . 10.

Итакъ *рубль 1730-хъ годовъ равняется 10 нынѣшнимъ.*

По вѣдомостямъ 1740 годовъ, сохранившимся въ коллекціи, можно составитъ болѣе разнообразную таблицу.[1])

Руза и Волокол. 1744, 1745 и 1748 г. .	Рожь. . . .	840	: 110=	8.
	Овесъ . . .	350	: 63=	6.
	Ячмень . .	450	: 88=	5.
	Пшеница .	1500	: 200=	7.
Архангельскъ 1745 и 1748 гг.	Рожь. . . .	1150	: 120=	10.
	Овесъ . . .	600	: 48=	12.
	Ячмень. . .	960	: 110=	9.
Новгородъ 1743 г.	Рожь. . . .	900	: 176=	5.
	Овесъ . . .	390	: 137=	3.
	Пшеница .	1200	: 256=	5.
Псковъ 1743—5 г.	Рожь. . . .	725	: 224=	3.
	Овесъ . . .	380	: 113=	3.
	Ячмень . .	565	: 152=	4.
Устюгъ 1748—9 г.	Рожь. . . .	900	: 88=	10.
	Овесъ . . .	355	: 30=	12.
	Ячмень . .	700	: 62=	11.
	Пшеница .	1240	: 190=	7.
Смоленскъ 1742—4 г.	Рожь. . . .	790	: 155=	5.
	Овесъ . . .	300	: 75=	4.
	Ячмень . .	545	: 102=	5.
Вятка 1746 г. . . .	Рожь. . . .	700	: 70=	10.
	Овесъ . . .	275	: 58=	5.
	Ячмень . .	580	: 68=	9.
	Пшеница .	880	: 198=	4.

---

[1]) Большею частію цѣны въ этой таблицѣ среднія за нѣсколько лѣтъ или за нѣсколько мѣсяцевъ одного года. Подъ именами почти всѣхъ губернскихъ городовъ мы выводили въ таблицѣ среднія цѣны изъ вѣдомостей губернскаго и одного или нѣсколькихъ уѣздныхъ городовъ и обозначали только уѣздные города, если не находили въ коллекціи вѣдомостей о цѣнахъ ихъ губернскаго города.

Чухлома 1742 и 1746 гг. .	Рожь. . . .	875	:	93= 9.
	Овесъ . . .	350	:	44= 8.
	Ячмень . .	600	:	66= 9.
	Пшеница .	1200	:	162= 7.
Кологривъ 1750 г.	Рожь. . . .	875	:	77=11.
	Овесъ . . .	350	:	48= 7.
	Ячмень . .	600	:	62=10.
Ростовъ 1742, 1749—50 г.	Рожь. . . .	765	:	114= 7.
	Овесъ . . .	345	:	48= 7.
	Ячмень . .	600	:	60=10.
Казань 1743, 1746 и 1749 гг.	Рожь. . . .	540	:	55=10.
	Овесъ . . .	275	:	34= 8.
	Ячмень . .	450	:	67= 7.
	Пшеница .	850	:	124= 7.
Сызрань 1744 г.	Рожь. . . .	650	:	66=10.
	Овесъ . . .	300	:	47= 6.
	Пшеница .	800	:	160= 5.
	Сѣмя кон.	960	:	140= 7.
Алатырь 1750 г.	Рожь. . . .	650	:	30=22.
	Овесъ . . .	300	:	28=11.
	Пшеница .	800	:	83=10.
	Сѣм. кон. .	960	:	80=12.
Рязань 1744 г.	Рожь. . . .	675	:	82= 8.
	Овесъ . . .	285	:	49= 6.
Пронскъ 1746 г.	Рожь. . . .	675	:	30=22.
	Овесъ . . .	285	:	28=10.
Ряжскъ 1748 и 1749 гг. . .	Рожь. . . .	675	:	58=12.
	Овесъ . . .	285	:	36= 8.
Ливны 1750 г.	Рожь. . . .	725	:	30=24.
Тамбовъ 1843 и 1644 г. .	Рожь. . . .	650	:	62=10.
	Овесъ . . .	235	:	35= 7.
	Ячмень . .	475	:	46=10.
	Пшен. яр.	800	:	112= 7.
Лебедянь 1750 г.	Рожь. . . .	650	:	64=10.
	Овесъ . . .	235	:	52= 5.

	Пшен. озим.	900 :	160 = 6.
	Гречиха . .	500 :	32 = 16.
	Просо . . .	570 :	32 = 18.
	Сѣм. коноп.	850 :	72 = 12.
Пенза 1743 и 1746 г.	Рожь. . . .	670 :	50 = 13.
	Овесъ . . .	250 :	37 = 7.
	Пшеница .	900 :	123 = 7.
Керенскъ 1748—50 г.	Рожь. . . .	670 :	46 = 15.
	Овесъ . . .	250 :	34 = 7.
	Пшеница .	900 :	91 = 10.
Воронежъ 1743 г. .	Рожь. . . .	725 :	45 = 16.
	Овесъ . . .	230 :	23 = 10.
	Пшеница .	975 :	113 = 9.
Курскъ 1749 г. . .	Рожь. . . .	725 :	163 = 4.
	Овесъ . . .	270 :	125 = 2.
	Гречиха . .	540 :	120 = 4.
	Сѣмя кон.	750 :	240 = 3.
Полтава 1743 г. . .	Овесъ . . .	240 :	28 = 9.
	Ячмень . .	425 :	30 = 14.
	Просо . . .	485 :	42 = 12.
Кіевъ 1743 г. . . .	Рожь. . . .	550 :	56 = 10.
	Овесъ . . .	270 :	31 = 9.
	Ячмень . .	400 :	39 = 10.
	Пшеница .	980 :	107 = 9.
	Гречиха . .	450 :	51 = 9.
	Просо . . .	450 :	60 = 7.

Среднiй знаменатель . . . . 9.

Итакъ *рубль 1740-хъ годовъ равнялся 9 нынѣшнимъ.*

VII.

Изложенный опытъ есть не болѣе какъ матеріалъ, черновая работа, въ которой навѣрное окажутся крупные пробѣлы и еще болѣе крупные промахи, могутъ показаться подозрительными или неудачными не только выводы, но и самые пріемы изслѣдованія. Предпринимая этотъ опытъ, авторъ ставилъ себѣ цѣлью не добиться окончательныхъ, надежныхъ результатовъ, а только поставить нѣсколько проблематическихъ положеній, которыя могли бы быть пополнены и исправлены знающими людьми, при помощи новыхъ данныхъ, какія навѣрное найдутся при болѣе широкомъ изученіи источниковъ [1]). Такимъ образомъ могъ бы наконецъ хотя съ приблизительною точностью разрѣшиться одинъ спеціальный вопросъ, который ложится поперекъ дороги всякому изслѣдователю, предпринимающему изученіе экономическаго быта

---

[1]) Вслѣдствіе скудости собраннаго матеріала авторъ долженъ былъ отказаться отъ рѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ древнерусской хлѣбной метрики. Къ числу ихъ относится вопросъ о мѣрѣ, называвшейся въ XV и XVI вв. *пузомъ*. Выше (стр. 30) было упомянуто о 4 шунгскихъ крестьянахъ, занявшихъ $1^1/_2$ коробьи ржи въ 1549 г. съ обязательствомъ уплатить 25% роста. По обычному условію древнерусскаго коллективнаго займа долгъ платили заемщики, оказавшіеся на лицо по истеченіи срока. На заемной 1549 г. отмѣчено, что двое изъ заемщиковъ уплатили по $2^1/_2$ пуза ржи каждый, а въ концѣ росписи приписано: „пузъ ржи", что по догадкѣ издателей значитъ, что 1 пузъ недоплаченъ. эта росписка допускаетъ различныя толкованія: или двое платили за всѣхъ четверыхъ, а такъ какъ должно было заплатить 24 четверика капитала и 6 четвериковъ роста, то заплативъ 5 пузъ и недоплативъ одного, они считали въ пузѣ 5 четвериковъ; или каждый платилъ свою долю долга, и въ такомъ случаѣ пузъ равнялся 3 четверикамъ, а приписка ничего не значитъ. Впрочемъ возможны и другія толкованія; вопросъ неразрѣшимъ безъ новыхъ болѣе ясныхъ указаній источниковъ. Нынѣ въ Архангельской губерніи пузо-мѣшокъ соли мѣрою въ 2 нынѣшнихъ четверика, которые равняются почти $3^1/_2$ новгородскимъ четверикамъ XVI в. Русск. Достоп. I, 132 и 139.

Россіи въ минувшіе вѣка: этотъ вопросъ состоитъ въ опредѣленіи рыночной стоимости или мѣноваго значенія старинныхъ нашихъ денежныхъ единицъ сравнительно съ нынѣшними. Пока не рѣшена эта задача, изслѣдователь не можетъ воспользоваться, какъ слѣдуетъ, большей частью фактовъ экономической исторіи Россіи и фактовъ наиболѣе цѣнныхъ. Мы бы желали, чтобы пересмотру и исправленію подверглись прежде всего слѣдующіе главные выводы нашего опыта.

Въ XVI и первой половинѣ XVII в. наиболѣе распространенными торговыми мѣрами хлѣба у насъ служили четверти московская въ центральныхъ и южныхъ областяхъ Московскаго государства и новгородская на сѣверѣ. Первая вмѣщала въ себѣ 4 древнерусскихъ или $4^2/_3$ *нынѣшнихъ пуда ржи, т.-е. была фунта на 4 больше половины нынѣшней торговой четверти ржи вѣсомъ въ 9 пуд. 5 фунт.; вторая четверть была въ* $1^1/_2$ *раза больше первой, т.-е. вѣсила 7 нынѣшнихъ пудовъ ржи. Съ половины XVII в., если не раньше, та и другая четверть удвоилась.*

Опредѣляя по цѣнамъ хлѣба мѣновое отношеніе стараго московскаго, потомъ всероссійскаго рубля къ нынѣшнему кредитному, получаемъ такія приблизительныя цифры:

Рубль	*1500 года*	*стоилъ не менѣе*	*100*	*нынѣшн.*
„	*1501—1550 г.*	*равнялся*	*63—83*	„
„	*1551—1600 г.*	„	*60—74*	„
„	*1601—1612 г.*	„	*12*	„
„	*1613—1636 г.*	„	*14*	„
„	*1651—1700 г.*	„	*17*	„
„	*1701—1715 г.*	„	*9*	„
„	*1730—1740 г.*	„	*10*	„
„	*1741—1750 г.*	„	*9*	„

ПРОИСХОЖДЕНІЕ КРѢПОСТНОГО ПРАВА въ РОССІИ.[1])

I.

Въ изданной недавно [2]) на нѣмецкомъ языкѣ книгѣ дерптскаго профессора русскаго права г. Энгельмана [3]) опять затронутъ старый вопросъ, который столько разъ и съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ обсуждался въ нашей литературѣ и все еще остается нерѣшеннымъ: это вопросъ о происхожденіи крѣпостного права въ Россіи. Къ сожалѣнію, надобно прибавить, что́ и книга г. Энгельмана не снимаетъ этого вопроса съ очереди, не даетъ на него удачнаго отвѣта. Одною изъ причинъ этой неудачи, и едва ли не главною причиной, былъ важный пробѣлъ, допущенный авторомъ. Въ изслѣдованіи о происхожденіи, развитіи и отмѣнѣ крѣпостного права въ Россіи читатель не находитъ точнаго и яснаго юридическаго опредѣленія русскаго крѣпостного права, не видитъ, что разумѣетъ авторъ подъ этимъ терминомъ. Повидимому, авторъ не находилъ нужнымъ задавать и самому себѣ предварительный общій вопросъ о томъ, что̀ это за институтъ, исторію котораго онъ задумалъ изложить. Въ краткомъ введеніи онъ отличаетъ древне-русское холопство какъ отъ поземельной зависимости, основанной на договорѣ крестьянина съ землевладѣльцемъ и соединенной съ прикрѣп-

[1]) Русская Мысль 1885, № 8.

[2]) Напечатано и издано въ 1885 г.

[3]) *Die Leibeigenschaft in Russland.* Dorpat, 1884.

леніемъ перваго къ землѣ послѣдняго (Hörigkeit), такъ и отъ крѣпостного права въ собственномъ смыслѣ (Leibeigenschaft) [1]). Холопство изстари существовало на Руси; договорная поземельная зависимость, соединенная съ прикрѣпленіемъ къ землѣ, устанавливается только съ конца XVI в. Первое было институтомъ частнаго права, вторая—институтомъ права государственнаго. Съ тѣхъ поръ какъ установилось поземельное прикрѣпленіе, оба института существовали нѣкоторое время рядомъ въ строгой юридической раздѣльности. Съ конца XVII в. правительство начало сближать и смѣшивать ихъ одинъ съ другимъ, привлекая прежде свободныхъ отъ тягла холоповъ къ несенію государственныхъ повинностей, какія лежали на крѣпкихъ землѣ тяглыхъ крестьянахъ. Это уравненіе холоповъ съ крестьянами повело къ тому, что и землевладѣльцы стали обращаться съ тѣми и другими, какъ съ крѣпостными (Leibeigene). Этотъ моментъ излагаемаго авторомъ историческаго процесса и не разъясненъ имъ достаточно: именно, благодаря отсутствію опредѣленія крѣпостного права, остается неяснымъ, стали ли землевладѣльцы относиться къ крѣпкимъ землѣ крестьянамъ, какъ они относились прежде къ холопамъ, или наоборотъ, или же, наконецъ, установилось какое-либо новое отношеніе къ тѣмъ и другимъ, непохожее на прежнія отношенія ни къ тѣмъ, ни къ другимъ. Для разъясненія этого пункта читателю приходится собирать разсѣянные по книги намеки, въ которыхъ вскрывается взглядъ автора на сущность русскаго крѣпостного права. Но тутъ читатель встрѣчается съ новымъ затрудненіемъ. Г. Энгельману не нравится старое

---

[1]) Г. Энгельманъ утверждаетъ, что *Hörigkeit* и *Leibeigenschaft* на русскомъ языкѣ выражаются однимъ и тѣмъ же терминомъ—*крѣпостное право*. Это не совсѣмъ вѣрно. *Hörig* соотвѣтствуетъ термину *обязанный*, введенному въ русскій юридическій языкъ законодательствомъ Императора Николая, а обязанный по закону не считался крѣпостнымъ (Св. зак. по изд. 1857 г., т. IX, кн. 1, разд. IV, гл. 4—6).

московское правительство съ тѣми политическими и юридическими порядками, которые оно устанавливало въ своемъ государствѣ, и авторъ при каждомъ удобномъ случаѣ спѣшитъ подѣлиться съ читателями дурнымъ впечатлѣніемъ, какое онъ вынесъ изъ изученія этихъ порядковъ. Московскому правительству больно достается отъ автора за нетерпимость, съ какою оно стирало мѣстныя особенности, все подгибая подъ невысокій московскій уровень, за непониманіе самостоятельнаго мѣстнаго права, самобытной мѣстной культуры. Авторъ читаетъ этому правительству суровый, правда, немного запоздалый урокъ, зачѣмъ оно не возвысилось до той мысли, что существованіе въ извѣстной части государства своеобразнаго и развитого гражданскаго порядка, крѣпкаго самобытнаго права нимало не мѣшаетъ прочному подчиненію этой части государственному цѣлому, хотя бы большинство остальныхъ частей этого цѣлаго стояло на болѣе низкой ступени развитія. Авторъ того мнѣнія, что это правительство вообще не думало о правѣ, не цѣнило его ради него, пренебрегало всякимъ правомъ во имя пользы, что единственной обязанностью московскихъ судей было блюсти не право и правду, а близоруко разсчитанный казенный интересъ, что московскіе чиновники понимали законъ только въ смыслѣ произвольнаго мѣропріятія, направленнаго къ удовлетворенію минутныхъ потребностей, и т. п. Такія историческія обобщенія выступаютъ за предѣлы научнаго изученія и соприкасаются съ областью личныхъ ощущеній, характеризуя не столько предметъ изслѣдованія, сколько самого изслѣдователя, особенности его мышленія. Въ „историко-юридическомъ этюдѣ“, какъ г. Энгельманъ назвалъ свое изслѣдованіе, такія ощущенія, несомнѣнно, проникнутыя теплой задушевностью, неудобны тѣмъ, что подъ дѣйствіемъ ихъ таютъ юридическія опредѣленія, расплавляясь въ неуловимыя схемы, подчасъ лишенныя реальнаго содержанія. Разсматривая значеніе уложенія 1649 г. въ исторіи крѣпостного права, авторъ говоритъ, что этотъ законодательный

сводъ далъ поземельной крѣпости новое основаніе, благодаря которому она стала превращаться въ настоящее крѣпостное право. Въ чемъ же состояло это превращеніе? Опредѣляя перемѣну, какую Уложеніе произвело въ характерѣ поземельной крѣпости, авторъ послѣ одной изъ нетерпѣливыхъ жалобъ на недостатокъ чувства права и правды въ московскомъ правительствѣ того времени говоритъ, что обязанный или крѣпкій землѣ крестьянинъ былъ тогда „связанный предоставленъ личному произволу землевладѣльца". Въ другомъ мѣстѣ авторъ утверждаетъ, что проводимый въ Уложеніи взглядъ на поземельную крѣпость основанъ на мысли, впрочемъ, не выраженной прямо и положительно: „крестьянинъ принадлежитъ землевладѣльцу". Съ большой прямотой и юридической опредѣленностью выражаетъ авторъ свой взглядъ на сущность крѣпостного права въ перечнѣ признаковъ, которыми обозначилось постепенное превращеніе обязаннаго крестьянина въ крѣпостного человѣка: здѣсь авторъ не разъ высказываетъ мысль, что это превращеніе состояло именно въ уравненіи крестьянина съ холопомъ, что не холопы поднимались до положенія обязанныхъ крестьянъ, а, напротивъ, обязанные крестьяне низводились до положенія холоповъ, крѣпостныхъ (стр. 62, 57, 64—73).

Итакъ, сущность крѣпостного права, по мнѣнію автора, состояла во владѣніи крестьянами на томъ же правѣ, на какомъ прежде владѣли на Руси холопами. Значитъ, крѣпостное право по своему происхожденію имѣло самую тѣсную связь съ древнерусскимъ холопствомъ: послѣднее было не только юридическимъ образцомъ, но частію и юридическимъ источникомъ перваго. Но во введеніи, строго различая холопство и крѣпостное право, г. Энгельманъ говоритъ, что по своему историческому происхожденію обѣ эти формы владѣнія людьми не имѣли ничего общаго. Такимъ образомъ, приступая къ работѣ, авторъ имѣлъ въ виду не ту схему исторіи крѣпостного права въ Россіи, на какой онъ построилъ изложеніе этой исторіи. Можно замѣтить и другое противо-

рѣчіи въ его взглядѣ. Холопство онъ назвалъ во введеніи институтомъ частнаго права, а поземельную зависимость обязаннаго крестьянина — институтомъ права государственнаго. Если крѣпостное право сложилось путемъ уравненія крѣпкихъ землѣ крестьянъ съ холопами, значитъ, оно было слѣдствіемъ превращенія института государственнаго права въ институтъ права частнаго. Но въ своей книгѣ авторъ не разъ высказываетъ мысль, что корнемъ, изъ котораго выросло крѣпостное право, былъ взглядъ на землевладѣльца, какой проводило законодательство съ XVII вѣка: землевладѣлецъ по отношенію къ крестьянину, работавшему на его землѣ, разсматривался не какъ одна изъ договаривающихся сторонъ въ поземельной сдѣлкѣ, чѣмъ онъ былъ прежде, а какъ органъ правительства, обязанный по закону отвѣтственностью за своихъ крестьянъ въ извѣстныхъ случаяхъ. Контрагентъ въ поземельной сдѣлкѣ, несомнѣнно, есть явленіе частнаго права, а органъ правительства—явленіе права государственнаго. Выходитъ, что крѣпостное право развилось путемъ превращенія отношеній частнаго права въ отношенія права гоусдарственнаго или путемъ замѣны первыхъ послѣдними. Такимъ образомъ, авторъ допускаетъ два пути образованія крѣпостного права, и пути настолько различные, что они исключаютъ другъ друга.

Все это даетъ нѣкоторое основаніе догадываться, что авторъ приступилъ къ изложенію исторіи крѣпостного права въ Россіи, прежде чѣмъ у него установился твердый взглядъ на это право, свободный отъ всякихъ колебаній. Этотъ недостатокъ оказалъ неблагопріятное дѣйствіе на ходъ изслѣдованія, особенно на рѣшеніе вопроса о происхожденіи института. Не зная, какъ понимаетъ авторъ крѣпостное право, читатель не въ состояніи объяснить себѣ выбора фактовъ, какой онъ находитъ въ книгѣ. Чтобы показать, что̀ заставило московское правительство въ концѣ XVI вѣка установить поземельное прикрѣпленіе крестьянъ, г. Энгельманъ въ первой главѣ книги дѣлаетъ очеркъ ихъ положенія въ

Россіи до этого времени. Въ этомъ очеркѣ отмѣчено много явленій, имѣющихъ, повидимому, очень отдаленное отношеніе къ вопросу и притомъ, не всегда точно воспроизведенныхъ, но за то опущены факты, которыхъ никакъ нельзя обойти въ исторіи крѣпостного состоянія на Руси. Чтобы дать понятіе о древнѣйшихъ поземельныхъ отношеніяхъ въ Россіи, авторъ пользуется результатами изслѣдованія г-жи Ефименко о крестьянскомъ землевладѣніи на крайнемъ сѣверѣ Россіи, въ Архангельской губерніи, не поясняя, насколько поземельныя отношенія, описанныя въ этой статьѣ по памятникамъ XVI—XVIII вѣковъ, близки къ тѣмъ, какія существовали у насъ въ древнѣйшее время, и почему для объясненія поземельнаго прикрѣпленія и крѣпостного права понадобились особенности землевладѣнія, развившіяся именно въ краю, гдѣ не привилось крѣпостное право: въ Архангельской губерніи десятая ревизія насчитала всего 20 человѣкъ крѣпостныхъ дворовыхъ людей и не нашла *ни одного* крѣпостного крестьянина. Но авторъ ничего не говоритъ о древне-русскомъ холопствѣ и даже рѣшительно и строго отличаетъ его отъ крѣпостного права, между тѣмъ какъ именно холопство и было первичной формой крѣпостного состоянія на Руси и оставалось господствующей его формой до самаго законодательнаго своего упраздненія. Если историкъ крѣпостного права въ Россіи счелъ возможнымъ обойти древнѣйшую и много вѣковъ господствовавшую форму этого права, отсюда можно заключить только то, что онъ составилъ себѣ свое особое понятіе о крѣпостномъ правѣ, не согласное съ древне-русскимъ законодательствомъ, которое признавало крѣпостнымъ человѣкомъ прежде всего и преимущественно холопа.

Эти колебанія и недоразумѣнія объясняются и до нѣкоторой степени, можетъ быть, даже оправдываются взглядами на сущность крѣпостного права, какіе высказывались въ нашей литературѣ и которыхъ г. Энгельманъ не могъ согласить и примирить. За это нельзя винить его строго по

двумъ причинамъ. Во-первыхъ, въ нашей исторической литературѣ высказывались очень несходные взгляды на крѣпостное право, которые, притомъ, были обращены не столько на его юридическую сущность, сколько на его историческое развитіе и значеніе, отвѣчали на вопросъ не о томъ, что̀ такое это право, а о томъ, какъ оно установилось и какое оказало дѣйствіе на различныя стороны народной жизни. Во-вторыхъ, самое это право по своему юридическому составу было такимъ сложнымъ институтомъ, который трудно поддается точному опредѣленію. Русское законодательство никогда не рѣшалось на это, не пыталось точно и прямо формулировать основанія крѣпостного права. Изъ всѣхъ опредѣленій, высказанныхъ въ нашей литературѣ, наибольшій авторитетъ безспорно принадлежитъ тому, какое встрѣчаемъ въ одной запискѣ Сперанскаго, составленной въ 1836 г.[1]). Составитель свода законовъ Россійской имперіи пытался опредѣлить сущность „законнаго крѣпостного права“ въ Россіи на основаніи точнаго и буквальнаго смысла дѣйствовавшихъ тогда законовъ. „Законное крѣпостное состояніе, по его словамъ, въ существѣ своемъ есть состояніе крестьянина, водвореннаго на землѣ помѣщичьей съ потомственной и взаимной обязанностью: *со стороны крестьянина* обращать въ пользу помѣщика половину рабочихъ своихъ силъ, *со стороны помѣщика* надѣлять крестьянина такимъ количествомъ земли, на коей могъ бы онъ, употребляя остальную половину рабочихъ его силъ, трудами своими снискивать себѣ и своему семейству достаточное пропитаніе“. Это опредѣленіе страдаетъ двумя пробѣлами: во первыхъ, въ немъ не обозначены отношенія крѣпостныхъ крестьянъ къ государству; во-вторыхъ, оно касается только крѣпостныхъ крестьянъ, не захватывая дворовыхъ людей. У насъ издавна установилась понятная привычка, говоря о крѣпостномъ состояніи,

[1]) *Арх. истор. и практ. свѣдѣній*, изд. г. *Калачовымъ*. 1859 г., кн. 2, отд. 1, стр. 43.

разумѣть подъ нимъ преимущественно или исключительно крѣпостное крестьянство, которое составляло коренной и многочисленнѣйшій элементъ крѣпостного населенія въ Россіи. Этимъ объясняется и тезисъ, поставленный Ю. Ѳ. Самаринымъ въ одной изъ записокъ по крестьянскому дѣлу, писанныхъ въ 1857 г. „Крѣпостное право,—писалъ онъ,— слагается изъ двоякой зависимости: лица отъ лица (крестьянина отъ помѣщика) и земледѣльца отъ земли, къ которой онъ приписанъ; второе изъ этихъ отношеній (зависимость поземельная) заключаетъ въ себѣ всю историческую сущность крѣпостного права". Пока говорятъ объ экономическомъ и политическомъ значеніи крѣпостного права, эта привычка ничему не вредитъ; но какъ скоро заходитъ рѣчь о крѣпостномъ правѣ, какъ юридическомъ институтѣ, привычное представленіе можетъ повести къ важнымъ недоразумѣніямъ. Важнѣйшее изъ нихъ, всего болѣе повредившее постановкѣ и рѣшенію вопроса о происхожденіи крѣпостного права, состоитъ въ предположеніи, что это право имѣло внутреннюю юридическую связь съ поземельнымъ прикрѣпленіемъ крестьянъ, т.-е. что крѣпость лица землевладѣльцу обусловливалась по закону прикрѣпленіемъ къ землѣ и взаимно обусловливала это прикрѣпленіе. Сводъ законовъ нисколько не оправдываетъ этого предположенія. Правда, законодательство императора Николая I пыталось установить общую связь крѣпостного состоянія съ землей. Эта попытка выразилась въ законѣ 15 февраля 1827 г., предписывавшемъ, чтобы въ пользованіи крестьянъ, поселенныхъ на землѣ помѣщика, находилось не менѣе $4^1/_2$ десятинъ земли на душу; то же стремленіе еще замѣтнѣе въ основанной на узаконеніяхъ того же царствованія статьѣ 1,069 тома IX свода законовъ (по изданію 1857 г.), въ силу которой дворянину дозволялось пріобрѣтать дворовыхъ людей и и крестьянъ безъ земли не иначе, какъ съ припиской ихъ къ собственнымъ населеннымъ крѣпостными недвижимымъ имѣніямъ, т.-е. запрещалось беззѣмельное пріобрѣтеніе крѣ-

постныхъ безземельными дворянами. Но и законодательство Николая I не прикрѣпляло отдѣльныхъ крестьянъ ни къ поземельнымъ участкамъ, ни даже къ цѣлымъ селеніямъ, отъ которыхъ отрывать ихъ помѣщикъ не могъ бы по своему усмотрѣнію. Если изъ свода законовъ исключить узаконенія этого императора о крѣпостныхъ людяхъ, то не останется замѣтной юридической связи крѣпостного состоянія съ землей: отношенія крѣпостныхъ людей къ землѣ тогда опредѣлялись бы исключительно тремя постановленіями, основанными на узаконеніяхъ прежнихъ царствованіи и также нашедшими себѣ мѣсто въ сводѣ; одно изъ нихъ давало помѣщику право переводить своихъ крестьянъ во дворъ или дворовыхъ людей на пашню, другое—переселять крестьянъ порознь или цѣлыми селеніями съ однихъ земель на другія, а третье--продавать и закладывать крѣпостныхъ людей поодиночкѣ и безъ земли.

Итакъ, мысль связать крѣпостное право съ землей является въ законодательствѣ довольно поздно, уже въ послѣднюю пору существованія этого права. Одна статья свода законовъ (т. IX, ст. 1,149 по изд. 1857 г.), основанная на законодательствѣ императора Александра I, вскрываетъ побужденіе, внушившее эту мысль: сохраняя старинное право отпускать крѣпостныхъ людей на волю безъ земли порознь и отдѣльно отъ селеній, помѣщики могли освобождать цѣлыя селенія не иначе, какъ съ извѣстнымъ земельнымъ надѣломъ. Это ограниченіе вытекло не изъ сущности крѣпостного права, какъ юридическаго установленія, а изъ сторонняго источника, изъ финансовой политики государства, стремившейся обезпечить бытъ крѣпостныхъ людей, какъ податныхъ плательщиковъ, и исправное отправленіе ими государственныхъ повинностей. Значитъ, по отношенію къ массѣ крѣпостныхъ крестьянъ земля входила въ составъ крѣпостного права не какъ юридическій элементъ, а какъ экономическая необходимость: требуя, чтобы въ пользованіи крѣпостныхъ крестьянъ находилось достаточное для ихъ

хозяйственнаго обезпеченія количество земли, законъ не прикрѣплялъ крестьянъ къ землѣ и не предполагалъ такого прикрѣпленія, какъ юридическаго основанія крѣпостного права, а стремился оградить интересы казны и общественнаго порядка, исходя изъ того соображенія, что безъ достаточнаго земельнаго надѣла невозможно прочное обезпеченіе быта крѣпостныхъ крестьянъ и исправное отправленіе ими государственныхъ повинностей.

Все это приводитъ къ тому выводу, что крѣпостное право, какъ право въ той окончательной формѣ, какую дало ему законодательство незадолго до его отмѣны, имѣло личный, а не поземельный характеръ. Крѣпостной былъ крѣпокъ землевладѣльцу не потому, что былъ прикрѣпленъ къ его землѣ; напротивъ, онъ всегда могъ быть оторванъ отъ земли именно потому, что былъ крѣпокъ только землевладѣльцу: и прикрѣплялся къ землѣ лишь настолько, насколько этого требовали интересы, выходившіе изъ другого источника и стороннимъ ингредіентомъ примѣшивавшіеся къ крѣпостному праву. Этотъ выводъ имѣетъ немаловажное методологическое значеніе: онъ указываетъ, какъ лучше поставить вопросъ о происхожденіи крѣпостного права, чтобы удобнѣе разрѣшить его. Припомнимъ, какъ ставили его изслѣдователи, неразрывно соединявшіе мысль о крѣпостномъ правѣ съ представленіемъ о крѣпостномъ крестьянинѣ. Они разсуждали такъ: нѣкогда крестьяне были вольные люди и пользовались правомъ перехода отъ одного землевладѣльца къ другому; но потомъ правительство отняло у нихъ это право, прикрѣпило ихъ къ землѣ и вслѣдствіе того они попали въ неволю къ землевладѣльцамъ. Все вниманіе изслѣдователя сосредоточивалось на побужденіяхъ, заставившихъ правительство прикрѣпить крестьянъ къ землѣ, и на томъ, какъ это прикрѣпленіе измѣнило отношеніе крестьянъ къ землевладѣльцамъ; поземельное прикрѣпленіе составляло центръ тяжести въ вопросѣ. Но такая постановка вопроса рождала двоякое затрудненіе: во-первыхъ, благодаря

ся, разъяснилось не происхожденіе крѣпостого права, а дѣйствіе на него того сторонняго ингредіента, который вовсе не составлялъ его сущности; во-вторыхъ, оставалось неяснымъ, какимъ образомъ крѣпостное право, построенное на поземельномъ прикрѣпленіи, потомъ утратило юридическую связь съ землей, сошло со своего основанія. Г. Энгельманъ собственно держится той же схемы, только пополняя ее. Русскіе изслѣдователи не опредѣляютъ точно юридическаго характера той неволи, въ какую попали крестьяне вслѣдствіе поземельнаго прикрѣпленія, не указываютъ, была ли накинута на крестьянъ форма порабощенія, сложившаяся прежде, или это былъ новый видъ личной зависимости, незнакомый древне-русскому праву. Г. Энгельманъ склоняется къ первому рѣшенію, приравнивая крѣпостныхъ крестьянъ со времени Уложенія къ древне-русскимъ холопамъ. Но, договаривая недомолвку русскихъ изслѣдователей, онъ только прибавляетъ новое затрудненіе къ прежнимъ: какъ можно утверждать, что крѣпостные крестьяне приравнивались къ прежнимъ холопамъ, когда не только первые, ставъ крѣпостными, не перестали платить государственныя подати, но и вторые, прежде не платившіе податей, начали платить ихъ и перестали быть прежними холопами? И такъ, крѣпостное *право* надобно строго отличать не отъ холопства, какъ дѣлаетъ г. Энгельманъ, а отъ *состоянія* крѣпостныхъ крестьянъ, которое слагалось не изъ однихъ крѣпостныхъ отношеній. Крѣпостное право возникло прежде, чѣмъ крестьяне стали крѣпостными, и выражалось именно въ различныхъ видахъ холопства. Ставя вопросъ о происхожденіи крѣпостного права, надобно брать за исходную точку крѣпостное состояніе, какъ оно было формулировано закономъ въ послѣдній моментъ своего существованія. Это состояніе представляетъ сложный институтъ, слагавшійся изъ крѣпостныхъ отношеній, которыя привязывали крѣпостного къ владѣльцу, и изъ отношеній государственныхъ, поддерживавшихъ политическую связь крѣпостныхъ съ свободнымъ населеніемъ госу-

дарства. Совокупность крѣпостныхъ отношеній, основанныхъ на *крѣпости*, извѣстномъ частномъ актѣ владѣнія или пріобрѣтенія, составляла крѣпостное право; отношенія государственныя, общая подсудность, подати, рекрутская и другія повинности, какъ и поземельное устройство крѣпостныхъ для обезпеченія исправнаго отправленія ими этихъ повинностей, — все это особый порядокъ отношеній, который надобно отличить отъ крѣпостныхъ, хотя не слѣдуетъ уединять отъ нихъ, потому что тѣ и другія отношенія развивались въ тѣсномъ взаимодѣйствіи. Легко замѣтить, что при историческомъ взаимодѣйствіи между обоими порядками отношеній не только не было юридическаго сродства, но господствовалъ скрытый антагонизмъ по самому свойству интересовъ, которые ограждались ими: крѣпостныя отношенія отдавали крѣпостныхъ людей, по выраженію закона, „въ частную власть и обладаніе“ и дѣлали ихъ слугами частнаго интереса, а отношенія государственныя соединяли ихъ въ одно общество съ прочими подданными русской верховной власти. Крѣпостное право на крестьянъ и дворовыхъ людей, какъ оно поставлено въ сводѣ законовъ, имѣетъ прямую юридическую связь съ древне-русскимъ крѣпостнымъ правомъ на холоповъ. Итакъ вопросъ о происхожденіи крѣпостного права есть вопросъ о томъ, что̀ такое было крѣпостное холопское право въ древней Руси, какъ это право привито было къ крестьянству и какъ переродилось вслѣдствіе этой пересадки на новую, чуждую ему почву. Значитъ, центромъ тяжести въ вопросѣ должно служить не поземельное прикрѣпленіе крестьянъ, а развитіе и измѣненіе личной крѣпости, процессъ юридическій, а не политико-экономическій: ставя вопросъ о происхожденіи крѣпостного права, надобно разъяснить не то, какъ государство создало крѣпостное право посредствомъ поземельнаго прикрѣпленія крестьянъ, а то, какъ оно допустило распространеніе на крестьянъ прежде существовавшаго крѣпостного холопскаго права вопреки поземельному прикрѣпленію крестьянъ, если

только послѣднее было когда-либо имъ установлено. Мы увидимъ, что такая постановка вопроса не только даетъ иную схему историческаго явленія, какимъ было крѣпостное право, но и помогаетъ найти иной рядъ историческихъ условій, его вызвавшихъ.

II.

Древне-русское право много работало надъ холопствомъ, и на пространствѣ вѣковъ этотъ институтъ испыталъ значительныя перемѣны какъ въ своей юридической сущности, такъ и въ своихъ экономическихъ и бытовыхъ формахъ. Непризнаніе этого было важной ошибкой со стороны такого ученаго, какъ Бѣляевъ, такъ внимательно относившагося къ тексту юридическаго памятника; а тексты говорятъ прямо противъ него. Въ одной изъ своихъ статей онъ доказывалъ, что законодательство времени обоихъ московскихъ „Судебниковъ" продолжало разрабатывать тѣ же начала полнаго рабства и неполнаго порабощенія, которыя были высказаны въ Русской Правдѣ [1]). *Обѣльное* холопство Русской Правды соотвѣтствовало *полному* холопству „Судебниковъ"; точно также *кабальные* холопы XV и XVI вв. были тѣ же *закупы* Русской Правды, полусвободные люди, вступавшіе во временную, условную зависимость, но при этомъ не терявшіе правъ личности и не переставшіе быть членами русскаго общества. Но Русская Правда не причисляетъ закупа къ холопамъ, даже прямо отличаетъ его отъ нихъ. Способъ установленія личной зависимости закупа не подходитъ ни подъ одинъ изъ источниковъ холопства, признаваемыхъ Правдой: виды личной зависимости, подобные закупничеству, прямо отмѣчены въ ней, какъ отношенія, не установляющія холопства. Древне-русское право строго отличало холопство отъ простой личной зависимости. Главное основаніе разли-

[1]) *Законы и акты, установляющіе въ древней Руси крѣпостное состояніе*, въ *Архивѣ истор. и практ. свѣдѣній*, изд. Н. Калачовымъ, кн. 2, стр. 83 и слѣд.

чія заключалось въ отношеніяхъ лица къ государству: холопство лишало человѣка личныхъ и гражданскихъ правъ и освобождало отъ государственныхъ обязанностей, т.-е. прекращало непосредственныя отношенія лица къ государству; простая личная зависимость не влекла за собою такихъ послѣдствій. Не говоря о политическомъ способѣ обращенія въ рабство по судебному приговору за извѣстное преступленіе, можно сказать, что Русская Правда знаетъ только два гражданскихъ источника холопства: продажу и безусловное вступленіе въ личное услуженіе (по тіунству и по ключу „безъ ряду"). Два другіе способа обращенія въ холопство, отмѣченные Правдой, собственно нельзя считать особыми источниками: продажа въ рабство несостоятельнаго по своей винѣ должника по волѣ кредиторовъ была только осложненнымъ видомъ перваго изъ указанныхъ гражданскихъ источниковъ, а брачный союзъ съ холопомъ или рабой безъ уговора, обезпечивающаго свободу лица, вступающаго въ такой бракъ, былъ осложненнымъ видомъ добровольной отдачи себя въ безусловное личное услуженіе. Личная зависимость закупа создавалась заемнымъ обязательствомъ, которое состояло въ обязательной работѣ закупа на хозяина-заимодавца до уплаты долга. Перечисляя источники холопства, Правда прямо говоритъ, что они установляютъ холопство *обѣльное*, т.-е. полное; но личная зависимость, не устанавливающая холопства обѣльнаго, въ ней не признается и холопствомъ. Такимъ образомъ, держась текста статей Русской Правды о холопахъ, можно указать двѣ особенности, отличающія этотъ памятникъ отъ позднѣйшаго московскаго законодательства о холопствѣ: Правда не знала холопства неполнаго, условнаго, на которое обращено было преимущественное вниманіе позднѣйшаго законодательства; Правда не знала холопства по заемному обязательству, которое было первоначальнымъ и кореннымъ основаніемъ позднѣйшаго кабальнаго, т.-е. неполнаго холопства. Можно возбуждать вопросъ о точности, съ какою Правда воспроизводила юри-

дическія отношенія, дѣйствовавшія въ ея время; но, держась прямого смысла ея статей, нельзя доказать ни того, что она различала холопство полное и неполное, ни того, что долговая зависимость закупа разрывала его непосредственныя отношенія къ государству.

Можно сказать и больше того: сохранившіеся памятники позволяютъ съ нѣкоторою точностью опредѣлить, когда завязалось на Руси и какъ развивалось кабальное холопство. Въ актахъ удѣльнаго времени, княжескихъ и частныхъ, до конца XV в. нѣтъ и намека на этотъ институтъ, какъ не встрѣчаемъ и термина, которымъ онъ обозначался впослѣдствіи: въ этихъ актахъ упоминаются люди *полные, приказные, купленные, челядь дерноватая*, т.-е. холопы полные, но нѣтъ кабальныхъ. Если не ошибаемся, о людяхъ кабальныхъ впервые говорятъ двѣ княжескія грамоты: духовная удѣльнаго князя Андрея Меньшаго, брата великаго князя Ивана III, составленная около 1481 г., и духовная извѣстнаго развѣнчаннаго Иванова внука Димитрія, писанная около 1509 г. Но уцѣлѣли явственные признаки, по которымъ можно догадываться, что кабальная зависимость, какъ новый видъ холопства, тогда только еще зарождалась. Въ „Судебникѣ“ 1497 г. нѣтъ и намека на кабальное холопство: онъ знаетъ только холопство полное. Не встрѣчаемъ его слѣдовъ и въ актахъ частныхъ лицъ того времени. Подъ руками пишущаго эти строки набралось значительное количество духовныхъ грамотъ, изданныхъ и не изданныхъ, относящихся къ длинному промежутку времени съ 1459 г. до конца XVI в. [1]). Завѣщатели всѣ служилые люди московскіе высшихъ и низшихъ чиновъ или ихъ вдовы; между ними со второй четверти XVI в. является много потомковъ русскихъ удѣльныхъ князей, Сицкіе, Ромодановскіе, Ростовскіе, Пронскіе и др. Всѣ они рабовладѣльцы и почти всѣ

[1]) Изданныя духовныя извѣстны. Не изданныя заимствованы изъ двухъ сборниковъ грамотъ Троицкаго Сергіева монастыря, хранящихся въ монастырской библіотекѣ, №№ 530 и 532.

въ своихъ духовныхъ очень точно описываютъ личный и юридическій составъ своей челяди, т.-е. перечисляютъ холоповъ поименно и обозначаютъ, по какому холопству эти люди крѣпки имъ. Слѣдя по этимъ духовнымъ за юридическими видами холопства, замѣчаемъ любопытное явленіе: до 1526 г. въ грамотахъ отмѣчаются холопы полные, въ иныхъ еще и старинные, т.-е. тѣ же полные, но ни въ одной нѣтъ помину о холопахъ кабальныхъ, хотя число извѣстныхъ намъ духовныхъ, писанныхъ съ 1459 по 1525 годъ, простирается до двухъ десятковъ. Напротивъ, съ 1526 г. рѣдкая духовная не упоминаетъ рядомъ съ полными людьми и о кабальныхъ; иныя говорятъ объ однихъ кабальныхъ, не упоминая о полныхъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ кабальная дворня становится все многочисленнѣе. Что еще замѣчательнѣе, въ одномъ и томъ же рабовладѣльческомъ домѣ раньше указаннаго хронологическаго рубежа по духовнымъ не замѣтно присутствія кабальныхъ людей, а послѣ они являются въ составѣ челяди. Служилый человѣкъ Арбузовъ въ духовной 1524 г. перечисляетъ поименно 14 головъ холоповъ и холопокъ, однихъ отпуская на волю, другихъ отказывая своимъ дѣтямъ. Внукъ этого самаго Арбузова въ духовной 1556 г. поименовываетъ уже троихъ своихъ людей, „серебрениковъ кабальныхъ", прибавляя: „тѣ мои люди на слободу и кабалы бы имъ выдати безденежно". Въ одной изъ духовныхъ находимъ указаніе, бросающее нѣкоторый свѣтъ и на юридическое состояніе, изъ котораго развивалось кабальное холопство. Потомокъ старипнаго московскаго боярскаго рода Бѣлеутовъ въ духовной 1472 г. перечисляетъ съ дюжину семействъ холоповъ полныхъ и старинныхъ, которыхъ отказываетъ своимъ наслѣдникамъ или отпускаетъ на волю [1]). Окончивъ этотъ перечень, завѣщатель отдѣльно упоминаетъ о нѣкоемъ Войданѣ, который находился въ зависимости особаго рода отъ Бѣлеутова: этотъ Войданъ съ семьей, пишетъ

[1]) *Акты юр.* № 410.

завѣщатель, „отслужат свой урокъ моей женѣ и моимъ дѣтямъ десять лѣтъ да пойдутъ прочь, рубль заслужатъ, а рубль дадутъ моей женѣ и моимъ дѣтямъ, а не отслужатъ своего урока, ино дадутъ оба рубля“. Сколько можно понять это распоряженіе, Войданъ занялъ у Бѣлеутова два рубля, уговорившись за одинъ рубль служить урочныя лѣта хозяину и, въ случаѣ его смерти, его наслѣдникамъ, а по истеченіи срока отойти на волю, заплативъ другой рубль. Это, очевидно, не полное или старинное холопство, а временная и условная зависимость, основанная на долговомъ обязательствѣ; завѣщаніе не даетъ права даже считать ее холопствомъ. По своей юридической физіономіи Войданъ—закупъ Русской Правды. Въ удѣльное время такіе закупы назывались *закладнями* или *закладниками*. Изъ договорныхъ грамотъ Новгорода Великаго съ князьями XIII и XIV вв. узнаемъ, что князья и ихъ бояре принимали къ себѣ закладней изъ обывателей новгородскихъ волостей. Не видно, каковы были условія этого заклада; видно только, что закладывались новгородскіе смерды и купцы, т.-е. крестьяне и торговые городскіе люди. Но ничто не заставляетъ предполагать, чтобы эти закладни считались холопами тѣхъ, за кого закладывались, и въ терминахъ, которыми грамоты обозначаютъ ихъ зависимость, нѣтъ никакого намека на это. Эти люди только выходили изъ состава тѣхъ городскихъ и сельскихъ обществъ Новгородской земли, къ которымъ принадлежали, порывали политическую связь съ Новгородомъ Великимъ, какъ государемъ, и подчинялись князю, „позоровали къ нему“, по своеобразному выраженію грамотъ, т.-е. мѣняли одну политическую зависимость на другую, не выступая изъ прежнихъ своихъ общественныхъ состояній, не переставая быть смердами и купцами. Вотъ почему Новгородъ ставилъ въ своихъ договорахъ условіе, обязывавшее князей отступаться отъ такихъ закладней, возвращать ихъ въ тѣ общества, изъ которыхъ они выходили,—купца въ его городскую сотню, смерда въ его сельскій погостъ. По духов-

нымъ и договорнымъ грамотамъ московскихъ князей видно, что такіе закладни были и въ ихъ собственныхъ удѣлахъ. Тѣ изъ этихъ людей, которые закладывались лично за князя, а не за его бояръ, вступали въ двойную зависимость отъ него: они подчинялись ему, какъ государю, наравнѣ съ съ закладнями бояръ этого князя, и подчинялись ему, какъ хозяину, по частному обязательству на томъ же правѣ, на какомъ боярскіе закладни подчинялись своимъ боярамъ. Такая двойная зависимость, политическая и гражданская, если не по названію, то на дѣлѣ ставили княжескихъ закладней въ положеніе холоповъ, только не полныхъ, а условныхъ, такъ какъ частная личная зависимость по древне-русскому праву только тогда получала характеръ холопства, когда хозяинъ зависимаго человѣка становился для него вмѣстѣ и государемъ, замѣнялъ для него верховную власть. Можетъ быть, этимъ и объясняется, почему кабальные холопы являются по актамъ, прежде всего, не у частныхъ лицъ, а у владѣтельныхъ князей, какими были упомянутые выше удѣльный братъ Ивана III Андрей и Ивановъ внукъ Димитрій. Если это соображеніе основательно, то становится объяснимо юридическое происхожденіе кабальнаго холопства и въ домахъ частныхъ лицъ. То явленіе, что о кабальныхъ холопахъ упоминаютъ извѣстныя намъ духовныя частныхъ лицъ, писанныя именно не раньше 1526 г., разумѣется, не болѣе, какъ случайность: могутъ найтись акты съ указаніемъ на такихъ холоповъ у частныхъ лицъ, составленные нѣсколькими годами раньше. Но въ связи съ молчаніемъ „Судебника“ 1497 г. о кабальныхъ холопахъ это явленіе внушаетъ догадку, что кабальная или условная зависимость не раньше конца XV в. получила характеръ холопства и съ такимъ характеромъ еще не успѣла достигнуть замѣтнаго развитія въ частныхъ гражданскихъ отношеніяхъ. Надобно принимать, что именно во второй половинѣ XV в. множество удѣльныхъ князей утратило значеніе владѣтельныхъ государей и перешло въ положеніе служилыхъ людей мос-

ковскаго государя. Становясь частными лицами для своихъ удѣльныхъ обществъ, эти князья оставались государями для людей, находившихся въ частной личной и условной зависимости отъ нихъ, и, такимъ образомъ, внесли въ гражданскія отношенія новую юридическую мысль, что и у частныхъ лицъ слуги, привязанные къ хозяевамъ кабалой, личнымъ и временнымъ обязательствомъ, принадлежатъ имъ на томъ же правѣ, какъ и холопы полные, только принадлежатъ лично и временно.

Но если юридическое происхожденіе кабальнаго холопства можно связывать съ переворотомъ, происшедшимъ въ политическомъ складѣ Руси, то историческому его развитію, распространенію его по дворамъ, никогда не бывшимъ владѣтельными, содѣйствовалъ переломъ, совершившійся въ народномъ хозяйствѣ. Трудно объяснить, что̀ именно произошло тогда въ народномъ хозяйствѣ, но можно замѣтить, что произошло нѣчто такое, вслѣдствіе чего чрезвычайно увеличилось количество свободныхъ людей, которые не хотѣли продаваться въ полное холопство, но не могли поддержать своего хозяйства безъ помощи чужого капитала. Иначе нельзя объяснить того незамѣтнаго прежде явленія, что въ то время, когда законъ еще нисколько не стѣснялъ права свободнаго лица располагать по усмотрѣнію своею личностью, множество свободныхъ людей, не отказываясь отъ свободы навсегда и безусловно, входило въ долговыя обязательства, устанавливавшія неволю временную и условную. Этой экономической перемѣнѣ соотвѣтствовала юридическая физіономія, съ какою впервые является кабальный холопъ въ памятникахъ нашего права XVI вѣка: это должникъ, уплачивающій по договору ростъ съ занятаго капитала личной обязательной работой. Ни срокъ, ни другія условія этой работы, повидимому, не опредѣлялись однообразно и точно. Можно только замѣтить, что обязательство не прекращалось ни смертью кредитора, ни даже смертью „заимщика“. Со второй четверти XVI в. рабовладѣльцы въ духовныхъ своихъ грамо-

тахъ обыкновенно передаютъ наслѣдникамъ вмѣстѣ съ полными холопами и кабальныхъ своихъ людей, иногда только ограничивая срокъ ихъ дальнѣйшей службы. Кн. Никита Ростовскій въ духовной 1548 г. отказалъ своей женѣ четыре семьи кабальныхъ людей съ условіемъ держать ихъ въ службѣ пять лѣтъ со смерти завѣщателя, а послѣ отпустить на свободу по княжой душѣ „безденежно". Даже отпуская кабальныхъ людей на волю, завѣщатели XVI в. даютъ понять, что дѣлаютъ это не въ силу закона, а по душѣ, по личной милости, прощая долгъ: юридическая возможность посмертнаго взысканія долга съ кабальнаго всегда предполагалась сама собою. Мордвиновъ въ духовной 1526 г., самомъ раннемъ изъ извѣстныхъ намъ завѣщаній, сохранившихъ слѣдъ кабальнаго холопства у частныхъ лицъ, отпускаетъ на волю съ семьей человѣка, который былъ ему крѣпокъ по кабалѣ въ $2^1/_2$ р., прибавляя: „а кабалу ему выдати, а денегъ на немъ не правити". Въ другихъ духовныхъ встрѣчаемъ распоряженіе отпустить на волю вмѣстѣ съ полными и полоненными людьми и кабальныхъ, а „кабалы и памяти изодрать и денегъ и хлѣба по нимъ не брать". Такое необязательное освобожденіе кабальныхъ, простиравшееся и на полныхъ холоповъ, называлось въ духовныхъ *простью*: „а людямъ моимъ прость, пишетъ вдова кн. И. Б. Горбатаго Суздальскаго въ духовной 1551 г., полнымъ и докладнымъ и приданымъ и кабальнымъ,—всѣ Божіи и царевы государевы люди". Если долговое обязательство кабальнаго не уничтожалось смертью заимодавца, то, съ другой стороны, пока былъ живъ послѣдній, оно не прекращалось и смертью должника, переходило на его семью, съ которой онъ отдался въ кабалу или которой обзавелся во время холопства; однако, положеніе осиротѣлой семьи холопа по смерти заимодавца, повидимому, не опредѣлялось; но если холопъ при жизни или по смерти господина получалъ волю, закабаленная имъ семья во всякомъ случаѣ становилась свободна, что не было обязательно для господина при освобожденіи полныхъ холо-

повъ. О недавнемъ возникновенiи кабальнаго холопства вмѣстѣ съ этой неопредѣленностью условiй говоритъ еще и то, что до половины XVI в. оно не успѣло усвоить ни терминологiи, ни юридическихъ формъ холопства. Кн. Ногтевъ въ духовной 1534 г. пишетъ: „а что мои *люди* по кабаламъ серебряники и по полнымъ грамотамъ... *холопи*, и тѣ всѣ люди... на слободу". Завѣщатель приказываетъ своимъ душеприкащикамъ дать холопамъ полнымъ и докладнымъ отпускныя, а людямъ кабальнымъ только возвратить кабалы: не привыкнувъ еще видѣть въ кабальномъ настоящаго холопа, не считали необходимымъ при освобожденiи давать ему отпускную. Но принципъ кабальнаго холопства былъ уже готовъ въ началѣ XVI в. и лучшую формулу его находимъ въ жалованной грамотѣ вел. кн. Василiя 1514 г. жителямъ Смоленска: „а кто человѣка держитъ въ деньгахъ, и онъ того своего человѣка судитъ самъ", т.-е. для должника, живущаго въ домѣ заимодавца, послѣднiй замѣняетъ государя, верховную власть.

Такъ въ нашемъ правѣ XVI в. стали рядомъ два вида крѣпостного состоянiя: холопство полное и кабальное. То и другое слагалось изъ различныхъ юридическихъ элементовъ. Источникомъ полнаго холопства была продажа лица, и изъ этого источника вытекали два послѣдствiя: 1) безусловная и безсрочная зависимость купленнаго отъ купившаго, 2) потомственность и наслѣдственность этой зависимости, т.-е. переходъ ея отъ купленнаго на его потомство и передача права на холопа покупщикомъ своимъ наслѣдникамъ. Потомственность, соединенная съ наслѣдственностью, носила на языкѣ древне-русскаго холопства техническое названiе *старины*: сынъ полнаго холопа, родившiйся въ холопствѣ и по холопству отца холопившiй его „государю" или наслѣднику этого государя, назывался полнымъ *стариннымъ* холопомъ. Источникомъ кабальнаго холопства былъ заемъ съ замѣной роста личнымъ услуженiемъ должника, и изъ этого источника вытекали два послѣдствiя: 1) условная зависимость

должника отъ заимодавца, условія которой опредѣлялись добровольнымъ уговоромъ обѣихъ сторонъ, 2) юридическая неразрывность семьи кабальнаго холопа, который, выходя на волю при жизни или по смерти своего государя, во всякомъ случаѣ выводилъ изъ неволи и жену съ дѣтьми, которыхъ онъ закабалилъ вмѣстѣ съ собою или которыхъ нажилъ во время холопства. Крѣпость, которой утверждалось кабальное холопство, въ отличіе отъ простой заемной или закладной кабалы называлась въ XVI в. *кабалой за ростъ служити* или *служилой;* послѣднее названіе осталось за ней и въ XVII в. Холопство полное и кабальное должно считать основными, первичными видами крѣпостного состоянія въ древней Руси. Изъ различныхъ сочетаній юридическихъ элементовъ, входившихъ въ составъ того и другого холопства, развились новые, производные виды, и это развитіе отличалось такою юридической строгостью и послѣдовательностью, какой не найдемъ въ другихъ процессахъ нашей юридической жизни и которая нѣсколько напоминаетъ римское право: пусть читатель удержитъ улыбку, которую можетъ вызвать это замѣчаніе.

Прежде всего, изъ холопства полнаго подъ дѣйствіемъ кабальнаго выдѣлилось холопство *докладное*. Если не ошибаемся, доселѣ не найдено ни одной *полной* грамоты, какъ называлась крѣпость, которой утверждалось полное холопство; только въ одной крѣпостной книгѣ XVI в. сохранилось 7 записей, представляющихъ сокращенное изложеніе полныхъ грамотъ 1489—1526 годовъ[1]). Во всѣхъ записяхъ повторяется одинаковая формула: извѣстное лицо покупало холопа „собѣ и своимъ дѣтемъ въ полницу“. Но по 101 статьѣ XX главы Уложенія можно догадываться, что въ иныхъ полныхъ грамотахъ писали не только дѣтей, но и внучатъ, даже правнучатъ покупщика. Изъ той же статьи видно, что въ XVII в. этотъ перечень поколѣній имѣлъ юридическое значеніе: если холопъ,

[1]) *Арх. ист.-юр. свѣд.* г. Калачова, кн. 2, отд. 2, стр. 32.

укрѣпленный полной грамотой, въ которой обозначены только дѣти его государя, доживалъ до его внука, послѣдній терялъ на него право, не могъ искать на немъ холопства по одной такой полной своего дѣда, не имѣя другихъ крѣпостей на него. Но трудно рѣшить, дѣйствовало ли это правило въ XVI в. Въ этомъ легкомъ смягченіи полнаго холопства можно уже видѣть дѣйствіе принципа, лежавшаго въ основаніи холопства кабальнаго: указанная формула полной грамоты сообщала нѣкоторую условность неволѣ, которая укрѣплялась ею. Къ полнымъ холопамъ причислялись и люди, отдававшіеся въ холопство не для всякой работы, какую укажетъ господинъ, а спеціально для службы прикащиками по его хозяйству. Они потому назывались *приказными* людьми; то были тіуны, посельскіе, ключники. Русская Правда отличаетъ тіунство и ключничество отъ продажи, какъ особый источникъ обѣльнаго холопства: самая служба въ этихъ дворовыхъ должностяхъ дѣлала свободнаго человѣка холопомъ, если не была обусловлена „рядомъ", особымъ уговоромъ, ограждавшимъ свободу слуги. „Судебникъ" 1497 г. знаетъ холопство по тіунству и по ключу, но только сельскому: служба городскимъ ключникомъ не считались холопской. „Судебникъ" не говоритъ и о рядѣ; это можно объяснить тѣмъ, что въ XV и XVI вв., по крайней мѣрѣ, сельскіе ключники обыкновенно покупались наравнѣ съ простыми полными холопами и эта служба была уже не особымъ источникомъ, а только привилегированнымъ видомъ холопства. Это холопство укрѣплялось особой формальностью *доклада*: покупавшій ключника представлялъ его намѣстнику, свидѣтельствуя, что это вольный человѣкъ, беретъ у него, покупщика, столько-то рублей и въ тѣхъ деньгахъ дается ему на ключъ въ его село, „а по ключу дается и въ холопи": намѣстникъ провѣрялъ это показаніе, опрашивая покупаемаго, и, въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, скрѣплялъ сдѣлку, прикладывая свою печать къ грамотѣ, ее излагавшей. Эта грамота называлась *докладной*, а холопство, ею укрѣпляв-

шееся, получило специальное названіе *докладного*. Обычнымъ источникомъ такого холопства, какъ и полнаго, была продажа. До насъ дошли одна подлинная докладная 1553 г. и три краткія докладныя записи 1509—1536 г., уцѣлѣвшія въ упомянутой выше крѣпостной книгѣ; во всѣхъ этихъ сдѣлкахъ сельскіе ключники продавали себя на ключъ. Но при одинаковомъ источникѣ докладное холопство отличалось нѣкоторыми существенными юридическими особенностями, которыя выдѣляли его изъ холопства полнаго въ особый видъ крѣпостной зависимости. Выдѣленіе это произошло, повидимому, въ промежуткѣ обоихъ „Судебниковъ“: первый изъ нихъ еще признаетъ холопство по тіунству и по сельскому ключу „съ докладомъ и безъ докладу“, т.-е. безъ особой докладной процедуры, какъ заключались сдѣлки и на полное холопство; второй „Судебникъ“ не признаетъ холопствомъ сельскаго ключничества, не укрѣпленнаго докладной грамотой, и самое право давать грамоты полныя и докладныя усвояетъ только нѣкоторымъ намѣстникамъ высшаго ранга. По самому существу своему докладное холопство было зависимостью условною: сельскій ключникъ отдавался не на всякую работу, а только на службу въ извѣстной должности по хозяйственному управленію. Къ этому основному условію прикрѣпились и другія ограниченія господскаго права на докладного холопа. Во-первыхъ, это право было только пожизненное, прекращалось смертью господина и не передавалось наслѣдникамъ; потому докладныя писались только на имя покупщиковъ, безъ дѣтей и дальнѣйшихъ потомковъ. Въ законахъ 1597 и 1609 гг. эта пожизненность является уже давно утвердившимся, признаннымъ правиломъ: но трудно объяснить ея происхожденіе. Кажется, это ограниченіе права на докладного холопа основалось на одномъ обычаѣ, возникшемъ еще въ удѣльное время. У князей удѣльныхъ бывали и некупленные ключники, юридическое состояніе которыхъ отличалось тою особенностью, что по смерти князя, которому они служили, они и не отпускались на волю, и не переда-

вались наслѣдникамъ: это значитъ, что ихъ зависимость непремѣнно прекращалась самой смертью князья, а не его милостивымъ посмертнымъ распоряженіемъ, зависѣвшимъ отъ его воли. Слѣдовательно, они не считались полными холопами; но такъ какъ хозяинъ, которому они служили „съ рядомъ", по вольному уговору, владѣтельный князь, былъ для нихъ и государемъ, какимъ онъ былъ и для всѣхъ вольныхъ людей въ своемъ княжествѣ, то это соединеніе частнаго личнаго услуженія съ государственнымъ подданствомъ дѣлало свободнаго ключника условнымъ и временнымъ холопомъ князя. Такимъ образомъ, пожизненность докладного холопства имѣла одинаковое историческое происхожденіе съ холопствомъ кабальнымъ: въ удѣльное время заемная кабала не дѣлала холопомъ, даже если соединялась съ личнымъ услуженіемъ должника кредитору; но когда кредиторомъ становился удѣльный князь, соединявшій съ правами заимодавца авторитетъ верховной власти, тогда личная служба за долгъ создавала зависимость, ставшую первообразомъ кабальнаго холопства. Вѣроятно, обычай удѣльныхъ князей принимать некупленныхъ ключниковъ въ службу по свою смерть, обобщаясь, сталъ потомъ обязательной юридической нормой и для купленнаго ключничества въ частныхъ хозяйствахъ. Во-вторыхъ, не давая дѣтямъ господина наслѣдственнаго права на отцова холопа, докладное холопство не создавало и дѣтямъ холопа полной потомственной зависимости отъ отцова господина, не давало ему права распоряжаться ими отдѣльно отъ отца и не всегда давало право передавать ихъ по наслѣдству, какъ дѣтей полнаго холопа. Изъ текста того же закона 1597 г. прямо слѣдуетъ, что дѣти докладного холопа, родившіяся во время его холопства, обязаны были служить отцову господину, но по смерти его становились свободны вмѣстѣ съ отцомъ: это была старина потомственная безъ наслѣдственности. Въ этомъ легко замѣтить прямое дѣйствіе того принципа кабальнаго холопства, по которому семья холопа, при выходѣ послѣдняго на волю,

нераздѣльно слѣдовала за своимъ главой. Но юридическое родство докладного холопства съ полнымъ, созданное ихъ общимъ источникомъ, продажей, оставило по себѣ слѣдъ и послѣ обособленія одного отъ другого. По памятникамъ законодательства и по крѣпостнымъ актамъ XVI и XVII вв. видимъ, что были старинные докладные люди, т.-е. потомки докладныхъ холоповъ-ключниковъ, которыхъ господа передавали своимъ дѣтямъ въ приданое и по завѣщанію наравнѣ съ полными холопами. Разгадку этого находимъ въ припискѣ къ одной изъ докладныхъ записей въ упомянутой крѣпостной книгѣ XVI в. Въ 1509 г. Собака Скобельцынъ купилъ себѣ на ключъ нѣкоего Ивашка. Въ припискѣ, продиктованной внукомъ Собаки, перечислены потомки этого Ивашка, остававшіеся въ холопствѣ у Скобельцыныхъ. Сынъ Ивашка Безпута служилъ сыну Собаки, Константину, у него въ холопствѣ и умеръ, а сынъ Безпуты, Томилка, прибавляетъ приписка, служитъ у Константина. Въ той же книгѣ записана данная этого Константина, писанная въ 1596 году: благословляя дѣтей своихъ старинными своими докладными людьми и полоняниками, Скобельцынъ помѣстилъ въ ихъ спискѣ и стариннаго докладного Томилку Безпутнаго. И такъ, родившіяся въ холопствѣ дѣти докладного холопа, который умеръ, прежде чѣмъ успѣлъ выйти на волю, т.-е. при жизни своего господина, не получали свободы по праву и послѣ его смерти, становились старинными потомственными и наслѣдственными холопами подобно полнымъ. Эта особенность докладного холопства, будучи остаткомъ его юридическаго родства съ полнымъ, однако, не противорѣчила и усвоенному имъ у кабальнаго холопства принципу неразрывности семьи холопа при его освобожденіи: вслѣдствіе преждевременной смерти отца, дѣти докладного холопа по *праву* не могли получить свободы и, какъ потомки купленнаго холопа, попадали въ вѣчную неволю, изъ которой ихъ могла вывести только *милость* господина. Такъ изъ полнаго холопства подъ дѣйствіемъ началъ кабальнаго или одинаковыхъ исто-

рическихъ условій образованія того и другого развился смягченный видъ купленнаго холопства съ *укороченной потомственной и случайной полной стариной*: право господина на купленнаго ключника, личное и пожизненное, превращалось въ наслѣдственную власть перваго надъ потомствомъ второго въ случаѣ, если купленный умиралъ раньше купившаго.

Въ свою очередь, докладное холопство содѣйствовало дальнѣйшему развитію кабальнаго, сообщило ему нѣкоторыя свои черты и тѣмъ придало ему большую опредѣленность. По свойству своего источника кабальное холопство слагалось изъ займа и личной службы. Доклàдное холопство помогло этимъ прежде слитымъ элементамъ разложиться и образовать два особые вида кабальнаго холопства. Въ „Судебникѣ“ 1550 г. и въ ближайшихъ къ нему по времени дополнительныхъ указахъ кабальное холопство является еще вполнѣ съ характеромъ заемно-служилаго на довольно неопредѣленныхъ условіяхъ. Такой характеръ долго сохраняетъ оно и въ дошедшихъ до насъ служилыхъ кабалахъ. Самая ранняя изъ изданныхъ кабалъ относится, если не ошибаемся, къ 1596 году[1]). Между неизданными намъ попалась одна 1597 г. Всѣ эти кабалы очень однообразны: вольный человѣкъ, одинъ или съ женой, иногда и съ дѣтьми, занималъ у извѣстнаго лица нѣсколько рублей всегда ровно на годъ, обязуясь „за ростъ у государя своего служити во дворѣ по вся дни, а полягутъ деньги по сроцѣ, и мнѣ за ростъ у государя своего потому же служити по вся дни“; иногда холопъ съ семьей прибавлялъ условіе: „а кой насъ заимщиковъ въ лицахъ, на томъ деньги и служба“. Это значитъ, что холопъ формально обязывался служить до уплаты долга и на случай неуплаты его при своей жизни переносилъ обязательство на жену и дѣтей своихъ. Нѣкоторыми изъ этихъ чертъ служилыя кабалы напоминаютъ обычную форму простыхъ заемныхъ кабалъ или долговыхъ росписокъ того времени.

[1]) *Акты юр.*, *№ 252. Полн. собр. зак.*, I, стр. 116—121.

Трудно объяснить происхожденіе такой формы служилой кабалы. Вѣроятно, она давалась первоначально только на годъ, послѣ чего должники, уплативъ долги, могли выходить на волю; но они обыкновенно оказывались несостоятельными. Въ 1560 г. казначеи, докладывая царю о томъ, что господа ищутъ по служилымъ кабаламъ заемныхъ денегъ, но холопамъ нечѣмъ платить, а иные даже уходятъ отъ господъ безъ расплаты, унося господское добро, прибавляя, что послѣднихъ по суду выдаютъ истцамъ „головой до искупа“, а другіе *сами* просятся къ истцамъ въ холопы полные и докладные взамѣнъ уплаты. Отсюда можно понять, что дѣлали истцы съ выданными до искупа: они превращали ихъ въ своихъ полныхъ или докладныхъ холоповъ или продавали другимъ. Царь указалъ несостоятельныхъ кабальныхъ выдавать до искупа, запретивъ имъ продаваться въ полные и докладные, т.-е. указалъ оставлять ихъ въ кабальномъ холопствѣ до расплаты, не переводя въ болѣе тяжкую неволю. Можетъ быть, по этому указу въ служилую кабалу и было внесено новое условіе, обязывавшее кабальнаго продолжать кабальную службу своему господину и въ томъ случаѣ, если „деньги полягутъ по сроцѣ“, Но тогда господа, удерживая при себѣ кабальныхъ, стали продавать или закладывать ихъ женъ и дѣтей, разрывая кабальныя семьи. Намекъ на это можно видѣть у Флетчера, бывшаго въ Москвѣ въ 1588 году: онъ говоритъ, будто законъ дозволялъ кредитору продать жену и дѣтей выданнаго головой должника вовсе или на извѣстное число лѣтъ. Въ свою очередь, и холопы старались перезаложиться другимъ, покрывая старый долгъ новымъ займомъ: изъ закона 1597 г. видно, что иные кабальные, уходя отъ своихъ господъ, просили принять у нихъ деньги въ уплату по кабаламъ. Этотъ законъ и пытался пресѣчь возникавшіе отсюда безпорядки, примѣняясь къ господствовавшимъ отношеніямъ и понятіямъ. По духовнымъ грамотамъ XVI в. видно, что кабальная зависимость чаще всего прекращались по волѣ господина съ его

смертью: „отходя сего свѣта вольнаго“, онъ не только прощалъ долги своимъ добрымъ слугамъ, но и „надѣлялъ“ ихъ по силѣ, прося душеприкащиковъ дать его „людцамъ, мужичкамъ и женочкамъ, почему пригоже дати, а не оскорбити“, чтобы люди, покидая господскій дворъ, не заплакали, по прекрасному выраженію нѣкоторыхъ завѣщательницъ. Такъ нравственный мотивъ приходилъ на помощь неопредѣленному или нерѣшительному праву, внося въ кабальное холопство элементъ докладного. Чтобы прекратить разрывъ кабальныхъ семей, тяжбы и побѣги, законъ 25 апрѣля постановилъ, что въ случаѣ спора, если кабальный уйдетъ отъ господина безъ его согласія, съ такими кабальными слѣдуетъ поступать *какъ съ докладными*, выдавать ихъ въ службу господамъ до смерти послѣднихъ, а денегъ по кабаламъ не брать съ холоповъ, хотя бы они просили о томъ; точно также и дѣти кабальнаго, закабаленныя вмѣстѣ съ отцомъ или родившіяся въ холопствѣ, *подобно докладнымъ людямъ*, служатъ отцову господину до его смерти, а женѣ его и дѣтямъ послѣ него не служатъ и денегъ имъ по отцовой кабалѣ не платятъ. Законъ не предписывалъ, чтобы кабальная служба всегда непремѣнно продолжалась до господской смерти: онъ только давалъ норму для разрѣшенія спорныхъ случаевъ и запрещалъ продажу и закладъ кабальныхъ дѣтей. По любовному уговору сторонъ кабальный могъ по смерти господина служить его семьѣ, по волѣ господина могъ выйти на волю раньше его смерти. Пушкинъ въ духовной, писанной въ сентябрѣ того же 1597 г. считалъ себя въ правѣ написать: „людей моихъ кабальныхъ во дворѣ и въ деревняхъ всѣхъ отпустити на свободу, опричь тѣхъ, которыхъ я приказывалъ женѣ моей по ея животъ“.

Такимъ образомъ, законъ самъ отмѣтилъ историческую связь юридическихъ явленій, постановивъ, что въ спорныхъ случаяхъ по служилымъ кабаламъ „быть въ холопствѣ, какъ и по докладнымъ“, т.-е. принявъ докладное холопство за образецъ для кабальнаго въ отношеніи срока службы. Это

сообщало служилой кабалѣ значенiе крѣпости, устанавливавшей личную связь кабальнаго съ господиномъ. Отсюда съ строгой юридической логикой развился рядъ послѣдствiй, существенно измѣнившихъ характеръ кабальнаго холопства. Во-первыхъ, если кабальная неволя прекращалась смертью господина безъ уплаты долга, значитъ, служба за ростъ превращалась въ службу за самый долгъ съ погашенiемъ его, т.-е. холопство по займу превращалась въ личное услуженiе по найму съ выдачей наемной платы впередъ. Такъ, одно изъ послѣдствiй прежняго источника кабальнаго холопства, личная служба за ростъ, незамѣтно само превратилось въ источникъ холопства: прежде крѣпила долговая ссуда, соединенная съ личной службой должника; теперь возникла мысль, что *можетъ крѣпить личная служба во дворѣ сама по себѣ*, независимо отъ ссуды. Повидимому, эта мысль была примѣненной къ кабалѣ реставрацiей стариннаго принципа, по которому служба тiуномъ или ключникомъ безъ уговора дѣлала слугу холопомъ. Во-вторыхъ, служилая кабала могла быть даваема только одному господину, а не двоимъ вмѣстѣ, напримѣръ, отцу съ сыномъ, т.-е. *служилая кабала крѣпила каждаго холопа только одному лицу*. Совмѣстныя кабалы были строго запрещены закономъ 1606 г. и этотъ запретъ подтвердило Уложенiе 1649 г. Но практика съ трудомъ усвояла себѣ это правило: совмѣстныя кабалы, утвержденныя законнымъ порядкомъ, встрѣчаются до 1648 г. Въ-третьихъ, кабальный холопъ, крѣпкiй одному лицу, *не могъ быть передаваемъ другому безъ отпускной*, т.-е. безъ уничтоженiя старой кабалы, что дѣлало его свободнымъ. Мы не знаемъ, было ли это правило прямо выражено въ законодательствѣ раньше Уложенiя, которое одной статьей строго запретило отдавать кабальныхъ людей въ приданое, по духовнымъ и другимъ грамотамъ, а другой — запретило отцамъ брать на своихъ кабальныхъ новыя кабалы на имя своихъ дѣтей, не давъ имъ предварительно отпускныхъ, т.-е. не обусловивъ передачи холопа его добровольнымъ

согласіемъ (XX, 61 и 9). Въ-четвертыхъ. какъ скоро личная дворовая служба безъ займа стала считаться особымъ источникомъ холопства, *добровольное услуженіе безъ крѣпости стало создавать крѣпостную кабальную неволю.* Средствомъ для этого было установленіе давности состоянія *вольныхъ холопей* или *добровольнаго холопства.* Вольнымъ назывался холопъ, служившій не по старинѣ и безъ крѣпости. Пока личная служба безъ займа не считалась источникомъ кабальнаго холопства, добровольная служба, разумѣется, не могла признаваться холопствомъ и вести къ нему: по закону 1555 г., добровольный слуга, сколько бы ни служилъ, могъ уйти, когда хотѣлъ, и хозяинъ не имѣлъ даже права искать на немъ сноса. Но апрѣльскій законъ 1597 г., косвенно превративъ заемъ съ условіемъ службы за ростъ въ наемную плату за кабальную службу, тотчасъ примѣнилъ эту перемѣну къ добровольной службѣ, постановивъ, что на слугу, прожившаго безъ крѣпости не меньше полугода, господинъ можетъ взять служилую кабалу противъ его воли. Однако, новый способъ кабальнаго укрѣпленія безъ займа былъ принятъ законодательствомъ не безъ колебаній. Царь Василій Шуйскій въ 1607 г. вернулся было ко взгляду закона 1555 г., но въ 1609 г. передумалъ, впрочемъ, не принялъ окончательнаго рѣшенія, обѣщавъ поговорить о томъ съ боярами и приказавъ пока впредь до изданія закона удерживать на прежней службѣ только тѣхъ вольныхъ слугъ, отказывавшихся дать на себя кабалы, которые прослужили не менѣе 5 лѣтъ. Въ томъ же году боярскимъ приговоромъ возстановленъ былъ законъ 1597 г. о шестимѣсячномъ срокѣ давности для превращенія безкабальной службы въ кабальную, а Уложеніе сократило и этотъ срокъ на половину; но въ Уложеніе попалъ и законъ 1555 г. Довольно трудно объяснить, какъ улаживалась отношенія при совмѣстномъ дѣйствіи этихъ двухъ законовъ, дававшемъ безкабальному холопу возможность и право до исхода третьяго мѣсяца службы и послѣ до привода въ приказъ къ принудительной запискѣ въ ка-

балу уйти отъ господина, безнаказанно похитивъ у него, что было можно или нужно. Но по разспроснымъ сказкамъ кабальныхъ о своей прежней жизни, которыя приписывались къ кабаламъ при ихъ запискѣ въ приказныя холопьи книги, видно, что множество холоповъ служило безкабально по нѣсколько лѣтъ, иногда по 10 и болѣе, и при этомъ незамѣтно, чтобы они злоупотребляли своимъ положеніемъ. Наконецъ, сейчасъ изложенное послѣдствіе помогло удержать въ кабальномъ правѣ элементъ *старины*, противорѣчившій природѣ служилой кабалы. Стариннымъ собственно назывался холопъ *природный*, родившійся въ холопствѣ. Создаваемое происхожденіемъ, старинное холопство обыкновенно также утверждалось крѣпостями, которыя потому назывались *старинными*: это юридическіе акты, которыми не создавалось, а только доказывалось холопство лица, родившагося въ холопствѣ и не укрѣпленнаго особой личной крѣпостью на его имя. Таковы были, напримѣръ, духовныя, рядныя (сговорныя о приданомъ) и другія передаточныя записи. Передавать изъ рукъ въ руки можно было только холоповъ полныхъ и докладныхъ или ихъ потомковъ; слѣдовательно, если на холопа, обозначеннаго въ передаточномъ актѣ, не было полной или докладной, а самый актъ не подвергся спору, считалось доказаннымъ, что это холопъ старинный. Въ такомъ смыслѣ надобно понимать выраженіе „Судебниковъ“: „по духовной холопъ“. Первоначально къ дѣтямъ кабальнаго, родившимся въ холопствѣ, кажется, со всею строгостью прилагали условія стариннаго холопства, передавали ихъ по наслѣдству съ отцомъ или безъ отца, если онъ умиралъ въ неволѣ: въ актахъ конца XVI в. еще встрѣчаемъ указанія на „старинныхъ кабальныхъ людей“, которые по смерти господина шли въ раздѣлъ между его дѣтьми наравнѣ со старинными полными холопами. На то же указываютъ и терминологія, и обычаи кабальнаго холопства. Юридическіе термины, какъ извѣстно долговѣчнѣе отношеній, ихъ родившихъ. Въ XVII в. люди, вступившіе въ кабальное хо-

лопство, раздѣлялись на *вольныхъ* и *старинныхъ*: вольными называли себя тѣ, которые родились на волѣ: старинными звали себя родившіеся въ холопствѣ, всегда обозначая, чьи они старинные, у кого во дворѣ родились, хотя бы они уже давно освободились отъ первыхъ господъ и вступали на службу къ другимъ „съ воли". Въ XVII в. эта разница въ званіяхъ не имѣла уже никакого юридическаго значенія; но можно догадываться, что нѣкогда такое значеніе существовало. Далѣе по кабаламъ XVII в. можно видѣть, что множество старинныхъ холоповъ по смерти отцовыхъ господъ оставалось на службѣ у ихъ дѣтей, не давая на себя кабалъ, т.-е. служа добровольно, несмотря на неоднократныя и настойчивыя законодательныя запрещенія держать холопа безъ крѣпости. Сила этой привычки показываетъ, что практика, ее воспитавшая, нѣкогда признавалась вполнѣ законной. Но когда служилая кабала стала личнымъ обязательствомъ безъ займа, должны были встрѣтиться различные интересы, столкновеніе которыхъ разрѣшилось установкой болѣе тѣснаго значенія кабальной старины. Въ интересѣ порядка законъ 1597 г. объявилъ службу дѣтей кабальнаго, родившихся въ холопствѣ, обязательной только до смерти отцова господина. Но сынъ кабальнаго, родившійся въ холопствѣ, не давалъ на себя кабалы, и въ его интересѣ было настаивать, чтобы его служба, какъ безкабальная, считалась добровольной. Наиболѣе прямое выраженіе этого взгляда находимъ въ одной кабалѣ 1646 г., при утвержденіи которой 20-ти лѣтній сынъ кабальнаго заявилъ, что онъ родился во дворѣ у господина, которому изстари служитъ его отецъ, „а служилъ у него о сю пору въ добровольной", хотя служба при такихъ условіяхъ считалась тогда по закону обязательной. Противъ такого взгляда былъ интересъ господъ, нашедшій себѣ выраженіе въ мысли о законномъ срокѣ давности добровольной службы. Законодательство попеременно отражало въ себѣ эти интересы, опредѣляя кабальную старину въ связи съ добровольной службой. Царь Василій, отмѣнивъ въ 1607 г.

давность, въ 1608 г. призналъ старинную службу безъ крѣпости вообще необязательной. Въ 1609 г. принимая во вниманіе и господскій интересъ, онъ въ болѣе подробномъ развитіи постановленнаго имъ общаго правила допустилъ одно исключеніе изъ него, постановивъ, согласно съ закономъ 1597 года, что родившіяся въ холопствѣ дѣти кабальнаго крѣпки отцову господину и безъ крѣпости, „по старинѣ“; при этомъ царь призналъ въ принципѣ и давность, которая, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, и была возстановлена согласно съ тѣмъ же закономъ. Наконецъ, Уложеніе или болѣе раннее узаконеніе, въ него вошедшее, нашло комбинацію, установившую формальное согласіе между всѣми этими интересами: принявъ очень короткій срокъ давности, оно постановило, что дѣти кабальнаго, прожившія „многіе годы безкабально“ во дворѣ отцова господина, гдѣ родились, обязаны давать ему на себя кабалы. Этимъ Уложеніе признало, что рожденіе въ кабальномъ холопствѣ само по себѣ не дѣлаетъ холопомъ, но имъ дѣлаетъ давность житья въ господскомъ дворѣ; а такъ какъ сынъ кабальнаго, свободный въ минуту рожденія, обыкновенно становился многолѣтнимъ жильцомъ господскаго двора, прежде чѣмъ могъ жить на волѣ, то юридическимъ основаніемъ кабальной старины, по Уложенію, была давность добровольнаго безкабальнаго холопства, создаваемая естественной необходимостью и только закрѣпляемая кабалой. Такъ переломилась докладная старина, отразившись въ кабальномъ холопствѣ: здѣсь она уже никогда не переходила въ полную; но и старина укороченная, потомственная безъ наслѣдственности, получила другое юридическое основаніе, держалась не на потомственности, а на давности безкабальной службы, имѣла чисто личный характеръ. Служба по такой старинѣ обозначалась въ кабалахъ XVII вѣка лаконической формулой: *служить по старинному кабальному холопству отца своего*, т.-е. по старинному холопству, унаслѣдованному отъ кабальнаго отца. Согласно съ личнымъ характеромъ кабальной старины, сынъ кабальнаго звалъ себя

старинным человѣкомъ только того господина, во дворѣ котораго родился; давая ему кабалу на себя, онъ говорилъ, что бьетъ челомъ государю своему во дворъ *по старинѣ*, переходя отъ него по новой кабалѣ къ его сыну, называлъ себя *стариннымъ послуживцемъ* не его, а отца его.

Эти послѣдствія закона 1597 г. произвели важную перемѣну во владѣніи кабальными людьми и ихъ семьями: прежде оно передавалось наслѣдникамъ по праву, хотя часто бывало пожизненнымъ по волѣ господъ; потомъ оно стало пожизненнымъ по праву, хотя часто переходило къ наслѣдникамъ по волѣ холоповъ. Прибавивъ къ сказанному статью Уложенія, по которой служилыя кабалы могли давать на себя люди не моложе 15 лѣтъ, тогдашняго термина зрѣлости, можно такъ выразить основныя черты кабальнаго холопства въ его законченномъ юридическомъ складѣ: это было простое личное обязательство взрослаго вольнаго человѣка служить господину, прекращавшееся юридически смертью послѣдняго, не переносимое ни съ той, ни съ другой стороны на другія лица и только раздѣляемое съ отцомъ родившимися въ холопствѣ дѣтьми холопа, но не въ силу потомственности холопства, а въ силу давности безкабальной службы и, притомъ, съ обязанностью закрѣпить эту давность особой кабалой. Освобожденіе служилой кабалы отъ долговой примѣси измѣнило и ея прежнюю форму заемнаго обязательства. Эта форма господствовала до самаго Уложенія и нѣсколько времени послѣ его изданія, становясь все болѣе условной, фиктивной. До Уложенія кабалы писались въ 2, 3 и 4 рубля на каждую холопью голову; Уложеніе приняло однообразную норму 3 руб., чтобы въ платежѣ пошлинъ согласить безденежныя холопьи крѣпости, за которыя еще по первому „Судебнику“ взимали съ головы по 3 алтына, съ тѣми денежными обязательствами, по которымъ платили пошлины съ рубля по алтыну. Но заемъ только писался въ кабалѣ, чтобы не нарушать привычной формы крѣпости: въ нѣкоторыхъ новгородскихъ кабалахъ 1650 года холопы откровенно

признаются, что они заняли деньги у государей своихъ „съ одное пословицы“, т.-е. какъ принято писать въ кабалахъ, а не на самомъ дѣлѣ. Точно также Уложеніе прямо высказало основное условіе кабальнаго холопства, что „всякихъ чиновъ людемъ холопи крѣпки по кабаламъ по смерть бояръ своихъ“. Но изъ многихъ сотенъ извѣстныхъ намъ служилыхъ кабалъ съ фиктивнымъ или дѣйствительнымъ займомъ, писанныхъ до 1649 г. и послѣ, только въ двухъ, составленныхъ въ 1647 и 1674 гг., встрѣчаемъ прямое заявленіе холоповъ, что они даютъ на себя служилую кабалу своему государю „по его животъ“ или обязуются служить ему за ростъ „по его вѣкъ“. Отсюда служилыя кабалы и служившіе по нимъ холопы получили названіе *вѣчныхъ*, т.-е. пожизненныхъ, данныхъ или отдавшихся господамъ по ихъ вѣкъ; это названіе уже знакомо Уложенію и Котошихину. Самая поздняя намъ извѣстная кабала съ займомъ относится къ 1677 г. Съ 1680 г. встрѣчаемъ служилыя кабалы, составленныя по новой, болѣе простой формѣ: вольный человѣкъ, не говоря о займѣ, писалъ, что онъ билъ челомъ такому-то въ служилое холопство и служилую кабалу даетъ на себя ему волею своею, „и служити мнѣ у государя своего во дворѣ въ холопствѣ по его животъ“ [1]). Впрочемъ, служилыя крѣпости безъ займа, какъ сейчасъ увидимъ, появились гораздо раньше 1680 г., еще до Уложенія; только онѣ въ то время не назывались служилыми кабалами.

---

[1]) Въ сохранившихся записныхъ холопскихъ книгахъ по Новгороду Великому помѣщены 371 служилая кабала 1646—1650 г. и 94 порховскія кабалы 1629—1648 годовъ: изъ нихъ нѣтъ ни одной безъ займа. *Рук. Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ*, №№ 35 и 36. Въ записной книгѣ 1687 г. по Новгороду Нижнему 12 служилыхъ кабалъ—всѣ безъ займа. Тамъ же, № 41. На этихъ сборникахъ преимущественно основаны изложенныя соображенія о кабальномъ холопствѣ. Въ собраніи И. Д. Бѣляева, хранящемся въ Моск. Публ. Румянц. Музеѣ, 57 служилыхъ кабалъ 1613—1701 годовъ; изъ 34 кабалъ по 1674 г. включительно нѣтъ ни одной безъ займа: остальныя съ 1680 г. всѣ безъ займа.

Когда служилая кабала утратила характеръ заемно-служилаго обязательства, для такихъ обязательствъ выработался особый родъ крѣпостей, получившихъ названіе *жилыхъ* или *житейскихъ записей*. Всѣ извѣстныя доселѣ жилыя записи относятся къ XVII или къ самому началу XVIII вѣка, и трудно рѣшить, употреблялись ли онѣ въ XVI вѣкѣ. Можно только сказать, что до закона 1597 г. въ нихъ не было юридической надобности. Этими записями скрѣплялись обязательства, условія которыхъ не соотвѣтствовали формамъ и обычаямъ служилой кабалы, а до конца XVI вѣка сама эта кабала не выработала точно опредѣленныхъ закономъ или обычаемъ формъ и условій. Такъ, изъ закона 1608 г. узнаемъ, что въ началѣ XVII вѣка были въ ходу записи, по которымъ вольные люди обязывались служить господамъ „до своего живота". Древне-русскому кабальному праву была противна идея холопства по смерть холопа: юридическими условіями, которыя могли прекращать холопскую зависимость, оно признавало смерть или волю господина; когда не было ни того, ни другого условія, обязательство холопа и по смерти его оставалось на дѣтяхъ, закабаленныхъ имъ вмѣстѣ съ собою или родившихся въ холопствѣ; условія политическія, измѣна господина и плѣнъ холопа, дѣйствовали въ исключительныхъ случаяхъ. Законъ 1608 г. запрещаетъ такія пожизненныя записи, предписывая записи срочныя, на опредѣленное количество лѣтъ [1]). Не задолго до Уложенія, когда служилыя кабалы еще сохраняли прежнюю заемную форму, житейскія записи являются предшественницами позднѣйшихъ „вѣчныхъ" служилыхъ кабалъ безъ займа; въ новгородской кабальной книгѣ 1647 г. помѣщена житейская запись, въ которой „послуживецъ" подъячаго,

---

[1]) Въ тверской половинѣ Бѣжецкой пятины, какъ видно изъ новгородскихъ кабальныхъ книгъ, еще въ 1649—1650 гг. писались служилыя кабалы съ тою мѣстною особенностью, что въ нихъ вольные люди обязывались служить „до своей смерти". Со времени изданія Уложенія эта формула едва ли имѣла юридическое значеніе.

послѣ его смерти оставшійся жить во дворѣ его вдовы, безъ займа бьетъ челомъ послѣдней „во дворъ служить до ея смерти“. Со времени Уложенія, которое признало служилую кабалу дѣйствительной только до смерти господина, а кабальный заемъ фиктивнымъ, и жилою записью, согласно ея первоначальному отношенію къ кабалѣ, стали закрѣплять обязательства, устанавливавшія личную зависимость на условіяхъ, которыя не соотвѣтствовали измѣнившемуся значенію кабалы. Главное различіе заключалось въ самомъ источникѣ зависимости по той и другой крѣпости.

Зависимость по кабалѣ вытекала изъ простаго уговора о личной службѣ безъ оговореннаго прямо дѣйствительнаго вещнаго основанія, т.-е. вознагражденія за службу, которое, какъ послѣдствіе службы, разумѣлось само собою и опредѣлялось волей господина. Въ записи, напротивъ, вещное основаніе всегда на первомъ планѣ, а служба или работа является его послѣдствіемъ; такимъ основаніемъ служили денежный не фиктивный заемъ, ссуда хлѣбомъ и скотомъ, наемная плата съ содержаніемъ или одно содержаніе, прокормъ съ одеждой; въ иныхъ записяхъ особенно точно опредѣлялось, какую одежду обязанъ хозяинъ давать своему работнику. Это различіе очень явственно обозначено Уложеніемъ (XX, 39): повторяя законъ царя Ивана объ искахъ по *кабаламъ за ростъ служити*, оно, поправляя устарѣлую терминологію, называетъ уже эти крѣпости *записями за ростъ служити.* Съ указаннымъ главнымъ различіемъ связаны были и другія особенности записи. Кабалу могъ давать на себя только взрослый человѣкъ и, притомъ, „своею волею“, за исключеніемъ извѣстныхъ случаевъ давности безкабальной службы; въ неволю по записи отдавались и несовершеннолѣтніе по волѣ родителей, дядей или старшихъ братьевъ. Кабала писалась на имя одного господина; записи могли быть совмѣстныя, на имя отца съ дѣтьми, мужа съ женой, двухъ братьевъ. Кабала крѣпила холопа по смерть господина; владѣніе по записи также могло продолжаться

по уговору до смерти владѣльца, могло быть и срочнымъ, „на урочныя лѣта", и безсрочнымъ, съ обязательствомъ для крѣпостного служить не только хозяину, но и его женѣ и дѣтямъ. Всѣ эти особенности, отличавшія кабалу отъ записи, можно назвать юридическими въ тѣсномъ смыслѣ, относящимися къ области гражданскаго права. Законодательство присоединило къ нимъ и особенности политическія, которыми опредѣлялись общественныя состоянія лицъ, имѣвшихъ право какъ принимать, такъ и вступать въ крѣпостную зависимость по кабалѣ и по записи. Въ XVI в. люди всѣхъ состояній, даже холопы, могли держать у себя кабальныхъ слугъ; но уже „Судебникъ" 1550 г. стѣснилъ право вступать въ кабалу, запретивъ это служилымъ государевымъ людямъ и ихъ сыновьямъ, не получившимъ отставки. Въ XVII в. законодательство, сдѣлавъ это запрещеніе безусловнымъ, распространило его и на тяглыхъ людей, городскихъ и сельскихъ. Разумѣется, не вступали въ кабалу духовныя лица; но по кабаламъ XVII в. видно, что сыновья и дочери священниковъ и другихъ церковнослужителей часто вступали въ холопство. Ограниченъ былъ и кругъ лицъ, имѣвшихъ право владѣть кабальными холопами: этого права лишены были священники, діаконы и причетники церковные (но протопопы и протодіаконы по Уложенію сохранили его), тяглые посадскіе люди и крестьяне, монастырскіе служки и холопы служилыхъ людей. Владѣніе по жилой записи имѣло болѣе широкій кругъ дѣйствія, оставалось доступно не только тѣмъ, кто сохранилъ право кабальнаго владѣнія, но и тѣмъ, кто потерялъ это право. Точно также за тяглыми людьми удержано по Уложенію право отдавать въ услуженіе нетяглымъ людямъ по жилымъ записямъ жившихъ при нихъ дѣтей, братьевъ и племянниковъ, а на практикѣ, какъ видно по жилымъ записямъ конца XVII в., въ такое услуженіе вступали и сами тяглые люди. Отъ неодинаковыхъ сочетаній столь разнообразныхъ условій жилой зависимости происходило различіе ея видовъ, выражавшееся въ разнообразіи

самихъ записей. Всего удобнѣе обозначить эти виды по разрядамъ записей, а записи распредѣлить по ихъ основному признаку, способу вознагражденія за работу, примѣняясь къ ихъ собственной терминологіи. 1) *Записи за ростъ служити.* Онѣ, кажется, были очень рѣдки: со времени Уложенія самая мысль о службѣ за ростъ, какъ источникѣ зависимости, уже исчезала. Запоздалымъ образчикомъ такой крѣпости является актъ 1694 г., которымъ вольный человѣкъ, занявшій на 2 мѣсяца 50 р. у князя Болховского, обязался жить у него и работать до срока и, въ случаѣ неуплаты долга въ срокъ, продолжать жить у князя, его жены и дѣтей „до расплаты". Это, очевидно, прикрытое безсрочное обязательство „за ростъ служити по вся дни", условіями своими всего ближе подходящее къ тому значенію, какое имѣла служилая кабала до закона 1597 года: оно и названо „заемной кабалой". 2) *Заемныя заживныя*, которыми заемщики обязывались работать на хозяевъ до ихъ смерти или урочныя лѣта „въ заживъ", погашая долгъ работой. Эта была господствующая форма жилой записи, соотвѣтствовавшая служилой кабалѣ, созданной или утвержденной закономъ 1597 года: такія записи иногда и назывались „заимными жилыми кабалами". Къ нимъ можно причислить и *записи за скупныя деньги.* Это обязательства, по которымъ несостоятельные должники, выкупленные съ правежа, служили своимъ новымъ кредиторамъ, иногда и ихъ женамъ и дѣтямъ; по словамъ Котошихина, эта служба была вѣчная, т. е. безсрочная, прекращавшаяся смертью господина или продолжавшаяся при его женѣ и дѣтяхъ, его переживших, „по ихъ вѣкъ". 3) *Жилыя ссудныя*, называвшіяся такъ въ отличіе отъ заемныхъ потому, что основаніемъ зависимости по нимъ служилъ не денежный заемъ, а ссуда вещами, скотомъ, хлѣбомъ, платьемъ. Онѣ имѣли тѣсную юридическую связь съ ссудными крестьянскими записями и потому о нихъ рѣчь еще впереди. 4) *Наемныя отживныя*, отличавшіяся отъ заемныхъ тѣмъ, что работникъ получалъ плату не

впередъ въ видѣ займа, а „на отживѣ, какъ годы отживалъ“ обыкновенно съ условіемъ, чтобы хозяинъ, отпуская его по истеченіи срока, одѣлъ и обулъ его по силѣ; потому эти записи давались всегда на урочныя лѣта. 5) *Житейскія* и *данныя вѣчныя* безъ займа. Котошихинъ говоритъ: „кто холопъ кому бьетъ челомъ во дворъ, даютъ на того холопа *вѣчныя* служилыя кабалы и *данныя* и на урочные годы *записи*“. Въ записныхъ холопьихъ книгахъ незадолго до Уложенія встрѣчаемъ житейскія записи вольныхъ людей съ обязательствомъ служить господамъ до ихъ смерти и данныя на дѣтей съ тѣмъ же условіемъ, тѣ и другія безъ займа, подобно позднѣйшихъ служилымъ кабаламъ; отъ которыхъ первыя отличались лишь тѣмъ, что давались и посадскимъ торговымъ людямъ, не имѣвшимъ права владѣть холопами по служилымъ кабаламъ, а вторыя еще и тѣмъ, что давались на недорослей по волѣ родителей, а не взрослыми добровольно. По этимъ записямъ люди не зарабатывали долга и не нанимались на службу за условленную плату, а шли въ работу „за прокормъ“, какъ выразилось Уложеніе. 6) *Закладныя.* Олеарій, воспроизводя московскія отношенія первой половины XVII вѣка, пишетъ, что несостоятельные должники могли за долги закладывать кредиторамъ своихъ дѣтей, зачитывая по 10 талеровъ въ годъ за работу сына и по 4 талера за работу дочери. Сибирскіе служилые люди, жалуясь въ 1635 г. на дороговизну, писали, что рожь берутъ они въ долгъ подъ кабалы по 4 р. четверть и „въ тѣхъ кабалахъ закладываютъ женъ и дѣтей“ [1]). Намъ извѣстна только одна закладная 1679 года на жену за 21 рубль на 12 лѣтъ, и та дана на Вилюѣ некрещенымъ

[1]) *A. Olearii*: Reisebeschreibung, по изд. 1656 г. III, стр. 102. Талеръ стоилъ тогда въ Москвѣ немного менѣе полтины, а тогдашній рубль равнялся приблизительно 14 нынѣшнимъ; слѣдовательно, 10 талеровъ Олеарія можно цѣнить рублей въ 60—70 на наши деньги. Столб. сибирск. прик. въ Московск. Архивѣ Министерства Юстиціи, № 6,105.

якутомъ, а для некрещеныхъ инородцевъ законъ допускалъ большія отступленія въ крѣпостномъ правѣ. За то закладныя на дѣтей во второй половинѣ XVII вѣка были очень обычнымъ явленіемъ; онѣ давались на 5 лѣтъ или болѣе даже на дѣтей тяглыхъ людей, вопреки Уложенію, которое запретило давать на нихъ записи болѣе чѣмъ на 5 лѣтъ; незадолго до изданія Уложенія бывали даже крѣпости съ характеромъ закладныхъ, по которымъ дѣти обязывались за долги отцовъ служить до смерти кредиторовъ. Но ни тѣмъ, ни другимъ канцелярскій крѣпостной языкъ не давалъ въ XVII вѣкѣ названія закладныхъ: первыя назывались просто записями или жилыми записями, вторая данными. Разнообразіе условій, выразившееся въ перечисленныхъ видахъ жилой записи, было слѣдствіемъ юридической природы жилого холопства. Всѣ эти условія можно свести къ двумъ отличительнымъ свойствамъ жилой зависимости: 1) она устанавливалась вполнѣ свободнымъ уговоромъ, не стѣсняемымъ въ своихъ условіяхъ точными законными нормами; 2) сравнительно съ кабалой она имѣла еще болѣе личный характеръ, безъ всякой примѣси наслѣдственности владѣнія и потомственности службы. Оберегая въ кабалѣ характеръ личнаго обязательства, законъ, однако, обставлялъ ее условіями, стѣснявшими лицо, благодаря которымъ кабальная зависимость иногда падала и на дѣтей холопа не по волѣ отца, а по закону, „по старинѣ". Въ жиломъ холопствѣ при его вещномъ основаніи не замѣтно и слѣда старины: зависимость могла распространиться съ отца на дѣтей и дальнѣйшія поколѣнія, могла падать на дѣтей и безъ отца, могла продолжаться послѣ хозяина при его женѣ и дѣтяхъ, но во всѣхъ случаяхъ по волѣ отца, а не по закону. Можетъ быть поэтому ни въ Уложеніи, ни въ самихъ записяхъ жилая зависимость не называется холопствомъ, а господинъ носитъ въ записяхъ званіе *хозяина*, а не *государя*. Но это было настоящее крѣпостное холопство по праву. Уложеніе точно отличаетъ жилую запись вмѣстѣ со служилой кабалой отъ

простой наемной записи, какъ крѣпость въ полномъ смыслѣ отъ обязательства, которое не дѣлало крѣпостнымъ (XI,32). Котошихинъ прямо называетъ жилого слугу холопомъ. Власть хозяина по жилой записи одинакова съ государской по кабалѣ: слуга обязуется жить у хозяина „въ послушаніи и покореніи и всякая работа работать“, даетъ ему право „смирять его, слугу, всякимъ смиреніемъ за вину и отъ всякаго дурна унимать“, даже отказывается отъ права жаловаться за это государю-царю и „собину копить“, т.-е. пріобрѣтать собственность на службѣ [1]),

Юридическіе элементы, входившіе въ составъ изученныхъ видовъ холопства, можно перечислить въ такомъ порядкѣ: продажа лица, заемъ, наемъ, прокормъ, безусловная зависимость, старина потомственная и наслѣдственная (полная), старина потомственная безъ наслѣдственности (докладная) и старина по давности (кабальная), юридическая неразрывность семьи холопа, служба безсрочная, по смерть господина или на урочныя лѣта по личному уговору или по волѣ родителей. Разбирая сочетанія, въ какихъ эти элементы составляли каждый видъ, можно изобразить древне-русское крѣпостное холопство въ такой схемѣ: *полное* слагалось изъ продажи лица, безусловной зависимости и полной старины, *докладное* изъ продажи лица, службы по уговору до смерти господина, юридической неразрывности семьи и старины докладной, иногда и полной, *кабальное* XVI вѣка изъ займа, службы по уговору на годъ, обыкновенно продолжавшейся до смерти господина или безсрочно, нераздѣльности семьи холопа и старины докладной или полной, *кабальное* XVII вѣка изъ

[1]) *Акты, отн. до юр. быта др. Россіи*, I. № 113, II, №№ 126 и 127, III, № 160, и новгор. каб. книга № 35, нижегородская № 41. Говоря о холопствѣ крѣпостномъ, мы не упоминаемъ о холопствѣ несостоятельныхъ должниковъ, выданныхъ истцамъ головою до искупа, какъ и о холопствѣ по брачному союзу: эти виды зависимости создавались не крѣпостями, а актами другого рода,—первый судебнымъ приговоромъ, второй церковнымъ правиломъ.

займа или найма, службы по уговору до смерти господина, юридической неразрывности семьи холопа и старины кабальной, *жилое* изъ займа, найма или прокорма, изъ службы по личному уговору или по волѣ родителей до смерти хозяина или на урочныя лѣта.

Крѣпостное право на крестьянъ было новымъ сочетаніемъ тѣхъ же элементовъ, приноровленнымъ къ экономическому и государственному положенію сельскаго населенія.

III.

Изъ двухъ первичныхъ видовъ древне-русскаго холопства наиболѣе тѣсную историческую связь съ крѣпостнымъ правомъ на крестьянъ имѣло холопство кабальное. Потому мы коснулись полнаго холопства лишь въ той мѣрѣ, сколько это нужно, чтобы объяснить происхожденіе и развѣтвленіе кабальной неволи, какъ и ея воздѣйствіе на полное холопство. Сводя изложенныя соображенія, въ исторіи кабальнаго холопства можно различить такіе моменты. До конца XV в. въ нашемъ правѣ существовали два вида личной зависимости: *холопство* и *закладничество*. Условія послѣдняго въ удѣльное время предстоитъ еще изслѣдовать; но несомнѣнно, что въ число ихъ входилъ заемъ съ обязательствомъ условленнаго личнаго услуженія за ростъ и съ правомъ выкупа по волѣ должника. Условностью службы и правомъ выкупа закладникъ отличался отъ холопа, крѣпостного человѣка: то и другое сообщало закладничеству характеръ обоюдно-свободнаго соглашенія заимодавца съ заемщикомъ, не дѣлая послѣдняго подданнымъ, холопомъ перваго, потому что существенными признаками подданства или холопства были безусловность и непрекращаемость службы по волѣ слуги. Съ конца XV в. развивается мысль, что и условная служба дѣлаетъ холопомъ, какъ скоро слуга временно или навсегда лишается права или возможности прекратить ее. Эта мысль, отразившись на полномъ холопствѣ, выдѣлила изъ него хо-

лопство *докладное*. Въ удѣльное время вольные люди рядились къ вотчинникамъ въ сельскіе ключники на неопредѣленный срокъ—до ихъ смерти, не дѣлаясь ихъ холопами. Другіе продавались въ полные холопы съ условіемъ служить въ той же должности, только безсрочно, какъ служили рядовые холопы. Подъ вліяніемъ указанной мысли оба вида ключничества сблизились другъ съ другомъ, обмѣнявшись условіями и образовавъ докладное холопство: ключничество купленное сообщало вольному характеръ холопства, заимствовавъ у него срочность службы. Съ другой стороны, та же мысль, прививая начала полнаго холопства къ долговому закладничеству, выработала изъ послѣдняго холопство *кабальное*. Это совершалось помощью того же права, которымъ закладничество отличалось отъ холопства,—права закладника устанавливать договоромъ условія своей зависимости. Этимъ путемъ, прежде всего, вошло въ служилую кабалу условіе, по которому закладникъ, занимая деньги на годъ, отказывался на это время отъ права выкупа. Потомъ годовыхъ холоповъ, которые не могли расплатиться послѣ срока, господа стали превращать въ холоповъ купленныхъ, безусловныхъ, прилагая къ нимъ тотъ принципъ закладного права, по которому просроченный закладъ превращался въ продажу. Законодательство, ограничивая это притязаніе, сперва въ 1560 г. удержало за несостоятельными кабальными закладниками право выкупа, потомъ въ 1597 г. признало просроченный кабальный заемъ равносильнымъ продажѣ въ холопство, но условное, т.-е. докладное: кабальный холопъ терялъ право выкупа безъ согласія господина; за то и господинъ лишался права взысканія долга безъ согласія холопа, а смерть перваго погашала самый долгъ послѣдняго. Такъ безсрочная вольная служба за ростъ съ правомъ уплаты долга по уговору превратилась въ обязательную службу за самый долгъ до смерти заимодавца по закону. Значитъ, древнее закладничество преобразилось въ кабальное холопство посредствомъ сочетанія условной службы вольнаго должника съ непрекра-

щаемостью купленнаго холопства по волѣ холопа. Въ этомъ сочетанiи одинъ элементъ, условность службы, допускалъ большое разнообразiе условiй, благодаря чему и кабальное холопство въ XVII в. развѣтвилось: отъ служилаго холопства безъ займа обособилось заемно-наемное холопство жилое, которое, въ свою очередь, раздѣлилось по различiю условiй на многiе виды. Въ этомъ развитiи кабальной неволи надобно отмѣтить двѣ черты, повторившiяся въ развитiи крестьянской крѣпости. Во-первыхъ, условiя неволи устанавливаются частнымъ соглашенiемъ на основанiи дѣйствующаго права и только регулируются законодательствомъ. Во-вторыхъ, по мѣрѣ закрѣпленiя неволи упрощается ея источникъ: заемъ по уговору замѣняется уговоромъ безъ займа.

Объясняя происхожденiе крѣпостного права на крестьянъ, необходимо напередъ сказать, въ чемъ состоитъ вопросъ. Въ XVI в. крестьяне въ Московскомъ государствѣ были вольными хлѣбопашцами; ихъ отношенiя къ землевладѣльцамъ опредѣлялись свободнымъ договоромъ. Исполнивъ условiя контракта, крестьянинъ въ назначенный закономъ срокъ могъ уйти отъ землевладѣльца, могъ даже выйти изъ крестьянства, записаться въ посадъ, продаться въ холопство. Въ концѣ XVII в. отношенiя владѣльческихъ крестьянъ опредѣлялись уже не однимъ договоромъ, а еще *крѣпостью* особаго рода, безъ ихъ согласiя утверждавшей принадлежность ихъ своимъ господамъ. Значенiе такой крѣпости по преимуществу получили писцовыя и другiя правительственныя поземельныя книги: за кѣмъ записанъ былъ крестьянинъ въ этихъ книгахъ, тому онъ и былъ крѣпокъ. Самый договоръ его съ землевладѣльцемъ становился для него крѣпостью: рядясь въ крестьяне къ землевладѣльцу, вольный человѣкъ этимъ самымъ отдавался навсегда въ его власть и владѣнiе съ женой и потомствомъ. Напротивъ, землевладѣлецъ могъ всегда разорвать свою связь съ крѣпкимъ ему крестьяниномъ, могъ продать, заложить и promѣнять его вмѣстѣ съ его участкомъ или безъ него.

Такими общими чертами можно обозначить перемѣну, происшедшую въ юридическомъ положеніи крестьянъ въ теченіе полутора столѣтія со времени *Судебника* 1550 г. Различно объясняли этотъ переворотъ. Прежде другихъ сложилось мнѣніе, что виной его былъ законъ царя Ѳедора Ивановича, прикрѣпившій всѣхъ крестьянъ къ землѣ. Законъ этотъ пропалъ или еще не отысканъ въ архивахъ; но о немъ догадываются по указу 24 ноября 1597 г., который всѣхъ крестьянъ, покинувшихъ своихъ господъ не ранѣе 5 лѣтъ до 1 сентября этого года, объявилъ бѣглыми, подлежащими возврату на покинутыя мѣста по искамъ владѣльцевъ. Единственнымъ оправданіемъ такой мѣры могъ быть законъ, изданный прежде и именно не позднѣе 1592 г. и отмѣнившій крестьянское право перехода въ Юрьевъ день осенній. Погодинъ, поддержанный К. Аксаковымъ, лѣтъ 30 тому назадъ высказалъ другой взглядъ на дѣло: правительство царя Ѳедора не прикрѣпляло крестьянъ къ землѣ; крѣпостное право установилось постепенно какъ-то само собою, не юридически, помимо права, ходомъ самой жизни. Г. Энгельманъ предложилъ третье рѣшеніе вопроса, довольно своеобразное. Особаго закона, который бы прямо и ясно отмѣнялъ юрьевскіе переходы, никогда не издавало московское правительство; крестьяне были прикрѣплены къ землѣ самымъ этимъ указомъ 1597 г., но не прямо, а косвенно, мимоходомъ (beiläufig und indirect): безъ всякаго предварительнаго запрещенія правительство, вопреки праву, признало незаконными всѣ крестьянскіе переходы, совершившіеся въ послѣднія пять лѣтъ на точномъ основаніи не отмѣненнаго закона, вдругъ взглянуло на владѣльческихъ крестьянъ, какъ на обязанныхъ, давно уже прикрѣпленныхъ къ землѣ, и дозволило покинувшихъ законнымъ порядкомъ прежніе участки возвращать на нихъ, какъ бѣглецовъ. И такъ, говоря проще, московское правительство обмануло цѣлый классъ своего народа, тихонько подкараулило и украло его свободу. Авторъ считаетъ свою мысль настолько серьезной, что всякое сом-

нѣніе въ ней заранѣе объявляетъ не только невозможнымъ, но и прямо непозволительнымъ (стр. 37). Смѣлость непогрѣшимости внушаетъ ему преимущественно то соображеніе, будто „точь-въ-точь“ такимъ же образомъ было введено крѣпостное право въ Малороссіи при Екатеринѣ II. Но въ законѣ 3 мая 1783 г. очень мало сходнаго съ указомъ 24 ноября 1597 г., какъ его толкуетъ г. Энгельманъ. Во-первыхъ, законъ Екатерины былъ подготовленъ рядомъ предварительныхъ мѣръ. Во-вторыхъ, правительство Екатерины никого не обманывало; указъ 3 мая, прикрѣпляя малороссійскихъ крестьянъ къ мѣстамъ, гдѣ ихъ застала только что законченная четвертая ревизія, не имѣлъ обратнаго дѣйствія, не предписывалъ возвращать даже тѣхъ, которые ушли послѣ ревизіи до изданія указа: „каждому изъ поселянъ остаться въ своемъ мѣстѣ и званіи, гдѣ онъ по нынѣшней послѣдней ревизіи написанъ, кромѣ отлучившихся до состоянія сего нашего указа“. Толкованіе г. Энгельмана похоже на ученый tour de force, къ которому онъ былъ вынужденъ не поддающимся рѣшенію вопросомъ.

Защитники двухъ другихъ мнѣній, болѣе внимательные къ тексту указа 1597 г., однако, заставляютъ его говорить то, чего онъ не хочетъ сказать. Сторонникомъ поземельнаго прикрѣпленія крестьянъ по закону 1592 г. Погодинъ справедливо возражалъ, что начначенный въ указѣ 1597 г. пятилѣтній срокъ для исковъ о крестьянахъ, бѣжавшихъ до этого указа, еще не даетъ достаточнаго основанія предпологать такой законъ. Но и самъ Погодинъ былъ неправъ, утверждая, что указъ 1597 г. установилъ на будущее время пятилѣтнюю давность для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ. Смыслъ указа очень простъ и ясенъ: по искамъ о крестьянахъ, бѣжавшихъ отъ владѣльцевъ не ранѣе 5 лѣтъ до 1 сентября 1597 г., велѣно давать судъ и по суду бѣглецовъ возвращать къ прежнимъ владѣльцамъ; но если крестьянинъ бѣжалъ лѣтъ за 6 или больше до 1 сентября 1597 г. и владѣлецъ *тогда же*, т.-е. до 1 сентября 1592 г., не вчи-

нилъ о бѣглецѣ иска, такой владѣлецъ терялъ право искать бѣглеца судомъ. Больше ничего не говоритъ указъ. Значитъ, иски о крестьянахъ, бѣжавшихъ не ранѣе 1 сентября 1592 г., можно было вчинать спустя 5, 6, 7 и болѣе лѣтъ послѣ побѣга; не допускались только до суда не начатые въ указанный срокъ иски о бѣжавшихъ лѣтъ за 6, 7 и болѣе до 1 сентября 1597 г. Таковъ смыслъ *указа*, т.-е. закона или приговора государя съ думой. Но, вѣроятно, дьякъ-докладчикъ доводилъ потомъ до свѣдѣнія законодателей, что о крестьянахъ, бѣжавшихъ до 1 сентября 1592 г., накопилось много челобитій, поданныхъ *послѣ* этого срока, изъ коихъ по однимъ уже начатъ судъ, а другія еще не засужены по разнымъ причинамъ, мѣшавшимъ приказу дать имъ немедленное движеніе, напримѣръ, по чрезвычайной запоздалости иска, затруднявшей его разрѣшеніе. Вотъ почему не въ самомъ законѣ, а въ *памяти*, т.-е. въ приказномъ циркулярѣ, его излагавшемъ къ исполненію съ поясненіями и дополненіями, встрѣчаемъ любопытную прибавку, предписывавшую дѣла бѣглыхъ, засуженныя, но еще не рѣшенныя, „вершить по суду и по сыску“: эта оговорка могла относиться только къ такого рода искамъ, не предусмотрѣннымъ въ текстѣ приговора, потому что дѣла о бѣглыхъ, начатыя до 1 сентября 1592 г. и еще остававшіяся не вершенными въ ноябрѣ 1597 г., если только были такія залежавшіяся въ приказѣ дѣла, должны были вершиться по точному смыслу приговора, не требуя пояснительной прибавки. Итакъ, законъ 1697 г. не устанавливалъ пятилѣтней давности для исковъ о бѣглыхъ. То, что установилъ законъ, можно назвать давностью, но только временной и обратной: она простиралась лишь назадъ, не устанавливая постояннаго срока на будущее время. Слѣдъ такой давности находимъ задолго до указа 1597 г. Въ 1559 г. Кирилловъ монастырь ходатайствовалъ за себя и другихъ землевладѣльцевъ Бѣлозерскаго уѣзда, чтобы царь не велѣлъ брать у нихъ крестьянъ, вышедшихъ къ нимъ изъ черныхъ воло-

стей „не въ срокъ безъ отказу“, и возвращать на покинутыя *пустыя* мѣста. Просьба была уважена. Подъ пустыми мѣстами разумѣлись крестьянскіе участки, *давно* покинутые и запустѣвшіе. Такую обратную давность законодательство устанавливало, какъ увидимъ, и послѣ изданія *Уложенія*, т. е. послѣ отмѣны давности срочной. Мысль Погодина была внушена ему закономъ 1 февраля 1606 г., который установилъ пятилѣтнюю давность, глухо сославшись на какой-то „старый приговоръ“. Можетъ быть, и виновники указа 1597 г. имѣли такую мысль; но она осталась не выраженной въ указѣ. Законодатели 1606 г. могли знать эту мысль и договорить ее. Во всякомъ случаѣ, указъ 1606 г. былъ новымъ закономъ, дополненіемъ, а не повтореніемъ указа 1597 г. По этой внутренней, скрытой для насъ связи обоихъ законовъ правительственные люди XVII в. могли и въ приговорѣ 1597 г. видѣть законъ о пятилѣтней давности, какъ и думали авторы писцоваго наказа 1646 года. Но позднѣйшему изслѣдователю, связанному текстами и утратившему нить живыхъ законодательныхъ преданій, не дано тѣхъ экзегетическихъ вольностей, какими пользовались законодатели законовѣды древнихъ временъ. Сперанскій со своимъ удивительнымъ умѣньемъ чутко угадывать и мѣтко схватывать историческія явленія по намекамъ памятниковъ даже при недостаточномъ изученіи послѣднихъ давно указалъ настоящій смыслъ указа 1597 года: цѣлью его было прекратить затрудненія и безпорядки, возникавшіе въ судопроизводствѣ вслѣдствіе множества и запоздалости исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ. Подобнымъ побужденіемъ вызванъ былъ за нѣсколько мѣсяцевъ до ноябрьскаго указа и извѣстный законъ о холопахъ. Этой цѣлью, можетъ быть, объясняется и выборъ 1592 г., какъ термина для исковъ. Указъ 1607 г., устанавливая 15-тилѣтнюю давность для исковъ о бѣглыхъ, прямо принимаетъ за основаніе для рѣшенія такихъ дѣлъ писцовыя книги 1592—3-го (7101 сентябрьскаго) года. Надобно думать, что въ этомъ году закончено было

составленіе писцовыхъ книгъ если не по всѣмъ уѣздамъ государства, то по большей ихъ части, хотя по уцѣлѣвшимъ остаткамъ поземельныхъ описей XVI в. трудно провѣрить такое предположеніе, а на поименныхъ перечняхъ крестьянскихъ дворовъ въ писцовыхъ книгахъ болѣе всего основывались тогда при судебномъ рѣшеніи дѣлъ о бѣглыхъ крестьянахъ. Наконецъ, и въ скудныхъ остаткахъ судебной практики со времени указа 1597 г. до закона 1606 г. незамѣтно дѣйствія пятилѣтней давности. У Вяжицкаго монастыря въ 1591 г. бѣжалъ крестьянинъ. Монастырь только въ 1599 г. собрался бить о немъ челомъ. Отвѣтчица, въ имѣніи которой былъ найденъ бѣглецъ, „не ходя на судъ", выдала его. По указу 1597 г. не слѣдовало бы и принимать челобитья отъ монастыря, потому что крестьянинъ бѣжалъ болѣе чѣмъ за 5 лѣтъ до 1 сентября 1597 г. Но если бы дѣйствовала пятилѣтняя давность, отвѣтчицѣ не было разсчета безъ суда выдавать бѣглеца, который принадлежалъ уже ей по закону: монастырь пропустилъ срокъ [1]).

Изъ разбора указа 1597 г. открывается любопытный двойной фактъ: въ концѣ XVI в. у владѣльческихъ крестьянъ не было отнято закономъ право перехода, и, однако-жъ, возбуждалось множество дѣлъ о бѣглыхъ крестьянахъ, т.-е. было много крестьянъ, потерявшихъ это право или неправильно имъ пользовавшихся. Этотъ фактъ ставитъ насъ при самой колыбели крѣпостного права на крестьянъ.

Сохранилось достаточно памятниковъ, по которымъ можно воспроизвести главныя черты юридическаго положенія крестьянъ въ Московскомъ государствѣ XV и XVI вв. Прежде всего, крестьянство было временнымъ вольнымъ состояніемъ, а не постояннымъ обязательнымъ званіемъ безъ права выхода изъ него: хлѣбопашецъ становился крестьяниномъ, тяглецомъ, съ той минуты, какъ „наставлялъ соху" на тягломъ участкѣ, и переставалъ быть имъ, какъ скоро бросалъ

---

[1]) *Р. Ист. Библ.*, II, № 36. *Акты Юр.*, № 189.

такой участокъ, переходилъ въ другое нетяглое состояніе. Далѣе, на всемъ пространствѣ государства не было крестьянъ-собственниковъ, сидѣвшихъ на *своей* землѣ: *своеземцы* въ областяхъ бывшихъ вольныхъ городовъ въ XVI в. постепенно зачислялись въ служилые люди или смѣшивались съ черными государственными крестьянами. Чужую землю, черную, дворцовую, помѣстную или вотчинную, крестьяне снимали на короткіе сроки, обыкновенно на годъ, ежегодно возобновляя контракты съ прежнимъ землевладѣльцемъ, пока не переходили къ новому. Когда крестьянинъ бѣднѣлъ, опадалъ животами, онъ объявлялъ, что ему не подъ силу пахать и оплачивать прежній участокъ, и переходилъ въ безпашенные бобыли, либо выпрашивалъ себѣ льготный участокъ, въ томъ и другомъ случаѣ заключая новый уговоръ съ землевладѣльцемъ или сельскимъ обществомъ, если земля была государственная. Наконецъ, очень рѣдкіе крестьяне садились на участкѣ со своимъ инвентаремъ, по крайней мѣрѣ безъ подмоги отъ землевладѣльца или сельскаго общества. Эту подмогу крестьянинъ получалъ въ различныхъ видахъ: садясь на „жилой“ участокъ, онъ входилъ въ готовый дворъ съ озимой рожью, посѣянной и покинутой его предшественникомъ, получалъ ссуду деньгами, скотомъ, земледѣльческими орудіями, чаще всего хлѣбомъ *на сѣмена и ѣмена* (на прокормъ до жатвы); если участокъ былъ пустой, который предстояло разработать и обстроить, съемщику, сверхъ ссуды, давалось на извѣстное число лѣтъ, „смотря по пустотѣ“, льгота отъ казенныхъ податей или господскихъ платежей и повинностей, нерѣдко отъ тѣхъ и другихъ вмѣстѣ. Уходя отъ землевладѣльца, крестьянинъ обязанъ былъ за все это вознаградить его, возвратить ссуду, заплатить пожилое за пользованіе дворомъ по узаконенной таксѣ. Въ XV в. дозволялось крестьянамъ, ушедшимъ безъ расплаты, выплачивать долги покинутымъ владѣльцамъ въ теченіе двухъ лѣтъ безъ процентовъ. Ссуда, давалась ли деньгами, или вещами, носила общее названіе *серебра*,

а крестьяне, ее получавшіе, назывались *серебряниками*. Итакъ, право выхода изъ состоянія, чужеземелье, краткосрочность аренды и отсутствіе или недостатокъ своего инвентаря и даже своего дома,—вотъ главныя черты, которыми опредѣлялось юридическое положеніе крестьянства въ тѣ вѣка.

Изъ нихъ серебро имѣло роковое по своимъ послѣдствіямъ значеніе для крестьянства. Страшное развитіе этой формы долгового обязательства открывается изъ неизданной вотчинной книги Кириллова Бѣлозерскаго монастыря, составленной во второй половинѣ XVI в. Это перечень монастырскихъ селъ и деревень съ обозначеніемъ вытей обрабатываемой крестьянами земли и оброка, получаемаго съ нихъ монастыремъ. Всей арендуемой у монастыря земли показано въ книгѣ немного болѣе $1^1/_2$ тысячи вытей, которыя были неодинаковы по размѣрамъ пашни. Круглымъ числомъ сѣяли на выть по 5 четвертей съ небольшимъ озимой ржи и почти по 12 четвертей разнаго ярового хлѣба, болѣе всего овса. Крестьянскіе дворы не вездѣ обозначены; но круглымъ числомъ ихъ приходилось немного менѣе двухъ на каждую выть, такъ что ихъ можно считать около 3 тысячъ. Одни крестьяне имѣли свои сѣмена, другіе брали ихъ у монастыря: первые пахали 464 выти, вторые 1,075, т.-е. 70% снятой у монастыря пашни находилось въ пользованіи людей, безъ помощи вотчинника не имѣвшихъ чѣмъ засѣять свои участки. Развитіе помѣстнаго владѣнія въ тѣ вѣка, несомнѣнно, содѣйствовало распространенію серебряничества. Множество пустовавшей казенной земли перешло въ частное владѣніе. Новые владѣльцы льготами и ссудой усиленно вытягивали изъ городского и сельскаго населенія пропасть бездомнаго и голаго люда, сажая его на пашню. Уже въ XV в. такое положеніе владѣльческихъ крестьянъ, какъ неоплатныхъ должниковъ, возбуждало набожное состраданіе добрыхъ владѣльцевъ: въ духовныхъ грамотахъ, ради спасенія души отпуская на волю своихъ холоповъ, они массами прощали все серебро или половину его своимъ крестьянамъ.

Въ памятникахъ тѣхъ вѣковъ, съ нѣкоторой точностью обозначающихъ экономическое положеніе владѣльческаго крестьянина, онъ обыкновенно является серебряникомъ и чуть не въ каждой владѣльческой духовной наравнѣ съ холопомъ служитъ предметомъ предсмертной благотворительности. Еще не встрѣчая въ законодательствѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ крѣпостного состоянія крестьянъ, можно почувствовать, что судьба крестьянской вольности уже рѣшена помимо государственнаго законодательнаго учрежденія, которому оставалось въ надлежащее время оформить и регистрировать это рѣшеніе, повелительно продиктованное историческимъ закономъ.

Серебро было двоякое: *ростовое* и *издѣльное*. Первое было обыкновеннымъ займомъ съ уплатой процентовъ; второе составляло долгъ, съ котораго ростъ оплачивался работой крестьянина, *издѣльемъ*. Въ этомъ же смыслѣ различались „деньги въ селахъ въ *ростъ* и въ *пашнѣ*“. Серебро ростовое брали и у своихъ землевладѣльцевъ, и на сторонѣ; издѣльное давали только своимъ крестьянамъ: это была арендная ссуда въ собственномъ смыслѣ. Такъ барщина имѣла долговое происхожденіе, была накладной повинностью за безпроцентную ссуду, составлявшею прибавку къ оброку за снятую землю. Пока въ правѣ не выработалась идея кабальнаго холопства, серебро издѣльное ничѣмъ юридически не отличалось отъ ростового, было такимъ же имущественнымъ обязательствомъ, не простиравшимся на личную свободу должника, пока послѣдній не объявлялъ себя несостоятельнымъ. Но какъ скоро сложилась мысль, что работа за безпроцентный долгъ ставитъ должника въ личную зависимость отъ заимодавца, эта мысль повлекла издѣльнаго крестьянина въ сторону кабальнаго холопа. Тогда въ отношенія крестьянъ и землевладѣльцевъ вмѣшалось государство, чтобы не потерять своихъ тяглецовъ. Захваченное двумя интересами, частнымъ и государственнымъ, которые оба опирались на дѣйствующее право, но тянули въ разныя стороны, издѣльное крестьянство пошло по діагонали между

холопствомъ и тяглой свободой и выработалось въ особый видъ крѣпостного состоянія, не получившій, благодаря своему смѣшанному составу, тѣхъ рѣзкихъ юридическихъ очертаній, какими отличались всѣ виды древне-русскаго холопства. Этотъ процессъ начался постепеннымъ паденіемъ крестьянскаго права выхода.

Говоря о положеніи крестьянъ при Борисѣ Годуновѣ, современный наблюдатель Шиль замѣчаетъ, что еще при прежнихъ государяхъ московскихъ землевладѣльцы привыкли смотрѣть на своихъ крестьянъ, какъ на *крѣпостныхъ*. Такой взглядъ сложился посредствомъ приложенія началъ древне-русскаго долгового права къ положенію владѣльческихъ крестьянъ. Долгъ становился источникомъ крѣпостной зависимости, когда должникъ не только обязывался служить или работать за ростъ, но и терялъ право уплатить самый капиталъ, т.-е. прекратить зависимость по своей волѣ: это послѣднее начало было прямо выражено въ апрѣльскомъ указѣ 1597 г., предписавшемъ не принимать отъ кабальныхъ холоповъ челобитій объ уплатѣ долга по служилымъ кабаламъ. Этимъ отличалось кабальное и жилое холопство отъ зависимости несостоятельнаго должника, по судебному приговору выданнаго кредитору головою *до искупа*: по первоначальному значенію этого термина такой должникъ сохранялъ право уплатить долгъ и прекратить свою зависимость, не дожидаясь, пока заработаетъ занятую сумму по установленному закономъ или обычаемъ годовому зачету. Потому же и закупа *Русской Правды* нельзя считать холопомъ: по одной статьѣ *Правды* онъ могъ отлучиться отъ хозяина, чтобы поискать денегъ для расплаты съ нимъ, не нуждаясь въ его согласіи на это. Въ XVI в. отношенія издѣльныхъ крестьянъ къ землевладѣльцамъ складывались такъ, что дѣлали возможной чистую расплату со стороны первыхъ только въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Изъ приходо-расходной книги Корнилієва-Комельскаго монастыря 1576—8 г. видно, что *пожилое* за пользованіе дворомъ платилось крестьяниномъ

не изъ года въ годъ, а при уходѣ отъ землевладѣльца за всѣ прожитые годы, и отдавалось ему назадъ, когда онъ возвращался къ прежнему владѣльцу. Такимъ образомъ, оно составляло постоянно наростающій долгъ. Этотъ налогъ былъ немаловаженъ по своимъ размѣрамъ: по *Судебнику* 1550 г. крестьянинъ платилъ за 4 года 124 деньги въ мѣстахъ лѣсныхъ, а въ полевыхъ, гдѣ было до строевого лѣса, 224 деньги. По рыночному значенію тогдашнихъ московскихъ денегъ первая сумма равнялась приблизительно нынѣшнимъ 40 рублямъ, а вторая 70 руб. По указу 21 ноября 1601 г. велѣно было взимать всюду высшую полевую норму пожилого. Точно также обыкновенно только при выходѣ возвращалась и ссуда; иногда, сверхъ того, уходящій крестьянинъ долженъ былъ по контракту заплатить еще неустойку. По порядным записямъ можно замѣтить постепенное увеличеніе и подмоги, и неустойки съ конца XVI в., вѣроятно, вслѣдствіе подъема рыночныхъ цѣнъ: первая съ полтины возвышается до 5 р. и при царѣ Михаилѣ иногда доходитъ до 20 р. вторая съ 1 р. поднимается также до 5 р., и эта сумма въ первой половинѣ XVII в. становится подъ названіемъ *крестьянскаго заряда* наиболѣе обычной нормой неустойки для крестьянъ, садившихся на участокъ съ небольшой ссудой и льготой или вовсе безъ ссуды. При значительной ссудѣ неустойка иногда составлялась изъ ея удвоенія съ прибавкой стоимости льготы и возвышалась до 30, даже до 50 р., что при царѣ Михаилѣ равнялась нынѣшнимъ 420 и 700 руб. Чтобы понять, какъ трудно было большинству крестьянъ во второй половинѣ XVI в. разсчитаться съ землевладѣльцами, можно взять случай съ легкими сравнительно условіями: крестьянинъ, взявшій при поселеніи ссуду въ 3 р. и прожившій у землевладѣльца 10 лѣтъ, долженъ былъ при уходѣ заплатить эти 3 руб. и за дворъ по низшей полевой таксѣ пожилого 1 р. 55 к., что въ сложности равнялось приблизительно 300 руб. на наши деньги. Этимъ объясняется явленіе, которое становится замѣтно во второй половинѣ XVI вѣка:

крестьянское право выхода замираетъ само собою безъ всякой законодательной отмѣны его, прямой или косвенной. Этимъ правомъ продолжали пользоваться тѣ немногіе крестьяне, поселеніе которыхъ не соединялось ни съ какими затратами для землевладѣльцевъ и которымъ потому легко было разсчитаться съ ними, заплативъ только за дворы, въ которыхъ они жили. Для остальныхъ крестьянъ вольный переходъ выродился въ четыре формы: побѣгъ, свозъ, сходъ съ участка безъ ухода отъ владѣльца и сдачу участка другому крестьянину. Первая форма возвращала задолжавшему крестьянину свободу, но была незаконна; двѣ другія допускались закономъ, но не возвращали крестьянину свободы; послѣдняя допускалась закономъ и возвращала свободу, но была затруднительна сама по себѣ и возможна въ рѣдкихъ случаяхъ. Это экономическое перерожденіе права всего выразительнѣе засвидѣтельствовано указомъ 28 ноября 1601 года: указъ начинается объявленіемъ, что царь позволилъ во всемъ своемъ государствѣ „крестьянамъ давать *выходъ*"; но далѣе рѣчь идетъ не о выходѣ крестьянъ, а о вывозѣ ихъ одними землевладѣльцами у другихъ; подъ крестьянскимъ правомъ выхода отъ землевладѣльцевъ къ началу XVII в. привыкли уже разумѣть только землевладѣльческое право вывоза крестьянъ. На всемъ этомъ и основалось притязаніе землевладѣльцевъ на задолжавшихъ крестьянъ, какъ на своихъ крѣпостныхъ.

Законодательство, не отвергая этого притязанія, устанавливало только его границы, регулируя его основанія. Переходъ крестьянъ съ одного участка на другой безъ ухода отъ землевладѣльца былъ домашнимъ дѣломъ послѣдняго съ первыми, не затрогивавшимъ ничьего сторонняго частнаго интереса; но онъ чувствительно затрагивалъ интересъ казны. Сколько можно вглядѣться въ поземельныя отношенія владѣльческихъ крестьянъ по немногимъ вотчиннымъ книгамъ конца XVI и начала XVII в., среди нихъ господствовала чрезвычайная подвижность. Крестьяне рѣдко подолгу заси-

живались на однихъ участкахъ, въ однихъ дворахъ. Но они не бѣгали, а оставались у прежнихъ владѣльцевъ и только по соглашенію съ ними или переходили на тяглые участки меньшаго размѣра, или садились на пустошь, на которой не лежало казеннаго тягла, или становились безпашенными бобылями, обязанными платить только бобыльскій оброкъ вотчиннику. Послѣдній отъ этого не терялъ жильца и работника, но казна лишалась тяглеца или части его прежняго тягла. Всѣ эти операціи, совершавшіяся въ началѣ XVII в., прямо говорятъ объ отсутствіи поземельнаго прикрѣпленія крестьянъ; косвенно указываетъ на то же законодательная мѣра, противъ нихъ направленная. Это былъ цѣлый переворотъ въ податной системѣ. Въ XVI в. поземельная подать распредѣлялась по пространству пахотной земли, въ царствованіе Михаила по количеству тяглыхъ дворовъ; въ писцовыхъ книгахъ этого царствованія окладной единицей служитъ не прежняя *выть*, извѣстное количество десятинъ пашни, а живущая *четь*, состоявшая изъ извѣстнаго числа тяглыхъ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ независимо отъ пространства пашни. Предстоитъ еще разслѣдовать, когда введена была эта важная реформа; можно только догадываться, что мысль ея или первый опытъ относится къ правленію Бориса Годунова, Въ нашей литературѣ большое недоумѣніе возбудило неясное извѣстіе выше упомянутаго Шиля, что Борисъ пожаловалъ крестьянъ, которыхъ дворяне привыкли считать своими крѣпостными, и каждому дворянину-землевладѣльцу далъ положеніе (Ordnung), сколько обязаны ежегодно платить ему и работать на него его поденные. Это извѣстіе едва ли не было внушено предпринятой на новыхъ началахъ поземельной описью, которая должна была переложить подати съ земли на дворы и съ которой обязаны были сообразоваться землевладѣльцы въ распредѣленіи оброковъ и издѣлій между крестьянами. По крайней мѣрѣ, въ одномъ актѣ 1593 г. правительство сдѣлало намекъ на задуманную имъ большую поземельную опись, которая должна была из-

мѣнить основанія не только податного обложенія, но и землевладѣльческихъ поземельныхъ доходовъ [1]). Какъ бы то ни было, подворное обложеніе избавляло казну отъ потерь, какія она терпѣла отъ перехода крестьянъ съ бо́льшихъ участковъ на меньшіе, съ тяглыхъ жилыхъ жеребьевъ на нетяглые пустошные и изъ пашенныхъ тяглецовъ въ безпашенные бобыли: отъ всѣхъ этихъ операцій количество значившихся въ имѣніи подворныхъ казенныхъ тяголъ теперь не уменьшалось.

Правительство издавна принимало мѣры противъ крестьянъ, покидавшихъ свои участки не въ срокъ и безъ разсчета съ землевладѣльцами: ихъ возвращали на старыя мѣста доживать до срока или, не трогая съ новыхъ мѣстъ, заставляли додѣлывать условленныя работы на покинутыхъ землевладѣльцевъ за взятое у нихъ серебро, а въ уплатѣ серебра представлять поруку. Въ концѣ XVI в. очень строго отличали законный выходъ крестьянина отъ незаконнаго или выходъ „съ отказомъ“ отъ выхода „побѣгомъ“. Однако, отношеніе законодательства къ бѣглымъ долго не поддерживало притязаній землевладѣльцевъ на личность задолжавшаго крестьянина, какъ крѣпостного. Во-первыхъ, оно предписывало преслѣдовать бѣглаго не иначе, какъ по иску землевладѣльца; притомъ самые иски были подчинены сроку давности, по истеченіи котораго бѣглый не подлежалъ преслѣдованію. Съ начала XVII вѣка дѣйствовалъ пятилѣтній срокъ, закономъ 1607 г. былъ установленъ 15-тилѣтній срокъ, какому подлежали всякіе иски по обязательствамъ. Въ первые годы царствованія Михаила былъ возстановленъ прежній пятилѣтній срокъ, о чемъ узнаемъ изъ одной отступной записи, сохранившейся среди неизданныхъ актовъ Троицкаго Сергіева монастыря. У Колтовскаго въ 1612 и 1615 году бѣжали крестьяне въ деревни Троицкаго монастыря; нѣкоторые изъ по своевременному иску владѣльца были ему выданы; отъ

---

[1]) *Акты, отн. до юр. быта Россіи*, I, № 29, II.

другихъ и въ томъ числѣ отъ крестьянки, бѣжавшей въ 1615 г., онъ отступился въ 1621 г., потому что „изъ урочныхъ лѣтъ они вышли“. Въ 1615 г. Троицкому монастырю дана была временная привилегія возвращать своихъ бѣглецовъ за 11 лѣтъ, съ 1 сентября 1604 года по 1 сентября 1615 г., потомъ установлена была для исковъ о бѣглыхъ этого монастыря девятилѣтняя давность, въ 1637 г. распространенная на дворянъ и дѣтей боярскихъ нѣкоторыхъ южныхъ уѣздовъ, пока, наконецъ, въ 1642 году для всѣхъ землевладѣльцевъ не былъ назначенъ десятилѣтній срокъ. Такое отношеніе законодательства къ бѣглымъ сообщало договорамъ крестьянъ съ землевладѣльцами характеръ совершенно частныхъ гражданскихъ сдѣлокъ безъ всякой полицейской примѣси. Указъ 9 марта 1607 г. впервые внесъ полицейскій элементъ въ вопросъ о бѣглыхъ крестьянахъ. Это едва ли не самый важный законъ въ исторіи установленія крѣпостного права на крестьянъ [1]). Онъ первый прямо выразилъ начала, которыя легли въ основаніе этого права. Онъ, во-первыхъ, призналъ личное, а не поземельное прикрѣпленіе владѣльческихъ крестьянъ, т.-е. призналъ возникшее въ XVI вѣкѣ притязаніе, считавшее

---

[1]) Этотъ указъ необычными оборотами рѣчи и другими странностями возбудилъ подозрѣніе въ поддѣлкѣ. Это—недоразумѣніе. Наиболѣе подозрительными странностями отличается не самый указъ, а приказный докладъ, ему предшествующій и его вызвавшій. Легко замѣтить, что это—сокращенное изложеніе подлиннаго доклада, состоявшаго по обычаю приказныхъ докладчиковъ Думы изъ дословныхъ выписокъ изъ предшествующихъ указовъ по возбужденному въ докладѣ предмету, именно изъ указовъ 1597, 1601 и 1602 гг. о бѣглыхъ. Татищеву, издавшему указъ 1607 г., не хотѣлось переписывать этихъ длинныхъ выдержекъ, и онъ изложилъ докладъ *своими словами* и съ собственными поясненіями, основанными на предразсудкѣ, будто за 5 лѣтъ до указа 1597 г. по внушенію Бориса Годунова изданъ былъ законъ, прикрѣпившій крестьянъ къ землѣ. Докладъ въ указѣ 1607 г. не поддѣлка, а неудачный историческій комментарій издателя. Содержаніе самого указа съ измѣненіями почти все вошло въ *Уложеніе*.

крестьянъ по ссуднымъ записямъ крѣпкими не землѣ, а лично землевладѣльцамъ: указъ гласитъ, что крестьянамъ, которые за 15 лѣтъ до указа „въ книгахъ 101 (1592—1593) года положены, быть за тѣми, за кѣмъ писаны“. Далѣе, въ число доказательствъ крѣпостной зависимости указъ внесъ крѣпость особаго рода, непохожую на прежнія, *писцовую книгу*. Холопы укрѣплялись актами частнаго характера, полными, кабалами, записями и т. д. Значеніе специальной и имущественной крѣпости для крестьянъ получилъ теперь оффиціальный документъ общегосударственнаго характера: крестьяне, вышедшіе послѣ переписи 101 года, выдавались прежнимъ владѣльцамъ, за которыми они записаны въ книгахъ того года. Наконецъ, указъ превратилъ крестьянскіе побѣги изъ гражданскихъ правонарушеній, преслѣдуемыхъ по частному почину потерпѣвшихъ, въ вопросъ государственнаго порядка: независимо отъ исковъ землевладѣльцевъ, розыскъ и возвратъ бѣглыхъ возложенъ указомъ на областную администрацію подъ страхомъ тяжелой отвѣтственности за неисполненіе этой новой обязанности. Соотвѣтственно этому новому взгляду на побѣгъ, какъ нарушеніе не только частнаго интереса, но и общественнаго порядка, и за пріемъ бѣглаго, прежде безнаказанный, указъ назначилъ, сверхъ вознагражденія потерпѣвшему владѣльцу, значительный штрафъ въ пользу казны по 10 руб. (около 120 руб. на наши деньги) за каждый дворъ или одинокаго крестьянина, а подговорившій къ побѣгу, сверхъ денежной пени, подвергался еще торговой казни (кнутомъ).

Дѣйствіе началъ, признанныхъ закономъ 1607 г., прежде всего, отразилось на правѣ своза крестьянъ землевладѣльцами. Это право было юридическимъ послѣдствіемъ и одной изъ формъ крестьянскаго права выхода: крестьянинъ, не имѣвшій средствъ расплатиться съ своимъ землевладѣльцемъ, могъ войти въ соглашеніе съ другимъ, который выкупалъ его и свозилъ на свою землю. Во второй половинѣ XVI вѣка эта форма крестьянскаго выхода замѣтно пріобрѣтала

господство: большинство крестьянъ, которые мѣняли землевладѣльцевъ, уже не переходило, а перевозилось. Но успѣхи кабальнаго права стали затруднять и свозы. Законъ запрещалъ вывозить крестьянъ „сильно не по сроку, безъ отказу и безпошлинно“. Отказъ состоялъ въ томъ, что откащикъ, по соглашенію съ чужимъ крестьяниномъ, заявлялъ его владѣльцу въ ноябрѣ около Юрьева дня о своемъ желаніи свезти его къ себѣ и просилъ принять у него „выходъ“ или узаконенныя пошлины за того крестьянина, а также серебро или ссуду, взятую имъ у прежняго владѣльца; послѣдній не могъ не принять правильно сдѣланнаго отказа. Но когда подъ вліяніемъ началъ кабальнаго холопства сталъ утверждаться взглядъ на крестьянскую ссуду, какъ на долговое обязательство, не прекращаемое безъ согласія ссудодателя, землевладѣльцы начали считать себя въ правѣ не принимать и правильно сдѣланнаго отказа. Притомъ нѣкоторые виды ссуды, особенно многолѣтняя льгота, не легко поддавались точной и безспорной оцѣнкѣ. Крестьянину, пришедшему съ голыми руками, землевладѣлецъ помогалъ въ льготные годы обзавестись, и едва онъ начиналъ приносить доходъ своему владѣльцу, являлся сосѣдъ съ отказомъ, чтобы взять этого крестьянина къ себѣ съ его инвентаремъ и воспользоваться плодами чужихъ затратъ и усилій. Узаконенной таксы для безобидной оцѣнки этихъ затратъ и усилій не было и быть не могло. Этимъ объясняются раздающіяся во второй половинѣ XVI вѣка жалобы откащиковъ на то, что землевладѣльцы не выпускаютъ отказываемыхъ крестьянъ, куютъ ихъ въ желѣза, или, согласившись на вывозъ, принявъ отказъ, грабятъ животы вывозимыхъ крестьянъ и насчитываютъ на нихъ слишкомъ много пожилого. Значитъ, землевладѣльцы простирали притязаніе на самую личность задолжавшаго крестьянина, а отказываясь отъ личности, считали себя въ правѣ удерживать его имущество, какъ вознагражденіе за понесенные убытки. Къ концу XVI вѣка среди споровъ, дракъ и насилій, ежегодно повторяв-

шихся въ ноябрѣ и наполнявшихъ суды кляузными тяжбами, повидимому, восторжествовалъ тотъ взглядъ, что владѣльческихъ крестьянъ нельзя вывозить безъ согласія ихъ владѣльцевъ. Этому взгляду давалъ нѣкоторую опору настойчиво повторявшійся во второй половинѣ XVI вѣка запретъ землевладѣльцамъ, получившимъ отъ правительства податныя льготы для успѣшнѣйшаго заселенія пустыхъ земель, перезывать на эти пустоши тяглыхъ крестьянъ, хотя этотъ запретъ имѣлъ въ виду не столько владѣльческихъ, сколько черныхъ казенныхъ крестьянъ. На томъ же взглядѣ стали и ноябрьскіе указы 1601 и 1602 гг. Эти указы выдѣляютъ крупныхъ землевладѣльцевъ, людей высшихъ чиновъ и церковныя учрежденія, запрещая крестьянскій „выходъ", т.-е. вывозъ какъ на ихъ земли, такъ и съ ихъ земель; это запрещеніе распространено и на дворцовыхъ и черныхъ крестьянъ. Свозить крестьянъ дозволено только другъ у друга людямъ низшихъ чиновъ, мелкимъ землевладѣльцамъ, масса которыхъ состояла изъ провинціальнаго дворянства: притомъ и это дозволеніе указъ 1601 года ограничилъ однимъ условіемъ: каждый откащикъ могъ отказать у одного владѣльца не болѣе двухъ крестьянъ заразъ. Легко разсмотрѣть мотивы этихъ указовъ. Въ условіяхъ вызова указы обозначаютъ уплату пожилого, но ничего не говорятъ о ссудѣ; слѣдовательно, они имѣли въ виду преимущественно крестьянъ, разсчетъ которыхъ съ землевладѣльцами былъ сравнительно простъ, не осложнялся значительными ссудами и льготами, а такіе чаще встрѣчались у мелкихъ, чѣмъ у крупныхъ землевладѣльцевъ; притомъ мелкіе и наиболѣе нуждались въ крестьянахъ. Указы опредѣляютъ, кому у кого дается *право* вывозить крестьянъ безъ согласія владѣльцевъ, но непремѣнно съ согласія вывозимыхъ; при этомъ оба указа признаются, что они вызваны именно тѣми безпорядками и насиліями, которые происходили отъ нежеланія владѣльцевъ выпускать отказываемыхъ. Но это право было дано временно только на тѣ сентябрьскіе годы, въ

началѣ которыхъ были изданы оба указа. Значитъ, вывозъ, какъ право отказщика, возникшее изъ соглашенія его съ крестьяниномъ, допускался, какъ временная уступка старымъ привычкамъ и частнымъ интересамъ, а въ принципѣ было уже признано постояннымъ правиломъ, что вывозить крестьянъ можно только съ дозволенія владѣльцевъ. Въ законѣ 1607 года ничего не сказано о вывозѣ, и въ междуцарствіе вопросъ нѣкоторое время оставался нерѣшеннымъ. Въ наказѣ, данномъ отъ имени Владислава въ концѣ 1610 года Левшину, посланному управлять Чухломой и черными волостями въ ея уѣздѣ, московское правительство предписывало крестьянъ за государя въ казенныя волости ни изъ-за кого не вывозить *до указа*. Но люди, руководившіе русскимъ обществомъ въ смутное время, уже склонялось къ рѣшенію, подсказанному законодательствомъ прежнихъ лѣтъ, и за это имъ нельзя отказать въ извѣстномъ политическомъ тактѣ: въ большинствѣ крупные землевладѣльцы, которымъ было выгодно право вывоза, они были рѣшительно противъ него, когда вывозъ изъ права, ограждавшаго крестьянскую личность, превратился въ борьбу землевладѣльцевъ за крестьянина, въ средство биржевой игры его личностью. Извѣстно, что договоръ Салтыкова съ Сигизмундомъ 4 февраля 1610 года и договоръ московскихъ бояръ 17 августа того же года поставили въ число условій избранія Владислава на московскій престолъ запрещеніе крестьянскаго выхода, подъ которымъ въ то время, какъ мы видѣли, разумѣлся собственно вывозъ безъ согласія владѣльца. Согласно съ этимъ условіемъ, въ грамотахъ 1611 года на вотчины, пожалованныя извѣстному искателю приключеній и автору любопытныхъ записокъ о Московіи Маржерету, читаемъ строгое предписаніе крестьянамъ изъ-за вотчинника за бояръ и другихъ чиновъ людей не выходить и никому ихъ не вывозить, а вышедшихъ и вывезенныхъ сыскивать и возвращать къ прежнему владѣльцу[1]). Въ царствованіе Михаила вывозъ

[1]) *Др. Росс. Вивліо.*, XI, 368. *Акты Зап. Росс.*, IV, № 183, стр. 409.

былъ окончательно отмѣненъ и законъ 9 марта 1642 года отнесся къ нему даже строже, чѣмъ къ крестьянскимъ побѣгамъ: для исковъ о вывозныхъ крестьянахъ, т.-е. вывезенныхъ „насильствомъ", безъ согласія владѣльца, назначена 15-тилѣтняя давность, тогда какъ иски о бѣглыхъ подчинены были давности 10-тилѣтней.

Право вывоза было формой, въ которую вырождалось крестьянское право выхода по мѣрѣ того, какъ переставало дѣйствовать въ первоначальномъ чистомъ видѣ. Въ свою очередь, и право вывоза по мѣрѣ того, какъ его стѣсняло законодательство, перерождалось въ право передачи или право сдѣлокъ на крестьянъ безъ земли. Личная крѣпость задолжавшаго издѣльнаго крестьянина, признанная закономъ 1607 г., не была вполнѣ кабальная: она основывалась не на правѣ, а на экономическомъ фактѣ, т.-е. не на томъ, что крестьянинъ не имѣлъ права уйти отъ владѣльца, расплатившись съ нимъ, а на томъ, что онъ не имѣлъ собственныхъ средствъ расплатиться съ нимъ, чтобы уйти отъ него. Отмѣна права вывоза уничтожила только одно изъ послѣдствій права выхода—вывозъ безъ согласія владѣльца; но вывозъ по соглашенію съ послѣднимъ, не сопровождавшійся искомъ о вывозномъ крестьянинѣ, не былъ отмѣненъ, а это и была сдѣлка на крестьянина безъ земли. Такая сдѣлка отличалась отъ прежняго вывоза только инымъ сочетаніемъ прежнихъ отношеній, происшедшимъ отъ перестановки участвовавшихъ въ операціи сторонъ: сдѣлка крестьянина съ откащикомъ на счетъ своего владѣльца превратилась въ сдѣлку владѣльца съ откащикомъ на счетъ своего крестьянина. Безземельныя операціи съ крестьянами появляются въ актахъ вскорѣ послѣ того, какъ законодательство начало стѣснять вывозъ, и принимаютъ довольно разнообразныя формы. Нѣсколько такихъ операцій встрѣчаемъ въ актахъ Троицкаго Сергіева монастыря. Въ 1632 г. помѣстный есаулъ Бѣльскій отдалъ монастырю вотчиннаго своего крестьянина съ семьей, потому что „того крестьянина взяла

бѣдность и была жена его въ закладѣ у стародубца Гринева", у котораго выкупили ее монастырскими деньгами. Въ 1628 г. тотъ же монастырь, вчинивши искъ противъ землевладѣльца Языкова и его крестьянъ „въ безвѣстной смерти" попа изъ монастырскаго приселка, по сдѣлкѣ съ Языковымъ взялъ у него за того священника двухъ его крестьянъ съ семействами. За станичнымъ мурзой въ Алатырскомъ уѣздѣ жили въ крестьянахъ русскіе люди: въ 1627 г. онъ поступился ими „не изъ неволи" съ семьями и животами Троицкому Алатырскому монастырю, который вывезъ ихъ въ свою вотчину. Въ второй половинѣ XVII в. были въ обычаѣ разнообразныя сдѣлки на бѣглыхъ крестьянъ: ихъ продавали, дарили, мѣняли, закладывали. Одну такую сдѣлку, притомъ на крестьянъ помѣстныхъ, распоряженіе которыми было болѣе стѣснено, встрѣчаемъ уже въ 1620 году. Писаревъ, искавшій на Троицкомъ монастырѣ двухъ крестьянъ, бѣжавшихъ изъ его помѣстья, по мировой сдѣлкѣ уступилъ ихъ монастырю съ семьями и животами „вовѣки" за 50 р., т.-е. продалъ ихъ. Къ безземельнымъ сдѣлкамъ на крестьянъ относилось и условіе, по которому при выкупѣ проданной, заложенной или отказанной въ монастырь вотчины покупщику, залогодержателю и монастырю предоставлялось выводить изъ той вотчины крестьянъ, поселенныхъ въ ней послѣ отчужденія. Это условіе довольно обычно въ купчихъ, закладныхъ и вкладныхъ грамотахъ первой половины XVII в. и всего нагляднѣе доказываетъ какъ успѣхи личнаго укрѣпленія крестьянъ за владѣльцами, такъ и отсутствіе ихъ поземельнаго прикрѣпленія. Самый ранній намъ извѣстный случай относится къ 1611 году: вдова Власьева по духовной мужа отказала въ Троицкій монастырь вотчину, предоставивъ ему право, въ случаѣ выкупа вотчины родственниками, вывести изъ нея крестьянъ, имъ посаженныхъ, со всѣмъ ихъ имуществомъ въ свои вотчины. Наконецъ, довольно рано является и простѣйшій, односторонній способъ безземельнаго распоряженія крестьянами безъ участія дру-

гого владѣльца — отпускъ на волю. По формѣ онъ близко подходилъ къ своему первоначальному юридическому источнику — вольному крестьянскому выходу, такъ что иногда его трудно отличить отъ послѣдняго. Въ 1622 г. Ларіоновъ продалъ Маматову пустошь съ дворишкомъ, хлѣбомъ, животиной и „всякой деревенской посудой“; но объ единственномъ крестьянинѣ, жившемъ въ той пустоши, въ актѣ поставлено покупщику условіе: „а до крестьянина ему и до его хлѣба до ржи (въ землѣ) дѣла нѣтъ, его отпустить совсѣмъ“. По акту нельзя разобрать, получилъ ли крестьянинъ отпускъ по милости своего владѣльца, или по собственному праву, какъ вольный арендаторъ, рядившійся на землю Ларіонова и не обязанный оставаться на ней по переходѣ ея къ Маматову [1]).

Со стороны законодательства не замѣтно ни малѣйшаго противодѣйствія безземельному распоряженію крестьянами, этой третичной и наиболѣе извращенной формѣ крестьянскаго выхода, — не замѣтно даже такого противодѣйствія, какое было оказано вторичной формѣ, вывозу. Потому не было оговорено закономъ согласіе крестьянина при его передачѣ однимъ землевладѣльцемъ другому, какъ оно было оговорено въ законахъ о вывозѣ. Но законодательство рано предусмотрѣло и спѣшило предупредить одно политическое неудобство, которымъ одинаково грозили обѣ формы. Переходя изъ рукъ въ руки безъ земли, задолжавшій крестьянинъ тѣмъ легче могъ выйти изъ тяглаго состоянія, что второй *Судебникъ* давалъ ему право продаться съ пашни въ полное холопство. Но одинъ изъ первыхъ указовъ, ограничивавшихъ право вывоза, ставилъ въ 1602 г. непремѣннымъ его условіемъ, чтобы вывозимые крестьяне и у новаго владѣльца оставались крестьянами. Согласно съ этимъ, законъ 1 февраля 1606 г. предписывалъ бѣглыхъ крестьянъ, отдавшихся въ холопство, возвращать прежнимъ владѣльцамъ въ крестьянство; исключеніе сдѣлано только для

[1]) *Рукоп. Тр. Серг. мон.*, №№ 530 и 532.

крестьянъ бѣдныхъ, не имѣвшихъ чѣмъ прокормиться въ голодные 1602—1604 годы. Этимъ закономъ отмѣнена была упомянутая статья *Судебника*. Но до *Уложенія* новое требованіе закона, повидимому, еще не было достаточно уяснено и нарушенія его даже утверждались властями. Въ крѣпостной новгородской книгѣ записанъ такой случай: вольный человѣкъ пошелъ въ домъ къ крестьянину, женившись на его дочери; это значило, что онъ согласился стать крестьяниномъ того владѣльца, за которымъ жилъ его тесть: но, „не похотя жить въ крестьянствѣ", онъ съ женой бѣжалъ къ другому владѣльцу, въ 1645 г. былъ выданъ изъ бѣговъ прежнему и въ 1647 г. далъ ему на себя служилую кабалу, которую утвердилъ губной староста [1]). *Уложеніе* грозитъ уже наказаніемъ землевладѣльцамъ за пріемъ своихъ крестьянъ во дворъ въ кабальное холопство и рѣзко обособляетъ крестьянъ даже отъ тяглаго городского населенія, запрещая имъ подъ страхомъ кнута пріобрѣтать въ городахъ тяглые дворы и торговыя заведенія. Этимъ *Уложеніе* замыкало крестьянское сословіе съ одной стороны: всякій вольный человѣкъ, на которомъ не лежало ни тягла, ни службы, могъ вступить въ крестьянство; но разъ попавшій въ это званіе уже не могъ перейти въ другое. Землевладѣлецъ могъ освободить своего крестьянина, крестьянское общество могло выслать своего члена; отпущенный или высланный тогда становился *вольнымъ*, т.-е. нетяглымъ человѣкомъ безъ званія, безъ опредѣленнаго положенія въ обществѣ. Но если онъ хотѣлъ пристроиться, пріобрѣсти опредѣленное положеніе, онъ долженъ былъ воротиться въ прежнее званіе, порядившись за кого-нибудь въ крестьяне или бобыли. Этимъ крестьянство отличалось отъ холопства: отпущенный на волю холопъ могъ не только вступить въ холопство къ другому господину, но и принять городское

[1]) *Рукоп. Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ по Новгороду.* № 35, л. 121. Ср. *Бѣлевск. Вивл.*, I, 266.

или крестьянское тягло. Послѣ *Уложенія* эта замкнутость крестьянства была выражена точнѣе и рѣшительнѣе: по указу 23 мая 1681 года, если вольноотпущенные холопы или крестьяне били кому челомъ въ холопство, велѣно на первыхъ давать служилыя кабалы, а на вторыхъ ссудныя записи, т.-е. принимать ихъ въ крестьяне, а не въ холопы, а указомъ 7 августа 1685 г. запрещено было принимать крестьянъ въ посады даже съ отпускными отъ ихъ владѣльцевъ. Такая безвыходность крестьянскаго званія во второй половинѣ XVII в. называлась *вѣчностью крестьянской*, въ отличіе отъ *крестьянства*, подъ которымъ разумѣли собственно зависимость, привязывавшую крестьянина къ извѣстному землевладѣльцу или крестьянскому обществу.

Это двойное прикрѣпленіе къ званію и къ лицу владѣльца подало поводъ думать, что владѣльческіе крестьяне вмѣстѣ съ казенными были прикрѣплены къ землѣ и что это общее прикрѣпленіе, установленное особымъ закономъ въ концѣ XVI в., было завершено *Уложеніемъ* 1649 г. Этого мнѣнія нельзя доказать. Въ законодательствѣ можно замѣтить стремленіе прикрѣпить къ землѣ казенныхъ крестьянъ, дворцовыхъ и черныхъ. Слѣды этого стремленія замѣтны гораздо раньше предпологаемаго общаго прикрѣпленія крестьянъ, еще въ удѣльные вѣка; источникомъ этихъ попытокъ было естественное желаніе удѣльныхъ правительствъ обезпечить себѣ тяглецовъ среди общей бродячести населенія. Съ половины XVII в. въ числѣ частныхъ мѣръ, направленныхъ къ удержанію крестьянъ на дворцовыхъ и черныхъ земляхъ, дѣйствовало узаконеніе, неоднократно повторявшееся въ жалованныхъ грамотахъ: землевладѣльцамъ, получавшимъ право для заселенія пустыхъ земель давать поселенцамъ льготу отъ податей на извѣстное число лѣтъ, ставилось условіе „называти на льготу крестьянъ отъ отцовъ дѣтей и отъ братей братью и отъ дядь племянниковъ и отъ сусѣдъ захребетниковъ, а не съ тяглыхъ черныхъ мѣстъ, а съ тяглыхъ черныхъ мѣстъ крестьянъ не называти“, какъ

читаемъ въ грамотѣ Нагому 1575 г. Но общаго рѣшительнаго закона не было, и потому переходы крестьянъ съ черныхъ и дворцовыхъ земель продолжались почти до самаго *Уложенія.* Изъ нерѣшительныхъ попытокъ сложилась, по крайней мѣрѣ, неясная идея поземельнаго прикрѣпленія, выразившаяся въ *Уложеніи:* оно предписываетъ бѣглыхъ дворцовыхъ и черныхъ крестьянъ вывозить по писцовымъ книгамъ „на старые ихъ жеребьи". Но владѣльческихъ крестьянъ никогда и не пытались прикрѣплять къ землѣ, ни въ XVI, ни въ XVII в., и именно потому, что они не были прикрѣплены къ землѣ, они стали крѣпостными. *Уложеніе* даже какъ будто не понимаетъ прикрѣпленія владѣльческихъ крестьянъ къ землѣ, хочетъ знать лишь то, за кѣмъ они по книгамъ записаны, а не то, къ какому обществу или къ какимъ участкамъ приписаны. Потому оно предписываетъ просто возвращать бѣглыхъ владѣльческихъ крестьянъ ихъ владѣльцамъ по книгамъ, не упоминая объ ихъ старыхъ жеребьяхъ, и допускаетъ много случаевъ, когда крестьянинъ могъ быть оторванъ отъ насиженнаго участка: его передавали отъ одного владѣльца другому за женитьбу на бѣглой или за чужого крестьянина, убитаго имъ либо его владѣльцемъ, иногда даже другимъ крестьяниномъ того же владѣльца, переводили изъ отчуждаемаго помѣстья или вотчины на другую землю отчуждавшаго, отпускали на волю безъ земли. Практика до *Уложенія* и послѣ вводила и другіе случаи, которымъ также не мѣшалъ законъ: вывозы, разнообразныя сдѣлки безъ земли были бы невозможны при поземельномъ прикрѣпленіи. Всѣ эти случаи нельзя считать исключеніями, потому что не существовало самаго правила. Законодательству приходилось оберегать три интереса, имѣвшіе политическую важность,— владѣльческій, крестьянскій и казенный; первый состоялъ въ упроченіи личной крѣпости крестьянъ, второй въ поддержкѣ ихъ хозяйственной и податной состоятельности, третій въ прикрѣпленіи ихъ къ государственному тяглу вообще, а не къ

тому или другому тяглому участку. Но всѣ эти интересы, тѣсно связанные другъ съ другомъ и одинаково важные для законодателя, не всегда были дружны между собою и влекли его въ разныя стороны. Законодательство долго колебалось между этими влеченіями. Его колебанія обнаруживались всего яснѣе въ узаконеніяхъ о сдачѣ участковъ и о давности по искамъ о бѣглыхъ. Изъ всѣхъ производныхъ формъ крестьянскаго выхода сдача участковъ всего ближе подходила къ своему юридическому первообразу: крестьянинъ, желавшій покинуть участокъ, но не могшій исполнить принятыхъ на себя обязательствъ, сажалъ на свое мѣсто другого, соглашавшагося нести эти обязательства. Землевладѣльцы не мѣшали такимъ замѣщеніямъ, не причинявшимъ имъ потерь и часто предупреждавшимъ ихъ: обезсилѣвшій животами крестьянинъ, потерявшая главнаго работника семья переходили въ малодоходные для владѣльца бобыли; но подысканные ими „жильцы" снимали съ нихъ участки и возстановляли ихъ доходность. За то казна ничего не выигрывала отъ этихъ сдачъ и нерѣдко много теряла. Изъ поземельныхъ актовъ видно, что въ XVI и первой половинѣ XVII в. дворцовые и черные крестьяне, тяготясь податями и повинностями, лежавшими на ихъ участкахъ, продавали ихъ другимъ крестьянамъ, т.-е. продавали собственно не землю, которая была казенная, а хозяйственныя постройки, приспособленія и инвентарь, сами же иногда рядились пахать только что проданные свои участки, но съ условіемъ въ предстоящую перепись не записываться: это значило, что изъ тяглыхъ крестьянъ они переходили въ нетяглые съемщики или захребетники. Благодаря такой операціи, при подворномъ обложеніи продавецъ переставалъ платить казнѣ, а покупщикъ платилъ не больше прежняго. При переписи 1646 г. такихъ продавцовъ, переходившихъ въ нетяглыя состоянія, велѣно было возвращать въ тягло. Но безусловно запретить сдачу и всѣхъ сдатчиковъ водворять на прежнія мѣста значило бы отнять у бѣднѣвшихъ казенныхъ

крестьянъ возможность поправиться переходомъ на владѣльческія земли съ подмогой и разорить тѣхъ, которые успѣли устроиться на новыхъ мѣстахъ. Потому еще въ 1661 г., какъ видно изъ одного наказа, косвенно разрѣшалась сдача тяглыхъ дворовъ и участковъ съ условіемъ податной исправности замѣстителей: возвращать на прежнія мѣста предписывалось лишь покидавшихъ свои жеребьи впустѣ, не трогая тѣхъ, которые продали или сдали въ тягло свои участки, если преемники исправно тянули тягло и, разумѣется, если сдатчики не выходили изъ тяглаго состоянія. Въ интересѣ мелкихъ землевладѣльцевъ была отмѣнена въ 1646 г. давность для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ. Но многіе бѣглые устраивались въ городахъ и становились хорошими посадскими тяглецами, прежде чѣмъ покинутые владѣльцы успѣвали вчинить о нихъ иски. Во время переписи 1678 г. они были внесены въ книги уже по новымъ мѣстамъ жительства. Рядомъ указовъ съ 1655 г. такихъ бѣглецовъ запрещалось возвращать по искамъ владѣльцевъ въ прежнее состояніе, потому что владѣльцы „не били о нихъ челомъ многое время“. Любопытно, что такая неопредѣленная обратная давность была распространена и на бѣглыхъ холоповъ,— знакъ, что мысль закона 9 марта 1607 г. не изчезла и послѣ. О дѣйствіи этихъ указовъ можно судить по составленному въ 1694 г. списку бѣглыхъ крестьянъ, записанныхъ въ псковскій посадъ: такихъ бѣглецовъ, поселившихся въ Псковѣ съ 1646 по 1686 г., оказалось 476 человѣкъ[1]).

Итакъ, законодательство не устанавливало крѣпостного права на владѣльческихъ крестьянъ ни прямо, ни косвенно: оно не только не прикрѣпляло ихъ къ землѣ, но не отмѣняло и права выхода, т.-е. не прикрѣпляло крестьянъ прямо и безусловно къ самимъ владѣльцамъ. Однако, право выхода уже очень рѣдко дѣйствовало въ первоначальномъ чистомъ

---

[1]) *Доп. къ А. И.*, IV, № 101. *Акты А. Э.*, IV, № 257. *А. И.*, V, № 226. *Рукоп. Моск. Арх. М. Ин. Д. по г. Пскову*, № 32.

видѣ: уже въ XVI в. оно начало принимать разнообразныя формы, болѣе или менѣе его искажавшія. Законодательство знало только эти формы: оно слѣдило за ихъ развитіемъ и противъ каждой изъ нихъ ставило поправку, предупреждавшую государственный вредъ, какимъ она грозила. Крестьяне бросали тяглые участки, не уходя отъ владѣльцевъ: правительство измѣнило систему тягловаго обложенія, чтобы помѣшать сокращенію тяглой пашни. Усилились побѣги и иски о бѣглыхъ: усиливая мѣры противъ бѣглыхъ и ихъ пріема, оно законами о давности старалось ослабить иски и споры. Право вывоза вызывало безпорядки и запутанныя тяжбы: вывозъ былъ стѣсненъ условіемъ согласія со стороны владѣльца. Тогда вывозъ превратился въ безземельныя сдѣлки на крестьянъ: установленіе вѣчности крестьянской предупреждало выводъ крестьянъ изъ тягла посредствомъ этихъ сдѣлокъ. Владѣльцы и крестьянскія общества допускали выходъ крестьянъ со сдачей участковъ: сдача была ограничена условіемъ податной исправности замѣстителей и обязательствомъ сдатчиковъ оставаться въ тягломъ состояніи. Такъ, не внося въ крестьянскія отношенія нежданныхъ переворотовъ, представляя этимъ отношеніямъ развиваться согласно съ дѣйствовавшимъ привычнымъ правомъ, законодательство только устанавливало границы, которыхъ они не должны были переступать въ своемъ развитіи. Для изученія этого развитія надобно обратиться къ частнымъ актамъ. Самые важные изъ нихъ—*порядныя* или *ссудныя записи*. Намъ извѣстно до 200 такихъ записей, изданныхъ и не изданныхъ; рядъ ихъ начинается съ половины XVI в. и идетъ до начала XVIII в.; половину этого запаса составляютъ новгородскія записи 1646—1650 г. Слѣдуетъ напередъ оговориться, что этого очень мало, чтобы прослѣдить всѣ моменты и мѣстныя видоизмѣненія крѣпостного крестьянскаго права.

Право выхода было важно для крестьянина болѣе всего потому, что обезпечивало ему право рядиться, договоромъ

опредѣлять свои отношенія къ владѣльцу или обществу, у котораго онъ снималъ землю. Порядныя записи даютъ возможность видѣть, въ какихъ случаяхъ имѣлъ мѣсто договоръ и на какихъ условіяхъ. Очень рѣдки порядныя, написанныя при переходѣ крестьянина отъ одного владѣльца къ другому. Но любопытно, что такіе случаи бывали еще въ первой половинѣ XVII вѣка: изъ 6 такихъ порядныхъ 2 относятся къ 1576 и 1585 годамъ, 1 къ 1634 и 3 къ 1648 году. Характерны двѣ записи послѣдняго года. Въ одной является крестьянинъ изъ-за Невы, который „отъ нѣмецкаго разоренья" бросилъ свой участокъ, бродилъ по наймамъ и, наконецъ, порядился за новаго владѣльца. Другая описываетъ превратности, испытанныя крестьяниномъ: изъ вольныхъ людей онъ порядился къ Осинину, по смерти котораго его силой вывезъ къ себѣ со всѣми животами Загоскинъ; отъ него онъ вернулся, но уже безъ животовъ, на старый свой жеребій по прежней порядной съ Осининымъ и, наконецъ, порядился къ Сукину [1]). Всѣ эти случаи наглядно подтверждаютъ, что право выхода оставалось не отмѣненнымъ еще въ XVII в., но что оно замирало уже въ XVI в. Гораздо чаще встрѣчаются новые договоры съ прежними владѣльцами или при переходѣ на новые участки, или при измѣненіи условій пользованія прежними. Такіе договоры идутъ съ половины XVI в. до самаго *Уложенія.* Иногда они заключались цѣлыми обществами; такъ, въ 1599 г. пятеро крестьянъ Вяжицкаго монастыря порядились на его пустошь съ обязательствомъ поставить пять дворовъ и распахать пашню, т.-е. основать новое сельское общество. Даже съ бѣглыми при возвратѣ изъ бѣговъ владѣльцы заключили новые договоры. Выше была упомянута порядная 1599 года съ крестьяниномъ, выданнымъ изъ 8-ми лѣтняго побѣга: бѣглецъ получилъ даже ссуду и льготу при поселеніи у стараго владѣльца. Впрочемъ, это единственный прямой договоръ съ бѣг-

---

1) *Новгор. крѣпостн. книги,* № 35, л. 473, № 36, л. 84.

лымъ, намъ извѣстный; позднѣе такіе договоры замѣняются поручными, въ которыхъ владѣльцы рядились не съ самими крестьянами, а съ ихъ поручителями, принимавшими на себя отвѣтственность за исполненіе бѣглецомъ условій договора. Притомъ и такіе ряды скоро исчезаютъ: самый поздній намъ извѣстный, сохранившійся въ актахъ Троицкаго Сергіева монастыря, писанъ въ 1623 году. Любопытно, что съ конца XVI в. и договоры съ новыми крестьянами начали скрѣплять порукой другихъ крестьянъ того же владѣльца или стороннихъ людей. Такія поручныя идутъ съ 1580-хъ годовъ. Въ первой половинѣ XVII в. порука была, повидимому, обычнымъ средствомъ закрѣпленія крестьянскихъ договоровъ: въ 1627 году одна вдова, отдавая въ Троицкій монастырь вотчину мужа, пишетъ во вкладной, что мужъ ея ту вотчину устроилъ и крестьянъ посадилъ, „и ссуда имъ всякая давана и поручныя на нихъ записи, что имъ жити въ крестьянехъ, поиманы".

Во всемъ этомъ пока еще нѣтъ прямыхъ слѣдовъ крѣпостного права. Однако, дѣйствіе договора, видимо, стѣсняется и отношенія договаривающихся сторонъ становятся болѣе натянутыми. На то же указываетъ и отсутствіе порядныхъ съ вывозными крестьянами: если это не случайный пробѣлъ въ матеріалѣ, изъ этого можно заключить, что договоры отказциковъ съ вывозными крестьянами рано стали замѣняться сдѣлками владѣльцевъ на крестьянъ, а это было уже прямымъ предвѣстіемъ приближавшейся личной крѣпости. Въ условіяхъ порядныхъ находимъ подтвержденіе этой догадки. Огромное большинство порядныхъ принадлежитъ вольнымъ людямъ, впервые вступавшимъ въ крестьянство. Но условія ихъ договоровъ не были исключительными, по которымъ нельзя было бы судить объ отношеніяхъ всего крестьянства; перемѣна, происходившая въ положеніи послѣдняго, разумѣется, отражалась какимъ-либо новымъ условіемъ и въ порядныхъ вольныхъ людей. Прежде всего, заслуживаетъ вниманія неопредѣленность срока, на который

заключался договоръ. Эта безсрочность объясняется судьбою права обѣихъ сторонъ прекращать договоръ. Въ XVI в. это право было обоюдное: какъ владѣлецъ ежегодно могъ отказать крестьянину отъ участка, такъ и крестьянинъ ежегодно могъ уйти отъ владѣльца, расплатившись съ нимъ. До послѣдней четверти XVI в. по порядным не замѣтно никакихъ ограниченій крестьянскаго права выхода. Эти ограниченія являются неразлучными спутниками подмоги въ ея различныхъ видахъ. Порядныя безъ всякой подмоги ничѣмъ не стѣсняютъ крестьянина въ правѣ уйти отъ владѣльца. Но съ конца XVI в. такіе простые контракты становятся все рѣже. Вмѣстѣ съ тѣмъ, все усиливаются предосторожности владѣльцевъ: договоръ обязываетъ крестьянина, въ случаѣ ухода, возвратить подмогу или заплатить неустойку за подмогу и льготныя лѣта, иногда неустойку сверхъ подмоги. Но сперва и уходъ оплачивался только при неисполненіи обязательствъ, принятыхъ крестьяниномъ. Не ранѣе второго десятилѣтія XVII в. въ числѣ обязательствъ крестьянина является условіе не уходить или „на сторону не рядиться". Однако, до конца третьяго десятилѣтія того вѣка порядныя признаютъ за крестьяниномъ право нарушить и это обязательство: заплативъ „за убытки и волокиту", причиненные этимъ нарушеніемъ, крестьянинъ правомѣрно разрывалъ всѣ свои связи съ владѣльцемъ. Еще яснѣе обозначаются такія отношенія въ другой формѣ выхода, замѣнявшей уплату неустойки, — въ правѣ посадить вмѣсто себя другого „жильца", передавъ ему свои обязательства по участку. Это условіе довольно часто является въ порядныхъ и поручныхъ съ конца XVI в. до самаго *Уложенія*. Словомъ, слѣдя за порядными въ продолженіи 80 лѣтъ съ половины XVI в., и не вспомнишь, что на половинѣ этого хронологическаго пути стоитъ сказаніе о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ. За то тѣ же порядныя даютъ понять, что еще до этого легендарнаго пункта въ отношеніяхъ между крестьянами и владѣльцами начался скрытый переворотъ, затягивавшій эти

отношенія въ крѣпкій узелъ. Сохранилась одна порядная 1628 года, въ которой вольный человѣкъ обязуется „за государемъ своимъ жить въ крестьянехъ *по свой животъ* безвыходно“ [1]). Въ одной ссудной 1630 года, крестьяне, обязуясь въ случаѣ ухода заплатить монастырю за подмогу и льготу, прибавляютъ: „и впередъ мы Тихвина монастыря крестьяне“. Значитъ, они сами навсегда отказывались отъ права выхода и неустойку превращали въ пеню за побѣгъ, не возвращавшую имъ этого права и не уничтожавшую договора. Скоро это обязательство стало общимъ заключительнымъ условіемъ ссудныхъ записей, принимая очень разнообразныя формы выраженія; наиболѣе стереотипная и сжатая изъ нихъ гласила: „а крестьянство и впредь въ крестьянство“. Это условіе впервые сообщало ссудной записи значеніе настоящей крѣпости, утверждавшей личную зависимость безъ права зависимаго лица прекратить ее. Такое значеніе выражалось формулой, въ какую облекали это условіе иныя ссудныя, прибавляя къ обязательству крестьянина уплатить неустойку за уходъ такое условіе: „а впредь таки я государю своему по сей записи крѣпокъ безвыходно“. Почти тѣми же словами выражалось это обязательство въ жилыхъ холопьихъ записяхъ. Вмѣстѣ съ этимъ условіемъ въ ссудныхъ записяхъ является и новый терминъ: крестьянинъ сталъ звать своего владѣльца *государемъ*, какъ называли холопы своего господина. Если не ошибаемся, не раньше 1630-хъ годовъ появляется въ актахъ и для владѣльческихъ крестьянъ названіе *крѣпостныхъ*. Въ этомъ смыслѣ владѣльческое крестьянство еще до *Уложенія* обозначалось, какъ особый видъ крѣпостного состоянія, параллельный холопству. На соборѣ 1642 г. нѣкоторые дворяне предлагали населить взятый у турокъ Азовъ, кликнувъ кличъ, кто пожелаетъ пойти, „окромѣ крѣпостныхъ людей, холопей и крестьянъ“.

[1]) Сообщена В. Е. Якушкинымъ.

Итакъ, важное условіе, сообщившее отношеніямъ крестьянъ къ владѣльцамъ крѣпостной характеръ, не было навязано имъ законодательствомъ. Оно явилось юридическимъ отверждёніемъ мысли, послѣдовательно развившейся изъ кабальнаго права посредствомъ приложенія условій служилой кабалы къ издѣльному крестьянству. Этихъ условій было два: служба или работа за ростъ и непрекращаемость службы по волѣ холопа. Работа за ростъ, издѣлье было давнимъ условіемъ крестьянской ссуды; но только съ конца XVI в. ему стали придавать значеніе, какое имѣла кабальная служба за ростъ. Во второй четверти XVII в., если не раньше, явилось и другое условіе, какъ послѣдствіе перваго,— непрекращаемость обязательной работы и личной зависимости по волѣ крѣпостного. Вмѣстѣ съ этимъ въ крестьянской крѣпости произошелъ совершенно такой же переломъ, какой мы видѣли въ крѣпости кабальной. Какъ неволя кабальнаго холопа, первоначально вытекавшая изъ займа по уговору, стала потомъ утверждаться на уговорѣ безъ займа, такъ и крестьянинъ, укрѣплявшійся прежде порядной записью съ подмогой, теперь становился крѣпостнымъ по записи и безъ подмоги. Въ XVI в., когда начала служилой кабалы стали прививаться къ порядной записи, кабальное холопство еще не успѣло раздѣлиться на служилое безъ займа и заемное жилое. Въ первой половинѣ XVII в., когда эта прививка закончилась, раздѣленіе кабальнаго холопства совершилось. Порядная запись, усвоивъ основныя условія кабальнаго холопства, ихъ послѣдствія развивала по готовымъ схемамъ его позднѣйшаго вида — холопства жилого. Это холопство отличалось отъ служилаго бòльшей свободой въ установленіи границъ зависимости и разнообразіемъ ея условій. Въ холопствѣ кабальномъ все это было точно опредѣлено закономъ или обычаемъ и не обозначалось въ кабалѣ, благодаря чему послѣдняя усвоила простую и однообразную форму. Обязательство крестьянина жить весь свой вѣкъ за государемъ сближало ссудную запись съ тѣми жилыми, въ которыхъ

слуга неопредѣленно обязывался служить своему хозяину, его женѣ и дѣтямъ; въ ссудныхъ второй половины XVII в., иногда прямо обозначалось и это обязательство: „а крестьянство мое и впредь ему государю моему и женѣ его и дѣтямъ въ крестьянство“. За то нѣтъ ни одной ссудной съ кабальнымъ терминомъ—жить за владѣльцемъ „по его животъ“, какъ нѣтъ ни одной, въ которой крестьянинъ по смерти владѣльца возобновлялъ бы договоръ съ его женой или дѣтьми. Далѣе, жилыя записи обыкновенно довольно подробно обозначали, что̀ хозяинъ давалъ слугѣ и какихъ услугъ за это могъ отъ него требовать. Этими услугами собственно и опредѣлялось пространство власти хозяина. Таково же содержаніе и ссудныхъ записей. Господскую власть надъ личностью крестьянина онѣ опредѣляютъ, какъ совокупность правъ хозяйственнаго распоряженія крестьяниномъ, т.-е. его трудомъ. Зависимость крестьянина выражалась въ платежахъ и издѣльяхъ на владѣльца. Подробности тѣхъ и другихъ не относятся къ нашему вопросу; но важны нѣкоторыя ихъ особенности. Обыкновенно платежи, подати и оброки соединяются въ порядныхъ съ издѣльями. Исключеніе составляли бобыли, которые не брали тяглыхъ участковъ и обязывались либо за издѣлье платить извѣстный оброкъ, либо за оброкъ исполнять извѣстныя работы, да тѣ рѣдкіе крестьяне, которые садились на тяглые участки безъ ссуды и были свободны отъ издѣлья. Послѣднихъ случаевъ въ новгородскихъ крѣпостныхъ книгахъ не болѣе 6 на 103 порядныя записи. Далѣе, назначеніе издѣлья и оброка предоставлялось владѣльцу. Во многихъ порядныхъ повторяется обязательство крестьянина „всякое помѣщицкое дѣло дѣлать, чѣмъ меня помѣщикъ пожалуетъ, изоброчитъ, съ сосѣды вмѣстѣ по своему участку“. Въ другихъ записяхъ крестьяне обязуются владѣльцу „всякую страду страдать и оброкъ платить, чѣмъ онъ изоброчитъ“. Такъ порядныя оправдываютъ замѣчаніе Котошихина, что владѣльцы „свои подати кладутъ на крестьянъ своихъ сами“. Исключеній очень мало:

изъ 103 порядныхъ въ новгородскихъ книгахъ только въ двухъ выговоренъ крестьяниномъ опредѣленный оброкъ взамѣнъ издѣлья и только въ шести точно обозначено, сколько дней въ недѣлю обязанъ работать крѣпостной. Притомъ всѣ эти шесть порядныхъ принадлежатъ крестьянамъ одной половины Шелонской пятины и объясняются мѣстнымъ обычаемъ. Наконецъ, въ порядныхъ XVII в. нѣтъ слѣдовъ прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ по закону. Иные крестьяне обязывались жить на своихъ участкахъ безвыходно. Но это было ихъ добровольное условіе: они сами прикрѣпляли себя къ землѣ. Другіе, напротивъ, уговаривались жить въ извѣстной деревнѣ владѣльца или „гдѣ индѣ полюбится", либо „гдѣ государь пожалуетъ, мнѣ повелитъ въ своихъ деревняхъ или въ пустошахъ поставиться дворомъ". До *Уложенія*, какъ и послѣ, крестьянскіе договоры предоставляли владѣльцамъ право переводить крестьянъ съ однихъ участковъ на другіе. Въ одной порядной, писанной послѣ *Уложенія*, крестьянинъ обязуется жить вездѣ, "гдѣ онъ, государь, ни прикажетъ, въ вотчинѣ или въ помѣстьѣ, гдѣ онъ изволитъ поселить". Въ число обычныхъ условій ссудной записи не вошло право владѣльца отчуждать своихъ крестьянъ. Между тѣмъ, это право со времени изданія *Уложенія* все расширялось: начали поступаться крестьянами не только за крестьянъ, но и за бѣглыхъ холоповъ, и поступаться не только вотчинными, но и помѣстными крестьянами. Извѣстна только одна ссудная 1690 г., въ которой крестьянинъ пишетъ: „вольно ему, государю моему, меня продать и заложить и самому владѣть". Этотъ пробѣлъ можно объяснить тѣмъ, что въ ссудной записи обозначили только права непосредственнаго хозяйственнаго распоряженія крѣпостнымъ лицомъ, умалчивая о правахъ производныхъ, вытекавшихъ изъ этого распоряженія, напримѣръ, о правѣ владѣльца судить своихъ крестьянъ и разрѣшать имъ браки. Право отчужденія крестьянъ выработалось по образцу жилого холопства и изъ одинаковаго источника, изъ не стѣсняемаго закономъ права воль-

наго человѣка при вступленіи въ крѣпость опредѣлять ея условія. То же право встрѣчаемъ и въ нѣкоторыхъ жилыхъ записяхъ. Мы видѣли, что въ крестьянской крѣпости оно выродилось изъ прежняго права выхода, прошедши чрезъ посредствующій моментъ вывоза: договоръ вывозного крестьянина съ новымъ владѣльцемъ превратился въ сдѣлку самихъ владѣльцевъ, въ которой согласіе крестьянина постепенно перешло изъ права въ юридическое предположеніе. Такое же превращеніе совершалось и въ холопствѣ жиломъ и служиломъ. Такихъ холоповъ съ ихъ согласія часто передавали изъ рукъ въ руки; но законъ требовалъ, чтобы передачѣ предшествовала выдача отпускной, съ которой холопъ вступалъ въ договоръ съ новымъ владѣльцемъ. Приноровляя это требованіе къ передачѣ, стали давать отпускнымъ записямъ значеніе передаточныхъ крѣпостей. Въ 1647 году была утверждена отпускная, которую Веригинъ далъ своему дядѣ на работницу, „и ему тою работницею владѣть по сей отпускной". Этимъ объясняется, почему въ первой, какъ и въ послѣдней четверти XVII в. не дѣлали юридическаго различія между отчужденіемъ крестьянъ съ землей и безъ земли. Связь, прикрѣплявшая крестьянина къ владѣльцу, была двойная—ссудная издѣльная и поземельная оброчная. Первая, какъ связь кабальная, не допускала передачи крестьянина изъ рукъ въ руки; вторая дѣлала возможной такую передачу его, какъ арендатора, вмѣстѣ съ землей и контрактомъ. Изъ этой двойной связи при содѣйствіи не отмѣненнаго закономъ, но уже фиктивнаго права перехода и развился двоякій способъ дѣйствія въ одинаковыхъ случаяхъ: при выкупѣ родовой вотчины крестьянъ, поселенныхъ покупщикомъ, либо переводили въ другое имѣніе послѣдняго, не отрывая владѣльца, либо оставляли за выкупщикомъ, не отрывая отъ земли. При частныхъ переходахъ имѣній изъ рукъ въ руки крестьяне обыкновенно оставались на прежнихъ участкахъ, мѣняя владѣльцевъ; но это не было правиломъ, требованіемъ закона и потому иногда оговаривалось

въ порядныхъ. Въ 1668 г. вольный человѣкъ порядился въ крестьяне за Ермолаева въ одну его деревню; въ договоръ вставлено условіе: „по сей ссудной записи жить крестьянину Мишкѣ въ д. Чернышихѣ *и впредь за кѣмъ* та деревня будетъ“.

Всѣ эти черты показываютъ, какой просторъ давалъ законъ вліянію кабальнаго права на крестьянскую среду. Широта этого простора еще рѣзче обозначается слабостью ограниченій, стѣснявшихъ власть землевладѣльца надъ личностью и трудомъ крестьянина. Одни изъ этихъ ограниченій вытекали изъ того же договора, на которомъ основывалась ограничиваемая власть. Ни одна порядная не даетъ владѣльцу часто повторяемаго въ жилыхъ записяхъ права „смирять всякимъ смиреніемъ“, т.-е. подвергать крестьянина тѣлеснымъ наказаніямъ. Далѣе, въ извѣстныхъ случаяхъ за крѣпостными удерживалось право возобновленія договора съ владѣльцемъ. Впрочемъ, этимъ правомъ пользовались только два разряда крѣпостныхъ, находившихся въ исключительномъ положеніи. Къ одному изъ нихъ принадлежали крестьяне, которые, вступая въ крестьянство, не прямо становились хозяевами особыхъ дворовъ, а „принимались въ домъ“ къ другимъ крестьянамъ, обыкновенно въ зятья; отдѣляясь отъ хозяевъ на особые участки, они заключали новые договоры со своими владѣльцами. Другой разрядъ составляли бобыли „непашники“, которые не брали тяглыхъ участковъ и не платили податей, хотя иногда получали отъ владѣльцевъ за оброкъ нетяглую пашню. Такихъ бобылей особенно много жило при церквахъ, за монастырями и архіерейскими каѳедрами. Рядясь въ бобыльство, они выговаривали себѣ право садиться на тяглые участки по своей волѣ и съ новымъ договоромъ. Въ 1647 году вольный человѣкъ билъ челомъ „во дворъ“ къ кн. Елецкому безъ крѣпости и получилъ отъ него нетяглый участокъ пашни. Въ апрѣлѣ 1649 года этотъ добровольный слуга далъ князю порядную въ бобыли подъ условіемъ съ осенняго Николина дня того же

года сѣсть на тяглый участокъ въ крестьяне, а до тѣхъ поръ жить въ бобыляхъ „во дворѣ добровольно". Но это условіе было скорѣе обѣщаніемъ, чѣмъ обязательствомъ: дворовый бобыль выговорилъ себѣ право нарушить это обѣщаніе и даже уйти изъ двора, только съ платой владѣльцу ежегоднаго оброка „съ своего бобыльства", а принимаясь за тяглую пашню, взять участокъ по своей силѣ, „на который я измогу", т.-е. по новому уговору съ владѣльцемъ. Третье ограниченіе состояло въ томъ, что нѣкоторые крестьяне, рядясь безъ подмоги, удерживали за собою право выхода со сдачей участка. Но въ новгородскихъ крѣпостныхъ книгахъ за четыре года записано только два такихъ случая, изъ коихъ одинъ былъ въ іюнѣ 1649 года, послѣ изданія *Уложенія* [1]. Наконецъ, важное условіе, стѣснявшее власть владѣльца надъ трудомъ крестьянина, было наложено законодательствомъ и состояло въ отвѣтственности владѣльца за податную состоятельность своихъ крестьянъ передъ казной. Это условіе со строгой логической послѣдовательностью вытекло изъ сочетанія значенія крестьянской подати съ личной крестьянской крѣпостью. Крестьянинъ платилъ подать за право земледѣльческаго труда; какъ скоро трудъ его былъ отданъ въ распоряженіе владѣльца, на послѣдняго переходила и отвѣтственность за податную исправность крестьянина, обязанность заботиться о поддержаніи доходности его труда для казны. Самая давность для исковъ о бѣглыхъ устанавливалась не безъ участія мысли о такой отвѣтственности: владѣлецъ, долго не искавшій своего бѣглеца, терялъ возможность поддерживать его тягловую состоятельность и потому терялъ свои права на него, особенно если бѣглый безъ его помощи успѣвалъ устроиться и стать исправнымъ тяглецомъ на новомъ мѣстѣ. Первый проблескъ этой мысли встрѣчаемъ въ томъ же законѣ 1606 г., изъ котораго впервые узнаемъ объ установленіи давности: онъ лишалъ вла-

[1] № 35, л. 369; № 36, л. 80 и 90.

дѣльцевъ права искать бѣдныхъ крестьянъ, бѣжавшихъ отъ нихъ въ голодные годы вслѣдствіе того, что владѣльцы „прокормить ихъ не умѣли“. *Уложеніе* признаетъ уже установившимся порядкомъ правило „имати за крестьянъ государевы всякіе поборы съ вотчинниковъ и помѣщиковъ“. Слѣды этого порядка становятся замѣтны вскорѣ послѣ того, какъ въ ссудныхъ записяхъ явилось условіе о вѣчной крѣпости крестьянина владѣльцу. Въ 1639 и 1641 гг. у рязанца Тишенинова бѣжали два крестьянина. Въ челобитной, прося дать ему судъ съ бѣглецами, помѣщикъ прибавлялъ: „я за тѣхъ крестьянъ своихъ плачу тебѣ, государю, всякія твои государевы подати и городовыя подѣлки дѣлаю“. Самый сборъ крестьянскихъ податей еще до *Уложенія* былъ возложенъ на владѣльцевъ: въ 1646 г. Страховъ, передавая зятю своего крестьянина, обязывался въ записи „тягла государева не спрашивать на томъ крестьянинѣ“.

Отвѣтственность за податную исправность крестьянъ ставила владѣльца въ прямое соприкосновеніе съ ихъ хозяйственнымъ положеніемъ. Такъ, крѣпостное право на крестьянскій трудъ, развиваясь изъ принципа долгового холопства, встрѣтилось съ элементомъ, не входившимъ въ юридическій составъ послѣдняго. Въ обычныя условія служилой кабалы и жилой записи не входили отношенія господина къ имуществу холопа. Юридическая связь ихъ другъ съ другомъ была чисто-личная: холопъ нанимался на службу, обязывался служить господину „по вся дни“, за что господинъ содержалъ холопа. Крестьянинъ нанималъ землю, работалъ на себя, удѣляя только часть своего труда владѣльцу за средства для труда, у него заимствованныя. Потому для отношеній владѣльца къ имуществу крѣпостного крестьянина долговое холопство не давало готовыхъ схемъ: крестьянская крѣпость должна была выработать для нихъ свои особыя нормы, которыя составили очень сложный юридическій узелъ. Его довольно трудно распутать по памятникамъ законодательства: послѣднее и здѣсь держалось такъ же, какъ въ вопросѣ о правѣ на

личность и трудъ крестьянина, выжидало, какія отношенія выработаетъ практика, чтобы потомъ утвердить ихъ съ надлежащими поправками. Но съ помощью порядныхъ записей можно разобрать, по крайней мѣрѣ, главныя нити, изъ которыхъ сплелся этотъ узелъ. И здѣсь отношенія направлялись той же ссудой, которая поставила издѣльное крестьянство подъ дѣйствіе началъ долгового холопства; но здѣсь она имѣла иное значеніе. Крестьянская ссуда во многомъ не была похожа на холопій заемъ. Холопъ занималъ деньги: крестьянинъ бралъ въ ссуду сельско-хозяйственный инвентарь, *крестьянскій заводъ*, или также деньги, но непремѣнно на этотъ заводъ. Заемъ холопа, служа источникомъ его обязательной службы, не былъ хозяйственнымъ средствомъ для послѣдней; крестьянская ссуда выдавалась именно для того, чтобы дать крестьянину средства тянуть его крестьянское тягло. Холопій долгъ зарабатывался службой; крестьянская ссуда или возвращалась владѣльцу, или оставалась на крестьянинѣ безсрочнымъ долгомъ. Изъ 103 крестьянскихъ и бобыльскихъ договоровъ въ новгородскихъ крѣпостныхъ книгахъ 86 заключены со ссудой, не считая въ томъ числѣ порядныхъ съ одной льготой безъ ссуды. Въ 20 случаяхъ крестьянинъ обязывался возвратить ссуду или по прошествіи льготныхъ лѣтъ, или когда наживетъ ее, и только въ одной порядной часть ссуды взята „безъ отдачи". Въ порядной 1628 г. крестьянинъ, взявъ полный инвентарь, обязался платить эту ссуду „исподоволу". Изъ этого можно заключить, что ссуда часто возвращалась и еще чаще оставалась въ пользованіи крестьянина неопредѣленное время до востребованія; но ни въ одной порядной не находимъ условія, чтобы она погашалась издѣльемъ. Впрочемъ, и возвратъ ссуды не очищалъ крестьянскаго имущества отъ владѣльческихъ притязаній. Огромное большинство крестьянскихъ хозяйствъ создавалось съ помощью ссуды; многіе вольные люди приходили рядиться къ владѣльцамъ безъ всего, только „душею да тѣломъ, въ готовый дворъ ко все-

му крестьянскому заводу“, по выраженію порядныхъ. Пользованіе крестьянскимъ дворомъ и другими хозяйственными статьями, которыя не оплачивались ни оброкомъ, ни издѣльемъ, ложилось на крестьянское имущество непрерывно-растущимъ начетомъ. Изъ всего этого вмѣстѣ съ отвѣтственностью владѣльца за своихъ крестьянъ передъ казной сложился взглядъ на крестьянское имущество, какъ на совмѣстное дѣло владѣльца и крестьянина и предметъ ихъ совмѣстнаго владѣнія, въ которомъ оба участника имѣютъ свои законныя доли и по этимъ долямъ несутъ свои особыя обязанности. Этотъ взглядъ сообщилъ *крестьянскимъ животамъ* характеръ своеобразнаго и сложнаго юридическаго института. Всего труднѣе провести въ немъ границы правъ обоихъ совладѣльцевъ. Крестьянскіе договоры оказываютъ нѣкоторую помощь въ этомъ затрудненіи. Всѣ условія ссудныхъ записей построены на мысли, что животы крестьянина составляютъ его собственность: безъ этой мысли не имѣли бы смысла условія о возвратѣ ссуды и уплатѣ неустойки, *крестьянскаго заряда*, за неисполненіе обязательствъ. Далѣе, по ссуднымъ записямъ видимъ, что животы крестьянъ переходили по наслѣдству къ ихъ женамъ и дочерямъ. Многіе вольные люди, рядясь въ крестьянство, не заводили новыхъ хозяйствъ, а садились на участки умершихъ крестьянъ, „въ ихъ дворы и хоромы и въ ихъ животы“, женясь на ихъ дочеряхъ или вдовахъ. Эти животы имѣли значеніе ссуды, которую давалъ имъ владѣлецъ; женитьба на наслѣдницѣ была непремѣненнымъ условіемъ ихъ полученія; но и женихъ не могъ получить ихъ, не порядившись въ крестьяне къ владѣльцу, на землѣ котораго жилъ отецъ или прежній мужъ его невѣсты. Точно также и при жизни крестьяне пользовались извѣстнымъ просторомъ въ распоряженіи своими животами. Подростки изъ вольныхъ людей и крестьянскихъ дѣтей принимались въ дома крестьянъ къ ихъ дочерямъ и внучкамъ „въ годы и въ животы“; это значитъ, что вольный парень давалъ на себя землевладѣльцу ссудную запись, уговорившись

наперед съ его крестьяниномъ стать зятемъ послѣдняго и жить у него въ домѣ извѣстное число лѣтъ, послѣ чего тесть обязывался выдѣлить ему условленную часть своихъ животовъ. Образцикомъ такого двойного договора можетъ служить одна порядная 1648 г. Бывшій холопъ порядился въ бобыли къ Муравьеву, на крестьянкѣ котораго женился, обязавшись жить у тестя 8 лѣтъ и слушаться его во всемъ, съ условіемъ, отживъ урочныя лѣта, взять у тестя треть всего, скота, хоромъ, хлѣба и участка, пашенной и огородной земли. Онъ могъ уйти отъ тестя, не доживъ до срока, но тогда лишался права на долю животовъ и превращался изъ сожителя, товарища, въ простого наемника, которому тесть обязанъ былъ заплатить по рублю за каждый прожитой у него годъ. Однако, покинувъ тестя, онъ оставался крѣпостнымъ Муравьева: „а бобыльство бобыльствомъ". Такой пріемышъ, отживъ урочные годы, могъ отдѣлиться отъ тестя съ зажитой частью его животовъ и сѣсть на особый участокъ по новому уговору съ владѣльцемъ. Иные рядились и безъ урочныхъ лѣтъ, прямо на извѣстную долю животовъ тестя, только съ обязательствомъ жить и работать съ нимъ вмѣстѣ. Но иногда вольные люди рядились къ владѣльческимъ крестьянамъ въ срочную или безсрочную работу за долгъ или за наемную плату на обычныхъ условіяхъ жилой записи, не роднясь съ хозяевами: такъ какъ они не получали условленной доли въ хозяйскихъ животахъ, то не давали на себя и порядныхъ записей владѣльцамъ своихъ хозяевъ, не становились ихъ крѣпостными. Намъ извѣстны двѣ такія жилыя записи 1648 и 1681 г. [1]). Значитъ, крестьяне свободно располагали своимъ имуществомъ, но съ однимъ условіемъ: наслѣдники или участники ихъ животовъ обязаны были стать крѣпостными ихъ господъ, если не были ими.

Законодательство не касалось прямо отношенія владѣль-

[1]) *Новг. крѣп. кн.*, № 35, л. 388 и 308. *Нижег. крѣп. кн.*, № 41, л. 53.

цевъ къ имуществу крестьянъ. Вниманіе *Уложенія* занято болѣе всего крестьянскими побѣгами и столкновеніями владѣльцевъ изъ-за бѣглыхъ; но при помощи порядныхъ можно нѣсколько уяснить его взглядъ на юридическое значеніе крестьянскихъ животовъ. *Уложеніе* представляетъ эти животы неразрывной принадлежностью крестьянина: его выдавали изъ бѣговъ, по суду переводили отъ одного владѣльца къ другому непремѣнно „со всѣми животы и съ хлѣбомъ стоячимъ и съ молоченымъ“. Но *Уложеніе* допускаетъ случаи, когда животы отрывались отъ крестьянина. Если принявшій бѣглаго крестьянина по иску его владѣльца сознавался въ пріемѣ, но показывалъ подъ присягой, что принялъ его безъ животовъ, животы бѣглеца не выдавались вмѣстѣ съ нимъ его владѣльцу. Далѣе, бѣглая крестьянская дочь, вышедшая въ бѣгахъ за крестьянина чужого владѣльца, выдавалась своему вмѣстѣ съ мужемъ; но животы послѣдняго оставались у его прежняго владѣльца. Законъ считалъ крестьянскіе животы юридически привязанными къ мѣсту, гдѣ съ нихъ шло тягло. Изъ этого открывается правило, которымъ онъ руководился въ разрѣшеніи споровъ о бѣглыхъ: *лицо выдавать по крѣпости, животы по тяглу*. *Уложеніе* считало справедливымъ отнять у владѣльца крестьянина, котораго онъ допустилъ жениться на бѣглой, но не находило правомѣрнымъ отнять у него и животы этого крестьянина, слѣдовательно, признавало за владѣльцемъ извѣстное право на нихъ рядомъ съ правомъ крестьянскимъ, которое бѣглый или женившійся на бѣглой терялъ за свою вину. Мѣрой владѣльческаго права *Уложеніе* признавало именно ссуду: если владѣлецъ бѣглаго, требуя его выдачи съ животами, въ искѣ своемъ не обозначалъ ихъ стоимости, судъ по *Уложенію* цѣнилъ ихъ въ 5 руб., а это былъ тогда наиболѣе обычный, нормальный размѣръ крестьянской ссуды. Тою же мѣрой опредѣляли свою долю и сами владѣльцы: передавая крестьянъ другимъ владѣльцамъ или отпуская ихъ на волю, они оставляли при нихъ животы, иногда выдѣляя изъ

нихъ только свою ссуду. Братья Протопоповы, отдавъ въ 1647 г. Веригину за долгъ крестьянина съ женой и дѣтьми, предоставили ему право вывезти уступленную семью въ свою вотчину или въ помѣстье со всѣмъ, кромѣ животовъ „что мы ему давали въ подмогу". Крестьянское тягло считалось по праву неразрывно связаннымъ съ крестьянскими животами. Въ XVII в. не понимали тяглаго крестьянина безъ инвентаря: такой крестьянинъ сходилъ съ тягла, и владѣлецъ, не возстановлявшій его тягловой способности, подвергалъ вопросу свои права на него. Судебная практика XVII в. строго проводила взглядъ на крестьянскіе животы, какъ на собственность крестьянина: Котошихинъ увѣряетъ, что у землевладѣльцевъ, разорявшихъ крестьянъ поборами великими не по ихъ силѣ, отнимали помѣстья и вотчины, а переборъ взыскивали съ разорителей и возвращали крестьянамъ, „а впредь тому человѣку помѣстья и вотчины не будутъ даны до вѣку". Итакъ, крестьянскіе животы состояли изъ двухъ частей съ различными собственниками: одна, соотвѣтствовавшая ссудѣ, принадлежала землевладѣльцу и подлежала возврату по его требованію; другая была собственностью крестьянина, но съ ограниченнымъ правомъ распоряженія. Ограниченіе состояло, во-первыхъ, въ томъ, что крестьянинъ не могъ передавать своихъ животовъ лицу, которое не было крѣпко его владѣльцу, во-вторыхъ, въ томъ, что всѣ хозяйственныя дѣйствія крестьянина подлежали надзору владѣльца, какъ отвѣтственнаго опекуна его труда и животовъ.

Такъ вырабатывались путемъ ссудныхъ договоровъ въ поставленныхъ закономъ предѣлахъ два порядка отношеній, входившихъ въ юридическій составъ крѣпостного права на крестьянъ: власть землевладѣльца надъ личностью крестьянина и власть надъ его имуществомъ. Основаніемъ первой было вытекавшее изъ ссуды и не прекращаемое по волѣ крестьянина право распоряженія его трудомъ, ограниченное крестьянской вѣчностью и владѣльческой отвѣтственностью

за податную способность крестьянъ; вторая состояла въ вытекавшемъ изъ того же источника правѣ собственности на часть животовъ крестьянина, соединенномъ съ обязанностью поддерживать его инвентарь, и въ обусловленномъ податной отвѣтственностью надзорѣ за крестьянскимъ хозяйствомъ. Въ связи съ этими двумя порядками и подъ ихъ вліяніемъ складывался третій—власть землевладѣльца надъ потомствомъ его крестьянина.

Въ 1623 г. Троицкому Сергіеву монастырю по суду выданъ былъ изъ бѣговъ его *старинный* крестьянинъ, сбѣжавшій съ отцовскаго двора и участка. Онъ выданъ былъ „по старинѣ“, какъ значится въ поручной записи о немъ, а не по крѣпости. Отсюда можно заключить, что, садясь на участокъ отца, онъ не далъ на себя особой порядной записи, а просто принялъ на себя по наслѣдству вмѣстѣ съ участкомъ и животами отца обязательства его договора. Званіе *стариннаго*, какое актъ 1623 г. усвояетъ бѣглецу, показываетъ, что въ началѣ XVII в. землевладѣльцы смотрѣли на родившихся у нихъ въ крестьянствѣ дѣтей крестьянъ, какъ на родившихся въ ихъ дворахъ дѣтей кабальныхъ холоповъ, считали ихъ крѣпкими безъ крѣпости, по происхожденію. Еще любопытнѣе то, что на старинныхъ бѣглыхъ крестьянъ, повидимому, не простиралась давность побѣга. Упомянутый крестьянинъ бѣжалъ до 1612 г., а такой давностью въ то время не пользовался и Троицкій монастырь. Точно также въ 1614 г. указано было возвращать на покинутые участки бѣглыхъ старинныхъ крестьянъ Іосифова Волоколамскаго монастыря безъ всякаго намека въ грамотѣ на срокъ давности. Въ писцовыхъ книгахъ времени царя Михаила встрѣчаемъ нерѣдко замѣчанія объ иныхъ крестьянахъ, что они вывезены или отданы „по старинѣ“. Но поземельныя отношенія крестьянъ мѣшали строгому примѣненію къ ихъ сыновьямъ кабальной старины. Крестьянскіе участки не были наслѣдственны: подобно помѣстьямъ, они переходили отъ отца обыкновенно къ одному изъ сыновей

не по праву, а по хозяйственному удобству. Остальные сыновья или при жизни отца, или послѣ него рядились на отдѣльные участки обыкновенно съ новой ссудой. Въ томъ и другомъ случаѣ они считались вольными людьми, которые могли рядиться не только къ своему, но и къ чужому владѣльцу, могли даже ни къ кому не рядиться и выйти изъ крестьянства. До самаго *Уложенія* идутъ порядныя крестьянскихъ сыновей съ отцовыми или чужими владѣльцами. Еще въ апрѣлѣ 1649 г. встрѣчаемъ договоръ крестьянскаго сына, который, оставшись малолѣтнимъ по смерти отца, долго бродилъ по наймамъ и, наконецъ, порядился въ помѣстье, гдѣ жилъ отецъ, на отцовскій участокъ, въ готовыя хоромы и къ готовой ржи сѣяной" [1]). Согласно съ этимъ семейные люди, рядясь въ крестьяне, давали крѣпости обыкновенно только на себя, иногда со взрослыми сыновьями, не упоминая о малолѣткахъ: то были личныя обязательства, не простиравшіяся на потомство. Мысли, что крестьянскія дѣти остаются вольными людьми, пока не сядутъ на тягло, держалось и законодательство до 1640-хъ годовъ: указы о приборѣ вольныхъ людей на пустоши предписывали сажать на пустые участки нетяглыхъ дѣтей, братьевъ и племянниковъ тяглыхъ крестьянъ „по уговору, на которой долѣ кто похочетъ сѣсти". Такъ мысль о кабальной старинѣ вытѣснялась въ крестьянской средѣ мыслью о старинѣ *тягловой*: сынъ тяглеца укрѣплялся не тамъ, гдѣ родился, а тамъ, гдѣ рядился въ тягло и обжился, „застарѣлъ" въ немъ. Мысль эта была крѣпко укоренена въ умахъ первой половины XVII в. Въ 1641 г. Троицкій монастырь искалъ двухъ крестьянъ, перешедшихъ въ посадъ г. Владиміра. Посадъ отвѣчалъ встрѣчнымъ искомъ, доказывая, что одинъ изъ этихъ крестьянъ до перехода въ монастырскую вотчину былъ посадскимъ человѣкомъ владимірцемъ. По суду этотъ крестьянинъ вы-

[1]) *Новгор. крѣп. кн.* № 36, л. 73.

данъ былъ монастырю, потому что онъ за Троицкимъ монастыремъ „застарѣлъ и въ Володимерѣ на посадѣ въ тяглѣ не живалъ и податей никакихъ не плачивалъ". Еще выразительнѣе случай съ тѣмъ же монастыремъ въ 1640 г. Архаровъ искалъ въ немъ своихъ давнихъ бѣглецовъ, кабальныхъ людей, дѣти которыхъ, родившіяся въ бѣгахъ, поженились на монастырскихъ крестьянкахъ, взяли ссуду и порядились за монастырь въ крестьяне. По государеву указу, этихъ холопьихъ дѣтей велѣно выдать Архарову, но съ уплатой ссуды, данной монастыремъ. Не имѣя чѣмъ заплатить, Архаровъ отказался отъ присужденныхъ ему людей въ пользу монастыря, объяснивъ свой отказъ любопытнымъ соображеніемъ: „а они въ троицкихъ вотчинахъ *застарѣлися*". Казнѣ представляли важныя выгоды обѣ старины, и кабальная, и тягловая: первая прекращала бродячесть нетяглыхъ крестьянскихъ дѣтей; вторая, обезпечивая казнѣ доходность новыхъ тяглецовъ, побуждала владѣльцевъ заботиться о поземельномъ устройствѣ крестьянскихъ подростковъ, обзаводя ихъ инвентаремъ на отдѣльныхъ тяглыхъ участкахъ, прежде чѣмъ они успѣвали устроиться на чужихъ земляхъ. Въ писцовомъ наказѣ 1646 г. правительство задумало соединить эти выгоды. Предпринята была общая перепись тяглыхъ людей, городскихъ и сельскихъ. Писцамъ указано было записать всѣхъ тяглыхъ людей поименно съ живущими при нихъ нетяглыми сыновьями и родственниками на тѣхъ мѣстахъ, за тѣми владѣльцами или обществами, гдѣ ихъ застанутъ, а бѣглыхъ записывать на покинутыхъ мѣстахъ, на основаніи дѣйствовавшаго тогда срока давности, лишь въ томъ случаѣ, если они бѣжали не далѣе 10 лѣтъ до переписи; убѣжавшихъ раньше записывали тамъ, гдѣ ихъ заставала перепись. Удовлетворяя неоднократнымъ ходатайствамъ служилыхъ людей объ отмѣнѣ срока давности, правительство обѣщало, что впредь тяглые люди съ дѣтьми и родственниками будутъ крѣпки по переписнымъ книгамъ „и безъ урочныхъ лѣтъ", т.-е. землевладѣльцы и общества получали

право безсрочно возвращать бѣглыхъ, записанныхъ за ними въ этихъ книгахъ. Статьи *Уложенія* о бѣглыхъ крестьянахъ основаны на этомъ наказѣ 1646 г. Новый законъ, прежде всего, распространялъ на крестьянскихъ дѣтей вѣчность крестьянскую, которой подлежали ихъ отцы, т.-е. устанавливалъ наслѣдственность крестьянскаго состоянія. Этимъ прекращались очень частые переходы крестьянскихъ дѣтей въ холопство, продолжавшіеся до *Уложенія.* Далѣе, законъ, повидимому, признавалъ давнюю мысль владѣльцевъ о приложеніи къ крестьянскимъ дѣтямъ принципа старины, укрѣплялъ послѣднихъ за первыми, какъ укрѣплялись за господами родившіяся въ холопствѣ дѣти кабальныхъ холоповъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ обнаружилось это владѣльческое притязаніе, въ крестьянскіе договоры вошло новое обязательство о вѣчной, т.-е. пожизненной зависимости крестьянина, не прекращавшейся смертью владѣльца, за котораго онъ рядился. Поэтому старина крестьянскихъ дѣтей должна быть стать не кабальной, а полной, наслѣдственной и потомственной, подобно старинѣ докладныхъ холоповъ, отцы которыхъ умирали, не успѣвъ выйти на волю. Однако, законодательство не отказалось и отъ мысли о тягловой старинѣ: отмѣнивъ срочную давность для исковъ о бѣглыхъ, оно и послѣ *Уложенія* допускало давность безсрочную. Благодаря такой двойственности взгляда законодательства, юридическое положеніе крестьянскихъ дѣтей послѣ *Уложенія* составляетъ одинъ изъ самыхъ темныхъ вопросовъ въ исторіи крѣпостного права. Приведеннаго въ извѣстность матеріала недостаточно для разрѣшенія этого вопроса. Дѣйствію наказа 1646 г. надобно приписать появленіе въ 1647 г. самаго выразительнаго признака крѣпостной зависимости крестьянскихъ дѣтей—отпуска ихъ на волю съ отпускной: въ новгородской книгѣ записана отпускная, данная Муравьевымъ въ декабрѣ того года родившемуся у него въ крестьянствѣ старинному крестьянскому сыну. Но здѣсь же находимъ указаніе и на то, что наканунѣ изданія *Уложенія*

вѣчность крестьянская еще не распространялась на крестьянскихъ дѣтей: отпущенникъ Муравьева тотчасъ вступилъ въ кабальное холопство къ Веревкину. Но, переставъ считать крестьянскихъ дѣтей, еще не сѣвшихъ на тягло, вольными людьми, законъ не разъяснилъ, обязаны ли они садиться на тягло по требованію владѣльца, т.-е. потеряли ли право рядиться съ нимъ, садясь на особые тяглые участки. Слѣдовало бы думать, что потеряли, потому что укрѣплялись за владѣльцемъ не личнымъ договоромъ, а государственнымъ актомъ, писцовою книгой. Такъ и понималъ дѣло въ 1660 г. тюменскій воевода: возставая противъ взгляда на крестьянскихъ подростковъ, какъ на вольныхъ людей, онъ сыскивалъ и версталъ въ тягло тѣхъ изъ этихъ „подрослей", сыновей казенныхъ крестьянъ, которые, находясь при неспособныхъ къ работѣ старикахъ-отцахъ или оставшись малолѣтними сиротами, не брали участковъ, когда поспѣвали въ тягло. Но принудительное верстаніе возбуждало трудный вопросъ о ссудѣ: сажая подростка на тяглый участокъ, въ большей части случаевъ его необходимо было обзавести инвентаремъ. Притомъ владѣлецъ долженъ былъ содержать остававшихся безъ животовъ малолѣтнихъ сиротъ, чтобы сохранить на нихъ право: отказъ отъ этого равнялся ихъ отпуску на волю. Такимъ условнымъ характеромъ писцоваго прикрѣпленія крестьянскихъ дѣтей объясняются договоры послѣднихъ съ своими и даже чужими владѣльцами послѣ изданія Уложенія. Встрѣчаемъ нѣсколько такихъ договоровъ въ новгородскихъ крѣпостныхъ книгахъ 1649 и 1650 гг. Рядились большею частью дѣти крестьянъ или бобылей, оставшіяся малолѣтними сиротами и кормившіяся по міру или по наймамъ; иные въ порядныхъ зовутся „вольными". Выше упомянуто о договорѣ одного такого сироты на отцовскій участокъ въ апрѣлѣ 1649 г. Въ сентябрѣ порядился въ крестьяне за Турова бобыльскій сынъ, отецъ котораго жилъ за отцомъ этого Турова. Въ мартѣ 1650 г. уроженецъ дворцоваго села, оставшійся малолѣткомъ послѣ отца и жившій на родинѣ

или уходившій на сторону работать, порядился въ то же село, уже ставшее вотчиной новгородскаго митрополита. Одинъ документъ нѣсколько разъясняетъ, какими интересами вызывалось и какъ устанавливалось принудительное верстаніе крестьянскихъ дѣтей въ тягло. Уже въ самомъ концѣ XVII в. маломочные крестьяне одной деревни Иверскаго монастыря жаловались на то, что у нихъ въ деревнѣ есть крестьянскія дѣти безтяглыя, люди семьянистые, которые въ тягло поспѣли, а тягла не берутъ, и ихъ, одинокихъ работниковъ, „въ пашнѣ изобижаютъ". Челобитчики просили, чтобы монастырскія власти указали имъ, крестьянамъ той деревни, „промежь себя поровняться", т.-е. просили предоставить деревенскому обществу самому произвести передѣлъ участковъ, сложивъ часть пашни и платежей съ малосильныхъ тяглецовъ на семьянистыхъ и безтяглыхъ подростковъ[1]). Монастырь не принуждалъ послѣднихъ къ тяглу, а они какъ будто считали себя въ правѣ брать или не брать тяглые участки; но старые тяглецы во имя справедливаго распредѣленія крестьянскихъ тягостей требовали участія въ тяглѣ крестьянскихъ дѣтей; считая ихъ, какъ считалъ и тюменскій воевода, такими же вѣчными тяглецами, какими были сами. Значитъ, принудительное верстаніе крестьянскихъ дѣтей вышло не прямо изъ ихъ писцоваго прикрѣпленія, а изъ условія, его сопровождавшаго, распространенія на этихъ дѣтей крестьянской вѣчности ихъ отцовъ. Такое же колебаніе законодательства замѣтно и въ другомъ послѣдствіи наказа 1646 г. По смыслу этого наказа и статей Уложенія, перепись укрѣпляла не только наличныхъ, но и будущихъ дѣтей крестьянъ. По одной статьѣ Уложенія бѣглые крестьяне выдавались истцамъ съ женами и дѣтьми, при нихъ жившими, хотя бы послѣднія и не были записаны въ писцовыхъ книгахъ; но сыновья, успѣвшіе отдѣлиться отъ

[1]) Новг. кр. кн., № 35, л. 411; № 36, л. 473 и 433. Доп. къ А. И., IV, № 92. Р. Ист. Библ., V, № 403.

отца, оставались у отвѣтчика. Исключеніе, очевидно, допущено во вниманіе къ интересу пріемщика, который устроилъ подростка въ тягло.

Такъ наказъ 1646 г. не вносилъ ничего новаго въ юридическое содержаніе крѣпостного права: онъ только пытался подложить политическое основаніе подъ юридическое послѣдствіе, вытекшее изъ приложенія началъ кабальнаго холопства къ дѣтямъ крѣпостныхъ крестьянъ. Признавая укрѣпленіе этихъ дѣтей по праву старины, онъ косвенно обусловилъ это право обязанностью владѣльцевъ устроивать въ тягло своихъ старинныхъ крестьянскихъ сыновей. Такую крѣпость, составленную посредствомъ сочетанія старины кабальной съ тягловой, можно назвать стариной писцовой. Согласно со своимъ двойственнымъ составомъ, она привела къ двумъ послѣдствіямъ. Во-первыхъ, подъ ея вліяніемъ въ крестьянскихъ договорахъ является новое условіе о потомствѣ. Во-второй половинѣ XVII в. вольные люди обыкновенно рядились въ крестьянство съ женами и дѣтьми, даже будущими, если были холостыми. Въ порядной 1687 г. вольный человѣкъ, рядясь за кн. Черкасскаго, обязывался жить за нимъ „съ женою и съ дѣтьми, а по мнѣ и внучатомъ моимъ по смерть свою“ [1]). Съ другой стороны, писцовая старина облегчила дробленіе крестьянскихъ семей и выводъ крестьянскихъ дѣтей изъ крестьянства. Она отдѣлила крѣпостное право на личность крестьянскаго сына отъ права распоряженія его трудомъ: крестьянскій сынъ, не получившій ссуды, не переставая быть крѣпостнымъ, могъ оставаться безтяглымъ, живя за тягломъ отца, дяди или брата. Это раздѣленіе спутало установившіяся крѣпостныя различія. Прежде различали крѣпостныхъ людей тяглыхъ или крестьянъ и нетяглыхъ или холоповъ. Теперь явился новый крѣпостной классъ—нетяглыхъ крестьянскихъ дѣтей. Изъ этой путаницы къ концу XVII в. развились два обычая:

[1]) Нижегор. крѣп. кн., № 41, л. 90.

владѣльцы начали не только верстать въ тягло крестьянскихъ подростковъ, но и отчуждать ихъ, какъ крѣпостныхъ крестьянъ, отдѣльно отъ отцовъ, дробя крестьянскія семьи, а какъ людей нетяглыхъ, переводить ихъ въ дворовые холопы. Уложеніе запрещало брать служилыя кабалы на крестьянскихъ дѣтей; владѣльцы переводили ихъ во дворъ безъ кабалъ. Законъ молчаливо призналъ тотъ и другой обычай; только указомъ 1690 г. было предписано, чтобы крестьянскія дѣти, взятыя во дворъ владѣльца, по смерти его выходили на волю подобно кабальнымъ холопамъ. Это движеніе крѣпостного крестьянства въ сторону холопства встрѣтилось съ противуположнымъ движеніемъ холопства въ сторону крестьянства: съ того времени, какъ крестьянство подъ вліяніемъ холопства стало превращаться въ крѣпостное состояніе, подъ его воздѣйствіемъ въ холопствѣ началъ складываться классъ задворныхъ людей, усвоявшій себѣ юридическія и экономическія особенности крѣпостного крестьянства. Этотъ любопытный двойной процессъ, завершившійся первой ревизіей, относится уже къ исторіи не зарожденія, а перерожденія крѣпостного права, и требуетъ особаго изслѣдованія.

Разбирая юридическій составъ крѣпостного права на крестьянъ, какъ оно сложилось къ концу XVII в., легко различить въ немъ основные элементы долгового холопства; заемъ, работу за ростъ и старину. Но эти элементы, осложнившись условіями крестьянскаго состоянія, прежде и болѣе всего государственнымъ тягломъ, получили особый юридическій характеръ, и, благодаря этому осложненію, прямыя и рѣзкія очертанія долговой холопьей крѣпости въ крестьянствѣ превратились въ изогнутыя и иногда неясныя линіи. Займу съ погашеніемъ соотвѣтствовала ссуда съ возвратомъ или безъ отдачи; служба за ростъ „по вся дни“, срочная или по смерть господина, превратилась въ пожизненное и наслѣдственное владѣльческое тягло состоявшее изъ оброка за нанятую землю, соединеннаго съ издѣльемъ за ссуду по уговору или владѣльческому уставу; притомъ, тягловыя отноше-

нія осложнились отношеніями имущественными, вытекавшими изъ поземельной ссуды и тягловой отвѣтственности владѣльца за крестьянина; наконецъ, кабальная старина подъ вліяніемъ тягла переродилась въ старину писцовую, т.-е. въ наслѣдственную власть владѣльца надъ потомствомъ крестьянина, обусловленную обязанностью его хозяйственнаго обзаведенія. Такимъ образомъ, крѣпостная зависимость крестьянина имѣла двойное основаніе, поземельную ссуду подъ условіемъ издѣлья, соединенную съ наймомъ земли подъ условіемъ оброка, и изъ этого источника вытекали два послѣдствія: 1) наслѣдственная власть владѣльца надъ личностью и трудомъ крестьянина и его потомства, безъ права вывода крестьянина изъ крестьянства и подъ условіемъ податной отвѣтственности за него, 2) наслѣдственная власть надъ имуществомъ крестьянина, слагавшаяся изъ права собственности на ссудную часть его и изъ права надзора за крестьянскимъ хозяйствомъ и ограниченная юридической неразрывностью крестьянскаго тягла съ крестьянскими животами. Ограничиваясь юридическими моментами развитія крѣпостного права на крестьянъ, историческое его происхожденіе можно обозначить такимъ рядомъ явленій:

1) Изстари крестьяне на владѣльческихъ земляхъ вели свое хозяйство съ подмогой отъ владѣльцевъ и за это несли особыя повинности сверхъ поземельнаго оброка; но эти повинности были простыми долговыми обязательствами, не уничтожавшими личной свободы крестьянъ, которая выражалась въ правѣ выхода.

2) Съ половины XVI вѣка, вмѣстѣ съ развитіемъ частнаго землевладѣнія, усилилась и задолженность крестьянъ своимъ владѣльцамъ и ссуда стала почти общимъ условіемъ крестьянскихъ договоровъ. Вслѣдствіе того право выхода уже къ концу XVI вѣка начало падать само собою, вырождаясь въ формы, или запрещенныя закономъ, или только усиливавшія долговую зависимость крестьянъ отъ владѣльцевъ.

3) Къ тому же времени возникновеніе и развитіе ка-

бальнаго холопства породило среди землевладѣльцевъ мысль, что крестьянское издѣлье за подмогу создаетъ такую же личную крѣпостную зависимость крестьянина отъ владѣльца, въ какую ставитъ кабальнаго холопа служба за ростъ. Подъ вліяніемъ этой мысли приблизительно со второй четверти XVII вѣка въ крестьянскіе договоры стали вносить условіе, по которому крестьянинъ, нанимая землю съ подмогой владѣльца, закрѣплялъ свои поземельныя и долговыя обязательства отказомъ навсегда отъ права прекращать основанную на этихъ обязательствахъ зависимость. Это условіе сообщило крестьянскому поземельному договору значеніе личной крѣпости.

4) Признавая всѣ эти послѣдствія кабальнаго права, законодательство ограничивало ихъ извѣстными условіями, которыя всѣ сводились къ требованію, чтобы тяглый крестьянинъ, ставъ крѣпостнымъ, не переставалъ быть тяглымъ и способнымъ къ тяглу. Благодаря этимъ условіямъ, крестьянская крѣпость, развивавшаяся изъ кабальной, не сдѣлалась холопьей, отличаясь отъ нея, во-первыхъ, тѣмъ, что она давала владѣльцу право только на часть крестьянскаго труда и имущества, во-вторыхъ, тѣмъ, что всѣ владѣльческія права на крестьянина были обусловлены государственными обязанностями.

5) Около половины XVII вѣка, утвердивъ наслѣдственность крестьянскаго состоянія, законодательство признало и наслѣдственную власть владѣльцевъ надъ потомствомъ ихъ крестьянъ, развившуюся раньше изъ приложенія кабальной старины къ крестьянскимъ дѣтямъ, чѣмъ было завершено образованіе крѣпостного права на крестьянъ. Но и эту власть законъ поставилъ, хотя и не прямо и не рѣшительно, не на кабальномъ, а на политико-экономическомъ основаніи, обусловивъ ее обязанностью тягловаго хозяйственнаго устройства крестьянскихъ сыновей.

Итакъ, крѣпостное право въ Россіи было создано не государствомъ, а только съ участіемъ государства: послѣднему принадлежали не основанія права, а его границы.

Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи [1].

I.

Первая ревизія.

Подушная подать, повидимому, не могла имѣть прямой связи съ юридическими процессами нашей исторіи, особенно съ тѣми гражданскими отношеніями, въ кругъ которыхъ входило древнерусское холопство. Это была очень важная перемѣна въ государственномъ хозяйствѣ, сопровождавшаяся не менѣе важными послѣдствіями и для хозяйства народнаго; но съ перваго взгляда трудно замѣтить, какія послѣдствія могли выдти изъ нея для гражданскаго права и въ частности для холопства. Между тѣмъ, подушная подать не только оказала дѣйствіе въ этомъ направленіи, но и сама могла быть введена только благодаря издавна подготовлявшимся перемѣнамъ въ порядкѣ гражданскихъ отношеній, съ которыми тѣсно связано было древнерусское холопство.

Вскорѣ послѣ побѣды подъ Полтавой докончено было Петромъ завоеваніе Эстляндіи и Лифляндіи. Въ 1714 году довершено было покореніе Финляндіи, а побѣда надъ шведскимъ флотомъ при Гангудѣ и занятіе Аландскихъ островъ въ томъ же году избавляли новую столицу Россіи отъ опасности шведскаго нападенія. Вмѣстѣ съ этимъ наступалъ конецъ страшнаго напряженія военныхъ силъ, въ какомъ уже 14 лѣтъ держала Россію война съ Швеціей. Миръ былъ еще далеко, но борьба уже переносилась съ боевого поля въ дипломатическіе кабинеты. Въ 1718 году на Аландскихъ

[1]) Русская Мысль, 1886, №№ 5, 7, 9 и 10.

островахъ начались мирные переговоры шведскихъ уполномоченныхъ съ русскими. Петръ начиналъ думать о постановкѣ новорожденной и испытавшей такое тяжкое боевое крещеніе регулярной арміи на мирную ногу, а съ этимъ неразрывно связывался вопросъ о правильномъ устройствѣ ея размѣщенія и содержанія. Эту армію, комплектуемую рекрутскими наборами изъ разныхъ классовъ населенія, нельзя было распустить по домамъ, какъ распускалось въ прежнее время дворянское конное ополченіе для мирныхъ занятій по своимъ помѣстнымъ и вотчиннымъ деревнямъ. Регулярные полки необходимо было и по окончаніи военныхъ дѣйствій держать подъ ружьемъ на постоянныхъ казенныхъ квартирахъ и на казенномъ содержаніи. Мысль объ устройствѣ этого содержанія уже давно тяготила Петра. По смѣтѣ, составленной въ 1710 году, на содержаніе полевой арміи, гарнизоновъ и флота, на артиллерію и другіе военные расходы шло немного болѣе трехъ милліоновъ рублей, тогда какъ на остальныя нужды казна тратила только 800 тысячъ съ небольшимъ: войско поглощало около 78% всего бюджета расходовъ. Между тѣмъ, смѣтивъ государственные доходы за 1707—1709 годы, нашли, что средняя ежегодная сумма доходовъ не превышала 3,134 тысячъ: ежегодный дефицитъ простирался до 700 тыс. Значитъ, обыкновенными доходами казна покрывала только $^4/_5$ того, что расходовала; разницу она должна была восполнять экстраординарными средствами.

Необходимость прибѣгать къ такимъ средствамъ въ мирное время Петръ задумалъ устранить очень своеобразнымъ планомъ расквартированія и содержанія полковъ. Въ то время, какъ его уполномоченные на Аландскомъ конгрессѣ вырабатывали условія мира съ Швеціей, былъ изданъ указъ 26 ноября 1718 года, изложенный съ тѣмъ торопливымъ лаконизмомъ, какимъ отличался законодательный языкъ Петра [1]). Первые два пункта этого указа гла-

[1]) П. С. З., V, № 3245.

сили: 1) „взять сказки у всѣхъ (дать на годъ сроку), чтобъ правдивыя принесли, сколько у кого въ которой деревнѣ душъ мужеска пола, объявя имъ то, что кто что утаитъ, то отдано будетъ тому, кто объявитъ о томъ; 2) росписать, на сколько душъ солдатъ рядовой съ долею на него роты и полкового штаба, положа средній окладъ“. По смыслу указа, этотъ средній окладъ долженъ быть выведенъ посредствомъ дѣленія стоимости содержанія солдата на число наличныхъ податныхъ душъ, какое придется на него по затребованнымъ сказкамъ. Вычисленный такимъ способомъ подушный окладъ замѣнялъ собою всѣ обыкновенныя казенныя подати и работы, падавшія до того времени на тяглое населеніе. При каждомъ полку полагалось два коммиссара, земскій и полковой: первый, избираемый дворянами приписаннаго къ полку уѣзда, долженъ былъ собирать съ крестьянъ того уѣзда подушныя деньги на содержаніе полка, а второй — принимать эти деньги у перваго. Далѣе указъ обѣщалъ, что будутъ посланы особые „росписчики“, которые распишутъ полки по душамъ и провѣрятъ на мѣстахъ самыя сказки, которыя будутъ даны имъ для этой душевой раскладки; крестьянъ, не заявленныхъ въ сказкахъ, указъ обѣщалъ отдавать съ землей и со всѣмъ имуществомъ тѣмъ раскладчикамъ, которые ихъ откроютъ. Въ свою очередь и раскладчики ставились подъ надзоръ полковыхъ офицеровъ, которые обязаны были доносить на нихъ, если и они станутъ скрывать пропущенныхъ въ сказкахъ крестьянъ, не занося ихъ въ росписи душъ по полкамъ; донесшій объ этомъ офицеръ получалъ утаенныхъ крестьянъ вмѣстѣ со всѣмъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ раскладчика. Наконецъ, какъ раскладчикамъ, такъ и самимъ офицерамъ указъ грозилъ смертною казнью за неисполненіе возложенной на нихъ обязанности.

Этотъ указъ, подтвержденный и разъясненный въ 1719 году рядомъ другихъ, задалъ тяжелую и отвѣтственную работу губернскимъ начальствамъ и сельскимъ управленіямъ, какъ

и самимъ землевладѣльцамъ. Составленіе сказокъ о душахъ по селамъ и деревнямъ возложено было на помѣщиковъ и вотчинниковъ, а гдѣ ихъ не было — на прикащиковъ съ сельскими старостами и выборными людьми. За утайку душъ указы грозили прикащикамъ и старостамъ съ выборными людьми смертною казнью безъ всякой пощады, съ безповоротною отдачей утаенныхъ душъ обѣщаннымъ раскладчикамъ и другимъ „доносителямъ", если утайка откроется въ имѣніяхъ частныхъ владѣльцевъ, церковныхъ или свѣтскихъ. Если сказки, въ которыхъ откроется утайка, составлены самими землевладѣльцами, у нихъ, взамѣнъ смертной казни, велѣно было отбирать двойное количество крѣпостныхъ противъ утаеннаго числа душъ. Губернаторамъ было предписано назначить чиновниковъ, которые собирали бы сказки и по нимъ составляли вѣдомости о числѣ душъ. Въ теченіе 1719 года сказки и вѣдомости велѣно было изъ всѣхъ губерній выслать въ Петербургъ къ бригадиру Зотову, который по нимъ составлялъ росписи душъ по уѣздамъ и сличалъ ихъ съ переписными книгами 1678 года. Губернаторамъ за неисправность указы также грозили „жестокимъ государевымъ гнѣвомъ и разореніемъ". Несмотря на всѣ угрозы, до декабря 1719 года присланы были Зотову сказки лишь изъ немногихъ мѣстъ и тѣ оказались въ большинствѣ неисправными. Тогда сенатъ разослалъ по губерніямъ гвардейскихъ солдатъ съ предписаніемъ собрать неисправныхъ чиновниковъ въ канцеляріи, заковать въ желѣза, не исключая и виновныхъ въ неисправности губернаторовъ, и держать ихъ на цѣпяхъ, не выпуская никуда, пока не приготовятъ и не пошлютъ въ Петербургъ всѣхъ сказокъ и вѣдомостей. Неизвѣстно, какъ исполнено было это суровое предписаніе; но сказки продолжали высылать изъ губерній еще въ началѣ 1721 года. Притомъ возникло новое затрудненіе, которымъ замедлялось дѣло. Указъ 26 ноября 1718 года говорилъ только о переписи крестьянъ. Потомъ велѣно было заносить въ сказки и дворовыхъ, которые жили въ дерев-

няхъ. Несмотря на то, многіе писали только крестьянъ. Поэтому въ началѣ 1720 года затребованы были дополнительныя сказки. Наконецъ, обнаружена была „многая утайка": изъ указа 15 марта 1721 года узнаемъ, что къ тому времени было приведено въ извѣстность болѣе 20 тыс. утаенныхъ душъ. Чтобъ ускорить присылку дополнительныхъ сказокъ изъ губерній, сенатъ въ началѣ 1721 г. пригрозилъ неисправнымъ провинціальнымъ воеводамъ вызовомъ въ Петербургъ къ розыску съ конфискаціей ихъ помѣстій и вотчинъ, а для устраненія утайки указомъ 11 мая того же года велѣно было губернаторамъ и воеводамъ провѣрить поданныя сказки о дворцовыхъ и церковныхъ людяхъ и подлежащихъ переписи разночинцахъ и съ этою цѣлью самимъ объѣхать города, села и деревни, гдѣ жили люди этихъ званій, а въ случаѣ болѣзни послать туда надежныхъ чиновниковъ. Провѣрка должна была непремѣнно кончиться къ 1 сентября того же года. Св. синодъ хотѣлъ оказать правительству содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ и, вмѣстѣ съ печатными экземплярами сенатскаго указа, 11 мая разослалъ по епархіямъ инструкціи, въ которыхъ особенно строго предписывалъ приходскому духовенству помогать губернаторамъ и воеводамъ въ провѣркѣ подушной переписи, сообщая имъ объ утаенныхъ или пропущенныхъ въ сказкахъ прихожанахъ. Указъ св. синода гласилъ, что священники и причетники, которые будутъ покрывать замѣченную ими утайку душъ, „лишатся сановъ своихъ и мѣстъ и имѣнія и по безпощадномъ на тѣлѣ наказаніи порабощены будутъ каторжной работѣ, хотя бъ кто и въ старости немалой былъ" [1]).

Наконецъ, послѣ многихъ законодательныхъ хлопотъ и административныхъ волненій, соединенныхъ съ угрозами, пытками и конфискаціями, которыя служили обычною смазкой для колесъ тогдашней правительственной машины, ревизскія сказки были стянуты изъ губерній въ канцелярію

[1]) П. С. З. №№ 3458, 3460. 3492, 3707, 3762, 3782, 3787.

бригадира Зотова и къ началу 1722 г. сосчитаны: оказалось 5 милліоновъ ревизскихъ душъ. Тогда только стало возможно приступить къ душевой раскладкѣ полковъ. Впрочемъ, предварительный опытъ этой раскладки былъ сдѣланъ еще въ 1721 г. Генералъ-майору Волкову поручено было расположить два армейскихъ полка, драгунскій и пѣхотный, въ Новгородской провинціи С.-Петербургской губерніи. Инструкція, данная Волкову 27 января того года, оказалась практичною и съ нѣкоторыми поправками и дополненіями принята была въ руководство при расположеніи полковъ въ другихъ провинціяхъ, предпринятомъ въ слѣдующемъ году. Коротенькими указами 10 января и 5 февраля 1722 года Петръ въ очень немногихъ строчкахъ изложилъ сенату общія соображенія о томъ, какъ произвести „раскладку войска на землю“ и кого послать для этого. Полки конные и пѣшіе предписано было размѣщать, „смотря по ситуаціи мѣстъ“; полки, которымъ по росписи достанутся отдаленныя провинціи, велѣно было селить въ ближайшихъ новозавоеванныхъ областяхъ: Ингріи, Кареліи, Лифляндіи и Эстляндіи, въ которыхъ не было произведено подушной переписи. По соображенію штатнаго состава армейскихъ частей съ ситуаціей мѣстъ и съ собранными въ канцеляріи Зотова данными о населенности губерній, военная коллегія составила предварительную общую роспись полковъ по мѣстностямъ. Для расквартированія полковъ въ 10 губерній, гдѣ произведена была подушная перепись, командированы были 5 генераловъ, 4 полковника и 1 бригадиръ. Каждому изъ нихъ назначено было по нѣскольку провинцій, на которыя дѣлились тогда губерніи и которыя подраздѣлялись на уѣзды. Получивъ отъ сената инструкцію для раскладки, въ военной коллегіи списокъ полковъ, которые предстояло разложить по ревизскимъ душамъ въ извѣстныхъ провинціяхъ, а изъ канцеляріи Зотова подробную вѣдомость о количествѣ этихъ душъ, посланный, пріѣхавъ въ свой округъ, долженъ былъ созвать мѣстное дворянство, объявить ему правила раскладки и при-

гласить его къ содѣйствію раскладчикамъ. Полки размѣщались поротно: на каждую роту отводился сельскій округъ съ такимъ количествомъ ревизскаго населенія, чтобы на каждаго пѣшаго солдата приходилось по $35^1/_2$ душъ, а на коннаго $50^1/_4$ душъ муж. пола [1]). Инструкція предписывала раскладчику настаивать на разселеніи полковъ особыми слободами, чтобы не разставлять ихъ по крестьянскимъ дворамъ и тѣмъ не вызывать ссоръ крестьянъ съ постояльцами. Съ этою цѣлью раскладчики должны были уговаривать дворянъ построить особыя избы, по одной для каждаго урядника и по одной для двухъ солдатъ. Каждая слобода должна была вмѣстить въ себѣ не менѣе капральства и находиться въ такомъ разстояніи отъ другой, чтобы рота конная была размѣщена на протяженіи не далѣе 10 верстъ, а пѣшая не далѣе 5, конный полкъ на протяженіи 100, пѣхотный на протяженіи 50 верстъ. Если дворяне не соглашались на постройку полковыхъ слободъ, солдатъ разводили по крестьянскимъ дворамъ, примѣняясь по возможности къ правиламъ слободского разселенія. Въ серединѣ ротнаго округа предписывалось дворянству построить ротный дворъ съ двумя избами для оберъ-офицеровъ роты и съ одной для низшихъ служителей, а въ центрѣ расположенія полка дворъ для полкового штаба съ 8 избами, гошпиталемъ и сараемъ. Расположивъ роту, раскладчикъ передавалъ первому ротному офицеру списокъ деревень, по которымъ она размѣщена, съ обозначеніемъ числа дворовъ и ревизскихъ душъ въ каждой; другой такой же списокъ онъ передавалъ помѣщикамъ тѣхъ деревень. Точно также онъ составлялъ списокъ селеній, по которымъ размѣщался цѣлый полкъ, и передавалъ его полковому командиру. Для содержанія размѣщенныхъ такимъ образомъ полковъ, дворянство должно было сомкнуться въ уѣздныя корпораціи, отвѣтственными агентами которыхъ

[1]) Такъ въ однѣхъ инструкціяхъ; въ другихъ назначено на пѣхотинца по $35^{15}/_{16}$, на кавалериста - по $50^5/_8$ душъ.

становились земскіе коммиссары. Ежегодно въ декабрѣ уѣздное дворянство должно было собираться для выбора новаго коммиссара и для провѣрки дѣйствій прежняго, съ правомъ судить и штрафовать послѣдняго за незаконныя дѣйствія: только въ случаѣ вины, подвергавшей земскаго коммиссара „смерти или публичному наказанію", дворянство должно было отсылать виновнаго въ губернскій надворный судъ [1]). Но прежде чѣмъ приступить къ раскладкѣ полковъ на души, раскладчики должны были провѣрить ревизскія сказки о числѣ душъ въ своихъ округахъ. Эта провѣрка была вторичною ревизіей, которая вызвала не меньше затрудненій, чѣмъ первая. Въ поданныхъ сказкахъ обнаружилась огромная утайка и прописка душъ, и первоначально сосчитанною цифрой 5 мил. стало невозможно руководствоваться при разверсткѣ душъ по полкамъ. Правительство обращалось къ землевладѣльцамъ, прикащикамъ и старостамъ съ угрозами и ласками, назначало послѣдовательно нѣсколько послѣднихъ сроковъ для заявленія утаенныхъ и пропущенныхъ въ сказкахъ душъ, и всѣ эти сроки пропускались, послѣ каждаго изъ нихъ оказывалось много душъ, оставшихся не заявленными. Въ 1723 г. бригадиръ Фамендинъ, провѣряя сказки въ ясачныхъ волостяхъ Казанскаго уѣзда, населенныхъ преимущественно инородцами, на 1,019 чел., записанныхъ въ сказки, насчиталъ 1,995 утаенныхъ душъ, жившихъ въ однихъ дворахъ съ записавшимися. Притомъ, частію по неясности указовъ и инструкцій, а еще болѣе по неумѣнью понимать ихъ, сами ревизоры путались въ сортировкѣ душъ, не знали, кого зачислять въ подушный окладъ, кого переписывать только для свѣдѣнія, не кладя въ подушный сборъ, и кого совсѣмъ не писать. Со своими недоумѣніями они обращались къ правительству, и по этимъ запросамъ Петру съ сенатомъ пришлось написать длинный рядъ разъясненій и дополнительныхъ инструкцій. Вслѣдствіе

[1]) П. С. З. №№ 3873, 3720, 3871, 3899, 3901.

всего этого ревизоры, разосланные по губерніямъ въ началѣ 1722 года, еще продолжали работу въ теченіе всего 1723 г. и къ концу этого года полки не только не были разведены, но не были и расписаны по мѣстамъ своего подушнаго расположенія. Притомъ не имѣлось точныхъ свѣдѣній о наличномъ составѣ арміи, и указомъ 20 мая 1723 г. только къ августу велѣно было военной коллегіи собрать по всѣмъ корпусамъ справки объ этомъ. Точно также земскихъ коммиссаровъ, инструкція которымъ была составлена еще въ началѣ 1719 г., велѣно было дворянству каждаго уѣзда выбрать на 1724 годъ заранѣе, въ октябрѣ 1723 года; но указъ, изданный въ концѣ этого мѣсяца, только еще ожидалъ этихъ выборовъ. Несмотря на это, именными указами предписано было провѣрку сказокъ „всеконечно" кончить въ 1723 г. и самимъ ревизорамъ къ новому году вернуться въ столицу, „понеже по указу Его Величества съ предбудущаго 1724 г. подушный сборъ зачнется". Ревизоры, однако, къ новому году не вернулись и заранѣе донесли сенату, что къ 1724 г. своего дѣла они не кончатъ; указомъ 14 января 1724 г. имъ назначенъ былъ крайній срокъ въ мартѣ. Несмотря на то, не только въ мартѣ, но еще и въ маѣ сенатъ продолжалъ разсылать разъясненія и дополнительныя инструкціи ревизорамъ, не успѣвшимъ покончить своихъ работъ въ губерніяхъ. Пришлось отказаться отъ надежды начать правильный подушный сборъ съ 1724 г., и сенатъ указомъ 19 мая отложилъ его до 1725 года [1]).

Впрочемъ, дѣло подвинулось уже настолько, что можно было составить планъ распредѣленія полковъ по ревизскимъ душамъ и опредѣлить подушный окладъ. Въ подвергшихся ревизіи провинціяхъ 10 губерній считалось въ маѣ 1724 г. 5.409,930 душъ, подлежавшихъ раскладкѣ на полки, безъ городскихъ обывателей, положенныхъ въ тягло, которыхъ

[1]) П. С. З., №№ 4335, 4139, 4145, 4162, 4294, 4229, 4224, 4332, 4340, 4413, 4485, 4515.

насчитано было 172,385 душъ. Изъ этого числа на 4,941,444 души расписано было 73 армейскихъ и 53 гарнизонныхъ полка. Сверхъ того, на остатки отъ подушнаго сбора съ Сибирской губерніи, назначеннаго на содержаніе 4 гарнизонныхъ и 5 армейскихъ полковъ, отнесено было содержаніе гвардейскихъ полковъ, преображенскаго и семеновскаго, расквартированныхъ въ Петербургской губерніи. Долго не удавалось установить подушный окладъ. Въ 1721 г., при пробномъ расположеніи двухъ полковъ въ Новгородской провинціи, положено было считать по 95 коп. съ ревизской души. Въ 1722 г., когда возникла надежда, что ревизскихъ душъ наберется больше, чѣмъ предполагалось сначала, окладъ былъ убавленъ: указомъ 11 января о раскладкѣ полковъ на 5 мил. душъ велѣно было считать „по 8 гривенъ съ персоны". Но и этотъ разсчетъ оказался неточнымъ, и въ декабрѣ 1723 г. Петръ еще не зналъ, сколько придется на душу. Наконецъ, въ 1724 г., когда душъ насчитано было гораздо больше, назначенъ былъ окончательный окладъ по 74 к. съ души. Этотъ окладъ падалъ одинаково какъ на владѣльческихъ крѣпостныхъ людей и крестьянъ, работавшихъ на своихъ владѣльцевъ или платившихъ имъ оброкъ, такъ и на городскихъ тяглыхъ обывателей, однодворцевъ и государственныхъ крестьянъ разныхъ наименованій, которые были свободны отъ такихъ работъ и оброковъ. Чтобъ уравнять въ тягостяхъ всѣхъ податныхъ плательщиковъ, предположено было обложить души, не принадлежавшія ни дворцу, ни частнымъ владѣльцамъ, дополнительнымъ сборомъ, примѣняясь къ тому, „какъ помѣщики получать будутъ съ своихъ крестьянъ, или инымъ какимъ манеромъ, какъ удобнѣе и безъ конфузіи людямъ". Въ 1723 г. этотъ сборъ вычисленъ былъ въ 40 коп. съ души и не былъ измѣненъ, когда общій подушный окладъ понизился до 74 коп., только городскіе тяглые обыватели и послѣ этого пониженія должны были платить подушныхъ и дополнительныхъ 120 коп. Впрочемъ, и 74-ти копѣечный окладъ собирался только въ первый

пробный 1724 годъ: по указу преемницы Петра, съ 1725 г. велѣно было убавить и этотъ окладъ на 4 копѣйки [1]).

Присутствуя въ сенатѣ 1 мая 1724 г., Петръ указалъ порядокъ размѣщенія полковъ: предположено было разводить ихъ большими концентрическими кругами, начать съ Московской губерніи, продолжить губерніями съ нею смежными и окончить губерніями, которыя граничили съ послѣдними. Въ августѣ предписано было полкамъ двинуться на доставшіяся имъ по росписи „вѣчныя квартиры“: полки, которые стояли въ 500 верстахъ или немного дальше отъ этихъ квартиръ, должны были идти въ полномъ составѣ; полки, удаленные отъ назначенныхъ имъ мѣстъ постояннаго расположенія на болѣе значительное разстояніе, высылали туда своихъ полковниковъ съ указнымъ числомъ офицеровъ и рядовыхъ, оставаясь до времени на прежнихъ квартирахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ полки, называвшіеся до тѣхъ поръ большею частью по именамъ своихъ полковниковъ, должны были получить новыя названія—по провинціямъ, въ которыхъ размѣщались. Петру не суждено было видѣть окончаніе предпринятаго имъ труднаго дѣла: ревизоры съ полковыми офицерами, провѣрявшіе ревизскія сказки и располагавшіе полки по душамъ, не успѣли вернуться къ 28 января 1725 г., когда преобразователь закрылъ глаза; полки разводились по вѣчнымъ квартирамъ въ продолженіе всего 1725 г., а слѣдственныя дѣла объ утайкѣ и пропискѣ душъ не были очищены и въ этомъ году [2]).

На современный взглядъ можетъ показаться страннымъ придуманный Петромъ способъ содержанія арміи. При расположенномъ къ каррикатурѣ воображеніи можетъ возникнуть, и возникалъ, вопросъ: зачѣмъ народъ, только-что окончившій побѣдоносно многолѣтнюю войну и цѣной страш-

[1]) П. С. З. №№ 4503, 4472, 3753, 3873, 3894, 4191, 4332, 4390, 3983, 4650.

[2]) П. С. З., №№ 4542, 4589, 4673, 4701, 4715.

ныхъ жертвъ и усилій оттягавшій у давняго врага восточный берегъ Балтійскаго моря,—зачѣмъ было подвергать его нашествію собственныхъ его побѣдоносныхъ рекрутовъ съ самымъ детальнымъ указаніемъ, какія капральства и роты на какія именно души садились; можно недоумѣвать, какимъ образомъ понятіе, сильно отзывавшееся психологіей, ревизская *душа*, стала окладною единицею военно-податнаго обложенія. По 74-копѣечному подушному окладу, было назначено на каждый драгунскій полкъ по 60,268$^{1}/_{8}$ души, на каждый пѣхотный по 21,863$^{7}/_{8}$ души, и не только назначено, но и точно расписано, какія села и деревни и съ какими именно душами должны были содержать извѣстный полкъ и извѣстную роту полка, такъ что всякая душа, справившись по книгамъ земскаго коммиссара, могла разсчитать, какую долю драгуна или пѣхотинца она кормила и одѣвала. Мы привыкли къ болѣе замаскированному дѣйствію военно-государственной машины. Встрѣчая на улицѣ марширующій баталіонъ, мы не умѣемъ сказать, кто изъ нашихъ согражданъ заплатилъ за его мундиры и ружья и гдѣ теперь маршируютъ баталіоны, мундиры и ружья которыхъ оплачены нами. Но здѣсь разница только въ системѣ разсчета сборовъ и распредѣленія расходовъ, въ пріемахъ военно-финансовой бухгалтеріи: вмѣсто того, чтобы стягивать въ общій водоемъ, называемый министерствомъ финансовъ, безчисленныя питательныя капли и отсюда безчисленными трубочками распредѣлять собранный запасъ по армейскимъ частямъ, требующимъ питанія, Петръ хотѣлъ помѣстить каждую часть прямо тамъ, откуда шли назначенныя питать ее капли, опредѣливъ точными правилами размѣры ея аппетита. Но странно было не самое расположеніе полковъ по душамъ, а способъ вычисленія подушнаго оклада и то отношеніе, въ какое постояльцы поставлены были къ хозяевамъ, ихъ содержавшимъ. Высчитать стоимость штатнаго состава полковъ, потомъ сосчитать наличное количество тяглыхъ мужскихъ душъ, „отъ стараго до самаго послѣдняго младенца“, нако-

нецъ, принявъ обѣ найденныя величины за неизмѣнныя, раздѣлить первую на вторую и полученное частное признать одинаковымъ для всѣхъ подушнымъ окладомъ, не принимая во вниманіе неодинаковой доходности труда разныхъ мѣстъ, возрастовъ и промысловъ,—произвести такой разсчетъ могъ математикъ, привыкшій обращаться съ послушными отвлеченными цифрами, а не финансистъ, имѣющій дѣло съ реальными хозяйственными силами. Прежде всего, самое основаніе разсчета лишено было всякой устойчивости. Съ одной стороны, наличное количество душъ ежеминутно измѣнялось, и потому ревизскія цифры, по которымъ разсчитывалась подушная подать, были величины чисто-фиктивныя. Съ другой стороны, такое же фиктивное значеніе имѣла и самая окладная единица, ревизская душа: въ народномъ хозяйствѣ нѣтъ душъ, а есть только капиталы да рабочія руки; дѣйствительными плательщиками были, разумѣется, только работники, а не всѣ ревизскія души. Такимъ образомъ, ревизское число душъ не соотвѣтствовало наличному, а наличное число податныхъ душъ не соотвѣтствовало числу дѣйствительныхъ плательщиковъ. Это двойное несоотвѣтствіе ревизскаго счета платежной дѣйствительности должно было вносить постоянное колебаніе въ дѣйствительную разверстку подати: по мѣрѣ того какъ одни работники выбывали, а другіе подрастали, отдѣльнымъ плательщикамъ приходилось платить то за большее, то за меньшее число ревизскихъ душъ. Математически разсчитанный, однообразный налогъ, цѣлью котораго, по мысли законодателя, было „уравненіе подданныхъ въ казенныхъ платежахъ“, на дѣлѣ оказывался чрезвычайно неравномѣрнымъ. Можно было устранить это неудобство, сообщивъ ревизской душѣ значеніе не платежной силы, какою она не могла быть сама по себѣ, а только счетной единицы. Такое значеніе и было дано ей послѣдующимъ законодательствомъ; по указу 3 мая 1783 г. „подати съ мѣщанъ и крестьянъ по числу душъ полагаются единственно для удобности въ общемъ государственномъ счетѣ“;

но такой счетъ не долженъ стѣснять плательщиковъ „въ способахъ, ими полагаемыхъ къ удобнѣйшему и соразмѣрному платежу податей“ [1]). Петръ въ своихъ многочисленныхъ указахъ о первой ревизіи не разъяснилъ порядка разверстки новаго налога, и подушная подать была понята въ самомъ буквальномъ смыслѣ: ее не только разсчитывали въ податныхъ росписяхъ, но и раскладывали при самомъ сборѣ прямо по ревизскимъ душамъ, а не по работникамъ. Вскорѣ по смерти Преобразователя въ народѣ становятся слышны жалобы на такой необычный способъ раскладки. Въ подметномъ письмѣ 1728 года „вышніе господа“, между прочимъ, обвинялись и въ томъ, что они „учинили подушный окладъ и тѣмъ разореніе народу чинятъ“. На допросѣ съ пытки дьячекъ, составившій письмо, въ объясненіе этого пункта ссылался на крестьянскіе толки, подслушанные имъ на рынкѣ: „подушнымъ-де окладомъ народу отягченіе, и у скудныхъ крестьянъ хотя 3 или 4 сына маленькіе, и съ тѣхъ подушныя деньги велятъ платить, а у котораго крестьянина у богатаго сынъ одинъ, и съ того одного подушныя берутъ, и тѣмъ въ народѣ неравенство, и они убогіе отъ того холодны и голодны и дѣться имъ негдѣ“. Впрочемъ, сохранилось и оффиціальное указаніе на тотъ же способъ раскладки налога, дѣйствовавшій въ первые годы по введеніи подушной подати. Указомъ 9 января 1727 г. верховному тайному совѣту предложено было обсудить рядъ мѣръ для приведенія внутреннихъ дѣлъ въ лучшій порядокъ. Въ одномъ изъ пунктовъ указа, касающихся подушнаго сбора, встрѣчаемъ такое предложеніе: „а почему впредь съ крестьянъ и какимъ образомъ удобнѣе и сходнѣе съ пользою народною—*съ душъ такъ, какъ нынѣ*, или по примѣру другихъ государствъ съ однихъ работниковъ, кромѣ старыхъ и малолѣтнихъ, или тотъ платежъ съ двороваго числа, или съ тяголъ, или съ земли положить, о

---

[1]) П. С. З. XXI, № 15, 724, IV, § 5.

томъ надлежитъ немедленно разсуждать и положить“ [1]). Подушная подать была тяжела и сама по себѣ, независимо отъ способа ея раскладки. Чрезвычайно трудно по сохранившимся неполнымъ даннымъ высчитать ея отношеніе къ прежнимъ подворнымъ налогамъ, которые она замѣнила: основанія того и другаго обложенія такъ несходны, что нельзя сдѣлать никакого точнаго вывода. Манштейнъ, повидимому, передалъ общее мнѣніе людей, помнившихъ первую ревизію, замѣтивъ въ запискахъ, что подать, введенная Петромъ, была вдвое больше прежней [2]). Сопоставляя оба обложенія въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда данныя позволяютъ хотя приблизительно опредѣлить взаимное отношеніе подворныхъ налоговъ къ подушной подати, приходишь къ мысли, что извѣстіе Манштейна едва ли можно заподозрить въ преувеличеніи.

Еще страннѣе было отношеніе, въ какое полки поставлены были къ обывателямъ, ихъ содержавшимъ. Полки не просто были размѣщены по душамъ: правительство хотѣло сдѣлать ихъ орудіемъ администраціи и, сверхъ ихъ строевыхъ занятій, возложило на нихъ множество полицейскихъ обязанностей. Инструкціями, данными въ 1724 г. полковникамъ и земскимъ коммиссарамъ, были точно опредѣлены порядокъ сбора подушныхъ денегъ, повинности обывателей въ пользу расквартированныхъ среди нихъ войскъ и обязанности полковыхъ начальствъ по наблюденію порядка и благочинія въ уѣздахъ, въ которыхъ размѣщены ихъ полки [3]). Полковникъ съ офицерами обязанъ былъ преслѣдовать воровъ и разбойниковъ въ своемъ уѣздѣ, удерживать крестьянъ своего округа отъ побѣговъ и ловить бѣжавшихъ, наблюдать за бѣглыми, приходившими въ округъ со стороны, искоренять корчемство и контрабанду, помогать лѣснымъ

[1]) „Русская Старина“ 1880 г., № 5, стр. 129. Сборн. отдѣл. русск. языка и словесн. Имп. акад. наукъ, IX, 88.

[2]) Записки, IV, 109.

[3]) П. С. З., №№ 4533—4536.

надсмотрщикамъ въ преслѣдованіи незаконныхъ лѣсныхъ порубокъ, съ чиновниками, командированными отъ городскихъ управителей въ уѣздъ по какимъ-либо дѣламъ, посылать своихъ людей, которые бы не позволяли этимъ чиновникамъ разорять уѣздныхъ обывателей, и т. п. По мысли инструкцій, полковое начальство должно было сельское населеніе уѣзда „отъ всякихъ налоговъ и обидъ охранять". На дѣлѣ это начальство, даже помимо своей воли, само ложилось тяжелымъ налогомъ и обидой на мѣстное населеніе, и не только на крестьянъ, но и на самихъ землевладѣльцевъ. Офицерамъ и солдатамъ запрещено было вмѣшиваться въ хозяйственныя распоряженія помѣщиковъ и въ крестьянскія работы; но пастьба полковыхъ лошадей и домашняго скота офицеровъ и солдатъ на общихъ выгонахъ, гдѣ пасли свой скотъ помѣщики и крестьяне, право требовать въ извѣстныхъ случаяхъ людей для полковыхъ работъ и подводъ для полковыхъ посылокъ и, наконецъ, право общаго надзора за порядкомъ и безопасностью въ полковомъ округѣ—все это должно было создавать постоянныя помѣхи нормальному теченію помѣщичьяго и крестьянскаго хозяйства со стороны полкового начальства. Крестьянинъ не могъ уйти на работу въ другой уѣздъ даже съ отпускнымъ письмомъ своего помѣщика или приходскаго священника, не явившись на полковой дворъ, гдѣ отпускное письмо свидѣтельствовалось и записывалось въ книгу земскимъ коммиссаромъ, который отъ себя выдавалъ крестьянину пропускной билетъ, скрѣпленный подписью и печатью полковника, взимая за то извѣстную пошлину. Столкновенія между постояльцами и хозяевами были тѣмъ неизбѣжнѣе, что солдаты были поставлены въ непосредственное соприкосновеніе съ крестьянскимъ населеніемъ, были, такъ сказать, втиснуты въ него, а не размѣщены особыми поселками. Ревизорамъ, повѣрявшимъ сказки и распредѣлявшимъ полки по душамъ, какъ мы видѣли, предписано было склонять помѣщиковъ къ постройкѣ для полковъ особыхъ помѣщеній, полковыхъ слободъ. Дѣло съ эти-

ми слободами, вслѣдствіе плохо обдуманнаго плана, вызвало новую суматоху. Въ плакатѣ 1724 г. встрѣчаемъ признаніе, что большинство помѣщиковъ не пожелало строить для полковъ особыхъ квартиръ, предпочитая размѣщеніе солдатъ по крестьянскимъ дворамъ. Плакатъ превратилъ предложеніе въ обязательное предписаніе, повелѣвъ строить слободы по мѣсту душевого расположенія полковъ; только для полковъ, расквартированныхъ не тамъ, гдѣ находились содержавшія ихъ души, каковы были полки гвардейскіе и гарнизонные, слободы велѣно строить по мѣсту расквартированія, а не душевого расположенія. Постройку предписано было начать въ октябрѣ 1724 г. и кончить непремѣнно къ 1726 году. Это предписаніе создало новую „великую тягость" для ревизскихъ душъ. Полки должны были сами строить свои избы, но доставка лѣса и другихъ строительныхъ матеріаловъ положена была на тяглыхъ обывателей. Заготовку матеріаловъ начали торопливо, вдругъ по всѣмъ мѣстамъ, отрывая крестьянъ отъ ихъ домашнихъ работъ; землю подъ слободы пришлось покупать и для этого обложили души единовременнымъ сборомъ, что причинило замѣшательство и замедленіе въ очередныхъ подушныхъ платежахъ. Эти затрудненія заставили правительство тотчасъ по смерти Преобразователя издать указъ, который предписывалъ къ 1726 г. построить изъ заготовленнаго матеріала только дворы для полковыхъ штабовъ, а постройку слободъ разсрочить на 4 года, причемъ въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ помѣщики предпочтутъ размѣщать солдатъ по крестьянскимъ дворамъ, велѣно было ихъ „строеніемъ не принуждать". Манштейнъ пишетъ, что штабные дворы были построены, но слободы для солдатъ, уже по мѣстамъ начатыя, нигдѣ не были кончены, и солдаты размѣстились по обывательскимъ дворамъ [1]). Указъ 9 января 1727 г., упомянутый выше, отмѣтилъ и послѣдствіе такого размѣщенія, признавшись, что бѣдные россійскіе крестьяне

[1]) П. С. З., № 4654. Записки Манштейна, IV, 135.

разоряются и бѣгаютъ не только отъ хлѣбнаго недорода и подушной подати, но и „отъ несогласія у офицеровъ съ земскими управителями и у солдатъ съ мужиками“.

Такъ полки введены были въ систему мѣстныхъ учрежденій какъ новый и очень вліятельный органъ управленія. Полковники могли, по соглашенію съ воеводами и губернаторами, отдавать подъ судъ выбранныхъ дворянами земскихъ коммиссаровъ за неисправность, обязаны были даже наблюдать за дѣйствіями самихъ воеводъ и губернаторовъ по исполненію присланныхъ изъ центральныхъ учрежденій указовъ, донося въ тѣ учрежденія о неисполненіи или медленномъ исполненіи указовъ. Но всего тяжелѣе давало себя чувствовать мѣстному населенію полковое начальство при сборѣ подушной подати. По первоначальному плану этотъ сборъ должны были производить земскіе коммиссары безъ участія полковыхъ командировъ. Но потомъ Петромъ овладѣло раздумье и 18 октября 1723 г. онъ продиктовалъ коротенькій указъ: „Къ будущему году чтобъ жалованье настало отъ коммиссаровъ по полкамъ: но для новости сего дѣла, дабы коммиссары какой конфузіи не сдѣлали, того для съ оными коммисары первый годъ сбирать штабъ и оберъ-офицерамъ, дабы доброй аншталтъ внесть, а потомъ на другой годъ чинить по опредѣленію“ [1]. Въ переводѣ на простой языкъ это значило, что съ будущаго 1724 г. полки должны были получать содержаніе, по новому порядку, отъ земскихъ коммиссаровъ изъ подушнаго сбора; но чтобы эти коммиссары по новости дѣла не напутали при сборѣ, они въ первый годъ должны были брать съ собой полковыхъ офицеровъ, которые могли надлежащимъ образомъ заправить дѣло такъ, чтобы потомъ коммиссары умѣли собирать подать и безъ ихъ содѣйствія, по установленію. Военныя команды съ полковыми офицерами во главѣ, отъ которыхъ Петръ ждалъ добраго анштальта при введеніи подушной подати, были разори-

[1] П. С. З., № 4328.

тельнѣе самой подати. Первоначально предположенный только на 1724 годъ, такой способъ сбора былъ повторенъ и въ слѣдующемъ году, а указъ 1725 г. „для установленія порядковъ" продолжилъ его и на 1726 годъ. Въ слѣдующемъ году его отмѣнили, поручивъ наблюдать за правильностью и исправностью сбора губернаторамъ и воеводамъ; въ началѣ царствованія Анны его возстановили, но на короткое время. Долго послѣ плательщики не могли забыть этого порядка сбора. Подать вносилась по третямъ; три раза въ годъ земскіе коммиссары съ полковыми командами объѣзжали села и деревни, производя взысканія и экзекуціи, и содержались на счетъ обывателей. Каждый объѣздъ продолжался два мѣсяца: шесть мѣсяцевъ въ году села и деревни жили въ паническомъ страхѣ, подъ гнетомъ или въ ожиданіи вооруженныхъ сборщиковъ. Въ мнѣніи Меншикова и другихъ сановниковъ, представленномъ верховному тайному совѣту въ 1726 г., было заявлено, что „мужикамъ бѣднымъ страшенъ одинъ въѣздъ и проѣздъ офицеровъ и солдатъ, коммиссаровъ и прочихъ командировъ; крестьянскихъ пожитковъ въ платежѣ податей не достаетъ, и крестьяне не только скотъ и пожитки продаютъ, но и дѣтей закладываютъ, а иные и врознь бѣгутъ; командиры, часто перемѣняемые, такого разоренія не чувствуютъ; никто изъ нихъ ни о чемъ больше не думаетъ, какъ только о томъ, чтобъ взять у крестьянина послѣднее въ подать и этимъ выслужиться". На тѣ же недостатки установленнаго Петромъ порядка сбора указывалъ сенатъ еще раньше, въ 1725 году; „платежемъ подушныхъ денегъ земскіе коммиссары и офицеры такъ притѣсняютъ, что крестьяне не только пожитки и скотъ распродавать принуждены, но многіе и въ землѣ посѣянный хлѣбъ за безцѣнокъ отдаютъ, и отъ того необходимо принуждены бѣгать за чужія границы". Едва полки начали размѣщаться по вѣчнымъ квартирамъ въ назначенныхъ имъ уѣздахъ, стала обнаруживаться огромная убыль въ значившихся по ревизскимъ книгамъ душахъ, происходившая отъ усиленія смертности и побѣговъ. Вскорѣ по

смерти Петра генер.-прокуроръ Ягужинскій докладывалъ императрицѣ, что въ Казанской губерніи одинъ пѣхотный полкъ не досчитывался слишкомъ 13,000 душъ, т.-е. болѣе половины назначенныхъ на его содержаніе плательщиковъ [1]).

Введеніе полковъ въ систему уѣздныхъ учрежденій усложнило еще болѣе и безъ того сложное мѣстное управленіе, созданное Петромъ. Въ упомянутомъ выше коллективномъ мнѣніи кн. Меншикова съ товарищами 1726 г. было указано на это неудобство новаго расквартированія арміи: „теперь надъ крестьянами десять или и больше командировъ находится вмѣсто того, что прежде былъ одинъ, а именно изъ воинскихъ начавъ отъ солдата до штаба и до генералитета, а изъ гражданскихъ отъ фискаловъ, коммиссаровъ, вальдмейстеровъ и прочихъ до воеводъ, изъ которыхъ иные не пастырями, но волками, въ стадо ворвавшимися, называться могутъ". Поставивъ полки въ неестественное отношеніе къ мѣстному населенію, новый порядокъ сбора подати создавалъ неестественное отношеніе и между главными классами мѣстнаго населенія, дворянами и ихъ крѣпостными крестьянами. Давно, еще въ XVI в., если не раньше, изъ уѣздныхъ служилыхъ вотчинниковъ и помѣщиковъ, городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, сформировались мѣстныя сословныя общества, своеобразно организованныя. Ходя въ походы территоріальными отрядами, уѣздными ротами и баталіонами, они имѣли свои съѣзды, выбирали коллегіи предводителей, присяжныхъ окладчиковъ, связывались сосѣдскою (не круговою) порукой своихъ членовъ другъ за друга въ отправленіи военно-служебныхъ обязанностей и во многихъ отношеніяхъ были очень полезнымъ вспомогательнымъ средствомъ мѣстнаго управленія. Развиваясь и укрѣпляясь, эти уѣздныя дворянскія корпораціи съ теченіемъ времени пріобрѣли и нѣкоторое политическое значеніе, которое становится

[1]) П. С. З., № 4637. Соловьевъ: Ист. Россіи, XVIII, 281, 282 и 294; XIX, 283.

замѣтно въ XVII вѣкѣ: дворянскіе окладчики являются депутатами на земскихъ соборахъ и ходатаями передъ центральнымъ правительствомъ по дѣламъ выбравшаго ихъ уѣзднаго дворянскаго міра. При Петрѣ, съ образованіемъ регулярной арміи, дворянскіе окладчики исчезаютъ, но корпоративная жизнь сословія поддерживается самимъ правительствомъ: дворяне выбирали изъ своей среды совѣтниковъ къ уѣзднымъ воеводамъ, а потомъ, съ учрежденіемъ губерній, къ губернаторамъ; со введеніемъ подушной подати установлены были ежегодные дворянскіе съѣзды для повѣрки дѣйствій прежнихъ земскихъ коммиссаровъ и для выбора новыхъ съ ихъ запасными замѣстителями. Но странный видъ должны были представлять эти ежегодные дворянскіе съѣзды на полковыхъ дворахъ расквартированныхъ по уѣздамъ полковъ. Въ дворянскихъ имѣніяхъ жили недоросли, не поспѣвшіе на службу, отставные старики и калѣки, негодные къ службѣ, и служащіе дворяне, отпущенные домой на побывку, если не считать нѣтчиковъ, незаконно уклонявшихся отъ службы; прочіе дворяне уѣзда были разсѣяны по канцеляріямъ и полкамъ далеко отъ своихъ помѣстій и вотчинъ. Такимъ образомъ полицейское значеніе, какое получили полки въ мѣстномъ управленіи, создавало служившимъ въ полкахъ дворянамъ-землевладѣльцамъ вдвойнѣ фальшивое отношеніе къ сельскому населенію: они волей-неволей ложились тяжкимъ притѣснительнымъ бременемъ на чужихъ крестьянъ и были лишены возможности оказывать своевременную защиту отъ притѣсненій своимъ. Въ правительственномъ кругу сознавали неправильность такого положенія и придумывали средства для ея устраненія. Въ царствованіе преемницы Преобразователя генералъ-прокуроръ Ягужинскій, кн. Меншиковъ и другіе сановники въ оффиціальныхъ запискахъ предлагали поочередно и въ возможно большомъ количествѣ отпускать домой на побывку состоявшихъ на военной службѣ дворянъ-землевладѣльцевъ, чтобы они могли осмотрѣть и привести въ порядокъ свои деревни: Ягужинскій даже находилъ нужнымъ

одного изъ младшихъ братьевъ въ дворянской семьѣ совсѣмъ оставлять дома для веденія хозяйства, потому что только при этомъ условіи „крестьяне будутъ въ призрѣніи и государственные сборы порядочны“.

Въ 1725 г. дѣло ревизіи и расквартированія полковъ находилось въ такомъ положеніи. Разосланные по губерніямъ ревизоры оканчивали провѣрку ревизскихъ сказокъ, а полки размѣщались по назначеннымъ имъ постояннымъ квартирамъ. Ревизія насчитала немного болѣе $5^{3}/_{4}$ милліоновъ душъ [1]). Изъ этого числа 172,385 городскихъ душъ платили по 120 коп. (206,862 руб.). Остальныя 5.622,543 души обложены были по указу 8 февраля 1725 г. семигривенною податью (3.935,780 р. 10 к.); изъ этого числа однодворцы и государственные крестьяне, которыхъ считалось 1.282,895 душъ, платили дополнительный налогъ по 40 коп. съ души (513,158 р.). Итакъ, подушные сборы давали казнѣ 4.655,800 р. Почти та же сумма (4.655,327 р.) была выведена въ указѣ 22 мая 1724 г., когда было положено брать съ души по 74 к., но

[1]) Точную цифру установить довольно трудно: въ разные источники попали разновременныя данныя, а ревизскія сказки собирались и провѣрялись въ теченіе 7 лѣтъ. Кампредонъ въ 1722 г. зналъ только 5 милліоновъ; Фоккеродтъ записалъ 5.198,000 душъ. Въ вѣдомости, посланной Вольтеру для Исторіи Петра Великаго, обозначено 5.436,054 души; по табели, составленной въ маѣ 1724 г., значилось 5.409,930 безъ городскихъ обывателей, которыхъ было насчитано 172,385 душъ, и татаръ Казанской и Астраханской губерній, положенныхъ въ подушный окладъ, которыхъ въ маѣ 1724 года считалось 49,029 (П. С. З., №№ 4503 и 4512); всего 5.631,344. Голиковъ на основаніи составленнаго въ 1727 г. сочиненія Кирилова считалъ 5.794,928 сельскихъ душъ и 172,385 городскихъ (Дѣян. XIII, 658, по 2 изд.). Кажется, здѣсь у Голикова недоразумѣніе: городскія души надо считать не сверхъ 5.794 т., а въ томъ числѣ; тогда цифра сельскихъ душъ у Голикова (5.622,543) довольно близко подойдетъ къ цифрамъ майскихъ указовъ 1724 г. (5.458,959 съ татарами); излишекъ въ 163 тыс., можетъ быть, насчитанъ былъ дальнѣйшею провѣркой послѣ мая 1724 г. Ср. Стат. изслѣд. Германа, 1819 г., ч. 1, 8.

душъ считалось нѣсколько меньше, чѣмъ въ 1725 г. Вся эта сумма, составлявшая около половины государственнаго дохода того времени, шла на содержаніе сухопутной арміи съ артиллеріей; флотъ содержался на таможенные кабацкіе сборы. По приблизительному разсчету, содержаніе пѣхотнаго солдата съ причитавшейся на него „долей роты и полковаго штаба", выражаясь словами указа 26 ноября 1718 г., обходилось въ 28 тогдашнихъ рублей, равнявшихся приблизительно 250 нынѣшнимъ, а содержаніе квавалериста въ 40 р. (около 360 нынѣшнихъ). Государственные люди сознавали, что подушный налогъ очень тяжелъ: по заявленію сената, въ 1725 г. недоимки показали, что плательщики „никакимъ образомъ того платежа понести не могутъ"; въ 1724 г. не добрано было около милліона, въ 1725 г. даже около половины всей окладной суммы. Сенатъ предлагалъ выключить изъ оклада умершихъ, дряхлыхъ, бѣглыхъ, младенцевъ, понизить самый окладъ, уменьшить расходы на армію, сократить число войска. Общій семигривенный окладъ равнялся нынѣшнимъ 6 р. 30 к., окладъ однодворцевъ и государственныхъ крестьянъ (110 к.)— нынѣшнимъ 9 р. 90 к., а окладъ городскихъ обывателей— 10 р. 80 к. Уже въ 1725 г. успѣли обнаружиться и другіе недостатки подушнаго сбора, совокупность которыхъ показывала, что Преобразователю въ послѣдніе годы его жизни стало измѣнять отличавшее его мастерство въ разработкѣ практическихъ подробностей преобразовательныхъ предпріятій.

Всѣ недостатки подушнаго сбора, на которые тогда жаловались, касались его экономическихъ послѣдствій и административно-полицейскаго устройства: жаловались на то, что подать сама по себѣ обременительна, а порядокъ ея взиманія, связанный съ расквартированіемъ полковъ, еще обременительнѣе. Но ни тогда, ни послѣ не было слышно жалобъ на юридическій переворотъ, какой произвела первая ревизія въ составѣ общества и въ частныхъ гражданскихъ отношеніяхъ: она кореннымъ образомъ измѣняла положеніе

многочисленнаго класса холоповъ полныхъ, кабальныхъ и жилыхъ. Этотъ классъ отличался отъ другихъ состояній тѣмъ, что люди, къ нему принадлежавшіе, находясь въ личной крѣпостной зависимости, вѣчной или временной, не несли на себѣ никакихъ государственныхъ тягостей и, освобождаясь отъ личной зависимости, вступали въ классъ вольныхъ или гулящихъ людей, продолжая пользоваться свободой отъ государственныхъ податей и повинностей. По своему хозяйственному положенію и по условіямъ крѣпостной службы этотъ классъ раздѣлялся на людей дворовыхъ, дѣловыхъ и задворныхъ: одни жили во дворахъ своихъ господъ, состоя въ домашнемъ услуженіи; другіе исправляли сельскія работы на господъ, живя въ ихъ сельскихъ усадьбахъ и на ихъ содержаніи; третьи, исправляя сельскія работы на господъ, получали отъ нихъ земельные участки въ пользованіе и жили особыми дворами, имѣя каждый свое особое хозяйство. Указы Петра о ревизіи постепенно подбирали одинъ за другимъ разные разряды холоповъ, предписывая заносить ихъ въ ревизскія сказки и класть въ подушный сборъ. Въ первомъ указѣ 26 ноября 1718 г. дано было неопредѣленное предписаніе заносить въ сказки всѣ души мужскаго пола, сколько ихъ окажется въ деревняхъ у землевладѣльцевъ, не различая крестьянъ и холоповъ. По указу 22 января 1719 г. велѣно было класть въ подушный сборъ наравнѣ съ крестьянами всѣхъ сельскихъ дѣловыхъ и задворныхъ людей, „которые имѣютъ свою пашню", а дѣловыхъ людей, которые своей пашни не имѣли, а только пахали на своихъ помѣщиковъ, предписано было заносить въ сказки особою статьей „для вѣдома": законодатель какъ будто еще колебался, не рѣшивъ, класть ли ихъ въ подушный сборъ. Но указомъ 5 января слѣдующаго года онъ, для предупрежденія утайки, предписалъ помѣщикамъ заносить въ сказки всѣхъ своихъ подданныхъ безъ различія, „какого они званія ни есть". Однако сенатъ, излагая въ своемъ указѣ это предписаніе, распространялъ

его только на тѣхъ дворовыхъ и прочихъ помѣщичьихъ подданныхъ, „которые живутъ въ деревняхъ“, не различая пашенныхъ людей и слугъ домовыхъ. Указомъ 23 августа 1721 г. велѣно было писать въ сказки людей кабальныхъ и „служившихъ на время по записямъ“, т.-е. слугъ жилыхъ, хотя бы они уже получили волю отъ своихъ господъ; но при этомъ сенатъ предписывалъ не требовать „до указа“ сказокъ о людяхъ, служившихъ господамъ своимъ въ ихъ московскихъ домахъ. Въ 1722 г. также нѣсколько разъ сенатъ подтверждалъ писать въ подушный сборъ только слугъ, живущихъ въ деревняхъ, пашенныхъ и непашенныхъ, а тѣхъ, которые служили въ городскихъ домахъ у свѣтскихъ господъ и духовныхъ властей, въ душевую разверстку по полкамъ не класть, а только писать для вѣдома. Наконецъ, резолюціей 19 января 1723 г. на докладъ одного изъ ревизоровъ Петръ предписалъ заносить въ сказки и класть въ подушный сборъ наравнѣ съ крестьянами всѣхъ слугъ, не различая пашенныхъ и непашенныхъ, сельскихъ и городскихъ дворовыхъ [1]). Такъ государственное тягло было распространено на всѣхъ холоповъ. Это равнялось законодательной отмѣнѣ древне-русскаго холопства, ибо существеннымъ юридическимъ отличіемъ его отъ крѣпостного крестьянства была свобода отъ государственнаго тягла. Изложенные указы Петра вносили въ положеніе холоповъ двоякую перемѣну, касавшуюся какъ государственнаго, такъ и гражданскаго права: они, во-первыхъ, упраздняли цѣлый классъ въ составѣ русскаго общества и, во-вторыхъ, превращали временныхъ холоповъ, кабальныхъ и жилыхъ, въ вѣчныхъ и потомственныхъ крѣпостныхъ тѣхъ господъ, за которыми ихъ записывали въ ревизскія сказки. Между тѣмъ такой важной перемѣны какъ будто никто не замѣтилъ въ XVIII вѣкѣ, хотя холопы составляли довольно многочисленный классъ: неизвѣстно, сколько насчитала ихъ первая

---

[1]) П. С. З., №№ 3287, 3481, 3492, 3817, 4023, 4026, 4145.

ревизія, но по синодскимъ вѣдомостямъ въ концѣ царствованія Анны дворовыхъ людей значилось 318,824 души мужского пола и 323,413 женскаго пола [1]). Это значитъ, что юридическая перемѣна, произведенная первою ревизіей, была подготовлена настолько, что никому не показалась новостью. Эта подготовка началась давно, но долго совершалась въ области экономическихъ, а не юридическихъ отношеній.

II.

Церковь и холопство.

Въ исторіи русскаго права трудно найти другой институтъ, который достигалъ бы такой юридической выработки и, вмѣстѣ, служилъ бы въ продолженіе многихъ вѣковъ такимъ могущественнымъ рычагомъ народнаго хозяйства, какъ холопство. Эту юридическую выработку и такое экономическое значеніе оно получило, благодаря своей гибкости, которая дѣлала его способнымъ принимать самыя тонкія и разнообразныя юридическія опредѣленія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, примѣняться къ измѣнчивымъ условіямъ народнаго хозяйства. Въ опытѣ о происхожденіи крѣпостного права въ Россіи пишущій эти строки пытался описать разнообразные юридическіе виды, на какіе развѣтвилось холопство съ начала XVI вѣка. Читатель могъ видѣть, какъ этимъ своимъ развѣтвленіемъ оно задержало свободный ростъ многочисленнаго класса владѣльческихъ крестьянъ, прививъ къ нему нѣкоторыя изъ своихъ юридическихъ особенностей. Исторія института усложнилась еще тѣмъ, что рядомъ съ юридическими видами холопства развивались виды экономическіе, посредствомъ которыхъ холопъ становился орудіемъ удовлетворенія самыхъ разнообразныхъ потребностей народнаго хозяйства. Этотъ экономическій процессъ, ранѣе начавшійся, завершился фактомъ не менѣе важнымъ, но

[1]) Соловьевъ: Ист. Россіи XX, 477.

противуположнымъ тому, къ какому привелъ процессъ юридическій. Кабальное холопство, развивавшееся изъ долгового обязательства посредствомъ усвоенія закладничествомъ нѣкоторыхъ началъ полнаго холопства, захватывая по мѣрѣ своего юридическаго развѣтвленія все болѣе широкій кругъ гражданскихъ отношеній, коснулось и ссудныхъ обязательствъ владѣльческаго крестьянства и, прививъ къ нимъ холопій принципъ, отказъ обязаннаго ссудой лица отъ права прекратить зависимость возвратомъ ссуды, помогло превратить эти обязательства въ крѣпостную зависимость. Напротивъ, экономическія условія страны заставили рабовладѣльцевъ направить рабочія силы холопства на такія операціи народнаго труда, которыми, главнымъ образомъ, поддерживалось государственное хозяйство, изъ которыхъ оно извлекало самыя надежныя свои средства. Это сблизило холоповъ въ экономическомъ отношеніи съ податнымъ населеніемъ государства, всего болѣе съ крестьянствомъ, а сходство экономическаго положенія поставило холопство въ одинаковыя съ крестьянствомъ отношенія къ государству. Прежде холопъ не имѣлъ непосредственной связи съ государствомъ, привязывался къ нему посредствомъ своего господина, не несъ на себѣ государственныхъ обязанностей, былъ отчужденъ отъ государства своимъ господиномъ; теперь, принявшись за крестьянскія занятія, холопство должно было принять на себя и государственныя повинности, лежавшія на крестьянахъ, что положило конецъ его юридическому существованію. Поэтому послѣдніе моменты обоихъ процессовъ, юридическаго и экономическаго, можно представить въ такой схемѣ: первый процессъ вовлекъ частныя отношенія владѣльческаго крестьянства въ сферу холопства крѣпостного рабовладѣльческаго права, а процессъ экономическій, наоборотъ, втянулъ холопство въ кругъ государственныхъ отношеній крестьянства. Этимъ послѣднимъ фактомъ и завершилась продолжительная подготовка юридическаго слиянія холоповъ съ владѣльческими крестьянами, закрѣп-

леннаго указами о первой ревизіи. Достойно вниманія значеніе двухъ высшихъ классовъ древнерусскаго общества въ обоихъ этихъ процессахъ. Въ процессѣ юридическомъ роль первоначальныхъ руководителей принадлежала свѣтскимъ землевладѣльцамъ, въ экономическомъ — землевладѣльцамъ церковнымъ: если первые много содѣйствовали отчужденію крестьянъ отъ государства посредствомъ распространенія на нихъ холопьихъ отношеній, то дѣломъ послѣднихъ была первоначальная подготовка холопства къ прямому служенію государству посредствомъ участія въ крестьянскихъ повинностяхъ. Первыхъ слѣдовъ этой подготовки надобно искать въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго права.

Въ концѣ VI вѣка византійскій императоръ Маврикій, наблюдая бытъ задунайскихъ славянъ, замѣтилъ, что они не обрекаютъ плѣнныхъ на вѣчное рабство, какъ дѣлаютъ другіе народы, но что по истеченіи извѣстнаго срока плѣнникъ у нихъ получаетъ право выкупаться на волю и воротиться на родину или остаться среди славянъ и жить вольнымъ человѣкомъ. У той вѣтви славянъ, которая вскорѣ послѣ Маврикія отлила на Днѣпръ, не замѣтно этого обычая. Въ договорахъ Руси съ греками X вѣка встрѣчаемъ условіе, по которому жители одной изъ договаривающихся странъ, попавшіе плѣнными въ другую, выкупались по установленной холопьей таксѣ или текущей „челядинной цѣнѣ“ и возвращались въ отечество. Но это условіе не доказываетъ того, что на Руси X вѣка дѣйствовалъ обычай, замѣченный Маврикіемъ у славянъ VI вѣка: это—условіе международнаго договора, вѣроятно, и внушенное греками, законодательство которыхъ признавало за купленнымъ плѣнникомъ право выкупаться на волю, заплативъ купившему его господину условную по взаимному соглашенію цѣну. Арабскій писатель X в. Ибнъ-Даста замѣчаетъ о руссахъ, что они хорошо обращаются съ рабами; но это черта русскихъ нравовъ, а не русскаго права того времени. Въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго права холопство является очень суро-

вымъ институтомъ съ рѣзко очерченными границами. Холопъ, ударившій свободнаго человѣка, еще при Ярославѣ I могъ быть убитъ безнаказанно потерпѣвшимъ; даже во времена Двинской уставной грамоты, въ концѣ XIV вѣка, законъ не рѣшался подвергать взысканію господина, отъ побоевъ котораго умиралъ холопъ. Русская Правда не различаетъ видовъ холопства: она знаетъ одно холопство обельное, т.-е. полное, вѣчное, потомственное и наслѣдственное: какъ зависимость холопа переходила отъ него въ его потомство, такъ и право на холопа передавалось господиномъ своимъ наслѣдникамъ. Успѣли выработаться довольно разнообразные источники холопства. Ихъ было два ряда: холопами дѣлались или по закону, или по договору, который въ иныхъ случаяхъ замѣнялся молчаливымъ согласіемъ вступавшаго въ холопство. Принудительное холопство по закону создавалось четырьмя случаями: 1) плѣномъ, 2) извѣстными преступленіями, за которыя законъ навсегда лишалъ преступника свободы, 3) несостоятельностью купца-должника по его винѣ, если кредиторы не согласились ждать уплаты долга, наконецъ, 4) происхожденіемъ отъ холопа. Добровольное холопство по договору создавалось тремя способами: 1) продажей въ холопство, 2) женитьбой на холопкѣ безъ уговора съ ея господиномъ, ограждающаго свободу лица, вступающаго въ такой бракъ, 3) вступленіемъ въ частную дворовую службу прикащикомъ или ключникомъ безъ таковаго же уговора слуги съ хозяиномъ. Питаясь такими разнообразными источниками, рабовладѣніе уже къ XI вѣку разлилось по русской землѣ широкимъ потокомъ и стало могущественною силой въ народномъ хозяйствѣ. Челядь стала одною изъ главныхъ статей, если не главной, русскаго торговаго вывоза; русскіе купцы обильно снабжали ею волжскіе и черноморскіе рынки; въ Царьградѣ около половины XI вѣка всякій хорошо зналъ торговую площадь, на которой пріѣзжіе руссы торговали челядью. При такомъ экономическомъ значеніи рабовладѣніе рано стало важною

политическою силой. Въ Руской Правдѣ встрѣчаемъ спеціальный терминъ, означавшій человѣка привилегированнаго класса въ отличіе отъ смерда, простолюдина: это—огнищанинъ. Въ нашей исторической литературѣ потрачено было много усилій, чтобы объяснить этотъ терминъ. Все затрудненіе состояло въ неизвѣстности древняго значенія слово огнище: одни толкователи разумѣли подъ нимъ выжженный лѣсъ, другіе очагъ, третьи княжескій дворъ. Между тѣмъ, изъ одного памятника русской письменности XI в. узнаемъ, что на литературно-юридическомъ языкѣ Руси того времени это слово имѣло спеціальное значеніе раба [1]). И такъ, огнищанинъ—рабовладѣлецъ. Во времена Руской Правды привилегированное значеніе огнищанина въ составѣ русскаго общества уже становилось анахронизмомъ: въ большей части русскихъ областей такое значеніе создавалось тогда не экономическимъ, а политическимъ условіемъ, не рабовладѣніемъ, а службой при дворѣ князя; человѣкомъ высшаго класса, господиномъ считался княжъ мужъ, занимавшій извѣстное положеніе въ военно-правительственной іерархіи княжескихъ слугъ. Очевидно, привилегированное значеніе огнищанина создалось въ то время, когда служба князю еще не давала слугѣ такого положенія въ обществѣ, когда господиномъ, бариномъ считался тотъ, кто имѣлъ своихъ слугъ, велъ свое хозяйство посредствомъ челяди. Этимъ объясняется, почему огнищане долѣе сохраняли свое привилегированное положеніе въ тѣхъ областяхъ Руской земли, гдѣ не было постоянныхъ князей, своей особой княжеской династіи, и гдѣ потому служба при дворѣ князя оказывала менѣе вліянія на складъ мѣстнаго общества. Такъ, въ Новгородѣ до конца XII в. огнищане остаются на

[1]) Въ одномъ изъ словъ Григорія Богослова, переведенныхъ въ Болгаріи и списанныхъ съ болгарской рукописи на Руси въ XI в. съ русскими вставками и передѣлками, словомъ огнище переведено греческое *ἀνδράποδον*, холопъ. Изв. И. акад. наукъ по отд. рус скаго языка и слов. 1855 г., т. IV, стр. 311.

вершинѣ мѣстной общественной лѣстницы, когда въ другихъ областяхъ ихъ мѣсто заступили уже княжіе мужи, служилые бояре.

Довольно трудно рѣшить, какое вліяніе оказали на русское рабовладѣніе тѣсныя торговыя связи Руси съ Византіей и особенно русская торговля рабами. Договоры Руси съ греками X в. представляютъ очень искусное сочетаніе византійскаго и русскаго права, приноровленное къ потребностямъ и юридическимъ понятіямъ обѣихъ договаривавшихся сторонъ. Эти договоры предусматриваютъ и разрѣшаютъ нѣкоторыя столкновенія, которыя могли возникать между Русью и греками изъ-за челяди. Такимъ образомъ, русское рабовладѣніе приходило въ непосредственное соприкосновеніе съ греко-римскимъ правомъ. Въ старинныхъ русскихъ памятникахъ встрѣчаемъ указанія на то, что дѣйствительныя юридическія границы древняго русскаго холопства были шире тѣхъ, какія обозначены въ Русской Правдѣ. Послѣдняя говоритъ только о томъ случаѣ продажи въ холопство за долги, когда кредиторы не захотятъ отсрочить уплаты долга купцу, ставшему несостоятельнымъ по собственной винѣ. Но въ одномъ поученіи несомнѣнно русскаго и очень древняго происхожденія, близкаго ко времени Русской Правды, если ей не современнаго, въ словѣ на первую недѣлю Великаго поста, которое надписано именемъ св. Кирилла, проповѣдникъ, обличая немилостивыхъ заимодавцевъ, замѣчаетъ: „вижу бо многи бьюща дружину свою (братію свою, православныхъ соотечественниковъ) изъ беззаконныхъ накладовъ, дондеже продадятся поганымъ“ [1]). Значитъ, всякій неисправный должникъ, даже тотъ, котораго „беззаконные наклады“, т.-е. лихвенные проценты, лишали возможности расплатиться съ заимодавцемъ, могъ быть проданъ въ рабство и притомъ за границу, некрещеннымъ сосѣдямъ Руси. И въ Русской Правдѣ можно найти косвен-

---

[1]) Прибавленіе къ творенію святыхъ отцовъ, ч. 17, стр. 45.

ное указаніе на дѣйствіе этого общаго закона; по крайней мѣрѣ, можно считать его послѣдствіемъ то постановленіе, по которому закупъ, наемный работникъ-должникъ, пытавшійся бѣжать отъ своего хозяина-заимодавца, не расквитавшись съ нимъ, обращался въ его полнаго холопа: законъ признавалъ его неоплатнымъ должникомъ. Былъ ли этотъ общій законъ самобытнымъ и исконнымъ установленіемъ русскаго права, возникъ ли онъ самобытно, но въ болѣе поздніе времена подъ вліяніемъ привилегированнаго положенія, занятаго богатыми рабовладѣльцами-огнищанами, или, наконецъ, онъ имѣетъ какую-либо связь, прямую или посредственную, съ извѣстными древне-римскими законами о порабощеніи неоплатныхъ должниковъ, перешедшими и въ византійское законодательство съ нѣкоторыми измѣненіями,— на всѣ эти вопросы трудно дать рѣшительный отвѣтъ. То же замѣчаніе примѣнимо и къ нѣкоторымъ статьямъ Русской Правды о холопствѣ, представляющимъ большее или меньшее сходство съ постановленіями византійскаго законодательства. Впрочемъ, разсматривая вліяніе христіанской церкви на русское рабовладѣніе, встрѣчаемъ въ послѣднемъ одну особенность, о которой съ бо̀льшою вѣроятностью можно думать, что она создалась подъ вліяніемъ византійскаго рабовладѣльческаго права и, притомъ, еще до водворенія христіанства на Руси.

Церковь произвела въ положеніи русскаго холопства такой рѣшительный переломъ, котораго одного было бы достаточно, чтобы причислить ее къ главнымъ силамъ, созидавшимъ древнерусское общество. Она, во-первыхъ, установила случаи обязательнаго дарового отпуска холоповъ на волю. Такихъ случаевъ было три: 1) раба, прижившая дѣти съ своимъ господиномъ, обязательно освобождалась послѣ его смерти вмѣстѣ съ прижитыми отъ него дѣтьми; 2) свободный человѣкъ, совершившій насиліе надъ чужою рабой, этимъ самымъ дѣлалъ ее свободной; 3) холопъ или раба, которымъ причинено увѣчье по винѣ ихъ господина, выходили на волю.

Участіе духовенства въ установленіи перваго случая обличается тѣмъ, что въ Русской Правдѣ онъ отнесенъ къ числу постановленій семейнаго права, которое со времени введенія христіанства на Руси регулировалось преимущественно духовенствомъ. Этотъ случай представляетъ своеобразный опытъ примѣненія нормъ и понятій римскаго и церковнаго права къ туземнымъ русскимъ семейнымъ нравамъ. Въ римскомъ правѣ съ тонкою казуистическою логикой опредѣлена была зависимость положенія дѣтей отъ юридическаго состоянія родителей и въ частности отъ состоянія матери въ моментъ зачатія или рожденія дитяти, если это состояніе измѣнялось въ промежутокъ обоихъ моментовъ. Это опредѣленіе основывалось на возможности или невозможности законнаго союза вступавшихъ въ связь лицъ разныхъ юридическихъ состояній, на которыя дѣлилось населеніе римскаго государства. Здѣсь дѣйствовало правило: если родители принадлежали къ различнымъ состояніямъ, между которыми законъ допускалъ правильные брачные союзы, то дѣти наслѣдовали состояніе отца, въ противномъ случаѣ—состояніе матери. Такъ, не допускался законный бракъ свободнаго лица съ несвободнымъ; потому дѣти свободнаго и рабы становились рабами, дѣти свободной и раба—свободными. Съ другой стороны, положеніе дѣтей отъ законнаго брака опредѣлялось юридическимъ состояніемъ родителей въ минуту зачатія; напротивъ, дѣти отъ незаконнаго брака вступали въ состояніе, опредѣлявшееся положеніемъ родителей въ минуту ихъ рожденія. Римская гражданка, сдѣлавшаяся рабой во время беременности, рождала римскаго гражданина, если беременность была плодомъ законнаго союза, или холопа, если связь была незаконной. Напротивъ, раба, ставшая беременной отъ римскаго гражданина и отпущенная на волю до разрѣшенія отъ бремени, рождала свободнаго. Всѣ эти постановленія имѣли большую цѣну въ римскомъ обществѣ, охраняя такіе важные интересы, какъ право римскаго гражданства, право собственности на раба и пространство отеческой власти.

для нашего вопроса особенно важна въ нихъ одна черта: связь свободныхъ лицъ съ несвободными, вліяя на положеніе дѣтей, не измѣняла состоянія несвободныхъ родителей. Незаконно зачатый сынъ римской гражданки являлся на свѣтъ рабомъ того господина, чьей невольницей становилась его мать въ промежутокъ между его зачатіемъ и рожденіемъ; но раба, родившая отъ свободнаго, вслѣдствіе этого не становилась свободной. Тѣ изъ этихъ постановленій, которыя сохранили силу и послѣ закона 212 г., распространившаго право римскаго гражданства на все свободное населеніе римской имперіи, были усвоены и законодательствомъ византійскихъ императоровъ съ нѣкоторыми поправками въ пользу свободы [1]). Согласно съ отмѣченною чертой этихъ постановленій въ Эклогѣ, византійскомъ кодексѣ VIII вѣка, находимъ статью, повторенную и въ Прохиронѣ, кодексѣ IX вѣка, по которой свободный человѣкъ, вступившій въ связь съ чужою рабой, долженъ былъ заплатить за то ея господину 36 золотыхъ (солидовъ), если былъ человѣкъ зажиточный, или подвергался тѣлесному наказанію и платилъ, сколько могъ, если былъ человѣкъ небогатый; но юридическое положеніе самой рабы оставалось прежнимъ [2]). Христіанская церковь, признавая эти постановленія, оставалась равнодушна къ языческимъ институтамъ, ими охраняемымъ, и старалась поставить подъ ихъ защиту болѣе близкіе ей интересы. Такъ, ея вліяніе можно подозрѣвать въ статьѣ, встрѣчаемой въ упомянутыхъ византійскихъ кодексахъ, которая, охраняя чистоту семейныхъ отношеній насчетъ права собственности на несвободное лицо, конфисковала рабу, ставшую наложницей своего женатаго господина: мѣстный управитель обязанъ былъ продать такую

---

[1]) Ср. Gai: Instit. I, 80—92 и Zachariae: Prochiron, tit. XXXIV, c. 5—7.

[2]) Эклога по изд. Цахаріэ, тит. XVII, ст. 22. Прохир., т. XXXIX, ст. 61.

соперницу домохозяйки за предѣлы области въ пользу казны [1]). Посредствомъ брачнаго же союза, т.-е. при вѣроятной помощи того же церковнаго вліянія, въ греко-римскомъ правѣ если не возникъ, то утвердился новый способъ отпуска на волю, незнакомый древнеримскому праву и противный его духу. По одной статьѣ Прохирона, бракъ свободнаго человѣка съ чужою рабой, которую господинъ ея выдавалъ за свободную или которой онъ намѣренно не помѣшалъ выйти за свободнаго, считался правильнымъ, какъ союзъ свободныхъ лицъ: законъ признавалъ такую рабу свободной по акту молчаливаго освобожденія [2]). По другой статьѣ свободный человѣкъ, купившій плѣнницу и вступившій съ нею въ союзъ, какъ съ женой, этимъ самымъ дѣлалъ ее свободной: законъ возвращалъ ей утраченную плѣномъ свободу безъ вознагражденія покупателя въ силу юридическаго предположенія, что выкупившій ее господинъ актомъ союза съ ней молчаливо прощалъ ей стоимость выкупа [3]). Въ византійскомъ обществѣ римское право оставляло мало простора преобразовательнымъ стремленіямъ церкви. Гораздо свободнѣе дѣйствовала она тамъ, гдѣ не встрѣчала такого стѣсненія. Греко-римское право сурово преслѣдовало брачную и внѣбрачную связь свободнаго лица съ несвободнымъ. По закону императора Клавдія, римская гражданка, вышедшая замужъ за чужого раба безъ позволенія его господина, сама становилась рабой послѣдняго, а законъ императора Константина Великаго даже осуждалъ на смерть женщину, вышедшую замужъ за собственнаго раба. По статьѣ Прохирона, бездѣтную вдову, вступившую въ связь со своимъ рабомъ, подвергали тѣлесному наказанію и остригали, а раба, сверхъ того, продавали въ пользу казны: если же вдова имѣла законныхъ дѣтей, къ послѣднимъ тотчасъ переходило все ея

---

[1]) Эклога, XVII, 21. Прохир., XXXIX, 60.

[2]) Σιωπηρὰ ἐλευθερία. Прохир., XXXIV, 14.

[3]) Тамъ же V, 4; ὡς προλήψει (ex praesumptione) δοκῶν αὐτῇ συγχωρεῖν τὸ τίμημα.

имущество вмѣстѣ съ суммой, вырученной отъ продажи раба. Эта статья повторена и въ извлеченной изъ Прохирона уголовной части компиляціи, которая была составлена для южныхъ или, можетъ быть, для русскихъ славянъ и извѣстна была въ древнерусской юридической письменности подъ названіемъ Книгъ Законныхъ; но здѣсь вслѣдъ за изложеннымъ постановленіемъ Прохирона составитель помѣстилъ оригинальную статью, по которой вступленіе вдовы въ законный бракъ со своимъ рабомъ не подвергало ни ея самой, ни раба никакому наказанію, а только сопровождалось для нея обычными послѣдствіями, какія по Прохирону влекъ за собою бракъ вдовы со свободнымъ человѣкомъ [1]). Это былъ довольно смѣлый протестъ воспитаннаго на греко-римскомъ правѣ духовенства противъ греко-римскаго общественнаго строя во имя христіанскаго равенства людей. Хотя переводы Эклоги и Прохирона съ ихъ статьей о связи женатаго господина со своею рабой помѣщались въ древнерусскихъ Кормчихъ и эта статья нашла себѣ мѣсто въ другой славянской компиляціи, извѣстной подъ названіемъ Закона Суднаго людемъ и довольно распространенной въ древнерусской письменности, однако, въ древней Руси не замѣтно дѣйствія постановленія, предписывавшаго продавать рабу на сторону за связь съ своимъ женатымъ господиномъ. Легкія отношенія женатыхъ и холостыхъ рабовладѣльцевъ къ своимъ невольницамъ, господствовавшія въ языческой Руси, продолжались и по принятіи христіанства. Если по лѣтописнымъ извѣстіямъ о Святославовомъ сынѣ Владимірѣ можно судить объ отношеніяхъ частнаго общежитія на Руси X вѣка, робичичи, дѣти свободнаго отъ невольницы, въ языческое время не отличались юридически отъ дѣтей рожденныхъ свободною матерью, хотя разборчивыя невѣсты подобно Рогнѣдѣ могли предпочитать свободно-

---

[1]) См. превосходное изданіе Книгъ Законныхъ съ греческимъ текстомъ А. С. Павлова, стр. 26 и 69.

рожденныхъ жениховъ. У духовенства въ первое время христіанской жизни Руси не было средствъ дѣйствовать прямо противъ неопрятныхъ отношеній къ невольницамъ, глубоко укоренившихся въ нравахъ страны. Оно подступило къ нимъ осторожно, со стороны и съ большимъ умѣньемъ. Щадя мѣстныя привычки и не покидая принесенныхъ изъ Византіи понятій о значеніи общественныхъ состояній въ брачныхъ отношеніяхъ, оно не настаивало на конфискаціи рабы за связь съ женатымъ хозяиномъ и не требовало согласно съ статьей Прохирона о наложницахъ [1]), чтобы неженатый закрѣплялъ свою связь съ рабой женитьбой на ней. Оно не разрывало связи насильственно и оставляло рабу при господинѣ до его смерти; но, примѣняя къ ней греко-римскую презумпцію молчаливаго освобожденія, оно требовало, чтобы по смерти господина раба выходила на волю, право на которую она пріобрѣтала своею связью съ нимъ, а примѣняя къ плодамъ этой связи римское правило, по которому юридическое состояніе незаконнозачатыхъ дѣтей опредѣлялось юридическимъ состояніемъ ихъ матери въ минуту ихъ рожденія, а не зачатія, оно настояло на признаніи и за прижитыми отъ господина дѣтьми права слѣдовать за выходившею на волю матерью. Послѣдовательно развивая ту же презумпцію, русское духовенство прилагало ее и къ случаямъ насилія, совершеннаго свободнымъ человѣкомъ надъ чужою рабой, независимо отъ того, сопровождалась ли такая насильственная связь извѣстнымъ послѣдствіемъ, или нѣтъ: потерпѣвшая тотчасъ становилась свободной, т.-е. обидчикъ обязанъ былъ выкупить ее на волю. Но Русская Правда не договорила всего, сказавъ, что „робьи дѣти“ свободнаго человѣка, не участвуя въ наслѣдствѣ, выходятъ на волю вмѣстѣ съ матерью. Духовенство пошло еще далѣе въ своемъ человѣколюбивомъ и нравовоспитательномъ стремленіи и позаботилось о матеріальномъ обезпеченіи такихъ

---

[1]) Тит. IV, стр. 26.

ніси по смерти ихъ отца. Въ византійскомъ законодательствѣ было очень точно опредѣлено, какую часть отцовскаго состоянія и въ какихъ случаяхъ могли получить незаконныя дѣти съ своею матерью по завѣщанію и по закону: по завѣщанію, при законныхъ дѣтяхъ, они могли получить не болѣе одной унціи, т.-е. $^1/_{12}$ отцовскаго состоянія, при отсутствіи законныхъ дѣтей и близкихъ родственниковъ завѣщателя, родителей или братьевъ, даже все состояніе, при такихъ родственникахъ не болѣе половины его: по закону, при законныхъ дѣтяхъ не болѣе $^1/_{24}$, при отсутствіи ихъ и близкихъ родственниковъ, а также и законной жены $^1/_6$, въ противномъ случаѣ $^1/_{24}$. Руководствуясь этими постановленіями, русское духовенство установило „урочную прелюбодѣйную часть“, которая обязательно выдавалась „рабочичищамъ“, т.-е. дѣтямъ рабы, изъ имущества прижившаго ихъ господина ихъ матери [1]).

Оба изложенные случая обязательнаго отпуска несвободныхъ людей на волю представляютъ тотъ интересъ, что вскрываютъ процессъ прививки руками духовенства греко-римскихъ юридическихъ понятій къ русскому обществу. Въ другомъ отношеніи характеренъ третій случай. По византійскимъ законамъ, смерть раба отъ побоевъ господина безъ намѣренія убить его оставалась безнаказанною. Изъ Двинской уставной грамоты 1397 года знаемъ, что также относилось къ этому случаю и древнерусское право. Но холопа, вынужденнаго прибѣгнуть подъ защиту церкви жестокостью господина, послѣдній, по византійскимъ законамъ, обязанъ былъ продать. Русское духовенство поступило рѣшительнѣе и нашло себѣ опору въ болѣе отдаленномъ источникѣ права. Въ упомянутомъ выше Законѣ Судномъ, компиляціи, составленной для болгаръ вскорѣ по обращеніи ихъ въ христіанство, рядомъ съ извлеченіями изъ Эклоги помѣщались

---

[1]) См. схолію къ 24 ст. XXXIII тит. Эпанагоги по изд. Цахаріэ. Уставъ кн. Всеволода въ Ист. Русск. Церкви митр. Макарія, изд. 2, т. II, стр. 383.

и статьи, заимствованныя изъ Моисеева законодательства. Въ числѣ этихъ статей встрѣчаемъ взятое изъ книги Исходъ постановленіе, которое обязывало господина, выколовшаго глазъ или выбившаго зубъ своему холопу или рабѣ, освободить ихъ. Въ древнерусскихъ юридическихъ памятникахъ не находимъ подобнаго постановленія, но судебная практика уже во второй половинѣ XI в. знала правило, что увѣчье холопа по винѣ господина даетъ первому право на свободу. Въ извѣстномъ сказаніи мниха Іакова о св. князьяхъ Борисѣ и Глѣбѣ читаемъ разсказъ о тяжбѣ, рѣшенной судомъ около времени перенесенія ихъ мощей въ новую церковь, въ 1072 г. Въ городѣ Дорогобужѣ госпожа заставила рабу работать въ праздникъ Николая Чудотворца. Святые князья, явившись рабѣ, наказали ее за это болѣзнью: она пролежала мѣсяцъ въ разслабленіи и послѣ не могла работать, потому что у нея отнялась рука. Госпожа прогнала ее, а вмѣсто нея поработила ея сына, родившагося, когда мать была еще вольной. Мать принесла жалобу въ судъ, который приговорилъ освободить обоихъ безъ возврата денегъ, заплаченныхъ за рабу, „занеже по неволи дѣлавши, казнь пріяла есть", т.-е. потому, что раба потерпѣла увѣчье вслѣдствіе невольной работы, а не по своей винѣ [1]). Изъ этого видно, что духовенство на Руси не держалось педантически византійскаго законодательства, но, когда находило возможнымъ, шло дальше его въ установленіи согласныхъ съ христіанствомъ общественныхъ отношеній, ища опоры въ другихъ признанныхъ церковью источникахъ права.

Другое нововведеніе, которымъ русское рабовладѣніе было обязано духовенству, состояло въ установленіи принудительнаго выкупа холоповъ на волю. Эта перемѣна вводилась въ тѣсной связи съ первой и повидимому,

[1]) Сказаніе Іакова въ Чт. Общ. Ист. и Др. Росс. 1870 года., кн. I, л. 12.

удалась даже раньше ея, какъ болѣе простая и доступная юридическому сознанію Руси того времени. Въ извѣстныхъ вопросахъ Кирика, памятникѣ XII в., есть мѣсто, бросающее тусклый свѣтъ на борьбу, выдержанную русскимъ духовенствомъ съ мѣстными обычаями и понятіями въ дѣлѣ преобразованія туземнаго рабовладѣльческаго права. Кирикъ жаловался новгородскому епископу Нифонту, что многіе открыто живутъ съ наложницами, а другіе тайно грѣшатъ съ своими холопками, и спрашивалъ: что лучше?—И то, и другое худо,—отвѣчалъ владыка.—Не отпускать ли такихъ холопокъ на волю?—спрашивалъ далѣе Кирикъ.—Здѣсь нѣтъ такого обычая, отвѣчалъ епископъ, лучше заставить такого господина продать рабу, что и другимъ послужитъ урокомъ [1]). Итакъ, около половины XII в. среди духовенства, возмущеннаго легкостью отношеній русскихъ господъ къ своимъ холопкамъ, была въ ходу мысль о принудительномъ освобожденіи невольницъ-наложницъ еще при жизни ихъ господъ; но мѣстный обычай былъ противъ этого. Епископъ Нифонтъ не надѣялся на успѣхъ дарового освобожденія и предлагалъ принудительную продажу, какъ предостереженіе для распущенныхъ господъ. Эта мѣра могла найти оправданіе въ византійскомъ законодательствѣ, которое давало церкви право требовать прибѣгнувшаго подъ ея защиту холопа, если господинъ истязалъ его не въ мѣру, или морилъ голодомъ, или склонялъ къ постыдному поступку [2]). И мысль Нифонта не имѣла успѣха. Изъ Русской Правды, соста-

[1]) Русск. Ист. Библ., VI, 42: „а лѣпше иного человѣка вскупити, абы ся и другая на томъ казнила“. Иного человѣка вскупити значить или заставить, подговорить другого купить рабу у невоздержнаго господина, или выкупить ее у иного изъ такихъ господъ на счетъ церкви, въ обоихъ случаяхъ противъ воли господина.

[2]) Излагаемъ это постановленіе, какъ оно приведено въ Пирѣ, составленномъ около половины XI в. сводѣ приговоровъ и юридическихъ мнѣній византійскаго судьи Евстаѳія (Zachariae: Jus graeco-rom., I, tit. XXVIII, c. 13).

вленіе которой закончилось немного позднѣе смерти этого епископа, узнаемъ, что практика приняла среднюю мѣру: раба съ дѣтьми, прижитыми отъ ея господина, отпускалась на волю по смерти его, получая „урочную прелюбодѣйную часть“ изъ его имущества. Духовенство могло достигнуть этого въ XIIв. тѣми же церковными средствами, какими митрополитъ Іоаннъ II въ XI в. указывалъ отучать русскихъ отъ обычая, купивъ некрещенныхъ холоповъ и крестивъ ихъ, продавать язычникамъ: онъ совѣтовалъ духовенству дѣйствовать на такихъ работорговцевъ „наученьемъ и наказаньемъ многимъ“, даже церковнымъ отлученіемъ непослушныхъ [1]). Но неудавшаяся мысль Нифонта несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что общее юридическое правило, которое онъ пытался примѣнить къ извѣстному отношенію, уже дѣйствовало: если взамѣнъ мѣры, предложенной Кирикомъ и несогласной съ господствовавшими обычаями, онъ находилъ возможнымъ принуждать невоздержныхъ господъ продавать своихъ невольныхъ наложницъ въ другія руки, то можно думать, что къ половинѣ XII в. принудительная продажа рабовъ успѣла войти въ рядъ обычныхъ явленій русской юридической жизни. Греко-римское право знало два случая принудительнаго отчужденія холоповъ съ вознагражденіемъ владѣльцевъ. Императоръ Антонинъ предписалъ начальникамъ провинцій принуждать господъ продавать своихъ рабовъ, прибѣгавшихъ въ храмы или къ статуямъ государей съ жалобами на жестокое обращеніе съ ними, если по слѣдствію жалобы оказывались справедливыми [2]). Византійское законодательство требовало, чтобы принудительная продажа рабовъ, прибѣгавшихъ подъ защиту церкви съ такими жалобами, производилась разборчиво, съ соблюденіемъ предосторожностей, которыя бы обезпечивали продаваемымъ болѣе мягкое обращеніе со стороны новыхъ вла-

[1]) Русск. Ист. Библ., VI, 12. Успѣхомъ этой мѣры объясняется позднѣйшая передѣлка Нифонтова отвѣта, который въ нѣкоторыхъ спискахъ читается такъ: „сдѣ есть обычай таковъ“.

[2]) Gai, I, 53.

дѣльцевъ. На Руси принудительная продажа холоповъ за жестокое обращеніе съ ними не привилась, рано замѣнившись даровымъ отпускомъ раба въ случаѣ увѣчья по винѣ господина. Повидимому, большій успѣхъ имѣлъ другой случай такого отчужденія—выкупъ холопомъ самого себя на волю. Греко-римское право признавало особое несвободное состояніе временнаго и условнаго характера, которое можно назвать рабствомъ по плѣну. Свободный человѣкъ, взятый въ плѣнъ непріятелемъ, считался рабомъ и въ своемъ отечествѣ. Тогда всѣ права, которыми онъ пользовался на родинѣ, пріостанавливались до его возвращенія. Но если его выкупалъ изъ плѣна соотечественникъ, онъ становился въ личную зависимость отъ послѣдняго съ правомъ прекратить ее, заплативъ условленную между ними сумму. Если онъ не былъ въ состояніи заплатить ее, онъ оставался у выкупившаго какъ бы наемнымъ работникомъ, и тогда судебнымъ порядкомъ опредѣлялось, по скольку зачитывать ему въ счетъ выкупной суммы каждый .годъ работы. Далѣе, были рабы, составлявшіе общую собственность нѣсколькихъ владѣльцевъ. Если одинъ изъ нихъ хотѣлъ отпустить такого раба на волю, остальные совладѣльцы обязаны были продать свои доли въ рабѣ освободителю или его наслѣднику. Освободитель могъ и освобождаемаго написать своимъ наслѣдникомъ, и тогда рабъ самъ выкупалъ себя у прочихъ совладѣльцевъ [1]). Одно обстоятельство должно было помочь успѣшному примѣненію къ русскому рабовладѣльческому праву выраженнаго въ этихъ византійскихъ узаконеніяхъ права холопа въ извѣстныхъ случаяхъ самому выкупать свою свободу. Завоеваніе непокорныхъ туземныхъ племенъ русскими князьями въ IX и X вв. и княжескія усобицы XI и XII вв. вели къ тому, что въ этотъ продолжительный періодъ времени русскій невольничій рынокъ наводнялся холопами изъ туземныхъ плѣнниковъ. Къ этимъ плѣннымъ туземнымъ рабамъ, которыхъ побѣдител

[1]) Эклога, VIII, 6. Прохиронъ, XXXIV, 9.

послѣ похода продавали своимъ соотечественникамъ, вполнѣ шло византійское постановленіе о выкупленномъ плѣнникѣ. Пользуясь этимъ, духовенство, повидимому, успѣло дать довольно широкое дѣйствіе принудительному выкупу самими холопами своей свободы. Слѣды этого успѣха, правда, недостаточно ясные, сохранились въ одномъ русскомъ памятникѣ очень древняго происхожденія, содержащемъ наставленіе духовнику о принятіи кающихся [1]). Этотъ памятникъ настойчивѣе всего вооружается противъ одного зла, распространеннаго въ русскомъ обществѣ,—противъ взиманія изгойства. Юридическое и нравственное значеніе этого термина въ древнерусскомъ обществѣ создалось также при участіи духовенства посредствомъ проводимаго послѣднимъ вліянія византійскаго рабовладѣльческаго права на русское. Изгоемъ въ древней Руси назывался, между прочимъ и даже преимущественно, холопъ, выкупившійся на волю. Въ византійскомъ законодательствѣ на случай выкупа отпускаемаго на волю общаго раба у совладѣльцевъ была установлена такса, по которой цѣны рабовъ опредѣлялись ихъ возрастомъ и качествомъ работы, къ какой они были способны. Путемъ торговыхъ сношеній съ Византіей русскіе рано познакомились съ этою таксою, и она съ измѣненіями вводилась въ ихъ договоры съ греками, служа руководствомъ при обоюдостороннемъ выкупѣ плѣнниковъ [2]). Въ договорѣ Игоря, между прочимъ, было поставлено условіе, что русскихъ плѣнниковъ, попавшихъ въ неволю къ грекамъ, Русь выкупаетъ, платя по десяти золотыхъ за каждаго; если же владѣлецъ русскаго плѣнника пріобрѣлъ его куплей, ему платили по его показанію подъ присягой, за сколько онъ самъ купилъ его. Вооружаясь противъ барышничества рабами, духовенство настойчиво проводило и на русскомъ невольничьемъ рынкѣ правило, что при продажѣ холопа не слѣдуетъ брать больше

[1]) Русск. Ист. Библ., VI, 835—846.

[2]) Прохир., XXXIV, 11, Лаврент. лѣт., 35 и 49.

того, что за него заплачено. Оно немолчно твердило, что барышничать челядью, „прасолить живыми душами“—великій, непростительный грѣхъ, пагуба для души прасола. Прибавка къ покупной цѣнѣ при выкупѣ раба на волю, т.-е. при переходѣ его въ состояніе изгоя, и называлось изгойствомъ. Наставленіе духовнику различаетъ 4 случая такого прасольства. Одинъ изъ нихъ, когда хозяинъ продавалъ холопа дороже, чѣмъ купилъ, не возбуждаетъ недоумѣній; здѣсь не было мѣста изгойству, потому что холопъ оставался холопомъ, только мѣнялъ господина, не становясь изгоемъ. Труднѣе объяснить два другіе случая. Наставленіе вооружается противъ тѣхъ, кто бралъ изгойство „на искупающихся отъ работы“, т.-е. изъ рабства; потомъ оно предписываетъ, чтобы тотъ, кто „выкупается на свободу“, давалъ за себя столько же, сколько было заплачено за него. Нѣкоторые признаки перваго случая, отмѣченные памятникомъ, даютъ возможность отличать его отъ второго, который при первомъ взглядѣ кажется его повтореніемъ. Владѣльцевъ, которые брали изгойство съ „искупающихся отъ работы“, наставленіе порицаетъ за то, что они не довольствуются „цѣною уреченной“ и, чтобы добиться большаго, губятъ не только свои души, но и души свидѣтелей, помогающихъ ихъ злобѣ, и даже вовлекаютъ судей въ свои злыя дѣла мздою и дарами. Значитъ, чтобы взять съ выкупавшагося больше цѣны уреченной, владѣльцу надобно было съ нимъ судиться, выставлять лжесвидѣтелей и подкупать судей. Подъ „цѣною уреченной“ можно разумѣть только цѣну, за которую выкупавшійся уговорился нѣкогда продаться въ рабство; слѣдовательно, рѣчь идетъ о холопѣ, который самъ продался своему господину, бывъ прежде свободнымъ. Отсюда слѣдуетъ, что свободные люди, продававшіеся въ холопство, сохраняли право выкупаться, возвративъ господину полученную ими при продажѣ сумму. Это было въ духѣ византійскаго законодательства, которое, стѣсняя право свободныхъ людей располагать своею личностью, вмѣстѣ съ тѣмъ, поддерживало

право ихъ выкупа въ случаѣ потери ими свободы. Если можно такъ понимать объясняемое мѣсто наставленія, то подъ „выкупающимися на свободу“ этотъ памятникъ разумѣлъ холоповъ, которые родились несвободными; они не имѣли права выкупа, а могли выкупаться только съ согласія господина, чѣмъ и отличались отъ холоповъ свободнорожденныхъ. Право выкупа совершенно измѣняло юридическій характеръ продажи свободнаго человѣка въ рабство: она превращалась въ долговое обязательство, которымъ создавалось временно-обязанное состояніе, прекращаемое по волѣ должника уплатой долга. Этимъ положено было начало широко развившимся впослѣдствіи сдѣлкамъ о срочной или безсрочной зависимости, обусловленной личнымъ закладомъ и образовавшей въ удѣльное время состояніе закладней, а въ XVII вѣкѣ жилое холопство. Слѣды такихъ сдѣлокъ можно найти уже въ позднихъ частяхъ Русской Правды. Перечисливъ главные источники полнаго холопства, она обозначаетъ три источника срочной зависимости, которой не признаетъ холопствомъ: это отдача дѣтей родителями въ работу и вступленіе свободнаго чловѣка въ услуженіе за одинъ прокормъ или за прокормъ съ придаткомъ, платой, выдаваемой впередъ въ видѣ ссуды [1]). Всѣ эти виды зависимости Правда характеризуетъ одною чертой, имъ общей; дослу-

[1]) „А вдачъ не холопъ, ни по хлѣбѣ роботятъ, ни по придатцѣ“. Въ числѣ русскихъ прибавленій къ Закону Судному есть двѣ статьи, изъ которыхъ одна согласно съ Русскою Правдой говоритъ, что свободный человѣкъ, въ голодное время отдавшійся въ работу за прокормъ, не долженъ считаться холопомъ и можетъ всегда уйти отъ хозяина, заплативъ ему три гривны, а другая примѣняетъ то же условіе ко вдачу особаго рода—къ дитяти проданнаго несостоятельнаго должника, которое отдано заимодавцами на воспитаніе. П. С. Р. Лѣт., VI, 81 и 82. Въ требованіи права выкупа для вдача духовенство могло опираться на законодательство римскихъ императоровъ, въ томъ числѣ и Константина, которые или запрещали продажу дѣтей, или выговаривали для нихъ право выкупа. Wallon: „Histoire de l'esclavage dans l'antiquité“, III, 52 и 437.

живъ до условленнаго срока, слуга свободно отходилъ отъ хозяина, ничего не платя ему; но онъ могъ уйти и до срока, возвративъ ссуду или заплативъ по условію за прокормъ. Любопытно, что ни въ Русской Правдѣ, ни въ другихъ памятникахъ русскаго права тѣхъ вѣковъ, когда, благодаря внутреннимъ усобицамъ и внѣшнимъ бѣдствіямъ, плѣнъ служилъ обильнымъ источникомъ рабства, лишавшимъ свободы множество туземцевъ, не находимъ прямыхъ указаній на условія именно этого вида холопства, несомнѣнно помогшаго духовенству ввести въ русское рабовладѣніе право выкупа изъ холопства въ извѣстныхъ случаяхъ, т.-е. принципъ условной зависимости. Это молчаніе памятниковъ права можно объяснить развѣ тѣмъ, что положеніе плѣннаго холопства на Руси тогда опредѣлялось не столько правомъ, сколько измѣнчивыми политическими отношеніями, внутренними и внѣшними. Эти отношенія складывались такъ, что и независимо отъ законодательныхъ постановленій русскій плѣнникъ, попавшій въ холопство къ соотечественнику, не терялъ возможности выйти на волю. Въ лѣтописяхъ иногда попадаются замѣтки, что во внутренней усобицѣ побѣдители набрали много полона и взяли за него большой окупъ. Въ мирныхъ договорахъ ссорившихся князей XIV и XV вв. обыкновенно помѣщалось условіе о взаимномъ возвратѣ плѣнныхъ. Въ иныхъ договорахъ это условіе принимало характерныя формы. По грамотѣ 1433 г. князь можайскій Иванъ обязывался воротить князю галицкому Юрію полонъ, захваченный въ его княжествѣ во время усобицы: „а кто будетъ того полону,—сказано далѣе въ актѣ отъ лица Юрія,— запроданъ за рубежъ или индѣ гдѣ, и тебѣ тотъ полонъ выкупити весь да отдати мнѣ“. Въ договорѣ того же года князь рязанскій Иванъ обязуется собрать и возвратить Юрію всѣхъ захваченныхъ рязанскою ратью галицкихъ плѣнниковъ, даже тѣхъ, которые уже были проданы его ратниками въ другія руки. Въ 1408 г. Эдигей вывелъ изъ Московскаго княжества огромный полонъ, часть котораго попала въ Рязанскую землю.

Въ томъ же договорѣ съ Юріемъ рязанскій князь обязуется тѣхъ изъ этихъ плѣнниковъ, которые были куплены рязанцами и оставались въ неволѣ, освободить, взявъ съ нихъ окупъ [1]). Побѣдители спѣшили взять съ захваченныхъ плѣнныхъ окупъ и отпустить ихъ, продавая дома или на сторону только тѣхъ, кто не могъ выкупиться: спѣшить этимъ ихъ побуждало то, что по договорамъ послѣ усобицъ плѣнные, остававшіеся не проданными у бояръ и другихъ служилыхъ людей, ихъ захватившихъ, просто отбирались для возвращенія на родину, тогда какъ проданные выкупались либо самимъ княземъ, либо тѣмъ, чья рать ихъ плѣнила. Такимъ образомъ, княжескія правительства считали выкупъ не столько правомъ плѣнныхъ, сколько своею обязанностью, или, точнѣе, своею выгодой, побуждавшей ихъ заботиться о возвратѣ отнятыхъ у нихъ боевыхъ слугъ или податныхъ плательщиковъ. Та же выгода побуждала ихъ выкупать въ ордѣ не только своихъ, но и чужихъ плѣнниковъ; селя ихъ въ своихъ пустѣвшихъ удѣлахъ, князья не обращали ихъ въ холопство, а зачисляли въ служилое или тяглое населеніе, смотря по ихъ состоянію до плѣна.

Четвертый порицаемый способъ барышничества челядью изложенъ въ наставленіи очень неясно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возбуждаетъ наиболѣе интереса. Сказавъ, что съ холопа, выкупающагося на волю, не слѣдуетъ брать больше того, что за него заплачено, памятникъ продолжаетъ: „если же потомъ, ставъ свободнымъ, онъ приживетъ дѣтей, то тѣ, кто будетъ взыскивать съ нихъ изгойство, явятся продавцами неповинной крови, и эта кровь взыщется съ нихъ передъ Богомъ на страшномъ судѣ“. Кто могъ искать изгойства на дѣтяхъ вольноотпущеннаго, родившихся послѣ освобожденія своего отца? Чтобы понять это темное мѣсто, надобно сопоставить нѣкоторыя едва замѣтныя явленія древнерусскаго права. Въ правахъ русскаго холопства позднѣйшаго вре-

[1]) Собр. госуд. грам. и догов., I, 95 и 98.

мени можно замѣтить черты, какъ будто указывающія на то, что отпускъ холопа на волю не разрывалъ всѣхъ его связей съ домомъ, въ которомъ онъ служилъ. Опредѣляя свое общественное положеніе при поступленіи на службу къ новому господину, вольноотпущенный въ крѣпостныхъ актахъ XVII вѣка обыкновенно называлъ себя послужильцемъ стараго хозяина; сынъ холопа, вышедшій на волю вмѣстѣ съ отцомъ, очень часто оставался въ томъ же домѣ на добровольной службѣ. Въ крѣпостныхъ актахъ можно встрѣтить слѣды крѣпкой нравственной привязанности, приковывавшей холопа къ господскому дому, когда порывалась связь юридическая: бывали, напримѣръ, случаи, когда кабальная дворня, по закону ставъ свободной по смерти господина, обращалась къ мѣстному начальству съ коллективною челобитной, въ которой просители писали, что служили они своему господину по крѣпостямъ многіе годы, а теперь, когда судомъ Божіимъ его въ животѣ не стало и остался у него сынъ, они, помня къ себѣ отца его милость, хотятъ впредь служить съ своими женами и дѣтьми его сыну и просятъ дать ему на нихъ крѣпости.[1] Такія связи, не имѣвшія юридической обязательности, разумѣется, нельзя сравнивать съ тѣми строгими обязанностями, какія по закону или по волѣ патрона ложились на вольноотпущеннаго въ греко-римскомъ обществѣ. Но одна черта отношеній патрона къ отпущеннику по греко-римскому праву несомнѣнно оказала дѣйствіе и на русское рабовладѣльческое право. У византійскихъ, какъ и у римскихъ рабовладѣльцевъ было въ обычаѣ условное отпущеніе рабовъ на волю: продавая, напримѣръ, своего раба, господинъ, обязывалъ покупателя освободить его въ извѣстный срокъ, или, передавая раба по завѣщанію, лишалъ наслѣдника права дальнѣйшей передачи, т.-е. обязывалъ его освободить раба при своей жизни или по смерти. Часто освобожденіе обусловливалось уплатой денежнаго выкупа или какою-либо особенною предварительною услугой со стороны освобождаемаго. Эти предварительныя

услуги вмѣстѣ съ общими обязательствами, какія законъ и воля патрона возлагали на отпущенника по освобожденіи, часто дѣлали переходъ раба отъ зависимости къ свободѣ очень нечувствительнымъ. Этотъ обычай проникъ и въ русское рабовладѣніе. Въ завѣщаніяхъ, передавая своихъ холоповъ женамъ или дѣтямъ, завѣщатели ставили имъ условіе тѣхъ холоповъ никому не передавать, отпустить ихъ на свободу послѣ своей смерти или постриженія, даже назначали опредѣленные сроки освобожденія, также предоставляли самимъ холопамъ на выборъ оставаться въ услуженіи у наслѣдниковъ или выйти на волю, заплативъ имъ назначенный „окупъ“. Изъ распоряженій объ условномъ освобожденіи холоповъ особенно любопытны тѣ, которыя касаются будущихъ дѣтей освобождаемаго лица. Въ 1657 г. Волутинъ далъ отпускную старинному своему холопу на условіи продолжать службу до смерти или постриженія его, Волутина, и его жены, а потомъ выйти совсѣмъ на волю съ женой, сыномъ и дѣтьми, „что у него впредь будетъ дѣтей“, также съ „нажиткомъ“, который онъ наживетъ у него во дворѣ до того времени. Еще характернѣе отпускная, данная Путиловымъ старинному крѣпостному Тихону въ 1624 г. Господинъ давалъ въ отпускной Тихону позволеніе жениться на рабѣ Тушина съ условіемъ, что самъ Тихонъ останется, попрежнему, холопомъ, но жена его будетъ вольной съ минуты замужства, а дѣти которыхъ пошлетъ имъ Богъ, какъ сыновья, такъ и дочери, будутъ раздѣлены на двѣ половины, изъ которыхъ одна по матери пойдетъ на волю, а другая по отцу останется въ холопствѣ, и когда Богъ сошлетъ по Тихонову душу, жена его съ половиной семьи можетъ идти на всѣ четыре стороны, а другая половина останется во дворѣ Путилова [1]). Если бы Тихонъ умеръ, оставивъ малолѣтнихъ дѣтей, которыхъ нельзя оторвать отъ

[1]) Акты Юрид. № 406, I. Новгор. крѣпости. кн. въ Моск. Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ № 35, л. 58.

матери, Путиловъ могъ предложить ей выкупить тѣхъ изъ нихъ, которыя приходились на его долю. Этотъ выкупъ былъ бы очень похожъ на осуждаемое въ наставленіи духовнику изгойство съ дѣтей, прижитыхъ вольноотпущенными послѣ освобожденія. Итакъ, изъ сложнаго и тщательно выработаннаго греко-римскаго института вольноотпущенничества русское рабовладѣніе заимствовало только право условнаго освобожденія, которое, при своеобразномъ мѣстномъ его примѣненіи, родило обычай обусловливать отпускъ холоповъ по выкупу обязательствомъ выкупать и дѣтей, которыя родятся послѣ освобожденія родителей. Холопы, выкупавшіеся на волю, по княжескому законодательству XI и XII вв. становились церковными людьми, которыхъ вѣдали и судили во всѣхъ дѣлахъ церковныя учрежденія. Духовенству не было интереса ни вводить, ни поддерживать обычай, который, при своей внутренней несправедливости, стѣснялъ сферу его власти и вліянія, поддерживая зависимость вольноотпущенныхъ отъ ихъ прежнихъ господъ. Потому надобно думать, что это мѣстное видоизмѣненіе греко-римскаго вольноотпущенничества образовалось еще до принятія Русью христіанства подъ вліяніемъ тѣсныхъ торговыхъ сношеній съ Византіей.

Изложенныя перемѣны въ русскомъ рабовладѣльческомъ правѣ существенно измѣнили юридическій характеръ русскаго холопства. До этихъ перемѣнъ оно отличалось цѣльностью, однообразіемъ и безусловностью; къ нему вполнѣ приложимы были слова Прохирона о рабствѣ греко-римскомъ: „рабство недѣлимо; состояніе рабовъ не допускаетъ никакихъ различеній: о рабѣ нельзя сказать, что онъ рабъ болѣе или менѣе“ [1]. Теперь въ русское холопство внесены были различія и условность: изъ полнаго холопства стали выдѣляться виды зависимости ограниченной. Главными средствами, которыми духовенство вводило эти перемѣны, были исповѣдь

[1]) Procһiron, XXXIV, 3.

и духовное завѣщаніе: первая подготовляла къ реформѣ рабовладѣльческіе умы и совѣсти, второе изъ внушенныхъ духовникомъ предсмертныхъ проявленій милосердія и состраданія къ порабощенному ближнему создавало нравственный обычай, становившійся потомъ юридической нормой, обязательнымъ правиломъ. Энергія и постоянство дѣйствія въ этомъ направленіи облегчались тѣмъ, что духовенство пришло на Русь изъ Византіи, когда тамъ законодательство о рабствѣ и юриспруденція давно уже склонились въ сторону свободы, колебля и разрушая жестокую рабовладѣльческую логику римскаго права. Законовѣды старались истолковать въ пользу рабовъ всѣ сомнительные казусы въ ихъ отношеніяхъ къ господамъ. Константинъ Багрянородный издалъ законъ, по которому треть имущества, оставшагося безъ завѣщанія и прямыхъ наслѣдниковъ, посвящалась Богу: въ составъ этой трети отчислялись всѣ оставшіеся послѣ умершаго рабы, которые при этомъ получали свободу. Мотивируя этотъ законъ, императоръ прямо призналъ наслѣдственность рабства установленіемъ богопротивнымъ и безсовѣстнымъ: „допустить, что и самая смерть господина не разбиваетъ тяготѣющихъ на рабѣ оковъ, значило бы оскорбить святость Божію, мудрость государя, самую совѣсть человѣка“ [1]). Духовенство на Руси не добилось всего, къ чему стремилось. Оно старалось уничтожить продажу людей въ рабство: древнерусскіе эпитимейники назначали значительныя эпитиміи господамъ за продажу челяди, родителямъ за продажу дѣтей въ рабство. Даже не все добытое удавалось удержать. Мы видѣли, какъ продажа свободнаго человѣка въ полное холопство превратилась въ личный долговой закладъ съ правомъ выкупа. Въ Русскую Правду не позднѣе XII вѣка внесено было постановленіе, которое исключало изъ числа источниковъ холопства какъ отдачу дѣтей родителями въ работу, такъ и службу

---

[1]) Wallon: „Histoire de l'esclavage dans l'antiquité“. III, 456.

свободнаго за прокормъ. Но лѣтопись разсказываетъ, что въ Новгородѣ во время голода 1230 г. отцы и матери отдавали купцамъ своихъ дѣтей „одерень изъ хлѣба“, т.-е. въ полное холопство за прокормъ. Значитъ, уже въ первой половинѣ XIII в. совершались сдѣлки на свободныхъ людей съ употребленіемъ дерна, служившаго символическимъ знакомъ того, что лицо или вещь передавались въ собственность пріобрѣтателя, по древнерусскому юридическому выраженію, „въ прокъ безъ выкупа“. Это возвращеніе къ старинѣ, впрочемъ, не вытѣснило закладныхъ сдѣлокъ съ условною зависимостью. Въ памятникахъ XIV в. оба вида зависимости иногда являются рядомъ и различаются очень явственно: въ договорѣ съ Дмитріемъ Донскимъ 1368 г. тверской князь Михаилъ далъ обязательство отпустить на волю тѣхъ обывателей Торжка, которые продались ему „одернь пословицею“ (по добровольному соглашенію), какъ и тѣхъ, на комъ онъ „серебро далъ пословицею“. Такимъ образомъ, тяготѣніе къ холопству возстановило старую привычную юридическую норму, не уничтоживъ новой. Со времени этого раздвоенія полное холопство, во времена Русской Правды называвшееся обельнымъ, получило въ отличіе отъ условной зависимости закладней названіе дерноватаго. Въ XIV в. оно обыкновенно укрѣплялось письменными крѣпостями, грамотами дерноватыми, которыя въ XV в. стали зваться полными [1]).

Несмотря на противодѣйствіе юридическаго обычая, разложеніе первобытнаго русскаго холопства уже въ XII и XIII вв. сдѣлало замѣтные успѣхи. Несвободные люди стали дѣлиться на разряды по степени зависимости и общественнаго значенія. О русскихъ холопахъ уже можно было сказать, что одинъ болѣе холопъ, другой менѣе. Въ составѣ челяди образовался привилегированный классъ, состоявшій изъ разныхъ тіуновъ или приказчиковъ по управленію княжескими и боярскими

[1]) Собр. гос. грам. и догов., I, стр. 48, 16 и 73.

хозяйствами. Одна изъ статей Русской Правды допускаетъ боярскаго тіуна свидѣтелемъ въ судѣ при недостаткѣ свидѣтелей изъ свободныхъ людей. Смоленскій договоръ съ нѣмцами 1229 г. зналъ такихъ княжескихъ и боярскихъ холоповъ, которыхъ можно было причислить къ „добрымъ людямъ“, пользовавшимся извѣстнымъ почетомъ въ обществѣ. Тотъ же договоръ назначаетъ пеню за ударъ, нанесенный холопу,—знакъ, что съ разложеніемъ древняго холопства росло и юридическое значеніе личности холопа. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и его имущественное положеніе является болѣе обезпеченнымъ по закону. Первоначально холопъ не могъ имѣть ничего своего: все, что онъ пріобрѣталъ, принадлежало его господину. Но русскіе рабовладѣльцы, подобно римскимъ, изстари довѣряли часть своего имущества въ распоряженіе или пользованіе своимъ холопамъ: это—о т а р и ц а Русской Правды, п е к у л і й римскаго права, б о н д а польскаго. Такое довѣренное имущество давало холопу возможность вести свое особое хозяйство и вступать въ обязательства съ посторонними лицами. Эти обязательства холоповъ признавались юридическими сдѣлками; только отвѣтчиками по нимъ были не сами холопы, а ихъ господа. Еще въ X в. арабскіе писатели замѣтили, что русскіе купцы имѣли обычай поручать своимъ рабамъ веденіе торговыхъ дѣлъ. Русская Правда подтверждаетъ это извѣстіе одною своею статьей, которая говоритъ, что если холопъ съ согласія или по порученію своего господина будетъ торговать и задолжаетъ, этотъ долгъ обязанъ заплатить его господинъ. Въ греко-римскомъ правѣ связь раба съ его пекуліемъ укрѣплялась вмѣстѣ съ юридическимъ значеніемъ перваго. Юристы имперіи вообще стояли за это укрѣпленіе, разсматривая пекулій какъ особое хозяйство раба, отличное отъ господскаго. Императорское законодательство подчинялось этому взгляду, и ихъ соединенными усиліями былъ подготовленъ декретъ императора Льва Мудраго, въ которомъ онъ рѣшительно возстаетъ противъ взгляда рабовладѣльцевъ на пекулій рабовъ какъ на свою собственность,

и въ примѣръ имъ уступаетъ рабамъ доворцовыхъ вотчинъ полное распоряженіе ихъ имуществами. Русское право не заходило такъ далеко; но и въ немъ холопья старина сдѣлала нѣкоторыя юридическія пріобрѣтенія. Въ упомянутомъ смоленскомъ договорѣ 1229 г. одна статья говоритъ, что если нѣмецъ дастъ взаймы холопу княжескому (по нѣкоторымъ спискамъ, и боярскому) или иному доброму человѣку, а должникъ умретъ, не расплатившись, то долгъ обязанъ уплатить тотъ, къ кому перейдетъ по наслѣдству имущество должника. Въ другомъ смоленскомъ трактатѣ съ нѣмцами, составленномъ на основаніи договора 1229 г. нѣсколько лѣтъ спустя, то же условіе примѣнено ко всякому нѣмцу, который забиралъ въ долгъ товаръ у смольнянина и умиралъ, не расплатившись [1]). Изъ этого, повидимому, можно заключить, что, по крайней мѣрѣ имущество привилегированныхъ холоповъ переходило по наслѣдству одинаковымъ порядкомъ съ имуществомъ свободныхъ людей.

Изложенныя перемѣны въ русскомъ рабовладѣльческомъ правѣ сдѣлали возможнымъ, и также при дѣятельномъ участіи церковныхъ учрежденій, образованіе класса, который имѣлъ рѣшительное вліяніе на судьбу холопства,—того класса, который, вышедши изъ холопства, сначала сталъ между нимъ и крестьянствомъ, а потомъ, сливаясь съ послѣднимъ, увлекъ за собою и первое и тѣмъ положилъ конецъ существованію самаго холопства. Довольно сложную и темную исторію этого класса можно раздѣлить на два періода, изъ которыхъ первый обозначенъ временемъ холоповъ-страдниковъ, а второй временемъ задворныхъ людей.

III.

Холопы-страдники.

Перемѣны, происшедшія въ русскомъ рабовладѣльческомъ правѣ со времени принятія христіанства, открыли доступъ

[1]) Wallon, ibid., III, p. 454. Русско-ливонск. акты, стр. 426 и 452.

въ русское юридическое сознаніе двумъ понятіямъ, прежде немыслимымъ: теперь стало возможно настоять на признаніи того, что не всякая личная зависимость есть холопство, хотя бы она соединялась съ обязательною работой на хозяина, и что съ лицами, связанными даже холопскою зависимостью, можно вступать въ юридическія соглашенія. Оба эти понятія нашли себѣ со временемъ широкое примѣненіе въ русскомъ землевладѣніи и оказали значительное дѣйствіе какъ на складъ землевладѣльческаго хозяйства, такъ и на юридическія отношенія несвободнаго земледѣльческаго населенія. Церковь, такъ много содѣйствовавшая успѣху этихъ понятій, дала и первые примѣры ихъ примѣненія въ своихъ вотчинахъ.

Можно, кажется, съ приблизительною точностью опредѣлить эпоху возникновенія на Руси частной земельной собственности внѣ княжескаго рода, владѣвшаго Русскою землей. Слѣдовъ этой собственности не замѣчали до половины X в. арабскіе писатели, описывавшіе состояніе Восточной Европы: Русь, какъ называли они руководящіе классы русско-славянскаго общества, по ихъ словамъ, не имѣла ни селъ, ни пашенъ, а занималась войной и торговлей. Но въ торговый договоръ, заключенный кіевскимъ княземъ Владиміромъ съ волжскими болгарами въ 1006 г., сколько можно судить о его содержаніи по изложенію Татищева, внесено было условіе, по которому болгарскіе купцы получали право торговать на Руси только съ купцами же по городамъ, но не могли ѣздить по селамъ и вступать въ прямыя торговыя сношенія съ огневщиной и смердиной, ничего ни продавать имъ, ни покупать у нихъ [1]). Смердина—классы свободныхъ русскихъ крестьянъ, смердовъ; огневщина — дворовая челядь. Итакъ, уже къ началу XI в. въ составѣ несвободнаго населенія Руси появилась челядь, жившая по селамъ рядомъ со свободнымъ земледѣльческимъ населеніемъ. Эти села, заселенныя огневщиной, были вотчины огнищанъ, при-

---

[1]) Татищевъ: „Ист.“ II. 89.

вилегированныхъ частныхъ владѣльцевъ. Можно даже замѣтить, что въ XI и XII вв. челядь составляла самое многочисленное, если не единственное рабочее населеніе частныхъ земельныхъ имуществъ какъ боярскихъ, такъ и княжескихъ. Всѣ извѣстія русскихъ памятниковъ тѣхъ вѣковъ объ этихъ имуществахъ отмѣчаютъ одну существенную черту ихъ сельско-хозяйственнаго инвентаря: все это „села съ челядью [1]). Переходъ къ сельско-хозяйственной утилизаціи холопьяго труда, прежде употреблявшагося только на домашнія или торговыя услуги, былъ, безъ сомнѣнія, большимъ шагомъ впередъ для русскаго народнаго хозяйства. Но этому экономическому успѣху можно придавать и важное юридическое значеніе: онъ долженъ былъ оказать значительное дѣйствіе и на развитіе самаго права земельной собственности. Извѣстно, что вездѣ люди долго не могли усвоить себѣ мысли о землѣ, какъ предметѣ частнаго владѣнія: имъ даже скорѣе давалась мысль о возможности владѣть человѣкомъ, какъ вещью. На Руси рабовладѣніе было, повидимому, не только экономическимъ условіемъ, но и первоначальнымъ юридическимъ проводникомъ идеи частнаго землевладѣнія: сельскій холопъ давалъ землевладѣльцу возможность не только эксплуатировать землю, но и признавать ее своею. Эта земля моя, потому что мои люди, ее обрабатывающіе, мною къ ней привязанные,—таковъ былъ діалектическій процессъ усвоенія мысли о частной земельной собственности первыми русскими землевладѣльцами. Такая юридическая діалектика была естественна въ то время, когда господствующимъ способомъ пріобрѣтенія земельной собственности на Руси служило занятіе никому не принадлежащихъ пустынныхъ пространствъ.

---

[1]) Путивльскій дворъ-село кн. Святослава съ 700 холоповъ, упоминаемый лѣтописью подъ 1146 г., пять селъ съ челядью, завѣщанныхъ въ 1158 г. минской княгиней Печерскому монастырю село Варлаама Хутынскаго съ челядью и скотиною, описанное во вкладной конца XII или начала XIII в. Ипат. лѣт., 237 и 238. Доп. къ А. Ист. I, № 5.

Хлѣбопашество холопьими руками, повидимому, не было первичнымъ способомъ эксплуатаціи частной земельной собственности на Руси: холопу-земледѣльцу предшествовалъ холопъ-пастухъ. Обширныя степныя пространства, входившія въ предѣлы русской земли X—XII вв., содѣйствовали развитію значительнаго скотоводства княжескаго и боярскаго, слѣды котораго замѣтны въ лѣтописи XII в. О рабахъ, пасущихъ господскія стада и травящихъ „нивы сиротины“ пашни бѣдныхъ крестьянъ, съ негодованіемъ говоритъ одно изъ древнѣйшихъ русскихъ поученій на св. Четыредесятницу. Самый терминъ огнище, которому древній славянскій переводчикъ словъ Григорія Богослова придалъ производное значеніе челяди, собственно означалъ пастбище, точнѣе стоянку пастуховъ на пастбищѣ. Соединеніе въ одномъ терминѣ столь разнородныхъ понятій указываетъ на тѣсную бытовую связь, нѣкогда существовавшую между обозначаемыми ими предметами: орудіемъ хозяйственной эксплуатаціи владѣльческихъ пастбищъ на Руси XI вѣка, для которой былъ если не сдѣланъ, то списанъ и передѣланъ переводъ этихъ словъ, служили рабы-пастухи. Огневщина—древнѣйшее русское названіе сельской челяди, которое вмѣстѣ съ огнищаниномъ, терминомъ, ему родственнымъ этимологически, успѣло уже обветшать ко времени составленія Русской Правды. Когда въ составѣ этой челяди появились холопы пахотные, имъ усвоено было названіе страдниковъ или страдальниковъ: страда, въ широкомъ смыслѣ всякій черный трудъ, рано получила у насъ тѣсное значеніе сельской полевой работы.

Вездѣ, а въ Россіи особенно, переводъ холопа изъ дворовой службы на пашню былъ для него шагомъ къ нѣкоторой самостоятельности. Свойство новыхъ занятій и выгоды самого господина побуждали послѣдняго давать пахотному холопу больше простора для дѣйствій сравнительно съ холопомъ дворовымъ. Земледѣльческая работа не занимала холопа круглый годъ изо дня въ день, какъ дворовая

служба: отсюда возникало у господина желаніе заставить холопа въ свободное отъ господской страды время работать на себя и тѣмъ добывать самому себѣ содержаніе, не требуя его отъ хозяина. Обиліе пустопорожнихъ земель, одна изъ самыхъ характерныхъ особенностей древнерусскихъ вотчинъ, указывало удобное и выгодное для вотчинника средство занять досугъ, остававшійся у холопа отъ работы на барской пашнѣ или гумнѣ: это средство—отвести страднику земельный участокъ въ пользованіе и дать ему обзавестись своимъ хозяйствомъ. Такъ, переводомъ холопа изъ городского двора въ сельскую усадьбу подготовлялось новое его переселеніе изъ общей усадебной казармы, гдѣ помѣщалась обрабатывавшая господское поле челядь, въ отдѣльный дворъ съ особымъ земельнымъ участкомъ и земледѣльческимъ инвентаремъ. Но этотъ переломъ въ земледѣльческомъ хозяйствѣ совершился не скоро: для него нужны были продолжительный опытъ, выработанныя хозяйственныя отношенія и испытанные пріемы. Случилось такъ, что почин во всемъ этомъ принадлежалъ церковному землевладѣнію, находившемуся въ особенныхъ условіяхъ. Церковь едва ли не съ первыхъ поръ своего существованія на Руси стала пріобрѣтать земельныя имущества; значитъ, церковное землевладѣніе у насъ возникло почти въ одно время со свѣтскимъ. Первоначально церковные землевладѣльцы черпали рабочія силы для веденія сельскаго хозяйства изъ одного источника со свѣтскимъ землевладѣніемъ. Главный запасъ этихъ силъ доставляло холопство. Въ первую пору частнаго землевладѣнія на Руси, когда русское рабовладѣльческое право еще не было тронуто церковно-византійскимъ вліяніемъ, это былъ даже, повидимому, единственный запасъ: въ составъ сельской страдной челяди вступали и немногочисленные рабочіе, переходившіе въ частныя вотчины изъ обществъ смердовъ, государственныхъ крестьянъ, изъ которыхъ состояло все свободное сельское населеніе Руси въ началѣ XI вѣка: едва ли уже въ то время существовали

вольные хлѣбопашцы, съемщики владѣльческой земли. Изъ того же запаса снабжалось рабочими и раннее церковное землевладѣніе; но здѣсь установились иныя юридическія отношенія между обѣими сторонами, непохожія на тѣ, какія господствовали въ свѣтскихъ вотчинахъ, а сообразно съ тѣмъ завелся и особый хозяйственный порядокъ. Положеніе, занятое церковью въ новопросвѣщенномъ русскомъ обществѣ, и перемѣны, внесенныя ею въ русское рабовладѣльческое право, поставили ее особенно близко къ несвободному населенію Руси и ввели въ ея вѣдомство много дѣлъ о холопствѣ. Она наблюдала за освобожденіемъ холоповъ по духовнымъ завѣщаніямъ, какъ и за надѣломъ дѣтей рабы урочною частью изъ имущества прижившаго ихъ господина; подъ ея опеку и юрисдикцію поступали всѣ холопы, выкупавшіеся или иными способами выходившіе на волю; наконецъ, ей самой отказывали холоповъ по душѣ. Всѣ эти лица входили въ составъ общества „церковныхъ людей"; холопы первыхъ двухъ разрядовъ, вступая въ это общество вслѣдствіе освобожденія, не возвращались въ холопство; послѣдніе переставали быть холопами вслѣдствіе того, что становились церковными людьми. Духовныя лица могли быть рабовладѣльцами, но у церкви не было холоповъ: холопъ былъ крѣпокъ лицу, а церковные люди зависѣли отъ церковныхъ учрежденій. Холопъ, вступая въ общество церковныхъ людей, становился изгоемъ, зависимымъ отъ церкви вольноотпущеннымъ. Зависимость церковныхъ людей состояла въ томъ, что ихъ судила церковная власть по всѣмъ дѣламъ, замѣняя для нихъ власть государственную, которая лишь выговаривала себѣ, и то не всегда, судъ по нѣкоторымъ важнѣйшимъ уголовнымъ преступленіямъ или даже только участіе въ церковномъ судѣ по такимъ преступленіямъ. Это была благотворительная, „богадѣльная" зависимость по порученію государства, которое подчиняло опекѣ и суду церкви всѣхъ безпріютныхъ людей, лишившихся или не находившихъ себѣ мѣста въ государственномъ порядкѣ, каковы были всѣ изгои.

Не принимая отъ государства такихъ людей подъ свою опеку, церковь закрѣпляла государственное порученіе частнымъ гражданскимъ соглашеніемъ съ опекаемыми: однихъ она назначала на домовую службу при церковныхъ властяхъ или учрежденіяхъ, другихъ сажала на оброкъ, селя ихъ на церковныхъ земляхъ или пріобрѣтая ихъ вмѣстѣ съ землей. Тѣ и другіе существенно отличались отъ холоповъ: они служили церкви по уговору и удерживали за собою право прекратить свою службу; они сохраняли также право собственности на свое имущество и жили своими хозяйствами; оброчники, селившіеся на городской или сельской церковной землѣ, имѣли свои дворы, а сельскіе, сверхъ того, получали въ пользованіе земельные участки. Словомъ, переходя въ вѣдомство церкви, бывшіе холопы по гражданскимъ сдѣлкамъ становились къ церковнымъ учрежденіямъ въ отношеніе временно-обязанныхъ закладней,—въ ту условную зависимость, которая и была введена въ русское право при содѣйствіи церкви. Смоленскій князь Ростиславъ, учреждая епископскую каѳедру въ своемъ стольномъ городѣ, въ числѣ источниковъ ея содержанія пожертвовалъ ей и два села „со изгои“: очевидно, это были села княжескихъ холоповъ, получавшихъ новое званіе съ переходомъ въ церковное владѣніе. Вѣроятно, изъ такихъ же холоповъ, пожертвованныхъ церкви или выкупленныхъ ею, состояли и двѣ слободы епископскихъ изгоевъ въ Новгородѣ, упоминаемыя въ одной поздней статьѣ Русской Правды. Но нѣкоторые признаки напоминали холопское происхожденіе этихъ церковныхъ слугъ: подобно холопамъ, они не подлежали государственнымъ повинностямъ; всего болѣе сближала ихъ съ холопами наслѣдственность ихъ службы не по закону или обязательству отцовъ, а по доброй волѣ дѣтей. Поэтому, неточно пользуясь юридическою терминологіей, ихъ иногда называли холопами: даже Русская Правда въ одной статьѣ говоритъ о холопахъ „чернеческихъ“, т.-е. монастырскихъ, если только не разумѣетъ здѣсь холоповъ отдѣльныхъ монаховъ, кото-

рыхъ послѣдніе не освободили при своемъ постриженіи. Инокъ Печерскаго монастыря Поликарпъ въ посланіи, писанномъ въ первой половинѣ XIII в., разсказываетъ объ инокѣ того же монастыря Григоріи, жившемъ во второй половинѣ XI в. Изъ этихъ разсказовъ можно видѣть, какъ дѣлались монастырскими слугами и на какихъ условіяхъ служили монастырю люди, отрывавшіеся отъ общества или угрожаемые изгнаніемъ изъ него. Поликарпъ разсказываетъ о ворахъ, безуспѣшно пытавшихся обокрасть Григорія. Одни, пойманные и отпущенные старцемъ, были привлечены къ отвѣтственности за покушеніе городскимъ судьей; выкупленные у него Григоріемъ, они раскаялись, пришли въ монастырь и добровольно „вдашася на работу братіи". Другіе воры, успѣвшіе бѣжать съ мѣста преступленія, потомъ сами пришли къ старцу съ раскаяніемъ, и Григорій „осуди ихъ въ работу Печерскому монастырю, и скончаша животъ свой и съ чады своими, работающе въ Печерскомъ монастырѣ". Особенно любопытенъ третій случай. Воры, пойманные братіей, молили Григорія отпустить ихъ. Старецъ соглашался на это съ условіемъ, чтобы они промѣняли свое преступное занятіе на честный трудъ. Тѣ съ клятвой обѣщали это. Тогда Григорій сказалъ имъ: работайте на святую братію и удѣляйте отъ трудовъ своихъ на ея нужды. Воры исполнили свое обѣщаніе и до конца жизни оставались при Печерскомъ монастырѣ, снимая у него огородъ, „ихъ же, мню, исчадія до нынѣ суть",—прибавляетъ Поликарпъ, желая сказать, что потомки тѣхъ воровъ и до его времени, въ теченіе болѣе чѣмъ ста лѣтъ, продолжали служить монастырю подобно своимъ предкамъ [1]). Уловить юридическій характеръ этого словеснаго договора старца съ ворами на самомъ мѣстѣ преступленія тѣмъ труднѣе, что Григорій не былъ облеченъ ни судебною, ни хозяйственно-административною властью, а изъ перваго случая видно, что уже и въ

[1]) Вл. Яковлевъ: Пам. Русск. Лит., стр. 137—139.

тогдашней судебной практикѣ отказъ потерпѣвшей стороны отъ иска не снималъ съ преступника отвѣтственности за преступленіе. Въ разсказанныхъ Поликарпомъ случаяхъ юридическое обязательство поглощено нравственнымъ обѣтомъ, который, однако, ведетъ къ установленію очень прочныхъ отношеній не только хозяйственныхъ, но и юридическихъ, ко вступленію раскаявшихся преступниковъ въ новое общественное положеніе, пожизненное и даже наслѣдственное, и къ пожизненному, если не наслѣдственному пользованію монастырскою землей съ уплатой владѣльцу извѣстной доли дохода, т.-е. на условіи оброка.

Такимъ образомъ, церковное землевладѣльческое хозяйство строилось на двухъ основаніяхъ, одинаково непривычныхъ для свѣтскихъ землевладѣльцевъ: на условной зависимости рабочихъ отъ землевладѣльца по уговору, соединенной съ обязательною работой зависимаго лица на владѣльца, но не переходившей въ холопство, и на замѣнѣ наемной платы и двороваго содержанія работника усадебнымъ и полевымъ надѣломъ. Благодаря такому хозяйственному порядку, изъ бывшихъ холоповъ и другихъ рабочихъ, переходившихъ въ вѣдомство церкви, образовался новый классъ въ составѣ сельскаго земледѣльческаго населенія—классъ временно или безсрочно обязанныхъ оброчниковъ на частной владѣльческой землѣ съ земельными надѣлами. Возникновеніе этого класса въ вотчинахъ церковныхъ землевладѣльцевъ было вызвано не только хозяйственными выгодами послѣднихъ, но и юридическою необходимостью. Ни право, ни нравственное ученіе церкви не позволяли ея учрежденіямъ становиться къ своимъ чернорабочимъ слугамъ въ отношенія господъ къ холопамъ. Но, чтобы съ наибольшею выгодой эксплуатировать пріобрѣтаемыя ею земли и производительнѣе занять накоплявшійся въ ея вѣдомствѣ рабочій людъ, она помогала его хозяйственному обзаведенію и отдавала ему въ пользованіе свои земли, обязывая его за то платить ей либо работой на церковной пашнѣ, либо долей дохода съ

уступленныхъ участковъ. Въ томъ и другомъ случаѣ хлѣбопашецъ-хозяинъ, собственнымъ разсчетомъ побуждаемый лучше обрабатывать свой участокъ, оказывался для землевладѣльца доходнѣе и удобнѣе бездомнаго и живущаго на господскихъ харчахъ сельскаго батрака-холопа, лично не заинтересованнаго въ своей работѣ. Для свѣтскихъ землевладѣльцевъ не существовало юридической необходимости, которою были связаны церковные; но они раздѣляли хозяйственные разсчеты, которые побуждали церковныхъ землевладѣльцевъ заводить новый порядокъ эксплуатаціи своихъ вотчинъ. Впрочемъ, переходъ къ новому хозяйственному порядку въ вотчинахъ свѣтскихъ владѣльцевъ, повидимому, начался не прямо переводомъ сельскаго двороваго холопа на особый участокъ, а раздачей участковъ свободнымъ поселенцамъ-крестьянамъ на условіяхъ зависимости, близкой къ холопству. По крайней мѣрѣ, Русская Правда, хорошо знавшая такихъ крестьянъ, еще ничего не говоритъ о холопахъ, надѣленныхъ земельными участками. Сомнительный намекъ на такихъ холоповъ можно найти въ грамотѣ Ростислава объ учрежденіи смоленской епископіи. На содержаніе новой каѳедры князь назначилъ, между прочимъ, прощениковъ „съ медомъ, и съ кунами, и съ вирою, и съ продажами", т.-е. съ оброкомъ медовымъ и денежнымъ и со всѣми судебными пенями. Прощеники—это люди, доставшіеся князю въ холопство за преступленія или за долги, можетъ быть, пріобрѣтенные и какими-либо другими способами и имъ прощенные, отпущенные на волю безъ выкупа. Медовый и денежный оброкъ они платили, вѣроятно, за пользованіе бортными лѣсами и полевыми участками на княжеской землѣ, на которой они были поселены еще до освобожденія и на которой остались, получивъ свободу, подобно тому, какъ въ Византіи сельскіе рабы иногда получали личную свободу съ обязательствомъ оставаться на пашнѣ въ положеніи прикрѣпленныхъ къ землѣ крестьянъ. Не видно только, когда смоленскіе прощеники были надѣлены земель-

ными участками, до освобожденія, или послѣ. Какъ бы то ни было, Русская Правда, не зная или игнорируя пахотныхъ холоповъ, обращаетъ заботливое вниманіе на владѣльческихъ крестьянъ. Они извѣстны ей подъ двоякимъ названіемъ наймитовъ и ролейныхъ закуповъ. Довольно трудно рѣшить, имѣло ли первое названіе какую-либо историческую связь съ однозначащимъ византійскимъ терминомъ μισθωτός, означавшимъ въ средніе вѣка вольнаго крестьянина на владѣльческой землѣ. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что „наймитъ" Русской Правды есть буквальный переводъ этого греческаго термина: въ Правдѣ немало словъ подобнаго происхожденія. По крайней мѣрѣ, русское слово неточно выражаетъ юридическое положеніе русскаго крестьянина на владѣльческой землѣ, какъ его изображаетъ сама Правда. Это былъ не простой наемный рабочій, что значилъ наймитъ во времена Поликарпа, какъ и обоихъ Судебниковъ: за свою работу онъ получалъ земельный участокъ и земледѣльческія орудія для его обработки: кромѣ того, при поселеніи онъ бралъ у владѣльца ссуду, чтобы обзавестись своимъ хозяйствомъ. Поэтому второе названіе, заимствованное прямо изъ народнаго языка, шло къ нему гораздо болѣе: ролейный закупъ—пахотный закладень, съемщикъ земли со ссудой, уплату которой онъ обезпечивалъ личнымъ закладомъ, обязательною работой на владѣльца-кредитора. Позднѣе слово закупъ означало самый закладъ: отдать въ „закупъ" значило заложить. Рабовладѣльческое право оставило на закупѣ рѣзкіе слѣды попытки превратить его въ холопа: онъ не допускался полноправнымъ свидѣтелемъ на судѣ: владѣлецъ самъ наказывалъ его за нѣкоторые проступки: за воровство и побѣгъ отъ владѣльца онъ превращался въ его полнаго холопа. Но Русская Правда замѣтно становится на сторону закупа и старается защитить его свободу отъ рабовладѣльческихъ посягательствъ: согласно съ византійскимъ законодательствомъ и, можетъ быть, подъ его вліяніемъ, она запрещала продавать и закладывать за-

купа и признавала за нимъ право собственности на свою отарицу, какъ и право судебной защиты отъ обидъ со стороны владѣльца; притомъ, закупъ всегда могъ прекратить свою зависимость и уйти отъ хозяина, расплатившись съ нимъ. Въ удѣльное время, и именно въ верхневолжской Руси, закупъ сдѣлалъ новое юридическое пріобрѣтеніе: даже за уходъ съ владѣльческой земли безъ уплаты ссуды крестьянинъ не обращался въ холопство. Очевидно, состояніе закупа стало возможно только послѣ перемѣнъ, введенныхъ духовенствомъ въ русское рабовладѣльческое право и выдѣлившихъ изъ полнаго холопства закладничество, какъ особый видъ условной зависимости.

По уцѣлѣвшимъ въ памятникахъ указаніямъ нельзя рѣшить, когда свѣтскіе землевладѣльцы сдѣлали второй шагъ къ новому хозяйственному порядку въ своихъ вотчинахъ, начали надѣлять дворовую челядь земельными участками подъ условіемъ барщины или оброка. Можно только сказать, что въ XV вѣкѣ, съ котораго въ сохранившейся юридической письменности идутъ достаточно ясныя и точныя указанія на поземельныя отношенія въ Россіи, пахотные холопы-страдники уже являются въ составѣ сельскаго населенія стариннымъ и значительнымъ классомъ, хозяйственный и юридическій бытъ котораго успѣлъ прочно установиться. Къ этому времени холопство распалось на нѣсколько хозяйственныхъ разрядовъ, точный перечень которыхъ затрудняется спутанностью терминологіи. Страдные люди, пахотные холопы, составляли низшій разрядъ дѣловыхъ людей, какъ называлась чернорабочая челядь, городская и сельская; высшій разрядъ состоялъ изъ собственно дворовой прислуги, къ которой причислялись конюхи, разные ремесленники и мастерицы. Всѣ дѣловые люди подъ именемъ меньшихъ холоповъ или черныхъ людей отличались отъ привилегированной челяди, холоповъ большихъ или слугъ, которые, въ свою очередь, распадались на два класса, на людей служивыхъ и приказныхъ: первые были боевые спутники господина въ похо-

дахъ, вторые служили по хозяйственному управленію или составляли ближайшую къ господамъ комнатную прислугу, каковы были прикащики, повара, дьяки, няни, постельницы и т. п. Собственно дворовые холопы, высшіе и низшіе, въ отличіе отъ дѣловыхъ пахотныхъ или деревенскихъ людей назывались еще людьми дворными или просто людьми. Въ концѣ XV и въ началѣ XVI в. даже у землевладѣльцевъ далеко не крупныхъ и очень скромнаго ранга встрѣчаемъ многочисленныя дворни: Игн. Талызинъ, владѣлецъ одного села, двухъ деревень и трехъ селищъ, въ своей духовной 1506 года перечисляетъ 85 головъ холоповъ и холопокъ полныхъ, изъ коихъ 19 отпускаетъ на волю. Очень часто во владѣльческомъ селѣ не было ни одного крестьянскаго двора: все оно состояло изъ барской усадьбы, т.-е. изъ главнаго или большого двора, гдѣ жилъ владѣлецъ съ частью своей дворни, изъ дворцовъ, гдѣ помѣщались привилегированные слуги, и изъ дѣловыхъ дворовъ, которыми обставлялся справа и слѣва большой дворъ. Дѣловые страдные люди и большая часть сельскихъ дворовыхъ холоповъ жили своими хозяйствами; въ XV и XVI вѣкахъ это вызывалось хозяйственными удобствами землевладѣльцевъ, которымъ служба не позволяла жить постоянно въ своихъ вотчинахъ, заставляя ихъ переносить домовый заводъ на городскія подворья. Сельскіе дворовые, не имѣвшіе своихъ хозяйствъ, помѣщались на барскомъ дворѣ; въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ имъ отводился особый дворъ, который называется въ поземельныхъ описяхъ того времени челяденнымъ. Для хозяйственнаго обзаведенія холоповъ господа снабжали ихъ скотомъ: купчія, вкладныя и духовныя XV и XVI вв., перечисляя хозяйственный составъ вотчины, часто упоминаютъ о боярскомъ жалованьи служивымъ и страднымъ людямъ, о лошадяхъ, коровахъ и всякой животинѣ, которая при отпускѣ холоповъ по духовной обыкновенно отдавалась имъ въ собственность какъ „благословеніе“ завѣщателя.

Людскимъ и страднымъ дворамъ отводились огороды и

пашни съ сѣнокосами. Пашня людская и служняя, хлѣбъ людской въ вотчинныхъ описяхъ XVI в. всегда отличались отъ боярской пашни и боярскаго хлѣба. Это холопье землевладѣніе многими чертами походило на крестьянское и, притомъ, позднѣйшаго времени, когда крѣпостное холопье право распространено было и на крестьянъ. Во-первыхъ, земли отводились холопамъ не отдѣльными подворными участками, а общими полосами, какъ отводились онѣ позднѣе обществамъ крѣпостныхъ крестьянъ: это предполагаетъ развёрстку жеребьевъ между отдѣльными холопьими дворами самими холопами. Вкладная грамота Зубаревой 1571 г., описывая пожертвованную Троицкому Сергіеву монастырю вотчину, половину сельца Талызина, отмѣчаетъ въ той половинѣ рядомъ съ дворами боярскимъ и челяденнымъ три двора людскихъ и три дѣловыхъ, а „пашня содного", прибавляетъ вкладная; съ барскихъ луговъ въ той вотчинѣ ставилось сѣна 300 копенъ „опричь служнихъ и крестьянскихъ покосовъ". Во-вторыхъ, холопы страдные, недворовые, несли съ своихъ участковъ одинаковые съ крестьянами вотчинные платежи и повинности, барщину и оброкъ, точно также вмѣстѣ съ крестьянами платили пошлины съ судныхъ дѣлъ, подлежавшихъ вотчинной юрисдикціи, и съ разныхъ сдѣлокъ, совершаемыхъ въ предѣлахъ вотчины. Великій князь рязанскій Иванъ въ договорѣ съ братомъ Ѳедоромъ 1496 г. упоминаетъ о находившемся въ удѣлѣ послѣдняго селѣ Переславичахъ, въ которомъ жили принадлежавшіе Ивану холопы Шипиловы; великій князь въ грамотѣ оговариваетъ свое право собственности на это село „съ данью и судомъ и со всѣми пошлинами". Изъ духовной верейскаго князя Михаила, писанной около 1487 г., и изъ лѣтописи XV в. также узнаемъ, что у князей и частныхъ владѣльцевъ были цѣлыя села и деревни, населенныя одними дѣловыми людьми и называвшіяся дѣловыми или дѣлярными. Въ тѣхъ изъ нихъ, гдѣ была барская запашка, сельскіе дѣловые холопы, какъ и крестьяне, за пользованіе своими участками

иногда отбывали только барщину; гораздо обычнѣе было для тѣхъ и другихъ соединеніе барщинной работы съ денежнымъ или хлѣбнымъ оброкомъ; наконецъ, въ селахъ и деревняхъ, гдѣ не было господской пашни, страдные люди платили владѣльцу только дань или оброкъ. Объ „оброчникахъ купленныхъ", т.-е. холопахъ, посаженныхъ на оброкъ, упоминаетъ уже духовная кн. Ивана Калиты, писанная около 1328 г. На оброкъ отдавались страднымъ холопамъ не только земельные участки, но и скотъ, и эта оброчная животина отличалась отъ благопріобрѣтенной и ссудной, которую холопы получали отъ господъ на хозяйственное обзаведеніе. Въ духовной Тушина, составленной въ 1563 году, встрѣчаемъ такое распоряженіе завѣщателя: „что у моихъ дѣловыхъ людей животины, того у нихъ не брать, а что у людей дѣловыхъ оброчной животины, продать". Въ-третьихъ, страдные люди по своимъ участкамъ какъ бы прикрѣплялись къ владѣльческимъ селеніямъ, въ которыхъ жили, составляли ихъ постоянную хозяйственную принадлежность и не отрывались отъ этихъ селеній при ихъ переходѣ къ новымъ владѣльцамъ, какъ отрывались дворовые люди. Довольно выразительный случай такого отношенія страдниковъ къ землѣ представляютъ сохранившіеся въ сборникѣ грамотъ Троицкаго Сергіева монастыря акты объ отчужденіи вотчины братьевъ Зворыкиныхъ села Бужанинина. Въ 1543 г. братья раздѣлили село между собою пополамъ; старшему досталась половина большого барскаго двора съ 8 дворами дѣловыхъ людей, младшему—другая половина съ 10 дѣловыми дворами. Въ слѣдующемъ году старшій продалъ свою половину Троицкому Сергіеву монастырю, а младшій боярину И. С. Воронцову. Троицкій монастырь обязалъ старшаго брата очистить проданную имъ половину села къ Ильину дню и вывести своихъ людей съ большого барскаго двора; но дѣловые люди со своими дворами перешли къ новому владѣльцу. Въ XVII в., когда и крестьяне стали въ крѣпостныя отношенія къ земле-

владѣльцамъ, вотчины отчуждались обыкновенно съ крестьянами и дѣловыми людьми, гдѣ были таковые [1]).

Всѣ перечисленные разряды холоповъ имѣли только хозяйственное значеніе; однако, оно было источникомъ нѣкоторыхъ актовъ чисто-юридическаго характера. Оброкъ страднаго человѣка, какъ и всѣ его поземельныя отношенія къ господину, устанавливался не обоюдно-свободнымъ ихъ уговоромъ, а одностороннимъ господскимъ распоряженіемъ. Но свое хозяйство, дозволенное холопу, и возможность, отбывъ разъ назначенныя поземельныя повинности, располагать остальнымъ трудомъ по своему усмотрѣнію сообщали положенію страдника нѣкоторую опредѣленность отношеній и самостоятельность дѣйствій и освобождали его отъ ежеминутныхъ колебаній господскаго произвола. На все, что пріобрѣталъ такой холопъ-хозяинъ трудомъ на себя, а не на господина, обѣ стороны привыкали смотрѣть какъ на холопье добро, отличное отъ господскаго. Этотъ взглядъ сообщалъ холопу значеніе лица въ юридическомъ смыслѣ слова: съ нимъ какъ съ хозяиномъ и собственникомъ, считалось возможнымъ вступать въ сдѣлки не только стороннимъ лицамъ, но и его господину. Въ актахъ XVI в. довольно часто встрѣчаются слѣды формальныхъ письменныхъ обязательствъ холоповъ-хозяевъ со своими господами. Протоіерей московскаго Благовѣщенскаго собора и государевъ духовникъ Василій былъ довольно крупный землевладѣлецъ и держалъ на своемъ городскомъ дворѣ и по селамъ много холоповъ дворовыхъ и страдныхъ. Въ духовной 1532 г. онъ упоминаетъ объ одномъ своемъ человѣкѣ, за котораго онъ заплатилъ значительный долгъ въ 30 руб. (около 2,000 руб. на наши деньги) и взялъ съ него въ томъ запись: завѣщатель предписываетъ наслѣдникамъ не взыскивать денегъ съ того

---

[1]) Собр. гос. гр. и догов. I, №№ 21, 121, 127, 301. Сб. Тр. С. мон. № 530, л. 71, 911, 532—542, 581, 652 и 906. Акты Юр., № 416. П. С. Р. Лѣт. VI. 232.

человѣка и возвратить ему запись. Всего чаще, разумѣется, вызывались такія сдѣлки поземельными отношеніями господъ къ дѣловымъ страднымъ холопамъ, которые, подобно большинству крестьянъ, снимавшихъ владѣльческія земли, вели свои хозяйства съ помощью господской ссуды хлѣбомъ, скотомъ и деньгами. Зажиточные и разсчетливые землевладѣльцы держали въ своихъ вотчинахъ значительные оборотные капиталы, находившіеся на рукахъ и на отвѣтственности ключниковъ, которые по мѣрѣ надобности выдавали изъ нихъ ссуды страднымъ людямъ и крестьянамъ. Богачъ и большой бояринъ кн. И. Ю. Патрикѣевъ въ духовной 1498 г. насчитываетъ 165½ руб. (не менѣе 16,000 руб. на наши деньги) такого ссуднаго серебра, розданнаго въ шести ключничествахъ только сельскимъ его холопамъ, не считая денегъ, розданныхъ крестьянамъ его многочисленныхъ селъ и деревень. Ссуды хлѣбныя и денежныя обыкновенно выдавались сельскимъ холопамъ подъ заемныя кабалы и, повидимому, на одинаковыхъ условіяхъ съ крестьянами: по крайней мѣрѣ, въ землевладѣльческихъ актахъ половины XVI вѣка, когда еще не замѣтно слѣдовъ крѣпостныхъ отношеній крестьянъ къ землевладѣльцамъ, заемныя кабалы крестьянскія и холопьи обыкновенно упоминаются рядомъ, какъ однородныя обязательства, безъ малѣйшихъ указаній на ихъ юридическое различіе. Такъ, кн. А. И. Стародубскій въ духовной, составленной въ 1557 году, пишетъ: „да взяти мнѣ въ Льяловѣ и въ Стародубѣ на своихъ крестьянехъ и на своихъ людехъ прямыхъ своихъ денегъ и хлѣба по кабаламъ, и по тѣмъ кабаламъ деньги и хлѣбъ имати княгинѣ моей“ [1]).

Изъ тѣхъ же поземельныхъ отношеній холоповъ къ господамъ образовались два своеобразныхъ землевладѣльческихъ класса или, лучше сказать, состоянія, значительныхъ не столько по своей численности, сколько по своему юридиче-

[1]) Сб. Тр. Серг. мон. № 5?0, л. 1040 и 1125.

скому характеру. Одно изъ нихъ можно назвать состояніемъ холоповъ-землевладѣльцевъ на правѣ собственности, другое— состояніемъ вольноотпущенныхъ землевладѣльцевъ на правѣ пожизненнаго пользованія. Привилегированные служилые холопы, походные спутники господъ, выходя на волю по завѣщанію, очень нерѣдко получали въ награду за свою службу части господскихъ вотчинъ въ полную собственность. Вступая въ холопство къ новымъ господамъ, они или ихъ дѣти становились холопами-вотчинниками. Иногда такое состояніе создавалось еще проще: господинъ въ завѣщаніи жаловалъ вѣрнаго слугу вотчиной, не выпуская его на волю. Характерный случай такого пожалованія встрѣчаемъ въ извѣстной данной И. Г. Нагого 1598 г., въ которой онъ за прямую службу и терпѣніе даритъ своему человѣку Сидорову старинную свою вотчину, сельцо съ 6 деревнями и 4 починками, предоставляя ему право это имѣніе продать, заложить или въ монастырь по душѣ дать. При этомъ Нагой не отпустилъ Сидорова на волю, а обязалъ его по смерти господина жены и дѣтей его не покинуть и ихъ устроить по духовной грамотѣ, сыновей его грамотѣ научить, беречь и покоить, „пока Богъ подыметъ ихъ на свои ноги и станутъ сами собой владѣть“. Судя по значительному количеству жалованныхъ холоповъ-собственниковъ, встрѣчающихся въ актахъ XVI в., можно думать, что правительство тогда еще допускало такія вотчинныя пожалованія; но уже и въ то время начинали сомнѣваться если не въ юридической ихъ правильности, то въ политическомъ удобствѣ. Княгиня Авд. Пронская, умирая бездѣтной, завѣщала въ 1565 г. свою довольно крупную вотчину частью своимъ родственникамъ, частью церквамъ и монастырямъ; но нѣсколько деревень и починковъ она отказала въ собственность тремъ своимъ слугамъ, которыхъ вмѣстѣ съ другими холопами она при этомъ отпустила на волю. Завѣщаніе въ пользу родни и небогатыхъ монастырей и церквей не возбуждало недоумѣній въ завѣщательницѣ; но земельное пожалованіе слугамъ, какъ и

распоряженіе въ пользу богатыхъ монастырей, которымъ правительство уже начинало запрещать пріемъ земельныхъ вкладовъ по душѣ, княгиня сочла нужнымъ оговорить условіемъ, если „государь царь пожалуетъ, не велитъ взяти той вотчинки, а насъ не сотворитъ безпамятныхъ, а возьметъ— его царская воля“ [1]).

Холопы-собственники выходили изъ привилегированнаго служилаго слоя холопства, который и по военному ремеслу, и частью по самому происхожденію стоялъ близко къ тогдашнему провинціальному дворянству: до Уложенія многіе мелкіе дворяне вступали въ служилые холопы къ знатнымъ и богатымъ землевладѣльцамъ, а служилые холопы послѣднихъ, выходя на волю, зачислялись въ ряды уѣзднаго дворянства и получали отъ государства помѣстья. Вольноотпущенные землевладѣльцы на правѣ пожизненнаго пользованія выходили не только изъ этого привилегированнаго слоя, но и изъ низшаго разряда холоповъ, изъ дѣловыхъ страдныхъ людей, которые по своимъ занятіямъ и происхожденію близко подходили къ крестьянству. Это состояніе—мало замѣтное и еще меньше замѣченное явленіе въ исторіи нашего права. Упомянутый бояринъ кн. Патрикѣевъ, распредѣляя въ завѣщаніи свою вотчину и многочисленную челядь между наслѣдниками, женой и двумя сыновьями, поименовываетъ 23 человѣка холоповъ, одинокихъ или семейныхъ, которыхъ онъ отпускаетъ на волю; изъ нихъ трое освобождаются съ женами, дѣтьми и съ з е м л е ю. Духовная не даетъ понять, какого рода были эти холопы, какую землю и на какомъ правѣ получали они по завѣщанію вмѣстѣ съ свободой и въ какія отношенія становились по смерти завѣщателя къ его наслѣдникамъ. Въ духовныхъ XVI в. такими вольноотпущенными съ землею являются обыкновенно дѣловые люди и ихъ будущее поземельное положеніе опредѣляется обращеннымъ къ наслѣдникамъ распоряженіемъ завѣщателя ихъ

[1] Тамъ же, л. 164 и 1066.

съ тѣхъ земель „не двигнуть". Значитъ, это были пахотные холопы-страдники, жившіе особыми дворами съ земельными надѣлами, которые не отнимались у нихъ при освобожденіи и съ которыхъ наслѣдники освободителя не должны были ихъ удалять. Чебуковъ по духовной, составленной около половины XVI в., отказалъ все свое недвижимое имѣніе частью въ монастыри Троицкій Сергіевъ и Калязинъ, частью своей матери съ братомъ, „а людямъ дѣловымъ,— прибавляетъ завѣщатель,—послѣ моего живота земля на 4 части, а дѣла до нихъ нѣтъ никому, а животовъ и хлѣбца ихъ не вредить". Выше было замѣчено, что дѣловымъ людямъ, жившимъ въ одномъ селеніи, земля отводилась общею полосой, которую они сами разверстывали между собою на подворные участки, вѣроятно, передѣляясь сообразно съ перемѣнами въ наличномъ составѣ рабочихъ силъ каждаго двора. Когда писалась духовная Чебукова, у него было 4 двора дѣловыхъ людей: отпуская ихъ на волю, онъ приказалъ наслѣдникамъ не трогать ихъ хлѣба и прочаго движимаго имущества, а землю, которою они пользовались, раздѣлить на 4 постоянныхъ участка и отдать имъ во владѣніе. Невѣроятно, чтобы эти участки отдавались дѣловымъ людямъ въ полную собственность: трудно допустить, чтобы завѣщатели создавали о̀-бокъ со своими усадьбами поселенія вольныхъ хлѣбопашцевъ-собственниковъ, вырывая изъ своихъ вотчинъ клочки земли и отчуждая ихъ въ вѣчное владѣніе этимъ хлѣбопашцамъ. Въ актахъ встрѣчаемъ скудныя указанія на юридическій характеръ этихъ пожалованій. Въ 1560 годахъ кн. Ао. Ногаевъ-Ромодановскій отказалъ свои вотчины женѣ и сыну съ условіемъ, что по смерти сына, повидимому, не обѣщавшаго жить долго, завѣщанныя ему села и деревни должны перейти одни къ его матери, женѣ завѣщателя, другія въ Троицкій Сергіевъ монастырь. Изъ вотчины, назначенной по смерти сына Троицкому монастырю, двѣ деревни князь отказалъ двумъ своимъ холопамъ, изъ коихъ одинъ получалъ свободу тотчасъ по

смерти завѣщателя, а другой по смерти его сына; владѣніе каждаго начиналось съ минуты выхода на волю и продолжалось до конца его жизни: по смерти обоихъ деревни ихъ отходили къ монастырю. Завѣщатель запрещаетъ сыну и монастырю высылать пожалованныхъ людей изъ этихъ деревень; монастырю, впрочемъ, предоставлено было право очистить обѣ деревни отъ пожизненныхъ владѣльцевъ раньше ихъ смерти, заплативъ имъ назначенный завѣщателемъ выкупъ. Самое свойство обоихъ пожалованій, состоявшихъ въ цѣлыхъ деревняхъ, а не въ простыхъ участкахъ, какими надѣлялись дѣловые люди, указываетъ на принадлежность пожалованныхъ къ привилегированному служилому холопству. Тѣмъ вѣроятнѣе, что на такомъ же правѣ получали свои участки во владѣніе по завѣщанію и рабочіе дѣловые холопы. Впрочемъ, это предположеніе поддерживается и болѣе прямымъ указаніемъ. Писцовая книга Московскаго уѣзда, составленная въ 1584—1586 г. описывая земли Стромынскаго монастыря въ Объѣзжемъ стану, о монастырской пустоши Козиной замѣчаетъ, что въ ней два двора, И. и С. Собакиныхъ „и живутъ въ нихъ дѣловые люди, а дано имъ до ихъ живота“: въ пустоши было пашни 15 десятинъ въ трехъ поляхъ [1]). Упомянутые въ писцовой книгѣ Собакины умерли за нѣсколько лѣтъ до ея составленія; потому замѣчаніе писцовой книги всего скорѣе можно понять такъ, что Козина съ двумя дворами пахотныхъ дѣловыхъ людей принадлежала Собакинымъ, которые по духовнымъ отказали ее въ Стромынскій монастырь съ условіемъ, чтобы дѣловые люди, отпущенные ими на волю, оставались въ тѣхъ дворахъ до своей смерти, пожизненно владѣя пашней, которой были надѣлены при жизни завѣщателей. Ни въ одномъ актѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека на какія-либо обязательства пожалованныхъ, вообще на ихъ отношенія къ наслѣдникамъ своихъ

[1]) Тамъ же, л. 131 и 1097. Писц. книги XVI в., изд. Калачовымъ, I, 265.

бывшихъ господъ. Ясно только, что пожизненное владѣніе вольноотпущенныхъ по распоряженію завѣщателей имѣло совершенно личный характеръ и ни въ какомъ случаѣ не могло быть отчуждаемо владѣльцами помимо наслѣдниковъ. Въ духовныхъ нѣтъ прямыхъ указаній на границы юридической и нравственной обязательности такихъ распоряженій для наслѣдниковъ и ни на какихъ текстахъ нельзя основать рѣшительнаго отвѣта на вопросъ, въ какой степени снабжено было это владѣніе юридическою крѣпостью и правомъ судебной защиты отъ лица владѣльцевъ, или оно держалось исключительно на милости завѣщателя и на нравственномъ вниманіи наслѣдниковъ къ его волѣ. Но противъ послѣдняго предположенія говорятъ нѣкоторыя косвенныя указанія: таковы назначеніе выкупа въ духовной кн. Ромодановскаго и неразрывность такихъ пожалованій съ распоряженіями объ отпускѣ жалуемыхъ на волю, а такія распоряженія завѣщателей имѣли вполнѣ обязательную силу для наслѣдниковъ. Эта неразрывность была, повидимому, юридическою особенностью, отличавшей холопье пожизненное владѣніе отъ владѣнія на правѣ собственности, для котораго отпускъ владѣльца на волю не былъ необходимымъ условіемъ. Трудно догадаться, измѣнялись ли поземельныя отношенія вольноотпущенныхъ пожизненныхъ владѣльцевъ, когда они вступали въ холопство къ наслѣдникамъ своего бывшаго господина, собственникамъ участковъ, которыми они владѣли по завѣщанію; но очень вѣроятно, что это владѣніе прекращалось вступленіемъ ихъ въ холопство къ постороннимъ лицамъ. Въ исторіи поземельныхъ отношеній внѣ Россіи не легко найти форму землевладѣнія, сходную съ описанною русскою. Всего болѣе напоминаетъ она прекарій: но въ ней совмѣщались нѣкоторыя особенности и римскаго, и средневѣковаго прекарія съ прибавкой одного условія римскаго пожалованія въ случаѣ смерти или средневѣковой нѣмецкой посмертной передачи (mortis causa donatio, cessio post obitum). Римскій прекарій, какъ опредѣляетъ его

Роть, состоялъ въ передачѣ вещи въ безсрочное и даровое владѣніе, не соединенное ни съ какимъ обязательствомъ ни для собственника, ни для владѣльца и не создававшее последнему никакого вещнаго права на предметъ владѣнія. Средневѣковой прекарій, или прекарія, какъ называетъ его Роть въ отличіе отъ римскаго, пользуясь словоупотребленіемъ IX вѣка, состоялъ въ передачѣ узуфрукта, обыкновенно на время жизни получателя, подъ условіемъ оброчнаго платежа съ уступленной во владѣніе земли или безъ этого условія. Съ римскимъ прекаріемъ русское пожизненное владѣніе вольноотпущенныхъ по завѣщанію сходилось въ безвозмездности владѣнія пожалованною землей и въ его личномъ характерѣ безъ примѣси вещнаго, а съ прекаріей средневѣковой въ обязательственномъ значеніи этого владѣнія для собственниковъ, наслѣдниковъ завѣщателя, и въ пожизненной продолжительности его для владѣльцевъ; наконецъ, съ римскимъ пожалованіемъ въ случаѣ смерти и съ нѣмецкою посмертною передачей оно имѣло общаго только одно то условіе, что пожалованный или переданный предметъ поступалъ въ дѣйствительное владѣніе получавшаго лишь съ минуты смерти его собственника, потому что обоими указанными актами, римскимъ и нѣмецкимъ, передавалось право собственности, а не одного пользованія [1].

Во всякомъ случаѣ, землевладѣніе вольноотпущенныхъ на правѣ пожизненнаго пользованія было самобытнымъ явленіемъ русскаго гражданскаго права, завершившимъ собою рядъ успѣховъ, какихъ къ половинѣ XVI в. достигло древнерусское полное холопство въ своемъ движеніи по пути къ свободѣ. Эти успѣхи были экономическіе и юридическіе. Для народнаго хозяйства было важно образованіе класса сельскихъ холоповъ-хозяевъ, надѣленныхъ земельными участками, которые безъ того оставались бы непро-

---

[1] Roth: „Feudalität und Unterthanverband" S. 145—153.

изводительными пустырями. Объ экономическомъ значеніи класса можно судить по нѣкоторымъ скуднымъ даннымъ, встрѣчаемымъ въ уцѣлѣвшихъ остаткахъ писцовыхъ книгъ XVI в. Въ Каширскомъ уѣздѣ на земляхъ свѣтскихъ землевладѣльцевъ по писцовой книгѣ 1579 г. считалось 972 людскихъ двора на 2,828 дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ, а въ Тульскомъ по книгѣ 1589 г. 990 людскихъ дворовъ на 2,229 крестьянскихъ и бобыльскихъ [1]). Слѣдовательно, если опредѣлять сравнительную численность разныхъ сельскихъ классовъ тогдашнею хозяйственною единицей, дворомъ, на земляхъ свѣтскихъ владѣльцевъ сельскіе холопы-хозяева, въ большинствѣ надѣленные участками, составляли въ первомъ изъ названныхъ уѣздовъ 25% сельскаго земледѣльческаго населенія, а во второмъ даже 30%. Еще важнѣе были успѣхи юридическіе: имущество сельскаго холопа-хозяина юридически отдѣлялось отъ господской собственности; по этому имуществу холопъ могъ вступать въ обязательства отъ своего лица даже съ собственнымъ господиномъ; наконецъ, за холопомъ, по крайней мѣрѣ, высшаго привилегированнаго разряда, признавалось право земельной собственности. Всѣ эти успѣхи обнаружились въ области поземельныхъ отношеній; такъ землевладѣніе стало почвой, на которой продолжался процессъ эмансипаціи холопства, начавшійся въ области нравственныхъ понятій. Заслуживаютъ вниманія обнаружившіяся въ этомъ процессѣ взаимная связь и послѣдовательность дѣйствія условій нравственныхъ, юридическихъ, экономическихъ и, наконецъ, политическихъ. Нравственныя понятія, принесенныя христіанствомъ, внесли въ русское рабовладѣніе новыя юридическія нормы, которыя, коснувшись основной экономической силы страны, землевладѣнія, сдѣлали возможнымъ новое хозяйственное устройство значительной части холопства,—такое устройство, которое, закрѣпивъ достигнутые холопствомъ успѣхи, посте-

[1]) Писц. книги, изд. Калачовымъ, II, 1534 и 1259.

ненно выводило его изъ области частнаго права и ставило въ непосредственныя отношенія къ государству, дѣлая его способнымъ нести государственныя повинности. Этотъ послѣдній политическій моментъ обнаружился въ судьбѣ задворныхъ людей.

IV.

Задворные люди.

Перечисленныя въ предшествующей статьѣ званія холоповъ служивыхъ, приказныхъ, дѣловыхъ, страдныхъ были экономическія, а не юридическія состоянія; они различались только хозяйственнымъ назначеніемъ, какое давалъ господинъ своимъ холопамъ. Юридически всѣ эти люди до второй четверти XVI вѣка были холопы полные; съ того времени къ нимъ присоединяются еще холопы докладные. Довольно неожиданно появленіе этихъ послѣднихъ въ низшемъ разрядѣ сельскаго холопства: такъ, уже духовная В. Ѳ. Сурмина, составленная въ 1542 году, говоритъ о людяхъ дѣловыхъ „по полнымъ и по докладнымъ". Однимъ изъ основныхъ условій докладной неволи была служба сельскимъ ключникомъ; потому люди, служившіе по докладнымъ грамотамъ, должны были бы входить въ составъ только высшаго приказнаго холопства. Но до конца XVI в. въ актахъ не замѣтно кабальныхъ холоповъ на пашнѣ, хотя есть слѣды, указывающіе на то, что они служили не только въ городскихъ дворахъ, но и по селамъ своихъ господъ. Духовная М. И. Пушкина 1597 г., упоминая о сельскихъ кабальныхъ холопахъ, прямо отличаетъ ихъ отъ дѣловыхъ людей: „людей моихъ кабальныхъ,—пишетъ завѣщатель,—во дворѣ и въ деревняхъ всѣхъ отпустити на свободу опричь тѣхъ, которыхъ я приказывалъ женѣ моей по ея животъ, а что у котораго человѣка моего жалованья, лошадей и платья, и то передъ ними; да дѣловыхъ моихъ людей также отпу-

стити на свободу“ [1]). Изъ того, что завѣщатель даритъ кабальнымъ людямъ лошадей и платье, никакъ нельзя заключать, что это были хлѣбопашцы: скорѣе можно думать, что рѣчь идетъ о служилыхъ дворовыхъ людяхъ, которыхъ завѣщатель отпускалъ на волю съ походными лошадьми и съ платьемъ, какое тогда носили походные слуги свѣтскихъ служилыхъ землевладѣльцевъ. Но въ XVII в. кабальный холопъ на пашнѣ становится обычнымъ явленіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ поземельныхъ актахъ этого вѣка исчезаютъ столь часто упоминаемые въ памятникахъ прежняго времени страдные люди; за то въ составѣ несвободнаго сельскаго населенія является новый классъ задворныхъ людей.

Происхожденіе этого класса надобно поставить въ тѣсную историческую связь какъ съ состояніемъ страдныхъ людей, такъ и съ кабальнымъ холопствомъ. Названіе его произошло отъ того, что люди этого класса селились особыми избами за дворомъ землевладѣльца подобно страдникамъ; подобно имъ же задворные люди всегда надѣлялись земельными участками, такъ что по своему хозяйственному устройству они ничѣмъ не отличались отъ страдныхъ людей. Но это было особое юридическое состояніе, какого не существовало въ прежнемъ составѣ сельской челяди. Ни въ законодательствѣ, ни въ поземельныхъ актахъ и книгахъ XVII в. нѣтъ прямыхъ указаній на юридическую связь задворнаго холопства съ кабальнымъ: законъ, опредѣляя юридическое положеніе кабальныхъ холоповъ, оставался равнодушенъ къ хозяйственному употребленію, какое дѣлали изъ нихъ господа; напротивъ, поземельные акты и книги, точно обозначая хозяйственное положеніе холоповъ, рѣдко имѣли нужду отмѣчать ихъ юридическій характеръ. Однако, съ нѣкоторою увѣренностью можно предполагать, что задворными людьми первоначально становились кабальные холопы, и что этотъ новый экономическій классъ образовался изъ недавно сло-

[1]) Сб. Тр.-Серг. мон., № 530, л. 30, и 1009.

жившагося юридическаго вида холопства путемъ перехода кабальныхъ холоповъ въ хозяйственное положеніе страдныхъ людей. Въ актахъ второй половины XVII в., гдѣ только надобно было обозначить юридическій характеръ задворнаго человѣка, онъ въ большей части случаевъ называется кабальнымъ холопомъ. Притомъ, какъ въ законодательныхъ, такъ и въ поземельныхъ актахъ этотъ классъ появляется съ конца первой четверти XVII вѣка, вскорѣ послѣ того какъ завершилось законодательное опредѣленіе юридическихъ условій служилой кабалы. Наконецъ, по писцовымъ книгамъ XVII в. даже при неполномъ знакомствѣ съ ними можно замѣтить, что классъ задворныхъ людей возникъ въ началѣ этого вѣка и постепенно росъ къ концу его. Въ книгахъ первой половины столѣтія задворные люди встрѣчаются очень рѣдко и ихъ усадьбы перечисляются въ рядъ съ „людскими дворами, т.-е. съ дворами прежнихъ дѣловыхъ полныхъ и докладныхъ холоповъ: поземельные писцы еще не привыкли выдѣлять ихъ въ особое состояніе. Въ книгахъ 1678 г. задворные люди являются уже значительнымъ по численности классомъ и ихъ дворы перечисляются особою статьей. Такимъ образомъ, этотъ классъ по своему хозяйственному происхожденію былъ преемникомъ старинныхъ страдныхъ людей, а по происхожденію юридическому примыкалъ къ кабальному холопству.

Легко понять, что юридическій характеръ задворныхъ людей плохо мирился съ ихъ хозяйственнымъ положеніемъ. Кабальный человѣкъ по условіямъ служилой кабалы обязывался служить во дворѣ господина „по вся дни", а задворный человѣкъ жилъ особымъ дворомъ и обрабатывалъ свой земельный участокъ, удѣляя господину только часть своего труда или замѣняя работу на него оброкомъ. Притомъ, кабальная служба продолжалась до смерти господина, а поземельный договоръ по самому характеру поземельныхъ отношеній требовалъ болѣе опредѣленнаго и менѣе случайнаго срока. Надобно предположить особыя побужденія, благодаря

которымъ съ начала XVII в. кабальные холопы становились въ хозяйственныя отношенія, столь мало соотвѣтствовавшія условіямъ кабальной службы. Нѣкоторый свѣтъ на эти побужденія проливаютъ писцовыя книги начала XVII вѣка. Изучая ихъ, замѣчаемъ важную перемѣну, происшедшую въ составѣ сельскаго населенія. Выше мы видѣли, какую значительную часть этого населенія на земляхъ свѣтскихъ владѣльцевъ составляли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ холопы, жившіе особыми дворами. Послѣ Смутнаго времени количественное отношеніе ихъ къ другимъ сельскимъ классамъ низко падаетъ. Въ Тульскомъ уѣздѣ по книгамъ 1629 г. считалось на земляхъ свѣтскихъ вотчинниковъ и помѣщиковъ 205 людскихъ дворовъ на 1,204 двора крестьянскихъ и бобыльскихъ, т.-е. немного менѣе 15% сельскаго земледѣльческаго населенія, тогда какъ въ концѣ XVI в. ихъ было вдвое болѣе. Еще ниже количественное отношеніе такихъ холоповъ въ земледѣльческому населенію по писцовой книгѣ Бѣлевскаго уѣзда, составленной въ 1630—1632 годахъ: въ ней показано 149 людскихъ дворовъ на 1543 двора крестьянскихъ и бобыльскихъ, т.-е. людскихъ дворовъ было немного менѣе 9% всего количества дворовъ, принадлежавшихъ рабочему сельскому населенію на земляхъ свѣтскихъ владѣльцевъ [1]. Разными причинами можно объяснять эту убыль. Въ Смутное время множество холоповъ разбѣжалось, покинувъ своихъ господъ. Притомъ, вслѣдствіе общаго разоренія, у землевладѣльцевъ стало меньше средствъ селить оставшихся у нихъ земледѣльческихъ холоповъ въ особыхъ дворахъ, помогая ссудами ихъ хозяйственному обзаведенію. Къ этому надобно прибавить еще одно условіе, начавшее дѣйствовать послѣ Смутнаго времени и содѣйствовавшее общему уменьшенію количества челяди въ Московскомъ государствѣ: при

[1]) Писц. книги Тульскаго уѣзда, №№ 489, 490 и 491 въ москов. архивѣ министерства юстиціи. Бѣлевск. Вивліоѳика, изд. Елагинымъ, II, 277: общій итогъ по уѣзду не вполнѣ сходится съ частными по станамъ; нашъ разсчетъ основанъ на послѣднихъ.

новой династіи, еще до изданія Уложенія, закрыть былъ одинъ изъ главныхъ источниковъ неволи—продажа въ полное и докладное холопство свободныхъ лицъ изъ „крещеныхъ людей“, какъ выразилось Уложеніе. Между тѣмъ, отпускъ холоповъ массами на волю по духовнымъ продолжался, когда полное и докладное холопство уже не пополнялось притокомъ новыхъ невольниковъ путемъ продажи въ крѣпость „съ воли.“ Въ этомъ холопствѣ оставались только холопы старинные, т.-е. потомки прежнихъ полныхъ и докладныхъ холоповъ. Все это должно было усилить среди землевладѣльцевъ нужду въ рабочихъ крѣпостныхъ рукахъ для обработки пустопорожнихъ земель, количество которыхъ въ Смутное время чрезвычайно увеличилось. Эта нужда, вѣроятно, и заставила землевладѣльцевъ искать новыхъ рукъ для сельской работы въ кабальномъ холопствѣ. Съ другой стороны, и свободныхъ бѣдняковъ, которыхъ обстоятельства вынуждали отдаваться въ кабалу, положеніе задворныхъ людей могло привлекать выгодами, какихъ лишена была дворовая кабальная служба: это были особый дворъ съ земельнымъ участкомъ, свое хозяйство, опредѣленное количество труда на господина. Притомъ, всѣ юридическіе успѣхи, достигнутые полными и докладными страдниками, должны были перейти по историческому наслѣдству и къ кабальнымъ задворнымъ людямъ и даже увеличиться новыми пріобрѣтеніями, обезпечивавшими еще большую личную и имущественную ихъ правоспособность. Съ признаками такой правоспособности задворные люди являются уже въ самомъ раннемъ извѣстномъ законѣ, который говоритъ о нихъ. Издавна гражданская отвѣтственность за преступленія холоповъ падала на ихъ господъ, которые обязаны были вознаграждать потерпѣвшую сторону за убытки, причиненные преступникомъ. Законъ 14 октября 1624 г. сдѣлалъ исключеніе изъ этого правила для холоповъ, жившихъ „за дворомъ“: задворные люди сами несли на себѣ и гражданскую отвѣтственность за свои преступленія наравнѣ съ уголовной,

вознаграждая истцовъ изъ своего имущества: въ случаѣ смерти преступника до судебнаго рѣшенія его дѣла, имущество его продавалось для уплаты убытковъ истца [1]). Значитъ, имущество задворнаго человѣка признавалось его, а не господскою собственностью. Этотъ законъ наглядно обозначаетъ юридическое разстояніе, на какое задворный холопъ обогналъ своихъ юридическихъ и экономическихъ предковъ, холоповъ и закуповъ временъ Руской Правды: даже закупъ, который не считался холопомъ, въ случаѣ преступленія превращался изъ отвѣтчика въ страдательную вещь: хозяинъ могъ по желанію или самъ заплатить за преступника, который за то становился его полнымъ холопомъ, или продать его и изъ вырученной суммы вознаградить истца, а остакокъ взять себѣ.

Выходъ изъ затрудненій, какія создавались противорѣчіями между условіями служилой кабалы и задворнаго холопства, указанъ былъ развитіемъ крестьянской крѣпостной зависимости. Задворное холопство складывалось въ то самое время, когда въ поземельные договоры крестьянъ съ землевладѣльцами входило условіе, дѣлавшее первыхъ крѣпостными людьми послѣднихъ, — условіе, по которому крестьянинъ навсегда отказывался отъ права прекратить свои договорныя обязательства [2]). Можетъ быть, одновременность обоихъ явленій тѣмъ и объясняется, что оба они были вызваны одинаковыми причинами: нужда землевладѣльцевъ въ крѣпостныхъ рабочихъ рукахъ и нужда рабочихъ людей въ ссудѣ, встрѣтившись, заставили вольныхъ крестьянъ подчиниться нѣкоторымъ условіямъ кабальнаго холопства, а кабальныхъ холоповъ стать въ хозяйственныя отношенія, въ какихъ стояли крестьяне. Когда служилая кабала, опредѣлявшая условія дворовой службы холопа, стала измѣняться примѣнительно къ положенію задворныхъ холоповъ, связан-

---

[1]) Акты Ист. III, 303.

[2]) См. статью Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи.

ныхъ съ господами поземельными отношеніями, крестьянская ссудная запись послужила для нея готовымъ образцомъ: ея условіями постепенно вытѣснялись обязательства служилой кабалы. У насъ подъ руками очень скудный запасъ задворныхъ крѣпостей, которыя вообще довольно рѣдки; но и по этому запасу можно видѣть, какъ задворное холопство постепенно усвояло условія крестьянской крѣпостной зависимости. Договоръ, которымъ укрѣплялся задворный человѣкъ, назывался подобно крестьянской крѣпости ссудною записью, иногда ссудною жилою записью. Задворные люди заключали съ господами договоры двоякаго рода: одни прямо рядились жить за дворомъ, другіе прикрывались обязательствомъ жить и работать во дворѣ господина. Образчикомъ крѣпости перваго рода можетъ служить ссудная одного вольноотпущеннаго, писанная въ 1652 г. [1]). Вступавшій въ новую кабалу взялъ у госпожи въ ссуду 20 четвертей хлѣба, лошадь, корову, овецъ и 15 рублей денегъ „на дворовое строенье" съ обязательствомъ „жить у государыни своей за дворомъ себѣ избою, потому что, прибавляетъ рядившійся, взялъ я у государыни своей ссуду, денегъ и хлѣба и животину, и за ту ссуду мнѣ у государыни своей съ женою и съ дѣтьми служить и всякую работу работать". Здѣсь вступленіе въ задворное холопство поставлено въ прямую юридическую связь съ полученіемъ крестьянской ссуды, какая выдавалась на сельско-хозяйственное обзаведеніе. Записи второго рода явились, кажется, позднѣе. Одна изъ нихъ даетъ любопытное и очень рѣдкое указаніе на то, что даже холопы, становясь пахотными людьми на условіяхъ задворной крѣпости, писали на себя особыя крѣпости, подобныя ссуднымъ записямъ вольныхъ людей, рядившихся въ крестьянство. Въ ноябрѣ 1686 г. Мостининъ отдалъ своему сыну стариннаго своего человѣка Водопьянова съ семьей,

[1]) И. Д. Бѣляевъ: „Собраніе историко-юридическ. актовъ", въ Моск. Публ. Румянц. Музеѣ, папка № 14.

а черезъ мѣсяцъ этотъ старинный холопъ далъ новому господину ссудную запись на себя въ томъ, что онъ взялъ у Мостинина-сына на всякій домовый заводъ 5 рублей и лошадь, обязуясь за себя и за свою семью жить у новаго господина и у дѣтей его съ тою ссудой „во дворѣ въ дѣловыхъ людяхъ гдѣ они укажутъ, и живучи всякую работу на него и на дѣтей его работать по вся дни и тягло имъ всякое платить“; въ случаѣ побѣга, господинъ могъ взять бѣглеца съ семьей, попрежнему, въ дѣловые люди и взыскать съ него свою ссуду. Легко замѣтить несообразности этого договора: человѣкъ, уже принадлежавшій къ дворовой челяди, какъ холопъ старинный, рядился жить во дворѣ своего господина и, въ то же время, бралъ ссуду на всякій домовый заводъ или, вступая въ дворовую службу, обязывался платить тягло, котораго никогда не платили дворовые люди. Очевидно, дворовою службой здѣсь прикрывалось состояніе, отличное отъ простого двороваго холопства. Такими же особенностями отличается и другая запись на дворовую службу 1687 г. Вольноотпущенный Романовъ взялъ у дьяка Богданова 10 руб. ссуды на лошадь, корову и на хоромное строеніе, обязавшись за тѣ деньги жить у дьяка въ домѣ и всякую работу работать. Но особенно характерна ссудная жилая запись 1689 года, составленная совершенно по образцу ссудныхъ крестьянскихъ записей того времени. Вольный человѣкъ Карповъ взялъ у помѣщика въ ссуду лошадь, корову, 5 овецъ, 4 свиньи, 3 козы, гнѣздо гусей, платья верхняго и исподняго на $3^{1}/_{2}$ руб. (около 60 руб. на наши деньги) и 15 четвертей разнаго хлѣба, обязавшись съ семьей жить у господина, его жены и дѣтей „во дворѣ вѣчно“ и всякую дворовую работу работать. По такой же записи, повидимому, служила въ половинѣ XVII в. одна холопья семья у помѣщика Андарова, сколько можно судить объ условіяхъ ея службы по предсмертной отпускной, данной ей господиномъ въ 1652 году. Андаровъ отпускалъ „изъ двора на волю“ дворовую свою работницу, двухъ ея

женатыхъ сыновей и третьяго холостого „со всѣми ихъ животы, съ хоромы, и съ хлѣбомъ клѣтнымъ, и съ гуменнымъ, и съ полевымъ, и съ лошадьми, и съ коровы, и со всякою мелкою животиной“. Очевидно, дворовая работница съ семьей жила въ особомъ дворѣ, имѣла гумно, скотъ и полевой участокъ, полное земледѣльческое хозяйство [1]). Въ изложенныхъ записяхъ на дворовую службу встрѣчаемъ главныя отличительныя черты задворнаго холопства, составлявшія содержаніе и крестьянской ссудной записи: особый дворъ и земледѣльческій инвентарь, сельско-хозяйственную ссуду, барщину съ тяглыми платежами и безсрочность договора, которая переходила въ обоюдостороннюю наслѣдственность или вѣчность крѣпости, привязывавшей какъ самого крѣпостного, такъ и его потомковъ не только къ первому владѣльцу, укрѣпившему за собою ихъ предка, но и къ его наслѣдникамъ. Въ договорахъ умалчивалось только о коренномъ условіи, служившемъ основаніемъ для всѣхъ остальныхъ, о пользованіи земельнымъ участкомъ; но это условіе, какъ разумѣвшееся само собою, не всегда обозначалось и въ крестьянскихъ ссудныхъ записяхъ.

Примѣненіе условій крестьянской крѣпости къ пахотнымъ кабальнымъ людямъ вызвало рядъ новыхъ явленій въ крѣпостномъ правѣ. Прежде всего, оно положило начало слiянiю юридическихъ условiй холопства съ хозяйственными состоянiями холоповъ. Прежде первыя строго отличались отъ послѣднихъ: полный холопъ оставался полнымъ, служилъ ли онъ у своего господина приказчикомъ, или дѣловымъ человѣкомъ; хозяйственное положеніе крѣпостного при господскомъ дворѣ не вліяло на условія крѣпости, какъ и не зависѣло отъ этихъ условій. Но сама крѣпость обыкновенно была условіемъ всякаго хозяй-

[1]) Нижегородская крѣпостная книга въ Моск. Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ, № 41, л. 36 и 93. „Собраніе грамотъ“ Бѣляева въ Моск. Публ. Румянц. Музеѣ, папка № 15. Запись Карпова въ собраніи грамотъ, принадлежащемъ автору.

ственнаго положенія слуги при древнерусскомъ господскомъ дворѣ, который не любилъ слугъ вольныхъ: такъ, нужно было сдѣлаться холопомъ полнымъ или докладнымъ, чтобы стать дѣловымъ человѣкомъ. Первоначально и задворное холопство было только хозяйственнымъ состояніемъ: задворные люди укрѣплялись обыкновенными служилыми кабалами, по какимъ были крѣпки своимъ господамъ и другіе кабальные холопы, служившіе въ господскихъ дворахъ, а не за дворами. Но во второй половинѣ XVII вѣка условія задворной крѣпости неразрывно слились съ извѣстнымъ хозяйственнымъ положеніемъ задворнаго человѣка: если холопъ по полной или докладной грамотѣ могъ быть и не быть дѣловымъ, то холопъ по ссудной записи могъ быть только задворнымъ, потому что онъ и холопомъ становился лишь вслѣдствіе того, что дѣлался по договору задворнымъ. Этимъ объясняется юридическій смыслъ приведенной выше ссудной записи Водопьянова: вступая въ положеніе задворнаго человѣка, онъ далъ на себя новую крѣпость, хотя и безъ того уже былъ стариннымъ холопомъ господина, которому далъ эту крѣпость; прежнія крѣпости были недостаточны, потому что укрѣпляли дворовое, а не задворное холопство Водопьянова. Эта же ссудная запись помогаетъ понять, чѣмъ отличалась задворная крѣпость отъ древняго холопства по тіунству и по ключу сельскому. Это холопство также возникало изъ юридическаго сочетанія неволи съ извѣстнымъ хозяйственнымъ положеніемъ холопа. Но разница заключалась въ томъ, что служба въ должности тіуна или сельскаго ключника была только источникомъ холопства, но не была его условіемъ, постояннымъ хозяйственнымъ состояніемъ холопа: принимая должность ключника, человѣкъ становился холопомъ; но, ставъ холопомъ, онъ могъ и не быть ключникомъ, оставаясь холопомъ. По связи юридическихъ условій съ хозяйственными задворная крѣпость болѣе напоминаетъ докладную грамоту XVI вѣка, по которой вольный человѣкъ давался „на ключъ, а по ключу и въ холопи“. Но изъ актовъ видно, что это было фиктивное

условіе, и холопы докладные, какъ и полные, уже въ первой половинѣ XVI вѣка могли и не быть ключниками. Легко понять, что связь крѣпостной зависимости съ извѣстнымъ хозяйственнымъ положеніемъ крѣпостного была заимствована задворнымъ холопствомъ изъ крестьянскаго крѣпостного договора, который весь состоялъ изъ обязательствъ, обусловленныхъ извѣстными хозяйственными выгодами, каковы были барщина и ссуда, земельный участокъ и тягло. Въ свою очередь задворное холопство подѣйствовало на жилое: этому дѣйствію можно приписывать замѣтную въ жилыхъ записяхъ второй половины XVII вѣка наклонность точно опредѣлять свойство работъ, обязательныхъ для холопа.

Положивъ начало сліянію юридическихъ условій холопства съ хозяйственными, задворное холопство, съ другой стороны, повело къ смѣшенію выработавшихся раньше юридическихъ видовъ крѣпостной зависимости. Оно само было плодомъ такого смѣшенія. Въ задворномъ человѣкѣ исчезалъ всякій опредѣленный юридическій образъ: въ немъ совмѣщались особенности холопства полнаго и жилаго и сглаживались существенныя черты кабальнаго человѣка. Изъ крѣпостного, обязаннаго личною дворовою службой до смерти господина, онъ превращался въ вѣчно-обязаннаго хлѣбопашца, прикрѣпленнаго съ потомствомъ къ своему двору и къ владѣльческой семьѣ. Изъ потомковъ такихъ холоповъ къ концу XVII вѣка образовалось въ составѣ несвободнаго сельскаго населенія особое званіе старинныхъ задворныхъ людей. Превращая пожизненное холопство въ потомственное, задворная крѣпость стала новымъ средствомъ привлеченія полнаго двороваго холопства къ земледѣльческому труду. Какъ скоро поземельныя отношенія кабальныхъ задворныхъ людей начали устанавливаться на условіяхъ вѣчной крестьянской крѣпости, ничто не мѣшало рабовладѣльцамъ переводить своихъ полныхъ дворовыхъ холоповъ въ задворные люди: они не теряли наслѣдственныхъ слугъ и пріобрѣтали крѣпостныхъ хлѣбопашцевъ. Этимъ

объясняется появленіе полныхъ холоповъ въ положеніи задворныхъ людей во второй половинѣ XVII вѣка. Наконецъ, ставъ между холопствомъ и крестьянствомъ, задворная крѣпость указала путь къ переходу какъ полныхъ, такъ и кабальныхъ холоповъ прямо въ крестьяне. Одинъ такой случай относится ко времени самаго возникновенія задворнаго холопства, когда послѣднее еще не успѣло такъ приблизиться юридически къ крестьянству, какъ оно приблизилось потомъ: можно думать, что потомъ, во второй половинѣ XVII вѣка, такіе случаи были нерѣдки. Помѣщикъ Жеребятичевъ еще въ 1597 году выпросилъ себѣ у правительства въ помѣстье пустошь, которая потомъ оказалась вотчиной Троицкаго Сергіева монастыря. Много лѣтъ спустя сынъ Жеребятичева Петръ продолжалъ владѣть захваченною землей, но въ 1628 году, избѣгая тяжбы съ монастыремъ, вошелъ съ нимъ въ сдѣлку, по которой получилъ позволеніе владѣть пустошью еще два года. Въ сдѣлочную запись онъ вставилъ такое любопытное условіе: „а которыхъ крестьянъ я Петръ въ тое Троицкую вотчину изъ своего помѣстья изъ дер. Андрейкова перевезъ и своихъ дворовыхъ кабальныхъ и старинныхъ людей, изъ старины призвавъ, во крестьяне посадилъ и ссуду имъ давалъ, и тѣхъ моихъ помѣстныхъ крестьянъ и людей, которыхъ во крестьяне сажалъ, властемъ изъ тое Троецкіе вотчины велѣти мнѣ вывезть со всѣми ихъ животы крестьянскими, гдѣ язъ Петръ похочу“ [1]. Этимъ объясняется юридическое безразличіе, съ какимъ землевладѣльцы во второй половинѣ XVII вѣка мѣняли дворовыхъ холоповъ, полныхъ и кабальныхъ, на крестьянъ, а крестьянъ на задворныхъ людей. Правительство, утверждая эти сдѣлки, само подчинялось такому безразличному отношенію къ разнымъ видамъ крѣпостной зависимости. Поддерживая строгое различіе между холопствомъ и крѣпостнымъ крестьянствомъ въ интересѣ наслѣдственности общественныхъ

[1]) Сборникъ Троицко-Сергіева монастыря, № 530, л. 1018.

состоянія, оно рядомъ указовъ подтверждало, чтобы при вступленіи вольноотпущенныхъ въ новую крѣпость на крестьянъ брали ссудныя записи, а на людей, т.-е. холоповъ, служилыя кабалы. Еще въ 1685 году было строго запрещено брать ссудныя записи на кабальныхъ людей и ихъ дѣтей, а на крестьянъ и крестьянскихъ дѣтей служилыя кабалы. Но боярскимъ приговоромъ 30 марта 1688 года было предписано въ Холопьемъ приказѣ „записывать по кабаламъ людей и по ссуднымъ крестьянъ и людей“ [1]). Ссудныя записи на людей, какъ мы видѣли, были крѣпости на пахотныхъ задворныхъ холоповъ; приговоръ не различаетъ здѣсь людей полныхъ, кабальныхъ и жилыхъ. По этому указу, какъ и по частнымъ землевладѣльческимъ актамъ того времени, можно замѣтить, что смѣшеніе юридическихъ видовъ крѣпостной зависимости происходило преимущественно, если не исключительно, среди сельскаго земледѣльческаго холопства. На дворовой службѣ служилая кабала и жилая запись до первой ревизіи строго отличались не только другъ отъ друга, но и отъ крѣпости полной и крестьянской. Еще указъ 7 сентября 1690 г. предписалъ давать волю по смерти господъ взятымъ ими во дворъ крестьянскимъ дѣтямъ наравнѣ съ кабальными людьми: когда вошелъ въ обычай запрещенный Уложеніемъ переводъ крестьянъ во дворъ, законъ сталъ смотрѣть на такихъ дворовыхъ, какъ на уволенныхъ владѣльцами отъ крестьянской крѣпостной зависимости и добровольно безъ записи вступившихъ къ нимъ же въ дворовую службу и именно въ службу кабальную, потому что вступленіе въ дворовое полное холопство лицамъ православнаго исповѣданія было запрещено [2]). Напротивъ, въ кругу поземельныхъ отношеній всѣ виды холопства уже къ концу XVII вѣка стали сливаться въ одно общее понятіе крѣпостного человѣка съ тѣми юридическими и хозяй-

[1]) П. С. З., №№ 1128 и 1293.
[2]) Тамъ же, № 1383.

ственными особенностями, какими отличалось холопство задворное. Послѣднее, такимъ образомъ, сдѣлалось типическою формой, какую принимали отношенія всякаго холопа при его переходѣ съ господскаго двора на пашню.

Совмѣщеніе особенностей различныхъ старыхъ видовъ крѣпостной зависимости и сліяніе юридическихъ условій неволи съ хозяйственными превратили задворное холопство во второй половинѣ XVII вѣка изъ хозяйственнаго состоянія нѣкоторыхъ кабальныхъ людей въ особый юридическій видъ крѣпостной зависимости, мало похожій на кабальное холопство. Въ законодательствѣ того времени не находимъ точныхъ опредѣленій объ этомъ новомъ видѣ; но съ такимъ значеніемъ является задворное холопство въ частныхъ актахъ, т.-е. въ юридической дѣйствительности. Прежде всего, это холопство укрѣплялось не служилою кабалой или полною грамотой, а особою задворною ссудною записью. Обозначая свойство крѣпости задворнаго человѣка, акты очень рѣдко прилагаютъ къ нему названіе какого-либо прежняго вида холопства, показывая тѣмъ, что задворная крѣпость сама по себѣ служила достаточнымъ средствомъ укрѣпленія. За гороховскимъ помѣщикомъ Дураковымъ по писцовымъ книгамъ 1646 г. числился задворный человѣкъ Якушка съ сыновьями, которые по смерти отца много лѣтъ жили со своими дѣтьми въ его дворѣ, а потомъ бѣжали. Наслѣдники Дуракова до 1699 года искали бѣглецовъ, какъ своихъ наслѣдственныхъ крѣпостныхъ людей, только на томъ основаніи, что они были дѣти задворнаго человѣка ихъ предка. Въ 1682 г. вдова Хитрова отпустила на волю своего стариннаго приданаго человѣка, т.-е. полнаго холопа Ларьку и его дочерей. Отпущенные вскорѣ отдали свою отпускную Ржевскому: это значило по закону, что они вступили въ кабальное холопство и на нихъ слѣдовало взять служилыя кабалы. Но они бѣжали и отъ Ржевскаго на старину, гдѣ родились, къ сыну Хитровой, за которымъ Ларька прожилъ до своей смерти задворнымъ человѣкомъ. Незамужнія дочери не могли на-

слѣдовать задворныхъ поземельныхъ обязательствъ своего отца и по смерти его, казалось бы, должны были стать простыми кабальными холопками, которыя по смерти отцова господина выходили на волю по закону, если не давали на себя служилыхъ кабалъ его наслѣдникамъ. Несмотря на это, сынъ Хитрова, принявшаго Ларьку въ задворные люди, выдавая по смерти своего отца Ларькину дочь замужъ за чужого двороваго, взялъ за нее выводъ, не какъ за холопку, вступившую къ нему въ кабалу, а какъ за „старинную свою задворную и крѣпостную дѣвку", и въ выпускной отписи на замужство укрѣпилъ ее за жениховымъ господиномъ, его женой и дѣтьми [1]).

Изъ этихъ актовъ видно, что задворная неволя превратилась въ полное холопство, только поземельное, а не дворовое, съ безусловною стариной, по которой зависимость наслѣдовалась потомками задворнаго холопа даже въ томъ случаѣ, когда они не наслѣдовали его задворныхъ поземельныхъ обязанностей, и не прекращалась со смертью перваго господина. Задворныя ссудныя записи показываютъ, что въ это холопство вступали по договору какъ вольные люди, такъ и холопы, послѣдніе, разумѣется, къ своимъ же господамъ. Въ томъ и другомъ случаѣ задворный человѣкъ получалъ земледѣльческую крестьянскую ссуду для обработки своего участка. Эта ссуда считалась, повидимому, необходимымъ юридическимъ условіемъ вступленія въ задворное холопство: по крайней мѣрѣ, въ приведенной выше ссудной 1652 года вольный человѣкъ выразился съ удареніемъ, что онъ порядился жить за дворомъ, потому что взялъ ссуду. Все это сближало задворную крѣпость съ крестьянской, отъ которой она отличалась только тѣмъ, что была свободна отъ государственнаго тягла. Такимъ образомъ, эта крѣпость стала переходнымъ состояніемъ между полнымъ дворовымъ холопствомъ и крѣпостнымъ крестьянствомъ: сходясь съ первымъ

[1]) Изъ собранія актовъ, принадлежащаго автору.

въ юридическихъ послѣдствіяхъ, она отличалась отъ него хозяйственнымъ положеніемъ крѣпостного; сходясь со вторымъ въ хозяйственныхъ условіяхъ, она отличалась отъ него юридическимъ отношеніемъ крѣпостного къ государству.

Получивъ значеніе особаго юридическаго вида крѣпостной зависимости, задворное холопство измѣнило юридическій составъ сельской пахотной челяди. Барская усадьба въ XVII в. сохраняла ту же хозяйственную физіономію, съ какою является она въ актахъ XVI в. Чернорабочая челядь носила прежнее общее названіе дѣловыхъ людей, изъ которыхъ одни жили на барскомъ дворѣ и содержаніи, обрабатывая барскую пашню, другіе помѣщались за барскимъ дворомъ въ особыхъ избахъ, имѣли свои хозяйства и земельные надѣлы, отбывали барщину и платили оброкъ. Но эта другая половина дѣловой челяди, называвшаяся прежде страдными людьми, теперь распалась на два разряда, которые получили новыя названія: одинъ разрядъ составляли задворные люди, другой назывался дѣловыми людьми, устроенными на пашнѣ. Законодательные памятники второй половины XVII в. обыкновенно ставятъ оба эти класса рядомъ, какъ состоянія, похожія другъ на друга. Но при видимомъ хозяйственномъ сходствѣ между ними было существенное юридическое различіе. Законъ 1624 года, признавая задворныхъ людей въ имущественномъ отношеніи лицами болѣе правоспособными сравнительно съ дворовыми холопами, не распространяетъ этого преимущества на дѣловыхъ пахотныхъ людей. Такое предпочтеніе основывалось на двухъ важныхъ особенностяхъ задворнаго состоянія. Во-первыхъ, задворный человѣкъ получалъ сельско-хозяйственную ссуду по особому письменному договору съ господиномъ; дѣловой человѣкъ, садясь на участокъ со ссудной или безъ нея, продолжалъ служить по простой холопьей крѣпости, которая укрѣпляла его независимо отъ полученныхъ имъ участка и ссуды. Другою особенностью задворныхъ людей былъ платежъ тягла землевладѣльцамъ. Дѣло-

26*

вые отбывали только барщину: объ этомъ можно заключить по указамъ 3 и 6 іюня 1712 г., которые, опредѣляя обычныи размѣръ дѣлового участка, говорятъ, что помѣщики даютъ на семью дѣловымъ людямъ „за мѣсячную" по десятинѣ пашни въ каждомъ полѣ [1]). Если въ прибавку къ трехдесятинному пахотному надѣлу помѣщикъ давалъ дѣловымъ людямъ еще мѣсячину, онъ не могъ брать съ нихъ денежнаго или хлѣбнаго оброка. Задворные люди получали полные надѣлы, равные тяглымъ крестьянскимъ жеребьямъ, и съ нихъ платили владѣльцамъ тягло денежное или хлѣбное, отбывая, сверхъ того, барщину, какъ это дѣлали и крестьяне. Этимъ объясняется еще одна черта, отличавшая задворныхъ людей отъ другихъ видовъ холопства и сближавшая ихъ съ крестьянами. За пріемъ бѣглыхъ крестьянъ владѣлецъ ихъ взыскивалъ съ пріемщика по закону з а ж и л ы я д е н ь г и, служившія ему вознагражденіемъ за потерянный доходъ съ бѣглецовъ и за уплаченныя въ казну подати съ покинутыхъ ими участковъ. За пріемъ бѣглыхъ холоповъ, которые не платили ни казенныхъ податей, ни оброка владѣльцамъ, а только работали на послѣднихъ, законъ не назначалъ зажилыхъ денегъ; но задворные люди въ этомъ отношеніи уравнивались съ крестьянами [2]). Изъ этихъ особенностей задворнаго состоянія видно, что оно соотвѣтствовало тѣмъ страдникамъ XVI вѣка, которые имѣли наиболѣе полныя земледѣльческія хозяйства и несли одинаковыя съ крестьянами поземельныя повинности, не только отбывали барщину, но и платили оброкъ. Но это состояніе тѣмъ отличалось отъ страднаго, что въ него вступали сво-

[1]) П. С. З., №№ 2536 и 2540.

[2]) Довольно рѣдкое указаніе на платежъ зажилыхъ денегъ за бѣглыхъ задворныхъ людей находимъ въ поступной записи Дураковыхъ и Чирковыхъ 1699 г. (изъ собранія старинныхъ актовъ кн. П. П. Вяземскаго, которому приносимъ искреннюю благодарность за доставленную намъ возможность пользоваться его любопытнымъ собраніемъ).

бодныя и несвободныя лица по договору съ землевладѣльцами, а страдными людьми становились холопы по хозяйственному распоряженію господъ. Значитъ, классъ задворныхъ людей выдѣлился при содѣйствіи кабальнаго холопства изъ безразличной прежде въ юридическомъ отношеніи дѣловой челяди: вслѣдъ за кабальными холопами въ этотъ классъ вступали и прежніе страдные люди, холопы полные и докладные, которые по своему хозяйственному положенію могли нести задворныя повинности. Это выдѣленіе было новымъ юридическимъ успѣхомъ земледѣльческаго холопства. Мы видѣли, что уже въ XVI вѣкѣ имущество страднаго холопа юридически отдѣлялось отъ господской собственности и по этому имуществу страдникъ могъ вступать въ обязательства отъ своего лица даже съ собственнымъ господиномъ, напримѣръ, брать у него ссуду подъ заемную кабалу. Въ XVII вѣкѣ имущество задворнаго человѣка прямо было признано его собственностью, а заемная кабала страдника, нисколько не смягчавшая строгости полнаго холопства, превратилась въ ссудный договоръ задворнаго человѣка съ господиномъ, ставшій источникомъ новаго вида холопства, который лишь тонкою политическою чертой отдѣлялся отъ крѣпостного крестьянства.

Но и эта политическая черта, свобода отъ государственныхъ повинностей, скоро сгладилась: къ частному господскому тяглу, которое падало на задворнаго человѣка, постепенно присоединилось и тягло государственное. Это было требованіемъ юридической логики: если въ частныхъ гражданскихъ обязательствахъ задворный человѣкъ такъ близко подходилъ къ крѣпостному крестьянству, то современемъ онъ долженъ былъ уравняться съ послѣднимъ и въ государственныхъ обязанностяхъ. Благодаря особенностямъ хозяйственнаго устройства Московскаго государства въ XVII в. трудно рѣшить, когда произошло это уравненіе; но тѣ же особенности помогаютъ разъяснить, какъ оно произошло. Неизвѣстенъ прямой законъ, который ввелъ задворныхъ

людей въ государственное тягло. Но изъ указа 17 іюля 1711 г. знаемъ, что это произошло еще до первой ревизіи: указъ говоритъ о задворныхъ людяхъ, что они платятъ всякія подати [1]). Впрочемъ, едва ли когда-нибудь и былъ изданъ такой прямой законъ: задворные люди постепенно были введены въ государственное тягло самими землевладѣльцами вслѣдствіе перемѣнъ, какимъ подверглась поземельная подать въ XVII в.

Въ XVI в. эта подать падала на все пространство пахотной земли, такъ что землевладѣльцы платили ее и съ той земли, которую пахали на себя своими дворовыми рабочими, если не имѣли льготныхъ грамотъ, которыя „обѣляли и выкладывали изъ сошнаго письма“ барскую пашню. Въ XVII в. подать падала только на пашню крестьянскую и бобыльскую и не касалась той, которую землевладѣлецъ обрабатывалъ на себя, не отдавая ея тяглымъ людямъ. Это выдѣленіе изъ тягла господской запашки было слѣдствіемъ введенія новой окладной поземельной единицы. Въ XVI в. такою единицей служила в ы т ь, извѣстный участокъ пашни; въ XVII в. ее замѣнила живущая ч е т ь, состоявшая изъ извѣстнаго числа тяглыхъ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ. Но эта четь служила только счетною единицей для финансоваго управленія: сумма подати, на нее падавшая, разверстывалась между тяглыми дворами соразмѣрно съ отведенными имъ земельными участками, размѣръ которыхъ опредѣлялся рабочими средствами каждаго двора. Съ установленіемъ крестьянской крѣпости этою разверсткой на владѣльческихъ земляхъ руководили сами владѣльцы, которые собирали съ своихъ крестьянъ и платили въ казну поземельную подать. Больнымъ мѣстомъ тогдашняго землевладѣнія были „пустовыя доли“, участки тяглой пашни, остававшіеся безъ работниковъ чаще всего вслѣдствіе крестьянскихъ побѣговъ и хозяйственнаго изнеможенія, когда у иного крестьянина

[1]) П. С. З. № 2404.

„могуты не ставало“ пахать свой жеребій. Чтобы не платить „съ пуста“, землевладѣльцы наваливали такія доли на остальныхъ крестьянъ или подыскивали новыхъ работниковъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ ихъ и выручали задворные люди, которымъ они раздавали пустовые тяглые участки, обязывая ихъ тянуть наравнѣ съ крестьянами барское и казенное тягло, тогда какъ дѣловые люди получали надѣлы изъ нетяглой барской пашни. Это не значило, что землевладѣльцы превращали своихъ задворныхъ холоповъ въ государственныхъ тяглецовъ: это было ихъ домашнею хозяйственною сдѣлкой, къ которой они прибѣгали, чтобы не платить за опустѣвшіе участки или чтобы облегчить тягло своимъ крестьянамъ. Съ тѣхъ поръ, какъ на землевладѣльцевъ положена была отвѣтственность за казенные платежи ихъ крестьянъ, эти платежи стали для первыхъ вычетомъ изъ ихъ валового дохода съ крестьянъ, а для послѣднихъ частью общаго поземельнаго тягла, которое они несли на себѣ, не разбирая, что изъ него шло въ казну и что оставалось въ барской конторѣ: то было дѣломъ самого владѣльца, которому предоставлено было изыскивать и средства къ тому, чтобы его населенная крѣпостными работниками, живущая земля, какъ говорили въ XVII в., была исправна передъ казной. Въ юридическомъ и хозяйственномъ отношеніи поселеніе задворныхъ людей на тяглой пашнѣ было мѣрой, подобной той, къ какой прибѣгали землевладѣльцы еще въ началѣ XVII в. и, вѣроятно, раньше. Въ 1605 г. подъячій Семеновъ взялъ у Троицкаго Сергіева монастыря въ аренду на 5 лѣтъ пустую деревню, обязавшись давать за нее монастырю оброкъ, „а государевы всякія подати платити съ двухъ вытей „наравнѣ съ монастырскими крестьянами того села, къ которому принадлежала деревня, и пахать землю въ той деревнѣ не наѣздомъ, а поселить въ ней своихъ пахотныхъ холоповъ, которые будутъ обрабатывать обѣ выти, не участвуя только въ бар-

щинныхъ работахъ крестьянъ на монастырь [1]). Разумѣется, ни подьячій, ни его холопы вслѣдствіе этого контракта не сдѣлались тяглыми крестьянами. Такимъ образомъ, задворные люди, оставаясь по закону свободными отъ прямого государственнаго тягла, участвовали въ немъ косвенно чрезъ своихъ владѣльцевъ по тяглымъ участкамъ, которыми пользовались, и ихъ привыкали считать тяглыми людьми наравнѣ съ крестьянами; этотъ взглядъ и былъ выраженъ въ упомянутомъ указѣ 17 іюля 1711 г. Это участіе было повсемѣстнымъ явленіемъ и установилось задолго до первой ревизіи, раньше даже преобразовательной дѣятельности Петра. Такъ можно думать по одному акту 1683 года [2]). Пензенскій дворянинъ Свіязевъ промѣнялъ Чиркову свое помѣстье, въ которомъ по переписнымъ книгомъ 1678 г. значилось всего три двора: одинъ помѣщичій, другой задворнаго человѣка, третій бобыльскій. Слѣдовало бы ожидать, что Свіязеву приходилось платить подати только съ одного тяглаго бобыльскаго двора. Однако, въ мѣновой его записи читаемъ, что изъ того помѣстья съ находившимися въ немъ дворами бобыля и задворнаго человѣка онъ перешелъ въ другое и „всякія великихъ государей подати съ тѣхъ дворовъ будетъ платить по переписнымъ книгамъ". Слѣдовательно, Свіязевъ платилъ подать и съ двора своего задворнаго человѣка. Въ окладныхъ книгахъ поземельная подать разсчитывалась по податнымъ четямъ, т.-е. по количеству крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, пользовавшихся тяглыми участками, а при сборѣ подати назначенный на податную четверть окладъ разверстывался владѣльцами по размѣрамъ тяглыхъ участковъ между всѣми дворами, которые ими пользовались; все это заставляетъ придавать словамъ мѣновой записи лишь то значеніе, что задворные люди платили подать по разверсткѣ наравнѣ съ крестьянами

[1]) Сб. Троицко-Сергіева монастыря, № 530, л. 189.
[2]) Изъ собранія кн. П. П. Вяземскаго.

и бобылями, потому что обыкновенно пользовались такими участками, и что при самой переписи ихъ дворы ставились въ счетъ податныхъ четвертей, если переписчики заставали ихъ на такихъ участкахъ.

Такъ задворные люди, оставаясь по закону нетяглыми холопами, на дѣлѣ стали тяглыми крестьянами. Такое двусмысленное ихъ положеніе было причиной нерѣшительнаго отношенія къ нимъ законодательства во второй половинѣ XVII в. Ихъ вносили въ податныя поземельныя описи наравнѣ съ крестьянами и бобылями, но не включали прямо въ составъ тяглаго населенія. Чрезвычайные налоги на военныя нужды то разверстывали и по дворамъ задворныхъ людей наравнѣ съ крестьянскими и бобыльскими, то раскладывали только на крестьянъ и бобылей, не распространяя сбора на задворныхъ людей [1]). Эта нерѣшительность служила знакомъ того, что государственное положеніе холопства стало уже для правительства вопросомъ, которому оно не нашло еще рѣшенія, и что вопросъ этотъ былъ возбужденъ преимущественно положеніемъ задворныхъ людей. Еще до начала преобразовательной дѣятельности Петра въ рабовладѣльческомъ обществѣ было распространено опасеніе, что государство скоро наложитъ руку на холопью свободу отъ государственныхъ повинностей, т.-е. на господское право свободнаго распоряженія холопьимъ трудомъ. Это опасеніе обнаружилось по поводу другой части холопства, которая стояла въ одинаковомъ съ задворными людьми отношеніи къ государству. Въ 1681 г. служилымъ людямъ высшихъ чиновъ велѣно было подать сказки, сколько у кого изъ нихъ „людей съ боемъ", т.-е. боевыхъ служивыхъ холоповъ; при этомъ правительство старалось успокоить рабовладѣльцевъ, боявшихся, что такихъ холоповъ у нихъ „возьмутъ въ службу особо" [2]). Оставалось сдѣлать немногое, чтобы оправдать это

---

[1]) П. С. З., №№ 1210 и 1504.
[2]) П. С. З., № 855.

опасеніе. Къ концу XVII в. холопство уже перестало служить исключительно орудіемъ частнаго интереса и предметомъ гражданскаго права. Чрезъ своихъ господъ оно принимало двоякое косвенное участіе въ государственномъ тяглѣ: одни холопы помогали своимъ господамъ, какъ служилымъ людямъ, нести военную повинность, другіе помогали имъ, какъ землевладѣльцамъ, платить государственную поземельную подать. Оставалось замѣнить это косвенное служеніе государству прямымъ, чтобы уничтожить холопство, какъ юридическое состояніе, отличное отъ другихъ классовъ русскаго общества, между которыми были распредѣлены государственныя повинности. Эта замѣна прямо вытекала, какъ необходимое послѣдствіе, изъ заявленнаго законодательствомъ XVII в. требованія, чтобы каждое лицо, способное служить государству, стояло къ нему въ непосредственномъ отношеніи, принявъ на себя ту или другую прямую государственную повинность, и чтобы въ государствѣ не оставалось избылыхъ, т.-е. лицъ, свободныхъ отъ такихъ повинностей. Это требованіе проводилось въ двухъ правилахъ, которыя уже въ томъ вѣкѣ настойчиво прилагались законодательствомъ къ другимъ классамъ общества: 1) государственныя повинности, разъ принятыя лицомъ, становятся для него вѣчно обязательными и обязательно переходятъ на его потомство; 2) государственное служеніе лицъ, свободныхъ отъ наслѣдственныхъ повинностей, опредѣляется родомъ ихъ занятій.

Петру оставалось распространить дѣйствіе этихъ правилъ и на холопство. Его законодательство въ этомъ дѣлѣ отличалось обычными свойствами всей его преобразовательной дѣятельности, рѣшительностью въ стремленіи къ цѣли, поставленной предшественниками, и колебаніями въ выборѣ путей для достиженія цѣли, какъ скоро реформа касалась области права. Въ вопросѣ о холопствѣ причиной этихъ колебаній были преимущественно его хозяйственные виды; преобразователь, повидимому, долго не могъ уяснить себѣ ихъ значенія. Сначала, игнорируя эти виды, онъ задумалъ

подчинить государственному тяглу все холопство, постепенно зачисляя холоповъ въ военную службу. По указамъ 1 февраля и 31 марта 1700 г. всѣ вольноотпущенные, годные въ службу, записывались въ солдаты, а холопы могли вступать въ военную службу безъ отпуска и позволенія своихъ господъ. Потомъ, принявъ во вниманіе хозяйственные разряды холоповъ, Петръ отдѣлилъ для военной службы дворовую челядь, къ которой принадлежали походные спутники господъ, а на пахотныхъ холоповъ рѣшилъ положить крестьянское тягло. Начавъ войну съ Турціей въ 1711 г., онъ указомъ 1 марта потребовалъ у господъ третьяго изъ ихъ дворовыхъ людей въ солдаты, разъяснивъ указомъ 17 іюля, что набору не подлежатъ пахотные холопы: „которые дѣловые люди въ переписныхъ книгахъ (1678 г.) написаны особыми дворами, а не въ вотчинниковыхъ дворахъ, и задворные, которые платятъ всякія подати, и тѣхъ въ число не ставить“, какъ и крестьянъ; если такіе люди или крестьяне уже взяты въ службу, по просьбамъ помѣщиковъ ихъ велѣно „отдавать, попрежнему, на тягло“ [1]). Такимъ образомъ, пахотные холопы, платившіе тягло по частному договору или по хозяйственному распоряженію господъ, были признаны тяглыми по закону. Согласно съ этимъ стали взыскивать зажилыя деньги за пріемъ не только задворныхъ, но и дѣловыхъ бѣглыхъ людей. Такъ какъ способную къ службѣ дворовую челядь предположено было зачислять въ солдаты поголовно, то рекрутскіе наборы, распространенные на все тяглое населеніе, производились до ревизіи по числу дворовъ крестьянъ, бобылей, задворныхъ и дѣловыхъ людей [2]). Этихъ людей дѣловыхъ и задворныхъ, какъ уже признанныхъ тяглыми по закону, съ самаго начала ревизіи зачисляли въ подушный сборъ наравнѣ съ крестьянами и бобылями. Но изъ хода переписи мы видѣли, что нѣкоторое время Петромъ владѣло

[1]) П. С. З., №№ 1747, 3751, 2326 и 2494.
[2]) Тамъ же, №№ 3743 и 3240.

раздумье, какъ поступить съ дворовыми людьми. Сначала ихъ, какъ вспомогательный запасъ для комплектованія арміи, не клали въ подушный сборъ. Но такъ какъ владѣльцы стали показывать въ сказкахъ дѣловыхъ и задворныхъ людей дворовыми, то въ началѣ 1720 г. велѣно было распространить подушный окладъ и на дворовыхъ, „которые живутъ въ деревняхъ“. Впрочемъ, злоупотребленіе едва ли было единственною причиной этой мѣры: она согласовалась съ самою сущностью подушной подати. Эта подать, смѣнивъ подворный окладъ XVII в., не вносила новаго начала въ систему государственныхъ повинностей, а только служила болѣе точнымъ и энергическимъ выраженіемъ мысли, заявленной законодательствомъ того вѣка, что каждое лицо должно непосредственно служить государству, неся извѣстныя прямыя повинности. Потому ревизія должна была сосчитать не земледѣльческія хозяйства, которыя только и принимались въ счетъ при прежнихъ подворныхъ переписяхъ сельскаго населенія, а всѣ рабочія силы, способныя нести государственныя повинности. Дворовый, работавшій въ селѣ, приносилъ прямой доходъ владѣльцу, хотя бы и не имѣлъ своей пашни, и потому подлежалъ подушному сбору. Эта мысль довольно ясно выражена въ указѣ 1 іюня 1722 г., предписавшемъ всякаго званія слугъ, которые питаются денежною или хлѣбною дачей отъ своихъ владѣльцевъ, въ подушное расположеніе не класть, а класть только такихъ, которые хотя своей пашни не имѣютъ, но пашутъ на владѣльцевъ или даже не пашутъ и на нихъ, а живутъ въ деревняхъ [2]). Казна не имѣла нужды различать пахотныхъ и непахотныхъ, дворовыхъ и задворныхъ сельскихъ слугъ: эти различія между ними устанавливались самими владѣльцами, которые соображали, кого изъ сельскихъ холоповъ выгоднѣе поселить особымъ дворомъ и кого держать на барскомъ дворѣ для дворовой пашни и другихъ сельскихъ работъ. Казна забо-

[1]) Тамъ же, № 4026.

тилась только о распредѣленіи повинностей между способными нести ихъ крѣпостными людьми по роду занятій или хозяйственному положенію послѣднихъ. Положивъ подушную подать на сельскую челядь, Петръ оставилъ городскихъ дворовыхъ для военной службы. Согласно съ этимъ измѣненъ былъ законъ 31 марта 1700 г. о пріемѣ въ солдаты вольноопредѣляющихся холоповъ: указомъ 17 марта 1722 г., когда въ подушный окладъ зачислялись уже всѣ сельскіе дворовые, велѣно было написанныхъ въ ревизскія сказки дворовыхъ въ солдаты не принимать. Но и это различіе оказалось неустойчивымъ: законъ не запрещалъ владѣльцамъ переводить городскихъ дворовыхъ въ свои сельскія усадьбы, а сельскихъ холоповъ въ городскіе дворы. Поэтому рѣшено было уравнять всѣхъ холоповъ въ обѣихъ повинностяхъ, воинской и податной. Указомъ 4 апрѣля того же года дозволялось принимать въ солдаты всѣхъ дворовыхъ слугъ, желавшихъ вступить въ военную службу, даже записанныхъ въ подушную перепись, только зачитывая послѣднихъ владѣльцамъ за рекрутовъ слѣдующаго набора и отказывая въ пріемѣ пахотнымъ дѣловымъ людямъ, а черезъ 8 мѣсяцевъ послѣ этого указа резолюціей 19 января 1723 г. подушный сборъ былъ распространенъ и на городскихъ дворовыхъ [1]). Значитъ, Петръ кончилъ устройство государственнаго положенія холопства мѣрою, обратною той, какою началъ: онъ началъ постепеннымъ поголовнымъ зачисленіемъ холоповъ въ военную службу, не думая вводить ихъ въ податное крестьянское тягло, а кончилъ поголовнымъ введеніемъ ихъ въ это тягло наравнѣ съ крестьянами.

Резолюціей 19 января завершилось законодательное уничтоженіе холопства, какъ особаго юридическаго состоянія. Но крѣпостная зависимость холоповъ не была отмѣнена, напротивъ, стала вспомогательнымъ финансовымъ средствомъ подобно крестьянской. По мѣрѣ того какъ нетяглые крѣпо-

[1]) Тамъ же, №№ 3923, 3995 и 4145.

стные люди вводились въ тягло, на ихъ господъ падала тягловая отвѣтственность за нихъ, какая еще въ XVII в. положена была на землевладѣльцевъ за крѣпостныхъ крестьянъ. Съ другой стороны, по указамъ о первой ревизіи и вольные нетяглые люди, попадавшіе въ тягло, укрѣплялись за тѣми, кто бралъ на себя такую отвѣтственность за нихъ или на кого она возлагалась закономъ. Такъ незамѣтно измѣнился характеръ холопьей крѣпости: изъ обязательства по частной сдѣлкѣ она превратилась въ зависимость по государственному порученію. Это сообщило ей значеніе особой государственной повинности, обезпечивавшей казнѣ исправное исполненіе всѣхъ прочихъ повинностей и ложившейся на тѣхъ тяглыхъ людей, тяглая исправность которыхъ не могла быть обезпечена инымъ способомъ. Такимъ значеніемъ объясняется юридическій смыслъ тѣхъ ревизскихъ указовъ, которые обязывали вольныхъ людей записываться въ подушный окладъ за тѣми, на чьихъ земляхъ ихъ заставала ревизія или кто соглашался принять ихъ на свою отвѣтственность: записанные становились крѣпостными безъ всякой крѣпостной сдѣлки съ своими новыми господами, въ силу одной ревизской записки, которая замѣняла крѣпость. Согласно съ указаннымъ выше законодательнымъ правиломъ XVII в. эта новая государственная повинность, подобно прежнимъ, получила строго-сословный наслѣдственный характеръ: она ложилась на холоповъ пожизненныхъ или кабальныхъ и на срочныхъ или жилыхъ наравнѣ съ полными или старинными. Какъ общее государственное требованіе, она игнорировала разнообразныя условія частныхъ крѣпостныхъ сдѣлокъ и дѣлала ихъ излишними. Вотъ почему со времени первой ревизіи исчезаютъ служилыя кабалы и жилыя записи. Въ этомъ отношеніи ревизія завершила смѣшеніе юридическихъ видовъ древнерусскаго холопства, начавшееся задолго до нея перенесеніемъ въ крѣпость кабальныхъ задворныхъ людей условій крестьянской ссудной записи.

Такимъ образомъ, законодательная отмѣна холопства

была не освобожденіемъ холоповъ, а ихъ укрѣпленіемъ на другихъ основаніяхъ, одинаковыхъ съ условіями крестьянской крѣпости. Холопство въ XVII в. отличалось отъ крѣпостного крестьянства двумя особенностями: холопъ не несъ на себѣ прямого государственнаго тягла, падавшаго на крестьянъ, и укрѣплялся частнымъ договоромъ или происхожденіемъ отъ лица, укрѣпившагося такимъ способомъ, тогда какъ зависимость крѣпостного крестьянина, первоначально возникавшая также изъ частной сдѣлки, уже въ XVII в. была положена закономъ на всѣхъ крестьянъ, жившихъ на владѣльческихъ земляхъ, какъ спеціальная государственная повинность, и укрѣплялась не столько ссудными записями, сколько правительственными писцовыми и переписными книгами. Согласно съ этими особенностями и отмѣна холопства, какъ особаго юридическаго вида крѣпостной зависимости, состояла изъ двухъ законодательныхъ актовъ: изъ распространенія на всѣхъ холоповъ крестьянскаго тягла и изъ замѣны договорной и разнообразной по условіямъ холопьей неволи однообразною потомственною зависимостью по закону. Оба эти акта юридически уравняли холоповъ съ крѣпостными крестьянами, оставивъ только необязательное для владѣльца хозяйственное различіе между ними, какъ крѣпостными дворовыми и крѣпостными хлѣбопашцами [1]). Съ тѣхъ поръ холопство въ древнерусскомъ смыслѣ этого слова осталось въ воспоминаніяхъ, нравахъ и понятіяхъ, въ литературномъ и канцелярскомъ языкѣ, но исчезло въ правѣ: считать дворовыхъ и крѣпостныхъ крестьянъ со времени первой ревизіи холопами большая историческая и юридическая ошибка. Оба означенные акта принадлежатъ законодательству Петра и выразились въ длинномъ рядѣ узаконеній, завершившемся резолюціей 19 января 1723 года; но они из-

[1]) Только непахотные дворовые, по указамъ Петра, отличались отъ пахотныхъ людей и крестьянъ тѣмъ, что могли вступать охотниками въ военную службу; но указомъ 20 сент. 1727 г. было отмѣнено и это право. П. С. З., № 5161.

давна подготовлялись разнообразными условіями, подъ дѣйствіе которыхъ становилось холопство. Начала эту подготовку церковь, продолжило землевладѣльческое хозяйство, а закончила крестьянская крѣпость, которая, возникнувъ при содѣйствіи кабальнаго холопства, заплатила ему за услугу тѣмъ, что помогла уничтоженію холопства, превративъ нетяглаго кабальнаго холопа въ тяглаго задворнаго хлѣбопашца, который увлекъ за собою въ государственное тягло и другіе рязряды холоповъ.

Составъ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси [1]).

(Посвящается Б. Н. Чичерину).

Земскіе соборы древней Руси не особенно давно начали привлекать къ себѣ вниманіе изслѣдователей нашей государственной старины; но они не перестаютъ служить для послѣднихъ предметомъ усиленнаго вниманія съ тѣхъ поръ, какъ было замѣчено и оцѣнено ихъ значеніе для пониманія всего строя Московскаго государства. Ученому, которому посвящается настоящая статья, принадлежитъ едва ли не первое по времени цѣльное и превосходное изображеніе устройства, дѣятельности и значенія земскихъ соборовъ, основанное на изученіи актовъ этого учрежденія, какіе были извѣстны въ то время [2]). Послѣ этого образцоваго опыта рядъ другихъ изслѣдователей продолжалъ изученіе земскихъ соборовъ, оспаривалъ, поправлялъ или подтверждалъ взглядъ на нихъ, высказанный г. Чичеринымъ, пересматривая тѣ же самые акты. Мы разумѣемъ здѣсь почтенные труды Бѣляева и Костомарова, гг. Сергѣевича, Владимірскаго-Буданова, Загоскина, Платонова. Въ послѣднее время литература о земскихъ соборахъ пополнилась цѣнными вкладами, разъяснившими съ помощью новооткрытыхъ документовъ, между прочимъ, дѣйствовавшій въ XVII в. порядокъ созыва и выбора земскихъ представителей на соборъ [3]). Благодаря этимъ ра-

[1]) „Русская Мысль“ 1890 I, 1891 I, 1892 I и II.

[2]) Б. Чичеринъ: „О народномъ представительствѣ.“ М., 1866 г.

[3]) И. Дитятинъ; „Къ вопросу о земскихъ соборахъ XVII ст.“, въ Русской Мысли 1883 г., № 12; В. Латкинъ: „Мате-

ботамъ теперь можно составить себѣ довольно отчетливое представленіе о томъ, какъ и для чего созывались земскіе соборы, изъ какихъ элементовъ они составлялись, какіе вопросы предлагались имъ на обсужденіе, и какъ эти вопросы обсуждались, какъ составлялся соборный приговоръ, какое вліяніе оказывали соборы на законодательство и образъ дѣйствій правительства и т. п. Сдѣланы были даже попытки оцѣнить общее значеніе земскихъ соборовъ въ складѣ и ходѣ жизни Московскаго государства, взвѣсить ихъ политическій голосъ и указать ихъ связь съ тѣмъ направленіемъ, въ какомъ устанавливались и развивались внутреннія политическія отношенія Московской Руси въ XVI и XVII вв.

Впрочемъ, предметъ нельзя считать исчерпаннымъ: въ немъ остаются еще неясные пункты; иначе было бы меньше разногласія въ сужденіяхъ о характерѣ и значеніи земскихъ соборовъ. Въ нашей литературѣ можно уловить два взгляда на земскіе соборы. Одни видятъ въ нихъ только вспомогательное орудіе администраціи, никогда не выступавшее дѣятельнымъ и самостоятельнымъ двигателемъ политической жизни, никогда не имѣвшее собственнаго направленія и потому не оказавшее никакого вліянія на ходъ управленія и законодательства; отыгравъ свою кратковременную и малозначительную роль, земскіе соборы сами собою исчезли вслѣдствіе внутренняго ничтожества, чрезмѣрной слабости представительнаго начала въ древней Россіи. Другіе расположены придавать имъ важное политическое значеніе, какъ органу народной оппозиціи: служа орудіемъ непосредственнаго общенія государя съ землей, представляя интересы народа, соборы, собственно земскіе выборные, являвшіеся на соборахъ, противодѣйствовали высшимъ классамъ, боярамъ и духовнымъ властямъ, которые и уговорили царя Алексѣя Михайловича

ріалы для исторіи земскихъ соборовъ XVII в." и "Земскіе соборы древней Руси"; А. Зерцаловъ: „Новыя данныя о земскомъ соборѣ 1648—1649 гг.", въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. Р. 1887.

не созывать больше соборовъ; но прежде, чѣмъ эти стороннія вліянія успѣли вытѣснить ихъ изъ государственной жизни, земскіе соборы оказали значительное вліяніе на законодательство и правительство въ оппозиціонномъ противобоярскомъ направленіи.

Оба эти взгляда неудобны тѣмъ, что трудно рѣшить, который изъ нихъ вѣренъ и даже вѣренъ ли который-нибудь изъ нихъ. Это не значитъ, что земскимъ соборамъ приписываются свойства, которыхъ они, можетъ быть, вовсе не имѣли; но трудно признать вѣрной и ту характеристику, которая составлена изъ чертъ нехарактерныхъ, несущественныхъ, хотя и дѣйствительныхъ. Оба взгляда исходятъ изъ одной мысли, что для изображенія истиннаго характера такого представительнаго учрежденія, какъ земскій соборъ, необходимо показать, въ какой степени оно было послушно или оппозиціонно. Но почему это необходимо? Правда, представительныя учрежденія Западной Европы, соотвѣтствовавшія нашимъ земскимъ соборамъ, характеризуются преимущественно съ этой стороны, что совершенно понятно. Представительныя собранія средневѣковой Западной Европы были вызваны къ жизни политическою борьбой и ею же воспитаны. Средневѣковое западно-европейское государство было сословною федераціей, союзомъ нѣсколькихъ державныхъ сословій, державшимся на такомъ же договорѣ, какимъ опредѣляются взаимныя отношенія союзныхъ государствъ. Народное представительство служило наиболѣе обычнымъ средствомъ установки и поддержанія союзнаго modus vivendi въ такомъ государствѣ. Здѣсь каждое свободное сословіе должно было завоевывать или отстаивать свое мѣсто въ государствѣ, и верховная власть принуждена была приноравливаться къ измѣнчивому соотношенію соперничавшихъ политическихъ силъ: она то мирила ихъ другъ съ другомъ, то поддерживала однѣ изъ нихъ въ борьбѣ съ другими, то защищалась отъ ихъ разрозненныхъ либо совокупныхъ нападеній. При такихъ условіяхъ представительныя собранія получали тѣмъ большее политическое значеніе,

чѣмъ чаще и откровеннѣе сословные представители показывали на нихъ зубы другъ другу или правительству. Потому прочность политическихъ гарантій, точная опредѣленность конституціонныхъ догматовъ и обрядовъ, какъ цѣль, и неутолимая политическая притязательность, строгая, неуступчивая оппозиціонная дисциплина, какъ средство, являются наиболѣе характеристическими чертами западно-европейскаго представительства.

Очевидно, допытываясь въ древне-русскихъ земскихъ соборахъ такихъ же боевыхъ качествъ, мы становимся на точку зрѣнія, указанную не самими соборами, а заимствованную со стороны, у изслѣдователей западно-европейскаго представительства, поставленныхъ на такую точку характеромъ всей политической организаціи, въ составъ которой входили западно-европейскія представительныя собранія. Легко понять, что при другомъ складѣ политическихъ отношеній и представительныя собранія получали другое значеніе, усвояли иной характеръ, потому что при различныхъ сочетаніяхъ политическихъ силъ не одинаковы и потребности, удовлетворить которымъ призывается народное представительство, не одинаково и его назначеніе. Сообразно съ этимъ должна измѣняться и точка зрѣнія наблюдателя: нельзя искать одинаковыхъ свойствъ въ учрежденіяхъ, вызванныхъ различными потребностями и имѣвшихъ неодинаковое назначеніе. Но какъ угадать эти потребности и это назначеніе? Въ этомъ вопросѣ скрытъ ключъ къ разгадкѣ историческаго значенія и характера извѣстнаго представительнаго учрежденія; въ немъ же и вся трудность этой разгадки.

Въ древней Руси было очень мало публицистовъ, людей, которые старались уяснить себѣ и растолковать другимъ смыслъ дѣйствовавшихъ при нихъ учрежденій. Лишенный такихъ живыхъ указаній, изслѣдователь, изучающій древне-русскія учрежденія, испытываетъ неловкость, похожую на ту, какая чувствуется среди старинныхъ, давно покинутыхъ зданій. Все здѣсь говоритъ о какомъ-то исчезнувшемъ складѣ

жизни, о потребностяхъ и привычкахъ, непохожихъ на тѣ, какія знакомы наблюдателю; но онъ уже не находитъ живыхъ слѣдовъ этого житейскаго порядка; среди опустѣлыхъ построекъ не уцѣлѣло даже достаточно сора, по которому можно было бы догадываться, какъ жили и о чемъ думали люди, нѣкогда двигавшіеся среди этихъ нѣмыхъ стѣнъ. Приходится вглядываться въ расположеніе всего зданія и въ конструкцію его отдѣльныхъ частей, чтобы угадать ихъ назначеніе. Именно важнѣйшія государственныя учрежденія древней Руси, къ которымъ безспорно можно причислить земскіе соборы, и заставляютъ изслѣдователя съ особенною силой испытывать это затрудненіе. Въ нихъ вообще нелегко уловить побужденія, вызвавшія ихъ къ жизни, и дѣйствіе, какое они производили на общество и государственный порядокъ, уловить то, что можно назвать исторической идеей учрежденія, а въ этой идеѣ все, чѣмъ переставшее дѣйствовать учрежденіе можетъ возбуждать научный историческій интересъ. Погибшее учрежденіе не воскреснетъ, какъ не загорится вновь угасшая индивидуальная жизнь; но его идея, какъ живучее сѣмя, притаится гдѣ-нибудь въ складкахъ общественной жизни и, постепенно перерождаясь, пуститъ отъ себя ростокъ въ какомъ-нибудь понятіи или привычкѣ, о которыхъ при поверхностномъ взглядѣ трудно и подумать, что они имѣютъ историческое родство съ учрежденіемъ, когда-то дѣйствовавшимъ. Кажется, это затрудненіе болѣе всего и вынуждало изслѣдователей изучать древне-русскіе земскіе соборы сравнительно съ западно-европейскими представительными собраніями, чтобы аналогіей восполнить недостатокъ прямыхъ туземныхъ и современныхъ указаній.

Дѣйствительно, сравнивая наши земскіе соборы съ представительными учрежденіями Западной Европы, давно замѣтили въ первыхъ рѣзкія и важныя особенности. На земскихъ соборахъ не бывало и помину о политическихъ правахъ; еще менѣе допускалось ихъ вмѣшательство въ госу-

дарственное управленіе; характеръ ихъ всегда оставался чисто-совѣщательнымъ: созывались они, когда находило то нужнымъ правительство; на нихъ не видимъ ни инструкцій, данныхъ представителямъ отъ избирателей, ни обширнаго изложенія общественныхъ нуждъ, ни той законодательной дѣятельности, которою отличались западныя представительныя собранія; на соборахъ не встрѣчаемъ общихъ преній; часто изъ соборныхъ совѣщаній даже не выходило никакого постановленія, а подавались только отдѣльныя мнѣнія выборныхъ по заданнымъ правительствомъ вопросамъ. Вообще земскіе соборы являются крайне скудными и безцвѣтными даже въ сравненіи съ французскими генеральными штатами, которые изъ западно-европейскихъ представительныхъ учрежденій имѣли наименьшую силу [1]).

Такимъ образомъ, оказывается, что наиболѣе характерныя особенности земскихъ соборовъ всѣ суть ихъ крупные недостатки. Можно было бы ничего не имѣть противъ такихъ отрицательныхъ выводовъ аналогіи, если бы они не не производили впечатлѣнія, очень неблагопріятнаго для успѣшнаго изученія предмета. Въ развитіи нашего историческаго самосознанія не разъ повторялось одно прискорбное недоразумѣніе. Какое-либо крупное явленіе отечественной исторіи, первоначально возбуждавшее въ насъ живѣйшее любопытство, тотчасъ теряло интересъ въ нашихъ глазахъ, какъ скоро въ немъ не оказывалось свойствъ однороднаго съ нимъ или соотвѣтствовавшаго ему явленія западноевропейскаго. Здѣсь можно не напоминать о тѣхъ неурядицахъ общественнаго сознанія, которыя породили такое своенравное мышленіе. Происходило ли это отъ слабости воображенія, привыкшаго представлять важныя явленія только въ извѣстныхъ, затверженныхъ образахъ, или отъ унынія при мысли, что на судѣ исторіи отечественное прошлое не

[1]) В. Чичеринъ: „О народномъ представительствѣ“, стр. 363 и сл.

выдержитъ состязательнаго испытанія съ прошлымъ Западной Европы, объ этомъ могутъ быть разныя мнѣнія. Во всякомъ случаѣ, безспорно то, что аналогія нерѣдко вносила въ наше отношеніе къ изучаемымъ явленіямъ отечественной исторіи разочарованіе, которымъ ослаблялась энергія изученія. Такой поворотъ исторической любознательности испыталъ и вопросъ о земскихъ соборахъ. Отъ значительнаго количества основательныхъ изслѣдованій въ общемъ оборотѣ нашихъ историческихъ свѣдѣній много ли отложилось ясныхъ представленій о древне-русскихъ земскихъ соборахъ, много ли уцѣлѣло даже простого любопытства къ этому учрежденію, прежде такъ живо возбуждавшему нашу историческую любознательность? Мы никого не хотимъ обидѣть, сказавъ, что немного, и именно потому, что отрицательные выводы аналогіи врѣзались въ общественомъ сознаніи прежде и глубже другихъ, ослабляя охоту знать о соборахъ что-нибудь больше. Въ этомъ отношеніи земскіе соборы раздѣлили участь явленій, которыя, не оправдавъ преувеличенныхъ ожиданій, потомъ не удостоиваются и заслуживаемаго вниманія. Отраженіе этого поворота можно найти и въ нашей исторической литературѣ. Покойнаго Костомарова трудно упрекнуть въ недостаткѣ внимательности къ историческимъ явленіямъ, въ которыхъ можно замѣтить участіе общества. Его статья о земскихъ соборахъ была написана послѣ значительнаго ряда изслѣдованій, въ которыхъ вопросъ о соборахъ поставленъ былъ вполнѣ серьезно и разъяснено много подробностей въ ихъ устройствѣ и дѣятельности. Однако, авторъ статьи счелъ возможнымъ связать созваніе перваго земскаго собора, вопреки указанію источника, непосредственно съ московскимъ бунтомъ 1547 года и выставить причиной этой мѣры трусость царя Ивана, испуганнаго народнымъ мятежомъ, даже утверждать, повторяя давнюю обмолвку К. Аксакова, что этотъ соборъ происходилъ на Красной площади, а не въ царскихъ палатахъ. На вопросъ, какъ возникли земскіе соборы, авторъ отвѣчаетъ,

что прежде существовали вѣча, народныя собранія по землямъ, но теперь, когда Москва подчинила себѣ такія широкія пространства русскихъ земель, немыслимо было уже сходиться на общій совѣтъ людямъ за 300 или 500 верстъ и отсюда неизбѣжно вытекало, „что если призывать на совѣтъ русскаго государства людей, то надобно въ областяхъ выбирать нѣсколькихъ и отправлять въ столицу въ качествѣ пословъ или представителей своей области". Значитъ, земское представительство, которое и по идеѣ, и по организаціи надобно причислить къ самымъ сложнымъ политическимъ явленіямъ и до котораго народы, и то не всѣ, дорабатывались съ большимъ трудомъ, путемъ усиленной внутренней борьбы, у насъ возникло само собою изъ неудобства, географическихъ разстояній, было дѣломъ почтоваго соображенія. Поясняя или поправляя свою догадку, авторъ въ концѣ статьи замѣчаетъ, что къ мысли созывать соборы пришли, кажется, „главнымъ образомъ по причинѣ всеобщей малограмотности въ оное время"; если бы въ XVII в. издавались у насъ журналы и газеты, не нужно было бы созывать земскихъ соборовъ, т.-е. послѣдніе были для правительства средствомъ узнавать мнѣнія и настроеніе общества [1]. Такія сужденія возможны только со стороны писателя, который видитъ въ соборахъ вспомогательное правительственное орудіе очень невысокой степени и случайнаго происхожденія и въ своихъ читателяхъ преполагаетъ довѣріе и сочувствіе такому взгляду. Авторъ самъ вскрываетъ точку зрѣнія, на которой составился его взглядъ на древне-русскіе земскіе соборы: онъ также опредѣляетъ ихъ сравнительно съ западно-европейскими представительными собраніями и опредѣляетъ чисто-отрицательными чертами, не считая возможнымъ видѣть въ соборахъ что-нибудь похожее на эти собранія.

---

[1]) Н. Костомаровъ: „Историч. монограф. и изслѣдованія". т. XIX, стр. 324 и 403.

Нельзя упрекать изслѣдователей за впечатлѣніе, какое производятъ отрицательные выводы ихъ сравнительнаго изученія земскихъ соборовъ, если только они сами не поддаются этому впечатлѣнію и ихъ выводы основательны, а такими надобно признать ихъ если не во всѣхъ подробностяхъ, то въ основныхъ чертахъ. Но, благодаря заимствованной точкѣ зрѣнія, эти выводы страдаютъ недоконченностью и съ этой стороны ихъ можно признать невольною причиной того разочарованія, которое, ослабляя интересъ къ земскимъ соборамъ, мѣшаетъ ихъ историческому изученію. Въ самомъ дѣлѣ, полная характеристика явленія не можетъ состоять изъ однихъ отрицаній; не отвергая послѣднихъ, насколько они доказаны, надобно поискать другой точки зрѣнія, съ которой были бы видны положительныя свойства разсматриваемаго предмета. Такимъ образомъ, предстоитъ не перерѣшать вопроса, а только продолжить его рѣшеніе. Чтобы найти эту другую точку зрѣнія, можно отправиться прямо отъ наблюденій, сдѣланныхъ на прежней.

Общимъ источникомъ недостатковъ древне-русскаго соборнаго представительства, открывающихся при сравненіи его съ западно-европейскимъ, признана „чрезмѣрная слабость представительнаго начала въ русскомъ государствѣ“ [1]). Итакъ, ясно, чего не слѣдуетъ искать въ земскихъ соборахъ,— ничего, что возможно только при сильномъ развитіи представительнаго начала. Что такое представительное начало? Несмотря на простоту термина, это—довольно сложное политическое явленіе. Въ составъ его входятъ, какъ основные элементы, способность и потребность всего общества, или только нѣкоторыхъ его классовъ, принять дѣятельное участіе въ управленіи и законодательствѣ. Но эти элементы въ свою очередь питаются двумя условіями: важностью и солидарностью общественныхъ интересовъ. Необхо-

---

[1]) Б. Чечеринъ: „О народномъ представительствѣ“, стр. 381.

димо въ обществѣ присутствіе и сознаніе интересовъ настолько крупныхъ, чтобы для огражденія ихъ въ обществѣ чувствовалась настойчивая потребность принять участіе въ управленіи или чтобы правительство находило полезнымъ призвать общество къ такому участію. Притомъ, разные классы общества должны настолько сознавать и признавать эти интересы, настолько чувствовать себя солидарными въ нихъ, чтобы не только желать, но и умѣть принять совмѣстное и дружное участіе въ управленіи, не превращая представительства въ арену гражданской усобицы и не становясь вмѣсто опоры порядка, новымъ источникомъ анархіи. Если представительное начало было крайне слабо въ Московскомъ государствѣ XVI вѣка, это значитъ, что не существовало ни такихъ крупныхъ интересовъ, которые возбуждали бы въ обществѣ достаточно настойчивыя политическія притязанія, ни такой солидарности между отдѣльными классами, которая побуждала бы правительство дѣлать уступки этимъ притязаніямъ. Однако, при маловажности и раздробленности общественныхъ интересовъ,—слѣдовательно, при недостаткѣ способности и потребности въ обществѣ дѣятельно участвовать въ управленіи,—попытка Грознаго повторяется, и повторяется болѣе столѣтія: соборное представительство входитъ въ правительственный обычай, хотя не утвержденный и не регулированный закономъ, общество начинаетъ понимать его пользу и, давая отвѣты на поставленные правительствомъ вопросы, само обращается чрезъ своихъ выборныхъ съ ходатайствами и запросами къ правительству, не теряя покорнаго тона, не допуская оппозиціонныхъ замашекъ. Въ XVII вѣкѣ встрѣчаемъ даже у рядовыхъ людей московскаго общества признаки довольно отчетливаго взгляда на компетенцію земскаго представительства и на его мѣсто въ государственномъ управленіи [1]). Съ другой стороны, въ исторіи представительства

[1]) Въ 1662 г. было указано торговымъ людямъ столицы, чтобы они „межъ себя поговоря“, помыслили о томъ, какія мѣры надобно принять для устраненія дороговизны, наступившей вслѣдствіе паде-

причины и слѣдствія не вездѣ идутъ въ одномъ неизмѣнномъ порядкѣ. Практика представительства питается силой представительнаго начала, какъ своего источника, но можетъ и сама воспитывать это начало, возникнувъ изъ другого источника. Если на Западѣ общественные классы чувствовали потребность въ представительствѣ для борьбы другъ съ другомъ или съ правительствомъ, то въ другихъ странахъ само правительство могло чувствовать потребность въ представительныхъ учрежденіяхъ, чтобы мирить общественные классы и возбуждать ихъ къ дружной дѣятельности. Апатичное общество, разбитое на мелкіе, безсильные элементы, открывая широкій просторъ развитію сильной власти, вмѣстѣ съ тѣмъ, создаетъ ей много неудобствъ, затрудняя установку государственнаго порядка, безъ котораго невозможна прочная власть. Тотъ же ученый, который наиболѣе рѣзко выставилъ недостатки древне-русскаго земскаго представительства сравнительно съ западно-европейскимъ, ярко изобразилъ такое состояніе древне-русскаго общества въ

нія курса мѣдныхъ денегъ. Торговые люди Кадашевской слободы закончили поданную ими на запросъ правительства сказку словами: „А о семъ великаго государя милости просимъ, чтобъ великій государь изволилъ взять сказки у городовыхъ земскихъ людей, что то дѣло всего его великаго государства“. Еще яснѣе высказалось высшее столичное купечество: описавъ затрудненія, отъ которыхъ страдала торговля, оно прибавило: „а чѣмъ тому помочь, и о томъ мы нынѣ одни сказать подлинно недоумѣемся для того, что то дѣло всего государства, всѣхъ городовъ и всѣхъ чиновъ, и о томъ у великаго государя милости просимъ, чтобъ пожаловалъ великій государь, указалъ для того дѣла взять изо всѣхъ чиновъ на Москвѣ и изъ городовъ лутчихъ людей по пяти человѣкъ, а безъ нихъ намъ однимъ того великаго дѣла на мѣрѣ поставить невозможно“. Столичное купечество ясно отличаетъ совѣщаніе съ отдѣльными классами общества отъ собранія лучшихъ земскихъ людей всего государства и знаетъ, какія дѣла могутъ быть рѣшаемы такимъ сепаратнымъ совѣщаніемъ и какія общимъ земскимъ собраніемъ. (Изъ дѣла 1662 г. о мѣдныхъ деньгахъ, приготовляемаго моск. архивомъ мин. юстиціи къ изданію).

эпоху возникновенія земскихъ соборовъ и мѣтко указалъ условія, побуждавшія московское правительство обращаться къ содѣйствію разрозненныхъ общественныхъ силъ и вызвать къ жизни соборное представительство [1]). При такихъ условіяхъ изъ земскихъ соборовъ долженъ былъ выработаться особый типъ народнаго представительства, отличный отъ западныхъ представительныхъ собраній. На соборѣ, разумѣется, трудно было встрѣтить сословныхъ представителей, вооруженныхъ оппозиціонною дисциплиной, чувствовавшихъ за собой крѣпко сплоченныя, непривычныя къ уступкамъ корпораціи, готовыя поддерживать своихъ уполномоченныхъ во имя важныхъ интересовъ, защита которыхъ имъ довѣрена. Подобныя особенности политическаго быта могли быть воспитаны въ древне-русскомъ обществѣ развѣ только продолжительною и непрерывною практикой соборнаго представительства. Такимъ образомъ, явленія, бывшія на Западѣ причинами успѣховъ представительства, у насъ могли быть лишь слѣдствіями его успѣшной дѣятельности. Очевидно, соборное представительство выросло изъ политической почвы, мало похожей на ту, какая ростила западныя представительныя собранія: но связь древне-русскихъ земскихъ соборовъ съ выростившей ихъ почвой, съ туземными учрежденіями представляется недостаточно ясно. Причина этого заключается въ одномъ пробѣлѣ, какой остается въ изученіи соборнаго устройства: недостаточно уясненъ составъ представительства на земскихъ соборахъ. Изображая устройство земскаго собора, изслѣдователи сосредоточиваютъ свое вниманіе на его дѣятельности и на обстановкѣ, въ какой онъ дѣйствовалъ: касаясь состава собора, они обыкновенно останавливаются прямо на томъ моментѣ, когда земскіе выборные занимали свои мѣста въ палатѣ соборныхъ засѣданій, причемъ ограничиваются чисто-статистическими наблю-

[1]) Б. Чичеринъ: „О народномъ представительствѣ“, стр. 357 и слѣд.

деніями, пересчитываютъ, сколько явилось на соборъ бояръ и духовныхъ лицъ, сколько выборныхъ отъ другихъ классовъ. Изрѣдка излагаются нѣкоторыя подробности избирательной процедуры; но очень мало говорятъ или совсѣмъ умалчиваютъ о составѣ избирательныхъ обществъ и объ отношеніи ихъ къ своимъ представителямъ. Какіе общественные міры посылали на соборы этихъ представителей, когда возникли и какъ были устроены эти міры, кого и почему выбирали они своими представителями,—потому ли, что въ минуту выбора избранные пользовались наибольшимъ личнымъ довѣріемъ избирателей, или по какимъ-либо инымъ, менѣе капризнымъ причинамъ, какую отвѣтственность и какія ожиданія возлагали избиратели на своихъ выборныхъ,—всѣ эти вопросы далеко нельзя признать разрѣшенными. Благодаря тому, въ устройствѣ соборнаго представительства остается много подробностей, возбуждающихъ недоумѣніе. Укажемъ для примѣра на одну изъ нихъ. Въ XVII вѣкѣ призывали на соборъ представителей отъ дворянъ и дѣтей боярскихъ каждаго уѣзда и отъ тяглыхъ посадскихъ людей каждаго уѣзднаго города. Это заставило признать уѣздъ избирательнымъ округомъ при выборѣ соборныхъ представителей провинціальнаго населенія. Но составляли ли тогда дворяне и дѣти боярскіе каждаго уѣзда одну цѣльную корпорацію? Почему отъ дворянства каждаго уѣзда являлось на соборъ обыкновенно по два депутата, а отъ уѣздныхъ городовъ по одному и почему отъ дворянства Рязанскаго уѣзда встрѣчаемъ на соборахъ 4 или 8 представителей, когда другіе уѣзды посылали по два депутата? Признаніе уѣзда избирательнымъ округомъ не даетъ отвѣта на эти вопросы. Связь соборнаго представительства съ устройствомъ древне-русскихъ земскихъ міровъ и общественныхъ классовъ—вотъ та другая точка зрѣнія, съ которой, можетъ быть, видны будутъ особенности земскихъ соборовъ, остающіяся незамѣтными при сопоставленіи ихъ съ западными представительными собраніями. Разсматриваемые безъ этой связи,

сами соборы представляются политическою неожиданностью и даже политическимъ излишествомъ: не отдашь себѣ отчета въ томъ, кому и для чего надобились эти соборы, зачѣмъ ихъ рѣдкими и суетливыми созывами прерывалось спокойное и ровное теченіе боярскаго законодательства и приказной администраціи, соотвѣтствовали ли начала соборнаго представительства общимъ основаніямъ дѣйствовавшаго государственнаго порядка, — однимъ словомъ, были ли земскіе соборы нормальнымъ завершеніемъ земскаго строя, или только временною пристройкой въ исключительныхъ случаяхъ?

Съ указаннымъ сейчасъ пробѣломъ въ изученіи земскихъ соборовъ связанъ вопросъ, касающійся, такъ сказать, перспективы въ исторіи соборнаго представительства; имѣло ли это учрежденіе какое-либо развитіе, историческій ростъ, или оно замерло такимъ же, какимъ родилось, оставшись политическимъ недоросткомъ? Въ изслѣдованіяхъ о земскихъ соборахъ трудно найти отчетливый отвѣтъ на этотъ вопросъ. Замѣчали, что не всѣ соборы были похожи другъ на друга по своему соціальному составу и политическому значенію: одни представляли преимущественно столицу, другіе отличались болѣе широкимъ земскимъ составомъ; одни имѣли болѣе рѣшительный голосъ, чѣмъ другіе. Но были ли это случайныя колебанія, отступленія отъ нормы, вынужденныя обстоятельствами, или этими колебаніями обозначались успѣхи послѣдовательной выработки соборной организаціи? Въ изслѣдованіяхъ можно замѣтить наклонность различать соборы по политическимъ категоріямъ, а не по историческимъ моментамъ: соборы дѣлятъ на избирательные и совѣщательные, на полные и неполные; находятъ возможнымъ признать даже фиктивные соборы. Но, если не измѣняетъ намъ память, не видятъ существеннаго различія въ складѣ и характерѣ представительства между соборами XVI и XVII вв. Такимъ образомъ, прилагая къ земскимъ соборамъ довольно сложную, даже нѣсколько изысканную политическую класси-

фикацію, отказываютъ имъ въ историческомъ движеніи. Въ этомъ отношеніи всѣ соборы съ перваго до послѣдняго разсматриваются подъ одинаковымъ угломъ зрѣнія и если не всѣ освѣщаются одинаковымъ свѣтомъ, то оттѣнки объясняются внѣшними обстоятельствами, при которыхъ созывались отдѣльные соборы, а не внутреннимъ ростомъ соборнаго представительства; эти оттѣнки набрасывались обстановкой, а не постановкой учрежденія. Провѣряя такой взглядъ, можно спросить, всегда ли одни и тѣ же земскіе міры посылали на соборы своихъ представителей и съ одинаковыми представительными полномочіями, или сфера представительства и составъ представительныхъ собраній измѣнялись въ разное время, измѣняя и характеръ самаго представителя? Все это разъяснится, какъ скоро возстановлена будетъ связь соборнаго представительства съ учрежденіями, среди которыхъ дѣйствовали соборы. Если эти соборы имѣли свою исторію, фазы ихъ развитія прежде и замѣтнѣе всего должны были отразиться на составѣ соборнаго представительства и характерѣ выборныхъ, какъ представителей, т.-е. на ихъ отношеніи къ избиравшимъ ихъ мірамъ и на источникѣ и свойствахъ полномочій, какія они получали отъ этихъ міровъ.

Изучая соборное представительство съ этой стороны, въ связи съ туземными учрежденіями, изслѣдователь неминуемо встрѣтится съ вопросомъ о происхожденіи земскихъ соборовъ: почему они появляются именно съ половины XVI в. и появляются какъ-то вдругъ и неожиданно, повидимому, безъ всякой подготовки, безъ политическихъ преданій и привычекъ? Если они не были случайною механическою накладкой на существовавшій правительственный и общественный строй, въ этомъ строѣ около того времени должны были произойти перемѣны, вызвавшія потребность въ земскомъ представительствѣ. Здѣсь, прежде всего, любопытно зарожденіе самой мысли о земскомъ представительствѣ: какъ возникла въ московскомъ обществѣ того времени такая

сложная политическая идея, изъ какихъ понятій сложилась она при своемъ возникновеніи и откуда взялись эти понятія, незамѣтныя прежде?

Были сдѣланы попытки объяснить побужденія, вызвавшія первый земскій соборъ 1550 г. По мнѣнію однихъ, этотъ соборъ былъ созванъ царемъ для борьбы съ боярами, противъ которыхъ Грозный искалъ опоры въ народѣ [1]). Это мнѣніе не поддерживается историческими свидѣтельствами. Напротивъ, именно въ 1550 г. царь всего менѣе могъ думать о борьбѣ съ боярствомъ. Къ тому времени при посредничествѣ митрополита Макарія и Сильвестра онъ сблизился съ лучшими людьми изъ боярства и составилъ изъ нихъ кругъ совѣтниковъ и сотрудниковъ, которые помогали ему въ его смѣлыхъ внѣшнихъ и внутреннихъ предпріятіяхъ. Чувствуя это затрудненіе, другіе изслѣдователи поправляютъ догадку, прибавляя, что первый земскій соборъ далъ царю твердую почву для будущей борьбы съ боярствомъ [2]). Но когда настала эта ожиданная борьба, царь не искалъ опоры въ твердой почвѣ земскаго собора, а создалъ для этого новое учрежденіе совершенно противоземскаго характера, опричнину. Все, что извѣстно о цѣляхъ перваго земскаго собора отъ самого верховнаго виновника и руководителя его, также не поддерживаетъ догадки о боевыхъ демократическихъ побужденіяхъ, будто бы его вызвавшихъ. Въ рѣчи на Красной площади, которою публично, въ присутствіи собравшагося народа, повидимому, открыты были засѣданія этого собора, царь призывалъ толпившихся передъ нимъ „людей Божіихъ" не къ борьбѣ съ боярами, а ко взаимному прощенію и примиренію, молилъ ихъ „оставить другъ другу

[1]) С. М. Соловьевъ: „Шлецеръ и анти-истор. направленіе", въ Русскомъ Вѣстн. 1857 г., т. VIII, стр. 444.—Г. Сергѣевичъ: „Земскіе соборы", въ Сборн. Госуд. Знаній, т. II, стр. 5.

[2]) Г. Загоскинъ: „Исторія права Московскаго государства", въ Учен. Зап. Казанскаго Университета 1877 г., № 4, стр. 768.

вражды и тяготы свои“ и обращался къ митрополиту съ мольбой помочь ему въ этомъ дѣлѣ общаго земскаго примиренія. Смыслъ этого воззванія объясняется другою рѣчью царя, прочитанной въ слѣдующемъ году на церковномъ Стоглавомъ соборѣ. Можно съ полною увѣренностью думать, что царь разумѣлъ предложеніе, сдѣланное имъ на земскомъ соборѣ 1550 года, когда въ рѣчи своей напоминалъ отцамъ Стоглаваго собора, что въ предъидущее лѣто онъ приказалъ своимъ боярамъ, приказнымъ людямъ и кормленщикамъ „помиритися на срокъ“ во всѣхъ прежнихъ дѣлахъ со всѣми христіанами своего царства. Все это можетъ показаться идилліей и въ такомъ кажущемся идиллическомъ смыслѣ повторялось иными повѣствователями. Трудно только представить себѣ, какимъ порядкомъ и въ какой формѣ могло совершиться предписанное царемъ примиреніе, и, притомъ, срочное примиреніе, цѣлыхъ классовъ общества другъ съ другомъ. Но не слѣдуетъ забывать, что рѣчи царя на обоихъ соборахъ—ораторскія произведенія, въ которыхъ подъ торжественными метафорическими оборотами надобно искать простыхъ дѣйствительныхъ явленій, имѣвшихъ свой простой, будничный языкъ. Переводя ораторскія выраженія царя на этотъ простой дѣловой языкъ тогдашняго управленія, открываемъ очень любопытный и малозамѣтный въ другихъ памятникахъ того времени фактъ, которымъ сопровождался первый земскій соборъ и которымъ ярко освѣщаются нѣкоторыя побужденія, вызвавшія этотъ первый опытъ земскаго представительства въ Московскомъ государствѣ. Извѣстно, что для сдержки злоупотребленій областныхъ управителей, намѣстниковъ и волостелей, управляемымъ ими обществамъ предоставлялось право жаловаться на нихъ высшей власти въ Москвѣ. Еще задолго до перваго земскаго собора московское законодательство старалось установить порядокъ принесенія и разбора такихъ жалобъ, назначая для того извѣстные сроки. Въ Судебникѣ 1550 г. царь Иванъ подтвердилъ важнѣйшія постановленія своихъ предшественни-

ковъ по этому предмету. Тяжбы, возникавшія въ силу этого права, принадлежали къ наиболѣе характернымъ явленіямъ древне-русской жизни: то были не политическіе процессы демократіи съ аристократіей, а простыя гражданскія тяжбы о переборахъ въ кормахъ и пошлинахъ, т.-е. въ прямыхъ и косвенныхъ налогахъ, взимавшихся въ пользу управителей, о проторяхъ и убыткахъ, какіе терпѣли обыватели отъ административныхъ и судебныхъ дѣйствій кормленщика, казавшихся имъ неправильными. Эти иски велись или отдѣльными лицами, или цѣлыми обществами черезъ старостъ и мірскихъ ходоковъ, съ обычными пріемами тогдашняго искового процесса, съ приставными памятями, свидѣтельскими показаніями, крестоцѣлованіями и т. д. Время малолѣтства Грознаго было, повидимому, особенно обильно такими тяжбами, длившимися иногда многіе годы, и московскіе приказы были завалены ими. Эти тяжбы и имѣлъ въ виду царь, приказавъ на соборѣ 1550 г. всѣмъ служилымъ людямъ, противъ которыхъ онѣ были направлены, помириться съ своими истцами „на срокъ“: велѣно было покончить всѣ накопившіеся противъ областной администраціи иски и покончить не обычнымъ исковымъ, формальнымъ, а мировымъ порядкомъ, полюбовно. Срокъ для этой судебно-административной ликвидаціи назначенъ былъ довольно короткій, вѣроятно, годовой, потому что въ 1551 г. царь могъ уже сообщить отцамъ церковнаго собора, что бояре, приказные люди и кормленщики во всякихъ дѣлахъ помирились со всѣми землями въ назначенный срокъ. Жалобы земскихъ міровъ обращались не противъ бояръ, какъ общественнаго класса, а противъ должностныхъ лицъ областного управленія, большинство которыхъ принадлежало къ другимъ слоямъ военно-служилаго сословія, помѣщавшимся въ общественномъ складѣ государства ниже боярства, а на соборѣ 1550 года, если о его составѣ можно судить по составу дальнѣйшихъ соборовъ XVI вѣка, рѣшительное большинство выборныхъ принадлежало къ тѣмъ же не бо-

ярскимъ слоямъ служилаго сословія. Въ комъ же и противъ кого могъ царь найти опору на соборѣ съ такимъ составомъ? Царь, говорятъ, созвалъ земскій соборъ, чтобы найти въ народѣ опору противъ бояръ, говоря проще, чтобы возбудить народъ противъ бояръ, а на соборѣ предложилъ боярамъ и другимъ кормленщикамъ помириться съ народомъ; средствомъ возбужденія народа противъ бояръ должно было служить собраніе, на которомъ, надобно думать, было очень мало представителей народа и огромное большинство котораго состояло изъ служилыхъ людей, вполнѣ солидарныхъ въ вопросѣ о кормленщикахъ съ боярами. Эти несообразности приводятъ къ тому заключенію, что на первомъ земскомъ соборѣ шло дѣло не о возбужденіи соціально-политической борьбы, а объ устраненіи одного судебно-административнаго затрудненія, и молодой царь выступилъ на немъ не демократическимъ агитаторомъ, а просто—умнымъ и добросовѣстнымъ правителемъ. Легко догадаться, что и мысль о боевомъ противобоярскомъ происхожденіи собора 1550 г. навѣяна явленіями изъ исторіи западныхъ представительныхъ собраній. Наконецъ, если бы первый земскій соборъ имѣлъ враждебное боярству происхожденіе, слѣдовало бы ожидать и со стороны этого вліятельнаго тогда класса враждебнаго отношенія къ земскимъ соборамъ. Напротивъ, въ самыхъ горячихъ поборникахъ боярскихъ интересовъ второй половины XVI в. это учрежденіе встрѣчало не только признаніе, но и полное одобреніе. Князь Курбскій, который хорошо помнилъ соборъ 1550 года, когда писалъ направленную противъ Грознаго исторію этого царя, не только не упрекаетъ его за этотъ соборъ въ своемъ произведеніи, не только не видитъ ничего вреднаго въ земскомъ представительствѣ, но даже прямо настаиваетъ на необходимости для царя искать добраго и полезнаго совѣта не у однихъ совѣтниковъ-бояръ, но и у „всенародныхъ человѣкъ", а составляя свой памфлетъ, авторъ зналъ, что всенародные человѣки уже дважды собирались въ Москвѣ по

зову царя, чтобы дать ему добрый и полезный совѣтъ. Современникъ князя Курбскаго, другой публицистъ, авторъ Валаамской бесѣды о монастырскомъ землевладѣніи, памфлета, горячо отстаивающаго правительственное и землевладѣльческое значеніе боярства, даже предлагаетъ сдѣлать земскій соборъ ежегоднымъ и всесословнымъ представительнымъ собраніемъ, которое помогало бы правительству въ надзорѣ за областною администраціей, доводя до свѣдѣнія царя о дѣйствіяхъ областныхъ управителей и вообще „о всякомъ дѣлѣ міра". Не будетъ лишнимъ отмѣтить еще одну особенность, какою отличается разсматриваемая причина созыва перваго собора, состоявшая будто бы въ потребности царя найти народную опору противъ бояръ: эта причина долго существовала, не производя своего дѣйствія, и долго дѣйствовала, переставъ существовать. Столкновенія московскаго государя съ боярствомъ становятся замѣтны съ конца XV в. и до половины слѣдующаго столѣтія не пробуждали въ московскихъ государяхъ потребности призвать къ себѣ на помощь земское представительство. При царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ такихъ столкновеній, которыя сколько-нибудь заслуживали бы названія борьбы, совсѣмъ не замѣтно, и, однако-жъ, оба эти царя продолжаютъ созывать земскіе соборы; первый изъ нихъ созывалъ ихъ даже чаще, чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ и преемниковъ.

Другіе изслѣдователи указываютъ другія причины созыва перваго земскаго собора; эти причины повторяютъ иногда, какъ подкрѣпленіе своей догадки, и сторонники противобоярскаго происхожденія этого собора. То были: возникшая съ объединеніемъ Руси Москвой потребность въ общемъ органѣ для всей Русской земли, при помощи котораго она могла бы заявлять о своихъ нуждахъ и желаніяхъ передъ образовавшеюся общею верховною властью, необходимость дать общее направленіе интересамъ и стремленіямъ отдѣльныхъ земщинъ Московскаго государства, чтобы могло выработаться сознаніе цѣлостной общерусской земщины, необходимость для

царя вступить въ союзъ съ землею, отстранивъ бояръ съ пути, который велъ къ единенію царя и земли, ясно понятая царемъ необходимость непосредственнаго общенія своего съ народомъ, чтобы имѣть въ немъ твердую опору въ правительственной дѣятельности, и т. п. [1]). Нельзя не признать того удобства этихъ соображеній, что они касаются происхожденія соборнаго представительства вообще, а не перваго только собора: трудно объяснить происхожденіе перваго собора отдѣльно отъ дальнѣйшихъ, особенно когда для сужденій о первомъ соборѣ такъ мало данныхъ. Но эти соображенія страдаютъ туманностью и какъ отвлеченныя формулы, подобно соборнымъ рѣчамъ царя Ивана, должны быть переложены на простой конкретный языкъ московскаго государственнаго порядка XVI вѣка, чтобы стать понятными. Притомъ, и эти соображенія не рѣшаютъ всей задачи, не даютъ достаточно прямого отвѣта на вопросъ о томъ, какъ возникло соборное представительство въ Московскомъ государствѣ. Положимъ, могло государство чувствовать потребность въ общемъ органѣ для заявленія нуждъ и желаній земли, могъ и государь понять необходимость непосредственнаго общенія своего съ народомъ; но остается неяснымъ, какъ и почему такимъ органомъ и средствомъ такого общенія явился земскій соборъ, учрежденіе еще небывалое на Руси, и явился именно съ такимъ, а не инымъ составомъ и характеромъ. Сказать, что земскій соборъ былъ созванъ вслѣдствіе понятой царемъ необходимости общенія съ народомъ, значитъ указать только первое смутное побужденіе, завязку мысли о земскомъ соборѣ; но чтобы исторически объяснить его происхожденіе, надобно показать, какъ эта мысль развилась въ цѣлую систему представительства, какъ сложился самый планъ учрежденія. Представительное собраніе нельзя проектиро-

---

[1]) Бѣляевъ въ университетской рѣчи 1367 г. „о земскихъ соборахъ"; г. Загоскинъ въ Исторіи права Московскаго государства.

вать отвлеченно, какъ математическое построеніе или канцелярію, штатъ и регламентъ которой зависятъ отъ соображеній и потребностей учредителя. Какъ бы ни зародилась въ умѣ царя Ивана мысль о земскомъ соборѣ, онъ могъ строить его только изъ наличныхъ политическихъ матеріаловъ, и если онъ обладалъ политическимъ глазомѣромъ, онъ не могъ не сообразовать своихъ цѣлей и побужденій со складомъ управляемаго имъ общества и взаимными отношеніями разныхъ его классовъ. Значитъ, дѣло не столько въ томъ, что думалъ или чего желалъ царь, созывая первый земскій соборъ, сколько въ томъ, какъ сложились самыя формы, усвоенныя земскими соборами XVI вѣка, какую связь имѣли ихъ составъ и вся организація съ правительственнымъ и общественнымъ складомъ государства. Такъ и вопросъ о происхожденіи земскихъ соборовъ ставитъ насъ на ту же точку зрѣнія, которая сама собою представилась намъ при мысли о способѣ полнѣе опредѣлить характеръ и значеніе соборнаго представительства: она покажетъ, какъ и въ какомъ видѣ могло возникнуть это представительство изъ всей системы государственныхъ учрежденій XVI в.

Сказаннымъ объясняется задача настоящаго очерка. Онъ предпринятъ съ мыслью, что нѣтъ нужды въ общемъ пересмотрѣ вопроса о древне-русскихъ земскихъ соборахъ. Наша исторіографія достигла многихъ прочныхъ выводовъ въ изученіи судьбы и характера этого учрежденія. Достаточно вывѣренъ политическій вѣсъ земскихъ соборовъ сравнительно съ западными представительными учрежденіями, разсказана исторія ихъ дѣятельности и отчасти разъяснено ихъ значеніе въ исторіи русскаго законодательства. Доказано, что наши земскіе соборы никогда не пользовались такими политическими обезпеченіями, какими на Западѣ поддерживалось постоянное и дѣятельное участіе представительныхъ учрежденій въ законодательствѣ и управленіи: ни законъ, ни правительственная практика не давали такихъ обезпеченій земскому представительству въ Московскомъ государствѣ.

Въ этомъ отношеніи земскіе соборы далеко отставали даже отъ Боярской думы московскихъ государей: ей сообщали извѣстную политическую прочность не только вѣковой обычай, но и законъ, прямо выраженный въ Судебникѣ 1550 года, по одной статьѣ котораго новые законы издаются „съ государева доклада и со всѣхъ бояръ приговора". Простое хронологическое сопоставленіе перваго и послѣдняго собора отнимаетъ возможность оспаривать, что земскіе соборы вызывались потребностями, не имѣвшими продолжительнаго дѣйствія: соборы не созывались до 1650 г. и перестали собираться полтораста лѣтъ спустя. Отсюда же можно заключить, что эти временныя потребности не были и настолько настойчивы, чтобы самое соборное представительство сдѣлать политическою потребностью, ввести его въ составъ устойчиваго обычая, способнаго держаться самимъ собою, безъ поддержки первоначальныхъ условій, его создавшихъ. Земскіе соборы созывались вообще довольно рѣдко, не были постоянно напряженною пружиной государственнаго механизма и потому ихъ дѣятельность не проходитъ ровною и непрерывною нитью въ ткани московскаго законодательства, какою проходила дѣятельность Боярской думы. Послѣ полуторавѣковового прерывистаго существованія земскіе соборы прекратились, не оказавъ замѣтнаго дѣйствія на дальнѣйшій ростъ правительственныхъ учрежденій: видѣть въ кодификаціонныхъ коммиссіяхъ XVIII вѣка, даже въ самой шумной и нарядной изъ нихъ, въ коммиссіи 1767 г., прямое продолженіе земскихъ соборовъ, слышать въ нихъ отзвукъ замиравшаго соборнаго преданія едва ли не значитъ преувеличивать нѣкоторые наружные признаки сходства въ учрежденіяхъ, построенныхъ на совершенно различныхъ началахъ и вызванныхъ совсѣмъ не одинаковыми побужденіями. Сказанное сейчасъ о земскихъ соборахъ неоднократно доказывалось и и если не всѣми охотно признается за доказанное, то довольно рѣдко оспаривается. Обстоятельно изслѣдованы и многія подробности устройства соборовъ, особенно соборнаго дѣло-

производства: но здѣсь именно и остаются еще замѣтные пробѣлы. Выше отмѣчены тѣ изъ пробѣловъ, которые намъ кажутся наиболѣе важными; чтобы по возможности восполнить ихъ, попытаемся разобрать три тѣсно связанные другъ съ другомъ вопроса: о составѣ соборнаго представительства въ связи съ устройствомъ мѣстныхъ міровъ и общественныхъ классовъ, представители которыхъ призывались на соборы, о происхожденіи земскихъ соборовъ, насколько можно судить о томъ по первоначальному ихъ составу, и о развитіи соборнаго представительства, какъ оно отражалось въ постепенномъ измѣненіи этого состава. Такимъ образомъ, составъ соборнаго представительства является основнымъ вопросомъ, отъ рѣшенія котораго зависитъ отвѣтъ на остальные, а связь соборнаго представительства съ правительственнымъ и общественнымъ строемъ государства послужитъ общею точкой зрѣнія, которая укажетъ путь къ рѣшенію всѣхъ ихъ. Если сопоставленіе земскихъ соборовъ съ представительными учрежденіями другихъ странъ достаточно уяснило, чѣмъ не были эти соборы, то сопоставленіе ихъ съ туземными учрежденіями поможетъ объяснить, чѣмъ они были.

I.

Соборъ 1566 года.

Изображая составъ соборнаго представительства, мы обыкновенно руководствуемся соборными актами XVII вѣка въ молчаливомъ предположеніи, что точно такой же составъ имѣли и соборы XVI вѣка, что соборное представительство и на свѣтъ явилось съ такимъ составомъ. Это предположеніе доселѣ остается не оправданнымъ и не опровергнутымъ. Акты соборовъ XVI вѣка и извѣстія о нихъ, уцѣлѣвшія въ другихъ памятникахъ, таковы, что по нимъ трудно сообразить, какая система представительства принята была для этихъ соборовъ, была ли эта система та же, какою руководствовались при созывѣ земскихъ чиновъ въ XVII вѣкѣ,

или какая-либо иная. Но, не зная этой системы, мы не имѣемъ въ рукахъ ключа къ рѣшенію вопросовъ о происхожденіи и развитіи земскихъ соборовъ. Это заставляетъ насъ съ особеннымъ вниманіемъ остановиться на соборахъ XVI вѣка и разсмотрѣть сохранившіяся указанія на ихъ составъ.

О цѣли созыва и о дѣятельности перваго земскаго собора 1550 г. въ нашей литературѣ высказано нѣсколько предположеній и догадокъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи, говоря о происхожденіи соборнаго представительства, мы увидимъ, что въ памятникахъ XVI вѣка остались довольно ясныя указанія на важные вопросы государственнаго устройства, которые обсуждались на этомъ соборѣ и обсужденіе которыхъ, по всей вѣроятности, служило цѣлью его созыва. Такимъ образомъ, есть возможность отмѣтить нѣкоторые слѣды, оставленные въ законодательствѣ соборомъ 1550 г. Но этотъ соборъ надобно пока считать потеряннымъ фактомъ въ исторіи устройства соборнаго представительства XVI вѣка. О составѣ его сохранилось краткое и неясное извѣстіе, которое гласитъ, что царь Иванъ на двадцатомъ году своей жизни повелѣлъ собрать „свое государство изъ городовъ всякаго чина“[1]). Если даже понимать эти слова вполнѣ въ буквальномъ смыслѣ и предположить, что дѣйствительно были созваны въ столицу выборные отъ всѣхъ чиновъ, тогда существовавшихъ, составъ собора объяснится очень мало, потому что неизвѣстно, какіе чины тогда существовали. То было переходное время въ образованіи московской государственной іерархіи: дворцовыя должности удѣльнаго управленія превращались въ служебныя званія, не соединенныя съ опредѣленными должностными занятіями, а экономическія состоянія становились служебными рангами, обязанными исполнять извѣстныя правительственныя порученія. Такъ складывалась московская іерархія чиновъ. Полную табель этихъ чиновъ можно составить по памятникамъ первой

[1]) Собр. госуд. грам. и догов., II, № 37.

половины XVII вѣка, когда эти крайне мелкіе разряды, на которые дробилось населеніе въ Московскомъ государствѣ по роду и размѣрамъ падавшихъ на него повинностей, уже начинали смыкаться въ нѣсколько крупныхъ классовъ съ характеромъ сословій. Но къ половинѣ XVI вѣка многіе изъ этихъ чиновъ еще не успѣли образоваться, по крайней мѣрѣ, еще не носили техническихъ названій, какія позднѣе усвоила имъ чиновная терминологія. Такъ, въ памятникахъ того времени незамѣтно еще слѣдовъ дѣленія высшаго московскаго купечества на гостей и торговыхъ людей гостинной и суконной сотенъ съ періодическими наборами въ эти званія низшихъ торговыхъ людей столичныхъ и областныхъ; слѣды такого дѣленія становятся замѣтны не раньше царствованія Θеодора Іоанновича. Точно также не видно, чтобы ко времени перваго земскаго собора успѣла установиться іерархія чиновъ высшаго столичнаго дворянства, носившихъ въ XVII вѣкѣ названія стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ и жильцовъ: нѣкоторыя изъ этихъ званій еще не получили значенія чиновъ, оставаясь придворными должностями; т.-е. должностями дворцовой администраціи. Можно думать, что выработка служебной дворянской іерархіи началась нѣсколько раньше купеческой: слѣды ея замѣтны уже въ царствованіе Грознаго. Въ разрядной книгѣ полоцкаго похода 1563 г. перечисляются столичные служилые чины стольниковъ, стряпчихъ, жильцовъ и дворянъ выборныхъ [1]). Въ этомъ перечнѣ нѣтъ еще коренного столичнаго чина дворянъ московскихъ, если только не этотъ чинъ обозначенъ въ книгѣ названіемъ съ Москвы дворовыхъ, а дворяне выборные, причисляемые въ книгѣ къ столичному дворянству, въ позднѣйшихъ служилыхъ спискахъ являются первымъ чиномъ дворянства городового, т.-е. провинціальнаго. Значитъ, еще много лѣтъ послѣ со-

[1]) Витебская Старина, изд. А. Сапуновымъ, т. IV, стр. 27 и 33.

бора 1550 г. лѣствица и терминологія чиновъ не получали окончательной установки. Итакъ, о составѣ соборнаго представительства въ 1550 г. можно судить только по составу дальнѣйшихъ земскихъ соборовъ XVI вѣка.

Второй соборъ былъ созванъ въ 1566 г. во время войны съ Литвой за Ливонію. Царь хотѣлъ узнать мнѣнія чиновъ о томъ, мириться ли съ Литвой на условіяхъ, предложенныхъ литовскимъ королемъ. Отъ этого собора сохранилась приговорная грамота, полный протоколъ съ поименнымъ перечнемъ всѣхъ членовъ собора. Но этотъ перечень во многихъ отношеніяхъ представляется загадкой. Въ немъ поименовано 374 члена собора. По общественному положенію ихъ можно раздѣлить на 4 группы. Во-первыхъ, на соборѣ присутствовало 32 духовныхъ лица: то были архіепископы, епископы, архимандриты, игумены и монастырскіе старцы. Въ этой группѣ едва ли были выборные люди: ее составляли лица, одни изъ которыхъ явились на соборъ по своему сану, какъ его непремѣнные члены, другія, вѣроятно, были приглашены правительствомъ, какъ свѣдущіе люди, уважаемые обществомъ и могущіе подать полезный совѣтъ или усилить нравственный авторитетъ собранія. Вторая группа состояла изъ 29 бояръ, окольничихъ, государевыхъ дьяковъ, т.-е, статсъ-секретарей, и другихъ высшихъ сановниковъ, да изъ 33 простыхъ дьяковъ и приказныхъ людей. Здѣсь не могло быть выборныхъ представителей: это были все сановники и дѣльцы высшаго центральнаго управленія, члены Боярской думы, начальники и секретари московскихъ приказовъ, приглашенные на соборъ въ силу своего правительственнаго положенія. Третью группу составляли 97 дворянъ первой статьи, 99 дворянъ и дѣтей боярскихъ второй статьи, 3 торопецкихъ и 6 луцкихъ помѣщиковъ: это группа военно-служилыхъ людей. Наконецъ, въ составъ четвертой группы входили 12 гостей, т.-е. купцовъ высшаго разряда, соотвѣтствовавшаго нынѣшнему званію коммерціи совѣтниковъ, 41 человѣкъ простыхъ московскихъ купцовъ, „торго-

выхъ людей москвичей", какъ они названы въ соборной грамотѣ, и 22 человѣка смольнянъ: это люди торгово-промышленнаго класса.

Составъ и значеніе двухъ послѣднихъ группъ и являются загадкой, благодаря своеобразной соціальной терминологіи соборнаго акта и необычной группировкѣ членовъ собора въ ихъ перечнѣ. Позднѣе, когда установилась іерархія служилыхъ чиновъ, въ ней не находимъ дворянъ и дѣтей боярскихъ первой и второй статьи. Что такое были эти 196 дворянъ и дѣтей боярскихъ обѣихъ статей, кого они представляли на соборѣ и даже представляли ли кого-нибудь, были ли выборными отъ какихъ-нибудь общественныхъ міровъ? Не находя въ соборной грамотѣ прямыхъ отвѣтовъ на эти вопросы и видя рядомъ съ дворянами и дѣтьми боярскими, неизвѣстно кого представлявшими, помѣщиковъ луцкихъ и и торопецкихъ, нѣкоторые изслѣдователи признали составъ собора ненормальнымъ, неполнымъ. Этотъ составъ нѣкогда даже вызвалъ небольшой споръ въ нашей исторической литературѣ. Не находя достаточнаго количества областныхъ депутатовъ на соборѣ 1566 года, Соловьевъ не рѣшался признать за нимъ значенія земскаго представительнаго собранія. К. Аксаковъ возражалъ, признавая этотъ соборъ неполнымъ и сравнивая его съ молодымъ деревомъ, изъ котораго современемъ выраститъ вѣтвистый дубъ,—другими словами, подтверждалъ мнѣніе противника, замѣняя историческое возраженіе поэтическимъ сравненіемъ [1]). Присутствіе на соборѣ помѣщиковъ двухъ уѣздовъ и торговыхъ людей одного областнаго города, разумѣется, не могло сообщить ему значенія земскаго собранія, представительства всей земли. Появленіе этихъ немногихъ мѣстныхъ областныхъ представителей объясняли довольно искусственно. На соборѣ обсуждался вопросъ о томъ, отступаться ли отъ по-

---

[1]) Шлецеръ и анти-истор. направленіе (Русск. Вѣстн., т. VIII, стр. 445). Сочиненія К. Аксакова, I, 204.

рубежныхъ ливонскихъ городовъ, которые литовскій король удерживалъ за собою. Вопросъ этотъ обсуждался преимущественно съ точки зрѣнія торговыхъ интересовъ Пскова, Новгорода и другихъ западныхъ коммерческихъ центровъ Московскаго государства [1]). Обсуждая этотъ вопросъ, правительство, значитъ, хотѣло выслушать мнѣнія представителей тѣхъ областей, которыхъ онъ преимущественно касался. Выходитъ нѣчто довольно неожиданное изъ этихъ соображеній: обсуждали вопросъ преимущественно съ точки зрѣнія торговыхъ интересовъ Пскова и Новгорода и не позвали ни одного представителя ни псковскаго, ни новгородскаго; ни Торопецъ, ни Вел. Луки не принадлежали къ числу коммерческихъ центровъ въ Московскомъ государствѣ XVI вѣка и, однако, изъ ихъ уѣздовъ вызвали 9 представителей. Но и это объясненіе не касается 196 дворянскихъ представителей обѣихъ статей: ихъ представительное значеніе остается загадочнымъ. Такъ какъ мѣстное происхожденіе областныхъ дворянскихъ депутатовъ, хотя и очень немногочисленныхъ, только луцкихъ и торопецкихъ, прямо обозначено въ соборномъ актѣ, то г. Чичеринъ высказалъ предположеніе, что дворяне и дѣти боярскія обѣихъ статей, мѣстное происхожденіе которыхъ не обозначено, были представители не областнаго, а столичнаго, московскаго дворянства [2]). Впослѣдствіи столичное дворянство, составлявшее высшій слой служилаго класса, нѣчто похожее на гвардію, распадалось, какъ сказано, на чины стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ и жильцовъ, и каждый чинъ выбиралъ на соборы особыхъ представителей. Если предположить, что обѣ статьи, на которыя раздѣлены были перечисленные въ соборномъ актѣ дворяне и дѣти боярскія, имѣли въ XVI вѣкѣ значеніе служилыхъ московскихъ чи-

---

[1]) Ист. права Моск. госуд., г. Загоскина въ Уч. Зап. Каз. Унив. 1877 г., № 4, стр. 772 и сл.

[2]) О народномъ представительствѣ, стр. 365.

новъ, соотвѣтствовавшихъ позднѣйшему болѣе дробному чиновному дѣленію столичнаго дворянства, останется непонятнымъ, зачѣмъ понадобилось такое огромное, небывалое впослѣдствіи количество соборныхъ представителей того и другого чина.

Есть возможность распутать этотъ узелъ и объяснить представительный характеръ загадочныхъ 196 дворянъ и дѣтей боярскихъ, присутствовавшихъ на соборѣ 1566 г. Эти дворяне и дѣти боярскія вмѣстѣ съ 9 торопецкими и луцкими помѣщиками представляли на соборѣ многочисленный военный-служилый классъ, если только представляли когонибудь, и, кромѣ нихъ, не видимъ другихъ представителей этого класса въ составѣ собора. Ихъ было 205 человѣкъ на 374 члена собора, т.-е. почти 55% всего личнаго состава собранія. Значитъ, представители дворянства образовали самый многочисленный элементъ этого состава. Незадолго до собора, въ 1550-хъ годахъ, московское правительство приняло рядъ важныхъ мѣръ съ цѣлью организовать этотъ классъ, устроить его землевладѣльческое положеніе и порядокъ отбыванія лежавшихъ на немъ служебныхъ обязанностей. Первою извѣстною мѣрой изъ этого ряда былъ законъ 3 октября 1550 г. Царь приговорилъ съ боярами набрать по разнымъ областямъ государства тысячу лучшихъ служилыхъ людей и у кого изъ набранныхъ не окажется земельныхъ имѣній близъ Москвы, не далѣе 70 верстъ отъ столицы, тѣмъ дать помѣстья подъ Москвою на такомъ же отъ нея разстояніи. Вмѣстѣ съ простыми служилыми людьми на одинаковыхъ условіяхъ велѣно было испомѣстить и бояръ и другихъ высшихъ сановниковъ, также не имѣвшихъ подъ Москвою ни вотчинъ, ни помѣстій. Всѣ эти новые подмосковные помѣщики назначались на постоянную службу въ столицѣ и обязаны быть всегда готовыми „въ посылки", для исполненія различныхъ правительственныхъ порученій. Служилые люди, набранные по этому закону изъ разныхъ уѣздовъ, раздѣлялись на три статьи или разряда

по размѣрамъ назначенныхъ имъ помѣстныхъ надѣловъ (по 300, по 225 и по 150 десятинъ пахотной земли). Составленъ былъ списокъ сановниковъ и простыхъ служилыхъ людей, которыхъ предположено было въ силу закона 3 октября испомѣстить подъ Москвой, съ обозначеніемъ уѣздовъ, изъ которыхъ взяты служилые люди, т.-е. въ которыхъ находились у нихъ недвижимыя имѣнія или къ которымъ они были приписаны по службѣ до закона 3 октября. Этотъ списокъ, получившій названіе Тысячной книги, дошелъ до насъ [1]. Сличая его съ перечнемъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, присутствовавшихъ на соборѣ 1566 года, получаемъ возможность уяснить представительное значеніе послѣднихъ.

Очень многія имена, помѣщенныя въ Тысячной книгѣ 1550 года, повторяются и въ соборномъ перечнѣ 1566 года; нерѣдко въ послѣднемъ обозначенъ сынъ служилаго человѣка, записаннаго въ первой. Сличеніе обоихъ этихъ документовъ приводитъ къ любопытнымъ наблюденіямъ. Разсматривая Тысячную книгу, замѣчаемъ, что статьи, на которыя она дѣлитъ служилыхъ людей, имѣютъ генеалогическое основаніе. Изъ нихъ двѣ первыя сравнительно немногочисленны, заключаютъ въ себѣ всего 112 именъ; но это все имена первостепенной или второстепенной знати, будущихъ сановниковъ. Третья статья, самая многочисленная, отличается смѣшаннымъ составомъ: и здѣсь встрѣчаются родовитые люди; но огромное большинство записанныхъ въ эту статью принадлежало къ рядовому дворянству. Очевидно, новобранцевъ столичной службы старались надѣлить подмосковными помѣстьями въ мѣру ихъ служебной годности, которая измѣрялась тогда, прежде всего, степенью родовитости, „отечествомъ“. Этимъ именно дѣленіемъ Тысячной книги, установленнымъ закономъ 3 октября, руководился составитель соборнаго перечня при распредѣленіи на статьи дворянъ и дѣтей боярскихъ, присутствовавшихъ на соборѣ

---

[1]) Временникъ Общ. ист. и др. росс., кн. 20, смѣсь, стр. 41.

1566 г. По Тысячной книгѣ въ первой статьѣ обозначенъ кн. Ю. И. Кашинъ: въ соборномъ перечнѣ двоpяниномъ той же статьи является сынъ его, кн, Д. Ю. Кашинъ, заместившій своего отца, который немного лѣтъ спустя послѣ набора 1550 г. изъ столичныхъ дворянъ произведенъ былъ въ бояре. Это не значитъ, что столичные дворяне набора 1550 г. или сыновья ихъ, попавшіе на соборъ въ 1566 г., и здѣсь оставались въ тѣхъ же статьяхъ, въ которыя они или ихъ отцы записаны были по Тысячной книгѣ. Статьи эти не были замкнутыми, безъисходными кругами, не допускавшими іерархическаго движенія: дворянинъ, въ 1550 г. по своей служебной годности зачисленный въ третью статью и потому получившій помѣстный надѣлъ подъ Москвой въ 150 десятинъ пашни, потомъ за служебныя заслуги получалъ прибавки къ этому надѣлу до 225 или до 300 десятинъ и такимъ образомъ поднимался во вторую и въ первую статью. Вотъ почему почти всѣ дворяне, зачисленные по книгѣ 1550 г. во вторую или третью статью и присутствовавшіе на соборѣ 1566 года, въ соборномъ перечнѣ являются дворянами второй или первой статьи. Слѣдя за связью генеалогическаго значенія столичныхъ дворянъ съ ихъ служебнымъ положеніемъ и общественнымъ вѣсомъ, насколько эта связь открывается путемъ сличенія обоихъ разсматриваемыхъ документовъ, замѣчаемъ въ дворянскомъ составѣ собора 1566 года одну черту, которая при первомъ взглядѣ кажется непонятной. При такой связи слѣдовало бы ожидать, что изъ каждой статьи столичнаго дворянства на соборѣ явятся наиболѣе родовитые люди. Сличая Тысячную книгу съ соборнымъ перечнемъ дворянъ обѣихъ статей, этого не находимъ. Многіе дворяне знатныхъ фамилій, успѣшно проходившіе служебный путь, почему-то не попали на соборъ, а весьма многіе совсѣмъ неродовитые люди попали. Не было на соборѣ ни кн. И. Д. Пронскаго, вскорѣ пожалованнаго въ бояре, ни Д. А. Бутурлина и кн. Ю. И. Токмакова, которые черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ собора

являются въ Боярской думѣ окольничими; между тѣмъ, представителями дворянства записаны въ соборномъ спискѣ люди такого скромнаго происхожденія, какъ Бортеневъ, Волуевъ, Коуровъ, Кобяковъ, Рясинъ, Чихачевъ, Чубаровъ и множество другихъ, фамиліи которыхъ никогда не появлялись въ думскихъ спискахъ. Значитъ, дворянскіе представители на соборѣ подбирались не по одной родовитости, но и по другимъ какимъ-то соображеніямъ. Этотъ подборъ и заставляетъ обратить вниманіе на мѣстное происхожденіе дворянъ, имена которыхъ обозначены въ соборномъ перечнѣ обѣихъ статей.

Тысячная книга даетъ возможность прослѣдить мѣстное происхожденіе очень многихъ дворянскихъ представителей на соборѣ 1566 г.: какъ было замѣчено выше, въ ней обозначено, по какимъ уѣздамъ служили дворяне, взятые на столичную службу въ 1550 г. Параллельное изученіе обоихъ списковъ, тысячнаго 1550 г. и соборнаго 1566 г., приводитъ къ такимъ наблюденіямъ. Изъ 196 соборныхъ представителей дворянства обѣихъ статей можно опредѣлить мѣстное происхожденіе ста одного: имена ихъ или ихъ отцовъ встрѣчаемъ и въ Тысячной книгѣ, а по закону 3 октября 1550 г. дворянина, выбывшаго изъ набранной тысячи, долженъ былъ замѣщать его сынъ, если таковой былъ и оказывался годнымъ къ столичной службѣ. Прибавивъ къ этому числу 9 луцкихъ и торопецкихъ помѣщиковъ, мѣстное происхожденіе которыхъ указано въ самомъ соборномъ перечнѣ, получимъ изъ 205 дворянскихъ представителей 110 такихъ, о которыхъ несомнѣнно извѣстно, по какимъ уѣздамъ служили они или ихъ отцы въ 1550 г., когда ихъ записали на столичную службу. Спрашивается, кто такіе были остальные 95 представителей? Судя по большинству ихъ, принадлежавшему къ добрымъ или среднимъ дворянскимъ фамиліямъ, они также входили въ составъ столичнаго дворянства. Но ни ихъ самихъ, ни ихъ отцовъ не находимъ въ Тысячной книгѣ. Это могло произойти отъ двухъ причинъ. Во-пер-

выхъ, въ тысячной книгѣ записаны далеко не всѣ дворяне, состоявшіе на столичной службѣ въ 1550 году, а только тѣ зачисленные тогда на эту службу новобранцы и тѣ изъ старыхъ столичныхъ служакъ, у которыхъ не было подмосковныхъ помѣстій и вотчинъ и которыхъ тогда же предписано было вновь испомѣстить подъ Москвою. Просматривая росписи служебныхъ назначеній 1550 годовъ, сведенныя въ Разрядной книгѣ, встрѣчаемъ очень много дворянъ, которыхъ нѣтъ въ Тысячной книгѣ, но которые исполняли одинаковыя съ записанными въ ней порученія столичной службы; нѣкоторыхъ изъ нихъ встрѣчаемъ на соборѣ 1566 года въ числѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ первой и второй статьи [1]). Во-вторыхъ, по закону 3 октября 1550 г., дворянинъ, выбывшій изъ новонабранной столичной тысячи замѣнялся другимъ, стороннимъ служилымъ человѣкомъ, если не имѣлъ сына, годнаго къ столичной службѣ. Распредѣливъ 110 дворянскихъ представителей по мѣсту ихъ происхожденія, найдемъ, что они принадлежали къ 38 уѣздамъ [2]). Изъ неполнаго распредѣленія, захватывающаго немного болѣе половины всего количества дворянскихъ представителей на соборѣ, нельзя вывести никакихъ надежныхъ заключеній ни о томъ, всѣ ли уѣзды государства съ дворянско-землевладѣльческимъ населеніемъ были пред-

[1]) Такъ, напримѣръ, въ тульскомъ походѣ 1555 г. порученія столичной службы исполняли рядомъ съ записанными въ Тысячной книгѣ кн. П. И. Татевымъ, кн. А. И. Прозоровскимъ, Л. Раковымъ, Ѳ. Зезевитовымъ и дворяне, въ ней не записанные, но бывшіе потомъ на соборѣ 1566 г., Л. Колтовской, кн. П. Ю. Голицынъ, кн. Ѳ. В. Сисѣевъ и другіе.

[2]) Псковъ, Вотьская, Шелонская, Деревская и Бѣжецкая пятины Новгорода Великаго, обѣ Ржевы, Великія Луки, Торопецъ, Бѣлая, Дорогобужъ, Вязьма, Боровскъ, Малый Ярославецъ, Калуга, Масальскъ, Воротынскъ, Таруса, Тула, Рязань, Коломна, Москва, Можайскъ, Волокъ, Дмитровъ, Тверь, Торжокъ, Бѣжецкій Верхъ, Кашинъ, Ярославль, Ростовъ, Переяславль, Юрьевъ, Суздаль, Стародубъ Ряполовскій, Муромъ, Кострома, Галичъ.

ставлены на соборѣ, ни о томъ, было ли установлено нормальное число представителей отъ каждаго уѣзда. Можно только замѣтить, что около половины всего количества уѣздовъ, представители которыхъ извѣстны, принадлежали къ западной полосѣ государства, на границахъ которой шла вызвавшая соборъ война, а большинство остальныхъ — къ центральнымъ областямъ, окружавшимъ столицу: всего менѣе встрѣчаемъ уѣздовъ южныхъ и восточныхъ. Число представителей отъ каждаго уѣзда колеблется отъ 1 до 6: только отъ уѣздовъ Московскаго и Можайскаго было на соборѣ по 9 дворянъ. Все это приводитъ къ догадкѣ, что дворянскихъ представителей подбирали на соборъ, между прочимъ, по ихъ мѣстному значенію, по ихъ положенію среди служилыхъ землевладѣльцевъ тѣхъ уѣздовъ, гдѣ находились ихъ вотчины или помѣстья и къ которымъ они или ихъ отцы были приписаны по службѣ до набора 1550 г. Если это такъ, то становится возможно объяснить, почему на соборъ не попали нѣкоторые знатные дворяне, а многіе незнатные попали: въ иныхъ уѣздахъ родовитыхъ дворянъ, которые могли явиться представителями на соборѣ, было больше, чѣмъ сколько требовалось для представительства, а въ другихъ ихъ было мало или совсѣмъ не было. Но сличеніемъ соборнаго акта со спискомъ 1550 г. вскрывается еще одна подробность, всего яснѣе указывающая на то, что присутствовавшіе на соборѣ дворяне обѣихъ статей явились сюда съ мѣстнымъ значеніемъ, какъ представители дворянскихъ обществъ извѣстныхъ уѣздовъ. Изъ числа этихъ дворянъ въ соборномъ перечнѣ торопецкіе и луцкіе помѣщики выдѣлены въ двѣ особыя группы, которыя подали на соборѣ отдѣльныя мнѣнія, хотя эти мнѣнія были очень сходны съ заявленіями дворянъ обѣихъ статей и дословно повторяли нѣкоторыя ихъ выраженія. Но эти торопецкіе и луцкіе помѣщики были такіе же служилые люди московской столичной службы, какъ и дворяне первой второй статьи: въ числѣ ихъ встрѣчаемъ нѣсколько человѣкъ, поименован-

ныхъ и въ Тысячной книгѣ 1550 года. Группа торопецкихъ помѣщиковъ состояла изъ Рябинина, Алексѣя Чеглокова и Хрипунова: но А. Чеглоковъ и Хрипуновъ записаны и въ Тысячной книгѣ, какъ столичные дворяне третьей статьи. За то въ числѣ дворянъ первой статьи соборный перечень помѣтилъ Невзора и Мих. Чеглоковыхъ, которые также были торопецкіе помѣщики и по книгѣ 1550 года были записаны въ число столичныхъ дворянъ вмѣстѣ съ Алексѣемъ Чеглоковымъ и Хрипуновымъ и по одной съ ними статьѣ. Значитъ, изъ Торопецкаго уѣзда на соборѣ присутствовали не три, а пять помѣщиковъ. Всѣ они были дворяне столичной службы; но двое изъ нихъ въ соборной грамотѣ не попали въ одну группу съ земляками потому, что не принадлежали уже къ одному съ ними служебному рангу; успѣли до собора подняться въ первую статью, тогда какъ ихъ земляки оставались въ прежней низшей статьѣ. Другими словами, въ соборномъ перечнѣ 9 луцкихъ и торопецкихъ помѣщиковъ отдѣлены отъ 196 дворянъ первой и второй статьи потому, что они, не принадлежа ни къ той, ни къ другой статьѣ и образуя особыя мѣстныя группы, подавали на соборѣ мнѣнія отдѣльно отъ дворянъ обѣихъ высшихъ статей. Изъ этого слѣдуетъ, что дворянскіе представители на соборѣ распредѣлялись по статьямъ только при обсужденіи предложенныхъ собору вопросовъ и при подачѣ мнѣній; но это распредѣленіе не выражало ихъ представительнаго значенія [1]). По своему служебному по-

[1]) Впрочемъ, трудно сказать, насколько изложенный въ соборной грамотѣ порядокъ подачи мнѣній соотвѣтствовалъ дѣйствительности и насколько онъ былъ дѣломъ дьяка, составлявшаго грамоту и сводившаго соборныя мнѣнія по соображеніямъ редакціоннаго удобства. Слѣды этихъ соображеній можно было бы отмѣтить какъ въ этой, такъ и въ другихъ соборныхъ грамотахъ, если бы это входило въ составъ разсматриваемаго вопроса. Въ виду этого можно объяснить, почему составитель приговорной грамоты 1566 года не соединилъ 9 луцкихъ и торопецкихъ помѣщиковъ въ третью статью. Помѣщики новгородскіе, псковскіе, ржевскіе, луцкіе и торопецкіе

ложенію они всѣ принадлежали къ высшему столичному дворянству, дѣлившемуся на три ранга или статьи, но представляли на соборѣ не одно это дворянство: они явились на соборъ представителями мѣстныхъ міровъ, уѣздныхъ дворянскихъ обществъ, съ которыми были связаны, несмотря на свою принадлежность къ столичному дворянству. Что это были за общества, какое отношеніе имѣли къ нимъ столичные дворяне и почему послѣдніе являлись ихъ соборными представителями — въ этомъ главный узелъ вопроса о составѣ представительства на соборѣ 1566 года. Самый подборъ уѣздовъ, къ которымъ принадлежало по мѣсту землевладѣнія большинство дворянскихъ представителей на этомъ соборѣ, повидимому указываетъ путь, которымъ надобно идти къ рѣшенію этого вопроса. Мы видѣли, что, за немногими исключеніями, это были уѣзды западной и центральной полосы государства, откуда шла наибольшая масса боевыхъ силъ на войну, вызвавшую соборъ 1566 г. Здѣсь необходимо припомнить нѣкоторыя особенности нашего стариннаго военнаго строя.

Въ Московскомъ государствѣ всякая армія, большая или малая, выступала въ походъ обыкновенно пятью отрядами или корпусами, носившими названіе полковъ: это были большой полкъ, правая рука, передовой и сторожевой полки и лѣвая рука. Каждый полкъ, смотря по величинѣ арміи, составлялся изъ большаго или меньшаго количества территоріальныхъ ротъ, уѣздныхъ сотенъ, составлявшихся каж-

---

въ книгѣ 1550 года раздѣлены не на три, а только на двѣ статьи, которыя по размѣрамъ назначенныхъ имъ подмосковныхъ помѣстій соотвѣтствовали второй и третьей статьѣ. Девять луцкихъ и торопецкихъ представителей на соборѣ значились во второй статьѣ своего мѣстнаго дѣленія, соотвѣтствовавшей третьей статьѣ общаго дѣленія. Составитель приговорной грамоты, руководившійся классификаціей 1550 года, и не зналъ, по какому дѣленію числить ихъ, по общему или мѣстному.

щая изъ служилыхъ людей одного какого-либо уѣзда [1]). Во главѣ полка становилось нѣсколько воеводъ, двое или болѣе, смотря также по численному составу полка. Первый воевода былъ главный командиръ полка: но при этомъ онъ непосредственно командовалъ одною изъ частей или дивизій, на которыя дѣлился полкъ: непосредственными начальниками остальныхъ дивизій были его товарищи, воеводы второй, третiй и т. д. У каждаго дивизiоннаго воеводы было подъ руками по нѣскольку головъ, начальствовавшихъ надъ сотнями. Эти сотенные головы въ XVII в. назначались либо изъ лучшихъ дворянъ тѣхъ сотенъ, во главѣ которыхъ они становились, либо изъ столичнаго дворянства. Послѣднее бывало чаще въ тѣхъ уѣздныхъ сотняхъ, которыя не имѣли въ своей средѣ служилыхъ людей, по своей служебной состоятельности способныхъ занимать офицерскiя должности, быть „въ головствѣ". Благодаря тому, значительное количество столичныхъ дворянъ было постоянно занято службой „въ начальныхъ людяхъ у служилыхъ людей", т.-е. командованiемъ уѣздными территорiальными отрядами. При этихъ назначенiяхъ въ XVII в. не принималось въ разсчетъ, имѣлъ ли столичный дворянинъ какую-либо поземельную связь съ тѣмъ территорiальнымъ отрядомъ, во главѣ котораго онъ становился. Но сотенные головы изъ уѣздныхъ дворянъ имѣли тѣсную корпоративную связь со своими сотнями. Назначенiе такихъ головъ принадлежало воеводамъ полковымъ или городовымъ. Но по закону воеводы обязаны были назначать ихъ изъ сотенныхъ знаменщиковъ, а этихъ послѣднихъ выбирали сами уѣздные дворяне изъ верхняго слоя своего общества, который носилъ названiе **выбора** или **выборныхъ дворянъ**, „лутчихъ и полныхъ людей, которымъ служба за обычаи". Но въ XVI вѣкѣ, когда корпусъ столичнаго дво-

[1]) Въ большихъ генеральныхъ походахъ составлялись и смѣшанныя сотни изъ обрывковъ, какiе „за расходомъ оставались" отъ сотеннаго распорядка отрядовъ разныхъ уѣздовъ.

рянства не былъ еще вполнѣ сформированъ, дворяне выборные, какъ мы видѣли, причислялись къ столичному, а не провинціальному дворянству; по всей вѣроятности, первоначально это званіе носили именно дворяне, набранные изъ уѣздовъ на столичную службу въ силу закона 3 октября 1550 г. Потому и подборъ головъ для уѣздныхъ дворянскихъ сотенъ въ XVI в. совершался нѣсколько иначе, однообразнѣе, чѣмъ въ XVII: головами уѣздныхъ сотенъ назначались обыкновенно столичные дворяне, но по мѣсту землевладѣнія принадлежавшіе къ однимъ съ ними уѣздамъ. Этимъ объясняются нѣкоторыя черты военной московской лѣтописи второй половины XVI в. Въ 1557 г. царь Иванъ послалъ на Ливонію большую рать, въ составъ которой вошли всѣ служилые люди новгородскіе и псковскіе съ отрядами изъ центральныхъ уѣздовъ. Осенью 1558 г. двинуты были противъ магистра ордена три корпуса, составленные исключительно изъ служилыхъ людей Псковскаго уѣзда и Шелонской пятины. Сотенные головы, упоминаемые въ лѣтописномъ разсказѣ объ этой войнѣ, почти всѣ помѣщики тѣхъ же уѣздовъ, зачисленные въ 1550 году въ составъ столичнаго дворянства; изъ нихъ 8 человѣкъ были депутатами на соборѣ 1566 г. [1]).

Въ 1559 году выставлена была большая армія на южной границѣ противъ крымскихъ татаръ, угрожавшихъ нападеніемъ. Большой полкъ находился подъ начальствомъ четырехъ воеводъ. Въ составъ четырехъ дивизій, на которыя раздѣлялся этотъ полкъ, входили и отряды новгородскихъ помѣщиковъ, находившіеся подъ начальствомъ 16 головъ. Всѣ эти головы были новгородскіе же помѣщики; но если не всѣ они, то шестеро изъ нихъ навѣрное были, въ то же время, столичные дворяне: имена ихъ находимъ въ Тысячной книгѣ [2]). Этимъ объясняется значеніе той особенности въ составѣ дво-

[1]) Лѣтопись Нормантскаго во Временникѣ Общ. Ист. и Др. Росс., кн. 5, стр. 117—134.

[2]) Разрядная книга въ Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, № $^{99}/_{131}$, л. 344.

рянскаго представительства на соборѣ 1566 года, что не меньше половины всего количества дворянскихъ представителей, мѣстное происхожденіе которыхъ можно опредѣлить, принадлежало уѣздамъ западной полосы государства: это были уѣзды наиболѣе близкіе къ театру ливонской войны, откуда, какъ надобно думать, шло наибольшее количество военно-служилыхъ землевладѣльцевъ въ составъ дѣйствовавшихъ на этомъ театрѣ московскихъ армій. Такимъ образомъ, дворянскій представитель являлся на соборъ съ двойственнымъ значеніемъ, которому и былъ обязанъ своими представительными полномочіями: какъ землевладѣлецъ, онъ не выступалъ изъ корпораціи военно-служилыхъ землевладѣльцевъ извѣстнаго уѣзда, несмотря на свою принадлежность къ столичному дворянству; какъ столичный дворянинъ, онъ становился на походѣ во главѣ дворянскаго отряда своего уѣзда; наконецъ, въ томъ и другомъ качествѣ онъ являлся естественнымъ представителемъ на соборѣ уѣздной дворянской корпораціи, которою предводительствовалъ на походѣ. Въ Разрядной книгѣ отмѣченъ одинъ случай, въ которомъ довольно явственно выразилось такое значеніе дворянскихъ представителей на соборѣ. Осенью 1564 г. московская рать взяла приступомъ городъ Озерище (нынѣ мѣстечко въ Городецкомъ уѣздѣ, Витебской губ.). Одинъ изъ штурмовавшихъ отрядовъ, состоявшій изъ служилыхъ людей Юрьевскаго уѣзда (нынѣ Владимірской губ.), взялъ въ плѣнъ самого ротмистра польскаго пана Островецкаго, защищавшаго городъ. Въ Разрядной книгѣ XVI в. уѣздные отряды обозначались обыкновенно именами ихъ командировъ, головъ. Этимъ объясняется форма, въ какой Разрядная книга отмѣтила подвигъ юрьевскаго отряда: „а ротмистра королева, который въ городѣ сидѣлъ, пана Мартына Островецкаго въ городѣ взяли сынъ боярской юрьевецъ Карпъ Ивановъ сынъ Жеребятичевъ“ [1]). Этого самого Карпа Иванова Жеребятичева встрѣ-

[1]) Разрядная книга въ Симбирскомъ Сборникѣ изд. Валуевымъ, ч. I, стр. 7.

чаемъ на соборѣ 1566 г. въ числѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ второй статьи. Значитъ, онъ принадлежалъ къ столичному дворянству, не разрывая служебной связи и съ областною дворянскою корпораціей, къ которой принадлежалъ по мѣсту землевладѣнія, не переставая быть „сыномъ боярскимъ юрьевцемъ". Какъ столичный дворянинъ, онъ былъ назначенъ головой дворянскаго отряда своего уѣзда, а какъ голова, былъ призванъ представителемъ этого отряда на соборѣ.

Впрочемъ, было бы очень поспѣшнымъ заключеніе, что всѣ обозначенные въ соборномъ перечнѣ дворяне и дѣти боярскія обѣихъ статей были такими представителями уѣздныхъ дворянскихъ обществъ, которыми они предводительствовали въ походахъ. Разсматривая служебныя военно-административныя назначенія 1551—1566 г., отмѣченныя въ Разрядной книгѣ, почти на каждой страницѣ встрѣчаемъ имена столичныхъ дворянъ, большею частью изъ числа занесенныхъ въ Тысячную книгу: они являются самыми дѣятельными орудіями военно-походнаго управленія, исполняютъ разнообразныя „посылки", особыя порученія главныхъ воеводъ или центральнаго правительства. Всего чаще назначали ихъ годовыми воеводами въ пограничные города, гдѣ требовалось постоянное присутствіе военной силы для бдительнаго надзора за движеніями непріятеля и для отраженія его внезапныхъ нападеній. Правда, и въ этихъ назначеніяхъ можно замѣтить стремленіе правительства сообразоваться съ мѣстными отношеніями назначаемыхъ: такъ, воеводами въ города рязанской украины, въ Пронскъ, Михайловъ, Ряжскъ, очень часто назначали Сунбуловыхъ, Коробьиныхъ, Сидоровыхъ, а это были все состоявшіе на столичной службѣ рязанскіе дворяне, потомки старинныхъ бояръ бывшаго Рязанскаго княжества. Но гораздо чаще встрѣчаемъ назначенія, въ которыхъ незамѣтно такихъ соображеній: въ городахъ на западной границѣ, въ Смоленскѣ, Псковѣ, Великихъ Лукахъ, Ржевѣ, даже въ Полоцкѣ и Юрьевѣ Ливонскомъ, встрѣчаемъ воеводами или городничими кн. Шуйскаго,

кн. Прозоровскаго, кн. Гундорова, кн. Татева, Бутурлиныхъ, столичныхъ дворянъ изъ такихъ центральныхъ уѣздовъ, какъ Суздальскій, Переяславскій, Стародубскій на Клязьмѣ, Московскій. Столичные дворяне, сейчасъ упомянутые, воеводствовали по городамъ въ 1565 и 1566 гг. и присутствовали на соборѣ 1566 г. Подобно дворянскимъ представителямъ, которые были головами уѣздныхъ отрядовъ, эти дворяне-воеводы явились на соборъ прямо съ театра войны; но тѣ и другіе едва ли имѣли одинаковое представительное значенье. Первые, какъ походные уѣздные предводители дворянства въ буквальномъ значеніи этого слова, пришли на соборъ уполномоченными отъ уѣздныхъ дворянскихъ отрядовъ, которыми они предводительствовали; вторые едва ли имѣли такія полномочія: это было бы возможно только при условіи, если бы существовало правило ставить гарнизонами въ пограничные города дворянскіе отряды однихъ уѣздовъ съ назначаемыми въ эти города воеводами или, говоря точнѣе, назначать городовыми воеводами головъ тѣхъ же уѣздныхъ отрядовъ, которые ставились гарнизонами въ эти города. Но не находимъ прямыхъ указаній на дѣйствіе подобнаго правила. Такіе городовые воеводы, не командовавшіе дворянскими отрядами своихъ уѣздовъ, являлись на соборъ по правительственному призыву въ качествѣ свѣдущихъ людей, непосредственно знакомыхъ съ военнымъ положеніемъ границъ, гдѣ шла война. Надобно думать, что число такихъ экспертовъ, не имѣвшихъ представительнаго значенія, было въ составѣ собора довольно значительно: ограничиваясь только отмѣченными въ Разрядной книгѣ военно-административными назначеніями 1565 и 1566 годовъ, насчитываемъ до 50 присутствовавшихъ на соборѣ дворянъ, которые по характеру возложенныхъ на нихъ военно-административныхъ порученій едва ли были уполномоченными отъ уѣздныхъ дворянскихъ обществъ. Во всякомъ случаѣ, сопоставленіе соборнаго списка съ Разрядной книгой вскрываетъ ту характерную особенность въ составѣ этого собора,

что бывшіе на немъ дворяне въ большинствѣ явились прямо съ похода. На эту особенность указали въ своемъ мнѣніи и представители торопецкихъ помѣщиковъ на соборѣ. Они писали, что предпочитаютъ сложить свои головы за одну десятину Полоцкаго и Озерищскаго повѣта, „чѣмъ въ Полоцкѣ помереть запертымъ“, прибавивъ къ этому: „мы, холопи его государскіе, нынѣ на конехъ сидимъ и мы за его государское съ коня помремъ“.

Итакъ, члены собора изъ дворянства всѣ принадлежали къ столичнымъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ трехъ статей, на которыя тогда дѣлилось по служебной годности столичное дворянство. Служа исполнителемъ разнообразныхъ военно-административныхъ порученій, изъ которыхъ тогда слагалась столичная дворянская служба, это дворянство, вмѣстѣ съ тѣмъ, еще не порвало служебныхъ связей съ уѣздами, гдѣ у него находились земельныя имущества, съ тѣми провинціальными дворянскими обществами, изъ которыхъ оно набиралось: ставъ столичными, эти дворяне не переставали быть уѣздными. На соборъ, созванный по вопросу о продолженіи войны, они явились съ двоякимъ значеніемъ: одни пришли, какъ командиры мобилизованныхъ для войны уѣздныхъ дворянскихъ отрядовъ; другіе были призваны, потому что были комендантами или помощниками комендантовъ пограничныхъ городовъ, близкихъ къ театрамъ военныхъ дѣйствій. Были ли тѣ и другіе дворянскими представителями на соборѣ въ точномъ значеніи слова, выборными людьми, спеціально уполномоченными представлять избирателей, выражать ихъ мнѣнія на этомъ только соборѣ и только по вопросу, для обсужденія котораго онъ былъ созванъ. Относительно городовыхъ воеводъ или комендантовъ это очень сомнительно, относительно сотенныхъ головъ или отрядныхъ командировъ только вѣроятно. Но въ то время это едва ли считалось существеннымъ условіемъ, необходимымъ для того, чтобы сообщить головамъ уѣздныхъ дворянскихъ сотенъ характеръ уѣздныхъ дворянскихъ представите-

лей: выборъ, какъ специальное полномочіе на отдѣльный случай, тогда не признавался необходимымъ условіемъ представительства. Столичный дворянинъ, командовавшій дворянами своего уѣзда, считался ихъ представителемъ по положенію, а не по выбору, повторявшемуся въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, и потому даже безъ выбора могъ представлять ихъ во всѣхъ случаяхъ, требовавшихъ представительнаго полномочія. Правительство ли призывало голову уѣздной дворянской сотни представителемъ на соборъ, или сама сотня выбирала его своимъ депутатомъ, это было, въ сущности, все равно, какъ скоро то и другое совершалось въ силу взгляда на сотеннаго голову, какъ на естественнаго и непремѣннаго представителя сотни во всѣхъ случаяхъ, когда она нуждалась въ представителѣ: какъ корпоративный выборъ ничего не прибавлялъ къ представительному значенію избраннаго, такъ и правительственный призывъ не отнималъ такого значенія у призваннаго. Столичный дворянинъ изъ переяславскихъ или юрьевскихъ помѣщиковъ являлся на соборъ представителемъ переяславскихъ или юрьевскихъ дворянъ потому, что онъ былъ головой переяславской или юрьевской дворянской сотни, а головой онъ становился потому, что былъ столичный дворянинъ, столичнымъ же дворяниномъ онъ становился потому, что былъ однимъ изъ лучшихъ переяславскихъ или юрьевскихъ служилыхъ людей „по отечеству и по службѣ“, т.-е. по породѣ и по служебной исправности. Превосходство породы при тогдашнихъ генеалогическихъ понятіяхъ обезпечивало ему, какъ предводителю уѣзднаго дворянства, почетъ и повиновеніе со стороны поставленныхъ подъ его команду дворянъ, служебная исправность обезпечивала правительству неоплошное несеніе дворяниномъ сопряженныхъ съ званіемъ сотеннаго головы военно-административныхъ тягостей, а то и другое служило ручательствомъ за успѣхъ порученной дворянину команды. Такимъ образомъ, представительное значеніе сотеннаго головы не создавалось волей предводимой имъ дворянской корпораціи, а вытекало само собою,

какъ послѣдствіе, изъ цѣлаго ряда условій, не зависѣвшихъ отъ личнаго отношенія къ представителю каждаго изъ представляемыхъ и даже мало зависѣвшихъ отъ личныхъ качествъ и взглядовъ самого представителя. Совокупность этихъ условій составляла служебную годность сотеннаго головы, которая и была первичнымъ источникомъ его представительнаго значенія на соборѣ. Потому, вѣроятно, и въ XVI вѣкѣ, какъ это было въ XVII, назначеніе сотенныхъ головъ предоставлялось не самимъ дворянамъ уѣзда, а полковымъ или городовымъ воеводамъ, хотя въ XVII в. и дворянство уѣзда имѣло косвенное вліяніе на это назначеніе, выбирая сотенныхъ знаменщиковъ, изъ среды которыхъ воеводы обязаны были назначать головъ [1]).

Изъ всего сказаннаго становится ясно, какъ понимали московскіе люди XVI в. соборнаго представителя, съ какимъ политическимъ обличіемъ являлся онъ на соборѣ. Согласно съ первичнымъ источникомъ его представительнаго значенія, служебною годностью, необходимымъ политическимъ его качествомъ считалось не довѣріе къ нему представляемаго общества, а довѣріе правительства. Существеннымъ и непремѣннымъ условіемъ представительства считали не корпоративный выборъ представителя, а извѣстное административ-

---

[1]) Нѣтъ прямыхъ указаній на порядокъ выбора или назначенія представителей на соборъ 1566 г. и приходится ограничиться догадками. Повидимому, на этотъ соборъ были призваны дворянскіе представители только тѣхъ уѣздовъ, дворянство которыхъ было мобилизовано. Дворянство каждаго уѣзда дѣлилось на неодинаковое количество сотенъ и не всѣ сотни уѣзда поднимались въ походъ. Судя по большому числу соборныхъ представителей отъ нѣкоторыхъ уѣздовъ, можно подумать, что на соборъ призваны были головы всѣхъ сотенъ, въ минуту призыва сидѣвшихъ на коняхъ. Если же число вызывавшихся представителей извѣстнаго уѣзда было меньше количества мобилизованныхъ сотенъ этого уѣзда, дворянству послѣдняго приходилось выбирать требуемое число представителей изъ наличныхъ своихъ головъ. Можетъ быть, этимъ и ограничивались соборные выборы дворянства въ 1566 г.

ное его положеніе, соединенное съ властью и отвѣтственностью начальника. Представитель являлся на соборъ не столько ходатаемъ извѣстнаго общества, уполномоченнымъ дѣйствовать по наказу довѣрителей, сколько правительственнымъ органомъ, обязаннымъ говорить за своихъ подчиненныхъ; его призывали на соборъ не для того, чтобы выслушать отъ него заявленіе требованій, нуждъ и желаній его избирателей, а для того, чтобы снять съ него, какъ съ командира или управителя, обязаннаго знать положеніе дѣлъ на мѣстѣ, показанія о томъ, что хотѣло знать центральное правительство, и обязать его исполнять рѣшеніе, принятое на соборѣ; съ собора онъ возвращался къ своему обществу не для того, чтобы отдать ему отчетъ въ исполненіи порученія,а для того, чтобы проводить въ немъ рѣшеніе, принятое правительствомъ на основаніи собранныхъ на соборѣ справокъ. Такой типъ представителя складывался практикой соборнаго представительства въ XVI вѣкѣ, сколько можно судить о томъ по дворянскому составу собора 1566 г. Представителя-челобитчика „обо всякихъ нужахъ своей братіи", какимъ преимущественно являлся выборный человѣкъ на земскихъ соборахъ XVII в., совсѣмъ еще не замѣтно въ дворянинѣ, бывшемъ на соборѣ 1566 г. Этому практическому типу соборнаго представителя отчасти соотвѣтствовалъ и литературный, какъ онъ обрисованъ въ Бесѣдѣ валаамскихъ чудотворцевъ, извѣстномъ памфлетѣ второй половины XVI вѣка, направленномъ противъ монастырскаго землевладѣнія. Авторъ памфлета совѣтуетъ московскому царю „безпрестанно всегда держати погодно при собѣ ото всякихъ мѣръ (чиновъ) всякихъ людей и на всякъ день ихъ добрѣ и добрѣ распросити царю самому про всякое дѣло міра", и тогда,—прибавляетъ публицистъ въ заключеніе своего совѣта,—„объявлено будетъ тѣми людьми всякое дѣло предъ царемъ" [1]).

Значеніе соборнаго представителя, открывающееся изъ

[1]) Правосл. Собесѣдн. 1863 г., I, 304.

служебнаго положенія дворянскихъ представителей, присутствовавшихъ на соборѣ 1566 года, помогаетъ уяснить и составъ представительства городского торгово-промышленнаго населенія. Этотъ составъ также возбуждаетъ много недоумѣній. Кого или что представляли призванные на соборъ 1566 г. 12 гостей, 41 человѣкъ торговыхъ людей-москвичей и 22 человѣка смольнянъ? Что значило такое обиліе представителей столичнаго купечества и почему изъ городского провинціальнаго населенія на соборѣ оказались только смольняне и, притомъ, въ такомъ значительномъ количествѣ? Разъясняя эти недоумѣнія, прежде всего, надобно остановить вниманіе на іерархическомъ дѣленіи высшаго столичнаго купечества по соборному перечню. На соборѣ 1566 г. присутствовали гости и торговые люди-москвичи; на дальнѣйшіе соборы призывались обыкновенно гости и торговые люди гостинной и суконной сотенъ. Если московскихъ гостей можно приравнять къ нынѣшнимъ коммерціи совѣтникамъ, то сотни гостинная и суконная были очень похожи на нынѣшнія первую и вторую гильдіи. Соборный актъ 1566 г. не знаетъ этихъ сотенъ—знакъ, что къ этому году еще не успѣла установиться іерархія чиновъ, на которыя нѣсколько позднѣе дѣлилось столичное купечество. Съ другой стороны, высшее московское купечество въ XVII в. отличалось сборнымъ составомъ, набиралось изъ разживавшихся простыхъ торговыхъ людей столицы и изъ провинціальныхъ купцовъ или городовыхъ посадскихъ людей. „Гости, гостинная и суконная сотни полнятся всѣми городами и слободами—лучшими людьми": такъ писали въ 1649 г. сотскіе и старосты московскихъ торговыхъ сотенъ и слободъ въ своей мірской челобитной [1]). Признаки такого же сборнаго состава замѣтны и въ высшемъ столичномъ купечествѣ XVI вѣка: судя по прозваніямъ, которыми обозначены въ актѣ собора 1566 г. нѣкоторые изъ торговыхъ людей москвичей,

[1]) Доп. къ Акт. Ист., III, № 47, стр. 156.

въ числѣ соборныхъ представителей московскаго купечества находились два переяславца, одинъ угличанинъ и одинъ костромитинъ. Изъ всего этого можно заключить, что уже въ XVI в. завязывалась та самая организація высшаго столичнаго купечества, какую встрѣчаемъ въ памятникахъ XVII вѣка: только ко времени собора 1566 г. она еще не успѣла получить окончательной выработки и тѣхъ формъ, съ какими она является позднѣе. Это даетъ возможность объяснить значеніе и тѣхъ 22 представителей купечества, которые въ актѣ собора 1566 г. названы смольнянами. Изстари на Руси купечество, ведшее заграничную торговлю и носившее общее названіе гостей, раздѣлялось на разряды, называвшіеся или по заграничнымъ рынкамъ, съ которыми купцы имѣли дѣла, или по роду товаровъ, которыми они торговали. Такъ, въ XII в. русскіе купцы, торговавшіе съ греками, назывались гречниками; точно также въ XIV в. московскіе купцы, имѣвшіе дѣла съ черноморскими и азовскими рынками, татарскими и генуэзскими, назывались сурожанами, вѣроятно, по имени Сурожа (Судака), торговаго города на южномъ берегу Крыма, гдѣ въ то время господствовали генуэзцы, или по имени Азовскаго моря, называвшагося тогда на Руси Сурожскимъ. Лѣтописная повѣсть о взятіи Москвы Тохтамышемъ въ 1382 году, перечисляя составные элементы московскаго купечества, говоритъ о „сурожанахъ, суконникахъ и прочихъ купцахъ“. Великій князь Димитрій, отправляясь въ 1380 г. изъ Москвы противъ Мамая, взялъ съ собою 10 человѣкъ „сурожанъ гостей“, которые могли дать нужныя въ походѣ указанія, какъ люди бывалые, знакомые съ дѣлами и обычаями дальнихъ земель ордынскихъ и фряжскихъ [1]). Есть основаніе думать, что и подъ смольнянами соборный актъ 1566 г. разумѣлъ не купцовъ г. Смоленска, а особый разрядъ столичнаго московскаго купечества, называвшійся такъ, можетъ быть, потому, что принадлежавшіе къ

[1]) Полн. Собр. Лѣт., VIII, 43. Никон. IV, 101.

нему купцы вели торговлю съ западною Русью и Литвой черезъ Смоленскъ. Впослѣдствіи купцы высшихъ торговыхъ сотенъ или гильдій, гостинной и суконной, торговали въ московскомъ Китаѣ-городѣ особыми рядами, которые назывались по именамъ сотенъ и память о которыхъ доселѣ сохранилась въ извѣстной исторической поговоркѣ о суконномъ рылѣ, которое некстати лѣзетъ въ Гостинный рядъ чай пить: это—запоздалый отзвукъ старинной гильдейской спѣси и гостинодворскаго чинолюбія. Въ XIV в. высшее московское купечество, нося общее званіе гостей, раздѣлялось на два разряда, на сурожанъ и суконниковъ. Въ XVII в. гости составляли особый первый разрядъ или чинъ въ составѣ высшаго столичнаго купечества, которое дѣлилось еще на двѣ сотни, гостинную и суконную. Со значеніемъ такого перваго чина купеческой іерархіи гости являются и на соборѣ 1566 года; но за ними въ этой іерархіи высшаго купечества слѣдовали тогда, сколько можно о томъ судить по чиновной терминологіи соборнаго акта, торговые люди москвичи и смольняне или, какъ еще дѣлитъ ихъ этотъ актъ, купцы и смольняне. Повидимому, эти два разряда соотвѣтствовали позднѣйшимъ сотнямъ гостинной и суконной, впрочемъ, уже носившимъ эти самыя названія на соборѣ 1598 г. Можетъ быть, на эту связь смольнянъ соборнаго акта 1566 г. съ суконною сотней послѣдующаго времени указываетъ и одна черта рядской номенклатуры нынѣшняго Китая-города. Современныя намъ названія недавно сломанныхъ китай-городскихъ торговыхъ рядовъ въ большинствѣ стариннаго происхожденія и встрѣчаются уже въ актахъ XVI и XVII вѣковъ. Въ числѣ этихъ рядовъ одинъ доселѣ называется (т.-е. назывался до сломки) Московскимъ Суконнымъ, а другой Смоленскимъ Суконнымъ рядомъ. Позднѣйшіе разряды гостей и торговыхъ людей гостинной и суконной сотенъ были чины, т.-е. служебныя званія, въ которыя государь жаловалъ за службу. Сличая списки представителей высшаго купечества на собо-

рахъ 1566 и 1598 годовъ, замѣчаемъ, что разряды, на которые актъ перваго собора дѣлитъ это купечество, имѣли значеніе точно такихъ же чиновъ, какими являются позднѣе званія гостей и торговыхъ людей гостинной и суконной сотни. Соборный актъ 1598 года, сказали мы, знаетъ уже это послѣднее дѣленіе. Трое изъ представителей купечества, поименованные въ этомъ актѣ съ званіемъ гостей, присутствовали и на соборѣ 1566 года; но тогда они не носили еще этого высшаго званія служебной купеческой іерархіи, съ какимъ являются 32 года спустя: одинъ изъ нихъ, П. Чуркинъ, поименованъ въ соборномъ актѣ 1566 г. въ числѣ торговыхъ людей москвичей, стоявшихъ ниже гостей, а двое другихъ, Аѳ. Юдинъ и Ст. Котовъ, въ числѣ смольнянъ, слѣдовавшихъ по нисходящей линіи за москвичами. Въ одномъ хронографѣ разсказывается, что въ 1567 г. царь Иванъ послалъ за границу 8 купцовъ съ разными порученіями. Изъ нихъ шестеро были членами собора 1566 г. и въ томъ числѣ двое, Т. Смываловъ и Аѳ. Глядовъ, въ соборномъ перечнѣ помѣщены въ разрядѣ смольнянъ; но хронографъ называетъ ихъ просто купцами одинаково съ ихъ товарищами, которые въ соборномъ актѣ значатся „москвичами торговыми людьми“ [1]). Значитъ, смольняне, присутствовавшіе на соборѣ 1566 года, не группа купеческихъ представителей уѣзднаго города, имя котораго они носили, а одинъ изъ разрядовъ или чиновъ столичнаго купечества, ступень іерархической лѣствицы, по которой шло служебное движеніе торгово-промышленнаго класса, подобное тому, какое военно-служилый классъ совершалъ по лѣствицѣ своихъ служилыхъ чиновъ.

Итакъ, представительство городского торгово-промышленнаго класса на соборѣ 1566 г. было устроено совершенно одинаково съ представительствомъ служилаго класса. На соборъ были призваны представители только изъ среды

[1]) А. Поповъ: „Изборникъ“, стр. 184.

столичнаго дворянства и столичнаго купечества: но эти столичные дворяне и купцы не представляли собою исключительно столичнаго дворянства и купечества. Какъ столичные дворяне-представители явились на соборъ выразителями мнѣній уѣздныхъ дворянскихъ обществъ, такъ и мнѣнія уѣздныхъ торгово-промышленныхъ міровъ нашли себѣ выраженіе въ голосѣ высшаго купечества столицы. Мы видѣли, почему столичные дворяне получили на соборѣ такое широкое представительное значеніе. Они были ближайшими руководителями военнаго строя, разсыпаннаго по государству въ видѣ уѣздныхъ дворянскихъ обществъ, которыя поднимались въ походы территоріальными отрядами. Столичные дворяне становились такими руководителями уѣзднаго дворянства потому, что были столичные дворяне, а столичными дворянами они дѣлались потому, что были лучшими уѣздными дворянами, которыхъ самое положеніе, т.-е. генеалогическое происхожденіе и хозяйственное состояніе ставило во главѣ дворянства ихъ уѣздовъ. Это былъ генеральный штабъ арміи Московскаго государства, составленный изъ уѣздныхъ предводителей дворянства, составлявшаго рядовую массу этой арміи. Подобное этому значеніе, только въ другой сферѣ государственнаго управленія, имѣло уже въ XVI в. высшее купечество столицы. Расширяя по мѣрѣ роста государственныхъ потребностей источники своихъ доходовъ, московская казна постепенно сосредоточила въ своемъ вѣдомствѣ много финансовыхъ операцій, значительно усложнившихъ государственное хозяйство. Взимая косвенные налоги, пошлины, съ различныхъ народнохозяйственныхъ оборотовъ, она, въ то же время, сама принимала непосредственное участіе въ этихъ оборотахъ, ведя монопольную продажу питей и соли, торгуя дорогими мѣхами и проч. Сборъ косвенныхъ налоговъ и веденіе этихъ торгово-промышленныхъ предпріятій требовали торговой опытности, нѣкоторыхъ техническихъ знаній, которыми не обладали приказные люди, коронные органы управленія.

Правительство старалось восполнить этотъ недостатокъ, возлагая веденіе такихъ казенныхъ операцій на опытныхъ въ торговомъ дѣлѣ людей изъ высшаго купечества. Такъ люди неслужилые по происхожденію привлекались къ государственной службѣ. Это вызывалось требованіемъ не только казеннаго интереса, но и политической логики. Издавна гости, первостатейные купцы, пользовались на Руси правомъ земельной собственности. Съ образованіемъ Московскаго государства установилось правило, что всѣ земельные собственники обязаны нести государственную службу, ратную или приказную, административную. Высшее купечество сообразно со своими занятіями и общественнымъ положеніемъ всего успѣшнѣе могло нести службу по финансовому вѣдомству, замѣняя служилыхъ и приказныхъ людей, непривычныхъ къ торгово-промышленнымъ дѣламъ. Съ теченіемъ времени, но еще до конца XVI вѣка, эта повинность высшаго купечества, осложняясь, разрослась въ цѣлую систему казенныхъ порученій, исполненіе которыхъ правительство, не имѣя для того своихъ спеціальныхъ исполнительныхъ органовъ среди служилыхъ людей, возлагало на неслужилые земскіе классы. Это была такъ называвшаяся вѣрная (присяжная) служба по сбору казенныхъ пошлинъ, по надзору за исполненіемъ натуральныхъ государственныхъ повинностей и по веденію казенныхъ торгово-промышленныхъ предпріятій.

Съ высшаго купечества эта служба распространена была и на другіе классы земскаго тяглаго населенія, съ тою только разницей, что первое ставило агентовъ для исполненія казенныхъ порученій по очереди или назначенію правительства, а вторые по мірскому выбору, подкрѣпляемому мірскою порукой за избранника. Но высшее столичное купечество сохраняло въ этой службѣ такое же руководящее значеніе, какое въ службѣ ратной имѣло столичное дворянство. Вѣрная служба дала организацію высшему столичному купечеству, опредѣлила самый его составъ. Эта служба была

безмездная, но въ высшей степени отвѣтственная. Такъ какъ этою отвѣтственностью охранялась казенная прибыль, то главнымъ обезпеченіемъ отвѣтственности рядомъ съ вѣрой, присягой, какъ гарантіей добросовѣстности, должна была служить имущественная состоятельность агента, матеріальная способность его возмѣстить причиненный имъ казнѣ убытокъ. Со степенью такой способности соразмѣрялась трудность и цѣнность казенныхъ порученій, а трудности и цѣнности порученій соотвѣтствовали права и льготы, какими казна вознаграждала своихъ агентовъ за успѣшное веденіе порученныхъ имъ дѣлъ. Такъ высшее купечество распалось на нѣсколько служебныхъ разрядовъ или чиновъ, различавшихся между собою степенью тяжести и отвѣтственности падавшей на каждый изъ нихъ казенной службы и размѣрами предоставленныхъ имъ за то правъ и льготъ. Около времени собора 1566 года, какъ видно изъ соборнаго акта, эти разряды носили названія гостей и торговыхъ людей москвичей и смольнянъ, а 32 года спустя представители ихъ явились на новый соборъ уже со званіями гостей и торговыхъ людей гостинной и суконной сотенъ: эти послѣднія званія высшее купечество столицы удерживаетъ и во весь XVII вѣкъ. Въ то же самое время, подобная перемѣна произошла и въ чиновной терминологіи столичнаго дворянства: на соборѣ 1566 г. оно дѣлилось еще просто по статьямъ, какъ дѣлилъ его законъ 1550 г., а на соборѣ 1598 года столичные дворяне различались уже званіями стольниковъ, дворянъ (московскихъ), стряпчихъ и жильцовъ, и это дѣленіе упрочилось за ними въ XVII в. Отсюда можно заключить, что оба класса, имѣвшіе руководящее значеніе въ двухъ различныхъ областяхъ управленія, какъ ближайшіе органы правительства, во второй половинѣ XVI в. еще только складывались и устроялись. Они и складывались одинаковымъ образомъ. Зерно столичнаго дворянства, его первичные кадры составились изъ стариннаго московскаго боярства

удѣльнаго времени Потомъ въ эти кадры вошла молодежь знатныхъ титулованныхъ фамилій, бывшихъ прежде владѣтельными и перешедшихъ на московскую службу изъ упраздненныхъ удѣловъ. Первоначально и высшее купечество, носившее званіе гостей, состояло изъ богатѣйшихъ купцовъ, разсѣянныхъ по наиболѣе промышленнымъ городамъ государства, въ томъ числѣ и столичныхъ, и не составляло цѣльной корпораціи. Но потомъ всѣхъ провинціальныхъ гостей стали зачислять въ составъ высшаго столичнаго купечества, а около половины XVII в., во времена Уложенія, законъ обязывалъ ихъ имѣть и мѣстожительство въ столицѣ. Однако, такое корпоративное сосредоточеніе класса гостей оказалось недостаточнымъ. Съ тѣхъ поръ какъ званіе гостя получило значеніе служебнаго чина, пріобрѣтаемаго исполненіемъ казенныхъ порученій, и по мѣрѣ того, какъ самая служба по казеннымъ порученіямъ, усложняясь все болѣе, требовала все большаго количества опытныхъ и состоятельныхъ безмездныхъ органовъ, усиливалась потребность отъ времени до времени пополнять составъ высшаго столичнаго купечества годными къ казенной службѣ людьми изъ низшихъ слоевъ торгово-промышленнаго населенія. И какъ въ ряды столичнаго дворянства по примѣру 1550 г. вводились лучшія служилыя силы, поднимавшіяся изъ глубины провинціальной служилой массы, такъ и въ сжимавшійся кругъ высшаго московскаго купечества постоянно приливали лучшіе промышленные дѣльцы изъ столичныхъ рядовыхъ или черныхъ сотенъ, изъ дворцовыхъ и церковныхъ слободъ и изъ рядового купечества областныхъ городовъ. Это были настоящіе рекрутскіе наборы купечества въ казенную службу, наиболѣе тяжелую и отвѣтственную, производившіеся по казенному наряду, даже противъ воли тѣхъ, кого такимъ образомъ возводили въ высшіе чины торгово-служилой іерархіи. Изъ одного дѣла 1649 г. о пополненіи людьми гостинной и суконной сотенъ можно заключить, что такіе наборы начались въ царствованіе Грознаго;

по крайней мѣрѣ, о наборахъ болѣе ранняго времени въ Москвѣ не помнили въ половинѣ XVII вѣка [1]). Мы отмѣтили выше признаки такого сборнаго состава высшаго московскаго купечества и въ спискѣ его представителей на соборѣ 1566 г. Въ томъ же дѣлѣ 1649 года приведенъ и перечень наборовъ за первую половину XVII вѣка, повторявшихся черезъ годъ, черезъ 2, 4, 5 и болѣе лѣтъ. Но вводимые, часто даже поневолѣ, въ составъ высшаго столичнаго купечества, „лутчіе люди изъ городовъ“ не порывали связей съ мѣстными городскими обществами, къ которымъ прежде принадлежали, напротивъ, становились во главѣ ихъ съ новымъ авторитетомъ. Ихъ записывали въ столичныя гильдіи, потому что они были на мѣстахъ вліятельными торговцами по своей зажиточности и оборотливости; но какъ скоро они попадали въ столичные гости или суконники, правительство возлагало на нихъ веденіе наиболѣе важныхъ казенныхъ операцій обыкновенно въ тѣхъ же мѣстностяхъ, съ хозяйственнымъ бытомъ которыхъ они были хорошо знакомы по своимъ собственнымъ оборотамъ. Такимъ образомъ, тузы мѣстныхъ рынковъ становились отвѣтственными агентами центральнаго финансоваго управленія. Этимъ объясняется, почему въ XVI и въ первой половинѣ XVII в. гости обозначались еще нерѣдко по именамъ мѣстностей, гдѣ имѣли постоянное мѣстожительство или недвижимое имущество, хотя они всѣ числились уже въ составѣ высшаго столичнаго купечества. Въ числѣ сто-

[1]) Въ челобитной 1649 г. гости и гостиной сотни торговые люди писали царю: „А напередъ, государь, сего блаженныя памяти при прадѣдѣ твоемъ государевѣ государѣ ц. и в. кн. Иванѣ Васильевичѣ и при дѣдѣ твоемъ государевѣ г. ц. и в. кн. Ѳедорѣ Ивановичѣ и при иныхъ прежнихъ государѣхъ даваны были изъ городовъ и изъ московскихъ изъ черныхъ сотенъ и изъ слободъ и изъ патріаршихъ лутчіе люди въ гостинную сотню для того, что изъ гостинные сотни выбираются въ твои государевы службы въ головы и въ цѣловальники первыми людми“. Доп. къ Акт. Ист., III, стр. 158.

личныхъ гостей, бывшихъ на соборѣ 1598 года, упомянутъ въ спискѣ нѣкто Иванъ Юрьевъ. Можетъ быть, это тотъ Иванъ Юрьевъ сынъ Петровъ, о которомъ вмѣстѣ съ его братомъ Никифоромъ Писцовая книга 1577 г. замѣчаетъ, что за этими „коломенскими гостьми" старая ихъ вотчина въ Коломенскомъ уѣздѣ. Упомянутый выше актъ 1649 г. называетъ въ числѣ московскихъ гостей Григорія Никитникова, который былъ взятъ въ эту столичную корпорацію изъ ярославскихъ купцовъ, какъ это видно изъ одной мѣновной грамоты Троицкаго Сергіева монастыря 1618 г., въ которой этотъ самый Никитниковъ названъ „Ярославля Большого государевымъ гостемъ" [1]). Это сборное высшее купечество столицы и стало въ такое же отношеніе къ областнымъ торгово-промышленнымъ мірамъ въ дѣлахъ казеннаго управленія, какое въ военномъ управленіи существовало между такимъ же сборнымъ столичнымъ дворянствомъ и уѣздными обществами рядовыхъ служилыхъ людей, носившихъ званія: „городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ". Какъ московскіе дворяне разсылались изъ столицы, по выраженію Котошихина, „для всякихъ дѣлъ" по областямъ, править городами въ званіи намѣстниковъ и городовыхъ воеводъ, командовать полками или ихъ частями въ званіи полковыхъ воеводъ или сотенныхъ головъ, производить подъ руководствомъ боярина смотры и разборы городовымъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, верстая ихъ помѣстными и денежными окладами „по отечеству и по службѣ", вообще руководить рядовымъ провинціальнымъ дворянствомъ, такъ точно и московскихъ гостей и торговцевъ гостинной и суконной сотенъ разсылали изъ столицы по областнымъ городамъ въ званіи вѣрныхъ головъ и цѣловальниковъ направлять наиболѣе цѣнныя казенныя операціи, питейныя,

---

[1]) Писц. книги XVI вѣка, изд. Н. Калачовымъ, I, 381. Сборн. грамотъ Тр.-Сергіева монастыря, № 532, по г. Ярославлю грамота № 125.

таможенныя и другія. Какъ ближайшія орудія правительства въ управленіи провинціальнымъ торгово-промышленнымъ населеніемъ, они иногда становились къ послѣднему въ отношеніе довѣренныхъ и полномочныхъ руководителей: такъ московскихъ гостей посылали въ областные города верстать мѣстныхъ посадскихъ людей податными окладами; имъ иногда поручали выборъ торговыхъ людей провинціальныхъ городовъ на должности мѣстныхъ вѣрныхъ головъ кабацкихъ и таможенныхъ, не довѣряя этого мѣстнымъ городскимъ обществамъ [1]). Такимъ образомъ, высшее московское купечество было, если можно такъ выразиться, финансовымъ штабомъ правительства, составленнымъ изъ сосредоточенныхъ въ столицѣ мѣстныхъ капиталистовъ, руководившихъ областными рынками и торгово-промышленными мірами.

Такъ подборъ представителей отъ купечества на соборѣ 1566 г. заставляетъ только повторить тѣ заключенія о московскомъ взглядѣ XVI в. на соборнаго представителя, къ какимъ раньше привелъ насъ разборъ состава дворянскаго на томъ же соборѣ. Въ соборномъ представителѣ видѣли не столько у п о л н о м о ч е н н а г о какой-либо сословной или мѣстной корпораціи, сколько п р и з в а н н а г о правительствомъ отъ такой корпораціи. Онъ являлся на соборъ не для того, чтобы заявить передъ властью о нуждахъ и желаніяхъ своихъ избирателей и потребовать ихъ удовлетворенія, а для того, чтобы отвѣчать на запросы, какіе ему сдѣлаетъ власть, дать совѣтъ, по какому дѣлу она его потребуетъ, и потомъ воротиться домой отвѣтственнымъ проводникомъ рѣшенія, принятаго властью на основаніи наведенныхъ справокъ и выслушанныхъ совѣтовъ. Чтобы обезпечить себѣ точность справокъ, основательность совѣтовъ и надежное исполненіе принятыхъ рѣшеній, власть призывала на соборъ не людей, пользовавшихся довѣріемъ общества по своимъ личнымъ каче-

[1]) Полное Собр. Русск. Лѣт., IV, стр. 335.

ствамъ и отношеніямъ, а людей, стоявшихъ во главѣ общества и имѣвшихъ возможность знать его дѣла и мнѣнія. Потому источникомъ полномочій соборнаго представителя было не порученіе, возложенное на него по личному къ нему довѣрію избирателей, а довѣріе правительства, основанное на общественномъ положеніи довѣреннаго представителя. Такое положеніе среди мѣстныхъ обществъ, дворянскихъ служилыхъ и городскихъ торгово-промышленныхъ, занимали столичное дворянство и высшее столичное купечество: это были верхушки провинціальныхъ обществъ, снятыя правительствомъ и сосредоточенныя въ столицѣ. Но, оставаясь и послѣ такой пересадки во главѣ мѣстныхъ обществъ, оба столичные класса становились, благодаря ей, исполнительными орудіями правительства по дѣламъ, касавшимся тѣхъ же обществъ. Такимъ образомъ, соборъ 1566 г. былъ въ точномъ смыслѣ совѣщаніемъ правительства со своими собственными агентами. Таковъ первичный типъ земскаго представительства въ Россіи: это было отвѣтственное представительство по административному положенію, а не полномочное представительство по общественному довѣрію. Этимъ, между прочимъ, объясняется такое количество присутствовавшихъ на соборѣ дьяковъ. Земскаго представителя, какъ довѣреннаго выразителя нуждъ и желаній извѣстнаго класса или мѣстнаго общества, повторимъ, не знали и не понимали въ Московскомъ государствѣ XVI в. Этимъ же объясняются двѣ наиболѣе существенныя особенности представительства на соборѣ 1566 г., состоявшія въ томъ, что всѣ представители принадлежали къ столичнымъ корпораціямъ и ни изъ чего не видно, были ли они выбраны какими-либо обществами, или прямо приглашены правительствомъ.

Не будетъ лишнимъ отмѣтить, въ какомъ направленіи изложенный взглядъ на соборъ 1566 г. уклоняется отъ взглядовъ, выраженныхъ въ упомянутомъ спорѣ Соловьевымъ и Аксаковымъ. Первый, видя на соборѣ рядомъ съ представителями столицы депутатовъ только отъ двухъ уѣздовъ и только

отъ одного областного города, не соглашался признать его земскимъ, т.-е. всеземскимъ собраніемъ, а второй признавалъ его такимъ въ идеѣ или потенціально; но оба они готовы были признать его представительнымъ собраніемъ и въ членахъ его изъ дворянства и купечества предполагали депутатовъ въ настоящемъ смыслѣ слова, т.-е. выборныхъ. Наша рѣчь, напротивъ, клонится къ той мысли, что соборъ 1566 г. можно признать скорѣе земскимъ собраніемъ, чѣмъ представительнымъ въ этомъ смыслѣ: дворянскіе и купеческіе представители на соборѣ были земскіе люди и даже руководители земства, но могли и не быть выборными, спеціально уполномоченными представлять своихъ избпрателей на этомъ соборѣ. Соловьевъ утверждалъ, что соборъ не былъ земскимъ, не былъ соборомъ всей Россіи, потому что представлялъ столицу, а не землю. Составъ собора заставляетъ признать, что онъ представлялъ землю посредствомъ столицы и самую столицу представлялъ лишь настолько, насколько она представляла землю; потому и низшее тяглое населеніе столицы, черныя сотни и слободы, не имѣли особыхъ представителей на соборѣ, а вмѣстѣ съ тяглымъ населеніемъ областныхъ городовъ были представлены высшимъ столичнымъ купечествомъ. Столичное дворянство и купечество имѣли тогда значеніе представителей земли по своему государственному положенію, хотя такое представительство не исключало возможности и выборной процедуры. Впрочемъ, представительство по положенію могутъ признать выраженіемъ, соединяющимъ несовмѣстимыя понятія, и тогда соборъ 1566 г. нельзя признавать ни земскимъ, ни представительнымъ собраніемъ и употребленіе самаго слова представительство въ примѣненіи къ нему надобно считать злоупотребленіемъ, допущеннымъ въ настоящемъ опытѣ по неумѣнью автора подобрать соотвѣтствующій предмету терминъ.

Итакъ, часть въ составѣ соборѣ 1566 года, имѣвшая, по крайней мѣрѣ, нѣкоторое подобіе представительства, состояла

изъ военныхъ губернаторовъ и военныхъ предводителей уѣзднаго дворянства, которыми были столичные дворяне, и изъ финансовыхъ прикащиковъ правительства, которыми были люди высшаго столичнаго купечества. Что за причудливый составъ представительства, какъ могла родиться мысль о такомъ составѣ и на что могло понадобиться представительство, такъ составленное? Это вопросы, касающіеся происхожденія земскихъ соборовъ.

II.

Соборъ 1598 года [1]).

Прежде чѣмъ отвѣчать на вопросъ о происхожденіи земскихъ соборовъ, поставленный въ концѣ первой статьи настоящаго опыта, надобно удостовѣриться, что основанія соборной организаціи, замѣченныя нами при разборѣ соборнаго акта 1566 года, сохранялись и въ составѣ дальнѣйшихъ соборовъ. Если же этого не было, если эти основанія въ дальнѣйшихъ соборахъ смѣнились другими, то въ соборномъ актѣ 1566 г. можно искать указаній на происхожденіе только этого собора, который потому останется исключительнымъ, одинокимъ явленіемъ въ развитіи московскаго государственнаго порядка. Можно пожалѣть, что и для изученія состава дальнѣйшихъ соборовъ XVI в. нѣтъ другого средства, кромѣ микроскопическихъ наблюденій, которыя приводятъ къ выводамъ только вѣроятнымъ, но не разъясняющимъ дѣла съ достаточною очевидностью.

Послѣ собора 1566 г. царь Иванъ уже не созывалъ болѣе земскихъ собраній, подобныхъ тѣмъ, какія были созваны въ этомъ и въ 1550 г. Думаютъ, что вскорѣ по смерти Грознаго въ 1584 г. былъ созванъ земскій соборъ, который избралъ на престолъ царя Θеодора. Это мнѣніе опирается, между прочимъ, на извѣстіе одного иностранца, шведа Петрея, писавшаго нѣсколько позднѣе, въ началѣ XVII вѣка: этотъ иностранецъ говоритъ объ единодушномъ избраніи царя

[1]) „Русская Мысль". 1891 г. Кн. I.

Θеодора какъ высшими, такъ и низшими сословіями. По русскимъ извѣстіямъ трудно составить себѣ отчетливое представленіе о характерѣ того государственнаго акта, при которомъ совершилось воцареніе Θеодора. Они гласятъ, что по смерти Грознаго „пріидоша“ къ Москвѣ изо всѣхъ городовъ и „молиша со слезами“ царевича Θеодора, чтобъ сѣлъ на престолѣ отца своего, или что поставленъ былъ на царство Θеодоръ Іоанновичъ митрополитомъ и „всѣми людьми русскія земли“ [1]). Конечно, молить сына покойнаго царя о вступленіи на престолъ отца еще не значитъ избирать на царство и посылка депутацій съ такой мольбой не даетъ еще основанія предполагать созывъ земскихъ уполномоченныхъ въ государственное представительное собраніе. Но надобно отличать извѣстіе о фактѣ отъ самаго факта: возможно и то, что русскіе повѣствователи, разсказывая объ избирательномъ соборѣ, примѣнялись къ обычному тогдашнему порядку отношеній общества къ государю, а соборное представительство еще не входило въ этотъ порядокъ, знакомый только съ челобитеннымъ обращеніемъ подданныхъ къ верховной власти. Два косвенныя указанія склоняютъ къ мысли о земскомъ соборѣ, подтвердившемъ вступленіе Θеодора на престолъ отца. Котошихинъ ведетъ появленіе избирательныхъ царей на московскомъ престолѣ прямо отъ смерти Грознаго, молчаливо включая въ рядъ такихъ царей и его преемника [2]). Англичанину Горсею, жившему тогда въ Москвѣ и описавшему воцареніе Θеодора, этотъ съѣздъ „изо всѣхъ городовъ къ Москвѣ именитыхъ людей“, какъ выразился одинъ русскій повѣствователь, почему-нибудь показался похожимъ на „парламентъ“, составленный изъ высшаго духовенства и „всей знати“. Это выраженіе в с я з н а т ь (all the nobility) есть самая любопытная черта извѣстія: она показываетъ, что

---

[1]) Эти извѣстія сведены г. Латкинымъ въ „З е м с к и х ъ с о б о р а х ъ д р е в н е й Р у с и“, стр. 86 и слѣд.

[2]) Котошихинъ, стр. 104 (2-е изданіе).

земскій соборъ 1584 года, если только это былъ соборъ, по составу своему очень походилъ на соборъ 1566 года, который состоялъ изъ высшаго духовенства, изъ сановниковъ высшаго центральнаго управленія и изъ представителей служилаго класса, принадлежавшихъ къ высшему столичному дворянству; представители столичнаго купечества составляли малозамѣтный элементъ въ административно-дворянскомъ составѣ этого собора.

Извѣстны обстоятельства, при которыхъ собрался другой избирательный соборъ, возведшій на престолъ боярина Бориса Годунова въ 1598 г. Сохранился полный актъ этого собора съ перечисленіемъ его членовъ. Но, разбирая составъ собора, встрѣчаемъ и въ этомъ актѣ затрудненія не меньше тѣхъ, какія представляетъ протоколъ собора 1566 г. Первое изъ нихъ состоитъ въ опредѣленіи числа членовъ собора. У четырехъ писателей находимъ три различные счета: Соловьевъ считаетъ 474 члена, Бѣляевъ—456, гг. Загоскинъ и Латкинъ—457 [1]). Причина такого разногласія заключается въ составѣ соборнаго акта 1598 г. Это „утверженная грамота" или соборный приговоръ объ избраніи Бориса Годунова на царство въ окончательной редакціи, помѣченной 1 августа 1598 года [2]). Но засѣданія избирательнаго собора начались еще 17 февраля того года. Личный составъ собора указанъ въ двухъ поименныхъ перечняхъ, изъ которыхъ одинъ включенъ въ самый текстъ грамоты съ оговоркой, что поименованныя въ немъ лица присутствовали вмѣстѣ съ патріархомъ Іовомъ при избраніи царя, а другой составился изъ подписей или рукоприкладствъ, какія дѣлали члены собора на оборотной сторонѣ грамоты. Очевидно, наблюдали, чтобы члены собора

---

[1]) У Карамзина встрѣчаемъ два счета. Въ одномъ мѣстѣ своей Исторіи онъ пишетъ, что, кромѣ духовенства, синклита, двора, на соборѣ присутствовало не менѣе 500 чиновниковъ и людей выборныхъ, а въ другомъ мѣстѣ всѣхъ членовъ, подписавшихъ избирательную грамоту, онъ считаетъ около 500 (X, 228, и XI, 20, по 1 изд.).

[2]) А. Арх. Эксп., II, № 7.

подписывались въ томъ порядкѣ, какъ они поименованы въ первомъ перечнѣ; однако, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ допущены были значительныя отступленія отъ этого порядка. Но самая важная разница между обоими перечнями та, что въ каждомъ изъ нихъ есть имена, которыхъ нѣтъ въ другомъ: въ спискѣ присутствовавшихъ на соборѣ при избраніи царя значится много лицъ, которыя не оставили своихъ подписей на грамотѣ; за то подписалось не мало такихъ лицъ, которыя не поименованы въ перечнѣ избирателей. Нѣкоторые изслѣдователи опредѣляютъ численный составъ собора только по внесенному въ текстъ грамоты списку избирателей, которыхъ дѣйствительно обозначено въ немъ 457 человѣкъ; но и имена подписавшихся на грамотѣ, которыхъ нѣтъ въ этомъ спискѣ, несомнѣнно принадлежали членамъ собора, потому что только члены собора были призваны, какъ гласитъ грамота, „руки свои приложити на большое утверженіе и единомышленіе". Почему ихъ нѣтъ въ спискѣ избирателей? Въ этомъ и состоитъ затрудненіе. Для устраненія его необходимо объяснить происхожденіе этой разницы между обоими перечнями и ихъ отношеніе другъ къ другу, — необходимо тѣмъ болѣе, что эти подробности проливаютъ лишній лучъ свѣта на составъ соборнаго представительства въ XVI в.

До насъ дошла не подлинная утвержденная грамота 1 августа объ избраніи царя Бориса съ подлинными рукоприкладствами членовъ-избирателей, а ея копія съ позднѣйшими прибавками, перемѣнами въ обоихъ перечняхъ членовъ собора и даже съ ошибками въ воспроизведеніи именъ нѣкоторыхъ рукоприкладчиковъ [1]). Это мѣшаетъ точно обозначить нѣкоторые моменты дѣятельности собора. Такъ, напри-

---

[1]) Въ спискѣ членовъ, внесенномъ въ текстъ грамоты, помѣченной 1 августа, нѣкоторые члены обозначены чинами, которые они получили уже въ сентябрѣ того года по случаю коронаціи царя Бориса: такъ, кн. М. П. Катыревъ-Ростовскій, кн. Ѳ. И. Ноготковъ, А. Н. Романовъ и друг. помѣщены въ спискѣ въ числѣ бояръ, которыми они стали не раньше 1 сентября, дня коронованія.

мѣръ, трудно опредѣлить, когда составленъ былъ списокъ членовъ, внесенный въ текстъ грамоты, и когда члены прикладывали руки къ грамотѣ. Повидимому, между обоими этими актами легъ значительный промежутокъ времени. По смыслу оговорки, предпосланной въ грамотѣ первому списку, онъ былъ составленъ въ началѣ дѣятельности собора и въ него внесены имена членовъ, которые присутствовали на первыхъ февральскихъ и мартовскихъ засѣданіяхъ собора, посвященныхъ дѣлу избранія царя и обсужденію ближайшихъ послѣдствій этого дѣла. Но дѣятельность собора не ограничивалась избраніемъ царя и не кончилась этимъ актомъ. Въ апрѣлѣ начались обширные сборы въ походъ на югъ для защиты государства отъ ожидавшагося вторженія крымскаго хана. Въ разрядной книгѣ этого похода отмѣчена военно-административная мѣра, предложенная соборомъ во время этихъ сборовъ и принятая царемъ [1]). Разрѣшая мѣстническій споръ, затѣянный двоpяниномъ Полевымъ противъ окольничаго М. Г. Салтыкова, Борисъ сказалъ: „Били мнѣ челомъ патріархъ Іевъ и весь соборъ, и бояре, и приказные люди, и воеводы, и дворяне всѣ, чтобъ язъ пожаловалъ, велѣлъ бояромъ и воеводамъ, и вамъ, дворяномъ, быти безъ мѣстъ на нашей службѣ; и ты почему такъ воруешь?“ Большинство служилыхъ членовъ собора вмѣстѣ съ новоизбраннымъ царемъ отправилось въ походъ. Дѣятельность собора возобновилась по окончаніи похода въ іюлѣ и плодомъ ея была утвержденная грамота 1 августа, скрѣпленная подписями членовъ. Но къ тому времени наличный составъ собора измѣнился: нѣкоторые члены, бывшіе на первыхъ засѣданіяхъ собора, по дѣламъ службы не вернулись въ Москву изъ похода и не приложили своихъ рукъ къ грамотѣ 1 августа или должны были покинуть столицу, прежде чѣмъ успѣли приложить свои руки; за то другіе, не поспѣвшіе на пер-

---

1) Разр. кн. въ Моск. Арх. Мин. Иностранныхъ Дѣлъ, 99/131 л. 831.

вые засѣданія собора, присутствовали на послѣднихъ и успѣли подписаться подъ соборною грамотой. Такова одна причина, которой можно объяснить разницу обоихъ членскихъ перечней въ дошедшей до насъ копіи соборной грамоты; но была и другая. Въ спискѣ членовъ, внесенномъ въ текстъ грамоты, нѣтъ именъ 11 московскихъ протопоповъ, которые, однако, подписались на грамотѣ. Многіе члены не попали въ соборный списокъ потому, что не поспѣли на первыя засѣданія собора изъ дальнихъ мѣстъ, куда были посланы призывныя повѣстки, а составители списка не знали, пріѣдетъ ли оттуда кто-нибудь и кто именно. Пропускъ московскихъ протопоповъ въ спискѣ не могъ произойти отъ подобной причины. Очевидно, первоначально ихъ не думали приглашать на соборъ и пригласили уже послѣ составленія соборнаго списка. Значитъ, составъ собора не былъ окончательно опредѣленъ до его открытія и пополнялся постепенно въ продолженіе его дѣятельности. Это наблюденіе пригодится при рѣшеніи вопроса о томъ, успѣлъ ли земскій соборъ къ концу XVI в. стать учрежденіемъ съ твердо-установившимся общественнымъ составомъ.

Изложенныя подробности показываютъ, какъ надобно пользоваться членскими подписями на соборной грамотѣ для опредѣленія численнаго состава собора: изъ числа членовъ собора, обозначенныхъ въ перечнѣ рукоприкладствъ, слѣдуетъ выдѣлить тѣхъ, которыхъ нѣтъ въ соборномъ спискѣ, и прибавить ихъ къ поименованнымъ въ этомъ спискѣ 457 членамъ. Такихъ мы насчитали 55 человѣкъ, слѣдовательно, соборъ 1598 г. состоялъ изъ 512 членовъ.

Классификація этихъ членовъ въ соборномъ актѣ гораздо сложнѣе той, какую мы видѣли въ соборномъ протоколѣ 1566 г. И теперь, какъ въ 1566 году, на соборъ приглашено было высшее духовенство съ архимандритами, игуменами, соборными монастырскими старцами и даже московскими протоіереями, которыхъ не видимъ на соборѣ 1566 г.;

всѣхъ духовныхъ лицъ было на соборѣ 1598 г. 109. Въ составъ собора вошли, разумѣется, боярская дума въ числѣ 52 членовъ, бояръ, окольничихъ, думныхъ дворянъ и думныхъ дьяковъ: призваны были, какъ въ 1566 г., дьяки изъ московскихъ приказовъ, теперь въ числѣ 30 человѣкъ: но теперь къ этимъ органамъ центральнаго государственнаго управленія присоединены были и органы дворцовой администраціи, 2 бараша и 16 дворцовыхъ ключниковъ, которыхъ не встрѣчаемъ на соборѣ 1566 г. Людей военно-служилыхъ явилось на соборъ 1598 года 267 человѣкъ; въ составѣ собора они образовали теперь немного меньшій процентъ, чѣмъ въ 1566 г., именно 52%, вмѣсто прежнихъ 55%. За то теперь они представляли гораздо болѣе дробную іерархію. На соборѣ 1566 г. люди этого класса, дворяне и дѣти боярскія, распадались на 3 статьи; соборный актъ 1598 г. дѣлитъ ихъ на стольниковъ, дворянъ, стряпчихъ, головъ стрѣлецкихъ, жильцовъ и выборъ изъ городовъ [1]. Наконецъ, представителями торгово-промышленнаго класса явились на соборѣ 21 человѣкъ гостей и 15 старостъ и сотскихъ московскихъ сотенъ гостинной, суконной и черныхъ. Эти старосты и сотскіе явились на соборъ 1598 г., вмѣсто многочисленныхъ представителей столичнаго купечества, обозначенныхъ въ соборномъ актѣ 1566 года званіями торговыхъ людей москвичей и смольнянъ. Такимъ образомъ въ составѣ собора 1598 г. можно явственно различить тѣ же четыре группы членовъ, какія обозначались и на прежнемъ соборѣ и которыя представляли собою церковное управленіе, высшее управленіе государственное, военно-служилый классъ и классъ торгово-промышленный. Составъ первыхъ двухъ группъ мало измѣнился, но въ составѣ двухъ послѣднихъ произошли значи-

[1] Группа, помѣченная въ соборномъ спискѣ словомъ у жильцовъ, состояла также изъ дворянъ, бывшихъ начальными людьми жилецкаго отряда; въ рукоприкладствахъ ихъ имена помѣщены въ одной группѣ съ дворянами.

тельныя перемѣны, которыя необходимо разсмотрѣть, чтобы видѣть, въ какой степени и въ какомъ направленіи измѣнились къ концу XVI в. составъ соборнаго представительства и значеніе представителя.

Столичное дворянство и на соборѣ 1598 г. сохранило численное преобладаніе надъ всѣми прочими элементами соборнаго представительства, вмѣстѣ взятыми. Соборный актъ раздѣлилъ его представителей на чины стольниковъ, дворянъ, стряпчихъ и жильцовъ. Это новое чиновное дѣленіе, замѣнившее собою прежнее статейное, образовалось во второй половинѣ XVI в., и столичные дворяне удерживали его въ продолженіе всего слѣдующаго вѣка. Оно усвоило себѣ нѣкоторыя особенности прежняго дѣленія. Въ немъ, какъ и въ прежнемъ, можно замѣтить генеалогическое основаніе: чинами стольника и дворянина начиналось служебное поприще людей знатныхъ фамилій: тогда какъ менѣе родовитыя лица столичнаго дворянства наполняли собою списки стряпчихъ и жильцовъ. Въ новой чиновной іерархіи, какъ и въ прежней статейной, допускалось движеніе съ низшей степени на высшую: провинціальныхъ дворянъ и жильцовъ „за послуги" жаловали въ стряпчіе и дворяне, стряпчихъ и дворянъ возводили въ званіе стольниковъ. Но удержало ли столичное дворянство въ своей новой организаціи корпоративную связь съ уѣздными дворянскими обществами, какую оно имѣло еще на соборѣ 1566 года? Не рѣшивъ этого вопроса, нельзя ничего сказать о представительномъ значеніи, съ какимъ явились на соборъ 1598 г. многочисленные стольники, дворяне, стряпчіе и жильцы, поименованные въ соборномъ актѣ.

На соборѣ 1598 года присутствовали 46 стольниковъ и болѣе сотни столичныхъ дворянъ. Этого слишкомъ много, чтобы видѣть въ нихъ выборныхъ представителей своихъ чиновныхъ корпорацій, и слишкомъ мало, чтобы предполагать поголовный призывъ на соборъ всѣхъ стольниковъ и столичныхъ дворянъ, подобно тому, какъ призывались на

соборъ члены боярской думы. Въ XVII вѣкѣ, когда служилые люди являлись на соборъ съ значеніемъ выборныхъ представителей своихъ чиновныхъ или мѣстныхъ корпорацій, считалось вообще достаточнымъ не болѣе 20 представителей для „большихъ статей“, т.-е. крупныхъ многолюдныхъ избирательныхъ категорій, и на соборѣ 1642 г. встрѣчаемъ всего 10 стольниковъ и 22 чел. столичныхъ дворянъ. Съ другой стороны, стольники и другіе чины столичнаго дворянства, бывшіе на соборѣ 1598 года, далеко не составляли и большинства своихъ чиновныхъ разрядовъ, сколько можно о томъ судить по спискамъ, близкимъ по времени къ этому собору. Такъ, по списку 1577 г. числилось до 240 московскихъ дворянъ, и то не всѣхъ, а только служившихъ въ томъ году „изъ выбора“, т.-е. отобранныхъ для спеціальныхъ порученій по случаю царскаго похода въ Ливонію, а по списку 1616 г. стольниковъ числилось 116, московскихъ дворянъ 295 и 53 стряпчихъ, которыхъ на соборѣ 1598 г. было 22 человѣка [1]). Чтобы понять значеніе, съ какимъ явились на соборъ многочисленныя лица столичнаго дворянства, надобно искать указаній на ихъ положеніе въ служиломъ обществѣ, внѣ собора. Нѣсколько такихъ указаній даетъ разрядная книга упомянутаго выше царскаго похода лѣтомъ 1598 года [2]). На высшія предводительскія должности корпусныхъ командировъ и ихъ товарищей въ этомъ походѣ, согласно съ заведеннымъ порядкомъ древней московской военной администраціи, назначены были члены боярской думы. Второстепенныя мѣста по штабу и по командованію отдѣльными частями мобилизованныхъ корпусовъ, должности рындъ и поддатней къ нимъ, разнаго рода головъ и ясоуловъ розданы были стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ московскимъ, жильцамъ, дворцовымъ ключникамъ, которые также при-

[1]) Собр. гос. грам. и догов., III, № 113. Акты Моск. государства, изд. подъ ред. Н. А. Попова, I, №№ 26 и 108.

[2]) Разрядн. кн. въ Москов. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, № 99/131, л. 834 и сл.

числялись къ столичному дворянству. Изъ 130 лицъ этого дворянства, поименованныхъ въ разрядной росписи похода, 73 человѣка были членами собора, выбиравшаго на царство Бориса Годунова. Слѣдя за служебными назначеніями бывшихъ на этомъ соборѣ лицъ столичнаго дворянства по разряднымъ книгамъ 1598 г. и ближайшихъ къ нему лѣтъ, можно замѣтить, что они принадлежали къ тому, что мы назвали бы генеральнымъ штабомъ, или служили главными исполнительными органами высшаго военно - гражданскаго управленія. Изъ 238 представителей столичнаго дворянства на соборѣ 1598 г. присутствовало не менѣе 90 такихъ, которые только по разрядной книгѣ этого года выполняли подобныя штабныя или военно-административныя порученія, а въ этой разрядной книгѣ отмѣчены далеко не всѣ, на кого возложены были въ томъ году такія порученія. Особенно часто назначались лица столичнаго служилаго корпуса въ пограничные города воеводами или осадными головами, т.-е. гарнизонными командирами; въ походахъ они превращались въ походныхъ предводителей своихъ уѣздныхъ полковъ или городовыхъ гарнизоновъ, двинутыхъ въ поле. На соборъ 1598 г. призваны были 15 московскихъ дворянъ, служившихъ воеводами въ городахъ по южной украйнѣ; четверо изъ нихъ въ царскій походъ того года назначены были „головами у украйныхъ городовъ“, т.-е. командирами мобилизованныхъ уѣздныхъ отрядовъ южной украйны [1]). Въ упомянутой утвержденной грамотѣ объ избраніи царя Бориса и въ другихъ оффиціальныхъ актахъ того времени, касавшихся избирательнаго собора 1598 года, воеводы даже прямо обозначены, какъ особый разрядъ членовъ въ составѣ этого собора.

По всѣмъ этимъ указаніямъ можно подумать, что чины столичнаго дворянства уже къ концу XVI в. образовали

[1]) Кн. А. Д. Хилковъ изъ г. Новосиля, кн. О. В. Туренинъ изъ Орла, Гр. Игн. и Тр. Гр. Вельяминовы изъ Михайлова и Ряжска.

особый служилый корпусъ, собственный „государевъ дворъ", какъ онъ назывался на придворномъ языкѣ XVII вѣка, и что на него уже тогда легли разнообразныя служебныя обязанности, которыя онъ несъ въ продолженіе всего этого вѣка: онъ составлялъ „государевъ полкъ", гвардію, и, въ то же время, исполнялъ обязанности генеральнаго штаба; онъ служилъ оберъ-офицерскимъ запасомъ для отрядовъ провинціальнаго дворянства и ставилъ дѣльцовъ на второстепенныя должности по центральному и областному управленію. Но сохраняли ли чины столичнаго дворянства и теперь служебную связь съ дворянскими обществами тѣхъ уѣздовъ, гдѣ они владѣли помѣстьями и вотчинами, и въ силу этой связи представляли ли они эти общества въ качествѣ ихъ предводителей и на соборѣ 1598 года, какъ это было на соборѣ 1566 года? Неожиданно косвенный отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ новый элементъ въ составѣ собора 1598 г., обозначенный въ соборномъ актѣ словами изъ городовъ выборъ.

Во второй половинѣ XVI в., подобно столичному дворянству, и провинціальные дворяне, и дѣти боярскія получили новую организацію, стали дѣлиться на чины по степени своей родовитости и военно-служебной годности. Высшій чинъ служилой провинціальной іерархіи получилъ названіе выбора или выборныхъ дворянъ. Послѣ набора тысячи провинціальныхъ служилыхъ людей на столичную службу въ 1550 г. правительство отъ времени до времени, по нуждамъ этой службы, вызывало лучшихъ слугъ изъ провинціальнаго дворянства въ подкрѣпленіе столичнаго служилаго корпуса. Это были временные вызовы, не вырывавшіе вызываемыхъ изъ состава мѣстныхъ дворянскихъ корпорацій, къ которымъ они принадлежали. Этимъ положено было въ нѣкоторыхъ уѣздахъ начало особому постоянному разряду служилыхъ людей, который занялъ первое мѣсто въ чиновномъ распорядкѣ уѣзднаго дворянства. Разрядная книга полоцкаго похода 1563 года уже отмѣчаетъ въ составѣ двинутыхъ тогда

въ поле полковъ дворянъ выборныхъ, помѣщая ихъ въ порядкѣ служилыхъ чиновъ непосредственно послѣ столичныхъ чиновъ стольниковъ, стряпчихъ и жильцовъ и какъ бы даже причисляя ихъ къ столичному дворянству [1]). Выборные дворяне дѣйствительно служили связующимъ звеномъ между дворянствомъ столичнымъ и провинціальнымъ, городовымъ. Любопытное указаніе на ихъ служилое значеніе находимъ въ запискахъ извѣстнаго капитана Маржерета, состоявшаго на московской службѣ въ самомъ началѣ XVII в.: по его словамъ, кромѣ дворянъ, постоянно жившихъ въ Москвѣ, каждый городъ, по возможности, присылалъ отъ 16 до 30 лучшихъ помѣстныхъ владѣльцевъ, которые назывались выборными дворянами; по прошествіи трехъ лѣтъ они смѣнялись другими [2]). Отправляя очередную службу въ столицѣ, городовой выборъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, служилъ постояннымъ запасомъ, изъ котораго пополнялось столичное дворянство: лучшихъ слугъ этого разряда возводили въ столичные чины. Въ XVII вѣкѣ, когда установилась выборная система соборнаго представительства, уѣздное дворянство обыкновенно посылало на земскіе соборы представителей изъ выборныхъ дворянъ своихъ городовъ. Въ оффиціальныхъ актахъ о такомъ представителѣ писали, что онъ „на Москвѣ отъ города въ выборѣ“ [3]). Такимъ образомъ, различныя понятія выражались однимъ терминомъ. Недоразумѣніе, въ какое можетъ ввести такая двусмысленная терминологія, становится тѣмъ возможнѣе, что различныя значенія, какія выражались словомъ выборъ, часто соединялись въ одномъ лицѣ: выборный представитель уѣзднаго дворянства на земскомъ соборѣ обыкновенно былъ, по своему служилому чину, выборный дворянинъ своего уѣзда.

Въ соборномъ спискѣ 1598 г. поименовано 34 предста-

---

[1]) Витебская старина, кн. IV. стр. 27 и 33.
[2]) Устряловъ: „Сказ. соврем. о Дим. Сам.“, т. III, стр. 52.
[3]) Десятня, № 207, л. 144, въ моск. арх. мин. юст.

вителя въ званіи изъ городовъ выбора. Скорѣе всего можно было бы подумать, что эти члены собора совмѣщали въ себѣ оба значенія этого двусмысленнаго званія, что это были выборные представители уѣзднаго дворянства на соборѣ, которые и сами принадлежали къ тому же уѣздному дворянству и „служили изъ выбору", какъ обыкновенно обозначались въ служилыхъ спискахъ XVI в. уѣздные дворяне, носившіе чинъ городового выбора. Но, сличая соборный перечень съ указаннымъ выше спискомъ 1577 года, узнаемъ, что 10 человѣкъ изъ 34 членовъ избирательнаго собора, причисленныхъ въ перечнѣ къ выбору изъ городовъ, еще за 20 лѣтъ до этого собора принадлежали къ столичному дворянству, именно одинъ носилъ чинъ жильца, а остальные значились въ спискѣ дворянъ московскихъ. Отсюда слѣдуетъ, что соборный списокъ группировалъ членовъ собора не исключительно по служебнымъ чинамъ, какіе они носили, и помѣстивъ въ группѣ городового выбора людей разныхъ чиновъ, придавалъ этому званію значеніе не служебнаго чина, а именно выборнаго представительства на соборѣ. Изъ этого сами собою выходятъ два указанія на составъ изучаемаго собора. Во-первыхъ, если дворяне московскіе, бывшіе на соборѣ выборными представителями провинціальнаго дворянства, въ соборномъ перечнѣ выдѣлены изъ своего чиновнаго списка и помѣщены въ другой группѣ, надобно изъ этого заключить, что люди столичныхъ чиновъ, обозначенные въ перечнѣ своими чинами, не были на соборѣ выборными представителями провинціальнаго дворянства, а явились по призыву правительства въ силу своего военно-административнаго положенія, какъ воеводы городовъ или командиры уѣздныхъ дворянскихъ отрядовъ. Съ другой стороны, столичное дворянство, очевидно, еще не порвало своей корпоративной связи съ провинціальными дворянскими обществами, установленной землевладѣльческимъ сосѣдствомъ: званіе столичнаго дворянина не мѣшало уѣзднымъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ выбрать земляка по вотчинѣ или помѣстью своимъ

представителемъ на земскомъ соборѣ. Эта связь сквозитъ и въ другихъ явленіяхъ того или близкаго къ тому времени. Жильцы принадлежали къ столичному дворянству, составляя младшій его чинъ. Но въ началѣ XVII в. случалось, что иной жилецъ просилъ зачислить его въ походѣ въ уѣздную дворянскую сотню или позволить ему служить „по выбору", т.-е. въ чинѣ выборнаго дворянина, вмѣстѣ съ дворянами извѣстнаго уѣзда, по мѣсту землевладѣнія, и правительство уважало такія просьбы; иногда жильцы, несмотря на свой столичный чинъ, оставались въ спискахъ городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и служили вмѣстѣ съ ними. Областная администрація также держалась того привычнаго взгляда, что служилые люди столичныхъ чиновъ, стряпчіе, жильцы и дворяне московскіе, въ случаѣ внѣшней опасности, обязаны защищать тотъ городъ, въ уѣздѣ котораго находятся ихъ помѣстья и вотчины, на ряду съ городовыми дворянами и дѣтьми боярскими этого уѣзда. Въ концѣ XVI в. по городу Брянску служило цѣлое гнѣздо Зубовыхъ. Одинъ изъ нихъ, Гр. И. Зубовъ, дослужился до столичнаго чина жильца и въ этомъ чинѣ присутствовалъ на соборѣ 1598 г. Въ 1613 г. московскій земскій соборъ послалъ польскому правительству списокъ разнаго званія русскихъ людей и въ томъ числѣ городовыхъ дворянъ, захваченныхъ поляками, требуя ихъ возвращенія въ отечество; въ спискѣ брянскихъ городовыхъ дворянъ названо нѣсколько Зубовыхъ и между ними Гр. И. Зубовъ, жилецъ и членъ собора 1598 г. [1]). Значитъ, столичный служилый чинъ въ то время былъ еще совмѣстимъ съ званіемъ городоваго дворянина, и, такимъ образомъ, можно было одновременно принадлежать къ тому и другому дворянству, къ столичному и провинціальному. Этимъ объясняется одна черта въ составѣ собора 1598 года,

[1]) Акты Моск. государства, изд. подъ ред. Н. А. Попова, I, №№ 60, 101, 134 и 185. Собр. гос. грам. и догов., т. III, стр. 37.

непонятная при первомъ взглядѣ. Сохранился помѣченный 1607 годомъ списокъ бояръ, окольничихъ и прочихъ думныхъ и столичныхъ служилыхъ чиновъ, а также „изъ городовъ выбора" по 36 уѣздамъ [1]). Нѣкоторые изъ перечисленныхъ здѣсь городовыхъ дворянъ выборнаго чина присутствовали на соборѣ 1598 г. и въ соборномъ перечнѣ помѣщены среди выбора изъ городовъ. Но шесть дворянъ изъ числа членовъ этого собора, продолжавшихъ и въ 1607 г. служить дворянами-выборными въ разныхъ уѣздахъ и значащихся въ этомъ чинѣ по упомянутому списку, въ соборномъ перечнѣ носятъ столичныя званія жильцовъ, стряпчихъ и дворцовыхъ ключниковъ.

Всѣ эти указанія заставляютъ думать, что на соборъ 1598 г. призвано было много столичныхъ дворянъ съ тѣмъ же самымъ представительнымъ значеніемъ, съ какимъ ихъ предшественники, столичные дворяне и дѣти боярскія присутствовали на соборѣ 1566 года: тѣ и другіе не были выборными представителями уѣздныхъ дворянскихъ обществъ на соборѣ, но представляли ихъ по своему должностному положенію, какъ ихъ военные предводители, назначенные правительствомъ изъ землевладѣльцевъ тѣхъ же уѣздовъ. Нѣкоторыя явленія въ составѣ собора 1598 г. поддерживаютъ ту мысль, что столичное дворянство и въ это время еще сохраняло прежнюю связь своего соборнаго представительства съ мѣстомъ землевладѣнія. Членъ этого собора, дворцовый ключникъ Т. Змѣевъ, по этому званію принадлежавшій къ столичному дворянству, былъ землевладѣльцемъ въ одномъ изъ южныхъ украйныхъ уѣздовъ; въ лѣтнемъ царскомъ походѣ того года онъ является въ числѣ головъ „съ украинъ", начальниковъ уѣздныхъ отрядовъ съ южной украйны. Другимъ головой съ той же украйны былъ въ этомъ походѣ мещевскій землевладѣлецъ И. Гр. Совинъ, присутствовавшій на соборѣ въ числѣ дворянъ москов-

[1]) Въ упомянутой выше рукописи г. Барсова.

скихъ. Слѣды той же связи замѣтны еще въ началѣ XVII в. въ актѣ избирательнаго собора 1613 г. По списку 1577 г. П. Наумовъ служилъ дворяниномъ по г. Вязьмѣ: сынъ его принадлежалъ уже къ столичному дворянству и въ чинѣ жильца присутствовалъ на соборѣ 1598 г.; внукъ также былъ жильцомъ и подъ соборнымъ актомъ 1612 г. подписался за выборныхъ вяземскихъ дворянъ. Бѣляница Зюзинъ въ чинѣ жильца также былъ членомъ собора 1598 г., а на соборѣ 1613 г. явился въ числѣ выборныхъ дворянъ-представителей казанскаго дворянства, хотя уже за 14 лѣтъ до этого собора носилъ столичный чинъ [1]). Можно объяснить, почему такъ мало было на соборѣ 1598 г. выборныхъ представителей уѣзднаго дворянства. Въ соборномъ спискѣ ихъ поименовано 34 человѣка; трудно опредѣлить количество представленныхъ ими уѣздовъ [2]). Многіе уѣзды представлены были безъ выборовъ лицами, которыя призваны были на соборъ въ силу ихъ должностного положенія, какъ предводители уѣздныхъ служилыхъ отрядовъ. Впрочемъ, можно думать, что и выборныхъ представителей городового дворянства было на соборѣ больше, чѣмъ сколько ихъ поименовано въ соборномъ спискѣ. Въ числѣ членовъ собора, не поспѣвшихъ на первыя его засѣданія и не попавшихъ въ соборный списокъ, было шестеро, которые подписались на соборной грамотѣ послѣ всѣхъ дворянъ вмѣстѣ съ московскими купцами. Ихъ подписи, затерявшіяся въ концѣ рукоприкладствъ, воспроизведены въ изданномъ спискѣ соборной грамоты, повидимому, безъ всякихъ перемѣнъ и вскрываютъ

---

1) Собр. гос. гр. и дог., I, 640 и сл.

2) Отъ нѣкоторыхъ уѣздовъ было по одному выборному, какъ видно по списку каширскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ 1599 г., изъ которыхъ былъ на соборѣ одинъ Тутолминъ, носившій чинъ выборнаго дворянина, хотя въ спискѣ только дворянъ этого чина поименовано 18 чел. Десятня. № 247, въ моск. арх. мин. юст. Но изъ списка 1607 г. можно видѣть, что отъ г. Медыни было 2 выборныхъ представителя, столько же отъ Юрьева-Польскаго.

нѣкоторыя новыя черты въ составѣ дворянскаго представительства. Никита Львовъ подписался: „и въ Воцкіе пятины мѣсто“, Дартуша Дивовъ: „и во всѣхъ Ржевичъ мѣсто“, А. Иванневъ: „и во всѣхъ Бѣлянъ мѣсто“. Это представители дворянскихъ обществъ Вотской пятины Новгородской области и уѣздовъ Ржевскаго (нынѣ Тверской губ.) и Бѣльскаго (Смоленской губ.): не находимъ никакихъ указаній, которыя заставляли бы считать этихъ представителей столичными дворянами. Н. Мотоловъ (Мотовиловъ) подписался: „и во всѣхъ Ярославля Малаго сотни“; это былъ представитель сотни или роты, состоявшей изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ Малоярославецкаго уѣзда, можетъ быть, ея командиръ, сотенный голова, по должности призванный на соборъ, или же выборный служебный ея представитель на мѣстѣ. Такіе мѣстные служебные представители уѣздныхъ дворянскихъ обществъ, называвшіеся окладчиками, выбирались всѣмъ уѣзднымъ дворянствомъ и составляли въ каждомъ уѣздѣ коллегію отвѣтственныхъ присяжныхъ посредниковъ между правительствомъ и дворянскимъ обществомъ уѣзда: когда бывалъ смотръ уѣзднаго дворянства, окладчики подъ присягою давали присланнымъ изъ столицы ревизорамъ показанія о служебной годности служилыхъ людей своего уѣзда и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ручались за нихъ въ исправномъ отбываніи ими падавшихъ на нихъ военно-служебныхъ обязанностей. Въ числѣ упомянутыхъ запоздалыхъ членовъ собора 1598 г. подписался на соборной грамотѣ Второй Тыртовъ „во всей Шоломенскіе пятины (мѣсто)“. По новгородскому списку 1601 г. встрѣчаемъ этого самаго Втораго Тыртова въ числѣ 8 окладчиковъ Шелонской пятины. Если онъ одинъ изъ всей коллегіи былъ посланъ на соборъ, надобно думать, что онъ получилъ свои представительныя полномочія по выбору всего дворянскаго общества пятины. Значитъ, онъ совмѣщалъ въ себѣ двоякое значеніе: былъ выборнымъ присяжнымъ представителемъ шелонскаго дворянства на мѣстѣ и по выбору же представлялъ это дворянство на

соборы [1]). Такимъ образомъ, обнаруживается, что названные члены собора представляли собою мѣстныя дворянскія общества и сами, по всей вѣроятности, входили въ ихъ составъ, не принадлежа къ столичному дворянству. Они представляли эти общества, какъ военно-служилыя корпораціи, и, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые были ихъ выборными представителями на соборѣ, хотя и безъ того стояли во главѣ этихъ обществъ, какъ выборные и отвѣтственные предъ правительствомъ показатели ихъ военно-служебной годности.

Присутствіе представителей мѣстныхъ дворянскихъ обществъ изъ ихъ же среды есть новая черта въ составѣ собора 1598 г., незамѣтная въ составѣ собора 1566 года, на которомъ провинціальное дворянство было представлено только столичными дворянами. Этого новаго областного элемента совсѣмъ не находимъ и теперь въ представительствѣ городского торгово-промышленнаго класса, какъ не нашли мы его и на прежнемъ соборѣ. За то теперь именно въ составѣ представительства этого класса особенно явственно обнаружился основной принципъ земскихъ соборовъ XVI вѣка— представительство по должностному правительственному положенію, а не по общественному выбору. На соборъ 1566 г. были призваны, кромѣ 12 гостей, еще 63 представителя столичнаго купечества, обозначенныхъ въ соборномъ актѣ неясными званіями торговыхъ людей москвичей и смольнянъ. Не видно, были ли призваны на соборъ лица этихъ званій поголовно, кого можно было призвать, или съ извѣстнымъ разборомъ, основаннымъ на какихъ-либо признакахъ. Въ соборномъ спискѣ 1598 г. очень рѣзко выступаетъ правило, которымъ руководились при рѣшеніи вопроса, кого

[1]) Акты Ист., I, стр. 363, Десятня, № 120, въ моск. арх. мин. юст. Въ подписи шестого запоздалаго представителя Ивана Кобелева не указано, кого представлялъ онъ. Можетъ быть, это сынъ боярскій Вотской пятины Ив. Д. Кобелевъ, который по десятнѣ 1607 г. является сотникомъ стрѣлецкимъ въ г. Орѣшкѣ (тамъ же № 123. л. 27).

призвать представителями столичнаго торгово-промышленнаго класса: призваны были на соборъ 21 человѣкъ гостей, старосты двухъ высшихъ купеческихъ сотенъ или гильдій, гостинной и суконной, и сотскіе 13 черныхъ сотенъ и ихъ частей, полусотенъ и четвертей сотенъ, которыя можно назвать промысловыми цехами древней Руси. Гости, очевидно, были призваны на соборъ поголовно, сколько можно было ихъ тогда призвать: ихъ и въ XVII в. бывало немного, обыкновенно десятка два-три; всѣ они были казенно-служилые люди, главные коммиссіонеры казны, и не составляли особой отвѣтственной корпораціи, связанной круговою порукой членовъ другъ за друга. Такими корпораціями были сотни, на которыя дѣлилось остальное торгово-промышленное населеніе столицы, и его представителями были призваны или посланы на соборъ люди, и внѣ собора стоявшіе во главѣ этихъ корпорацій, выборные старосты и сотскіе. Какъ отвѣтственные головы своихъ обществъ, они занимали должности по выбору сотенъ; какъ ихъ соборные представители, они призывались или посылались на соборъ по своимъ должностямъ.

Изложенныя наблюденія, кажется, даютъ возможность нѣсколько уяснить себѣ составъ избирательнаго собора 1598 г. Этотъ соборъ по составу не вполнѣ былъ похожъ на прежній, собиравшійся въ 1565 году: къ составнымъ элементамъ, присутствовавшимъ на этомъ послѣднемъ, теперь прибавились нѣкоторые новые. На избирательный соборъ, какъ и на прежній, явились два высшія правительственныя учрежденія, церковное и государственное, освященный соборъ и боярская дума. Многіе члены думы съ нѣкоторыми стольниками и дворянами московскими и съ 30 дьяками представляли еще на соборѣ центральныя судебно-административныя учрежденія, приказы, во главѣ которыхъ они стояли. Многіе стольники и люди другихъ столичныхъ чиновъ были призваны на соборъ, какъ органы областного управленія, городовые воеводы. Все это были представители управленія, правительственныхъ учрежденій, не общества. Изъ обще-

ственныхъ классовъ всего сильнѣе представлено было служилое сословіе, если можно назвать сословіемъ совокупность многочисленныхъ чиновъ столичныхъ и провинціальныхъ, на которые распался къ концу XVI в. служилый классъ. Трудно сказать, въ какой мѣрѣ это преобладаніе условливалось степенью корпоративной организованности столичнаго и провинціальнаго дворянства сравнительно съ другими классами. Представительство этого класса по источнику представительныхъ полномочій было двоякое, должностное и выборное. Многія лица столичнаго дворянства были призваны на соборъ, какъ военные командиры, головы уѣздныхъ дворянскихъ отрядовъ, находившихся тогда на положеніи мобилизованныхъ. Съ такимъ же значеніемъ явились на соборъ 7 головъ стрѣлецкихъ, вѣроятно, командовавшихъ стрѣлецкими полками, расположенными въ столицѣ [1]). Наиболѣе выдающимся новымъ элементомъ въ составѣ собора 1598 г. надобно признать присутствіе на немъ выборныхъ представителей уѣздныхъ дворянскихъ обществъ и, притомъ, изъ ихъ же среды. На соборѣ 1566 г. уѣздное дворянство было представлено только столичными дворянами, хотя и вышедшими изъ его среды: притомъ, ни изъ чего не видно, получили ли они свои представительныя полномочія по выбору дворянъ своихъ уѣздовъ, или прямо были призваны на соборъ по должности ихъ военныхъ предводителей. На соборѣ 1598 г. несомнѣнно выборныхъ представителей провинціальнаго дворянства было 40 человѣкъ: изъ нихъ десятеро принадлежали къ столичному дворянству, остальные не носили столичныхъ чиновъ, но тѣ и другіе входили по службѣ и землевладѣнію въ составъ уѣздныхъ дворянскихъ обществъ, которыя они представляли на соборѣ. Нѣкоторые изъ нихъ по своей состоятельности, мѣстному влія-

[1]) Предполагаемъ это потому, что пятерыхъ изъ этихъ семи головъ находимъ въ сохранившемся спискѣ (извѣстенъ намъ по упомянутой выше рукописи г. Барсова XVII в.) головъ и сотниковъ, командовавшихъ московскими стрѣльцами при царяхъ Іоаннѣ Грозномъ и Θеодорѣ.

ніи и служебной исправности могли такъ же получать команду надъ дворянскими сотнями своихъ уѣздовъ или принадлежали къ коллегіямъ выборныхъ окладчиковъ и этому были обязаны своимъ избраніемъ въ соборные представители. Во всякомъ случаѣ, присутствіе выборныхъ представителей впервые становится замѣтно на послѣднемъ земскомъ соборѣ XVI в. и первымъ классомъ, которому досталось такое представительство, было провинціальное дворянство. По крайней мѣрѣ, нѣтъ основаній считать выборными бывшихъ на этомъ соборѣ представителей столичнаго купечества: гости были призваны на соборъ всѣ по своему званію, а старосты и сотскіе московскихъ сотенъ по должности. Не вполнѣ ясно положеніе на соборѣ столичнаго дворянства, составлявшаго самый многочисленный элементъ въ его составѣ: его было на соборѣ 248 человѣкъ, что составляетъ почти половину всего числа членовъ собора. Столичные дворяне явились на этотъ соборъ съ довольно разнообразнымъ значеніемъ: одни представляли столичныя правительственныя учрежденія, приказы, какъ ихъ начальники, другіе—областное управленіе, какъ городовые воеводы, третьи—уѣздное дворянство, какъ головы его уѣздныхъ сотенъ или какъ его выборные депутаты; наконецъ, нѣкоторые отмѣчены въ соборномъ спискѣ, какъ начальные люди въ отрядѣ жильцовъ. Но представляло ли столичное дворянство само себя, были ли на соборѣ въ числѣ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ и жильцовъ выборные представители своихъ чиновныхъ корпорацій? Не находимъ никакихъ указаній, которыя бы отвѣчали на этотъ вопросъ, и на него, кажется, слѣдуетъ дать отрицательный отвѣтъ. Такихъ представителей столичнаго дворянства не находимъ даже на соборѣ 1613 года, на которомъ выборное представительство является въ такомъ широкомъ развитіи; восьми-девяти десятковъ подписавшихся на грамотѣ этого собора стольниковъ, стряпчихъ и дворянъ московскихъ слишкомъ много, чтобы ихъ можно было признать за выборныхъ депутатовъ чиновныхъ корпорацій столичнаго дворянства. Распавшись на чины, это дворянство еще не успѣло вполнѣ

обособиться отъ провинціальнаго, которымъ оно пополнялось, и не утратило своего прежняго значенія его представителя, какое оно имѣло на соборѣ 1566 г. Съ другой стороны, какъ генеральный штабъ, оно исполняло самыя разнообразныя военно-административныя порученія, которыя разбрасывали его по разнымъ городамъ и угламъ государства, такъ что его трудно было и собрать въ достаточно полномъ числѣ для выбора соборныхъ представителей.

Одна русская повѣсть, близкая по времени составленія къ собору 1598 года, написанная какихъ-нибудь 8 лѣтъ спустя послѣ него и чрезвычайно враждебная царю Борису, описываетъ хитросплетенную агитацію, какую устроили „злосовѣтники и рачители“ Годунова, чтобы подготовить и обезпечить его избраніе на престолъ. Повинуясь указаніямъ своего главы, они по всѣмъ сотнямъ и слободамъ столицы и по всѣмъ городамъ внушали народу, чтобы „на государство всѣмъ міромъ просили Бориса“. Подбитый агитаторами, народъ волей-неволей молилъ его „предъ боляры и властьми и вельможи и предъ царскими синклиты“ принять скипетръ. Но лукавый пронырь не тотчасъ подался на народныя мольбы и много разъ отказывался, „достойныхъ на се избирати повелѣвая“. Но достойные того большіе бояре, „отъ корени скипетродержавныхъ и сродники“ царю Ѳеодору, „на се не изволиша поступити и между себя избрати, но даша на волю народу“ [1]). Этотъ тенденціозный разсказъ даетъ понять, что агитація, затѣянная клевретами Годунова, ведена была прямо въ народной массѣ мимо собора и не коснулась его состава, не имѣла цѣлью подбора его членовъ, подтасовки голосовъ. Но она заставила соборъ выпустить изъ своихъ рукъ рѣшеніе вопроса и отдать его на волю народа, поднятаго агентами Годунова. Подстроенъ былъ ходъ дѣла, а не составъ собора. Планъ сторонниковъ Годунова состоялъ не въ томъ, чтобы обезпечить его избраніе на царство подтасованнымъ

[1]) Временникъ Общ. Ист. и Древн. Росс. кн. XVI, отд. II, стр. 7 и сл.

составомъ собора, а въ томъ, чтобы вынудить правильно составленный соборъ уступить народному движенію. Годуновъ, повидимому, придавалъ одинаково законное и важное значеніе и голосу возбужденной народной толпы, и приговору земскаго собора: если онъ самъ настаивалъ на созывѣ земскаго избирательнаго собора, то въ оффиціальныхъ актахъ его царствованія съ удареніемъ повторялось напоминаніе, что онъ принялъ скипетръ „по прошенію всего московскаго и россійскаго народства". Въ составѣ избирательнаго собора нельзя подмѣтить никакого слѣда выборной агитаціи или какой-либо подтасовки членовъ. Въ этомъ отношеніи соборъ и въ 1598 г. сохранилъ ту же физіономію, какую онъ имѣлъ въ 1566 г. И теперь, какъ тогда, на соборѣ сошлись разностепенные носители власти, органы управленія, а не уполномоченные общества; это было представительство по служебному положенію, а не по общественному довѣрію. Но это было, по понятіямъ того времени, все-таки, представительное собраніе, хотя въ своемъ родѣ, не въ современномъ смыслѣ. За соборомъ предполагалось нѣчто, что только въ этомъ собраніи находило себѣ выраженіе. На это предполагаемое нѣчто указываетъ частью эпитетъ вселенскій, какъ иногда назывался земскій соборъ въ оффиціальныхъ московскихъ актахъ. Вселенскій церковный соборъ по своей идеѣ — собраніе пастырей и учителей всѣхъ помѣстныхъ церквей. Прилагая этотъ терминъ къ московскому земскому собору, хотѣли тѣмъ выразить представленіе о собраніи руководителей всѣхъ частей государственнаго управленія, представителей всѣхъ вѣдомствъ, дѣйствовавшихъ внѣ собора раздѣльно, въ кругу своихъ особыхъ задачъ. Значитъ, въ земскомъ соборѣ видѣли, какъ бы сказать, представительство государственной организаціи, соединеніе того, изъ чего складывался и чѣмъ поддерживался государственный порядокъ. То живое содержаніе, которое жило и работало въ рамкахъ этой организаціи, управляемое общество разсматривалось не какъ политическая сила, способная говорить на соборѣ устами сво-

ихъ уполномоченныхъ, не какъ гражданство, а какъ паства, о благѣ которой должны были сообща подумать ея настоятели. Соборъ былъ органомъ ея интересовъ, но не ея воли, которая за нимъ не признавалась: члены собора представляли собою общество, насколько управляли имъ. Такой общей физіономіи соборнаго представительства не измѣняло присутствіе на соборѣ 1598 года выборныхъ депутатовъ провинціальнаго дворянства, если только можно признать доказанной нашу мысль, что члены собора, названные въ соборномъ спискѣ выборомъ изъ городовъ, были выборные депутаты провинціальнаго дворянства, а не провинціальные дворяне выборнаго чина, прямо призванные на соборъ по должностному положенію, какое они занимали въ минуту призыва. Такихъ депутатовъ выбирали уѣздныя дворянскія корпораціи, въ данную минуту почему-либо не имѣвшія у себя во главѣ предводителей, которыхъ можно было бы призвать на соборъ, и выбирали либо изъ столичныхъ дворянъ, своихъ земляковъ, либо изъ окладчиковъ, либо, наконецъ, изъ своихъ дворянъ выборнаго чина, т.-е. изъ такихъ лицъ, изъ среды которыхъ и правительство назначало походныхъ предводителей уѣзднаго дворянства. Притомъ, оба источника представительныхъ полномочій — и общественный выборъ, и правительственный призывъ по должности—тогда не противуполагались одинъ другому, какъ враждебныя начала; напротивъ, одинъ служилъ вспомогательнымъ средствомъ для другого: призывая на соборъ по должностному положенію, правительство не обходило и выборныхъ должностей. Такъ, соборными представителями столичныхъ торгово-промышленныхъ сотенъ видимъ ихъ выборныхъ старостъ и сотскихъ.

Итакъ, составъ представительства на соборѣ 1598 г. сложнѣе, дробнѣе сравнительно съ соборомъ 1566 г. Въ этомъ отношеніи послѣдній соборъ XVI в. отразилъ въ себѣ перемѣны, происшедшія въ организаціи общества при царѣ Іоаннѣ и еще не успѣвшія обнаружиться въ составѣ второго земскаго собора, имъ созваннаго. Но значеніе представителя и

основанія представительства остались прежнія и нѣкоторыя изъ этихъ основаній на соборѣ 1598 г. выступили даже явственнѣе, чѣмъ выступали на соборѣ 1566 г. Это даетъ возможность при разборѣ вопроса о происхожденіи земскихъ соборовъ разсматривать оба собора XVI вѣка, составъ которыхъ извѣстенъ, какъ однородныя явленія, вызванныя одинаковыми условіями.

III.

Происхожденіе земскихъ соборовъ.

Составъ представительства на соборахъ 1566 и 1598 годовъ помогаетъ разглядѣть и тѣ условія, которымъ земскіе соборы обязаны были своимъ происхожденіемъ. Превосходный отвѣтъ на вопросъ объ этихъ условіяхъ находимъ въ одномъ изъ сочиненій г. Чичерина [1]). Попытаемся въ немногихъ строкахъ изложить основныя мысли, общій планъ этого отвѣта, развиваемаго авторомъ съ послѣдовательностью и ясностью, которыя трудно воспроизвести.

При кочевой жизни населенія въ древней Руси долго не могли установиться крѣпкіе общественные союзы, долго не могли завязаться корпоративныя связи, которыя сомкнули бы людей одинаковаго общественнаго положенія въ плотные классы, въ сословія съ крѣпкими сословными правами. При отсутствіи такихъ классовъ, не могло возникнуть изъ жизни и сословное представительство, требующее связности и дружной дѣятельности сословій. Дѣло соединенія разрозненныхъ общественныхъ силъ должна была взять на себя государственная власть, смыкая разобщенные общественные элементы въ корпораціи, въ сословные и мѣстные союзы не правами, а обязанностями, строя весь государственный бытъ на началѣ повинности, на государственномъ тяглѣ. Въ этомъ дѣлѣ власть не могла обойтись безъ содѣйствія самого об-

[1]) О народномъ представительствѣ, стр. 358—363.

щества, не имѣя достаточно своихъ средствъ, не располагая ни достовѣрными свѣдѣніями о положеніи народа, ни надежными исполнителями своихъ мѣропріятій. Для этого она соединяетъ населеніе въ прочные союзы и посредствомъ выборнаго начала призываетъ ихъ къ участію въ государственныхъ дѣлахъ, сперва въ мѣстной администраціи и судѣ, а потомъ и въ высшемъ центральномъ управленіи въ формѣ земскихъ соборовъ. Такимъ образомъ земское представительство возникло у насъ изъ потребностей государства, а не изъ усилій общества, явилось по призыву правительства, а не выработалось изъ жизни народа, наложено было на государственный порядокъ дѣйствіемъ сверху, механически, а не выросло органически, какъ плодъ внутренняго развитія общества.

Изложенный взглядъ на происхожденіе земскихъ соборовъ—схема, мѣтко схваченная со всего хода древне-русской жизни. Воспроизводя этотъ ходъ, авторъ привелъ въ связь съ нимъ появленіе земскихъ соборовъ, отмѣтилъ историческій моментъ, когда они появились, и обозначилъ общія условія, ихъ вызвавшія. Эта схема останется прочнымъ научнымъ достояніемъ нашей исторической литературы. Какъ всякая схема, воспроизводящая закономѣрный, геометрически-правильный планъ жизни, изложенный взглядъ нуждается въ реализаціи: задача спеціальнаго изученія указать конкретныя явленія, съ видимо-хаотическаго потока которыхъ снятъ этотъ стройный планъ, обозначить тѣ частные интересы, борьбой или взаимодѣйствіемъ которыхъ созданы были общія условія, вызвавшія къ жизни земскіе соборы.

Земскіе соборы, по крайней мѣрѣ, обыкновенные, не избирательные, являвшіеся въ исключительныхъ случаяхъ, созывались не по требованію общества, а по нуждамъ правительства, которое черезъ нихъ надѣялось получить отъ общества недостававшія ему средства для устроенія государства и помимо ихъ не имѣло другихъ способовъ найти эти средства. Разумѣется, оно созывало соборы въ такомъ составѣ, какой находило наиболѣе соотвѣтствующимъ цѣли

ихъ созыва. Нуждами, заставлявшими правительство обращаться къ помощи земскихъ соборовъ, въ значительной степени, если не преимущественно, указываемъ былъ и ихъ составъ. Такимъ образомъ, вопросъ о происхожденіи земскихъ соборовъ сводится къ вопросу о томъ, что могли они дать правительству, чѣмъ могли помочь ему въ томъ составѣ, въ какомъ они созывались въ XVI в. При недостаткѣ прямыхъ указаній въ уцѣлѣвшей отъ того вѣка письменности на происхожденіе земскихъ соборовъ, составъ ихъ остается единственнымъ надежнымъ, хотя и косвеннымъ указателемъ причинъ, вызвавшихъ къ жизни это учрежденіе, указателемъ государственныхъ нуждъ, заставлявшихъ правительство созывать ихъ, и услугъ, какихъ ожидало отъ нихъ правительство. Разсматривая составъ земскихъ соборовъ съ этой стороны, прежде всего предстоитъ выяснить, воспользовалось ли правительство при созывѣ первыхъ соборовъ какимъ-либо готовымъ образцомъ, или ему пришлось при этомъ создавать учрежденіе, какого на Руси еще не бывало. Если существовалъ такой образецъ, онъ долженъ былъ, сколько то было возможно, навязать свой складъ земскимъ соборамъ XVI вѣка, и въ такомъ случаѣ составъ послѣднихъ могъ отражать въ себѣ насущныя нужды и наличныя цѣли московскаго правительства того времени лишь въ такой мѣрѣ, въ какой способно было отражать ихъ учрежденіе, разсчитанное на нужды и цѣли другого времени и другого порядка.

Еще въ 1857 году покойный Соловьевъ, полемизируя съ К. Аксаковымъ, убѣдительно доказалъ въ статьѣ Шлецеръ и анти-историческое направленіе, что земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ не имѣли никакой исторической связи съ древними областными вѣчами, отъ которыхъ они отдѣлены вѣками [1]). Объясняя происхожденіе земскихъ соборовъ, скорѣе можно припомнить обычай нашихъ древнихъ князей совѣтоваться съ своею дружиной,

[1]) Русскій Вѣстникъ 1857 г., т. VIII, стр. 444.

со всей или только со старшей, съ боярами, что бывало чаще. Этотъ болѣе частый обычай потомъ въ московскій періодъ превратился въ особое правительственное учрежденіе, въ Боярскую Думу. Нашелъ ли и болѣе рѣдкій обычай совѣщаться со всею дружиной соотвѣтствующее выраженіе въ системѣ московскихъ государственныхъ учрежденій? Когда немногочисленная дружина древняго князя разрослась въ многотысячный классъ слугъ московскаго государя, совѣщаться съ этимъ классомъ стало возможно только при посредствѣ его представителей. Въ составѣ земскихъ соборовъ XVI вѣка, можно, пожалуй, даже найти нѣкоторую поддержку этой мысли объ ихъ связи съ древними дружинными совѣтами: мы видѣли, что подавляющее большинство на этихъ соборахъ принадлежало служилому классу. Трудно сказать, помнилъ ли царь Іоаннъ этотъ обычай своихъ давнихъ предковъ и участвовало ли это историческое воспоминаніе въ созывѣ и въ опредѣленіи состава обоихъ земскихъ соборовъ его царствованія. Какъ бы то ни было, въ составъ земскихъ соборовъ XVI в. входилъ элементъ, котораго не было ни въ дружинныхъ совѣтахъ древнихъ князей, ни въ Боярской Думѣ московскихъ государей. Какъ древній дружинникъ, такъ и думный московскій человѣкъ XVI в. никого не представлялъ въ своемъ лицѣ, имѣлъ значеніе въ глазахъ своего государя самъ по себѣ, по своимъ личнымъ качествамъ или генеалогическому происхожденію, а не по своей связи съ какимъ-либо классомъ или мѣстнымъ обществомъ. Въ составѣ земскаго собора далеко не всѣ члены имѣли такое непосредственное политическое значеніе. Весь составъ собора по положенію его членовъ въ управленіи можно раздѣлить на два разряда, на двѣ неравныя половины. Къ одной половинѣ принадлежали члены Боярской Думы, начальники и дьяки московскихъ приказовъ: это все были руководители центральнаго управленія. Другую половину составляли всѣ тѣ служилые люди, которые призывались на соборъ по ихъ должностному положенію городовыхъ воеводъ,

командировъ мѣстныхъ дворянскихъ отрядовъ и стрѣлецкихъ полковъ, или какъ выборные депутаты уѣзднаго дворянства, также гости и старосты московскихъ торгово-промышленныхъ сотенъ: это были органы мѣстнаго управленія или представители отдѣльныхъ мѣстныхъ обществъ,—тѣ органы и представители тѣхъ обществъ, которымъ приходилось исполнять распоряженія центральныхъ властей. Первая половина представляла въ управленіи элементъ распорядительный, вторая — исполнительный. Эта исполнительная половина собора и имѣла представительное значеніе, какого не видимъ ни въ дружинахъ древнихъ князей, ни въ Боярской Думѣ московскихъ государей.

Въ эту классификацію членовъ земскаго собора не вводимъ очень виднаго элемента въ его составѣ, Освященнаго Собора, который имѣлъ свое устройство и особое отношеніе къ государственному управленію. Впрочемъ, и въ его составѣ можно различить тѣ же два разряда членовъ: распорядительный, состоявшій изъ іерарховъ съ епископскимъ саномъ, и исполнительный, къ которому принадлежали лица, носившія іерейскій санъ. Этимъ сходствомъ возбуждается вопросъ, не имѣлъ ли вліянія, какъ примѣръ и образецъ, на зарожденіе мысли о земскомъ соборѣ и на самую его организацію совѣтъ іерарховъ, являвшійся во главѣ русскаго церковнаго управленія съ тѣхъ поръ, какъ оно устроилось, и занимавшій первенствующее положеніе на земскомъ соборѣ, такъ какъ члены его писались и подписывались выше другихъ на соборномъ актѣ? Это вліяніе болѣе чѣмъ вѣроятно, только трудно опредѣлить его степень и указать его слѣды. Первый земскій соборъ былъ созванъ въ то время, когда церковная іерархія въ лицѣ митрополита Макарія и священника Сильвестра стояла особенно близко къ престолу и ея совѣты съ особеннымъ вниманіемъ выслушивались молодымъ царемъ. Освященный соборъ въ 1550 г. въ составѣ земскаго собора и въ 1551 г. отдѣльно отъ него призываемъ былъ царемъ къ прямому и дѣятельному уча-

стію въ предпринятыхъ правительствомъ работахъ по законодательству и устройству мѣстнаго управленія. Въ самомъ устройствѣ земскаго собора XVI в. была, кромѣ указанной, еще одна черта сходства съ Освященнымъ: въ составъ того и другого входили лица по положенію въ мѣстномъ управленіи, церковномъ или государственномъ, каковыми были обычные непремѣнные члены церковнаго собора, епархіальные архіереи, къ которымъ иногда присоединялись архимандриты и игумены со старцами монастырскихъ соборовъ, т.-е. управители монастырей. Изъ церковнаго языка заимствованъ эпитетъ вселенскій, который иногда прилагался къ земскому собору. Наконецъ, самое названіе собора, усвоенное нашему собранію государственныхъ и земскихъ чиновъ, имѣло въ древней Руси значеніе спеціальнаго термина церковнаго управленія и усвоялось повременно дѣйствовавшимъ коллегіальнымъ учрежденіямъ церковнаго происхожденія или съ участіемъ духовенства [1]). Все это указываетъ на нѣкоторую генетическую связь земскаго собора съ Освященнымъ, нити которой живо чувствовались въ древней Руси, но уже трудно уловимы для насъ. Во всякомъ случаѣ Освященный Соборъ, какъ авторитетный образецъ, могъ содѣйствовать осуществленію, практической разработкѣ мысли рѣшать важнѣйшіе государственные вопросы съ помощью подобнаго ему по составу земскаго собранія, какъ скоро родилась такая мысль; но она родилась изъ государственныхъ потребностей, возникшихъ въ XVI в. и только тогда заставившихъ обратить вниманіе на Освященный Соборъ, какъ на образецъ, могущій помочь при изысканіи средствъ ихъ удовлетворенія. Московское правительство въ ту эпоху вообще стремилось установить соот-

[1]) Такъ соборами назывались соединенныя засѣданія Освященнаго Собора и Боярской Думы, въ концѣ XVI в. обыкновенно бывавшія по пятницамъ. Можетъ быть, потому же у насъ въ XVII в. называли англійскій парламентъ, собственно палату общинъ, земскимъ собраніемъ, а не соборомъ.

вѣтствіе и взаимодѣйствіе между церковнымъ и государственнымъ управленіемъ, устрояя то и другое по одному плану и пріучая ихъ помогать другъ другу въ общихъ дѣлахъ, насколько допускалось это различіемъ основъ и задачъ того и другого. Особенно явственно обнаружилось это стремленіе въ начертанномъ Стоглавымъ соборомъ планѣ епархіальнаго управленія съ его поповскими старостами и другими выборными органами изъ среды духовенства, которые поставлены были рядомъ съ земскими старостами и цѣловальниками и въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствовали совмѣстно съ ними. Но этотъ самый планъ показываетъ, что тогдашніе преобразователи стремились не столько приноровить государственное управленіе къ церковному, сколько ввести въ то и другое новыя силы.

Эти силы надѣялись вызвать къ дѣйствію привлеченіемъ мѣстныхъ обществъ къ участію въ управленіи. На земскихъ соборахъ XVI в. эти силы являлись въ лицѣ тѣхъ органовъ мѣстнаго управленія и депутатовъ мѣстныхъ обществъ, которые составляли вторую исполнительную половину собора и которымъ можно придавать представительное значеніе. Органы мѣстнаго управленія, призывавшіеся на соборъ правительствомъ, и депутаты, которыхъ посылали туда по выбору мѣстныя общества, конечно, черпали свои представительныя полномочія изъ различныхъ источниковъ: для однихъ этимъ источникомъ служила правительственная должность, т.-е. довѣріе правительства, для другихъ—общественный выборъ, т.-е. довѣріе общества. Но въ то время между этими источниками не было такого антагонизма, какой существуетъ теперь. Во второй половинѣ XVI в. правительство старалось подбирать на должности по мѣстному управленію людей, которые и независимо отъ своей правительственной должности имѣли связь съ управляемымъ обществомъ. Подборъ офицеровъ для уѣздныхъ дворянскихъ отрядовъ изъ лучшихъ дворянъ тѣхъ же уѣздовъ былъ обычнымъ явленіемъ, если не былъ правиломъ: нерѣдко воеводой города назначался

дворянинъ, принадлежавшій къ дворянскому обществу того же города, или имѣвшій землю въ его уѣздѣ. Такой правитель получалъ двустороннее значеніе органа—правительственнаго и общественнаго: правительство довѣряло ему управленіе, какъ вліятельному члену управляемаго общества, а общество тѣмъ охотнѣе слушалось своего земляка, что онъ пользовался довѣріемъ правительства. Но если даже не существовало корпоративной связи у городового воеводы съ дворянствомъ управляемаго имъ уѣзда, между ними устанавливалась связь служебная: въ случаѣ похода, городовой воевода становился главнымъ предводителемъ уѣзднаго дворянства. Такимъ образомъ, представительное значеніе на соборѣ и должностныхъ, и выборныхъ представителей мѣстныхъ обществъ слагалось изъ двухъ элементовъ: изъ должностной отвѣтственности передъ правительствомъ за управляемое общество и изъ корпоративной солидарности съ послѣднимъ. Въ однихъ соборныхъ представителяхъ, напримѣръ, въ городовыхъ воеводахъ, не имѣвшихъ корпоративной связи съ дворянствомъ управляемыхъ ими городовъ, эти элементы раздѣлялись, въ другихъ, напримѣръ, въ предводителяхъ уѣзднаго дворянства изъ его же среды, совмѣщались. Связь призыва на соборъ съ положеніемъ призываемаго въ мѣстномъ управленіи и обществѣ особенно явственно обозначилась появленіемъ на соборѣ 1598 г. старостъ и сотскихъ московскихъ торгово-промышленныхъ сотенъ: они были п р и з ы в н ы е, а не выборные представители на соборѣ; ихъ призвали на соборъ по должности, какъ правителей ихъ обществъ; но они явились на соборъ настоящими представителями своихъ обществъ; потому что получили должность по ихъ выбору. Совмѣщеніе тѣхъ же двухъ значеній можно замѣтить и въ выборныхъ депутатахъ этого собора. Мѣстныя дворянскія общества выбирали ихъ изъ столичныхъ дворянъ, знакомыхъ имъ по походной командѣ или землевладѣльческому сосѣдству, изъ коллегій своихъ присяжныхъ окладчиковъ, наконецъ, изъ высшаго слоя своего состава, изъ разряда, называвшагося в ы б о р о м ъ: все это

были классы или разряды лицъ, изъ которыхъ и самимъ правительствомъ назначались органы мѣстнаго управленія, военнаго и гражданскаго. При такомъ отношеніи обѣихъ сторонъ правительства и общества, не могло возникнуть и вопроса о сравнительномъ значеніи столь разнородныхъ источниковъ представительныхъ полномочій, какъ правительственный призывъ по должности и общественный выборъ по довѣрію: вопросъ, съ которой стороны представителю получить свои полномочія, разрѣшался соображеніями административнаго удобства, а не требованіями политическаго принципа, какъ скоро обѣ стороны и для назначенія, и для выбора представителей пользовались однимъ и тѣмъ же соціальнымъ матеріаломъ.

Въ условіяхъ, установившихъ такое отношеніе между правительственнымъ назначеніемъ и общественнымъ выборомъ, и надобно искать зарожденія мысли о соборномъ представительствѣ. Чтобы призывать на соборъ въ качествѣ представителей мѣстныхъ обществъ ихъ управителей и предводителей, назначенныхъ правительствомъ, надо было и назначать такихъ управителей и предводителей, которые могли быть и выборными представителями мѣстныхъ обществъ, т.-е. при должностныхъ отношеніяхъ къ послѣднимъ имѣли и корпоративную связь съ ними. Трудно сказать, въ какой степени выдерживалась эта связь въ той половинѣ состава земскихъ соборовъ XVI в., которую мы назвали исполнительной: по крайней мѣрѣ, она явственно выступаетъ, какъ мы видѣли, въ нѣкоторыхъ группахъ, принадлежавшихъ къ этой половинѣ соборнаго состава. Эта связь еще настойчивѣе проводилась въ мѣстномъ управленіи: съ половины XVI в. оно перестраивалось по правилу, чтобы во главѣ мѣстныхъ земскихъ міровъ становились люди изъ ихъ среды на мѣсто прежнихъ управителей, которые на короткіе сроки „наѣзжали“ на свои округа со стороны, обыкновенно не имѣя никакой постоянной связи съ ними. Такимъ образомъ, обнаруживается нѣкоторое родство соборнаго представительства съ реформой

мѣстнаго управленія въ XVI в. Это родство состояло въ томъ, что въ происхожденіи и соборнаго представительства, и новаго устройства мѣстнаго управленія участвовала одна политическая идея, практическая разработка которой принадлежитъ къ числу любопытнѣйшихъ процессовъ въ устроеніи Московскаго государства: это была мысль объ устройствѣ отвѣтственности мѣстнаго управленія.

Чтобы объяснить происхожденіе этой мысли, надобно припомнить нѣкоторыя черты того управленія, которое господствовало въ удѣльные вѣка, продолжало дѣйствовать съ нѣкоторыми измѣненіями въ эпоху московскаго объединенія Великороссіи и только въ царствованіе Грознаго подверглось коренному преобразованію. Особенности этого управленія, наиболѣе участвовавшія въ возникновеніи означенной мысли, связаны были съ древне-русскою системой кормленій. Кормленіемъ называлось управленіе, функціи котораго соединены были съ доходами въ пользу правителя. Эти доходы состояли или изъ кормовъ въ собственномъ смыслѣ, особыхъ урочныхъ сборовъ въ пользу кормленщика, или изъ пошлинъ свадебныхъ, торговыхъ, судебныхъ, писчихъ—за составленіе письменныхъ документовъ, или изъ доли общихъ казенныхъ налоговъ и пошлинъ, которая въ дворцовомъ вѣдомствѣ называлась путемъ. Родомъ и разнообразными сочетаніями этихъ доходовъ различались кормленія высшія и низшія. Въ рукахъ крупныхъ кормленщиковъ, бояръ путныхъ, намѣстниковъ и волостелей, соединялись разнообразныя административныя и судебныя дѣла и связанные съ ними доходы, тогда какъ мелкій кормленщикъ вѣдалъ одно какое-либо дѣло, одну доходную статью: иной получалъ какой-нибудь незначительный налогъ въ извѣстномъ округѣ или часть этого налога съ условіемъ самому собирать его, въ чемъ и состояла его административная функція. Значитъ, въ кормленіи правительственныя функціи и охраняемые ими интересы общественнаго порядка отдавались въ частное пользованіе изъ-за соединенныхъ съ ними

доходовъ или, что то же, отдавались въ такое пользованіе казенные доходы съ тѣми правительственными функціями, посредствомъ которыхъ они получались. Такимъ непосредственнымъ соединеніемъ правительственнаго дѣла съ вознагражденіемъ за него надѣялись, вѣроятно, всего легче согласить и уравновѣсить интересы управителей и управляемыхъ. Но по самой конструкціи такого управленія сторона кормленщиковъ должна была получить перевѣсъ: такая связь правительственнаго дѣла съ кормомъ вела къ тому, что не кормъ служилъ средствомъ и поощреніемъ къ лучшему исполненію правительственнаго дѣла, а это дѣло становилось только средствомъ или поводомъ къ полученію корма. Кормленія давались служилымъ людямъ, но сами не считались службой. Служба, именно военная, была обязанностью, а кормленіе правомъ, пріобрѣтавшимся службой, за которую жаловали кормленіемъ. Потому служилый человѣкъ могъ отказаться отъ назначеннаго ему кормленія, могъ съѣхать съ него, когда хотѣлъ, не испрашивая отставки. Какъ право, не уравновѣшенное обязанностями и отвѣтственностью, кормленіе поощряло управителя къ произволу. Издавна приняты были мѣры съ цѣлью предупредить этотъ произволъ и урегулировать аппетитъ кормленщиковъ. Кормленщику при назначеніи на должность давали доходный или наказный списокъ съ точною таксой дозволенныхъ ему поборовъ; подробно указанъ былъ порядокъ сбора кормовъ; при съѣздѣ управителя съ кормленія производился скрупулезный бухгалтерскій учетъ корма, слѣдующаго ему „по исправѣ", т.-е. по времени управленія и по количеству дѣйствительно исполненной имъ правительственной работы [1]). Трудно сказать, съ какого времени установился для поддержанія этихъ мѣръ и способъ контроля кормленій, состоявшій въ правѣ управляемыхъ жаловаться высшему правительству на незаконныя дѣйствія управителей. Это право

[1]) Акты Юр., № 161.

подтверждалось въ уставныхъ грамотахъ съ конца IV в. и изъ него ко времени перваго земскаго собора развился своеобразный порядокъ должностной отвѣтственности кормленщиковъ. Починъ въ дѣлѣ контроля мѣстнаго управленія предоставленъ былъ самому мѣстному населенію. По окончаніи кормленія обыватели могли обычнымъ гражданскимъ порядкомъ жаловаться центральному правительству на дѣйствія кормленщика, которыя находили неправильными. Обвиняемый правитель въ этой тяжбѣ являлся простымъ гражданскимъ отвѣтчикомъ, обязаннымъ вознаградить своихъ бывшихъ подвластныхъ за причиненныя имъ неправды и обиды, если истцы умѣли надлежащими средствами тогдашняго гражданскаго процесса оправдать свои претензіи, а правительство становилось между обѣими сторонами безпристрастнымъ и какъ бы даже равнодушнымъ третейскимъ судьей, только потому принужденнымъ рѣшать такіе сторонніе для него споры, что къ нему обращались съ ними. Такимъ образомъ, частный интересъ становился блюстителемъ правительственнаго порядка и преслѣдованіе административныхъ злоупотребленій замѣнялось исками обиженныхъ о возмѣщеніи убытковъ, причиненныхъ мѣстному обществу или отдѣльнымъ его членамъ неправильными дѣйствіями органовъ управленія. Конечно, это была для кормленщиковъ своего рода отвѣтственность, и такъ какъ кормленщикъ отвѣчалъ не передъ властью, а передъ гражданскими истцами, только въ присутствіи власти, то такую отвѣтственность можно назвать гражданской. Можетъ быть, она и устраняла какія-нибудь неудобства, которыя могли произойти отъ несдерживаемаго ничѣмъ произвола управителей, но въ свою очередь рождала множество новыхъ затрудненій, которыя очень ярко изображены въ памятникахъ XVI в. Установившійся способъ защиты управляемыхъ обществъ отъ произвола управителей послужилъ источникомъ безконечнаго сутяжничества. Съѣздъ съ должности кормленщика, не умѣвшаго ладить съ управляемыми, былъ сигналомъ ко вчиненію запутанныхъ

исковъ о переборахъ и другихъ обидахъ. Изображая положеніе дѣлъ передъ реформой мѣстнаго управленія, лѣтописецъ въ своемъ изложеніи закона 1555 г. о кормленіяхъ и о службѣ говоритъ, что намѣстники и волостели своими злокозненными дѣлами опустошили много городовъ и волостей, были для нихъ не пастырями и учителями, но гонителями и разорителями, что съ своей стороны и „мужичье" тѣхъ городовъ и волостей натворило кормленщикамъ много коварствъ и даже убійствъ ихъ людямъ: какъ съѣдетъ кормленщикъ съ кормленія, мужики ищутъ на немъ многими исками, и при этомъ происходитъ много „кровопролитія и оскверненія душамъ", такъ что многіе намѣстники и волостели лишились и стараго своего стяжанія, движимаго и недвижимаго, „животовъ и вотчинъ" [1]). Значитъ, эти тяжбы „мужиковъ", какъ называетъ лѣтописецъ тяглыхъ земскихъ людей, сопровождались тяжкими имущественными потерями для тѣхъ кормленщиковъ, которые ихъ проигрывали. Слова лѣтописца о кровопролитіи и оскверненіи душамъ указываютъ на то, что въ этихъ тяжбахъ приводились въ дѣйствіе самыя сильныя средства тогдашняго гражданскаго процесса, крестоцѣлованіе и даже судебный поединокъ. Литвинъ Михалонъ, знакомый съ современными ему московскими порядками половины XVI вѣка, прямо подтверждаетъ этотъ намекъ московской лѣтописи, съ сочувствіемъ разсказывая, что управители въ Московскомъ государствѣ могутъ быть привлечены управляемыми къ суду и осужденные за взятки принуждены бываютъ драться на дуэли съ обиженными, хотя бы послѣдніе принадлежали къ низшему сословію, или ставить на поединокъ вмѣсто себя другихъ, т.-е. своихъ людей, о которыхъ говоритъ наша лѣтопись; въ случаѣ пораженія на поединкѣ, обвиняемый управитель платилъ пеню [1]).

[1]) Н и к. л ѣ т. VII, 258. Ср. Татищева „С у д е б н и к ъ", 2 изданіе 1786 г., стр. 131.

[1]) Н. К а л а ч е в а: „Арх. ист.-юрид. свѣдѣній", кн. II, отд. 5, стр. 56 и 57.

Такимъ образомъ, установившійся въ Московскомъ государствѣ порядокъ административной отвѣтственности повергъ мѣстное управленіе въ состояніе судебной борьбы управителей съ управляемыми, запутывавшейся все болѣе вслѣдствіе краткосрочности кормленій и частыхъ смѣнъ кормленщиковъ. Какъ бы ни былъ безпристрастенъ и строгъ судъ по такимъ дѣламъ и какими тяжкими послѣдствіями ни грозилъ бы онъ недобросовѣстному кормленщику, добрые плоды такъ устроенной отвѣтственности по управленію покупались на счетъ общественной дисциплины и порядка: умалчивая о другомъ, достаточно припомнить судебныя драки на площади, которыми разрѣшались административные споры между бывшими управителями и управляемыми, чтобы представить себѣ, какъ эти соблазнительныя зрѣлища должны были спутывать понятія о значеніи власти и о ея отношеніи къ обществу. Потребность вывести мѣстное управленіе изъ такого состоянія привела къ мысли о новомъ порядкѣ отвѣтственности его органовъ, который приводился бы въ движеніе непосредственно высшею властью во имя общаго, а не частнаго интереса. Политическія понятія, которыя могли служить матеріаломъ для устройства такого порядка, были уже готовы къ половинѣ XVI в. Событія, такъ глубоко измѣнившія положеніе московскаго государя съ половины XV вѣка, приподняли и его политическое сознаніе. По мѣрѣ того, какъ онъ становился единственнымъ хозяиномъ Великороссіи и уяснялъ себѣ свое національное значеніе, его г о с у д а р е в о д ѣ л о, т.-е. государственный интересъ, также становилось выше всѣхъ частныхъ интересовъ. Складывалось требованіе, чтобы все общество поддерживало это дѣло всѣми своими наличными силами. Трудно уловимымъ для насъ процессомъ политическихъ умозаключеній и практическихъ соображеній установилось такое распредѣленіе государственнаго дѣла между правительствомъ и обществомъ: первое съ своими непосредственными органами взяло въ свои руки всю организацію внѣшней народной обороны и распорядительную часть

по устройству внутренняго порядка; вся подготовительная и исполнительная часть управленія должна была лечь на общество, которое, такимъ образомъ, становилось не только производителемъ, но и поставщикомъ средствъ, необходимыхъ правительству для устройства внѣшней обороны. Такъ какъ прежніе правительственные органы мѣстнаго управленія, кормленщики, признаны были неудовлетворительными, а другихъ своихъ органовъ не было въ распоряженіи правительства, то всѣ мѣстныя дѣла и нѣкоторыя общегосударственныя, преимущественно дѣла финансовыя исполнительнаго характера, переданы были земству. Но, оставаясь въ мѣстномъ управленіи безъ рукъ, безъ собственныхъ орудій, правительство тѣмъ болѣе хотѣло, чтобы мѣстные земскіе органы постоянно чувствовали на себѣ его глазъ. И государственная важность дѣлъ, входившихъ въ составъ мѣстнаго управленія, и земское происхожденіе его новыхъ органовъ требовали строгой отчетности, надежнаго обезпеченія исправности и добросовѣстности ихъ дѣйствій. Между тѣмъ, прежнія средства этого обезпеченія не могли дѣйствовать при новомъ порядкѣ мѣстнаго управленія по самому его устройству. Въ кормленіяхъ такими средствами служили собственная выгода кормленщиковъ и потомъ ихъ страхъ передъ управляемыми: такъ какъ правительственныя дѣла соединены были съ доходомъ для управителя, то за небрежность и упущенія онъ наказывалъ самъ себя потерей дохода, а за недобросовѣстность и притѣсненія его могли наказать потерпѣвшіе искомъ и судебнымъ взысканіемъ. Земское управленіе налагалось на общество, какъ повинность, и не могло быть соединено съ кормомъ. Съ другой стороны, неудобно было ограничивать контроль мѣстнаго управленія правомъ обиженныхъ искать на обидчикахъ управителяхъ, выбранныхъ міромъ и въ выборѣ которыхъ они сами участвовали, и это было тѣмъ неудобнѣе, что въ дѣлахъ общегосударственныхъ, составлявшихъ главное содержаніе земскаго управленія, истцомъ, прежде всего, могла быть сама казна. Потому

прежній порядокъ отвѣтственности мѣстныхъ управителей не могъ быть примѣненъ къ новому управленію и долженъ былъ уступить мѣсто другому порядку. Но именно казенный интересъ, получившій господствующее значеніе въ вѣдомствѣ земскихъ управителей, заставилъ воспользоваться для его обезпеченія стариннымъ институтомъ, которымъ прежде обезпечивалась исправность податныхъ сборовъ, круговою порукой земскихъ обществъ. Теперь этотъ институтъ былъ распространенъ на всѣ функціи земскаго управленія и на самый составъ его, потому что земство должно было взять на себя и поставку органовъ этого управленія и отвѣчать за нее. Такъ, когда приступили къ реформѣ мѣстнаго управленія, сами собою выяснились элементы новаго порядка отвѣтственности его органовъ,—элементы, послужившіе основаніями и самой реформы: 1) управленіе, какъ охрана общественнаго блага, не можетъ быть орудіемъ частнаго интереса; 2) дѣла, входящія въ составъ мѣстнаго управленія, должны вести правительственные органы изъ среды мѣстныхъ же обществъ; 3) отвѣтственность за это управленіе должна падать не на одни его органы, но и на управляемыя ими общества. Изъ этихъ понятій, вошедшихъ въ запасъ важнѣйшихъ политическихъ идей вѣка и выработанныхъ имъ съ большимъ трудомъ подъ гнетомъ насущныхъ нуждъ государства, сложился взглядъ на отвѣтственность по управленію, существенно отличавшійся отъ прежняго: не управляемые міры или ихъ члены ищутъ на органахъ управленія передъ правительствомъ за нарушеніе своихъ интересовъ, а правительство взыскиваетъ не только съ органовъ управленія, но и съ самихъ управляемыхъ міровъ за дѣйствія мірскихъ управителей, противныя интересамъ общаго блага. Такую отвѣтственность въ отличіе отъ прежней гражданской можно назвать политической. Необходимыми средствами для установленія такой отвѣтственности были мірской выборъ органовъ мѣстнаго управленія и мірская порука за выборныхъ управителей.

Ходъ самой реформы мѣстнаго управленія достаточно извѣстенъ; но не будетъ излишнимъ напомнить нѣкоторые его моменты, которые особенно ясно показываютъ, съ какою осторожною, истинно московскою постепенностью складывалась и проводилась въ преобразуемыхъ учрежденіяхъ новая мысль о политической отвѣтственности по управленію. Для этого правительство хотѣло воспользоваться наличными зачатками земскаго самоуправленія. Издавна въ мѣстномъ управленіи удѣльныхъ княжествъ рядомъ съ непосредственными проводниками княжеской власти, кормленщиками, существовалъ другой рядъ учрежденій, представлявшихъ собою мѣстные земскіе міры и служившихъ вспомогательными орудіями управленія при его княжескихъ руководителяхъ: то были выборные старосты, сотскіе, дворскіе и другія земскія власти, вѣдомство которыхъ простиралось только на тяглое населеніе, ихъ выбиравшее, городское и сельское, и состояло преимущественно изъ хозяйственныхъ дѣлъ земскихъ обществъ. По мѣрѣ успѣховъ политическаго объединенія Великороссіи московское правительство стало обращать все болѣе заботливое вниманіе на эти земскія учрежденія, дотолѣ скромно и малозамѣтно дѣйствовавшія подъ властною и своекорыстною рукой княжескихъ кормленщиковъ. Съ конца XV в. эти учрежденія замѣтно поднимаются: ихъ авторитетъ растетъ, компетенція расширяется. Между прочимъ, по уставнымъ грамотамъ конца XV в. старосты и „лучшіе люди“ являются на судѣ намѣстниковъ и волостелей, какъ обязательные ассистенты—наблюдатели, слѣдившіе за правильностью ихъ судопроизводства. Присутствіе такихъ ассистентовъ на судѣ кормленщиковъ, вѣроятно, издавна допускавшееся въ силу народнаго обычая, ко времени перваго Судебника было установлено закономъ. Земскіе міры въ то время пользовались уже правомъ выступить истцами передъ центральнымъ правительствомъ противъ кормленщиковъ, бывшихъ своихъ управителей, если считали себя обиженными съ ихъ стороны; теперь въ лицѣ своихъ судебныхъ засѣдателей они получали

на судѣ кормленщиковъ значенiе правительственныхъ свидѣтелей, которые въ случаѣ нужды при провѣркѣ дѣла могли бы дать центральному правительству показанiя о томъ, какъ производился судъ. Это былъ первый шагъ въ подъемѣ земства; второй состоялъ въ томъ, что лучшiе люди, простые свидѣтели дѣла, случайные понятые, ко времени второго Судебника превратились въ цѣловальниковъ, постоянныхъ присяжныхъ засѣдателей съ болѣе дѣятельнымъ участiемъ въ отправленiи правосудiя, съ правомъ блюсти судебный порядокъ и справедливые интересы сторонъ въ качествѣ носителей мiрской совѣсти. Такимъ образомъ, земство въ мѣстномъ управленiи и судѣ послѣдовательно становилось въ различныя положенiя, изъ которыхъ въ каждомъ дальнѣйшемъ все яснѣе выступала изъ-за права обязанность: сначала частные истцы противъ обидъ кормленщиковъ, потомъ обязательные правительственные свидѣтели—наблюдатели ихъ суда, земскiе мiры теперь въ лицѣ своихъ старостъ и цѣловальниковъ стали стражами правды на этомъ судѣ съ нравственною отвѣтственностью. Этимъ постепеннымъ усиленiемъ элемента обязанности въ судебномъ представительствѣ земства обозначился ростъ потребности въ устройствѣ мѣстнаго управленiя съ строгою государственною отвѣтственностью. Оставалось сдѣлать послѣднiй шагъ—передать земскимъ мiрамъ самый судъ и все мѣстное управленiе не только съ нравственною, но и съ формальною отвѣтственностью передъ правительствомъ, и тогда на мѣстѣ служилыхъ кормленщиковъ съ гражданскою отвѣтственностью по искамъ управляемыхъ мiровъ стали бы мiрскiе органы правительства съ политическою отвѣтственностью самихъ мiровъ передъ правительствомъ по его взысканiю.

Около половины XVI в. этотъ послѣднiй шагъ сталъ необходимъ, но его необходимость условливалась такими нуждами, которыя, вмѣстѣ съ тѣмъ, затрудняли его исполненiе. Совокупность этихъ нуждъ составила вопросъ о военной реформѣ, который разрѣшался въ одно время съ реформой

мѣстнаго управленія и такъ запутанно съ ней переплетался, что ихъ трудно раздѣлить. До половины XVI в. военно-служилый классъ въ Московскомъ государствѣ имѣлъ двойственное значеніе, сложившееся еще въ удѣльное время: онъ составлялъ главную боевую силу государства и вмѣстѣ служилъ органомъ управленія. Въ каждомъ значительномъ княжествѣ удѣльнаго времени управленіе, состоявшее изъ сложной сѣти мелкихъ и крупныхъ кормленій, давало занятіе и доходъ массѣ ратныхъ людей. Съ расширеніемъ Московскаго государства все сильнѣе стало чувствоваться неудобство такого совмѣщенія двухъ различныхъ назначеній въ служиломъ человѣкѣ. Напряженіе народной самообороны росло по мѣрѣ расширенія государственной территоріи и съ начала XVI в. чуть не ежегодно поднимались значительныя силы на ту или другую границу государства, даже когда не бывало объявленной войны. Мобилизація должна была встрѣчать крайнее затрудненіе въ томъ, что множество ратныхъ людей было разсѣяно по „кормленіямъ и доводамъ“, по доходнымъ мѣстамъ въ областномъ управленіи, а порядокъ управленія страдалъ отъ того, что его органы должны были покидать правительственныя дѣла для похода. Такъ, обѣ вѣтви управленія мѣшали одна другой, потому что одни и тѣ же люди дѣйствовали въ обѣихъ: будучи военными людьми, они становились неисправными управителями, а становясь управителями, переставали быть исправными военными людьми. Затрудненіе увеличивалось еще тѣмъ, что новыя потребности общественнаго порядка, возникавшія въ объединенномъ государствѣ, все болѣе усложняли задачи управленія, требуя отъ управителей все большей внимательности къ интересамъ государства и нуждамъ населенія, большей добросовѣстности и отчетности въ дѣлахъ, а служилые люди искони привыкли и продолжали смотрѣть на правительственныя должности исключительно какъ на свои кормленія, настоящее назначеніе которыхъ—пополнять исхудалые служилые животы для дальнѣйшей службы. Отсюда и

развились, съ одной стороны, тѣ разнообразные злоупотребленія управителей, а съ другой—то страшное недовольство управляемыхъ, о которыхъ говорятъ памятники XVI в. Это была превосходная мысль московскаго правительства Іоанна IV воспользоваться земскими учрежденіями одновременно и для лучшаго устройства мѣстнаго управленія, и для устраненія недостатковъ военнаго строя. Попытка Грознаго совсѣмъ устранить кормленщиковъ изъ мѣстнаго гражданскаго управленія, замѣнивъ ихъ выборными и отвѣтственными земскими властями, давала правительству возможность найти болѣе надежные и дешевые органы управленія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предоставить служилыхъ людей въ безпрепятственное распоряженіе военнаго вѣдомства, ничѣмъ не отвлекая ихъ отъ ихъ прямого назначенія. Самыя крупныя законодательныя мѣры XVI в. были прямо или косвенно связаны съ этою двойною реформой, земскою и военною.

Какія затрудненія встрѣтило московское правительство при разработкѣ и проведеніи земской реформы и какъ ихъ побѣждало, это всего яснѣе открывается изъ самаго хода его преобразовательныхъ предпріятій. Первыя извѣстныя грамоты о введеніи губныхъ учрежденій, относящіяся къ 1539 году, показываютъ, что мыслью о передачѣ важныхъ дѣлъ мѣстнаго управленія въ руки мѣстныхъ обществъ правительство занято было еще въ малолѣтство Грознаго. Но нѣкоторыя колебанія, обнаруженныя имъ въ устройствѣ губныхъ учрежденій, заставляютъ думать, что многія подробности въ этомъ дѣлѣ тогда еще не были рѣшены и обдуманы. Такъ, не было принято опредѣленнаго рѣшенія по вопросу о томъ, въ какія отношенія другъ къ другу должны стать разные классы мѣстнаго общества въ устройствѣ охраны общественной безопасности отъ лихихъ людей. По первымъ губнымъ грамотамъ всѣ городскіе и сельскіе обыватели для поимки и казни разбойниковъ выбираютъ головъ изъ служилыхъ людей, дѣтей боярскихъ, человѣка по 3 или по 4 на каждую волость, то-есть административный округъ, и

точно также въ помощь этимъ головамъ выбираютъ изъ своей среды старостъ, десятскихъ и лучшихъ людей. Значитъ, органамъ мѣстной полиціи, губнымъ головамъ и ихъ помощникамъ, по источнику ихъ полномочій, предполагалось придать всесословный характеръ. Но по грамотѣ Соли Галицкой 1540 г. участковые полицейскіе надзиратели, сотскіе, пятидесятскіе и десятскіе, поставлены были подъ руководство городового прикащика, т.-е. коменданта, который выбирался только служилыми людьми уѣзда и былъ, такъ сказать, предводителемъ уѣзднаго дворянства, какъ корпораціи, обязанной оборонять свой городъ. Позднѣе, при преемникѣ Грознаго, выборъ губного головы или старосты однимъ мѣстнымъ дворянствомъ является нерѣдкимъ случаемъ. Напротивъ, тамъ, гдѣ было малочисленно служилое населеніе или гдѣ его вовсе незамѣтно, руководство губною полиціей, какъ это видно изъ уставной Двинской грамоты 1556 года, поручалось начальникамъ общаго земскаго управленія излюбленнымъ головамъ, выборнымъ судьямъ, которые выбирались только земскимъ тяглымъ населеніемъ [1]).

Въ первоначальномъ устройствѣ губной полиціи еще не замѣтно намѣренія не только отмѣнить кормленія, но и стѣснить права кормленщиковъ, хотя современники и видѣли въ этомъ учрежденіи мѣру, направленную противъ намѣстниковъ [2]). Губнымъ старостамъ въ первое время поручены были такія полицейскія дѣла, которыя не входили прямо въ компетенцію намѣстниковъ и волостелей, и власть послѣднихъ предполагалось точно разграничить съ губнымъ вѣдомствомъ. Такъ, по губному наказу селамъ Кириллова монастыря 1549 г., тать, пойманный въ первой кражѣ, сначала подвергался простому гражданскому суду и взысканію со стороны кормленщиковъ, а послѣ того уже поступалъ въ

[1]) Акты Арх. Эксп., I, №№ 187, 192 и 250. Акты Моск. государства, изд. Н. А. Поповымъ, I, стр. 54.

[2]) Полн. Собр. Р. Лѣт., IV, стр. 304 и сл.

распоряженіе губныхъ старостъ, которые наказывали его кнутомъ и выгоняли изъ округа [1]). Рѣчь объ отмѣнѣ кормленій, повидимому, не заходила и на земскомъ соборѣ 1550 г., хотя нѣкоторыя мѣры, принятыя не безъ его участія, служили прямою или косвенною подготовкой этой реформы. Въ Судебникѣ 1550 г. институтъ кормленщиковъ является еще безъ признаковъ колебанія и ихъ компетенція заботливо ограждается отъ вмѣшательства губныхъ старостъ, которымъ статья 60 строго предписываетъ вѣдать только дѣла о разбоѣ. Почти несомнѣнно, что съ вѣдома собора присутствіе на судѣ кормленщиковъ особыхъ присяжныхъ судныхъ мужей, выборныхъ старостъ и цѣловальниковъ, „которые у намѣстниковъ въ судѣ сидятъ", по Судебнику превращено было въ повсемѣстное обязательное учрежденіе. По крайней мѣрѣ, въ слѣдующемъ году въ рѣчи къ отцамъ Стоглаваго собора царь поставилъ это дѣло въ числѣ мѣръ, на которыя онъ получилъ отъ нихъ благословеніе „въ предъидущее лѣто", т.-е. на земскомъ соборѣ 1550 года. Обязательнымъ повсемѣстнымъ введеніемъ въ судъ кормленщиковъ особой коллегіи земскихъ судныхъ мужей крайне упрощалась отмѣна кормленій: оставалось только вывести изъ мѣстнаго суда самихъ кормленщиковъ, передавъ ихъ функціи этой коллегіи присяжныхъ земскихъ ассистентовъ съ ея предсѣдателемъ, суднымъ земскимъ старостой. Распространеніе института, который вскорѣ легъ въ основаніе земскаго самоуправленія, сопровождалось составленіемъ мѣстныхъ уставныхъ грамотъ, которыми должны были руководиться кормленщики и ихъ земскіе ассистенты. Изъ словъ царя на Стоглавомъ соборѣ можно заключить, что была даже выработана общая, такъ сказать, нормальная уставная грамота, „которой въ казнѣ быти" и которую царь предложилъ отцамъ собора на разсмотрѣніе и утвержденіе вмѣстѣ съ новоисправленнымъ Судебникомъ. Вѣро-

[1]) Акты Арх. Эксп., I, № 224. Ср. „Судебникъ" 1550 г., ст. 60.

ятно, эта общая уставная грамота, предназначенная, какъ образцовая и справочная, для храненія въ государственномъ архивѣ, также относилась къ мѣстнымъ, какъ наказъ губнымъ старостамъ 1571 г. относился къ мѣстнымъ губнымъ грамотамъ, содержала общія нормальныя постановленія, примѣнявшіяся въ отдѣльныхъ грамотахъ къ мѣстнымъ условіямъ. Изъ всего этого можно заключить, что главнымъ предметомъ занятій собора 1550 г. были вопросы объ улучшеніи мѣстнаго управленія и суда, чему посвящена едва ли не большая часть статей Судебника, пересмотрѣнныхъ и пополненныхъ въ 1550 году; по крайней мѣрѣ, о другихъ предметахъ занятій этого собранія не сохранилось извѣстій. Нельзя не отмѣтить этой черты дѣятельности перваго земскаго собора при изученіи происхожденія земскихъ соборовъ вообще. Такая законодательная тема указана была собору 1550 г. самимъ царемъ въ той знаменитой рѣчи его на Красной площади къ митрополиту и народу, которой открыта была дѣятельность собора. Сущность этой рѣчи, какъ изложилъ ее потомъ самъ ораторъ на Стоглавомъ соборѣ, состояла въ томъ, что царь „заповѣдалъ" своимъ боярамъ, приказнымъ людямъ и кормленщикамъ помириться „со всѣми хрестьяны" своего царства на срокъ, т.-е. предложилъ служилымъ людямъ покончить не обычнымъ исковымъ, а мировымъ порядкомъ всѣ возникшія у нихъ изъ-за кормленій тяжбы съ „хрестьянами", съ земскими людьми, которыми они управляли. Заповѣдь царя исполнена была съ такою точностью, что въ слѣдующемъ году онъ могъ уже сообщить отцамъ церковнаго собора, что бояре, приказные люди и кормленщики „со всѣми землями" помирились во всякихъ дѣлахъ. Значитъ, господствующею мыслью, руководившею царемъ при созывѣ перваго земскаго собора, было упорядочить мѣстное управленіе и начать это дѣло мировою срочною ликвидаціей безконечныхъ тяжебъ земства съ кормленщиками: царь надѣялся такою рѣшительною операціей устранить главный недугъ, мѣшавшій всякому улучшенію мѣст-

наго управленія и суда. Ни въ самой рѣчи царя, какъ она записана въ лѣтописномъ сборникѣ, ни въ краткомъ оффиціальномъ изложеніи ея на Стоглавомъ соборѣ нѣтъ сколько-нибудь уловимаго намека на мысль отмѣнить кормленія. Между тѣмъ, только эта мысль и дѣлаетъ понятнымъ предложеніе царя о срочномъ окончаніи тяжебъ по дѣламъ кормленій. Судебникъ 1550 г. вовсе не предотвращаетъ продолженія такихъ тяжебъ, а только подробнѣе опредѣляетъ ихъ порядокъ. Какую цѣль могла имѣть необычная и спѣшная ликвидація этихъ дѣлъ, когда самъ законъ допускалъ ихъ возобновленіе, оставляя обѣ боровшіяся стороны, кормленщиковъ и земскіе міры, въ прежнихъ отношеніяхъ другъ къ другу? Остается предположить, что въ мѣрѣ, принятой царемъ, сказалась впервые смутно почувствованная правительствомъ потребность такъ или иначе покончить вопросъ о кормленіяхъ, но правительство еще недоумѣвало, какой избрать способъ его рѣшенія, и пока хотѣло устранить затрудненіе, которое мѣшало разрѣшить его какимъ бы то ни было способомъ. Рѣчь царя бросаетъ нѣкоторый свѣтъ и на самый составъ собора 1550 г. Если этотъ соборъ былъ созванъ для того, чтобы при самомъ открытіи своемъ выслушать заповѣдь царя кормленщикамъ—въ назначенный короткій срокъ прекратить миромъ тяжбы съ земскими людьми, и если эта заповѣдь была въ срокъ исполнена, можно думать, что на соборъ и призваны были преимущественно кормленщики, люди верхнихъ слоевъ служилаго класса, бывшіе ближайшими органами правительства, а таковъ былъ, какъ мы видѣли, составъ и дальнѣйшихъ земскихъ соборовъ XVI в. Можетъ быть, для того и рѣчь царя была произнесена на московской площади, чтобы въ лицѣ собравшагося здѣсь простонародья призвать все земство пойти на встрѣчу кормленщикамъ въ дѣлѣ примиренія, исполняя просьбу царя „оставить другъ другу вражды и тяготы свои“. Такъ выясняется нѣсколько политическая физіономія этого загадочнаго земскаго собора, оставившаго по

сой такіе неясные слѣды въ историческихъ памятникахъ. Соборъ созванъ былъ, главнымъ образомъ, для обсужденія средствъ устранить безпорядки въ мѣстномъ управленіи и судѣ и состоялъ изъ лицъ, которыя, служа орудіями этого управленія и суда, должны были взять на себя исполненіе мѣръ, принятыхъ правительствомъ по совѣщанію съ соборомъ.

Однако, послѣ ликвидаціи тяжебъ съ кормленщиками вопросъ о кормленіяхъ не долго оставался въ нерѣшительномъ положеніи. То было время ускореннаго движенія внутреннихъ реформъ и внѣшнихъ предпріятій. Среди заботъ о церковныхъ преобразованіяхъ и приготовленій къ казанскому походу дѣлались, по московской правительственной привычкѣ, предварительные опыты надъ новымъ порядкомъ мѣстнаго управленія. Извѣстенъ одинъ изъ нихъ, сдѣланный мѣсяца за 3 до казанскаго похода: 21 марта 1552 г., по просьбѣ посадскихъ людей и крестьянъ Важскаго уѣзда, имъ дана была грамота, отмѣнявшая у нихъ управленіе намѣстника и передававшая управу во всякихъ дѣлахъ ихъ излюбленнымъ головамъ. Вскорѣ по завоеваніи Казани правительство съ развязанными для внутреннихъ дѣлъ руками и съ необычайно приподнятымъ духомъ принялось за дальнѣйшую разработку вопроса о кормленіяхъ. Тотчасъ по возвращеніи изъ похода, отправляясь въ Троицкій Сергіевъ монастырь, царь приказалъ боярамъ „безъ себя о казанскомъ дѣлѣ промышляти, да и о кормленіяхъ сидѣти“, т.-е. обсудить въ Боярской Думѣ два вопроса: объ устройствѣ новозавоеваннаго царства и объ отмѣнѣ кормленій. Бояре придавали второму вопросу такое важное значеніе, что поставили его на первую очередь, „начаша о кормленіяхъ сидѣти, а казанское строеніе поотложиша“. Мнѣніе Думы склонилось въ пользу отмѣны кормленій, такъ что царь въ ноябрѣ 1552 г. могъ уже оффиціально объявить о принятомъ правительствомъ рѣшеніи устроить мѣстное управленіе безъ кормленщиковъ. Днемъ Михаила Архангела началось трех-

дневное торжество по случаю паденія Казанскаго царства. Служилымъ людямъ, героямъ подвига, розданы были щедрыя награды вотчинами, помѣстьями и деньгами на 48 тыс. руб. (около $2^1/_2$ милліоновъ на наши деньги). Не было забыто и неслужилое земство, которое понесло на себѣ финансовыя тяготы похода: „а кормленіями государь пожаловалъ всю землю". Этому лаконическому извѣстію, однообразно повторенному въ разныхъ лѣтописяхъ, трудно придать другой смыслъ, кромѣ того, что царь предоставилъ земскимъ мірамъ ходатайствовать объ освобожденіи ихъ отъ кормленщиковъ или оставаться подъ ихъ управленіемъ, если они находили это для себя болѣе удобнымъ [1]). Эту мѣру современники считали пожалованіемъ, льготой для земства, и значительное количество земскихъ обществъ, городскихъ и сельскихъ, которыя не замедлили ею воспользоваться, оправдываетъ этотъ взглядъ. Но можетъ показаться неожиданнымъ то, что эту мѣру считали для себя выгодной и сами бояре, которые въ этомъ случаѣ были солидарны съ прочими кормленщиками. Лѣтопись, разсказывая о приказѣ царя обсудить въ Думѣ вопросы объ устройствѣ Казанскаго царства и о кормленіяхъ, не безъ горечи объясняетъ, почему бояре поставили на очередь второй изъ этихъ вопросовъ и отложили первый: „они же отъ великаго такого подвига и труда утомишася и малаго подвига и труда не стерпѣша докончати и возжелѣша богатества" [2]). Какія богатства могли

[1]) Ник. лѣт., VII, 197. Временникъ Общ. Ист. и Др. Росс., кн. 5, стр. 69. Царств. книга, стр. 330 и 337.

[2]) Думаемъ, что лѣтописецъ поставилъ слово возжелѣша, если только эта форма принадлежитъ его перу, въ смыслѣ вожделѣша или возжелаша, а не возжалѣша, что сдѣлало бы его разсказъ непонятнымъ. Бояре возжелали богатствъ, которыхъ ожидали отъ отмѣны кормленій, а не жалѣли о богатствахъ, которыхъ лишала ихъ эта отмѣна; въ послѣднемъ случаѣ они не стали бы и обсуждать дѣла о кормленіяхъ, а оставили бы его въ прежнемъ положеніи, отсрочивъ его обсужденіе, вмѣсто того, чтобы отсрочивать вопросъ о казанскомъ строеніи.

сулить себѣ кормленщики отъ отмѣны кормленій и какъ одна и та же мѣра могла оказаться выгодной для обѣихъ сторонъ со столь противуположными интересами и съ такими враждебными отношеніями, въ какихъ стояли тогда другъ къ другу кормленщики и кормившія ихъ земскія общества? Это объясняется условіями, на которыхъ исполнена была земская реформа.

Кормленіе служилыхъ управителей, какъ земская повинность, признано было подлежащимъ выкупу на счетъ земства. Но переходъ къ управленію выборныхъ земскихъ властей, какъ право земства, не былъ сдѣланъ для него обязательнымъ, а предоставленъ былъ волѣ каждаго земскаго міра. Если земское общество возбуждало ходатайство о замѣнѣ кормленія земскимъ самоуправленіемъ, всѣ доходы кормленщиковъ, имъ управлявшихъ, какъ прямые кормы, такъ и косвенныя пошлины, перекладывались въ постоянный государственный оброкъ, который общество платило прямо въ казну. Эта перекладка, называвшаяся откупомъ, облегчалась тѣмъ, что въ подлежащихъ приказахъ издавна велись книги съ обозначеніемъ дохода, какой получался съ каждаго кормленія; на существованіе этихъ книгъ указываетъ одна статья Судебника 1550 г. Изъ откупныхъ платежей, по мѣрѣ распространенія новаго порядка мѣстнаго управленія, долженъ былъ составиться служилый бюджетъ: служилые люди получали изъ новаго государственнаго оброка „праведные уроки", постоянные оклады денежнаго жалованья, соображенные съ „отечествомъ и дородствомъ" каждаго, т.-е. съ его родовитостью и служебною годностью. Вмѣстѣ съ тѣмъ, предпринято было „строеніе воинства", общая реорганизація обязательной службы служилыхъ людей: установлена была „уложенная служба", нормальный размѣръ военно-служебныхъ обязанностей, падавшихъ на служилаго человѣка по его землевладѣнію вотчинному и помѣстному, вырабатывались правила помѣстнаго верстанія, надѣла служилыхъ людей помѣстною землей. Та-

кимъ образомъ, административно-судебные кормы замѣнялись частью доходомъ, какой самъ помѣщикъ извлекалъ изъ своего помѣстья, частью казеннымъ денежнымъ жалованьемъ, средства для котораго казна черпала изъ управляемаго земскаго населенія, ставъ здѣсь на мѣсто кормленщиковъ. Значитъ, со введеніемъ земскаго самоуправленія устанавливалась, какъ бы сказать, новая болѣе сложная и правильная канализація содержанія служилыхъ людей. Прежде они сами выбирали это содержаніе изъ неслужилаго населенія, главнымъ образомъ, посредствомъ кормленій и въ меньшей мѣрѣ посредствомъ помѣстнаго землевладѣнія, которое было развито еще довольно слабо. Теперь средства перваго рода притекали къ нимъ въ видѣ готоваго денежнаго жалованья, черезъ казну, которая выбирала ихъ изъ земства посредствомъ земскихъ учрежденій, а помѣстное землевладѣніе, получивъ усиленное развитіе одновременно съ отмѣной кормленій, становилось все болѣе господствующимъ источникомъ содержанія служилыхъ людей и въ этомъ значеніи занимало мѣсто прежнихъ кормленій въ устройствѣ этого содержанія. Такъ было устранено финансовое затрудненіе, возникавшее изъ того, что съ отмѣной кормленій закрывался одинъ изъ главныхъ источниковъ военнаго бюджета, питавшаго служилыхъ людей. Реформа доставляла существенныя выгоды обѣимъ сторонамъ, и земскимъ мірамъ, и кормленщикамъ: первыхъ она освобождала отъ непосредственнаго гнета корыстныхъ и часто самовольныхъ управителей, послѣднимъ давала возможность съ бо̀льшими удобствами, безъ затрудненій и непріятностей, соединенныхъ съ кормленіями, получать въ видѣ постояннаго оклада жалованья прежній доходъ и даже больше того. Главное удобство новаго порядка состояло въ томъ, что размѣръ этого дохода теперь поставленъ былъ въ зависимость не отъ случайной удачи въ полученіи болѣе или менѣе сытнаго кормленія, а отъ условій, находившихся въ распоряженіи самихъ служилыхъ людей. Это удобство служилые люди могли почувствовать уже при самомъ введеніи реформы.

По генеалогическому достоинству, по личнымъ качествамъ, продолжительности и исправности службы, размѣрамъ вотчиннаго и помѣстнаго владѣнія, вообще по всей совокупности условій, которыми тогда опредѣлялась военно-служебная годность, служилые люди были распредѣлены на разряды, статьи, съ особымъ окладомъ денежнаго жалованья, положеннымъ на каждую статью, и занесены по статьямъ въ служебныя книги и списки, или въ „подлинные разряды", какъ еще называетъ ихъ лѣтописецъ въ изложеніи указа 20 сентября 1555 г. о кормленіяхъ и о службѣ. Такъ какъ кормленія считались жалованіемъ за службу, а денежное жалованіе замѣняло доходы отъ кормленій, то эти росписи служилыхъ людей стали называться кормленными книгами и самые оклады денежнаго жалованья, положенные взамѣнъ кормленій, кормленными окладами. Сохранился отрывокъ одной изъ такихъ книгъ, составленной послѣ изданія упомянутаго закона 20 сентября и едва ли не бывшей прототипомъ тѣхъ кормленныхъ книгъ, по которымъ впослѣдствіи выдавали служилымъ людямъ денежное жалованье въ приказахъ, вѣдавшихъ это дѣло въ четяхъ Костромской, Устюжской и другихъ [1]). Сколько можно судить по отрывку, въ которомъ описаны всего только статьи 11—25, притомъ еще съ пропускомъ статей 13-й, 14-й и начала 16-й, это—кормленная книга высшаго столичнаго дворянства, служилыхъ людей, служившихъ „по московскому списку". Отрывокъ изображаетъ положеніе кормленщиковъ и земскихъ обществъ въ 1555 г., т.-е. въ моментъ перехода тѣхъ и другихъ къ новому порядку, первыхъ—къ новому устройству

[1]) Калачовъ: „Арх. ист.-юрид. свѣдѣній", кн. 3, II, стр. 27—80. Изъ замѣчанія о Гр. Курчовѣ (л. 79), что на Рождество Христово 64 года будетъ 2 года, какъ онъ сидитъ на Слободскомъ на Вяткѣ, видно, что книгу начали составлять еще до 25 декабря 1555 г. Но она была закончена или пополнялась въ слѣдующемъ году, потому что о Благовѣщеньѣ и Пасхѣ 1556 г. говорится въ ней, какъ о пережитыхъ праздникахъ (л. 72 и 122).

содержанія служилыхъ людей, вторыхъ—къ земскому самоуправленію. Кормленіями—жаловали попрежнему; но земскія общества одно за другимъ „давались въ откупъ“, т.-е. выпрашивали себѣ выборное управленіе, такъ что иные изъ пожалованныхъ не успѣвали „наѣхать“ на свои кормленія. Въ отрывкѣ отмѣчено до 30 обществъ, городскихъ и сельскихъ, перешедшихъ на откупъ съ 25 марта по 6 декабря 1555 г. Этотъ 1555 годъ былъ временемъ перелома въ ходѣ земской реформы: убѣдившись по предварительнымъ опытамъ, что земство въ ней нуждается, правительство рѣшило превратить ихъ въ общую мѣру. Тогда была пересмотрѣна нормальная уставная грамота, составленная еще въ 1550 г., которая была предложена на одобреніе Стоглавому собору и предназначена на храненіе въ казнѣ для справокъ. Эта грамота еще не имѣла въ виду отмѣны кормленій и только вводила повсемѣстно въ судъ кормленщиковъ присяжныхъ земскихъ ассистентовъ. Согласно съ дальнѣйшею разработкой плана реформы, эти присяжные земскіе ассистенты по новому закону превращались въ самостоятельную судебную коллегію, а кормленщикамъ, служилымъ людямъ, давалась новая сословная организація съ болѣе точнымъ и уравнительнымъ распредѣленіемъ между ними служебныхъ обязанностей и служебнаго вознагражденія, какъ земельнаго, такъ и денежнаго. Оффиціальное указаніе на новый законъ встрѣчаемъ уже въ уставной грамотѣ, данной 15 августа 1555 г. Рыболовлей слободѣ въ Переяславлѣ, которая, какъ видно изъ разсматриваемаго отрывка, перешла на откупъ 10 іюля того же года. Въ этой грамотѣ царь говоритъ, что онъ велѣлъ учинить старостъ излюбленныхъ „во всѣхъ городѣхъ и волостѣхъ“, разумѣется, которые этого пожелаютъ. Самый законъ дошелъ до насъ не въ подлинномъ видѣ, а въ изложеніи, помѣщенномъ въ одномъ лѣтописномъ сводѣ и сдѣланномъ, по всей вѣроятности, современнымъ лѣтописцемъ [1]).

[1]) Такое происхожденіе приписываемъ мы приговору царя съ боярами о „кормленіяхъ и о службѣ“, помѣщенному въ такъ называе-

Изучая ходъ дѣла въ моментъ перелома, произведеннаго закономъ 1555 г., какъ этотъ моментъ изображается въ уцѣлѣвшемъ отрывкѣ Кормленной книги, легко замѣтить нѣкоторыя неудобства системы кормленій и тѣ выгоды новаго устройства содержанія служилыхъ людей, которыя побудили Боярскую Думу высказаться за отмѣну этой системы. Во-первыхъ, кормленія отличались чрезвычайною дробностью: рядомъ съ многочисленными распорядительными и исполнительными судебно-административными должностями, соединенными съ кормами и пошлинами, т.-е. съ окладными и неокладными доходами, встрѣчаемъ кормленія, которыя состояли только въ полученіи одного какого-либо мелкаго налога, прямого или косвеннаго, и не соединены были ни съ какою особою ни судебною, ни административною функціей, кромѣ сбора самаго налога. Причиной такой дробности, очевидно, было желаніе дать кормовыя мѣста возможно бо̀льшему числу служилыхъ людей, нуждавшихся въ кормѣ. Тою же причиной объясняется и краткосрочность кормленій: ихъ держали обыкновенно по одному или по два года, очень

мой Лѣтописи по Никонову списку (VII, 258—262; въ Лѣтописцѣ Нормантскаго уцѣлѣлъ только конецъ приговора—*Временникъ О. Ист. и Др. Росс.*, V, и сл.). Въ читаемомъ здѣсь текстѣ слѣды парафразы очевидны, но легко замѣтить и черты подлиннаго закона, сходныя съ уставными или откупными грамотами того времени, а въ концѣ приговора изложены тѣ самыя постановленія или правила объ уложенной службѣ, которыми руководились при составленіи Кормленной книги 1555—56 гг. для опредѣленія служебной повинности и денежнаго вознагражденія служилыхъ людей и которыя въ этой книгѣ называются уложеніемъ. Татищевъ („Судебникъ“, § 103 и сл.) пытался исправить неисправный лѣтописный текстъ приговора и вносилъ въ него пояснительныя вставки. Въ его изложеніи законъ 1555 г. помѣченъ 20 сентября. Намъ неизвѣстно, откуда заимствована эта дата, но она оправдывается ходомъ дѣла: именно съ сентября 1555 г. и по отрывку Кормленной книги замѣтно учащаются переходы земскихъ обществъ на откупъ. Можно подумать, что 20 сентября приговорено было обнародовать законъ, рѣшенный ранѣе.

рѣдко болѣе двухъ лѣтъ и нерѣдко менѣе года, иногда немногіе мѣсяцы. Сами кормленщики сокращали срокъ своихъ кормленій, иногда бросая ихъ по своему произволу; иные даже не принимали назначенныхъ имъ мѣстъ. Все это указываетъ на малодоходность многихъ кормленій. Несмотря на то, спросъ на кормъ превышалъ наличность кормовыхъ мѣстъ. Кормленія не были непрерывными, кормленщикъ не переѣзжалъ съ одного питательнаго мѣста прямо на другое, кормился съ перерывами. Нерѣдко кормовое пожалованіе состояло только въ томъ, что пожалованному „давали ждати" назначеннаго ему мѣста, пока его не очиститъ предшественникъ, т.-е. жаловали только кандидатурой на мѣсто. Для многихъ такіе голодные промежутки продолжались два, три, даже четыре года. Съ другой стороны, въ отрывкѣ находимъ много указаній на отношеніе доходовъ отъ кормленій къ новымъ окладамъ денежнаго жалованья, назначеннымъ по закону 1555 г. Служилому человѣку давали окладъ денежнаго жалованья „на его голову", смотря по статьѣ, въ которую его записывали по его служебной годности, потомъ жалованье на „уложенныхъ людей съ земли", сколько ихъ причиталось по штату съ числившейся за нимъ вотчинной и помѣстной земли, наконецъ, добавочныя деньги за „передаточныхъ", сверхштатныхъ вооруженныхъ людей, которыхъ онъ выводилъ съ собой въ походъ, по разсчету въ $2^1/_2$ раза больше противъ штатныхъ. Въ отрывкѣ нерѣдко указывается, сколько получалъ служилый человѣкъ съ кормленія и сколько пришлось ему получать „по новому окладу" въ силу закона 20 сентября 1555 г.; изъ этихъ сопоставленій можно видѣть, что служилый человѣкъ при новомъ порядкѣ обыкновенно получалъ не меньше прежняго и могъ получить значительно больше, если умѣлъ и хотѣлъ. Этотъ порядокъ прямо разсчитанъ былъ на исправность, сообразительность и энергію служилыхъ людей. Притомъ, не надобно забывать, что прежній доходъ отъ кормленій былъ прерывистый, а при новомъ порядкѣ высшее столичное дворянство, состоявшее на по-

стоянной службѣ, вмѣстѣ съ лучшими провинціальными дворянами, способными къ ежегодной мобилизаціи, получали денежное жалованье ежегодно по кормленной книгѣ „изъ чети“, какъ тогда говорили, т.-е. изъ подлежащаго приказа въ Москвѣ, въ отличіе отъ рядового провинціальнаго дворянства, отъ городовыхъ дѣтей боярскихъ, которыхъ мобилизовали не каждый годъ и которые получали денежное жалованье „съ городомъ“, т.-е. только передъ мобилизаціей.

Отмѣна кормленій сопровождалась важными и разнообразными слѣдствіями для обѣихъ сторонъ, которыя она различала, какъ для служилаго класса, такъ и для тяглаго земскаго міра. Въ этихъ слѣдствіяхъ мы отмѣтимъ только то, что имѣетъ ближайшее отношеніе къ вопросу о происхожденіи земскихъ соборовъ. Прежде всего завершилось устройство сословнаго управленія обѣихъ сторонъ, и въ этомъ завершенномъ устройствѣ со строгою послѣдовательностью проведено было то начало, которое легло въ основаніе соборнаго представительства XVI в., начало отвѣтственности передъ государствомъ. Высшее столичное дворянство сомкнулось въ цѣльный гвардейскій корпусъ, пополняясь постоянно лучшими служаками, набираемыми изъ провинціальныхъ дворянъ. Разбирая составъ собора 1566 г., мы видѣли, что члены этого корпуса не теряли служебной связи съ мѣстнымъ дворянствомъ тѣхъ уѣздовъ, откуда они набирались или гдѣ владѣли землей. Образуя офицерскіе кадры, столичные дворяне назначались предводителями походныхъ отрядовъ, составлявшихся изъ ихъ провинціальныхъ земляковъ. Въ свою очередь и провинціальное дворянство сомкнулось въ мѣстныя уѣздныя общества, связанныя землевладѣльческимъ и строевымъ сосѣдствомъ. Каждое такое общество, городъ, какъ оно тогда называлось, выбирало изъ своей среды присяжныхъ окладчиковъ, коллегія которыхъ обязана была знать какъ семейное и хозяйственное положеніе, такъ и боевую готовность всѣхъ служилыхъ людей уѣзда и по отвѣтственнымъ показаніямъ которыхъ при-

сылавшіеся изъ столицы военные инспекторы, разборщики, верстали служилыхъ людей уѣзда помѣстными и денежными окладами, по этимъ окладамъ распредѣляли ихъ на статьи или разряды, по этимъ статьямъ раскладывали между ними тягости службы, вообще устанавливали хозяйственный и военно-служебный строй уѣзднаго дворянскаго общества. Такъ какъ служилые люди уѣзда, въ случаѣ внѣшняго нападенія на ихъ уѣздный городъ, составляли его ближайшій гарнизонъ, то они „всѣмъ городомъ", въ полномъ составѣ своего общества, выбирали изъ своей среды городового прикащика, который вѣдалъ уѣздный городъ въ качествѣ его коменданта и полицеймейстера и велъ текущія дѣла всего уѣзднаго дворянскаго общества въ качествѣ постояннаго мѣстнаго его предводителя, какъ столичный дворянинъ-землякъ, часто бывалъ его временнымъ походнымъ предводителемъ. Выборъ окладчиковъ и городового прикащика скрѣплялся порукой избирателей за избранныхъ. Служебное поручительство развилось въ сложную систему: это указываетъ на важное значеніе, какое придавали ему въ мѣстномъ сословномъ устройствѣ. Выбравъ окладчиковъ, дворянское общество должно было дать правительству выборъ (выборный протоколъ) за своими руками, т.-е. взять на себя отвѣтственность за качество выбора; то же было и при избраніи городового прикащика. Всѣ члены уѣзднаго дворянскаго общества и между собою были связаны цѣпью поручительства, имѣвшаго разные виды. При верстаніи помѣстными и денежными окладами, при раздачѣ денежнаго жалованья каждый членъ общества долженъ былъ представить поруку въ томъ, „что ему государева служба служити, на срокъ на службу пріѣзжати и до роспуску съ службы не съѣзжати". Обычными общими поручителями были тѣ же окладчики, по должности обязанные знать степень служебной благонадежности своихъ избирателей; впрочемъ, у каждаго могли быть и свои частные поручители изъ рядовыхъ дворянъ того же уѣзда. Кому окладчики „не довѣривались въ службѣ и день-

гахъ", тотъ обязанъ былъ представить поручную запись отъ особаго поручителя. Въ сомнительныхъ случаяхъ, когда окладчики не давали разборщику надежнаго отвѣта, „въ спорныхъ статьяхъ допрашивали и всего города"; тогда, какъ и при выборѣ должностныхъ лицъ, все общество принимало на себя отвѣтственность за свое рѣшеніе. Такъ устанавливалась своего рода круговая порука уѣзднаго дворянскаго общества. Въ разнообразіи видовъ поруки, въ строгости, съ какою правительство ея требовало, выразилась настойчивость, съ какою правительство проводило въ мѣстномъ сословномъ управленіи начало государственной отвѣтственности. Такая отвѣтственность по взысканію власти за исполненіе военно-служебныхъ обязанностей служилыми людьми замѣнила собой прежнюю гражданскую, которой подлежали служилые кормленщики по жалобамъ обиженныхъ.

То же начало настойчиво и послѣдовательно проводилось во всѣхъ отрасляхъ управленія, сколько это было возможно. Извѣстно, съ какою строгостью требовалась общественная порука въ губномъ и земскомъ управленіи, какъ обезпеченіе личной отвѣтственности выборныхъ властей. Выбравъ старосту, цѣловальниковъ и дьяка, міръ долженъ былъ протоколъ выбора, излюбленный списокъ съ именами избранныхъ и за руками избирателей прислать въ подлежащій московскій приказъ: здѣсь этотъ излюбленный списокъ былъ нуженъ, чтобы знать, съ кого взыскать въ случаѣ, если избранные своими дѣйствіями не оправдаютъ ни довѣрія избирателей, ни ожиданій правительства; сами выборные за недобросовѣстное или небрежное исполненіе своихъ обязанностей подвергались смертной казни, а ихъ имущество шло на вознагражденіе лицъ, потерпѣвшихъ отъ ихъ неправильныхъ дѣйствій, а также тѣхъ, кто уличалъ ихъ въ такихъ дѣйствіяхъ. Такія угрозы закона и общественныя заручки объясняютъ слова царя Іоанна, когда онъ говорилъ на церковномъ соборѣ 1551 года, что исправивъ Судебникъ и предпринявъ улучшеніе судопроизводства и упра-

вленія, онъ „великія заповѣди написалъ“, тяжкія взысканія положилъ за нарушеніе закона, „чтобы то было прямо и бережно и судъ бы былъ праведенъ“.

Еще явственнѣе выражалось проводимое правительствомъ начало въ особомъ вѣдомствѣ, которое стало складываться также со времени Грознаго. Издавна таможенныя пошлины и другія доходныя казенныя статьи отдавались на откупъ или въ кормленіе. Въ то время, какъ правительство стало думать о развитіи земскихъ учрежденій, начали пробовать новый способъ эксплуатаціи этихъ финансовыхъ источниковъ, посредствомъ вѣрнаго управленія, въ чаяніи, что этотъ способъ окажется для казны прибыльнѣе прежняго. Мысль опытовъ была та, чтобы таможенныхъ пошлинъ не отдавать на откупъ частнымъ предпринимателямъ, которые, разумѣется, платили въ казну только часть валового сбора съ откупныхъ статей, а выбирать эти доходы цѣликомъ, прямо въ казну, посредствомъ даровыхъ и отвѣтственныхъ агентовъ, которыхъ обязано было ставить земство, которымъ правительство поручало это дѣло на вѣру, подъ присягой и, разумѣется, подъ ручательствомъ ставившаго ихъ земскаго общества. Въ значительныхъ торговыхъ пунктахъ руководителями этого дѣла назначались съ званіемъ вѣрныхъ головъ надежные люди изъ московскаго купечества, которымъ давали нѣсколько присяжныхъ помощниковъ, цѣловальниковъ, выбранныхъ изъ мѣстнаго торговаго класса. Такъ, въ 1551 г. таможенные сборы въ г. Бѣлозерскѣ отданы были на вѣру двумъ москвичамъ и двадцати бѣлозерцамъ на годъ. Точно также въ 1571 г. указано было въ Новгородѣ на Торговой сторонѣ собирать таможенныя пошлины на вѣру московскимъ и новгородскимъ гостямъ и купцамъ, которыхъ новгородскіе намѣстники съ дьякомъ „въ головы поставятъ“, и цѣловальникамъ, которыхъ они „выберутъ“, т.-е. предпишутъ выбрать новгородскому торговому обществу. Такъ завязалась новая земская повинность, съ теченіемъ времени развившаяся въ цѣлую сѣть вѣрныхъ учрежденій

и падавшую тяжелымъ и отвѣтственнымъ бременемъ на многія земскія общества. Новгородская таможенная грамота предостерегаетъ вѣрныхъ головъ и цѣловальниковъ, что если они не будутъ исполнять ея предписаній, то государь накажетъ ихъ опалой и пеней, а недоборъ передъ прежними годами велитъ взыскать съ нихъ вдвое. Характеръ и цѣль вѣрныхъ учрежденій открываются изъ того способа, какъ правительство пользовалось обоими порядками эксплуатаціи доходныхъ казенныхъ статей, откупнымъ и вѣрнымъ, и какъ переходило отъ одного порядка къ другому. По мѣстамъ оно пыталось самому откупу придать характеръ принудительной повинности. Въ 1554 г. сдана была одной компаніи вѣсовая пошлина въ Великомъ Новгородѣ на годъ. Но тогда же правительство запретило вывозъ сала и воска за границу, вслѣдствіе чего откупщики не выбрали откупной суммы и по тогдашнему суровому порядку взысканія долговъ и казенныхъ недоимокъ принуждены были стоять на правежѣ, т.-е. подвергнуться участи неисправныхъ плательщиковъ, которыхъ пристава били прутьями по разутымъ ногамъ передъ присутственнымъ мѣстомъ, приговорившимъ ихъ къ уплатѣ или взыскивавшимъ съ нихъ недоимку. Откупщики били челомъ правительству пожаловать ихъ, снять съ нихъ откупъ по прошествіи откупного срока, но просьбы ихъ не уважили, продолжили откупъ и на 1555 годъ; только по прошествіи второго откупного срока, въ силу повтореннаго ходатайства, откупщиковъ отставили и предписали новгородскимъ дьякамъ выбрать изъ мѣстнаго общества людей, которые бы собирали пошлину прямо на царя, т.-е. вѣрнымъ порядкомъ, но съ обязательствомъ собрать не менѣе той суммы, за какую пошлина была отдана на откупъ въ 1554 году, именно 233 р. 39 к. (не менѣе 14,000 р. на наши деньги), хотя откупной недоборъ того года равнялся цѣлой трети этой суммы, именно 77 руб. 39 коп.; если же новые сборщики соберутъ больше того, то, какъ гласила царская грамота, „язъ ихъ за то пожалую“. Здѣсь казна

перешла отъ откупа къ вѣрѣ, какъ скоро откупной опытъ указалъ ей на безобидную для нея норму сбора, какой можно было требовать отъ вѣрныхъ сборщиковъ и на которую едва ли можно было найти откупщиковъ-охотниковъ. Въ другихъ случаяхъ казна поступала наоборотъ, пользовалась вѣрною системой для опредѣленія нормальной откупной суммы. Таможенныя пошлины въ г. Орѣшкѣ на 1563 г. отданы были на вѣру и вѣрные цѣловальники собрали 87 р. 90 к. (не менѣе 5,000 руб.). На слѣдующій годъ казна отдала сборы откупщикамъ съ наддачей 42% на собранную вѣрными сборщиками сумму, за 125 р.[1]). Чтобы прибыльно устроить систему вѣрныхъ доходовъ по всѣмъ значительнымъ торгово-промышленнымъ пунктамъ въ государствѣ, казнѣ необходимо было имѣть подъ руками достаточно надежный и многочисленный корпусъ отвѣтственныхъ агентовъ по неокладнымъ сборамъ, своего рода финансовый штабъ, подобный военно-административному, какой составленъ былъ изъ столичнаго дворянства. Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что оба штаба формировались почти одновременно и комплектовались одинаковымъ способомъ, посредствомъ набора годныхъ силъ въ столицу по провинціямъ. Лучшіе торговые люди областныхъ городовъ, оставаясь на своихъ мѣстахъ, зачислялись въ штатъ высшаго московскаго купечества или же прямо сводились изъ своихъ городовъ въ Москву. Такъ, новгородскій лѣтописецъ разсказываетъ, что въ 1571 г. одновременно свели изъ Новгорода въ Москву 100 семействъ лучшихъ купцовъ гостей. Еще раньше переведена была въ Москву партія солидныхъ купцовъ изъ Смоленска: эти-то „сведенцы смольняне, паны московскіе“, какъ ихъ величали въ знакъ важнаго значенія, полученнаго ими въ московской торговой іерархіи, положили основаніе тому классу московскаго купечества, который въ актѣ земскаго собора 1566 г. названъ смольнянами, а ко времени

[1]) Акты Арх. Эксп., I, №№ 230 и 282. Доп. къ А. И., I. №№ 95 и 116.

собора 1598 г. превратился въ суконную сотню, какъ бы сказать, вторую купеческую гильдію, и отъ котораго, по всей вѣроятности, пошло названіе Смоленскаго Суконнаго ряда въ московскомъ Китаѣ-городѣ[1]). На это московское купечество казна и возлагала важнѣйшія финансовыя порученія, требовавшія торгово-промышленной опытности и ловкости и составлявшія настоящую, очень тяжелую и отвѣтственную службу. Высшіе его разряды и причислялись къ служилымъ, пользовались извѣстными привилегіями, даже нѣкоторыми правами военно-служилыхъ людей, напримѣръ, правомъ вотчиннаго землевладѣнія, получали помѣстья и могли переходить на приказную службу, бывали дьяками.

Указанныя реформы совершенно преобразили какъ мѣстное управленіе, такъ и самый составъ мѣстнаго общества. Прежде служилые люди, какъ правительственный классъ, противуполагались людямъ земскимъ; теперь провинціальная масса служилыхъ людей вошла въ составъ земства, сомкнувшись въ уѣздныя корпораціи, сама становилась земскимъ классомъ, имѣя по землевладѣнію и управленію много общихъ дѣлъ съ другими классами. Прежде правительство вело мѣстное управленіе посредствомъ своихъ собственныхъ органовъ, но должности, имъ поручавшіяся, какъ кормленія, эксплуатировались ими въ свою пользу, служили частному интересу кормленщиковъ. Теперь взамѣнъ кормленій или рядомъ съ ихъ остатками въ мѣстномъ управленіи возникло множество такихъ дѣлъ, назначеніемъ которыхъ было служить государственному интересу, но которыя поручались не спеціальнымъ агентамъ правительства, а людямъ изъ упра-

[1]) Акты Арх. Эксп., I, № 223. Въ этой грамотѣ 1549 г. однимъ изъ торговыхъ сведенцовъ смольнянъ, пановъ московскихъ, названъ Тиша Смываловъ, а этотъ Тимоѳей Смываловъ присутствовалъ на соборѣ 1566 г. въ числѣ купцовъ смольнянъ, чѣмъ еще болѣе подтверждается высказанная въ первой статьѣ настоящаго опыта мысль, что смольняне соборнаго акта 1566 г. были представители не г. Смоленска, а столичнаго московскаго купечества.

вляемаго общества по его выбору и поручались, разумѣется, не какъ награда за службу, подобно кормленіямъ, а какъ служебная повинность. И задачи управленія, и независимое отъ правительства происхожденіе его новыхъ органовъ требовали строгой отчетности, которой не вѣдали кормленщики, знавшіе только гражданскую отвѣтственность по искамъ отдѣльныхъ лицъ или обществъ, которыми они управляли. Съ проведеніемъ частной и общественной поруки въ отношенія получившихъ самоуправленіе мѣстныхъ служилыхъ и тяглыхъ міровъ къ правительству, подо все областное устройство подведено было новое основаніе, которымъ послужила государственная отвѣтственность передъ центральною властью, контролирующею дѣйствія своихъ органовъ. Это основаніе, развившись въ сложную и суровую систему взысканій за опущенія по службѣ, стало самою напряженною пружиной въ механизмѣ мѣстнаго управленія. Какъ только началась закладка этого основанія, возникла потребность провести его и въ центральное управленіе. Этимъ основаніемъ указанъ былъ составъ соборнаго представительства XVI в., а этимъ составомъ опредѣлилось политическое значеніе тогдашнихъ земскихъ соборовъ.

Представительными элементами въ составѣ земскихъ соборовъ нельзя считать ни церковнаго Освященнаго Собора, ни Боярской Думы, ни начальниковъ и дьяковъ московскихъ приказовъ: это было само правительство, а не представительство управляемаго общества передъ правительствомъ. Такими элементами можно признать городовыхъ воеводъ и прикащиковъ, походныхъ предводителей уѣздныхъ дворянскихъ отрядовъ, выборныхъ депутатовъ уѣзднаго дворянства, впервые замѣтныхъ на соборѣ 1598 г., и людей изъ московскаго купечества. Можно замѣтить отношеніе такого состава соборнаго представительства XVI в. къ тому устройству, какое дано было мѣстному управленію во второй половинѣ этого вѣка. Въ этомъ отношеніи р. Ока своимъ изогнутымъ среднимъ и нижнимъ теченіемъ дѣлила государство на двѣ

полосы, сѣверную внутреннюю и южную украйную. Сословное самоуправленіе, служилое и земское, привилось въ первой полосѣ, гдѣ было плотное землевладѣльческое, земледѣльческое и торгово-промышленное населеніе, сидѣвшее на давно насиженныхъ мѣстахъ. Здѣсь мѣстными обществами руководили выборныя власти, дворянскіе городовые прикащики, земскіе излюбленные судьи или старосты и избираемые всѣми сословіями губные старосты. За Окой простиралась тогдашняя южная украйна государства съ волжскимъ Понизовьемъ, гдѣ шла усиленная земледѣльческая и военная колонизація и одна за другой вытягивались цѣпи оборонительныхъ укрѣпленій. Въ городахъ, наполняемыхъ военнымъ людомъ и скудныхъ торгово-промышленнымъ населеніемъ, въ уѣздахъ съ крестьянствомъ, еще не обсидѣвшимся на помѣщичьихъ земляхъ, не было удобной почвы для земскаго самоуправленія. Сколько извѣстно по памятникамъ распространеніе земскихъ учрежденій въ XVI вѣкѣ, изъ всѣхъ городовъ по Окѣ только три имѣли ихъ въ полномъ составѣ, именно Коломна, Касимовъ и Муромъ, а Арзамасъ былъ единственнымъ такимъ городомъ южнѣе Оки. Въ этой боевой полосѣ все мѣстное управленіе сосредоточивалось въ рукахъ воеводъ, военныхъ губернаторовъ, которымъ были подчинены и выборныя дворянскія власти. Само тамошнее дворянство, въ большинствѣ пришлое, набиравшееся изъ разныхъ классовъ общества, за исключеніемъ немногихъ уѣздовъ, имѣло въ своей средѣ мало значительныхъ людей, которые могли бы править и командовать имъ въ походахъ. Читая уѣздные списки заокскихъ служилыхъ людей XVI и начала XVII в., чѣмъ дальше отъ Оки, тѣмъ рѣже встрѣчаешь родословное имя. Потому правительство принуждено было посылать туда городовыми воеводами и отрядными головами столичныхъ дворянъ, не имѣвшихъ корпоративной, землевладѣльческой связи съ дворянскими обществами того края.

Такимъ образомъ, мѣстный соціально-административный матеріалъ, которымъ могло располагать правительство для

устройства отвѣтственнаго мѣстнаго управленія, былъ распредѣленъ очень неравномѣрно: во внутреннихъ округахъ, городахъ подмосковныхъ и „замосковныхъ“, какъ тогда говорили, было достаточно служилыхъ и земскихъ людей, которые могли стать надежными отвѣтственными агентами мѣстнаго военнаго и финансоваго управленія, а въ городахъ заокскихъ, гдѣ тѣхъ и другихъ требовалось не менѣе, чѣмъ по сѣверную сторону Оки, а первыхъ даже гораздо болѣе, такихъ агентовъ было очень мало. Правительство начало собирать эти наличныя мѣстныя силы и, не порывая ихъ связей съ мѣстными обществами, взяло ихъ въ свое непосредственное распоряженіе, придало имъ общеземское значеніе, образовавъ изъ нихъ, такъ сказать, два генеральные штаба, военно-административный и финансовый: такъ поступило оно въ 1550 году, зачисливъ лучшихъ служакъ изъ уѣздныхъ дворянъ въ столичный дворянскій корпусъ; съ тою же цѣлью стягивало оно въ столичныя гильдіи провинціальныхъ капиталистовъ-гостей. Такъ нажимомъ государственныхъ нуждъ выдавливались изъ мѣстныхъ міровъ наиболѣе крѣпкіе элементы, способные выдержать требованія правительства, которое распредѣляло ихъ по мѣстамъ, сообразуясь съ мѣстными нуждами и тѣмъ возстановляя равномѣрность въ распредѣленіи общественныхъ силъ. Въ текущихъ дѣлахъ мѣстнаго управленія государственный интересъ обезпечивался личною отвѣтственностью каждаго такого агента, скрѣпленною, гдѣ это было можно, порукой избравшаго его общества. Но возникали дѣла чрезвычайныя и касавшіяся всего государства, въ которыхъ правительству нужно было обезпечить себѣ дружное и усиленное содѣйствіе всѣхъ мѣстныхъ обществъ. Держась принятаго начала государственной отвѣтственности, скрѣпленной порукою, и пользуясь силами, какія были налицо, правительство въ такихъ дѣлахъ могло обратиться только къ тѣмъ же агентамъ, которые могли, поручившись за исполнимость соборнаго приговора, принять на себя и провести въ мѣстныя

общества отвѣтственное его исполненіе; призывъ такихъ исполнителей на общее совѣщаніе былъ мѣрой простого административнаго удобства, не возбуждавшею никакихъ политическихъ пререканій, не затрагивавшею ни установившихся отношеній верховной власти къ подданнымъ, ни вообще какихъ-либо основъ государственнаго порядка. Таково было, по нашему мнѣнію, происхожденіе соборнаго представительства XVI вѣка: оно само собою выросло изъ начала государственной отвѣтственности, положеннаго въ основаніе сложнаго зданія мѣстнаго управленія и слагавшагося изъ личной отвѣтственности мѣстнаго правителя и изъ отвѣтственности ручавшагося за него мѣстнаго общества. Земскій соборъ того вѣка былъ завершеніемъ этого зданія, начинавшагося сельскою волостью, и, по своему представительному составу, служилъ высшею формой поруки въ управленіи; только въ мѣстномъ управленіи обыкновенно міръ ручался за своего мірского управителя, а на земскомъ соборѣ управитель ручался за свой міръ.

Такой поворотъ поруки противъ поручителей понятенъ, когда идетъ отъ лица, за которое ручались, которое поручники уполномочили обращать на нихъ свои обязательства. Но какимъ образомъ могло ручаться за міръ лицо, за которое міръ не ручался, которое наслано міру правительствомъ, напримѣръ, городовой воевода? Чтобы понять это, надобно войти въ понятія древней Руси и припомнить значеніе представительства и поруки въ частныхъ юридическихъ ея отношеніяхъ. По этимъ понятіямъ лица, состоявшія въ юридической связи, вольной или невольной, обязаны были представлять другъ друга въ судѣ, когда не могли искать или отвѣчать лично. Такъ обязаны были представлять въ судѣ родственники другъ друга, выборныя общественныя власти своихъ избирателей, крестьяне своихъ господъ. Точно также существовала и обязательная порука: обязательно было въ случаѣ надобности ручаться за лицо, съ которымъ поручитель волей или неволей находился въ

какой-либо юридической связи, и подлежащая власть могла даже требовать этой поруки. Землевладѣлецъ сажалъ пришлаго крестьянина на пустой участокъ въ своемъ селѣ: сосѣди обязаны были по требованію землевладѣльца поручиться за пришельца въ исполненіи имъ принятыхъ на себя поземельныхъ обязательствъ, если не могли прямыми, положительными доводами оправдать своего отказа; дать такой отказъ значило бы самому разорвать съ обществомъ. Такія понятія изъ частной жизни цѣликомъ переносились въ кругъ государственныхъ отношеній. Ставя даточнаго, рекрута, сельское общество по требованію наборщика обязано было поручиться, что новобранецъ будетъ служить государю и съ государевой службы не сбѣжитъ. Дворянскіе выборные окладчики не могли отказать въ порукѣ своимъ избирателямъ, если не могли ничего сказать противъ кого-либо изъ нихъ въ оправданіе своего отказа. Такой взглядъ на поруку распространялся и на отношенія управляемыхъ къ управителю, не только выборному, но и назначенному. Уѣздное дворянство выбирало городового прикащика и обязано было поручиться за него; полковой воевода назначалъ командира, сотеннаго голову тому же дворянству, и оно его принимало,—предполагалось, что оно этимъ самымъ молчаливо обязывалось ручаться за него, когда это понадобится: *пріемъ* назначеннаго равнялся выбору излюбленнаго. Иногда правительство само назначало на выборную должность, опасаясь неудобнаго выбора, и все-таки требовало отъ общества поруки за назначеннаго, какъ за выборнаго. Такъ оно предписывало дворянскому обществу выбрать губнымъ старостой лучшаго человѣка изъ своей среды, записаннаго въ одну изъ первыхъ „статей“ уѣзднаго служилаго списка, въ противномъ случаѣ приказывало воеводѣ самому назначить старосту и взыскать выборную запись по немъ „за руками“ съ тѣхъ, кто долженъ былъ выбирать старосту. Мы ничего не поймемъ въ древнерусскомъ земскомъ соборѣ, если выпустимъ изъ вида эти древне-русскія понятія о пред-

ставительствѣ и порукѣ. Теперь они могутъ показаться недоразумѣніями древней политической мысли; тогда они были слѣдствіемъ тяжкой необходимости напрягать на служеніе государству всѣ наличныя силы народа, матеріальныя и нравственныя.

По происхожденію и составу соборнаго представительства можно догадываться о тѣхъ политическихъ цѣляхъ или побужденіяхъ, которыя заставляли московское правительство созывать соборы именно въ такомъ составѣ.

Наука государственнаго права различаетъ нѣсколько видовъ представительства по различію политическихъ потребностей, которымъ оно удовлетворяетъ, и по уровню политическаго развитія, при какомъ возникаетъ тотъ или другой видъ его. Однимъ изъ этихъ видовъ признается народное представительство, назначеніе котораго состоитъ въ обезпеченіи правъ и интересовъ всего народа, всѣхъ гражданъ, даже тѣхъ, которые не избираютъ представителей, не имѣютъ голоса на выборахъ. Другимъ видомъ является представительство сословное, которымъ ограждаются права и интересы не всего народа, какъ ихъ понимаетъ представитель, а одного или нѣсколькихъ сословій, пользующихся властью, какъ и въ какихъ предѣлахъ уполномоченъ представитель ограждать права и интересы своего сословія. У обоихъ этихъ видовъ представительства общее то, что собраніе и народныхъ, и сословныхъ представителей является участникомъ верховной власти, самостоятельною силой въ государственномъ управленіи, облечено законодательнымъ авторитетомъ. Третій видъ представляютъ совѣщательныя собранія, созываемыя не въ силу закона, а по усмотрѣнію правительства, и дѣйствующія, какъ его вспомогательное орудіе, въ предѣлахъ, имъ указанныхъ, всегда неточно обозначенныхъ и обыкновенно очень тѣсныхъ. Но сходныя по политическому вѣсу, совѣщательныя собранія разнятся по политическому употребленію, какое дѣлаетъ изъ нихъ правительство, и по приноровленной къ тому организаціи. Такъ,

правительство, еще не успѣвшее запастись достаточными орудіями для изученія состоянія народа, можетъ обратиться къ совѣщательному собранію, чтобы узнать народныя силы и средства, какими оно можетъ располагать для извѣстнаго предпріятія. Въ этомъ случаѣ представительное собраніе является замѣной статистическаго бюро при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и всего успѣшнѣе исполнитъ свое назначеніе, если составится не изъ лицъ, пользующихся наибольшимъ довѣріемъ общества, а изъ свѣдущихъ людей, по своему положенію имѣющихъ наиболѣе возможности наблюдать и узнать состояніе общества. Но и правительству, располагающему достаточными статистическими свѣдѣніями, можетъ понадобиться совѣщательное собраніе, если оно хочетъ дѣйствовать не только сообразно со средствами народа, но и согласно съ его желаніями. Въ такомъ случаѣ представительство замѣняетъ періодическую печать и тѣмъ скорѣе достигаетъ своей цѣли, чѣмъ большимъ довѣріемъ избирателей пользуются представители, чѣмъ болѣе раздѣляютъ они нужды и желанія народа и чѣмъ полнѣе, слѣдовательно, могутъ выразить его мнѣнія и настроеніе. Такое представительство имѣетъ преимущественно нравственное значеніе, поддерживая взаимное довѣріе между обществомъ и правительствомъ и ихъ обоюдное расположеніе къ дружному дѣйствію.

Земскіе соборы древней Руси обыкновенно причисляютъ къ послѣднему изъ этихъ трехъ видовъ представительства, видя въ нихъ чаще приборъ для статистическихъ справокъ правительства о народѣ, рѣже—средство взаимнаго нравственнаго сближенія обоихъ. Наиболѣе крупныя и видныя черты дѣятельности соборовъ оправдываютъ такую классификацію: они не были постояннымъ учрежденіемъ, не имѣли ни обязательнаго для власти авторитета, ни опредѣленной закономъ законодательной компетенціи, и потому не обезпечивали правъ и интересовъ ни всего народа, ни отдѣльныхъ его классовъ и т. п. Если, забывая общее направле-

ніе дѣятельности земскихъ соборовъ, всмотрѣться въ перечень членовъ тѣхъ изъ нихъ, которые были созваны въ 1566 и 1598 гг., въ ихъ составѣ замѣтимъ очень своеобразныя черты. Въ самомъ дѣлѣ, что это за представительное собраніе, въ которомъ представителями народа являются все должностныя, служащія лица? Вѣдь, каждый изъ бывшихъ на соборѣ 1566 г. дворянъ всѣхъ статей потому и попалъ на него, что былъ исполнителемъ какихъ-либо военно-административныхъ порученій рѣдко по выбору дворянскаго уѣзднаго общества, къ которому онъ принадлежалъ, чаще по назначенію правительства, командовалъ сотней своего уѣзда, былъ городовымъ воеводой или прикащикомъ и т. п. Каждому изъ гостей и купцовъ столицы, подававшихъ мнѣнія на соборѣ, уже приходилось исполнять по очереди казенныя порученія правительства и предстояло опять исполнять ихъ, когда приходила очередь. Это были не столько представители народа, земскихъ міровъ, сколько агенты военныхъ и финансовыхъ учрежденій, т.-е. представители самого правительства. Источникомъ полномочій соборнаго представителя служило гораздо болѣе это оффиціальное, должностное его положеніе въ мѣстномъ обществѣ, чѣмъ выборъ послѣдняго. Очевидно, здѣсь мы встрѣчаемся съ такимъ своеобычнымъ порядкомъ представительства, при которомъ правительственное назначеніе и общественный выборъ теряли то острое различіе, какое обыкновенно имъ придается. Такое безразличіе двухъ обыкновенно противодѣйствующихъ источниковъ полномочій объясняется свойствомъ тѣхъ правительственныхъ порученій, которыя по выбору общества или по назначенію правительства возлагались на земскихъ людей и исполнители которыхъ были призываемы на соборы. Эти порученія, какъ мы видѣли, были соединены не только съ личною, но часто и съ мірскою отвѣтственностью, что сообщало земскому самоуправленію совершенно особый характеръ. Если предоставленный земству въ XVI в. выборъ на должности по мѣстному управленію и

можно назвать правомъ, то это было право очень колючее, обоюдуострое: оно больше обязывало и пугало отвѣтственностью, чѣмъ уполномочивало и соблазняло властью. Вотъ почему далеко не всѣ земскіе міры воспользовались отданнымъ на ихъ волю самоуправленіемъ: неудобства, какія приносилъ съ собою правитель, назначенный правительствомъ, уравновѣшивались рискомъ отвѣтственнаго выборнаго управленія.

Тѣсная органическая связь соборнаго представительства съ мѣстнымъ управленіемъ, построеннымъ на личной отвѣтственности и мірской порукѣ, даетъ понять, для чего понадобилось оно правительству. Земскій соборный представитель и помимо собора былъ отвѣтственнымъ дѣльцомъ мѣстнаго управленія. Самая важная для правительства особенность такого дѣльца заключалась въ томъ, что его правительственная дѣятельность въ своихъ отправленіяхъ была гарантирована личною отвѣтственностью и общественнымъ поручительствомъ. Соборное представительство входило въ число этихъ отправленій; слѣдовательно, и соборный приговоръ, былъ ли онъ внушенъ земскими представителями правительству или, наоборотъ, долженъ былъ закрѣпляться такимъ же обезпеченіемъ, а такъ какъ на соборѣ старались соединить, по возможности, все облеченное властью, все руководившее въ разныхъ отрасляхъ мѣстнаго управленія и въ такомъ значеніи признанное самимъ обществомъ, то и отвѣтственность за исполненіе соборнаго приговора, принятая представителемъ, распространялась прямо или косвенно и на руководимые представителями мѣстные міры. Значитъ, общественная порука служила на соборѣ такимъ же приводнымъ ремнемъ, передававшимъ соборное обязательство представителей ихъ мірамъ, какимъ въ современномъ народномъ представительствѣ служатъ выборы, посредствомъ которыхъ народная воля передается избраннымъ, т.-е. избиратели заранѣе обязуются подчиняться закону, принятому депутатами. Повидимому, соборъ съ своими членами изъ гарантированныхъ зем-

ствомъ или гарантировавшихъ волю земства мѣстныхъ управителей только извилистымъ путемъ достигалъ того же, къ чему прямѣе ведутъ выборы спеціальныхъ депутатовъ въ народномъ представительствѣ. Однако, есть разница, происходящая отъ неодинаковаго способа передачи представительныхъ полномочій, и эта разница такова, что въ ней можно видѣть существенное отличіе древне-русскаго земскаго собора не только отъ законодательнаго, но и отъ совѣщательнаго собранія описанныхъ выше видовъ: въ послѣднихъ существенный моментъ, выражающій самую цѣль представительства, состоитъ въ передачѣ воли или мнѣнія общества представителямъ посредствомъ выборовъ, а въ первомъ, наоборотъ, такимъ моментомъ служила передача соборнаго обязательства представителей обществу посредствомъ общественной поруки. Получивъ отъ народнаго собранія согласіе народа на извѣстную мѣру или только принявъ во вниманіе его мнѣніе, правительство дѣйствуетъ уже своими собственными средствами; на земскомъ соборѣ правительство только для того и спрашивало о мнѣніи представителей, чтобы заручиться средствами исполненія, потому что члены собора именно и были главными исполнителями соборнаго приговора. Земскій соборъ XVI в. тѣмъ существенно и отличался отъ народнаго собранія, какъ законодательнаго, такъ и совѣщательнаго, что на немъ правительство имѣло дѣло не съ народными представителями въ точномъ смыслѣ слова, а съ своими собственными орудіями, и искало не полномочія или совѣта, какъ поступить, а выраженія готовности собранія поступить такъ или иначе; соборъ восполнялъ ему недостатокъ рукъ, а не воли или мысли. Соборъ XVI в. былъ, конечно, совѣщательнымъ, но не былъ вполнѣ народнымъ представительнымъ собраніемъ: это былъ, повторимъ еще разъ, не столько законодательный совѣтъ власти съ народомъ, сколько административно-распорядительный уговоръ правительства со своими органами,—уговоръ, главною цѣлью котораго было обезпечить правительству точное и повсемѣстное исполненіе

принятаго рѣшенія, и такой характеръ соотвѣтствовалъ его происхожденію: онъ родился не изъ политической борьбы, а изъ административной нужды. Поэтому, и главною частью соборнаго протокола можно признать сопровождавшія его рукоприкладства, которыми члены собора подтверждали, что они „на своихъ рѣчѣхъ государю крестъ цѣловали", какъ выразился лѣтописецъ о соборѣ 1566 года: этими подписями, сдѣланными собственноручно или за неграмотностью по довѣренности и приложенными къ соборному акту въ подлинномъ видѣ, либо въ систематическомъ перечнѣ дьяка, закрѣплялись и существенный моментъ соборнаго представительства, и его связь съ мѣстнымъ управленіемъ. Какъ дворяне Коломенскаго уѣзда, выбравъ изъ своей среды городового прикащика для города Коломны, подавали о немъ правительству „выборъ за своими руками", ручаясь за благонадежность выбраннаго, такъ и столичный дворянинъ первой статьи А. Ѳ. Щепотевъ, лучшій человѣкъ и походный предводитель, сотенный голова того же коломенскаго дворянства, въ этомъ качествѣ явившись на соборъ 1566 г., своею подписью подъ соборнымъ приговоромъ ручался за себя и за предводимое имъ общество въ томъ, что они готовы понести тягости, какія падутъ на нихъ въ силу этого приговора. Потому въ составѣ соборовъ XVI в. мало замѣтенъ выборный элементъ, если только онъ присутствовалъ. Первое прямое указаніе на его присутствіе встрѣчаемъ уже въ XVII в. Одинъ жившій въ Россіи иностранецъ, разсказавъ въ письмѣ 1605 г. о гибели сына царя Бориса, говоритъ далѣе, что по распоряженію перваго самозванца были созваны выборные отъ народа для засвидѣтельствованія этого печальнаго событія и имена выборныхъ были внесены въ списки на тотъ конецъ, чтобы въ случаѣ нужды они могли удостовѣрить, если бы кто сталъ выдавать себя за молодого царевича, что они видѣли его мертвымъ собственными глазами [1]. У такого

[1]) Русск. Истор. Библіотека, III, стр. 278; VIII, стр. 47.

состава собора была и своя особая цѣль: представительство по должностному положенію разсчитано было на то, чтобы призвать на соборъ наличныхъ отвѣтственныхъ исполнителей соборнаго приговора; призывъ выборныхъ имѣлъ цѣлью заставить само общество указать новыхъ такихъ исполнителей, когда въ нихъ нуждалось правительство. Но при различіи цѣлей основа представительства оставалась одна и та же: это порука представителей передъ правительствомъ въ исполненіи того, на чемъ они дали ему свои руки.

ПОПРАВКА. Въ концѣ статьи о составѣ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси, объясняя, почему въ составѣ соборовъ XVI вѣка мало замѣтенъ выборный элементъ, если только онъ присутствовалъ, я прибавилъ, что первое прямое указаніе на его присутствіе встрѣчаемъ уже въ XVII в. Именно одинъ жившій въ Россіи иностранецъ, разсказавъ въ письмѣ 1605 г. о гибели сына царя Бориса, говоритъ далѣе, что, по распоряженію перваго самозванца, «были созваны выборные отъ народа для засвидѣтельствованія этого печальнаго событія и имена выборныхъ были внесены въ списки на тотъ конецъ, чтобы, въ случаѣ нужды, они могли удостовѣрить, если бы кто сталъ выдавать себя за молодого царевича, что они видѣли его мертваго собственными глазами». Такъ гласитъ русскій переводъ итальянскаго письма неизвѣстнаго по имени иностранца, напечатанный въ издаваемой археографическою коммиссіей Русской Исторической Библіотекѣ (т. 8, стр. 74). Но по справкѣ съ подлинникомъ переводъ оказался не вполнѣ вѣрнымъ. О составѣ созваннаго тогда собранія подлинникъ говоритъ: tutti li principali del popolo si sono chiamati etc. По указанію знающихъ итальянскій языкъ, это выраженіе можно понимать въ томъ смыслѣ, что были созваны всѣ власти или старѣйшины, вообще лучшіе, выдающіеся люди народа.

значитъ, въ этихъ li principali del popolo скорѣе можно видѣть представителей, призванныхъ на соборъ по должностному положенію или общественному значенію, чѣмъ по спеціальному ad hoc мірскому выбору, и въ такомъ случаѣ это собраніе какъ по составу, такъ и по цѣли созыва было совершенно похоже на земскіе соборы XVI вѣка: властные или вліятельные люди были призваны, чтобы обязаться засвидѣтельствовать, когда это понадобится, фактъ, который они видѣли собственными глазами. Во всякомъ случаѣ, въ приведенномъ свидѣтельствѣ нельзя видѣть прямого указанія на выборный составъ собора 1605 г. Послѣ этого первымъ такимъ указаніемъ остается извѣстное свидѣтельство капитана Маржерета о другомъ соборѣ того же года, созванномъ недѣлями тремя позднѣе, на судъ котораго самозванецъ отдалъ кн. В. Шуйскаго, обвинявшагося въ распространеніи слуховъ объ его самозванствѣ. Капитанъ Маржеретъ, служившій тогда въ Москвѣ, въ иноземной гвардіи самозванца, пишетъ, что кн. Шуйскій fut accusé et convaincu en presence de personnes choisies de tous estats (по изданію 1669 г., стр. 127). Это извѣстіе слишкомъ лаконично, чтобы дать ясное представленіе о составѣ судившаго кн. Шуйскаго собора, но безспорно говоритъ о присутствіи выборныхъ на этомъ соборѣ: лица, выбранныя изъ всѣхъ чиновъ или сословій, едва ли могутъ значить что-нибудь другое.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

(Приготовлены къ печати А. А. Кизеветтеромъ).

Дополнительныя замѣтки къ тремъ послѣднимъ статьямъ, вошедшимъ въ составъ настоящаго сборника, помѣщены здѣсь въ видѣ приложеній въ виду того, что онѣ представляютъ большой интересъ, какъ по существу затронутыхъ въ нихъ вопросовъ, такъ и для освѣщенія хода научной работы В. О. Ключевскаго. Большинство этихъ замѣтокъ содержатъ въ себѣ либо варіанты, либо дальнѣйшее развитіе отдѣльныхъ мѣстъ первоначальнаго печатнаго текста статей, преимущественно тѣхъ мѣстъ, которые посвящены анализу различныхъ разновидностей несвободныхъ состояній въ древней Руси въ ихъ послѣдовательномъ развитіи и взаимоотношеніи. Сопоставленіе этихъ варіантовъ и дополненій съ соотвѣтствующими мѣстами первоначальнаго текста статей даетъ любопытный матеріалъ для изученія процесса научнаго творчества Ключевскаго, для обрисовки той настойчивой и необычайно-тонкой аналитической работы, которая непрерывно велась имъ по изслѣдованію юридическихъ институтовъ нашей древности.

Другая категорія замѣтокъ представляетъ собою цитаты и ссылки на документы. И здѣсь внимательный читатель найдетъ важныя указанія, освѣщающія изслѣдовательскіе пріемы Ключевскаго. Особенно любопытны указанія на документальную основу нѣкоторыхъ эффектныхъ заключеній покойнаго историка, которыя ранѣе почитались чисто апріорными его домыслами. Въ этомъ отношеніи обращаемъ вниманіе читателей, напр., на тѣ цитаты, которыми авторъ подкрѣпляетъ свое извѣстное толкованіе термина «смольняне» въ статьѣ о «Составѣ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси».

Особый характеръ носитъ заключительная приписка В. О. Ключевскаго къ статьѣ о представительствѣ на земскихъ соборахъ. Эта приписка приподнимаетъ завѣсу надъ тѣми интимными переживаніями, которыя испытывалъ знаменитый историкъ вдумываясь въ наше историческое прошлое, и которыя онъ съ истиннымъ цѣломудріемъ объективнаго ученаго не считалъ возможнымъ вносить въ текстъ своихъ научныхъ трудовъ. Въ этой короткой, но столь характерной для Ключевскаго замѣткѣ не слышится ли автобіографическій намекъ на ту суровую самодисциплину, при помощи которой онъ во имя научнаго объективизма побѣждалъ въ себѣ безотчетное желаніе перенести въ родную старину собственные политическіе идеалы и симпатіи?

Кромѣ дополнительныхъ замѣтокъ автора къ

отдѣльнымъ статьямъ настоящаго сборника въ приложеніяхъ печатается еще нашедшійся въ бумагахъ В. О. Ключевскаго довольно большой подборъ всякаго рода выписокъ, цитатъ и замѣтокъ, относящихся до занятій В. О. Ключевскаго исторіей крѣпостного права. (Приложеніе IV).—Это какъ бы отрывокъ изъ черновой, рабочей тетради автора. Есть полное основаніе предполагать, что дальнѣйшая разборка бумагъ покойнаго историка дастъ рядъ еще и другихъ находокъ того же рода, которыя со временемъ также могутъ быть опубликованы. Печатаемое теперь извлеченіе изъ черновыхъ бумагъ В. О. Ключевскаго представляетъ интересъ съ той точки зрѣнія, что оно вводитъ насъ, хотя отчасти, въ лабораторію историка. Цитаты и ссылки, собранныя въ этихъ записяхъ, освѣщаютъ до нѣкоторой степени то, какъ велъ В. О. Ключевскій подборъ матеріаловъ для опредѣленной темы. Большинство этихъ ссылокъ будетъ ясно для всѣхъ читателей. Лишь въ немногихъ случаяхъ мы сочли необходимымъ въ примѣчаніяхъ раскрыть слишкомъ сокращенно сдѣланныя ссылки. Цитаты и ссылки мѣстами перемежаются небольшими разсужденіями, въ которыхъ авторъ либо полемизируетъ съ представителями противоположныхъ воззрѣній, либо излагаетъ собственныя соображенія по затрогиваемымъ имъ вопросамъ. Замѣтки полемическія интересны въ особенности потому, что въ своихъ печатныхъ произведеніяхъ В. О. Ключевскій за самыми немногими исключеніями совершенно воз-

держивался отъ полемики. Замѣтки второго рода имѣютъ большое значеніе, такъ какъ въ нихъ высказаны интересныя и оригинальныя соображенія по различнымъ спеціальнымъ вопросамъ изъ исторіи возникновенія крѣпостного права; такова, напр. замѣтка о значеніи «крестьянской старины».

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Помѣты, вставки и цитаты въ текстѣ авторскаго экземпляра статьи: «Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи».

Стр. 215, строки 9—13. *Помѣта.*

.... Въ другомъ мѣстѣ авторъ утверждаетъ, что проводимый въ Уложеніи взглядъ на поземельную крѣпость основанъ на мысли, впрочемъ, не выраженной прямо и положительно: «крестьянинъ принадлежитъ землевладѣльцу“. Личная крѣпость.

Стр. 219, строки 25—28. *Варіантъ.*

.... Эта попытка выразилась въ законѣ 15 февраля 1827 г., предписывавшемъ, чтобы у помѣщика вообще въ пользованіи крестьянъ, поселенныхъ на его землѣ, находилось не менѣе $4^1/_2$ десятины земли на душу;

Стр. 225, строки 6—11. *Помѣта.*

... Не говоря о политическомъ способѣ обращенія въ рабство по судебному приговору за извѣстное преступленіе, можно сказать, что Русская Правда знаетъ только два гражданскихъ источника холопства: продажу и безусловное вступленіе въ личное услуженіе (по тіунству и по ключу «безъ ряду»). Плѣнъ.

Стр. 225, строки 19—24. *Помѣта.*

..... Личная зависимость закупа создавалась заемнымъ обязательствомъ, которое состояло въ обязательной работѣ закупа на хозяина заимодавца до уплаты долга. Перечисляя источники холопства, Русская Правда прямо говоритъ, что они установляютъ холопство обѣльное, т.-е. полное....

... вы-
...па.

Стр. 231, строка 32. *Вставка.*

...... однако положеніе осиротѣлой семьи холопа по смерти заимодавца, повидимому въ кабалахъ не опредѣлялось;

Стр. 237, строки 30—34. *Помѣта.*

.... вслѣдствіе преждевременной смерти отца дѣти докладного холопа н о п р а в у не могли получить свободы и, какъ потомки купленнаго холопа, попадали въ вѣчную неволю, изъ которой могла ихъ вывести только милость господина.

Некому вывести изъ неволи.

Стр. 239, строка 6. *Вставка.*

.... Въ 1560 г. казначеи, докладывая царю о томъ, что господа ищутъ по служилымъ кабаламъ денегъ или службы за ростъ, но холопамъ нечѣмъ платить заемныхъ..............

Стр. 239, строка 17. *Вставка.*

..... Царь указалъ несостоятельныхъ кабальныхъ выдавать до искупа, запретивъ имъ продаваться въ полные и докладные, т. е. указалъ оставлять ихъ въ кабальномъ холопствѣ до расплаты или отработки, не переводя въ болѣе тяжелую неволю.

Стр. 239, строка 27. *Варіантъ.*

.... законъ дозволялъ кредитору продать жену и дѣтей выданнаго головой должника навсегда или на извѣстное число лѣтъ......

Стр. 240, строки 20—31. *Вставка и помѣты.*

.... Законъ не предписывалъ, чтобы кабальная служба всегда непремѣнно продолжалась только до господской смерти; онъ только давалъ норму для разрѣшенія спорныхъ случаевъ и запрещалъ продажу и закладъ кабальныхъ дѣтей. По полюбовному уговору сторонъ кабальный могъ по смерти господина служить его семьѣ, по волѣ господина могъ выйти на волю раньше его смерти. Пушкинъ въ духовной, писанной въ сентябрѣ того же 1597 г., считалъ себя

Но съ новой кабалой?

въ правѣ написать: людей моихъ кабальныхъ во дворѣ и въ деревняхъ всѣхъ отпустити на свободу, опричь тѣхъ, которыхъ я приказывалъ женѣ моей по ея животъ.

...хъ со-...сія? ...новой ...алѣ?

Стр. 241, строки 9—15. *Помѣта.*

Такъ, одно изъ послѣдствій прежняго источника кабальнаго холопства, личная служба за ростъ, незамѣтно само превратилось въ источникъ холопства: прежде крѣпила долговая ссуда, соединенная съ личной службой должника; теперь возникла мысль, что можетъ крѣпить личная служба во дворѣ сама по себѣ, независимо отъ ссуды.

Законъ о безкабальной службѣ 1555 г. Буд.*) 3, 5.

Стр. 242, строки 27—31. *Цитата.*

.... Въ томъ же году боярскимъ приговоромъ возстановленъ былъ законъ 1597 г. о шестимѣсячномъ срокѣ давности для превращенія безкабальной службы въ кабальную, а Уложеніе сократило и этотъ срокъ на половину; но въ Уложеніе попалъ и законъ 1555 г. ....

...Х, ...7. **).

Стр. 244, строки 30—31. *Цитата.*

.... Противъ такого взгляда былъ интересъ господъ, нашедшій себѣ выраженіе въ мысли о законномъ срокѣ давности добровольной службы........

Ул. XX, 30.

Стр. 252, строки 26—33. *Цитата.*

.... 6) Закладныя. Олеарій, воспроизводя московскія отношенія первой половины XVII вѣка, пишетъ, что несостоятельные должники могли за долги закладывать кредиторамъ своихъ дѣтей, зачитывая по 10 талеровъ въ годъ за работу сына и по 4 талера за работу дочери.

Уло-...нію ..., 40.

Стр. 267—268, строки 34—2. *Помѣта.*

.... Этимъ объясняется явленіе, которое становится замѣтно во второй половинѣ XVI вѣка: крестьянское право выхода замираетъ само собою безъ всякой законодательной отмѣны его, прямой или косвенной.......

Вслѣдствіе задолженности ихъ.

*) Владимірскій-Будановъ—Христоматія по исторіи русскаго права.

**) Уложеніе 1649 г.

Стр. 270, строки 25—29. *Цитата.*

Бул. 3, 168. Съ начала XVII вѣка дѣйствовалъ пятилѣтній срокъ, закономъ 1607 г. былъ установленъ 15-тилѣтній срокъ, какому подлежали всякіе иски по обязательствамъ.........

Стр. 274, строки 2—11. *Цитата.*

.... восторжествовалъ тотъ взглядъ, что владѣльческихъ крестьянъ нельзя вывозить безъ согласія ихъ владѣльцевъ. Этому взгляду давалъ нѣкоторую опору настойчиво повторявшійся во второй половинѣ XVI вѣка запретъ землевладѣльцамъ, получавшимъ отъ правительства податныя льготы для успѣшнѣйшаго заселенія пустыхъ земель,
А. И. 2 р. 74. перезывать на эти пустоши тяглыхъ крестьянъ, хотя этотъ запретъ имѣлъ въ виду не столько владѣльческихъ, сколько черныхъ казенныхъ крестьянъ. На томъ же взглядѣ стали и ноябрьскіе указы 1601 и 1602 гг.

Стр. 288, строки 1—7. *Помѣта и вставка.*

..............Сохранилась одна порядная 1628 года, въ ко вольный человѣкъ обязуется «за государемъ своимъ жить въ к
За ссуду жить вѣчно Дьякон. № 62 *). янехъ по свой животъ безвыходно». Въ одной ссудной года крестьяне, обязуясь въ случаѣ самовольнаго ухода тить монастырю за подмогу и льготу, прибавляютъ «и впредь мы Ти монастыря крестьяне».

Стр. 290, строки 13—16. *Помѣта.*

.... Господскую власть надъ личностью крестьянина онѣ опредѣляютъ какъ совокупность правъ хозяйственнаго распоряженія крестьяниномъ, т. е. его трудомъ. Тру не зе

Стр. 295, строки 22—24. *Вставка.*

Въ обычныя условія служилой кабалы и жилой записи не входили отношенія господина къ имуществу холопа.

Стр. 299, строки 9—17. *Цитаты.*

.... Но Уложеніе допускаетъ случаи, когда животы отрывались отъ крестьянина. Если при-

*) М. Дьяконовъ, Акты, относящіеся къ исторіи тяглаго населенія въ Мо скомъ государствѣ, вып. I, № 62: порядная запись вольнаго человѣка съ обяза ствомъ жить за монастыремъ „вѣчно“.

6 *). нявшій бѣглаго крестьянина по иску его владѣльца сознавался въ пріемѣ, но показывалъ подъ присягой, что принялъ его безъ животовъ, животы бѣглеца не выдавались вмѣстѣ съ нимъ его владѣльцу. Далѣе, бѣглая крестьянская дочь, вышедшая въ бѣ-
12. гахъ за крестьянина чужого владѣльца, выдавалась своему вмѣстѣ съ мужемъ; но животы послѣдняго оставались у его прежняго владѣльца.

Стр. 309, строки 3—7. *Вставка.*

...... наконецъ, кабальная старина подъ вліяніемъ тягла переродилась въ старину писцовую, т. е. въ наслѣдственную власть владѣльца надъ потомствомъ записаннаго за нимъ крестьянина, обусловленную обязанностью его хозяйственнаго обзаведенія.

Стр. 309, строки 28—30. *Вставка.*

2) Съ половины XVI вѣка, вмѣстѣ съ развитіемъ частнаго землевладѣнія, усилилась и задолженность крестьянъ своимъ владѣльцамъ и ссуда стала почти общимъ условіемъ поземельныхъ крестьянскихъ договоровъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Дополнительныя цитаты и помѣты въ текстѣ авторскаго экземпляра статьи: «Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи».

Стр. 319, строки 13—29. *Цитаты.*

............Несмотря на это, именными указами предписано было провѣрку сказокъ «все конечно» кончить въ 1723 г. и самимъ ревизорамъ къ новому году вернуться въ столицу, «понеже по указу Его Величества съ предбудущаго 1724 г. подушный сборъ за- № 4340**).
чнется». Ревизоры, однако, къ новому году не вернулись и заранѣе донесли сенату, что къ 1724 г. своего дѣла они не кончатъ; указомъ 14 № 4413.
января 1724 г. имъ назначенъ былъ крайній срокъ въ мартѣ. Несмотря на то, не только въ мартѣ, но еще и въ маѣ сенатъ продолжалъ раз-

) Уложеніе.

) Эти и всѣ послѣдующіе номера означаютъ ссылки на Полное ...іе Законовъ.

сылать разъясненія и дополнительныя инструкціи ревизорамъ, не у
нимъ покончить своихъ работъ въ губерніяхъ. Пришлось отказатьс
надежды начать правильный подушный сборъ съ 1724 г., и сенатъ
№ 4503. зомъ 19 мая отложилъ его до 1725 года.

Стр. 319, выноска подъ строками. *Дополнительная цитата.*

(П. С. З., №№ 4335, 4139, 4145, 4162, 4294, 4229, 4224, 4332, 4340, 44
4485, 4515), но мѣстами съ 1724. Горч. влад. 545 *).

Стр. 321, подстрочная выноска I-я. *Вставка.*

П. С. З., № 4503.

19 мая 1724 (указъ царя въ сенатѣ 1 мая) роспись, сколько на какую губернію и какихъ душъ, стр. 283.

Стр. 324, строки 3—6. *Помѣта.*

...... Петръ въ своихъ многочисленныхъ указахъ о первой ревизіи не разъяснилъ порядка разверстки этого налога, и подушная подать была понята въ самомъ буквальномъ смыслѣ; ее не только разсчитывали въ податныхъ росписяхъ, но и раскладывали при самомъ сборѣ прямо по ревизскимъ душамъ, а не по работникамъ......... Уравне

въ под
номъ сб
по сост
нію
жданъ
Инстр.
гистрат
1724 г.
18, 180

Стр. 315, подстрочныя выноски. *Дополн. цитаты.*

Къ 1) Горчак. влад. 545.
Къ 2) № 4534 (VII, стр. 318) сборъ и расходованіе.

---

*) Это ссылка на книгу Горчакова: «О земельныхъ владѣніяхъ россійскихъ митрополитовъ, патріарховъ и св. Синода“.

Стр. 413, строки 5—15. *Цитаты.*

Согласно съ этимъ измѣненъ законъ 31 марта 1700 г. о пріемѣ въ солдаты вольноопредѣляюя холоповъ: указомъ 17 марта 1722 г., когда въ подушный окладъ VI, 518.
лялись уже всѣ сельскіе дворовые, велѣно было написанныхъ въ скія сказки дворовыхъ въ солдаты не принимать. Но и это разлиоказалось неустойчивымъ: законъ не запрещалъ владѣльцамъ перетъ городскихъ дворовыхъ въ свои сельскія усадьбы, а сельскихъ хоъ въ городскіе дворы. Поэтому рѣшено было уравнять всѣхъ хоъ въ обѣихъ повинностяхъ, воинской и податной. Указомъ 4 ап- VI, 672².
того же года дозволялось принимать въ солдаты всѣхъ дворовыхъ ....

Стр. 414, строки 14—19. *Цитата.*

.... Такимъ значеніемъ объясняется юридическій смыслъ тѣхъ ревизскихъ указовъ, которые обязывали вольныхъ
715. людей записываться въ подушный окладъ за тѣми, на чьихъ земляхъ ихъ заставала ревизія или кто соглашался принять ихъ на свою отвѣтственность.......

Стр. 411, подстрочная выноска 2-я. *Дополн. цитата.*

П. С. З., VI, 358² V, 595.

ПРИЛОЖЕНІЕ III.

Помѣты, вставки и цитаты въ текстѣ авторскаго экземпляра статьи: «Составъ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси».

Стр. 451, строки 11—16. *Помѣта.*

Все это приводитъ огадкѣ, что дворянскихъ представителей подбирали на соборъ, между нимъ, по ихъ мѣстному значенію, по ихъ положенію среди силыхъ землевладѣльцевъ тѣхъ уѣздовъ, гдѣ находились вотчины или помѣстья.

А не по количеству ли уѣздныхъ мобилизаціонныхъ сотенъ?

Стр. 464, строки 32—34. *Помѣта.*

.... Есть основаніе думать, что и подъ смольнянами соборный актъ 1566 г. разумѣлъ не купцовъ г. Смоленска, а особый разрядъ столичнаго московскаго купечества.......

Стр. 476. *Приписка.*

Земское представительное собраніе въ Москвѣ XVI в! Цѣлый рой заманчивыхъ политическихъ представленій поднимается при этихъ словахъ и всего болѣе отрады доставляетъ изслѣдователю возможность помѣстить эти представленія въ XVI в., въ умахъ москвичей того отдаленнаго времени и поклониться этимъ умамъ, умѣвшимъ додуматься до такихъ возвышенныхъ представленій. А что если тамъ ничего такого не было и изслѣдователь поклоняется дѣлу собственныхъ рукъ, имъ сотворенному кумиру или, что еще хуже, своему собственному призраку?

---

*) На стр. 323 тома I Акт. Археогр. Экспед. помѣщена таможенная новгородская грамота 1571 г. марта 17 (№ 282). Ссылка относится къ слѣдующимъ словамъ грамоты: „а изо всѣхъ городовъ московскіе земли, изо всѣхъ городовъ и изъ волостей тверскіе земли и Смолнянинъ которые на Москвѣ и въ Смоленскѣ живутъ...“ и т. д.

Въ томъ же томѣ № 223—царская грамота въ Дмитровъ 1549 г. іюня 4. Ссылка относится къ слѣдующему мѣсту грамоты: „да, въ Дмитровъ же деи и на Кимру и въ Рогачово пріѣзжаютъ торговати сведенцы Смолняне паны Московскіе, Тима Смываловъ да Ѳедко Кадигробовъ съ товарищи...“

Стр. 476. *Помѣта предъ текстомъ II главы.*

Борисъ требовалъ на соборъ отъ города по 8 или 10 чел. Маржер. у Устр. 22.

Стр. 424, строки 7—87. *Вставка.*

.... Гости, очевидно, были призваны на соборъ поголовно по своему званію, сколько можно было ихъ тогда призвать: ихъ и въ XVII в. бывало немного..........

Стр. 494, строка 18-я. *Поправка.*

Вм. слова соборные—выборные.

Стр. 500, *Помѣтки предъ текстомъ III главы.*

А. А. Э. I, р. 262². Буссовъ I, С. Маржер. 22.

Стр. 516, строки 31—34. *Цитата*).*

.... Земскіе міры въ
ремя пользовались уже правомъ выступать истцами передъ централь- I Суд. р. 45.
ь правительствомъ противъ кормленщиковъ.

Стр. 519, строки 20—24. *Цитата.*

выя извѣстныя грамоты о введеніи губныхъ учрежденій, относящіяся къ
году, показываютъ, что мыслью о передачѣ важныхъ дѣлъ мѣстнаго Бѣлоз. Губ.
вленія въ руки мѣстныхъ обществъ правительство занято было еще Гр. Будан.
алолѣтствѣ Грознаго. 2, 100 пр.

*) Предъ этими цитатами написано: Гражд. отвѣтственность 147; 147 означаетъ страницу оригинальнаго изданія (Русск. М. 1892 г. кн. I), заключавшую въ себѣ стр. 510 отъ 14-й строки) и 511-ю (до строки 33-й) настоящаго изданія.

Стр. 55. *Помѣты предъ текстомъ.*

Беръ и Маржеретъ о соборѣ 1598 г. Дума 1605 г. Гос. Гр. и Дог. II, 207. Ник. о соборѣ 1598.

Стр. 551, строки 1—4. *Цитата.*

.... Капитанъ Маржер
Сказ. о Д. служившій тогда въ Москвѣ, въ иноземной гвардіи самозванца, пишетъ
С. 88 *). кн. Шуйскій fut accusé et convaincu en presence de personnes choisies
tous estats......

ПРИЛОЖЕНІЕ IV.

Примѣчанія на авторскомъ экземплярѣ статей.

Платежъ за крестьянъ Проис. III, 33, Тетр. IV, р. 18, № 1. Итоги 38і. Задворные ib. 44.

Прежде при сошномъ обложеніи какая доля сошнаго оклада падаетъ на каждую наличную платежную единицу—дворъ.

Прежде черезъ дворы облагалась пашня, теперь черезъ пашню облагались дворы.

Писцовая укрѣпляла къ мѣсту по состоянію крестьянина, какъ тяглеца, а ссудная—къ лицу по мѣсту записи; полицейская тенденція сталкивалась съ владѣльческой.

Земля исчезала изъ подъ ногъ крестьянина, какъ основа его положенія въ государствѣ, и онъ оставался висящимъ на ссудной записи и платежной отпискѣ помѣщика. Ссудная укрѣплялась тяглымъ участкомъ, а тягло обезпечивалось ссудной крѣпостью.

Челядь—Очерки Мансвет. 93.

Кабальные люди въ селѣ Чт. О. И. 1888, кн. 4, 88.

Иски о крестьянствѣ ib. 1884, кн. 4, смѣсь.

Продажа крестьянъ безъ земли. Лебед. Собр. акт. Бѣляева стр. 70.

*) Устряловъ. Сказанія о Димитріи Самозванцѣ.

О рабскомъ житіи Посошковъ въ завѣщаніи стр. 178.

О челяди Статутъ Лит. 1529 г. раздѣлъ XI, 1566 г. разд. XII.

Закладъ женъ Мак. Ист. Ц.*) II, 38.

Одерноватые въ Новгородѣ Костом. Народопр. 2, 33.

О рабахъ Ист. Пок.**) 414 и сл.

Ѳеодосій Косой—родомъ моск. холопъ. Ист. Пок. 934.

„Пословица" на литерат. языкѣ XVI в. Ист. Показ. стр. XI.

О дворовыхъ Крижан, 162. Олеарій Зкн. 188.

Адріановъ.—Къ вопросу о крестьянскомъ прикрѣпленіи Ж. М. Н. Пр. 1895, № 1.

Павловъ-Сильванскій. Люди кабальные и докладные—ibid.

Запись въ крестьяны (Шуя) Чт. О. И. 1847 № 5, смѣсь.

Отмѣтки на пам. отречен. лит. и Труд. Ряз. Архивн. Ком.

Крѣпостное право въ народныхъ пѣсняхъ Р. Стар. 1886 г. февр. и мартъ.

Смердъ-селянинъ Кирикъ 89.

Призывъ въ государеву слободу кабальныхъ и въ 1572 г. оставшихся послѣ убитыхъ въ разгромѣ? П. С. Лѣт. 3, 174.

— Два момента закрѣпленія крестьянъ: 1) превращеніе безсрочной порядной въ вѣчность крестьянскую неуплатой ссуды и пожилого, 2) старина посредствомъ пріема родившимся въ вѣчности обязательствъ отца.

— Попытки сравнить кабальныхъ съ полными Будан. Христ. 3, стр. 113 п. 51.

— И докладные подобно кабальнымъ по смерти господъ на волю. ibid. 112.

Приговоръ бояръ о порядкѣ укрѣпленія Дворц. Разр. IV, 875.

— Задворные Карповича Н. С. 3. столб. 143 п.

*) Исторія церкви м. Макарія.

**) Ссылка на сочиненіе Зиновія Отенскаго „Истины показаніе".

— Крестьянъ не выводить и не выпускать до указу. Акты Левш. № 1.

— Переписная кабальныхъ—отмѣтка на Опис. докум. Моск. Арх. Юст. I № 151.

— Запись въ крестьяне. Чтенія 1847, № 5, смѣсь.

— Кабальные наравнѣ съ полными передаются завѣщаніемъ мачехѣ Тр. а. 641.

— Крестьянъ старинныхъ насильствомъ выводили волостью крестьяне Тр. а. 523. Отпускъ крестьянина при продажѣ пустоши (ibid. 522) въ 1622. Ссуда уже прикрѣпляла 621.

— О дворовыхъ гл. 26 Домостроя въ Чтен. О холопствѣ и крестьянской ссудѣ 79 и 81. 84 гл. 32.

— Виды холопства у Котоших. стр. 93, 31.

— Поручныя по крестьянахъ. А. Ю. № 290, VIII и др. Ср. № 304, III, прикрѣпленіе къ посаду.

— Записи полныхъ въ Новгородѣ. А. Э. I. стр. 231[2] и 223[2].

— Земскій приговоръ 1611 г. о крестьянахъ Сол.*) 8, 434.

— Кабальные въ селѣ. Чтен. О. И. и Др. 1888, IV, 88. Переписная кабальныхъ въ Описан. Арх. Ю. I, № 151.

— П. С. З. № 329, I, p. 571; дворовые люди церковныхъ и государевыхъ служилыхъ людей, которые торгуютъ на Москвѣ и въ городахъ и въ уѣздахъ, платятъ пятую деньгу—Указъ 2 ноября 1662 г. наравнѣ съ крестьянами и пр.

— Жить по записи а не во крестьянѣхъ. Десятня Мценская 1622 г. стр. 4.

— О священствѣ рабовъ посланіе патріарха 1228 г. Макар. 3, 234.

— Дѣла о рабахъ въ патріаршемъ Разрядѣ А. Э. IV, № 155 и 309.

— Ивашка Пересвѣтовъ Крмзн. IX, прим. стр. 289.

---

*) Соловьевъ. Исторія Россіи.

— Въ отвѣтъ Буданову: вопросъ не о датѣ закона, а объ ист. происхожденіи нормы крѣп. права на крестьянъ. Законъ могъ быть и въ 101 г., но 1) удался ли, 2) откуда взялся?

— Задворье Врем.*) 6, 97. Тр. акты № 421.

— Заклады женъ Сол., IX, 449.

— Выдача крестьянина за убитаго ibid.

— Жалобы рабовъ на господъ въ Патр. Разрядъ А. Э. IV, № 155.

— Служилые по отечеству въ крестьянствѣ П. С. З. З., 476—7.

— Выходъ крестьянъ массами 1578 г. А. И. I, стр. 366.

— Церковь противъ холопства Пр. Соб. 1860—5, стр. 184.

— Духовные изъ несвободныхъ. Д. А. И. 5, № 102, стр. 490. П. С. З. № 412.

— Рядный списокъ—крѣпость и др. и дѣти б. на частной службѣ Писц. Калач. 2, 181—194 конца XVI в. стр. 141.

— Гдѣ писали полныя и докладныя С. г. гр. I, 397.

— Закладчики Тр. а. Балахна.

— Костромитинъ—Шуйскаго холопъ А. И. 2, р. 178. Сельцо изъ старин. и кабальнаго. Мой словарь, налоги—оборот.

— Запретъ перехода частный въ XV в. А. Ю. 145.

— Крѣпости и ссуда крестьянъ П. С. З. III, стр. 430.

— О задворныхъ отмѣтки на Извлеч. Замысловскаго **).

— Закладень—Иванова О межеваніи въ Россіи, словарь 131.

— О рабахъ въ Римѣ Ешев.***) I, 351 и 474.

— Право продажи дѣтей въ XI в. Голуб.****) I.,520, пр. 110.

— Выпускъ со жребія въ XVI в. Р. Бесѣда 1858, II, крит. II.

*) Временникъ Общ. Ист. и Др.

**) Извлеченія изъ переписныхъ книгъ, сост. Замысловскимъ.

***) Ешевскій.

****) Голубинскій—Исторія церкви.

Кабалы по Сильвестру А. Э. I, стр. 249.

— Посланіе Іосифа о рабахъ. Доп. А. 1, № 213.

— Закупни Лит. Руси Ил., 3, 83 по Стат. 1529?

— Одерноватый хлѣбопашецъ на мѣсячинѣ А. Э. 1, № 32.

— Вольноотпущенные—Труды Ряз. Уч. Комиссіи 1890, № 8. 3, 23.

— Палицынъ о дворянахъ во дворахъ вельможъ. Крмз. XI. пр. 186. Буд.

— Вѣчность — положеніе по происхожденію, наслѣдственное. Улож. 19, 1. Пожизненное Котош. 78.

— Документы въ приложеніяхъ у Побѣдоносцева.

— Закладчики—за долги отданы Сол. 18, 179і.

— О рабахъ по церк. суду А. Э. 4, р. 206.

— Задворные несутъ воинскую повинность по книгамъ 186 г. А. И. 5, № 29.

— Соловьевъ о жилой записи 14, 82.

— Усиленіе холопства при царѣ Θедорѣ—причина законодательной разработки института Авр. Пал. 12—13.

— Когда начались служил. кабалы Забѣл. Мининъ и Пожарскій 201 Сл. Тат. Суд. § 106.

— Татищевъ о законѣ Шуйскаго 1, 531.

— О кабалахъ и ссудныхъ П. С. 2, 313 р.

— О рабахъ Герберштейн. 76: продажа дѣтей и кабалы.

— Сл. съ служилой кабалой заемную у Флетчера 45: служба за ростъ послѣ срока безъ срока.

— Взглядъ 1840-хъ г. на крѣпостного, какъ вещь, собственность владѣльца. Сухомл., Истр. Р. Академіи V, 230.

— Отдача крестьянина безъ земли за долгъ. Горчак. Владѣн.*) Прил. 146, 136 на двор. 128, 126, 91 бѣглые. Текстъ 438, п.

— Посадка вольныхъ во крестьяне—десятина ржи. іb. 89. Стѣсненіе семейныхъ раздѣловъ 178. О вывозѣ крестьянъ пр. іb. 372, п. 2. Передача жеребьевъ іb. 378, п. 1 и 2: какой № книги?

*) Горчаковъ „О земельныхъ владѣніяхъ росс. митроп." и проч.

— По робѣ холопъ—Михалонъ 471.

— Обложеніе дворовыхъ Млк. 259 *).

— Запись въ крестьянство Чтен. О. И. 1847, № 5, смѣсь 23.

— Дѣловые и задворные. Ворон. писц. книги, т. 2, 261.

— О непереводѣ крестьянъ съ вотчин. на помѣстн. земли ук. 13 дек. 1680. П. С. З. 2, р. 287.

— Отдача зарубежныхъ выходцевъ въ крестьянство и насильств. закабаленіе воеводами въ Псковѣ П. С. Лѣт. 4, 334—1631 г.

— Возвратъ бѣглыхъ для уравненія въ податяхъ черныхъ крестьянъ А. И. т. 3, р. 458.

— Стрѣл. хлѣбъ въ ук. 24 сент. 1688 г. съ задворныхъ и дѣловыхъ. А. Э. 4, № 299 по переписнымъ 186 г.

— Замѣстительство на участкѣ и выдѣленіе новыхъ дворовъ. А. И. 3, № 211.

— Кабальные въ 1566 г. вмѣстѣ съ докладными Чт. О. И. 1892, 3, смѣсь, № 1.

— Взглядъ Кривцова (5 февр. 1842) на крѣпостныхъ и казенныхъ крестьянъ—(противъ палат(ы) гос. имуществъ). Записка въ бумагахъ кн. М. Гр. Голицына. Ркп. Рум. музея № 1035, Сухомл. Ист. Рос. Ак. 5, 230.

— Грибовскаго, О состояніи крестьянъ господскихъ въ Россіи. *Харьк.* 1816: до поры рабство и власть господъ необходимы. Власть сія замѣняетъ часть власти полицейской въ государствѣ (докторъ обоихъ правъ).

— Перри—о склонности къ рабству московитовъ. Ceux sont nés libres, mais pauvres, se vendent avec toute leur famille pour peu de choses et ils ne font pas difficulté de se vendre encore une fois aprés avoir recouvrée leur liberté par la mort de leur maitre ou par quelque autre occasion (сословіе кабальныхъ).

— Прв. мысль, будто зло крѣпостного права не въ не-

*) П. Милюковъ, Государственное хозяйство и реформа Петра Великаго.

достаткѣ свободы крѣпостныхъ, а въ излишествѣ своеволія владѣльцевъ («не въ закрѣпощеніи крестьянъ, а въ свободѣ и своеволіи помѣщиковъ, которое превращало законное закрѣпощеніе въ незаконное рабство»)—М. Вѣд. 92 г. № 336.

— Ограниченіе права крестьянскаго перехода не касается исторіи крѣпостного права на крестьянъ: оно не давало помѣщику никакого новаго права на крестьянина, а стѣсняло права того и другого въ пользу кого-то третьяго (государства), одного права уйти, другого права сослать; оно не прикрѣпляло крестьянина къ землевладѣльцу, а приковывало обоихъ другъ къ другу.

— Указъ 1597 г. о возвратѣ бѣглыхъ не лишалъ крестьянина права въ пользу помѣщика, а только возстановлялъ обязательство, нарушенное побѣгомъ —работать за долгъ, ибо предполагалось, что онъ не можетъ его уплатить: еслибы могъ уплатить, не былъ бы и бѣглымъ. По указу о кабальномъ холопствѣ того же года хозяинъ могъ не принять выкупа, могъ и отпустить холопа даромъ.

— Старина крестьянская, вѣроятно, была юридическимъ уравновѣшеніемъ въ пользу помѣщиковъ права давности крестьянскаго побѣга (по указу Шуйскаго 15-лѣтней): если продолжительный самовольный побѣгъ превращался въ законный уходъ, то и продолжительное добровольное непользованіе правомъ ухода превращалось въ добровольный молчаливый отказъ отъ права уходить, какъ сверхсрочное держаніе кабальнаго безъ кабалы считалось молчаливымъ согласіемъ отпустить холопа, когда ему вздумается уйти. Если давность могла снимать обязательство крестьянина, то она же могла давать право и владѣльцу; признаніе за одной стороной права отказываться отъ уплаты долга возмѣщалось признаніемъ права отказа въ пріемѣ уплаты, какъ хозяинъ кабальнаго могъ не принять отъ него выкупа.

— Юридическій составъ крѣпостного права въ XVIII в.

становился проще по мѣрѣ осложненія его правами судебными, полицейскими и обязанностями экономическими; владѣлецъ крѣпостной личности закрывался попечителемъ крѣпостной души.

Послѣ Судебника указомъ 1556 г. узаконено и плѣнникамъ быть въ холопяхъ токмо до смерти господина кромѣ женившихся на рабахъ ихъ; послѣдніе оставались въ холопяхъ и дѣти ихъ вѣчно. Голиковъ, XIII, 301 (2 изд.).

Въ 192 г. крестьянинъ стольн. Ан. Ильича Безобразова Игошка Нижегородской вотчины села Маликова билъ челомъ, что прикащикъ Ѳедька набавилъ на него тягла къ полосмухѣ еще осмуху, что ему не въ мочь, человѣчейцо онъ одинокой и безсемейный, работать не съ кѣмъ.—Ѳедька сказываетъ: „Тебѣ онъ, государю, не крѣпокъ де“, а за нимъ твоя боярская крестьянка. На оборотѣ: Сыскать всѣми крестьяны буде Ѳедька находитъ на Игошку не дѣломъ и гритъ, что онъ мнѣ не крѣпокъ, за то его бить кнутомъ нещадно, только лишь чуть душу въ немъ оставить. Старосту за воровство ржи барской бить кнутомъ, а рожь на немъ доправить (50 четв.). Крестьяне села Маликова били челомъ 192 г. Есиповъ оттягалъ нашу землю въ двухъ поляхъ и съ сѣнными покосы и разорилъ насъ и заставилъ съ ребятишки въ мірѣ шататься. Дрова покупаемъ дорого у дворцовой Мордвы, и скотины нѣтъ и недородъ, погибаемъ студеною и голодною смертью. Просятъ досмотрѣть ихъ домишекъ и животишекъ; вели намъ быть на оброкѣ противъ нашей мочи, а пахать намъ стало нечего; просятъ отмѣнить винное сидѣнье, моск. и симб. подводы и подужныя деньги и мяса свиныя и Століовой запасъ и „вели съ насъ должной оброкъ имати противу нашея мочи“ и прикащика перемѣнить. Подписался попъ за дѣтей духовныхъ, кои въ челобитной имена писаны, а такихъ 6 съ прибавкой: и всѣ сироты твои. Помѣта: „Сыскать, всѣ ли крестьяне ту челобитную писали, а будетъ скажутъ, что они про эту чело-

битную не вѣдаютъ и не писывали, бить того крестьянина, который челобитную писалъ, нещадно, только лишь чуть душу оставить".—За брань крестьяниномъ прикащика батоги нещадно. Сыскать всѣми крестьяны: за подстрекательство свойственниковъ и друзей убить прикащика, если крестьяне про то скажутъ, бить батоги нещадно, только лишь душу оставить. За покражу 2 ведеръ вина у прикащика дворовую женку, если крестьяне скажутъ, бить батоги, снемъ рубашку: не воруй! Все сыскать всѣми крестьяны. Р. Стар. 1890 г. февр. 575 — 580: „Помѣщикъ XVII в." А. Востокова. Ср. Чт. О. И. и Др. 1883 I, 1—59.

Важская грамота 1552 г. (А. Э. I, р. 238) объ обязательномъ возвратѣ выходцевъ—старыхъ тяглецовъ, крестьянъ должно сажать на старыя мѣста, гдѣ кто жилъ. Это не старина, какъ источникъ личной зависимости, а полицейская мѣра противъ переселеній, распространявшаяся и на черныхъ. (Ист. Б-ка т. XIV. №72. Адріановъ Ж. М. Н. Пр. 1895, № 1).

Вліяніе холопства на крестьянскую крѣпость не дѣло законодательства, всегда различавшаго эти состоянія, какъ Сергѣевичъ, а договорной практики. Законодательство подъ условіемъ ненарушимости государственныхъ интересовъ допускало въ частныхъ отношеніяхъ всякія нормы; тоже и въ ссудныхъ записяхъ—не примѣнять къ крестьянамъ всѣ условія служилой кабалы, а принципъ долговой крѣпости, которая переработалась въ (видъ) безсрочную жилую запись съ тяглыми обязанностями. Калач. въ Лѣт. зан. Арх. Ком. вып. 3, стр. 3.

Фиксація крестьянскихъ крѣпостныхъ договоровъ наказомъ 1646 г. съ потомственной неволей—повтореніе апрѣльскаго указа 1597 г., превратившаго кабальные договоры безсрочные въ пожизненные съ лишеніемъ права возврата долга.

Право продажи и залога крестьянина въ ссудной за-

писи 1690 г. (Акты Юр. быта, I, № 94), а продажа свободныхъ Улож. запрещена.

Мысль Градовскаго о прикрѣпленіи къ тяглу черезъ владѣльца, кому выгоднѣе открѣпить отъ тягла, совсѣмъ неясна. Ист. мѣст. упр. 119. Вѣрнѣе—не смотря на владѣльца или къ владѣльцу подъ условіемъ тягла, а не наоборотъ.

Надѣлы и оброки Забѣлинъ въ В. Евр. 1871, № 1, р. 25.

Податная отвѣтственнность за крестьянъ (противъ Дьяконова). До XVII в., когда крестьяне были свободны, вотчинники не могли быть ихъ хозяйственными опекунами и отвѣчать за ихъ разореніе. Платить дань по силѣ за своихъ крестьянъ—платить по числу крестьянъ съ земли занятой крестьянами, тяглой—полицейское порученіе въ связи съ вотчинной юрисдикціей (1576 г. А. И. I, 195). При крѣпостномъ правѣ, на помѣстныхъ особенно земляхъ, это порученіе стало обязанностью владѣльческой поддерживать платежную способность крестьянъ съ наказаніемъ за ихъ разореніе и запустѣніе помѣстья или вотчины (Котош.). Здѣсь связь съ вѣчностью крестьянской.

Порука за годъ по крестьянинѣ—не срочный договоръ крестьянина, а срокъ поруки. Бѣлев. В-ка 1681 г.

Сергѣевичъ относитъ указъ о прикрѣпленіи къ 1584 или 1585. (Юр. Др. I, 246).

Усиленное закрѣпощеніе людей при Годуновѣ, Ист. Б. 19, 482—3.

Выбѣжавшіе и вывезенные крестьяне около 1580 г. Калач. Писц. 2, 336.

Татищева примѣчаніе на § 81 Суд. 1550 г. объ отставныхъ дворянахъ.

Изучая крѣпостное помѣщичье порядочное хозяйство, видишь, какъ безсмысленный произволъ старался обшиться разумомъ, подобно стыдливому и осторожному тѣлу, старающемуся прикрыть платьемъ свой стыдъ отъ чужихъ глазъ и защитить его отъ вредныхъ вліяній природы.

О челяди—Опис. славян. русск. рукоп. Титова. т. 2, стр. 70.

Полоняники Таннеръ Чтенія 1891, III, 93. Холопы Герберштейн. 16: каб. по животъ не замѣтно.

Помѣстные крестьяне наряду съ вотчиннымъ въ приданое. А. до юр. б. 3., р. 485, XVI, 1694 г.

Наказаніе за просьбу въ холопство № 1099. П. С. З.

Разорит. вывозъ крестьянъ № 1001. ib.

Наказъ сыщикамъ о бѣглыхъ. ib. № 998 и 987. Ср. № 998 и 997.

Переходъ мірскаго крестьянина на выморочный жеребій съ согласія міра. Чтенія въ О. И. 1902, кн. IV. смѣсь, 16.

Юридическій моментъ въ возникновеніи крѣпостной неволи крестьянъ.

— Помѣстныя дѣла, изд. Самоквасовымъ, ч. 2.

Договоры крестьянъ 1628—9 гг.

— Поступныя на крестьянъ безъ земли. Сотницы Шумакова, ч. 4. Чт. въ О. Ист. 1908, IV.

— Крестьянинъ давалъ крѣпость помѣщику, его женѣ и дѣтямъ. Чтен. О. И. 1846, V.